

Эрик Рюкер Эддисон

Змей Уроборос
Роман

Первое издание: март 1922

Перевод с английского:
Александр Вироховский

Е. R. Eddison (1882 – 1945)

Главное произведение Эддисона — роман «Змей Уроборос» — увидело свет в 1922 году. Этот ранний образчик эпического фэнтези был высоко оценен Толкином; считается, что он оказал значительное влияние на стиль «Властелина колец» и особенно «Сильмариллиона». С последним его роднит язык. «Змей Уроборос», возможно, одна из самых убедительных стилизаций под архаические эпосы, что неудивительно — Эддисон был переводчиком скандинавских саг. В отличие от центральной в толкиновских книгах темы — героизма обычного человека в борьбе против вселенского зла, у Эддисона нет четкого различия на черное и белое. Главные герои «Змея Уробороса», благородные повелители Демонландии, сохраняют эпическое бесстрашие к условностям. Таковы же и их противники, даже если они ведут менее честную игру. Самый психологический персонаж — предатель, изменяющий во имя собственных, сугубо ницшеанских идеалов аристократичности поражения и неминуемости упадка.

Валерий Вотрин

Содержание

Заметки переводчика.....	5
ВСТУПЛЕНИЕ.....	16
I. ЗАМОК ЛОРДА ДЖУССА.....	19
II. БОРЬБА ЗА ДЕМОНЛАНДИЮ.....	30
III. КРАСНЫЙ ФОЛИОТ.....	39
IV. КОЛДОВСТВО В ЖЕЛЕЗНОЙ БАШНЕ.....	51
V. ПОСЛАННИК КОРОЛЯ ГОРИСА.....	63
VI. КОГТИ ВЕДЬМЛАНДИИ.....	68
VII. ГОСТИ КОРОЛЯ В КАРСЁ.....	74
VIII. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧЁРТЛАНДИЮ.....	95
IX. ХОЛМЫ САЛАПАНТЫ.....	106
X. ГРАНИЦЫ МОРУНЫ.....	118
XI. КРЕПОСТЬ ЭШГРАР ОГО.....	124
XII. КОШТРА ПИВВАРХА.....	136
XIII. КОШТРА БЕЛОРН.....	156
XIV. ОЗЕРО РАВАРИ.....	165
XV. КОРОЛЕВА ПРЕЗМИРА.....	172
XVI. ПОСОЛЬСТВО ЛЕДИ СРИВА.....	180
XVII. КОРОЛЬ СПУСКАЕТ СВОЕГО СОКОЛА.....	190
XVIII. УБИЙСТВО ГАЛЛАНДУСА КОРСУСОМ.....	199
XIX. СКАЛА ТРЕМНИРА.....	208
XX. КОРОЛЬ КОРИНИУС.....	217
XXI. ПЕРЕГОВОРЫ ПЕРЕД КРОЗЕРИНГОМ.....	221
XXII. АУРВОЧ И СВИЧУОТЕР.....	225
XXIII. ПРЕДСКАЗАНИЕ ИШНАЙН НЕМАРТРЫ НАЧИНАЕТ ИСПОЛНЯТЬСЯ.....	234
XXIV. КОРОЛЬ В КРОЗЕРИНГЕ.....	239
XXV. ЛОРД ГРО И ЛЕДИ МЕВРИАН.....	249
XXVI. БИТВА НА КРОЗЕРИНГ САЙД.....	258
XXVII. ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧЁРТЛАНДИЮ.....	272
XXVIII. ЗОРА РАХ НАМ ПСАРРИОН.....	284
XXIX. ФЛОТ В МУЭЛЬВЕ.....	292
XXX. ВЕСТИ ИЗ МЕЛИКАФКАЗА.....	295
XXXI. ДЕМОНЫ ПЕРЕД КАРСЁ.....	304
XXXII. ГИБЕЛЬ ВСЕХ ЛОРДОВ ВЕДЬМЛАНДИИ.....	321
XXXIII. КОРОЛЕВА СОФОНИСБА В ГЕЛИНГЕ.....	333
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: С ДАТАМИ.....	346
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СТИХАХ.....	349
СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ.....	352
Об авторе.....	361
Библиография.....	362
Список гравюр и рисунков.....	362
William Thompson. Mistress of Mistresses. Review.....	363
Иллюстрации.....	365
Карты.....	365
Обложки оригинальных изданий.....	370
Оригинальные иллюстрации.....	371

В.Г.Е. и моим друзьям К.Х. и Г.С.Л я посвящаю эту книгу

Это не аллегория и не сказка, а История, которую надо читать ради нее самой.

Все имена я пытался писать как можно проще. В имени Карсё «ё» — длинное, в Крозеринг «о» — короткое и ударение на этот слог; в Корунд — ударение на первый слог, в Презмира — на второй, в Брандох Даха — второй и четвертый, Горис — на последний; Кориниус рифмуется с Фламиниус, Гелинг с селинг, Ла Фириз с дезире из, «х» — всегда горловое.

Э.Р.Э.

9 января 1922 г.

*Над быстрой речкой верный Том
Прилёт с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.*

*Зелёный шёлк — её наряд,
А сверху — плащ красней огня.
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.*

*Её чудесной красотой,
Как солнцем Том был ослеплён.
— Хвала Марии Пресвятой! —
Склоняясь ниц, воскликнул он.*

*— Твои хвалы мне не нужны,
Меня Марией не зовут.
Я — королева той страны,
Где эльфы вольные живут.*

*Побудь часок со мной вдвоём,
Да не робей, вставай с колен,
Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадёшь надолго в плен.*

*— Ну, будь что будет! — он сказал. —
Я не боюсь твоих угроз! —
И верный Том поцеловал
Её в уста краснее роз.*

Томас Рифмач

Заметки переводчика

Прежде всего сокращения:

ЭРЭ – Эрик Рюкер Эддисон, ЗУ – Змей Уроборос, ЛП – Литературные Памятники.

В этой статье я хочу объяснить свое видение ЗУ и, думаю, ее будет полезно прочесть перед самим ЗУ. И это будут именно «заметки», не слишком связный текст. О самом ЭРЭ см. очень хорошую статью на Фанлабе*. Добавлю только одну деталь, важную для нас: он был женат, у пары была дочка, и еще впоследствии они усыновили мальчика, который стал летчиком и погиб на Второй мировой войне.

1. Как я узнал о ЗУ.

Еще несколько месяцев назад я и не подозревал о существовании ЗУ и ЭРЭ. Но когда я переводил вторую часть романа Райта «Война Спящих» – «Туманы Эвернесса», мне попала ссылка на Зимиамвию. Лезу в Интернет и узнаю, что это ссылка на ЭРЭ. Поначалу меня это не заинтересовало. Приписал в соответствующем месте комментарий и все. Потом, когда перевод был закончен, я, случайно, прочитал ЖЖ Валерия Вотрина о непереведенных книгах. Там упоминался и ЗУ. И, наконец, один из уважаемых фанлабовцев, Вероника, написала, что она никогда не прочитает ЗУ. Вот это был уже вызов, и я решил сам почитать, что же это за зверь. А начав, уже трудно оторваться, вещь затягивает. Поэтому я решил, что Джин Вулф «Воин Сидона», который я уже наметил для перевода, подождет и взялся за ЗУ.

2. Текст.

Обычно книги для перевода я покупаю на Abebooks по средней цене \$1 за штуку (правда был случай и за 10 центов). При этом я, конечно, плачу не автору и не издательству, а Американской Почтовой Службе, поскольку пересылка стоит еще 8-10 долларов. Но, к счастью, все права на ЗУ уже истекли, и текст вполне доступен в рамках проекта Гуттенберг. Обычно я не люблю иметь дело со сканами – в них слишком много опечаток. Но тут решил сделать исключение, Гуттенберг думаю, серьезные люди и... слегка ошибся. И там тема опечаток. К счастью, помимо Гуттенберга текст выложен еще на нескольких сайтах, так что сравнивая всегда можно найти правильный. Из опечаток отмечу самую смешную: написано том (американский сленг, мать), должно быть *tom* (средневековое слово: утро, завтра).

3. Язык

Самое необычное в ЗУ. Вот две первые строчки:

TRUE Thomas lay on Huntlie bank,

A ferlie he spied wi his e'e;

дословный перевод:

Верный Томас лежал на берегу Хантли

И увидел чудо собственными глазами.

* Текст статьи об ЭРЭ приведен в конце данного издания (прим. редакции)

Ну, люди опытные сразу узнали балладу Томаса Рифмача, но я хочу обратить внимание на слова «ferlie», «wi», «e'e», которые безусловно не входят в современный английский. Обычно в ЗУ нет ничего случайного, и безусловно эта баллада тоже появилась здесь не случайно.

Она сразу задает язык, которым будет рассказана эта история. Для себя я называю этот язык Шекспировским, но он называется Якобинским, писали (и говорили) на нем в 15-17 веках.

Давайте посмотрим несколько примеров этого языка:

3.1 Во что одето небо?

В начале восьмой главы описывается ночное небо и вот один из его эпитетов: «starry-kirtled». Ну «starry» это звездное, а вот что такое «kirtled»? Лезем в словарь и он сообщает нам, что это тот, кто носит «kirtle». Замечательно, а что такое «kirtle»? Тот же словарь пишет, что это слово имеет два значения:

1. Женская нижняя одежда, вроде туники, которую носили в Германии и Голландии в 16-17 веках

2. Мужская короткая одежда, камзол или куртка.

Кроме того есть и русское слово киртл, которое не знает никто, кроме специалистов по средневековой одежде. Полюбовавшись в Интернете на картины великих голландских художников, на которых изображены женщины в парадных платьях, из-под которых виден «kirtle», все таки я спросил себя, а как же это перевести? Неужели небо, одетое в звездную женскую нижнюю одежду? Опять лезем в Интернет и, удача, находим, что выражение «starry-kirtled» было использовано переводчиком трагедии Эсхилла «Прометей Прикованный». Перевод вышел в 1919 г. и безусловно ЭРЭ его знал. Глядим в русский перевод соответствующего места и находим нужное нам выражение: «звездное платье». Никаких киртлов. В результате появляется начало фразы: «БЛАГОУХАННАЯ ночь середины лета, одетая в звездное платье...» и т.д. Весь процесс занял полчаса. Запомним, Эсхилл, Прометей.

3.2 Куда смотрит мужчина

В 23-ей главе Кориниус говорит на военном совете:

«But there is no one beam of these thoughts your discourse hath planted in me, but is able to discern a greater cloud than you do go in».

Н-да. Все слова вроде понятны, смысл не складывается. Лезем в Интернет. Выясняется, что это фраза из неоконченного романа Филиппа Сидни «Аркадия», которая, к тому же, цитируется по всей видимости по памяти (с небольшими изменениями). О романе можно прочитать на сайте Википедии, там же о Филиппе Сидни или, лучше, в ЛП Сидни. Лезем в сам роман и это ничего нам не дает, кроме того, что речь идет о зрении мужчины. После некоторых мучений я понимаю, что все дело в слове «discern» (разглядеть, видеть), которое имеет какое-то совсем другое значение. И, о чудо, в одном из словарей средневекового языка, который предлагают скачать за 20 фунтов, но отрывок дают, находим нужное значение: затмевать! а не смотреть, то есть наоборот. И после небольшой обработки получаем витиеватую, как и все у Сид-

ни, фразу: «Но ни одно растение, которые вы вырастили вокруг меня вашими речами, не способно затмить мой взгляд больше, чем облако, в котором я уже нахожусь.» Не сразу поймешь и русский классик сказал то же самое намного проще: «А Васька слушает, да ест!». К сожалению русских классиков нельзя использовать... Весь процесс занял два часа. Запомним, Сидни, Аркадия (кстати 1-ая английская пастораль).

3.3 Сколько рядов зубов у мантикоры?

Там, где лорд Гро рассказывает о мантикорах, употреблено загадочное числительное «ij». Это сколько? Сначала я решил что это опечатка, посмотрел по всем доступным текстам, нет, не опечатка. И решил что это «несколько», так и перевел. Но потом, под влиянием пана Сапковского, у которого три ряда, решил проверить. Выяснилось, что в тексте «ij» встречается еще несколько раз, и еще встречается «iij». Все это вместе убедило меня, что это — два, и в средневековье так иногда писали. Опять-таки проверяем и в Интернете и видим, что, действительно, в некоторых алхимических трактатах именно так и написано. Итак, ответ: у мантикор Эддисона два ряда зубов! Быть может у Сапковского какой-то другой подвид мантикор... Запомним: алхимия.

3.4 О легких и трудных путях.

Я провел небольшой опрос на Фанлабе.

О его результатах я еще поговорю. Один из участников опроса написал примерно так: «Я прочитаю ЗУ сам, без всякого переводчика». Я осторожно ответил, что это не очень просто. «Тем лучше — ответили мне, — я не ищу легких путей». Хорошо. Вот для таких я приведу еще один отрывок (обещаю последний!):

*Soo schel your hous stonde and bee
Unto eternytee
Yet walke warilie
Wyttinge ful sarteynlee
That if impiouslie
The secounde tyme in the bodie
Practisinge grammarie
One of ye katched shulle be
By the feyndis subtiltee
And hys liffe lossit bee
Broke ys thenne this serye
Dampned are you thenne eternallie
Yerth shuldestow thenne never more se
Scarsly the Goddes mought reskue ye
Owt of the Helle where you woll lie
Unto eternytee
The sterres tealde hit mee.*

Это предсказание о судьбе королевского рода Горисов. Написано оно не на современном английском (спаси и помилуй!) и даже не на Якобини-

анском английском. Этот язык называется Middle English (Среднеанглийский), и на нем писал, например, Чосер. На его северном диалекте (а именно им в основном пользуется ЭРЭ) написан такой шедевр как «Сэр Гавейн и зелёный рыцарь», который ЭРЭ конечно цитирует. Это стихи, двухстопный дольник, со сплошной рифмовкой, 2-ая и предпоследняя строчки совпадают. Лично у меня ушло 2 часа на то, чтобы составить подстрочник (в тексте романа я привожу его в примечаниях), и еще часа три на рифмовку. К сожалению мне не удалось соблюсти все формальные признаки: я использовал трехстопный дольник, рифмовку по строфам и не сохранил тождество 2-ой и предпоследней строк. Итак: если кто-нибудь прочитает (и поймет!) эти 17 строк за две минуты, ему не нужен никакой переводчик, он может и должен читать текст сам. Если кому-то, как мне, для этого нужен час-два, то чтение романа будет непростым занятием, но он может его прочитать, приложив определенные усилия. Но если вы потратите на это часов пять и все равно ничего не поймете, то вы не в состоянии прочесть ЗУ и должны читать перевод (или не читать вообще, что и выбрали 4/5 участников опроса). Кстати, если кто-нибудь пришлет мне более лучший поэтический перевод, с соблюдением формальных особенностей оригинала, я с удовольствием вставлю его в свой текст.

Теперь, надеюсь, я убедил всех, что ЗУ написан очень сложным языком с бесконечными цитатами из самых разных авторов. Кто же эти авторы? Вот далеко не полный список: Гомер, Эсхилл, Тацит, Вергилий, «Беовульф», Мелори, Чосер, Сидни, Уэбстер, Марло, Грин, Шекспир, Чосер, Бомонт и Флегчер, сэр Томас Браун, скандинавские саги, и, переходя к более близкому к нам времени, Озерная Школа (особенно Китс и Саути), и даже Достоевский (Преступление и наказание). Что касается Шекспира, то в каждом абзаце есть по несколько шекспировских слов и словечек, а если мы будем перечислять откуда они заимствованы, то проще открыть все Фолио 1623 года. На этом фоне, кстати, заметно, насколько мало в ЗУ библеизмов, хотя ведь и они. И почему? Почему ЭРЭ использовал такой язык и сослался на все и вся?

Ну, творческая лаборатория писателя святая святых, но все-таки. По моему ЭРЭ ни коем случае не писал фэнтези (такого термина тогда еще не было). Он задумал написать рыцарский средневековый роман средневековым же языком. По-видимому средние века он любил куда больше своего времени. Ну а дальше его занесло, и он создал роман-тайну, роман с двойным и тройным дном, а для такого романа нужен трудный язык, понятный только посвященным. А у средневекового романа свои законы. Вот что пишет, например, современный исследователь И.Н. Осинковский по поводу роман Томаса Мора «Утопия» (из которого, кстати, Эддисон тоже позаимствовал пару выражений): «Текст Утопии, как и многие другие сочинения той эпохи, насыщен скрытыми цитатами из античных и средневековых авторов, аллюзиями, перефразами. Роман Т.Мора («Золотая книга») был рассчитан на соответствующую реакцию читателей, потому что в XVI веке образованный человек был способен ощутить в тексте то единодушие с каким-нибудь античным автором,

то полемику с ними, то пародию на них. Таким образом чтение превращалось в своеобразную беседу посвященных.»

Какие же смыслы можно найти в ЗУ? Я приведу несколько, и это далеко не исчерпывающий список.

1. Вспомним Эхилла и Прометея. Сам Прометей на страницах романа не появляется, но его тема звучит постоянно. Так что можно понять ЗУ как описание борьбы людей с богами и богов и с людьми.

2. В тексте постоянно используются слова, темы и целые сцены из Гомера, вроде «неплодного моря» или сцены борьбы во 2-ой главе, которая перешла прямо из Илиады, из сцены Игр в честь Патрокла. Вполне можно сравнить Джусса и Одиссея, оба мечутся по свету в поисках чего-то там, так что одно из истолкований: Одиссея и все, что с ней связано. Тем более, что примерно в это же время вышел роман Джойса «Улисс», и хотя, безусловно, они никак друг с другом не связаны, но идеи носятся в воздухе.

3. В тексте постоянно упоминается алхимия, произносятся фразы на латыни, как бы заклинания, мы побываем в лабораториях алхимиков, увидим их за работой. Почему бы не предположить, что ЗУ — алхимический трактат о поисках философского камня и его обретении? Текст вполне дает для этого возможность. Кроме того Змей Уроборос известный алхимический символ.

4. Не забудем и моральную сторону, можно относиться к героям как воплощению некоторых моральных принципов, и тогда весь роман происходит борьба и соперничество между ними, как у Филиппа Сидни. Тогда это средневековый роман о воспитании.

5. Ну и то, что лежит на поверхности: рыцарский роман, эпос, сражение демонов и ведьм за власть над миром, трагическая история, как и полагается эпосу.

Безусловно можно предложить и другие интерпретации. В целом получается загадка, тайна, которую подчеркивают и другие детали, о которых мы поговорим позже.

4. Название.

Ну по-английски очень просто «The Worm Ouroboros». А по-русски?

Проблема в слове «Worm». Я встречал три варианта названия на русском: «змей», «червь» и даже «дракон». Здесь надо иметь в виду, что ЭРЭ старается использовать средневековые значения слов, а не современные. Если бы он хотел написать «червь», то написал бы maggot. Нет, он имел в виду именно символ времени, который держит во рту свой хвост, и конечно это Змей Уроборос, или (как в скандинавских сагах) Змей Ёрмунганд.

5. Вступление и кто такой Лессингем

Отдельных слов заслуживает вступление, которое почему-то многие считают не нужным или даже вредным, только мешающим. В оригинале ЭРЭ использует слово Induction. Крайне многозначное. В средневековье оно значило как раз «вступление», «введение», а сейчас означает еще и «вход», и «официальное введение в должность» и «индукция», и «индуктивный метод». Тем самым мы с первого же слова понимаем, что это будем и архаичное, и совре-

менное повествование, в которое надо войти, погрузиться, и только потом оно откроет нам свои тайны. В том же вступлении Лессингем говорит своей жене «Только ты и я знаем, что оно значит на самом деле». Это, можно сказать, девиз всего романа, тайны появляются и не объясняются, каждый сам может придумать собственный вариант ответа.

Кто же такой этот Лессингем, чьими глазами мы видим происходящие события, и который, в свою очередь, видит их во сне? Вспомним, что действие начинается в Озерном Крае, который ЭРЭ очень хорошо знал и любил. Все топонимы, упоминаемые нам, настоящие, так что можно даже установить место, где находится дом Лессингема. Кроме того у него есть жена и дочка. Вначале я решил, что Лессингем — это Кольридж, немного облагороженный. Живет в Озерном Краю, видит сны и пишет о них. Но нет, не подходит, совсем другие жизненные обстоятельства, да и Хэзлит писал про Кольриджа, что тот не слишком хорошо знает Шекспира — ужасное оскорбление. Так что Лессингем — это сам ЭРЭ, который на гиппогрифе своего воображения (позаимствованном из Неистового Роланда) взмывает в небо и оказывается... где? На Меркурии? Гмм. Здесь я склонен видеть литературную игру, ибо обитатели Меркурия называют себя людьми, и все у них как у людей, только время такое неопределенное, но ближе к 16-ому веку, и карта мира совсем другая. Так что нет, никакой это не Меркурий, а альтернативная земля. Ясно, что начать сразу с этого момента было совершенно невозможно — не принято в те годы, обязательно нужен был провожатый (вспомним Данте), так что автор сам нас за руку подвел к этому миру. Ну и конечно автор не может вмешиваться в Историю — он ее лишь описывает. После чего («Мавр сделал свое дело») исчезает, оставив нас наедине с этим миром. Не сразу поймешь, но народы, обитающие в этом мире: демоны, пикси, ведьмы и т.д., это просто название наций, как англичане или французы. У демонов правда есть небольшие рожки, но это никак не обыгрывается и опять-таки упоминается только для того, чтобы показать альтернативность этого мира.

6. Читатель.

Когда писатель пишет что-то, он всегда держит в уме образ читателя. На какого читателя рассчитывал ЭРЕ? Вспомним о «беседе посвященных». Читатель ЗУ должен:

- (а) знать Шекспировский английский и Среднеанглийский;
- (б) знать некоторые шедевры мировой литературы;
- (с) разбираться в древненорвежских сагах и мифологии;
- (д) знать досконально английскую литературу и угадать любое произведение по нескольким словам;
- (е) знать античную мифологию;
- (ж) знать античную историю (во всяком случае обязан помнить 2-ую Пуническую войну);
- (з) знать латынь и разбираться в алхимии.

Такой вот список. И что, интересно, кончали вот такие посвященные?

Известно что, Оксфорд и Кембридж. То есть ЗУ рассчитан на выпускников «Охбриджа», которые любят и знают саги. Таких людей изначально не могло быть слишком много, но я знаю некоторых, которые точно все это знали. Конечно инклинги, с Толкиеном во главе. А сейчас? И сейчас есть такие, и даже много, судя по постоянным переизданиям ЗУ. А я? На кого рассчитывал я, переводя ЗУ? В точности на таких же, за исключением пункта (а) и (з) и, частично, (д). Все-таки Шекспира надо знать, деваться некуда. Поэтому я хочу написать несколько обидные слова: если вы не читали Гомера, не знаете, кто такой Ганнибал и не читали, например, Младшей Эдды, лучше ЗУ тоже не читать.

7. Принципы перевода.

Ох, не надо бить переводчика ногами. Я считаю себя достаточно опытным переводчиком, все-таки 22 переведенных больших романа, но с таким уровнем сложности столкнулся впервые. Уже Шекспировский язык не самая простая штука, но Среднеанглийский, бесконечные шотландизмы, цитаты, пословицы и поговорки, и очень много стихов. В общем было над чем поломать голову. Со Среднеанглийского я вообще перевожу впервые, и поначалу ничего не понимал. Спасибо моей дочке, которая кончила Иерусалимский Университет по средневековой литературе вообще и по Чосеру в частности.

В принципе текст представляет стилизацию и по Мешалкиной относится к категории T2: «автор оригинала сознательно прибегает к приему исторической стилизации и перевод выполняется в эпоху написания оригинала. Это современные архаизированные тексты, а их перевод называется синхроническим».

Там же есть некоторые приемы перевода. Но лично мне больше нравится совсем короткая статья И. М. Бернштейн, где она описывает приемы при переводе Мэлори «Смерть Артура» (см. ЛП). Все особенности стиля Мэлори: ровное прозрачное повествование, ритмические обороты, постоянные эпитеты и неожиданные красочные сравнения, пословицы и т.д. — все есть и в ЗУ.

При этом герои то говорят «высоким штилем», то начинают ругаться, как дворники, ЭРЭ смешивает стили, играет словами, то употребит архаизм, то современное слово. В общем за образец я выбрал девятнадцатый век с примесью — но не очень большой! — архаизмов. Среднеанглийский передавался церковнославянским. НО! Текст должен быть понятен — вот главная задача, которую я себе поставил. И если был выбор: ввести очередной архаизм или сохранить текст понятным, я всегда выбирал второе.

О пословицах. Герои так и сыплют пословицами и поговорками. И, обычно, очень старыми, тех же XV-XVII веков, обычно переводы с латинского или греческого, реже итальянского. Общий совет в таких случаях — переводить пословицы соответствующими пословицами. Но в данном случае эти пословицы уже давно не используются и для англоязычного читателя они также не затерты, ярки, как и для русскоязычного. Поэтому за небольшим исключением я оставляю пословицы такими, какие они есть.

О стихах. ЭРЭ цитирует множество стихов. Кроме того он сам перевел с греческого Анакреона. То, что я смог найти в сети и мне понравилось, я вставил в перевод. То, что не смог, или мне не понравилось, перевел сам. И есть, конечно, проблема авторских прав на переводы. Так что если кто-то решит, что я не имею права использовать его перевод, то я, конечно, выброшу и переведу сам. В конце я указываю как со мной связаться.

Об ошибках. Повторюсь, текст очень сложный, и, хотя я очень старался, мог и ошибиться, полной уверенности у меня нет. Текст ЗУ доступен в сети, любой может меня проверить. Если вы уверены, что я ошибся, или просто предлагаете свой вариант перевода того или иного места, пишите мне. НО! Всегда надо иметь в виду, что ЭРЭ очень часто, почти всегда, использует устаревшие значения слов. Так что если вы заглядываете в словарь и видите значение под номером 10 с пометкой «устарело», или «книжное» или «архаизм», знайте — это оно. Приведу конкретный пример собственной ошибки: liquid eyes. Что тут думать, водянистые (жидкие) глаза. Один раз, второй, третий. Что-то не то. Гляжу в словарь и с ужасом вижу, что это вовсе не жидкие, а прозрачные, ясные (устарелое значение). То есть правильный вариант: ясные глаза.

И еще один момент. «Ты» и «Вы». Обычно всегда непонятно, кто к кому на «ты», а кто на «вы», но не в ЗУ. В этом английском есть «ты»! И все герои (аристократы) друг с другом на «ты», и даже дамам они говорят «ты» и дамы им. Простолюдины, конечно, всегда на «вы». Только к Королю все обращаются на «вы», кроме одной сцены в конце, когда Джусс посмел с ним говорить на «ты», и Горис страшно обиделся.

8. Комментарии

Самая сложная и болезненная тема. Если посмотреть, например, испанское издание, о котором речь впереди, то там больше 300 комментариев, в которых сообщается о параллельных местах, освещаются реалии и предлагаются истолкования сложных мест. При этом они пропустили минимум половину цитат и параллельных мест, и нет никаких проблем их комментариев увеличить вдвое или втрое (например, Достоевского они не заметили). Если посмотреть на издание «Утопии» в ЛП, там комментариев больше самого текста, и еще приведено множество параллельных текстов, без которых трудно понять основной. Если бы я взялся писать полный комментарий, это еще на несколько месяцев. Поэтому, действуя по принципу все или ничего, я выбрал ничего.

Основные комментарии к стихам я вынес в самый последний раздел, параллельные места не даю вообще и кратко поясняю реалии, в надежде, что мой высокообразованный читатель либо все это знает сам, либо заглянет в Интернет и все узнает. Кроме того бессмысленно давать, скажем, указание на то, что эта фраза из Сидни, если соответствующая вещь на русский не переведена. Ну а те что переведены, зачастую узнать невозможно. Вряд ли кто догадается, что фраза «Увы и ах» в оригинале заимствована из стихотворения Генриха VIII (которое, кстати, переведено на русский). Именно в этом и проблема:

то, что красочно и необычно выглядит в оригинале, стирается и становится самым обычным выражением (вроде «звездной одежды») в переводе и девать-ся тут некуда.

9. О недостатках ЗУ.

ЗУ много и активно критиковали, в основном ни за что. Например многим не понравились имена. ЭРЭ придумал их в десятилетнем возрасте и не захотел менять уже окончательном варианте, как память о детстве. Более серьезное обвинение: все герои, кроме Гро, имеют один характер. Ничего подобного. Все разные, и Корунд никак не походит на Кориниуса, а Джусс на Брандох Даха. Но да, у них есть что-то общее, и это, безусловно, архетип средневекового воина и джентльмена, от которого каждый из них в разные стороны отходит.

Еще более серьезное обвинение: герои равнодушно воспринимают мир, сохраняют эпическое бесстрашие. Нет, неверно. Это автор сохраняет эпическое бесстрашие, для него нет ни плохих, ни хороших, и в этом ЭРЭ безусловно подражает Гомеру, который одинаково любит и греков и троянцев. А сами герои, наоборот, очень даже страстны и, зачастую, импульсивны.

Вот известный отзыв Суэнвика: «Это зимьямвианская трилогия Э. Р. Эддисона: «Повелительница повелительниц», «Рыбный обед в Мемисоне» и «Мезентийские ворота». «Змей Уроборос», которого принято считать первой книгой эпопеи, — вещь довольно слабая и сюжетно связана с остальными частями не слишком тесно, так что лучше читать эту книгу в последнюю очередь, просто как приложение. Сама же трилогия — весьма крепкий напиток для любителей прочно сработанной прозы».

Лично я не согласен с Суэнвиком ни в чем.

Во-первых некорректно сравнивать законченную вещь (ЗУ) с незаконченной трилогией. Сам я трилогию не читал, но отзывы посмотрел, и большинству людей она не понравилась, а ЗУ понравился всем, кто сумел прочесть. Как заявил один из читателей: ЗУ — это Гомер, трилогия — Макиавелли, и большинство людей конечно выберет Гомера, а не наоборот (хотя Суэнвик, конечно, наоборот). Так что оставим этот отзыв на совести Суэнвика.

Во-вторых ЗУ может и связан с трилогией, но вещь безусловно законченная и сама по себе. И притягивать ее за уши к чему бы то ни было — очень странно. Кроме того в трилогии уже нет того языка и, соответственно, той литературной игры, которая пронизывает ЗУ. Это не «беседа посвященных», увы. То, что сделало ЗУ уникальным явлением в литературе, в трилогии благополучно исчезло.

10. О картах и иллюстрациях и Заглавных буквах

Карты необходимы! Без них зачастую ничего не понять. Тем не менее карта Демонландии появилась только в издании 1926 г, а карта всего мира и вовсе в 1978, художник Давид Бидл. Иллюстрации самого ЭРЭ, которые он сделал еще десятилетним мальчиком, когда придумывал эту историю.

Заглавные буквы — особая песня. ЭРЭ пишет все с заглавных букв! Названия народов, танцев, месяцев и т.д. Сначала я следовал ЭРЭ. Потом переде-

лал все, как положено по-русски: мы пишем не Французы, а французы. Но потом, еще раз подумав, переделал почти все обратно. Дело в том, что речь идет о средневековом романе. А в средневековье очень любили большие буквы, просто таки обожали. И, я уверен, ЭРЭ если бы мог, еще бы и раскрасил первые буквы каждой главы, опять таки чтобы придать средневековый колорит тексту. Так что я сохранил заглавные буквы почти везде.

11. ЭРЭ и Толкиен.

Ну, как я уже говорил, при выходе ЗУ никто не заметил, кроме очень узкого круга людей. Зато одним из людей этого круга был Толкиен, который, кстати, высоко ценил ЗУ, но всегда отрицал влияние его на себя. И действительно, у них больше разного, чем общего. Общее: оба знали наизусть всю английскую литературу и половину мировой, любили саги и Шекспира. Различный больше: ЭРЭ старше, кончал Кембридж, а Толкиен Оксфорд, ЭРЭ — крупный чиновник, Толкиен — профессор, ЭРЭ скорее язычник, Толкиен — убежденный христианин, и, наконец, главное: основная тема Толкиен — героизм обычного человека в истории вообще и борьбе против мирового зла в частности, а у ЭРЭ простых людей почти нет, они не играют почти никакой роли, главные — короли, герцоги и князья, они решают судьбы народов, они либо сами зло, либо боются против зла, но они и только они творят историю.

Так что действительно ЭРЭ на Толкиена никак не повлиял, кроме одного момента. Когда я дочитал до этого места в книге, чуть со стула не упал. В один из моментов герои назвали свой мир Средиземье. Цитата из будущего? Нет, из прошлого, из Беовульфа, например, где это слово в форме middangeard встречается постоянно. Но мне бы очень хотелось, чтобы именно здесь Толкиен воспользовался словом ЭРЭ и назвал свой мир по ЗУ, хотя, конечно, мог взять непосредственно из Беовульфа.

12. Влияние на других фантастов.

Википедия говорит о Карле Эдварде Вагнере и Майкле Суэнвике («Драконы Вавилона»). Не читал. Но я имел честь переводить две книжки, на которые ЗУ безусловно повлиял. Одна — «Светоносец» Оливера Джонсона, где змей, кусающий себя за хвост, встречается чуть ли не на каждой странице, а концовка почти копирует ЗУ. Вторая — уже упомянутая «Война Спящих». Причем Райт настолько вдохновился ЗУ, что действие некоторых сцен происходит прямо в Эвердейле, а если бы я написал комментарии для ЗУ, то часть мог бы взять из комментариев для «Войны Спящих», поскольку Райт использует чуть ли не фразы из ЗУ.

13. Об изданиях ЗУ.

Первый раз ЗУ вышел в 1922 г. и его почти никто не заметил. Издание не редкое, на абеbooks можно купить за 800-1200 долларов. В 1926 г. вышло первое американское издание. До войны все. А вот после успеха «Властелина Колец» издатели кинулись искать еще в таком же духе и вспомнили о ЗУ. С того времени вышло 5-6 изданий. Есть перевод на немецкий — не видел. И еще перевод на испанский. Этот доступен в сети и издан почти как ЛП: в на-

чале 3 очень больших статьи об ЭРЭ, ЗУ и разных аспектах текста, есть иллюстрации, карты и больше трехсот примечаний. Вот так я бы хотел, чтобы издали мой (или чей-то другой) перевод. Ну, мечтать не вредно...

А что на русском? На русский переведен только 3-ий том зимиамвианской трилогии «Повелительница повелительниц». Переводчик — всем известный О. Колесников. Но даже он не сумел добиться издания на бумаге. В сети есть демо-отрывок, полностью текст надо покупать в виде электронной книги (e-book) на сайте Публикант. И все.

И тут я немного порассуждаю о возможности русского перевода. Самое время вспомнить мой опрос на Фанлабе. Его итоги: из 237 проголосовавших 154 не слышали о ЗУ, а книжку купили бы только 50 человек (для которых я и переводил). То есть с точки зрения торговли вещь бесперспективная.

Тем не менее обычный совет в такой ситуации: ходить по издателям и умолять их издать перевод. Именно так поступил Юрий Соколов, переведший «Ночную Землю» Ходжсона. И ходил он 17 (!) лет... И после каждого похода все больше и больше сокращал свой перевод. Ну, «Ночной Земле» это точно пошло на пользу, но для ЗУ совершенно невозможно, зачастую слова нельзя выкинуть, не то что фразы.

И закончить я хочу цитатой из замечательного каталонского писателя 15-ого века:

«... а ежели найдете вы в моем труде недостатки, так поверьте, сеньор, виной тому отчасти язык английский, ибо есть в книге места, не поддающиеся переводу» (Ж. Мартурель «Тирант Белый»)

С уважением, Александр Вироховский.

ВСТУПЛЕНИЕ

Был человек по имени Лессингем, который жил в Вастдейле, в старом низком доме, стоявшем в старом сером саду, заросшим тисами, которые еще саженцами видели нашествие викингов на Коупленд. По краям сада цвели лилии, розы и шпорник, а на клумбах перед подъездом бегонии, большие как блюдца, красные, белые, розовые и лимонные. На стены карабкались жимолость, ломонос, факельные лилии и ползучие розы. Толстые стволы деревьев росли и за садом, везде, кроме северо-востока, где можно было видеть одинокое озеро и, за ним, высокие горы: могучий Габель поднимал увенчанную скалами голову к небу из-за прямых и чистых очертаний Скризов.

Холодные длинные тени тянулись к теннисному корту. Воздух светился золотом. На деревьях курлыкали голуби; два зяблика играли на ближайшем столбе сетки, по дорожке бежала маленькая трясогузка. Через открытую стеклянную дверь, выходящую в сад, можно было увидеть столовую, обшитую старым темным дубом с якобианский столом, на котором стояли вазы с цветами, серебряная посуда, стеклянные бокалы и веджвудские тарелки со сливами, персиками и зеленым мускатным виноградом. Лессингем лежал в гамаке и через голубой дым послеобеденной сигары глядел на розы «Слава Дижона», теснившиеся около окна спальни. Рукой он держал ее руку.

Это был их Дом.

— Не закончить ли Ньяля? — спросила она.

Она взяла тяжелый том с выцветшей зеленой обложкой и прочитала: — В ночь на воскресенье, за двенадцать недель до зимы, Хильдиглум вышел из дому и услышал сильный грохот. Ему показалось, что земля и небо трясутся. Хильдиглум посмотрел на запад и увидел там огненный круг и в нем человека на сером коне. Этот человек скакал во весь опор и быстро пронесся мимо. В руках у него была пылающая головня. Он проехал так близко от Хильдиглума, что тот мог хорошо рассмотреть его. Он был черен как смола. Он сказал громким голосом такую вису:

Скачет мой конь —

Влажная челка,

Иней на гриве,

Зло я несу.

Горит головня,

Отравы полна.

Козни Флоси —

Огонь на ветру.

Козни Флоси —

Огонь на ветру.

Хильдиглуму показалось, что он бросил головню на восток, в горы, и там вспыхнул такой большой пожар, что гор не стало видно. Хильдиглуму показалось затем, что он поскакал на восток, в огонь, и там исчез. Затем Хильди-

глум вошел обратно в дом и долго лежал без чувств, прежде чем снова пришел в себя. Он помнил все, что увидел, и рассказал своему отцу, а тот велел ему рассказать Хьяльти, сыну Скетги. Хильдиглум поехал и рассказал ему.

— Ты видел призрака, — сказал Хьяльти. — Это не к добру¹.

На какое-то время наступила тишина, а потом Лессингем внезапно предложил: — Что ты скажешь, если этой ночью мы поспим в восточном крыле.

— В Комнате Лотосов?

— Да.

— Сегодня мне лень, дорогой, — ответила она.

— Что ты скажешь, если я пойду один? Я вернусь к завтраку. Я бы хотел, чтобы моя дама пошла со мной, но мы сможем сходить опять, когда луна пойдет на убыль. Моя лапочка не испугается, а?

— Нет! — засмеялась она. Но ее глаза расширились, а пальцы стали играть с цепочкой от часов. Спустя какое-то время она опять заговорила. — Я бы хотела, чтобы ты пошел попозже и взял меня с собой. Здесь все так странно: и Дом и вообще все; я так это люблю. Но, в конце концов, в Комнате Лотосов можно пробыть очень долго, иногда несколько лет, даже если ты вернешься завтра утром. Я бы хотела, чтобы мы пошли вместе. Тогда, если что-нибудь случится, то мы оба влипнем, и не важно, насколько сильно, ведь так?

— Мы оба что? — спросил Лессингем. — Я боюсь, что твой язык... это не то, что бы мне хотелось.

— Ты сам учил меня! — сказала она и они рассмеялись.

И они сидели, пока тени на напользали на корт и деревья, а высокие каменные плечи гор не загорелись под лучами заката. — Если тебе захочется прогуляться по склону горы, — сказал он, — сегодня ночью можно увидеть Меркурий. Мы можем взглянуть на него сразу после заката.

Немного погодя, стоя среди охотящихся летучих мышей, они глядели на тусклую планету, которая наконец показалась низко на западе, между закатом и тьмой.

— Как если бы Меркурий указывает на меня пальцем, Мери, — сказал он. — Мне будет плохо, если этой ночью я попытаюсь заснуть где-нибудь в другом месте, а не в Комнате Лотосов.

Ее рука сжалась на его. — Меркурий? — спросила она. — Это другой мир. Такой далекий.

Но он только усмехнулся. — Совсем не такой далекий.

Тени стали глубже, и они вернулись обратно. Когда они стояли в темноте под аркой, ведущей в сад, из дома донеслись ясные звуки спинета. Она подняла в воздух палец. — Слушай! — сказала она. — Твоя дочь играет Les Barricades².

Некоторое время они стояли и слушали. — Она любит играть, — прошептал он. — Я рад, что мы научили ее играть. — Он замолчал, потом, внезап-

1 Сага о Ньяле, перевод М. И. Стеблин-Каменского.

2 Загадочные Баррикады, французский, рондо Франсуа Куперина (1668-1733).

но, опять зашептал, — *Les Barricades Mystérieuses*. Что заставило Куперина дать рондо это зачарованное имя? Только ты и я знаем, что оно значит на самом деле. *Les Barricades Mystérieuses*.

Этой ночью Лессингем лежал один в Комнате Лотосов. Окна выходили на восток, на спящий лес и спящие голые склоны Головы Иллгила. Он спал спокойным глубоким сном; потому что это был Послеполуденный Дом, Дом Мира.

Однако в полночь, когда убывающая луна повисла над плечами гор, он внезапно проснулся. Серебряные лучи, лившиеся через открытое окно, осветили маленькое существо, сидевшее у ножек кровати: птица, черная, круглоголовая, с коротким клювом, длинными острыми крыльями и глазами, сияющими как две звезды. Птица открыла клюв и сказала, — Время пришло.

Лессингем встал, закутался в широкий плащ, лежавший на стуле рядом с кроватью, и сказал: — Я готов, моя маленькая ласточка. — Потому что это был дом Желаний Сердца.

В то же мгновение глаза ласточки наполнили комнату звездным светом. Это была старая комната, с лотосами, вырезанными повсюду: на деревянных стенах, на стульях, на кровати и на стропилах; сейчас, словно в сказке, вырезанные цветы колыхались в медленно текущем потоке. Он подошел к окну, маленькая ласточка сидела у него на плече. У окна его ждала колесница, окрашенная как гало вокруг луны; она висела в воздухе, в нее был впряжен странный жеребец. Конь, но с орлиными крыльями, ноги покрыты перьями, вместо копыт — когти. Лессингем сел в колесницу, а маленькая ласточка устроилась у него на колене.

Шум крыльев, и дикий жеребец взвился в небо. Гул ночи, окружившей колесницу, походил на шум пузырей в ушах ныряльщика, нырнувшего в глубокий бассейн под гладким отвесным камнем горного водопада. Скорость пожирала время, мир крутился; он не успел выдохнуть, как странный конь широко раскинул радужные крылья и полетел вниз, спускаясь к огромному острову, дремавшему посреди дремлющего моря; его окружали множество островов поменьше. Страна каменных гор, зеленых пастбищ и множества озер, мерцавших в свете луны.

Они приземлились в воротах, увенчанных золотыми львами. Лессингем вышел из колесницы, маленькая черная птица закружилась над его головой, указывая на тисовую аллею, идущую от ворот. И он пошел по ней, как во сне.

I. ЗАМОК ЛОРДА ДЖУССА

О РЕДКОСТЯХ, УСЛАЖДАЮЩИХ ГЛАЗ, НАХОДИВШИХСЯ В ВЫСОКОМ ПРИЕМНОМ ЗАЛЕ, А ТАКЖЕ О КАЧЕСТВАХ И СВОЙСТВАХ ЛОРДОВ ДЕМОНЛАНДИИ, И О ПОСОЛЬСТВЕ, ПОСЛАННОМ К НИМ КОРОЛЕМ ГОРИСОМ XI, И ОБ ИХ ОТВЕТЕ КОРОЛЮ.

Восточные звезды бледнели в предвидении рассвета, пока Лессингем, сопровождаемый проводником, шел по травяной дорожке между рядами тенистых Ирландских тисов, стоявших как таинственные солдаты и бдительно глядевших в темноту. Трава была омыта ночной росой, и большие белые лилии, спавшие в тени тисов, наполняли благоуханием воздух сада. Лессингем не чувствовал, как его ноги касаются земли, и когда протягивал руку, чтобы коснуться дерева, рука проходила через ветви и листья, как если бы свет луны сделал их бестелесными.

Маленькая ласточка слетела ему на плечо и засмеялась прямо в ухо, — Дитя Земли, — сказала она, — неужели ты думаешь, что мы в мире снов?

Он ничего не ответил, и она сказала: — Это не сон. Ты, первый из человеческих детей, прибыл на Меркурий, теперь какое-то время мы будем путешествовать вместе и я покажу тебе сушу и океаны, леса, равнины и древние горы, города и дворцы сего мира, Меркурия, и странные создания, которые в них живут. Но ты не сможешь коснуться ни одной вещи, и ни одно создание ничего о тебе не узнает, даже если ты закричишь во все горло. Ты и я, мы пройдем через этот мир, невидимые и неосязаемые, как два странствующих сновидения.

Они поднялись по мраморной лестнице, которая вывела их из тисовой аллеи и оказались на террасе, прямо напротив больших ворот замка. — Нам не нужно открывать ворота, — сказала ласточка и они вошли в темноту под старинной аркой, украшенной вырезанными изображениями странных устройств, прошли через массивные запертые ворота, чьи створки были отделаны серебром, и оказались во внутреннем дворе. — Пойдем в величественный приемный зал и будем дожидаться там. Утреннее солнце уже зажгло небеса, жители замка скоро зашевелиются и встанут со своих постелей, ибо не любят они оставаться там, когда в Демонландии начинается день. Да будет тебе известно, о Рожденный-На-Земле, что страна эта называется Демонландией и это замок Лорда Джусса, новый рассвет приветствует день его рождения, и на это великое празднество в замок прибыли Демоны, чтобы поздравить Лорда Джусса и его братьев, Спитфайра и Голдри Блазко; с незапамятных времен они, их отцы и отцы их отцов несут бремя власти в Демонландии и правят всеми Демонами.

Она договорилась, и первые копыта солнца ударили в восточные окна, наполнив мерцанием и утренней свежестью высокие покои; солнце загнало синие сумрачные тени уходящей ночи в самые уголки комнат, в альковы и под сводчатую крышу. Ни один земной владыка, ни Крез, ни великий Король Артур, ни Минос, живший в королевском дворце на Крите, ни фараоны или королева Семирамида, ни все короли Вавилона и Ниневии, никто из них не вла-

дел настолько величественным приемным залом, как владыки Демонландии. Его стены и колонны были сделаны из снежно-белого мрамора, каждая жилка которого была украшена маленькими самоцветами: рубинами, кораллами, гранатами и розовыми топазами. Семь колонн с каждой стороны поддерживали сводчатый потолок, перекрытия и стропила которого были сделаны из золота и украшены изящными изображениями; сам потолок был перламутровый. От каждого ряда колонн отходили боковые переходы, семь картин на западной стене смотрели в семь огромных окон на восточной. В конце зала, на возвышении, стояли три трона, ручки которых состояли из двух золотых гиппогрифов, широко раскинувших крылья; ножки тронов являлись ногами гиппогрифов, а каждое сидение представляло из себя драгоценный камень чудовищного размера: слева стоял трон с сидением из черного опала, искрившегося серо-синим огнем, посреди — из огненного опала, скорее походившего на горящий уголь, а третьим сидением являлся александрит, багровый, как вино в сумраке ночи, и глубокий, как зеленое море при свете дня. Еще десять колонн стояли полукругом за спинками тронов, поддерживая золотой балдахин. Вдоль стен, от одного конца зала до другого, стояли скамьи, сделанные из кедра и покрытые кораллами и слоновой костью, перед скамьями стояли столы. Пол, из мрамора и зеленого турмалина, украшала мозаика, на каждом квадрате турмалина была вырезана рыба: дельфин, морской угорь, сом, лосось, тунец, кальмар или какое-нибудь другое чудовище из глубины океана. За тронами висели гобелены, на которых искусные руки вышили цветы «голова змеи», «львиный зев», «пасть дракона» и другие, похожие на них; на цоколях под окнами стояли скульптуры птиц, животных и ползучих тварей.

Но самым великим чудом этого зала — невиданным и неслыханным — были капители всех двадцати четырех колонн, много лет назад вырезанные из одного драгоценного камня рукой безвестного мастера; каждая капитель представляла из себя чудовище, почти живое: вот гарпия, сделанная из бледно-коричневого нефрита, разинула в крике рот и казалось настоящим чудом то, что ее не было слышно; вот летящий огненный дракон, вырезанный из желто-вишнего топаза; вот василиск, сделанный из одного куска рубина; вот сапфировый циклоп, единственный глаз которого казался ярко-светящейся звездой лунного цвета; саламандры, русалки, химеры, лешие, левиафаны — все вырезаны из безупречных драгоценных камней, высотой с трех мужчин: бархатно-темных сапфиров, хризолита, берилла, аметиста и желтого циркона, похожего на прозрачное золото.

С потолка, освещая огромный зал, в строгом порядке свисали семь карбункулов, размером с тыкву, и между колоннами на серебряных пьедесталах стояли девять совершенных лунных камней. Эти драгоценности впитывали свет днем и отдавали его ночью, сияя мягким розовым светом, так похожим на лунный. Но было там и другое невиданное чудо: балдахин, висевший над тронами и инкрустированный лазуритом, казался куполом небес, на котором горели двенадцать зодиакальных созвездий, и каждая звезда каждого созвездия светила собственным светом.

Народ в замке зашевелился, и в приемном зале появились слуги с метлами и щетками, тряпками и кожей, чтобы подмести и навести порядок, а также начистить до блеска золото и драгоценные камни. Веселыми и гибкими были они, с хорошим цветом лица и прекрасными волосами. И на их головах росли рожки. Когда же закончили они работу, приемный зал наполнился гостями. Радостно было смотреть на движущийся лабиринт бархата, мехов и странных вышивок, кружев, рюшей, нарядов из шелкового газа, великолепных цепочек и золотых воротничков; сверкали драгоценности и оружие; покачивались перья, которые Демоны носили в волосах, наполовину прикрывая росшие на голове рога. Некоторые сидели на скамьях или опирались о полированные столы, другие прохаживались взад и вперед по сверкающему полу. Среди них были и женщины, настолько прекрасные, настолько и знаменитые: вот белорукая Елена, там Аркадская Аталанта; вот Фрина, послужившая моделью для Афродиты Праксителя, а здесь Таис, которой Александр Великий разрешил сжечь Персеполис, чтобы удовлетворить свое воображение: Темный Бог похитил ее с цветущих полей Энны, и она стала королевой всех давно усопших мертвых.

Неожиданно толпа около высокого дверного проема заколыхалась, и Лессингем увидел крепко сложенного Демона, с благородной осанкой, одетого в роскошную одежду. У него было румяное лицо, кое-где покрытое веснушками, широкий лоб, и спокойные внимательные глаза, синие как море. Густая рыжая борода была разделена надвое, ее концы торчали назад и вперед.

— Поведай мне, маленькая ласточка, — сказал Лессингем, — не это ли Лорд Джусс?

— Нет, это не Лорд Джусс, — ответила ласточка, — но мало кого так уважают, как его. Ибо ты видишь Волле, обитающего в Картадзе, на берегу соленого моря. Он — великий морской капитан, опора Демонландии и всего мира, отличившийся в последних войнах против Вурдалаков. Лучше переведи свой взор на дверь. Видишь, там стоит в кругу друзей высокий Демон, слегка сутулый, в серебряных латах и в старом парчовом плаще, украшенном потускневшим золотом; он похож на Волле, но его лицо смуглее, а борода — чернее.

— Я вижу его, — сказал Лессингем. — Это без всяких сомнений Лорд Джусс!

— О нет, — возразила ласточка. — Это Визз, брат Волле. Он самый богатый из всех Демонов, за исключением трех братьев и Лорда Брандох Даха.

— А кто это? — спросил Лессингем, указывая на еще одного гостя, с легкой походкой и веселыми глазами, который как раз подошел к Волле и вступил с ним в оживленный разговор. Симпатичное лицо у него было, только немного остроносое и длинноносое; сильный мужчина, наполненный жизнью и радостью жизни.

— Вглядись в него, — сказала она. — Лорд Зигт, прославленный укротитель лошадей. Его любят все Демоны, потому что он всегда в хорошем на-

строении, и, к тому же, великолепный боец. Видел бы ты его, когда выступает он со своим конным отрядом против врага.

Волле вздернул бороду и весело рассмеялся, когда Зигт прошептал ему на ухо какую-то шутку, и Лессингем наклонился вперед, пытаясь услышать их разговор. Увы, все слова тонули в шуме разговоров, зато Лессингем увидел, что шпалеры за возвышением на мгновение разошлись, и кто-то, одетый с королевской пышностью, пошел мимо тронов в зал. Он шел небрежной легкой походкой, как гибкий изящный хищник, только что проснувшийся после сна, и с ленивой грацией приветствовал множество друзей, которые радостными криками встретили его появление. Очень высок был этот лорд, но и очень тонок, как девушка. Он надел на себя тунику цвета дикой розы, с вышитыми на ней цветами и молниями. Драгоценные камни сверкали на его левой руке, на золотых наручах и на повязке, вившейся среди золотых локонов его волос, в которые он вставил перья Феникса, короля птиц. Его рожки были выкрашены шафраном и украшены тонкой золотой филигранью, а котурны обшиты золотом. На его поясе висел меч, узкий и гибкий, с рукояткой, инкрустированной бериллами и черными бриллиантами. Странно легкой и изящной была его фигура, и, тем не менее, в ней чувствовалась скрытая сила, как в изящном снежном пике, видимым издали под красными утренними лучами. Красивое лицо с легким румянцем, скорее подходящее девушке, выражало легкую печаль, смешанную с презрением; но время от времени в прекрасных глазах вспыхивали огненные искры и вокруг рта, под усами, появлялись быстрые решительные складки.

— Наконец-то, — прошептал Лессингем, — наконец-то Лорд Джус!

— Придется тебе упрекнуть свои глаза, — возразила ласточка, — но не ругай их слишком строго: редко когда они видели более приятное и благородное зрелище. Знай, это не Джус, а Лорд Брандох Даха, которому поклялась в верности вся Демонландия западнее Шалгрета и Стропардона: богатые виноградники Крозеринга, просторные пастбища Файлзе, все западные острова и неприступные горные твердыни. Да, он одевается в шелк и драгоценности, как королева, и выглядит легким и изящным, как белая береза в горах, но не мысли, что его рука легка, а на войне ему не хватает мужества. Много лет он считался третьим из самых сильных воинов на всем Меркурии, после Голдри Блазко и Гориса Х, Короля Ведыландии. И ровно девять лет назад, когда Ведьмы вторглись в Гоблинландию, привел Брандох Даха пять сотен и еще соток Демонов на выручку Газларку, королю этой страны, и убил Гориса в честном бою. Так что теперь никто не может превзойти Лорда Брандох Даха в бою, за исключением, быть может, одного Голдри.

— А теперь, наконец, смотри, — сказала она, когда нежная и бурная музыка захватила в плен их уши, а гости повернулись к возвышению и портьеры раздались. — Вот оно, тройное Лордство Демонландии! Играй громче, музыка! Судьба, благослови день этого великого праздника! Пусть радость и веселье сияют над Демонландией и всем миром! Сначала посмотри на того, кто выступает в середине, в оливково-зеленой бархатной тунике, украшенной зо-

лотыми изображениями загадочных механизмов и бусинами из хризолита. Обрати внимание, что котурны, обвивающие его мощные икры, сверкают золотом и янтарем. И еще обрати внимание, что по его темному плащу текут потоки золота и ручейки кроваво-красного шелка: это заколдованный плащ, сделанный сильфами в незапамятное время, и он приносит счастье тому, кто его носит, но только в том случае, если у него верное и мужественное сердце. Обрати внимание, как он носит его, взглядишь в его прекрасное темное лицо, в фиолетовый огонь, горящий в глазах, и в мрачную теплоту его улыбки, похожей на осенний лес в лучах заходящего солнца. Это и есть Лорд Джусс, повелитель этого старинного замка, и более благородного Демона ты не найдешь во всей огромной Демонландии. Знай, что он сведущ в искусстве магии, хотя и старается ею не пользоваться, ибо истощает она силу и здоровье; да и недостойно благородного Демона опираться на это искусство, а не на свою собственную силу.

А теперь направь свой взгляд на того, кто опирается на левую руку Лорда Джусса. Он ниже, но, возможно, шире в кости, чем владыка Демонландии, и облачен в черный, переливающийся золотом шелк; на его голове, среди рожек и желтых волос, корона из перьев черного орла. У него резкое и немного дикое лицо, как у орлана, и глаза из под его ощетилившихся бровей бросают взгляды — острые, как наконечник копья. Время от времени из его раздутых ноздрей вылетает слабое бледное пламя, похожее на блуждающие огни на болоте. Это Лорд Спитфайр, пылкий воин.

И последний, по правую руку от Джусса, юный лорд, сложенный как Геркулес, но ступающий легко, как телка. Когда он идет, под кожей его мощных рук и ног, более белой, чем слоновая кость, пробегает рябь от мышц и жил; плащ из золотой материи отягощают драгоценные камни, на тунике из черного сандаля выделяются кровавые рубины в виде сердца и нити из красного шелка. С его плеч свисает, позвякивая, двуручный меч, эфес которого вырезан из огромного звездного рубина, тоже в форме сердца, потому что сердце — его знак и символ. Этот меч выковали эльфы, и, взгляни, на той стене изображено, как он убивает этим мечом морское чудовище. Его благородное лицо очень похоже на лицо его брата Джусса, но каштановые волосы немного темнее и чуть-чуть рыжее, а скулы немного побольше. Вглядишь в него повнимательнее, ибо никогда твои глаза не видели более могучего воина, чем Лорд Голдри Блазко, капитан всей армии Демонландии.

Потом, когда приветствия закончились, флейты перестали вздыхать, а струны лютен петь, и последние звуки мелодии потерялись в сумрачном своде потолка, виночерпии наполнили старинным вином большие чаши, сделанные из драгоценных камней, и Демоны осушили их глубокими глотками в честь дня рождения Лорда Джусса. Все разбились на пары или тройки, и уже собирались отправиться в парк, чтобы развлечься: поудить в прудах рыбу, поохотиться среди лесистых холмов, пострелять в цель, поиграть в теннис, заняться военными упражнениями или просто погулять по великолепным садам; ибо сегодня был день великого праздника, который должно проводить в

неге и удовольствиях, не заботясь ни о чем, а потом, вечером, вплоть до темноты, пировать в роскошном приемном зале, наслаждаясь всеми возможными удовольствиями.

Но когда они уже собирались выйти из зала, раздались три резких звука: три раза взвывла труба.

— Кто эти убийцы наслаждения? — сказал Спитфайр. — Труба звучит только для странников из-за границы. Я всеми костями чувствую, что в Гелинг приехал какой-то негодяй, который привез в своем кармане зло и тень поперека солнца, и все это в великий день нашего праздника.

— Не говори ни слова о злых предзнаменованиях, — ответил Джусс. — Кто бы он ни был, мы быстро рассмотрим его дело и потом вернемся к нашему празднеству. Эй, кто-нибудь, подойдите к воротам и приведите его сюда.

Слуга поторопился к воротам и, вернувшись, сказал, — Повелитель, это посол из Ведымландии и его свита. Их корабль причалил в гавани Сторожевого мыса ровно в полночь. Они спали на борту, а с наступлением дня наши солдаты проводили их в Гелинг. Он спрашивает аудиенцию.

— Из Ведымландии, а? — сказал Джусс. — Похоже на дым, который появляется перед огнем.

— Почему бы не попросить парня, — сказал Спитфайр, — подождать до завтра, когда закончится день удовольствий? Жаль мешать этот яд с нашей радостью.

Голдри усмехнулся и сказал, — Кого он послал нам? Лаксуса, как ты думаешь? Чтобы заключить с нами мир после того гнусного дела, когда он напал на Картадзе, предательски нарушив слово, которое дал нам?

— Ты видел посла, — сказал Джусс слуге. — Кто он?

— Лорд, — ответил тот, — незнакомо мне его лицо. Он мал ростом и, с разрешения Вашего Величества, не похож ни на одного великого лорда Ведымландии, коих я видал. И, опять с разрешения Вашего Величества, хотя он и одет в богатые и роскошные одежды, скорее напоминает фальшивый бриллиант в богатой оправе.

— Ну, — сказал Джусс, — сколько не жди, кислое вино сладким не станет. Позовите к нам посла.

Лорд Джусс воссел на средний трон, Голдри справа от него, на сиденье из черного опала, а Спитфайр слева, на александрит. Другие великие лорды Демонландии воссели на кресла, стоявшие на возвышении, а гости рангом пониже сели на скамьи вдоль стен или на стулья за полированными столами; широкие двери на серебряных петлях медленно распахнулись и посол, церемониальным шагом, вступил на сияющий пол из мрамора и зеленого турмалина.

— Что за противный парень, — сказал Лорд Голдри на ухо брату. — Его волосатые руки свисают ниже колен. И он идет как хромой осел.

— Мне не нравится грязное лицо этого посла, — сказал Лорд Зигт. — Его плоский нос походит на плохо прилепленный кусок глины, и я вижу, как летом, во время прогулки, его ноздри громко хлопают по голове. И пускай

меня постигнут вечные муки, если его верхняя губа не уверяет, что он глупый и напыщенный болтун. А если бы его пальцы были еще чуточку шире и длиннее, он мог бы использовать их как воротник, чтобы согреть подбородок зимней ночью.

— Мне не нравится запах этого посла, — сказал Лорд Брандох Даха. И он приказал слугам принести кадилницы и опрыскиватели с лавандой и розовой водой, чтобы освежить зал, а также открыть хрустальные окна, чтобы небесный свежий ветер ворвался внутрь и сделал воздух сладким.

А посол прошел по сияющему полу и остановился перед лордами Демонландии, сидевших на высоких тронах между гипсогрифами. Он был одет в длинную розовую мантию, подбитую мехом горностая, на которой золотыми нитками были вышиты крабы, раки и многоножки. Голова была покрыта черной бархатной шляпой с павлиньими перьями. Поддерживаемый свитой, он оперся на золотой посох и грубым голосом изложил свою миссию:

— Джусс, Голдри и Спитфайр, а также вы, остальные Демоны! Я прибыл сюда как посол Гориса XI, самого славного Короля Ведьмландии, Лорда и великого Герцога Бутении и Эстремайна, Повелителя Шуляна, Трамне, Мингоса и Пермио, высокого Хранителя Эсамосианских Болот, Великого Герцога Трейса, Короля Верхних Бестрии и Неврии, Князя Ара, Великого Лорда Ойдии, Малтрении, Балттарии и Торибии, и Повелителя еще множества других земель, самых славных и самых великих, чья сила и слава гремит по всему миру и чьи имена переживут все поколения. Вначале я прошу вас проявить уважение к моей священной миссии посланника Короля, и гарантировать мне безопасность, как принято во всех странах, кроме самых диких и варварских.

— Говори и ничего не бойся, — ответил Джусс. — Я клянусь в этом, и я никогда не нарушаю своих клятв, в отличие от Ведьм и прочих варваров.

Губы посла сложились буквой «О» и он угрожающе вздернул голову, но потом усмехнулся, обнажив острые плохие зубы, и продолжал:

— Святой Король Горис, великий и славный, уполномочил меня доставить тебе свое послание, не добавляя ни одного своего слова: «Я обратил внимание, что вы не присягнули мне на верность перед подданными моей провинции, Демонландии...»

Как шуршание сухих листьев на украшенном флагами корте, когда внезапный порыв ветра шевелит их, так и среди гостей пробежал шепоток. И Лорд Спитфайр, не сумев сдержать свой гнев, спрыгнул с трона и схватился за рукоятку меча, как если бы хотел снести послу голову. — Провинция? — крикнул он. — Разве Демоны не свободный народ? И мы должны терпеть, когда Ведьмландия посылает этого гнусного раба оскорблять нас прямо в лицо в нашем собственном замке?

Шум пробежал по залу, там и здесь Демоны вскочили с места. Посол по-черепашьи вжал голову в плечи, обнажив зубы и растерянно моргая маленькими глазами. Но Лорд Брандох Даха сказал, слегка коснувшись руки Спитфайра: — Посол еще не закончил послание, кузен, а ты уже перепугал

его до смерти. Имей терпение и не порти нам представление. У нас вполне достаточно слов для ответа Короллю Горису: но не мечей, хотя и их у нас хватает. И пускай никто в Демонландии не сможет сказать, что мы, только услышав грубое и несносное послание, позабыли наше старинное вежество к послам и герольдам.

Так сказал Брандох Даха, ленивым полунасмешливым тоном, как тот, кто небрежно возвращает мяч на сторону противника; и тем не менее настолько ясно, что его услышали все. Шум мгновенно прекратился, и Спитфайр сказал, — Сдаюсь. Излагай свое послание, и представь себе, что мы отвечаем не тебе, но тому, кто тебя послал.

— И чьими скромными устами я и являюсь, — сказал посол, собрав все свое мужество, — и который, со всем уважением к вашей светлости, имеет достаточно желания и силы, чтобы отомстить за любое оскорбление, учиненное над его слугами. Вот что далее говорит Король: «Поэтому я повелеваю и приказываю вам, Джусс, Спитфайр и Голдри Блазко, как можно скорее прибыть в Ведьмландию, в нашу крепость Карсё, там почтительно поцеловать наш большой палец ноги и перед всем миром признать, что я ваш Лорд, Король и законный правитель всей Демонландии».

Лорд Джусс выслушал посла серьезно и без единого движения, облокотившись спиной на высокую спинку трона и откинув руки на выгнутые шеи гиппогрифов. Голдри, презрительно улыбаясь, играл рукояткой своего огромного меча. Спитфайр сидел прямо, сердито глядя на посла, из его ноздрей вырвались искры.

— Ты все сказал? — спросил Джусс.

— Все, — ответил посол.

— Ты получишь ответ, — сказал Джусс, — а пока мы совещаемся, ты можешь поесть и попить, — и он махнул рукой, приказывая виночерпиям принести вина послу. Но посол попросил извинить его, сказав, что не испытывает жажды, и, кроме того, у него есть большой запас еды и питья на корабле, и этого запаса вполне хватит как ему самому, так и его свите.

— Не удивительно, что это отродье Ведьмландии боится яда в бокале, — сказал Лорд Спитфайр. — Именно они обычно используют такое злодейство против своих врагов; вспомните Реседора, Короля Гоблинландии, коего Горис убил отравленным дротом. Так что у них самих колени трясутся от страха, когда они замышляют очередное убийство, — и он схватил бокал, огромным глотком выпил его содержимое и с такой силой швырнул его на мраморный пол перед послом, что драгоценная чаша разлетелась вдребезги.

И правители Демонландии встали и удалились за украшенные цветами портьеры в отдельную комнату, чтобы составить ответ на послание, полученное ими от Короля Гориса из Ведьмландии.

Когда они остались одни, Спитфайр возмущенно заговорил и сказал, — Почему Король послал нам это оскорбительное и насмешливое послание с таким червем? Почему вызов принес не сын Корунда или Корсуса, а этот самый презренный из его слуг, невнятно бормочущий карлик, способный только за-

бавлять их во время пирушек, на которых они напиваются до умопомрачения?

Лорд Джусс презрительно усмехнулся. — Король Ведьмландии очень умно и предусмотрительно выбрал момент, чтобы двинуться против нас, — сказал он, — ибо он знает, что тридцать и три наших замечательных корабля потонули в заливе Каргадзе в битве против Вурдалаков, и у нас осталось только четырнадцать. Теперь, когда Вурдалаки убиты, все до последнего, и в мире осталось только воспоминание о них, так что великое проклятие и несчастье всего этого мира истреблено мечом к великой славе одной Демонландии, все эти друзья-на-словах, похоже, решили, что настал счастливый момент обрушиться на нас. Разве у Ведьм не остался сильный флот, который сбежал, как только началась битва с Вурдалаками, заставив нас одних нести бремя сражения? И теперь они замыслили новую измену, предательски решив воспользоваться своим преимуществом. Король верно рассудил, что мы не только не в состоянии переправить войско в Ведьмландию, но вообще ничего не можем ему сделать, и должны потратить множество месяцев на строительство кораблей. Нет сомнений, что он уже посадил свое войско на корабли в Тенемосе, и оно отплывет сюда в то же мгновение, когда он получит заранее известный ответ на свое послание.

— Тогда будем спокойно сидеть и точить мечи, — сказал Голдри. — Пускай его корабли плывут по соленым волнам. Ни один из латников Ведьмландии не вернется обратно, их кровь и кости останутся здесь и питают наши нивы и виноградники.

— А не лучше ли, — предложил Спитфайр, — посадить в темницу этого негодяя и выйти в море с теми четырнадцатью кораблями, которые у нас остались? Мы сможем удивить Ведьмландию, напав на ее твердыню, Карсё, захватить и разграбить ее, а потом, оставив ее на поживу воронам, разбудить Короля и показать ему наш ответ. Вот мой совет.

— Нет, — сказал Джусс. — Мы не застанем его спящим. Будь уверен, его корабли уже готовы и ждут в морях Ведьмландии: никакая внезапная атака не застанет их врасплох. Глупо совать нашу шею в ловушку, но мало славы для Демонландии сидеть и ждать, когда он придет. Поэтому, вот мой совет: я вызову Гориса на дуэль, и пускай судьба рассудит нашу ссору.

— Добрый совет, если бы он был исполним, — возразил Голдри. — Но он никогда не осмелится выйти на честный бой против тебя или любого из нас. Тем не менее можно попытаться. Разве Горис не могучий борец, и разве в его дворце, в Карсё, не висит девяносто и девять черепов великих воинов, которых он победил в бою и обезглавил? Он кичится выше всякой меры своей собственной доблестью, и, говорят, сильно печалится, что уже долго не может найти бойца, который захотел бы сразиться с ним, и с сожалением глядит на сотый крюк. Давайте предложим ему побороться со мной!

И это предложение показалось им хорошим. Когда они еще немного поговорили о нем и заключили, что должно сделать, вошла радость в их сердца и правители Демонландии вернулись в приемный зал. И Лорд Джусс заго-

ворил и сказал: — Демоны, вы все слышали слова, которые Король Ведьмландии с высокомерной гордостью и бесстыдным сердцем передал нам устами своего посланника. Теперь выслушайте наш ответ, который даст мой брат, Лорд Голдри Блазко; и мы требуем, чтобы ты, о посол, передал его слово в слово, не добавляя и не убавляя ничего.

И сказал Лорд Голдри. — Мы, правители Демонландии, считаем тебя, Горис XI, величайшим трусом, потому что ты подло сбежал и бросил нас, доверившихся тебе союзников, в битве против Вурдалаков. Уверяем тебя, что наши мечи, которые в битве уничтожили великое проклятие и несчастье всего этого мира, не согнулись и не разбились. Мы вонзим их в твои кишки и в кишки твоих миньонов, а именно Корсуса, Корунда и их сыновей, а еще Кориниуса и остальных злодеев, пребывающих в портах многоводной Ведьмландии прежде, чем хотя бы одна маленькая розовая гвоздика, выросшая на утесах Демонландии, подчинится тебе. И, если ты хочешь почувствовать нашу силу, я, Лорд Голдри Блазко, бросаю тебе вызов: ты и я сойдемся друг против друга и трижды сразимся на острове Красного Фолиота, и пусть никто ни с нашей, ни с твоей стороны не вмешается в бой. И мы должны поклясться, что, если я превзойду тебя в борьбе, Демоны оставят Ведьмландию в покое, а Ведьмы навсегда забудут о своих притязаниях на Демонландию. Но если ты, Горис, победишь меня, тебе достанется вся слава и, вдобавок, ты получишь все, что потребуешь по праву меча.

Так проговорил Лорд Голдри Блазко, гордо и величественно стоя под звездным пологом, и так сердито посмотрел на посла Ведьмландии, что посол сконфузился и у него затряслись коленки. Голдри позвал писца и приказал ему большими буквами записать послание для Короля Гориса на свитке пергамента, после чего правители Демонландии запечатали свиток своими печатями и отдали послу.

Посол взял свиток и быстро пошел к выходу; однако, подойдя к величественным дверям приемного зала и оказавшись среди своей свиты, подальше от правителей Демонландии, он немного укрепился сердцем, повернулся и сказал, — Безрассудно и, безусловно, губительно для тебя, о Голдри Блазко, вызывать на бой нашего Короля. Ибо он сильнее тебя членами, и побеждал намного более сильных бойцов. И будет сражаться он не для спорта, а дабы отобрать твою жизнь и повесить твои мертвые кости рядом с костями девяносто и еще девяти великих воинов, которых он поверг в честном бою.

И тотчас после этого, ибо Голдри и остальные лорды презрительно глядели на него, насунив брови, а рассерженные гости около дверей стали бранить и оскорблять Ведьм, посол поторопился пройти по сияющей лестнице и спустился во двор, как тот, кто бежит по узкой тропинке темной и ветреной ночью, не осмеливаясь поглядеть назад, ибо опасается, что увидит ужасное создание, готовое напасть на него. Он шел так быстро, что вынужден был подхватить руками складки своего роскошного бархатного плаща, украшенного крабами и прочими ползущими тварями и обнажить перед недружелобными взглядами свой длинный, безжизненный хвост — и немедленно вослед ему по-

неслись громкие крики и издевательский смех простых Демонов. И все они закричали: — Хотя его рот был лжив, зато хвост правдив. Как же прежде мы не заметили этот замечательный хвост? Ура Горису, который послал нам послом эту обезьяну!

И толпа, сыпя оскорблениями и насмешками, проводила посла и его свиту от Гелинга до самого порта. Так что сумел он вздохнуть спокойно только тогда, когда оказался на борту великолепного корабля, и приказал изо всех грести из гавани. Когда корабль обогнул Сторожевой Мыс и оказался на глубокой воде, поднял он все паруса и, подгоняемый попутным ветром, поплыл рыбообильным морем на восток, в Ведыландию.

II. БОРЬБА ЗА ДЕМОНЛАНДИЮ

О ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯХ, КОТОРЫЕ ВОЛНОВАЛИ ЛОРДА ГРО ПО ПОВОДУ ВСТРЕЧИ МЕЖДУ КОРОЛЕМ ВЕДЬМЛАНДИИ И ЛОРДОМ ГОЛДРИ БЛАЗКО; О ТОМ КАК ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ И БОРОЛИСЬ

— Как же я мог заснуть? — воскликнул Лессингем. — Где замок Демонов, и как мы вышли из приемного зала, где видели посла? — Ибо он стоял на голой вершине скругленного холма, нависшего над морем. Вокруг, сколько мог видеть взор, простирались такие же безлесые холмы, а перед ним мерцало море. Солнце ласково целовало его, а веселый соленый ветер, летящий над холмами, гонял по нему волны; над ним, в бесконечных высотах воздуха, летели бесчисленные облачные колесницы.

И ответила ему маленькая черная ласточка, — Мой гиппогриф путешествует не только в пространстве, но и во времени. Дни и недели остались за нами, но ты не успел даже глазом моргнуть, как очутился на Островах Фолио-тов, счастливой земле, которой мудро правит миролюбивый князь, в день, назначенный для схватки между Голдри Блазко и Королем Горисом XI. Ужасным будет сражение между двумя великими воинами, и темны последствия его. И сердце мое опасается за Голдри Блазко, хотя велик он телом и силен, и доселе непобедим на войне; ибо уже много поколений не появлялся такой воин, как этот Горис, сильный, мощный и непоколебимый, сведущий в любом искусстве защиты и нападения, и, вдобавок, жестокий и свирепый, как змея.

Холм, на котором они стояли, был разрезан узкой лощиной, спускавшейся к морю, и над концом лощины навис замок Красного Фолиота, беспорядочное переплетение низких зданий и зубчатых стен, из которых поднимались маленькие башни. Замок был выстроен из камня, взятого из стен лощины, так что издали было трудно определить, где дворец, а где естественный камень. За дворцом простирался луг, плоский и гладкий, покрытый упругим дерном. По обе стороны от луга стояли шатры, на севере — Ведьм, на юге — Демонов. В центре луга была размечена площадка для поединка, каждая сторона в шестьдесят шагов.

И не было никого, кроме птиц воздушных и ветров морских, но вот из шатров Ведьм вышли воины, ровно шесть, одетые для боя, в блестящих бронзовых кольчугах, с наколенниками, бронзовыми щитами и шлемами, сверкающими на солнце. Пятеро были еще отроки, но даже у самого старшего из них не было настоящей бороды, черных бровей или больших челюстей, и шестой, огромный как бык, возвышался над ними на полголовы. Возраст запятнал седьмой его бороду, падавшую на большую грудь и доходящую до боевого пояса, укрепленного железными заклепками, но сила молодости чувствовалась во взгляде, в голосе, в походке и в той легкости, с которой его ладонь держала большое копьё.

— Смотри, удивляйся и плач, — сказала ласточка, — ибо невинный глаз дня вынужден смотреть на детей вечно длящейся ночи. Корунд из Ведьмландии и его сыновья.

И подумал Лессингем: «Моя маленькая ласточка — самый пылкий по-

литик: для нее существуют только отвратительные дьяволы и только безупречные ангелы, а между ними — пустота. Но я не буду плясать ни под одну из этих мелодий, а ждать развития событий».

Так они ходили взад и вперед перед шатрами Ведьм, как львы в клетке, пока Корунд не остановился и, опершись на копьё, не молвил одному из своих сыновей: — Иди и поищи Гро, ибо я хочу поговорить с ним. — Пошел сын Корунда и тотчас вернулся вместе с Лордом Гро, который шел поспешными, но достойными и приятными для глаза шагами. У него был крючковатый нос, похожий на серп, большие красивые глаза, как у быка, непостижимые и загадочные. Был он худой и тощий, с бледным лицом и бледными изящными руками, его длинная черная борода была тщательно завита и сверкала, как шерсть черной гончей.

— Как Король? — спросил Корунд.

— Он сердится, — ответил Гро, — потому что все это время играл в кости с Кориниусом, и счастье было не на стороне Короля.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Корунд.

— Счастье в игре и счастье на войне — разные вещи, — ответил Гро.

Корунд хмыкнул себе в бороду и положил большую руку на плечо Лорда Гро. — Отойдем немного в сторону, — сказал он, и, убедившись, что их никто не слышит, продолжил. — Не скрывай правду от меня и моих сыновей. Разве все эти четыре года я не был тебе как брат, и у тебя все еще есть тайны от меня?

Но Гро печально улыбнулся и сказал, — Почему мы должны словами плохих предзнаменований наносить еще один удар по гибнущему дереву?

— Плохие предзнаменования, — проворчал Корунд, — встали перед нами с того мгновения, когда Король принял вызов, не обратив внимания на мое мнение, на твоё мнение, и на мнения всех достойных людей королевства. Наверно боги обрекли его на гибель, предопределили его падение и наше унижение перед этими Демонами. — И еще он сказал. — Предзнаменования нависают над нами, о Гро. Вспомни ту ночь, когда Король решил принять вызов, и вспомни ворона, который — ночью! — облетел замок Карсё противосолонь, а мы все напились до пьяна на великом пиру в залах замка. И еще: Король споткнулся, выйдя на палубу длинного корабля, который доставил нас к этим островам. И еще: прошлой ночью нам наливал вино кривой виночерпий. И все время: дьявольская гордость и хвастовство Короля. Никаких сомнений — он обречен. И кости пали против него.

Гро заговорил и сказал: — О Корунд, я не хочу скрывать от тебя, что тяжесть лежит у меня на сердце, как будто его накрыла тень черной болезни. Когда лежал я, спящий, под пологом ночи, встал около моего ложа сон и бросил на меня такой взгляд, что я испугался и задрожал от страха. Ибо показалось мне, что крыша над моим ложем содрогнулась и раскрылась, за ней обнаружилась тьма, через которую стремительно летела бородастая звезда, и тут вся ночь наполнилась ужасающими знаками. Кровь на крыше, огромные сгустки крови на стенах и пологе моего ложа. И я услышал пронзительный

крик совы, Ведьмландия падает из твоей руки, о Король! И мне почудилось, что весь мир осветила яркая вспышка, и, громко вскрикнув, я пробудился.

— Ты мудр, — сказал Корунд, — и знаешь, когда сон, посланный из роговых врат, не лжет, как знаешь и то, что он предсказывает великие потрясения и горе для Короля и всей Ведьмландии.

— Не открывай его остальным, — сказал Гро, — потому что никто не может сражаться с судьбой и победить ее, а это заставило бы дрогнуть их сердца. Но нам с тобой следует быть готовым к любым злым делам. Если — да сохранят нас от это боги! — это сражение принесет одно зло, не забудь передать всем, кто отважится на любой смелый поступок, мой совет: «Встань спина к спине с братом за тобой. Вместе мы сможем сделать то, что должны».

— Ты можешь положить на мое слово, — сказал Корунд.

Народ начал выходить из дворца и занимать места по сторонам ристалища. Сам Красный Фолиот сидел в отполированной карете, которую влекли шесть черных лошадей с развевающимися хвостами и гривами; перед ним шли музыканты, дудочники и менестрели, усердно игравшие на своих инструментах, а позади пятьдесят копьеносцев, отягощенных оружием и тяжелыми щитами, которые закрывали их от подбородка до кончиков пальцев. Их вооружение было выкрашено экстрактом марены, и казалось, что их всех окунули в кровь. Красный Фолиот выглядел истинно по-королевски, хотя и не грозно. Его кожа была розовой, как голова у зеленого дятла. Он носил серебряную диадему и одежды из розового бархата, подбитые черным мехом.

Когда все Фолиоты собрались, один из них вышел вперед с рогом в руках и по команде Красного Фолиота три раза подул в него. Немедленно из своих шатров вышли лорды Демонландии и их оруженосцы: Джусс, Голдри, Спитфайр и Брандох Даха, все вооруженные для битвы, за исключением Голдри, закутанного в плащ из золотой материи с вышитыми красным шелком сердцами. И лорды Ведьмландии вышли из своих шатров, вооруженные, вместе со своими воинами, и мало любви было во взглядах, которые они и Демоны бросали друг на друга. В середине стоял Король, его огромное тело было закутано, как и у Голдри, в черный шелковый плащ, подбитый мехом черного медведя и украшенный крабами, сделанными из брильянтов. Корона Ведьмландии, сделанная в виде чудовищного краба и так густо покрытая драгоценными камнями, что под ними не было видно железа, нависала его густыми бровями. Черная густая борода лопатой, коротко остриженные волосы. Выбритая верхняя губа открывала насмешливо улыбающийся рот, из-под темноты под ресницами выглядывали светящиеся зеленым светом глаза, глаза волка. Корунд шел по левую руку от Короля, его гигантская фигура была на дюйм ниже фигуры Короля. Кориниус шел справа, поверх сверкающей брони он одел богатый плащ небесно-голубого цвета. Высок и строен был Кориниус, и радостно было смотреть на него: важная походка, дерзкий взгляд, тонкие губы; но было что-то тяжелое в его юном миловидном лице и выбритом подбородке.

Красный Фолиот приказал опять затрубить в рог, и, стоя в эбеновой карете, громко прочитал условия поединка: «О Горис XI, самый славный Король Ведымландии, и Лорд Голдри Блазко, капитан всей армии Демонландии, это договор между вами, скрепленный могущественными клятвами, и я, Красный Фолиот, его хранитель. Согласно договору вы должны бороться три раза на следующих условиях: если Король Горис победит, ему достанется вся слава и он, по праву меча, получит в полное владение всю многогорную Демонландию; но если победа достанется Лорду Голдри Блазко, то Демоны разрешат Ведьмам жить в мире, но Ведьмы должны навсегда отказаться от претензий на владычество над Демонами. И ты, Король, и ты, Голдри Блазко, клянесь сражаться честно и подчиняться мне, Красному Фолиоту, которого вы согласились выбрать третейским судьей. И я клянусь честно судить ваш поединок. Согласно закону вы не имеете право душить своего соперника, кусать его, царапать его плоть, выдавливать ему глаза, ударять его кулаками и делать любые другие бесчестные действия, но во всех остальных отношениях вы можете свободно бороться против него. И тот, кто коснется земли бедром или плечом, будет считаться побежденным».

— О Король, — спросил Красный Фолиот. — Правильно ли я все сказал и клянешься ли ты соблюдать эти условия?

— Клянусь! — ответил Король.

— О Лорд Голдри Блазко, — точно так же спросил Красный Фолиот. — Правильно ли я все сказал и клянешься ли ты соблюдать эти условия?

— Клянусь! — ответил Лорд Голдри Блазко.

Без дальнейших церемоний Король ступил на площадку поединка со своей стороны, а Голдри Блазко со своей, они отбросили богатые плащи и вышли вперед, обнаженные и готовые для поединка. Народ застыл от восхищения, при виде мышц и жил обоих почти одинаковых борцов, и все тут же начали обсуждать, кто из них сильнее и более достоин победы. Король был немного выше, и его руки были немного длиннее, чем у Голдри. Зато Голдри был замечательно сложен, и скорее походил на бога, чем на Демона. К тому же его мускулистая грудь была шире, чем у Короля, а шея — толще.

И начал Король насмехаться над Голдри: — Ты, восставший против меня пес, тебя следует пручить при всех этих Фолиотах и Демонах. Так знай же, что я твой Король и Повелитель не только потому, что владею по праву короной Ведымландии, которую снял на час, но и по силе моего тела и мощи моей руки. Будь доволен, что я не встречался с тобой прежде, ибо сейчас я заберу твою жизнь и пошлю твою визжащую бестелесную душу в неведомое. А твой череп и кости я заберу в Карсё, в мой дворец, дабы весь мир узнал, что я сокрушил своей рукой сотого великого воина, ведь ты ничуть не слабее тех, кого я убил в борьбе. Потом, когда мы выпьем, поедим и насладимся радостью в моем королевском дворце в Карсё, я прикажу своим армиям переплыть рыбообильное море и покорить многогорную Демонландию. И станет она моей скамеечкой для ног, и все Демоны станут рабами, да, рабами моих рабов.

Но Лорд Голдри Блазко только усмехнулся и сказал Красному Фолиоту.

— О, Красный Фолиот, я пришел сюда не для того, чтобы соревноваться с Королем Введьмландии в замысловатых оскорблениях, но чтобы померяться с ним силой мышц и жил.

И ударили друг на друга два великих воина, и обхватили один другого сильными руками, правая рука каждого выше плеча, а левая — ниже, и так сжимали друг друга, пока плоть не сжалась под силой их рук, походивших на медные ободы. И они слегка раскачивались взад и вперед, как деревья на ветру, и так крепко уперлись ногами в землю, что, казалось, росли из нее, как стволы дуба. Ни один из них не поддавался назад, но и не мог потеснить врага. Так они и раскачивались долгое время, тяжело дыша. Наконец Голдри, собрав всю силу, слегка оторвал Короля от земли и попытался закрутить его и бросить на землю. Но Король, обнаружив, что враг поднял его в воздух, в то же мгновение наклонился вперед и ударил пяткой по ноге Голдри сзади, чуть выше лодыжки, с такой силой, что Голдри пришлось выпустить Короля, и все зрители пришли в восторг от того, что он сумел устоять на ногах и не упасть на спину. И они опять схватили друг друга и держали, пока на их спинах и плечах не появились красные волдыри в тех местах, где из сжимали сильные пальцы. И тут Король внезапно изогнул тело, встал к Голдри левым боком, подхватил ногу Голдри изнутри большой мускулистой голенью, и, прижавшись к нему потеснее, навалился на него, пытаясь бросить Голдри на спину и упасть на него сверху, чтобы раздавить его, когда они коснутся земли. Но Голдри яростно рванулся вперед, схватил Короля еще сильнее, и так неистов был его натиск, что Королю не удалось исполнить прием до конца, и они оба полетели на землю, с грохотом ударившись боками о площадку для боя, и лежали ошеломленные падением, пока один из слуг не досчитал до полудюжины.

Красный Фолиот объявил, что в этой схватке они были совершенно равны, и каждый вернулся к своим друзьям, чтобы перевести дыхание и немного отдохнуть.

Пока они оба отдыхали, из шатров Введьмландии вылетела большая летучая мышь, облетела площадку для поединка противосолонь и без единого звука вернулась туда, откуда вылетела. Лорд Гро увидел ее и его сердце гулко стукнуло. Он заговорил и сказал Корунду, — Необходимо, чтобы даже сейчас, в самый последний момент, я попытался отвратить Короля от дальнейших попыток, иначе он погибнет.

— Сделай так, как ты хочешь, — ответил Корунд, — но знай, что твои усилия напрасны.

Гро подошел к Королю и сказал, — О Повелитель, давайте прекратим сражение. Этот Демон больше и сильнее любого из тех великих воинов, с которыми вы сражались прежде, но все-таки вы превзошли его. Ибо мы отчетливо видели, что вы бросили его на землю, и Красный Фолиот ошибся, провозгласив равенство, и только потому, что Ваше Величество не удержалось на ногах после броска. Давайте не будем испытывать судьбу еще раз. Вы победили его в борьбе; и теперь мы, ваши слуги, ждем только вашего кивка, чтобы внезапно напасть на этих Демонов и убить их, и мы легко сможет превзойти

их, застав врасплох. А эти Фолиоты — мирный робкий народ, и побоятся вмешаться в сражение, когда мы поднимем мечи на Демонов. И тогда, о Король, вы сможете уехать с радостью и с великой честью, а потом обрушиться на Демонландию и подчинить ее вашей воле.

Король недовольно посмотрел на Лорда Гро и сказал: — Совершенно неприемлемый и неисполнимый совет. Что лежит за ним?

— Дурные предзнаменования, о Король, — ответил Лорд Гро.

— Что за предзнаменования? — спросил Король.

Гро ответил и сказал, — Я не скрою от вас, о Повелитель, что в самый темный час ночи мне приснился сон, который заставил меня вскочить с ложа, дрожа от невыразимого ужаса. Мне показалось, что крыша над моим ложем содрогнулась и раскрылась, за ней обнаружилась тьма, через которую стремительно летела бородатая звезда, и тут вся ночь наполнилась ужасающими знаками. Кровь на крыше, огромные сгустки крови на стенах и пологе моего ложа. И я услышал пронзительный крик совы, Ведьмландия падает из вашей руки, о Король! И мне почудилось, что весь мир осветила яркая вспышка, и, громко вскрикнув, я пробудился.

Но глаза Короля округлились от гнева и он сказал Гро: — Хорошо же и верно служат мне мои слуги, вроде тебя, черного злонамеренного лиса. Только из-за твоих дурных советов мне приходится самому доводить дело до конца, своей собственной рукой, а ты, ослепленный своей безрассудной дерзостью осмеливаешься приходить ко мне со сказками, способными напугать ребенка, и умоляешь меня поступиться моей славой, чтобы ты и твои дружки могли присвоить ее себе и стать героями в глазах всего мира.

— Повелитель, это не так, — сказал Гро.

Но Король, не слушая его, продолжал: — Я думаю, что верный подданный должен искать свое величие в величии своего Короля, а не стремиться светить своим собственным светом. А что касается этого Демона, то твои слова о том, что я победил его, — неуклюжая ложь. В этой схватке я только проверял его силу. Но знай, что я уверен: когда использую я все мое умение и силу, он не сможет сопротивляться мне; ты сам очень скоро увидишь, как своей мощной рукой я изомну и переломлю все члены Голдри Блазко, как стебелек ангелики. А ты, ложный друг, хитрый лис, неверный слуга, знай, что я уже давно устал от тебя, твоих интриг и твоих лживых советов; и родился ты не в Ведьмландии, ты же иностранец, высланный из своей страны Гоблин, змея, которую я пригрозил на своем лоне к своему собственному несчастью. Но все на свете имеет конец. Когда я разделаюсь с Голдри Блазко, то займусь и тобой, в свободное время.

И Гро с печалью в сердце склонился перед гневом Короля и вернулся на свое место.

Рог объявил о второй схватке, и они ступили на площадку для борьбы. Под звон цимбал Король прыгнул на Голдри, как пантера, и обрушился на него всем телом, и Голдри пришлось отступить чуть ли не до края площадки. И когда они почти очутились среди Демонов, глядевших на бой, Голдри

прыгнул влево прежде, чем Королю удалось сбить его с ног, но Король повис на нем всем телом и спина Голдри едва не переломилась под убийственной яростью рук Короля. И тут Лорд Голдри Блазко показал, что он великий борец, ибо, не обращая внимания на убийственную хватку Короля, он, только силой мышц своей могучей груди, сумел сдвинуть Короля сначала направо, потом налево, Король потерял хватку, и только борцовское мастерство спасло его от позорного падения. Голдри не стал ждать, когда Король придумает что-нибудь еще, но внезапно, как молния, ослабил свой хватку, повернулся, уперся спиной в живот Короля и поднял его в воздух; зрители изумленно замерли, когда увидели, что Король повис над головой Голдри. Тем не менее, несмотря на все усилия, Голдри никак не удавалось полностью оторвать ноги Короля от земли. Дважды и трижды он пытался, и с каждой попыткой казался дальше от своей цели, а Король улучшал свой хватку. И когда Голдри в четвертый раз попытался поднять Короля на спину и перебросить через голову, Король навалился на него сзади, сильно толкнул и Голдри упал на руки и ноги. Король повис на нем, и обхватил его тело под подмышками, и стал отводить назад плечи, стараясь свести обе руки на шею Демона.

И тогда сказал Корунд, — Демон поторопился. Из этого захвата Король убил больше шестидесяти великих воинов. Сейчас он пытается сунуть пальцы за шею проклятого Демона и свести их вместе; тогда ему останется только нагибать его голову вперед до тех пор, пока кости шеи или груди не разлетятся на куски.

— По-моему он слишком долго пытается, — заметил Гро.

Из груди Короля вырывалось тяжелое хриплое дыхание, ибо он пытался свести пальцы за шеей Голдри. В этот момент только невероятная толщина шеи и мощная грудь спасали Лорда Голдри Блазко от гибели. Стоя на четвереньках, он никак не мог сбросить хватку Короля, как не мог и схватить его в свой черед. Тем не менее и Король никак не мог соединить пальцы, как бы не напрягался.

Когда Король понял, что только напрасно тратит силы, он сказал, — Я отпущу свой хватку и разрешу тебе встать, и мы опять сойдемся лицом к лицу. Ибо я считаю, что недостойно нам возиться на земле, как двум шелудивым псам.

Они встали и опять начали бороться, молча. Вскоре Король опять попытался бросить Голдри тем же приемом, что и в первой схватке, но этот раз он внезапно выгнул правый бок, подхватил своей ногой ногу Голдри, и всей силой обрушился на него. Как и прежде Голдри яростно рванулся вперед, усилив свой хватку, Король пошатнулся, и, недовольный тем, что хватку, который никогда не подводил его, на этот раз не работает, в ярости схватил пальцами нос Голдри и с такой силой вцепился в нежные внутренние части ноздрей, что Голдри откинул назад голову, стараясь избавиться от страшной боли. И тогда Король набросился на него еще сильнее и сильным толчком бросил его на спину а сам упал сверху, ударив и оглушив Демона.

И Красный Фолиот провозгласил Короля победителем в этой схватке.

Король тотчас повернулся к Ведьмам и гордо объявил о своей победе над Голдри. Зло посмотрев на Лорда Гро, он сказал: — Все так, как я и говорил: сначала испытание, потом рана и, наконец, убийство. — Гро не ответил ни слова, потому что опечалился душой, ибо видел кровь на пальцах и ногтях левой руки Короля и знал, что Королю пришлось прибегнуть к бесчестному поступку во время схватки: иначе он не мог превозмочь силу своего соперника.

Когда Лорд Голдри Блазко пришел в себя и встал на ноги после падения, он в сильном гневе обратился к Красному Фолиоту, сказав: — Этот дьявол победил меня недостойной уловкой, позор и стыд ему, ведь он схватил меня пальцами за нос.

В ответ на слова Голдри сыновья Корунда подняли шум и гам, называя его величайшим лжецом и негодяем; и остальные Ведьмы тоже громко закричали, повторяя их слова. Но Голдри крикнул голосом, подобным медной трубе, который заглушил крики Ведьм: — О Красный Фолиот, ты поклялся честно судить поединок между мной и Королем Горисом. Пускай он покажет свои пальцы и ногти. Если на них окажется кровь, то я требую, чтобы результат этой схватки был отменен и мы боролись заново.

Только теперь Красный Фолиот понял, что наделал, и что он должен отменить результат второй схватки. Тем не менее воздержался он от этого из-за страха перед Королем Горисом, который глядел на него взглядом василиска. И пока Красный Фолиот колебался, зажатый между злыми криками Ведьм и Демонов, ибо никак не мог решить, должен ли он поступить согласно чести или трусливо подчиниться Королю Горису, Король бросил одно слово Кориниусу, который подошел к Красному Фолиоту и, стоя прямо перед ним, угрожающе сказал ему на ухо. — Берегись и не становись на сторону этих страшных Демонов. С полным правом ты присудил победу во второй схватке нашему Великому Королю, а все эти разговоры о пальцах и ногтях не более, чем отговорка, изобретенная большим воображением Голдри Блазко, который, будучи честно побежден перед твоими глазами и глазами нас всех, и чувствуя себя не в состоянии сражаться с Королем, думает, что может обмануть нас и хитростью избежать поражения. Но если, несмотря на твое собственное мнение, свидетельства нас всех и священное слово самого Короля, ты дашь этому хитроумному Демону убедить себя, подумай о том, что Король уже победил в борьбе девяносто и еще девять великих воинов, а этот будет сотым; подумай и о том, что Ведьмландия лежит совсем рядом с твоими островами, а до Демонландии много дней пути. И еще подумай о том, как трудно тебе придется, если карающий меч Ведьмландии обрушится на того, кто поклялся быть честным и беспристрастным третьейским судьей, но ошибочно склонился к мнению наших врагов.

Так сказал Кориниус и в душу Красного Фолиота закрался страх. Хотя он сердцем чувствовал, что Король сделал то, в чем его обвинил Голдри, страх перед Королем и Кориниусом, стоящим перед ним и угрожавшем ему, не дал

ему заговорить. Вместо этого он, пребывая в мучительной растерянности, дал знак горнисту, чтобы тот сыграл начало третьей схватки.

И как только он подул в горн, из шатров Веедм вылетела огромная летучая мышь, обогнула противосолонь площадку для борьбы и на тихих крыльях вернулась обратно.

Понял Лорд Голдри Бласко, что Красный Фолиот не обратил никакого внимания на его обвинения, и стал красным как кровь. Страшно было глядеть на то, как раздулся он от гнева, как засверкали его глаза и стали походить на погибельные звезды в полночь, и как он с такой силой заскрежетал зубами, что на его губах появилась пена и потекла на подбородок. Цимбалы пробили атаку. В то же мгновение, пока Король собирался с мыслями, Голдри бросился на него, рыча на бегу, и обеими руками схватил его правую руку, за запястье и около плеча. И, прежде чем Король успел пошевелиться, Голдри повернулся спиной к Королю, и, добавив к своей силе еще и силу своего гнева, он вскинул Короля над головой и бросил его, как бросают копьё, головой прямо в землю. И Король ударился головой о землю с такой силой, что кости его черепа и спины сдвинулись и сломались, а из ушей и рта хлынула алая кровь. Всю свою силу и ярость вложил Голдри в этот бросок, и после него полностью лишился силы, его голова закружилась, и он, шатаясь, вышел из площадки для борьбы. Его братья, Джусс и Спитфайр, подхватили его с обеих сторон, и надели на его мощное голое тело золотой плащ с красными сердцами.

Тем временем страх и уныние овладело Веедмами, когда они увидели

своего Короля так внезапно брошенным на землю, где он лежал грудой, содрогаясь, как сломанный и дрожащий ствол болиголовы. В великом возбуждении Красный Фолиот выскочил из эбеновой кареты и поторопился туда, где лежал упавший Король. И лорды Веедмландии пошли туда с бьющимися сердцами, и своими могучими руками Корунд поднял Короля. Но Король уже был мертв, мертв как камень. Сыновья Корунда сделали носилки из своих копий, положили Короля на носилки, закрыли его королевской шелковой мантией, подбитой мхом черного медведя, возложили на его голову корону Веедмландии и, не говоря ни единого слова, отнесли его к шатрам Веедм. И остальные лорды Веедмландии в молчании последовали за ними.

III. КРАСНЫЙ ФОЛИОТ

*О ПИРШЕСТВЕ ВЕДЬМ ВО ДВОРЦЕ КРАСНОГО ФОЛИОТА;
И О ХИТРОСТЯХ И УЛОВКАХ ЛОРДА ГРО; И О ТОМ КАК ВЕДЬМЫ
НОЧЬЮ УПЛАЫЛИ С ОСТРОВОВ ФОЛИОТОВ*

Красный Фолиот возвратился в свой дворец и уселся на трон. И послал он за Лордами Ведьмландии и Демонландии, прося их придти к нему. Никто из них не запоздал, и все уселись на длинные скамьи, Ведьмы с восточной стороны зала, а Демоны — с западной. И их оруженосцы стояли перед ними в строгом порядке. Так они сидели в покрытом тенями зале, а солнце, клонившееся к западному океану, сияло через высокие окна на отполированное до блеска оружие Ведьм.

Красный Фолиот заговорил и сказал: — Великий воин был побежден сегодня в честном и равном бою. И, согласно торжественным клятвам, которые вы дали и которые я поклялся хранить, на этом заканчивается немирие между Ведьмландией и Демонландией, и Ведьмландия навсегда отрывается от требования на господство над Демонландией. Для того, чтобы скрепить этот торжественный договор между вами, я не вижу ничего лучше, чем присоединиться ко мне в этот день, забыть все ваши ссоры и выпить во славу Короля Гориса XI, сильнее и доблестнее которого не было короля во всем мире, и отбыть с миром в ваши родные страны.

Так сказал Красный Фолиот, и лорды Ведьмландии согласились на это.

Но Лорд Джусс ответил и сказал: — О Красный Фолиот! Что касается клятв, данных нами и Королем Ведьмландии, ты сказал хорошо; мы не нарушим ни одного пункта нашей клятвы, но Ведьмы всегда будут замышлять зло против нас, они не способны вечно хранить мир, ибо это против их природы. Потому что природа Ведьмландии похожа на блоху, которая всегда нападает в темноте. И мы не будем ни есть ни пить с Лордами Ведьмландии, которые предали нас и забыли о своих союзнических клятвах в морском бою против Вурдалаков. Не будем мы пить и во славу Короля Гориса XI, который во время сражения прибег к подлой и незаконной хитрости, пытаясь победить моего родича.

Так сказал Лорд Джусс, и Корунд прошептал на ухо Гро, сказав: — Мне не нравится эта честная компания, пришло время напасть на них.

Но Гро ответил: — Я прошу тебя соблюдать терпение. Здесь слишком опасно, и счастье может повернуться против Ведьмландии. Давай лучше захватим их сегодня ночью, спящими в кроватях.

Красный Фолиот попытался убедить Демонов изменить их решение, но безуспешно. Они вежливо поблагодарили его за гостеприимство, но сказали, что этой ночью будут пировать в своих шатрах, а завтра утром съедут на свои остроносые суда и уплывут по бесплодному морю в Демонландию.

С этими словами встал Лорд Джусс; и встал Голдри Блазко, в полном боевом вооружении, в рогатом золотом шлеме и в золотой кольчуге, усеянной рубиновыми сердцами, с двуручным мечом, выкованном альвами, которым он в свое время убил морское чудовище; и встал Лорд Спитфайр, глядевший

на лордов Введьмландии как охотящийся ястреб, ищущий себе добычу; и встал Лорд Брандох Даха и посмотрел на них, а особенно на Кориниуса, с высокомерным весельем, а его руки играли с украшенной драгоценными камнями рукояткой меча. И Брандох Даха глядел на Кориниуса так долго, что тот съжился под горящим взглядом, откинулся назад и сердито нахмурился. Ибо несмотря на все богатство, величественную осанку и красивую внешность Кориниуса, он казался бедняком рядом с Лордом Брандох Даха, и смертельно ненавидели они друг друга. И лорды Демонландии вместе со своими оруженосцами вышли из зала.

Красный Фолиот прислал им в шатры множество вина, еды и деликатесов, а так же музыкантов и менестрелей, которые улаждали их слух песнями и историями прежних лет, чтобы они в полной мере насладились его гостеприимством. А для остальных гостей он приказал принести массивные серебряные кубки и два маленьких бочонка, наполненных ушастыми кувшинами со старым вином, и все в зале, Фолиоты и Введьмы, вышли кубок в память Короля Гориса XI, убитого рукой Голдри Блазко. Потом, когда кубки опять наполнили шипучим вином, Красный Фолиот заговорил и сказал: — О лорды Введьмландии, хотите ли вы, чтобы я сказал погребальную речь в честь великого Короля Гориса, которого сегодня похитил у нас темный жрец? — И когда он сказал, что да, хотим, он позвал к себе музыканта, игравшего на теорбе, и еще другого музыканта, игравшего на гобое, и приказал им: — Сыграйте мне печальную торжественную музыку. — И они заиграли Эолийскую мелодию, которая походила на вой ветра в голых ветвях деревьев безлунной ночью, Красный Фолиот наклонился немного вперед со своего трона и заговорил мерным голосом:

*Уж в прошлом счастья года,
Пришла болезнь, пришла беда,
Она сжигает мои дни.
Timor mortis conturbat me.*

*Да, радость здесь — напрасный дар,
Сей мир фальшив и очень стар,
И Дьявол правит искони,
Timor mortis conturbat me.*

*И все меняется всегда
Вчера любовь, сейчас беда,
Поешь, танцуешь, вдруг: умри,
Timor mortis conturbat me.*

*Нет постоянства на Земле,
Лишь ветер носится во мгле,
Мечты — как письмена в пыли,
Timor mortis conturbat me.*

*Ведь смерть всегда стучится к нам:
Князьям, Прелатам, Королям,
Ко всем сословиям Земли.
Timor mortis conturbat me.*

*Вот рыцарь доблестный в броне.
Как гордо скачет на коне!
Но смерть — возьми и помани...
Timor mortis conturbat me.*

*Без всякой жалости, шутя,
Крадет у матери дитя.
Тиран — спасения не жди.
Timor mortis conturbat me.*

*Она берет бойца в седле,
И моряка на корабле.
И женщину в расцвете сил,
Timor mortis conturbat me.*

*И лорда с мощную рукой,
И клерка с умной головой,
Её удар не пощадит.
Timor mortis conturbat me.*

*Могучий маг и астролог,
Логистик, химик, теолог.
Им от удара не уйти.
Timor mortis conturbat me.*

*Целитель, доктор и профан,
Хирург, аптекарь, шарлатан,
И им от Смерти не спастись.
Timor mortis conturbat me.*

Красный Фолиот не успел договорить до конца погребальную песнь, как его прервала ссора между Кориниусом и одним из сыновей Корунда. Ибо Кориниус, который терпеть не мог музыку и погребальные речи, очень любил играть в карты и бросать кости; вот он и вынул свой ящичек с костями и начал играть с сыном Корунда. И они играли к большому удовольствию Кориниуса, потому что каждый его бросок выигрывал, а кошель его соперника становился все легче и легче. И на одиннадцатой строфе погребальной речи сын Корунда крикнул, что кости Кориниуса налиты свинцом. Он ударил ящичком от костей по бритой челюсти Кориниуса, назвал его обманщиком и паршивым

шакалом, а Кориниус в ответ ткнул его кинжалом в шею; но тут другие Ведьмы встали между ними и, с большим трудом, после множества ссор и ругательств их развели. Проверили кости и оказалось, что они не налиты свинцом. Тогда сын Корунда с радостью извинился перед Кориниусом, и они опять начали играть.

Потом Лордам Ведьмландии опять налили вино, и Красный Фолиот выпил свой кубок до дна во славу этой страны и ее правителей. И он приказал своим слугам: — Пускай придет моя Кагу³ и станцует перед нами, а потом пускай придут и все остальные танцовщицы. Ибо нет другого такого удовольствия, от которого настоящие Фолиоты сходят с ума, как удовольствие от зажигательного танца, и сладко нам глядеть на прекрасные танцы, будет ли это величественная Павана, в которой танцоры движутся как большие облака на солнечном закате, или грациозная Аллеманда, или Фанданго, в котором переходят от томной красоты к быстроте и страсти вакханок, танцующих под летней луной в тени сосен; или веселые па Гальярды; или Джига, так любимая Фолиотами. Поэтому, не откладывая, позовите мою Кагу, пускай она придет и станцует перед нами.

И тотчас Кагу поторопилась придти в затененный зал, она шла плавно, слегка раскачиваясь и наклонив голову слегка вперед; немного взволнованная, она бросала взгляды по сторонам, и ее большие прекрасные глаза, тихие и застенчивые, напоминали расплавленное золото, раскаленное до красноты. Внешне она походила на цаплю, но с более крепким телом и менее длинными ногами, да и ее клюв был короче и шире, чем у цапли, а бледные серые перья казались настолько нежными и длинными, что, глядя на нее, трудно было сказать: где начинаются волосы и где кончаются перья. Лютни, цимбалы и духовые инструменты заиграли Коранто, и Кагу заплясала между длинными столами, немного подпрыгивая и немного приседая, идеально попадая в такт музыке; и когда она оказалась рядом с возвышением, на котором сидел Красный Фолиот, наслаждаясь ее воздушным танцем, Кагу удлинила шаги и медленно скользнула прямо к Красному Фолиоту. Величественно неся себя, вытянулась она вверх, открыла рот и стала наклонять голову назад, все дальше и дальше, пока ее клюв не прижался к груди, поднимаясь из перьев, как пышная юбка над кринолином, а хохолок на голове поднялся и встал прямо, застыв на середине ее тела, и в такой позе она торжественно поплыла к Красному Фолиоту. Таким же способом делала Кагу каждый поворот и каждое па в коранто, двигаясь взад и вперед по просторному залу. И все радостно глядели на нее, наслаждаясь танцем. А когда танец закончился, Красный

3 Кагу, птица отряда журавлеобразных. Размером примерно с серую цаплю. Длина тела до 60 см. Кагу имеет довольно рыхлое оперение палевого грифельно-серого цвета. Сверху птица несколько темнее, снизу чуть светлее. На крыльях, когда они раскрыты, хорошо заметны белые, красноватые и черные отметины. На голове длинный (около 12 см) хохол, обычно сложенный и направленный назад. Ноги длинные, оранжево-красного цвета, нижняя часть голени не оперена. Клюв сильный, слегка изогнутый, красноватого цвета. Ноздри прикрыты перепонками, возможно, для защиты их во время копания клювом в земле.

Фолиот позвал Кагу к себе и усадил на скамью рядом с собой, погладил ее мягкие серые перья и похвалил ее искусство. Так она и сидела рядом Красным Фолиотом, робко и с удивлением глядя на лордов Ведьмландии и их слуг.

Потом Красный Фолиот позвал своих Панд, которые немедленно предстали перед ним, огненно-красные, с черными животами и круглыми, покрытыми мехом лицами, невинными янтарными глазами и мягкими большими лапами; их хвосты были украшены красными кольцами. И он сказал, — О Панды, станцуйте перед нами, поскольку любим мы ваши танцы. — О Господин, — спросили они, — не хочешь ли ты, чтобы мы станцевали Джигу?

И ответил он им: — Джига, да, мы очень любим Джигу!

И струнные инструменты заиграли быстрее, тамбурины и цимбалы грянули громче, и ноги Панд замелькали в веселом танце. Музыка бежала и переливалась, пока весь зал не закружился в их танце, и Ведьмы не разразились аплодисментами. Внезапно музыка прекратилась, танцовщицы остановились друг рядом с другом, лапа к лапе, и робко поклонились гостям; Красный Фолиот позвал их к себе, поцеловал каждую и приказал им сесть на скамьи, чтобы они могли отдохнуть и посмотреть на следующие танцы.

Следующим Красный Фолиот позвал Павлинов, белых, как свет луны, чтобы они перед лицом Лордов Ведьмландии станцевали Павану. Павлины распустили свои многоцветные хвосты и величественно пошли в танце, и как же приятно было видеть их грациозные и благородные движения, когда они двигались в такт грациозной и благородной музыке. Потом к ним присоединились Золотые Фазаны, широко раскрывшие свои золотые воротники, и Серебряные Фазаны, и Страусы и Павлино-Фазаны, и Дрофы, танцевавшие на кончиках пальцев, которые кланялись, шли вперед и отступали назад под торжественную мелодию Паваны. Каждый инструмент вносил свою долю: лютни и цимбалы, теорбы, тромбоны и гобои; лютни сладко пели, как птицы на лету; серебряные трубы и горны выдыхали мелодию, таинственную и нежную, которая сотрясала сердца; барабаны и арфы призывали к битве, а цимбалы звенели, как звенят клинки у столкнувшихся армий. И соловей, сидевший на плече у Красного Фолиота, пел Павану страстным голосом, растворявшим душу в мягкой и мрачной красоте.

И Лорд Гро закрыл лицо мантией и плакал, глядя и слушая божественную Павану; ибо как призраки вставали перед ним старые счастливые дни в Гоблинландии, перед тем, как он устроил заговор против короля Газларка, и был вынужден бежать со своей дорогой родины в многоводную Ведьмландию.

После этого Красный Фолиот приказал сыграть Гальярду. Радостная мелодия полилась из струнных инструментов, и две Сони, жирные как масло, закружились по залу. Музыка становилась все более и более дикой, и все выше и выше прыгали сони, пока не стали доставать головой до перекрытий сводчатого потолка, спрыгивать назад, а потом опять прыгать под потолок,

заражая всех радостью танца. И встали с места Фолиоты, и тоже заплясали Гальярду, и запрыгали, обезумев от танца. И закрутились в зале шесть козлоногих, танцевавших тем легче, чем быстрее неслась музыка, и еще один одноногий, который прыгал над ними, как блоха, до тех пор, пока Ведьмы не охрипли от песен и одобрительных криков. И, тем не менее, Сони прыгали выше всех, и так быстро мелькали их маленькие ножки под неистово льющуюся музыку, что никто не мог уследить за ними.

Но даже такой радостный танец не смог развеселить Лорда Гро. Печальный сидел он рядом со своими товарищами, черная меланхолия затемняла его мысли и радость, царившая вокруг, была ненавистна ему, как восход солнца ночным совам. И обрадовался он, заметив, что встал Красный Фолиот и ушел со своего возвышения в скрытую дверь за гобеленом; тогда Лорд Гро, в самый разгар веселой Гальярды, когда во всем зале танцевали и радостно смеялись, встал и незаметно вышел наружу, в тихий спокойный вечер, где над сглаженными холмами ветер баюкал огромное пустое небо, и с запада лился оранжевый свет заходящего солнца, становясь фиолетовым и непостижимо синим по мере того, как он таял в высоких небесах; нечего не было слышно, за исключением шороха никогда не спящего моря, и ничего не было видно, за исключением птиц, летящих на закат. И в этой тишине Гро пошел вдоль оврага и шел, пока не достиг края земли, и остановился на вершине мелового утеса, обрывававшегося в море, и рядом стоял Красный Фолиот, задумчиво глядевший на умирающие краски заката.

Так они стояли, молча, и долго глядели на море, но потом Гро заговорил и сказал: — Посмотри, как торжественно умирает день в бесконечности запада, вот так и слава уходит из Ведьмландии.

Красный Фолиот ничего не ответил, но продолжал задумчиво глядеть на море.

И сказал Лорд Гро: — Хотя твой взгляд направлен на запад, туда, куда спускается солнце и где лежит Демонландия, но ты должен смотреть на восток, на великолепие утреннего восхода, на Ведьмландию. Как ты уверен, что завтра увидишь восходящее солнце, так ты должен быть уверен, что скоро — очень скоро! — засияет величие, честь и слава Ведьмландии, и под ее всеразрушающими мечами враги полягут, как под серпом трава.

— Я люблю мир, — ответил Красный Фолиот, — и нежное дыхание вечернего воздуха. Оставь меня; но если предпочтешь оставаться здесь, не разрушай очарования.

— О Красный Фолиот, — сказал Гро, — неужели ты действительно любишь мир? Тогда в твои мысли должна проникнуть возвышенная и светлая музыка Ведьмландии, ибо мы, лорды Ведьмландии, тоже любим мир, и не мы зачинщики этой ссоры, а эти гордые Демоны. Они и только они задумали войну против Вурдалаков, которая потрясла все четыре уголка мира, и...

— Ты только что воздал им великую хвалу, — ответил Красный Фолиот, — хотя и не хотел этого. Ибо кто же любил этих ужасных людоедов, Вурдалаков, с их ужасными манерами, бесчеловечной жестокостью и

невероятными злодействами? С незапамятных времен каждые пять лет они оживлялись и кидались на окружающие народы, но в последний год они сотрясли весь мир своей невообразимой жестокостью. А сейчас если они и плывут, то по адскому озеру, не отягощая собой земные моря и реки. Поэтому должно низко поклониться Демонам, которые своей рукой истребили их всех до единого.

— Я не возражаю, — ответил Лорд Гро. — Ведь пожар можно залить даже грязной водой. Поэтому, с болью в душе, мы присоединились к Демонам и воевали против Вурдалаков, хотя предвидели (и оказались жестоко правы), что победа может раздуть самомнение Демонов до небес и они захотят стать властелинами и тиранами всего мира.

— Ты, — сказал Красный Фолиот, — когда-то, в юности, один из придворных Короля Газларка, Гоблин по роду и Гоблинами воспитанный, молочный брат Короля, вскормленный той же самой грудью. И почему я должен глядеть на тебя, предавшего своего доброго повелителя? Кого даже простые Гоблины открыто порицали за измену, в чем я сам убедился осенью того же года, когда был в городе Зайё Закуло во время праздника по случаю помолвки кузины короля Принцессы Амеллины с Лордом Голдри Блазко; они носили по улицам грязные картинки с твоим изображением и насмешливо распевали:

*Такой шумный,
Такой умный,
Всех предал.
С ума спрыгнул
Спину выгнул
И сбежал.*

*Все кунштюки
Только трюки
И обман.
Его храбрость
Только наглость,
Хулиган!*

Лорд Гро моргнул и сказал: — Искусство питается чувствами и душой того, кого оно создает. Я не думаю, что достойно князя, такого как ты, плыть под парусами, надуваемыми злобой черни, одержимой ненавистью и завистью. А что до подлого обвинения в предательстве, я отвергаю его и плюю на него. Правду не узнаешь, слушая стишки глупцов и мнения женщин; хотя, откровенно говоря, я до сих пор плыву не видя своей полярной звезды. Но хватит говорить о таком ничтожном предмете, как я. Я хочу поговорить с тобой о наиболее печальных и серьезных делах: не убаюкивай себя мыслями, что Демоны собираются даровать этому миру покой; это очень далеко от их настоящих намерений. Они не захотели слушать твои мудрые слова, не захотели сесть с нами и выпить в знак мира между нами. Почему? Ибо они

замышляют злодейство. «Природа Введьмландии похожа на блоху», вот что сказал Джусс, и он испытывает непреодолимое желание прищелкнуть эту блоху кончиками пальцев. О, если ты действительно любишь мир, самый короткий путь — открыть мне желания твоего сердца.

Ничего не ответил Красный Фолиот, по-прежнему задумчиво глядя на дымные отражения заката на потемневшем небе и рождавшиеся звезды. Тогда, как мурлыкающий кот, Гро проговорил ласково и тихо: — Там, где не помогают мази и притирания, нужен острый скальпель хирурга. Ты не против оставить это мне?

Но Красный Фолиот только сердито посмотрел на него и сказал: — Что я могу поделать с твоей злобой? Ты поклялся хранить мир, и я не потерплю жестокости и нарушения клятв в моем спокойном государстве.

— Клятвы исходят из сердца, — сказал Гро, — и часто тот, кто открыто нарушает их, действует по правде, ибо в глубине души он уже презирает и ненавидит своих врагов.

— Что я могу поделать с твоей злобой, которая заставляет твои уши стоять торчком, как у охотничьей собаки? — опять сказал Красный Фолиот. — Увы, я слишком поздно понял, что тот, у кого честное сердце, чистые руки и на душе нет ненависти, не должен вмешиваться в смертельную вражду и кровопролитие между вами и Демонами.

И сказал Лорд Гро, опасно сузив глаза, — Неужели ты думаешь, что сумеешь пройти не запятив рук между нами и ними? Если бы ты действительно хотел этого, ты должен бы был подумать о своих руках раньше, прежде чем присуждать победу Горису во второй схватке. Ибо и нам, и твоему народу, а больше всего Демонам ясно как день, что Король схитрил во время схватки; и, назвав его победителем, ты во все услышание объявил себя его другом, и, следовательно, врагом Демонов. Неужели ты не заметил, каким змеиным взглядом посмотрел на тебя Лорд Джусс, покидая зал? Нет, не только с нами он отказался есть и пить, и его печально-знаменитая щепетильность не пострадает, когда он уничтожит тебя и твое государство. Ибо они уже решили. Нет ничего более определенного.

Красный Фолиот опустил подбородок на грудь и долго стоял в молчании. Цвета смерти и тишины распространились вокруг, потому что лучи солнца погасли и появились большие звезды, похожие на цветы, распустившиеся в безграничных полях ночного неба: Арктур, Спица, Гемини, Маленькая Собака, Капелла и ее Дети.

И сказал Красный Фолиот, — Введьмландия лежит у моей двери. И Демонландия: как я могу противостоять мощи Демонландии?

— И завтра солнце встанет над Введьмландией, — сказал Гро.

Какое-то время они молчали. Потом Лорд Гро вынул свиток из-за пазухи и сказал: — Тот, кто хочет получить урожай в этом мире, должен быть твердым и решительным, иначе его сотрут в порошок между верхним и нижним жерновом. Ты не можешь повернуть назад: они будут презирать тебя и насмехаться, как и мы, Введьмы. И сейчас остался только один способ

установить прочный мир: возвести Короля Гориса на трон Демонландии и унижить толпу этих Демонов, наступив им на шею железной пятой Ведьм.

— Но разве Король Горис не убит Демоном? — спросил Красный Фолиот, — и разве мы не пили в его память? и разве он не второй подряд Король Ведьмландии с таким именем, убитый Демоном?

— Горис Двенадцатый, — ответил Гро, — сейчас сидит в Карсе и еще не знает, что стал королем. О Красный Фолиот, знай, что сегодня ночью я читал планеты и увидел скрытые силы, творящие паутину судеб. И я узнал, что этот двенадцатый Король из рода Горисов станет самым коварным варлоком, чей мозг будет вечно полон хитростей и уловок, а мощь его некромантии, соединенная с мечами Ведьм, превзойдет любую из сил, существующих на земле, и его гнев обрушится на врагов внезапно и неотвратимо, как удар молнии с ясного неба.

Сказав так, Гро нагнулся, поднял с траву светлячка и нежно сказал ему, — Дорогой, посвети нам несколько мгновений, — дохнул на него и посадил на свиток пергамента, сказав: — Напиши свое королевское имя на нескольких статьях, которые вовсе не требуют от тебя идти на войну, но только (если война разразится), стать на нашу сторону против Демонов, которые и так будут стремиться убить тебя.

Но Красный Фолиот сказал: — Как я могу убедиться, что ты не обманываешь меня?

Тогда Гро вынул из кошель послание, в конце которого стояла печать, во всем похожая на печать Лорда Джусса, и вот что там было написано: «Волю, с любовью и верой: ежели ты еще не плыве в Ведьмланд, возьми три или четыре больших карабля и направь их к Фоллиотским Островам, изничтожь там все до основания и пожги Красного Фоллиота в его домине. Ибо если оставим мы ту нечесть в живых, стыдоба и позорище всегда будут преследовать нас». И сказал Гро: — Мой слуга выкрал это послание у них, пока они говорили с тобой в зале сегодня вечером.

И Красный Фолиот поверил, вынул из пояса перо и костяную чернильницу, и написал свое королевское имя на статьях предложенного ему договора.

Лорд Гро убрал пергамент за пазуху и сказал. — А теперь быстрая операция. Мы должны застать их в кроватях сегодня ночью; тогда завтрашний рассвет осветит славу и триумф Ведьмландии, ныне затмившиеся, и во всем мире наступит мир и удовлетворение.

Но ответил ему Красный Фолиот: — Милорд Гро, я подписал эти статьи, и ныне я враг Демонландии. Но я не предаю моих гостей, евших мою соль, враги ли они мне или нет. Знай, что этой ночью я выставил стражу у ваших шатров и у шатров Демонов, чтобы между вами не было никаких ссор. Это то, что я сделал и буду делать, и завтра утром мирно вы отплывете на своих судах, как и приплыли. Поскольку я стал вашим другом и поклялся, что буду помогать вам, я и мои Фолиоты будем на вашей стороне, когда разразится

война между Демонландией и Ведьмландией. Но я не потерплю никаких ночных убийств на моих островах.

После этих слов Красного Фолиота Лорд Гро почувствовал себя как тот, кто радостно идет домой по дорожке, окруженной кустами цветов, и перед ним внезапно, прямо у ног, раскрывается бездонная пропасть; он растерянно остановился, в высшей степени разочарованный. Тем не менее он ничем не выдал своего разочарование, но спокойно сказал:

— Справедливо, рассудил ты, о Красный Фолиот, справедливо и мудро, ибо не зря сказано:

*Грозит ли смерть, позор, иль гложет ум сомнение,
Достойные умы не предадут доверье.*

Ведь то, что мы посеём в темноте, должно взойти при свете дня, иначе оно завянет не достигнув зрелости. Больше я ничего не требую у тебя, но я по-настоящему боюсь этих Демонов и напрягаю весь свой ум, чтобы предотвратить из зловердные замыслы. Но сделай для нас еще одно доброе дело. Если мы поплывем домой, а они следом за нами, они достигнут нас врасплох, потому что их корабли быстрее наших; или, если они отплывут прежде нас, то могут дождаться нас в открытом море. Помогите нам ушлеть сегодня ночью, и под каким-нибудь предлогом задержи их только на три дня, чтобы мы могли быть дома прежде, чем они покинут Острова Фолиотов.

— Я не откажу тебе в этой просьбе, — сказал Красный Фолиот, — потому что в ней нет ничего, что было бы против моей чести и достоинства. Я сам приду к вашим шатрам сегодня ночью и провожу вас до кораблей.

Когда Гро подошел к шатрам Ведьм, он обнаружил, что, как и сказал ему Красный Фолиот, они охраняются, и шатры Демонов, тоже. Поэтому пошел он в королевский шатер, где на похоронных носилках из древков копий лежал Король, одетый поверх доспехов в королевские одежды, черные с золотом, и на голове его тускло сияла корона Ведьмландии. Две горящие свечи стояли у головы Короля Гориса, и две у ног. Ночной ветер, дувший через щели в шатре, колыхал пламя свечей, и тени беспрепятственно танцевали на стенах и потолке. На скамьях вдоль стен с мрачными лицами сидели лорды Ведьмландии, ибо вино перестало радовать их сердца. Когда Гро вошел, их глаза угрожающе вспыхнули, а Кориниус сел прямо и сказал: — Вот он, Гоблин, отец и пестун наших несчастий. Убьем его, прямо сейчас.

Гро встал перед ним, и, не склоняя головы, посмотрел ему прямо в глаза и сказал: — Мы, лорды Ведьмландии, не сходим с ума от несчастий, милорд Кориниус, и с радостью оставляем Демонам, как бешеным волкам, перекусывать друг другу горло. Хотя я только приемный сын Ведьмландии, мне кажется, что я ничуть не меньше тебя хочу уберечь нашу страну от грозящей ей гибели. Но если у тебя есть что сказать против меня, говори и я отвечу тебе.

Кориниус глухо рассмеялся. — Нет, вы только послушайте этого глупца! Неужели ты думаешь, что мы все дети и бабы? Неужели не ясно как день, что ты решил погубить нас руками Демонов, глупо советуя напасть на

них посреди ночи? И вот, ночь пришла, мы стали пленниками в собственных шатрах, и нет никакой возможности выйти из них, если мы не хотим расшевелить гнездо этих шерней-Фолиотов и предупредить о наших намерениях Демонов и всякую живую душу на острове. И вся эта стража появилась именно тогда, когда ты ускользнул и плел интриги с Красным Фолиотом. Но ныне зло схватило за хвост само себя, мы тебя убьем и покончим с тобой и твоими интригами.

Произнеся эти слова Кориниус прыгнул на ноги и обнажил меч, и остальные Ведьмы поступили так же. Но Лорд Гро даже бровью не шевельнул, только сказал: — Сначала послушайте мой ответ. До рассвета еще далеко, а убить меня — минутное дело.

Тогда выступил вперед Лорд Корунд и встал между Гро и Кориниусом, закрыв Гро своим массивным телом. — Тот, кто направит свой меч на него, сначала должен будет сразиться со мной, даже если это будет один из моих сыновей. Мы выслушаем его. И если он не объяснится, мы разрубим его на кусочки.

Ведьмы сели, недовольно перешептываясь. И Гро заговорил и сказал: — Вначале поглядите на этот пергамент, торжественный договор о союзе между нами и Фолиотами, на котором Красный Фолиот поставил собственноручную подпись. Да, верно, у этой страны нет сильной армии, мы можем растоптать ее и на наших сапогах не останется и травинки, да и мало пользы принесет их слабая помощь в день битвы. Но эти острова, лежащие по дороге в Демонландию, замечательная гавань для судов. Если враги захватят их, они могут разместить здесь флот и сделать с нами все, что только пожелают. Разве этот договор не принесет нам пользу в нынешнем отчаянном положении? Далее, знайте, что когда я советовал напасть на Демонов в их кроватях, а не в замке Фолиотов, мне уже сообщили, что Красный Фолиот приказал своим дружинникам напасть на того, кто первым обнажит свой меч. А когда я вышел из зала, то, как справедливо угадал Кориниус, я плел интриги с Красным Фолиотом. Да, мы составили заговор, но я уже показал вам его результат: подписанный договор. И действительно, если бы я подло предал Ведьмландию, вступив в заговор с Красным Фолиотом, неужели я бы спокойно вернулся в пасть тигра, а не остался бы в его дворце, в покое и безопасности?

Теперь, когда Гро понял, что гнев Ведьм против него угас, и что он, мешая правду и ложь, сумел ловко защитить себя, он опять заговорил: — Мало дохода получил я, прилагая все свои силы, все свои средства на пользу Ведьмландии. Но для Ведьмландии было бы намного лучше, если бы вы лучше слушали мои советы. Корунд подтвердит, что, рискуя жизнью, я советовал Королю прекратить борьбу после первой же схватки, и если бы Король принял мой совет, не стал бы подозревать меня и угрожать мне смертью, то нам не пришлось бы сейчас нести его тело домой, в королевские катакомбы под Карсё.

— Он сказал правду, — подтвердил Корунд.

— И только в одном я действительно ошибся, — сказал Гро, — но вскоре мы исправим эту ошибку. Хотя Красный Фолиот и перешел на нашу сторону, он не дал нам напасть на Демонов исподтишка, и вообще не хочет никаких сражений на своих островах. Какие-то глубокие моральные принципы висят на нем, как ключья паутины, и он упрямо держится за них. Но мне удалось убедить его задержать Демонов здесь на три дня, и дать нам выйти в море этой ночью, сказав ему — и он глупо поверил! — что мы опасаемся Демонов и хотим уплыть домой прежде, чем они окажутся в открытом море и нападут на нас. И мы окажемся дома раньше, чем они выйдут в море, но не из-за страха перед ними, но скорее для того, чтобы подготовить смертельный удар против Демонландии прежде, чем они окажутся дома.

— О каком смертельном ударе ты говоришь, Гоблин? — спросил Кориниус.

И Гро ответил и сказал: — Том самом, о котором я хочу рассказать нашему повелителю, Королю Горису XII, который ждет нас в Карсё. Но я ни слова не скажу о нем пьянице и игроку в кости, который едва не пронзил мечом истинного друга Ведьмландии. — После чего Кориниус разгневался выше всякой меры, вытащил меч и кинулся на Гро. Но ему помешали Корунд и его сыновья.

Как только звезды объявили полночь, Красный Фолиот со своей стражей тайно пришел к шатрам Ведьм. лорды Ведьмландии взяли оружие, оруженосцы понесли припасы и Короля на носилках из древков копий. Окруженные безлунной ночью, они обогнули дворец и по извилистой тропинке спустились в овраг, а оттуда пошли на восток, к морю. Они опустились так низко, что можно было безопасно зажечь факелы, чтобы осветить свою дорогу. Гольми и унылыми казались стены оврага в свете раздуваемого ветром пламени, которое отражалось от камней королевской короны Ведьмландии и от бронированных котурнов, надетых на ноги Короля и позволявших видеть торчавшие вверх сильные пальцы ног — остальное закрывал подбитая мехом медведя мантия; пламя отражалось от оружия тех, кто нес Короля, кто шел рядом с ним, и от черной холодной поверхности реки, бежавшей по своему каменистому ложу к морю. Тропинка был неровной и каменистой, и они шли очень медленно, боясь оступиться и уронить Короля.

IV. КОЛДОВСТВО В ЖЕЛЕЗНОЙ БАШНЕ

О КРЕПОСТИ КАРСЁ, И О ПОЛУНОЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ КОРОЛЯ ГОРИСА XII, ГОТОВИВШЕГО В СТАРИННОЙ КОМНАТЕ ГОРЕ И СМЕРТЬ ЛОРДАМ ДЕМОНЛАНДИИ

Ведьмы взошли на свой корабль и попрощались с Красным Фолиотом, Гребцы уселись на скамьи, приготовили весла и начали грести, глубоко погружая их в воду. Корабль поднял парус и поплыл на восток. Над головами Ведьм закружились звезды, небо на востоке начало бледнеть, из-за моря появилось солнце и поднялось над левым бортом. Так они плыли два дня и две ночи, и на третий день впереди появилась земля, и встало утро, окутанное туманами и облаками, и над Ведьмландией повисло солнце, похожее на гигантской красный огонь. Тут они немного помедлили около Тенемоса, ожидая прилива, по высокой воде прошли над отмелью в устье реки Друимы, поплыли мимо дюн, болот и озера Эргаспиан, и плыли до тех пор, пока не достигли поворота реки, за которым находился Карсё. Насколько глаз мог видеть, вокруг них простирались печальные пустоши, лишь кое-где маленькие ивовые рощи и одинокие имения поднимались над плоской равниной. За поворотом скалистый северный берег острым локтем вдавался в реку, а другой, южный, тянулся на много миль, пока не исчезал в мареве болот. На вершине утеса стоял чудовищный черный квадрат Карсё, казавшейся горой на фоне этой низкой земли. Он был выстроен из черного мрамора, не обработанного и не отполированного, и его внешние укрепления простирались на много акров. Внутренняя стена с башнями на каждом углу образовывала цитадель, в юго-западном углу которой находился дворец, нависавший над рекой. И в юго-западной части дворца стояла крепость: круглая железная башня, высотой не менее семидесяти локтей и окруженная зубчатой стеной, на которой под парапетом в различных формах и видах были вырезаны изображения краба Ведьмландии. Перед стеной находилась еще одна линия обороны: темные кипарисы, из которых уже много лет к небу поднималась волна черного пламени. На востоке крепости находились водяные ворота, к которым вел мост, стоявший на гигантских каменных быках и укрепленный башенками с бойницами; с высоты крепости весь мост был как на ладони. Мрачным и грозным выглядел Карсё, и походил на овегществленную душу страшной ночи, нависшую над ленивыми водами реки: днем, в лучах солнца, он казался тенью, затемнявшую одиночество мрачных болот; ночью — безжалостной силой, более темной, чем сама ночь.

Корабль причалил недалеко от водяных ворот, и лорды Ведьмландии сошли на берег, вместе со своими дружинниками и оруженосцами. Ворота открылись, лорды с траурным видом вошли внутрь и по крутой лестнице поднялись во дворец, неся с собой печальную ношу с телом Короля. В приемном зале Карсё они торжественно положили Короля дожидаться ночи, ибо день еще не кончился. И не пришло ни единого слова от Короля Гориса XII. Но когда на дворец пали тени ночи, появился камергер, сойдя с террасы за западной стеной, и обратился он к Лорду Гро и сказал: — Милорд, Король

приказывает вам подождать его в Железной Башне, и еще он приказывает перенести туда королевскую корону Введьмландии.

Гро поторопился исполнить королевский приказ и отправился в большой приемный зал, почтительно неся в руках железную корону Введьмландии, украшенную бесценными драгоценными камнями; по извилистой лестнице он поднялся башню, и камергер шел перед ним. Когда они взошли на первую площадку, камергер постучал в массивную дверь, которая немедленно открылась, и камергер сказал: — Милорд, Король желает, чтобы вы подождали его величество в тайной комнате на верхушке башни. — И Гро изумился, потому что никто не входил в эту комнату много-много лет. Давным-давно именно в этой комнате Горис VII занимался запретными искусствами, и, как говорили, он вызывал там призраков тех, кого убил своим ядом. Молчание запечатывало это печальное место, и последний Король никогда не входил в нее, ибо не питал веры в искусство магии, предпочитая ей силу рук и мечей Введьмландии. Но сердце Гро возрадовалось, ибо, открыв эту комнату, Король прошел пол пути навстречу планам Гро. Без страха он прошел мимо стража и по пыльной винтовой лестнице, увешанной паутиной и затемненной тенями приближающейся ночи, поднялся на последний этаж, постучал в маленькую низкую дверь и замер, ожидая ответа.

Изнутри кто-то спросил: — Кто стучит? — и Гро ответил: — Господин, это я, Гро. — Засовы отомкнулись, дверь открылась и Король сказал: — Входи. — И вошел Гро, остановился и стал ждать слов Короля.

Комната, в которой он оказался, была круглой и заполняла весь верхний этажа донжона крепости. Сумрачно было в ней, и слабый свет лился через глубокие амбразуры окон, пронзавших стены башни и выходивших на все четыре стороны света. В большом очаге пылал огонь, мерцающий свет которого освещал странные сосуды из стекла и глины, флаконы и реторты, весы, песочные часы, тигли и астролябии, чудовищный трехгорлый перегонный куб из фосфоресцирующего стекла, на котором стояла водяная баня, а также другие инструменты, сомнительные и запрещенные. Под северным окном, прямо против двери стоял массивный стол, почерневший от возраста, на котором лежали большие книги в кожаных переплетах; каждая книга был помещена в железный футляр, запертый на тяжелый замок. Король Горис XII сидел на большом стуле, одетый в черно-золотую колдовскую мантию, и опирался щекой на руку, которая была тонкой, как коготь орла. Полутьма, мать теней и тайн, клубилась в комнате вокруг неподвижной фигуры Короля, крючковатого, как у орла носа, коротко остриженных волос, густой, тоже коротко остриженной бороды и бритой верхней губы, высоких скул, жесткой тяжелой челюсти и темных ресниц, из-под которых сверкали недобрый светом зеленые глаза. Дверь бесшумно закрылась и Гро предстал перед Королем. Сумерки стали еще гуще, слабый свет очага метался по наполненной страхом комнате. Король, неподвижно сидел, опираясь подбородком на руку, и только изогнул бровь, увидев Гро; в комнате царило молчание, нарушаемое только слабым мурлыканьем огня.

Через какое-то время Король заговорил: — Я послал за тобой, потому что ты один осмелился подать совет нашему великому, но уже мертвому Королю, Горису XI, да славится его имя. И еще потому, что ты подал добрый совет. Удивишься ли ты, если я попрошу у тебя совета?

— О Повелитель, — ответил Гро, — я не удивляюсь этому. Ибо ведомо мне, что душа живет и сражается, хотя тело погибло.

— Никогда не упоминай высших тайн бытия, — сказал Король. — Даже мысли о них могут принести тебе несчастье, и хотя ты сказал о них вслух в этом потаенном месте и их слышали только мои уши, все равно, ты можешь понести самое жестокое наказание.

— О Король, — ответил Гро, — я никогда не говорю не подумав; более того, Ваше Величество спросило меня. Тем не менее я подчинюсь любому наказанию, которое Ваше Величество наложит на меня.

Король встал со стула и медленно подошел к Гро. Он был очень высок и худ, как изможденный голодом баклан. Положив руки на плечо Гро, Король наклонился и посмотрел Гро прямо в глаза: — Неужели ты не испугался, — спросил он, — встретиться со мной в этой комнате, на исходе дня? Или ты, увидев эти инструменты, не вспомнил об их цели и использовании, и о том, что происходило здесь в старые времена?

Гро не побледнел и не отшатнулся, но, смело глядя в глаза Королю, сказал: — Я не только испугался, о Милорд Король, но обрадовался, услышав, что вы призываете меня. Потому что это совпадает с моими собственными планами, которые я, неведомо для всех, разработал после удара судьбы на Островах Фолиотов. Ибо в тот день, о Король, я увидел, что свет Вельдландии затмился и ее сила ослабла, ведь ее славной памяти Король Горис XI пал. И тогда я подумал о вас. О Лорд, на трон в Карсё вступил двенадцатый Горис, и мне вспомнились слова старого предсказателя, который пропел:

*Я вижу, как десять, одиннадцать и двенадцать,
Могучие и величественные,
Сменяют на троне друг друга.
Один мечом, второй силой рук, а третий — гримуаром,
завоевывают себе королевство,
Не выходя из Карсё.*

— Заметьте, сир, что ваш номер, двенадцать, он связал с гримуаром, и поэтому мне кажется, что вы должны обрушить на этих проклятых Демонов всю силу искусства магии и уничтожить их, пока они еще в пределах досягаемости ваших заклинаний; таким образом вы завоюете их дом и земли, а иначе они безопасно уплывут к себе в многогорную Демонландию.

Король прижал Гро к груди, поцеловал его и сказал: — Ну разве ты не истинный драгоценный камень мудрости и благоразумия? Дай мне обнять тебя и признаться в вечной любви.

Наконец Король отступил назад, по-прежнему держа руки на плечах Гро, и какое-то время молча глядывался в него. Потом зажег свечу, стоявшую в железном подсвечнике на столе рядом с книгами, и поднес ее к лицу Гро. И

сказал Король: — Да, ты мудр и благоразумен, и есть у тебя кое-какое мужество. Но прежде, чем изберу я тебя своим помощником на эту ночь, я должен испытать тебя ужасом, как проверяют золото в тигле: низшие металлы расплавятся, но благородное золото — уцелеет.

— Много лет, о Повелитель, — ответил Гро, — еще до того, как я попал в Карсё, я ездил по белу свету, и я знаю ужас так, как ребенок знает свои игрушки. В южных морях, при свете Ахернара и Канопуса, я видел, как гигантские морские кони сражаются с восьминогими каракатицами в водоворотах Корша. Но я не боялся. Я был на острове Медузы, когда первый из подземных толчков обрушился на него и расколол остров, как топор раскалывает череп человека; зеленые волны поглотили его, но зловоние и дым еще долго висели в воздухе, пока океан сражался с горящими камнями и расплавленной землей. Но я не боялся. Я был вместе с Газларком во время бегства из Зайё Закуло, когда Вурдалаки, днем, захватили королевский дворец и ворвались в его залы, колдовством затмив солнце. Но я не боялся. Тридцать дней и тридцать ночей я, в одиночестве, скитался по пустыне Моруна в Верхней Чертландии, куда боится заходить любая живая душа: только злые духи воздуха видели мои шаги и болтали со мной во тьме. Но я не боялся. И дошел я до Морна Моруна и встал на краю откоса, как на краю мира, и посмотрел на юг, туда, куда не глядели глаза ни одного смертного, и увидел непроходимые леса за Бхавинаном. И на невероятном расстоянии от себя, за горным кряжем, вздымавшемся в небеса, я увидел два таинственных пика, навсегда связавшие небо и землю: величественные шпили и изящные кряжи Коштра Пиврархи, и парящие над бездной дикие обрывы царственно-молчаливого снежного купола Коштра Белорн.

Когда Гро закончил говорить, Король отвернулся о него и, взяв с полки реторту с темно-синей жидкостью, поставил ее на водяную баню, под которой зажег огонь. Из носика реторты пошел нежно-лиловый дым, который Король собрал в флакон. Потом сделал над флаконом несколько магических пассов и потряс флаконом. Дым превратился в порошок. Король высыпал порошок на ладонь и сказал Гро: — Смотри на него внимательно. — Гро вперил взгляд в порошок. Король пробормотал заклинание, порошок задвигался и заколебался, и стал похож на ползающих клещей в перезрелом сыре. Песчинки стали объединяться на руке Короля, выросли в размере, у них появились ноги. Гро увидел, как они выросли, стали с горчичное семя, потом с ячменное зерно, продолжая быстро ползать по ладони Короля. Пока он с удивлением глядел на них, они стали размером с фасоль и тут стало ясно, что это маленькие лягушки; они, продолжая расти, уже не помещались на ладони и стали прыгать на пол. Но и там они не остановились, и стали размером с маленькую собаку. Король уже не мог удержать больше одной, держа свою руку под животом твари, пока ее ноги болтались в воздухе; остальные прыгали по полу и заполонили весь стол. Бледными они были, бледными и прозрачными, луч света проходил через них, как тонкий рог, и нежно-лиловыми, цвета того пара, из которого родились. Комната наполнилась ими,

они громоздились на плечах друг у друга, и они росли не переставая, став размером с хорошо откормленных свиней; и они во все глаза глядели на Гро и громко квакали.

И все это время Король не отрывал взгляда от Гро, которой с удивлением глядел на это представление, держа в руках корону Ведьмландии; и заметил Король, что корона ни на йоту не сдвинулась в руках Гро. Горис XII сказал какое-то слово, лягушки начали стремительно уменьшаться, стали совсем маленькими и исчезли.

Король взял с полки шар из темно-зеленого стекла, размером с яйцо ястреба, и обратился к Гро. — Взгляни внутрь этого шара и скажи мне, что ты видишь.

— Я вижу движущуюся тень, — ответил Гро.

— Брось шар изо всей силы на пол, — приказал Король.

Лорд Гро обоими руками поднял тяжелый, как будто сделанный из свинца шар над головой, и с такой силой бросил его на пол, что тот разлетелся на куски. И, смотрите, клуб черного дыма вырвались из обломков шара и образовал человеческую фигуру самого устрашающего облика, у которой вместо ног были две извивающиеся змеи; и она стояла в комнате, головой упираясь в сводчатый потолок и глядя недобрым, угрожающим взглядом на Короля и Гро. Король схватил меч, висевший на стене, вложил его в руку Гро и громко крикнул: — Обруби ему ноги, и не медли, иначе ты умрешь! — Гро ударил и обрубил ноги злой твари, легко, как будто разрезал масло. Но из обрубка выросли две новые извивающиеся ноги-змеи, во всех похожие на первые, и Король опять крикнул, — Руби, руби не переставая, иначе станешь мертвее мертвой собаки. — Гро отрубил их, но из раны опять выросли точно такие же ноги, и вскоре вся комната превратилась в змеиный лабиринт. Но Гро, не обращая на них внимания, рубил и рубил, пока у него на лбу не выступил пот, и он не сказал, тяжело дыша: — О Король, я сделал его стоногим, как многоножка: должен ли я сделать его тысяченогим до наступления ночи? — Король улыбнулся и проговорил слово с тайным значением: в окно ворвался вихрь, а когда он улетел, на полу остались только осколки зеленого шара.

— Неужели ты не испугался? — спросил Король, и когда Гро ответил, что нет, сказал, — Мне кажется, что все эти кошмарные зрелища должны были поразить тебя, ибо я хорошо знаю, что ты не искушен в искусстве магии.

— Да, но я философ, — ответил Лорд Гро, — и кое-что знаю об алхимии и скрытых свойствах материального мира: о свойствах растений, деревьев, камней и минералов, о путях звезд и о влиянии небесных тел на нашу жизнь. В свое время я часто беседовал с рыбами и птицами, и нынешнее поколение, ползающее по земле, тоже не пренебрегает мной; много раз компанию мне составляли тритоны, живущие в пруду, и светлячки, и маленькие птички, и муравьи, и всякие существа их рода, и я весело болтал с ними. Так что я обладаю некоторыми знаниями, которые освещают мне внешний двор тайного храма гримуаров и запрещенных искусств, хотя в сам

храм я не глядел ни разу. И моя философия, о Король, уверила меня, что те видения, которые ваше величество показало мне, не больше чем иллюзии и фантомы, и способны напугать только те слабые души, которые не знают божественной философии; они призраки, без тела и силы. Они могут напугать только тех, кто и так боится собственной тени.

И сказал Король: — По каким знакам ты распознал их сущность?

И ответил ему Лорд Гро: — О Король, вы слишком легко создали эти ужасающие иллюзии, как будто ребенок махнул цветком. Не так действует тот, кто вызывает по-настоящему ужасные создания: он тяжело работает, напрягая все свои силы и волю, он собирает все свое мужество и напрягает весь свой ум, и пот ручьем течет с его чела.

Король улыбнулся. — Правдивы твои слова. Все эти призраки не испугали тебя, не заставили дрогнуть твое сердце, но теперь я вызову более материальный ужас.

Он зажег свечи в больших железных канделябрах и открыл маленькую потайную дверь, находившуюся невысоко над полом; и Гро увидел, что за маленькой дверью находится железная решетка, из-за которой доносилось шипение. Король взял необычно выглядявший серебряный ключ, с узкой рукояткой, три пяди в длину, и открыл железную дверь, недовольно заскрипевшую. И сказал Король: — Посмотри и увидишь, что выплупилось из петушиного яйца, которое высиживала слепая гадюка. Взгляд этого создания превращает в камень любое живое существо, стоящее перед ним. Если я хотя бы на мгновение потеряю контроль над заклинанием, моя жизнь закончится. И твоя. Зло настолько пропитало эту змею, которую древний Враг, живущий во тьме, пустил на нашу землю, что только могущественные волшебники и колдуны способны использовать их, еще больше увеличивая свою силу; все остальные обречены на смерть.

И в это мгновение потомок проклятия вышел из своей норы, гордо выступая на двух петушиных ногах; голова петуха у него была, с розовым гребнем и бородкой, но его лицо ничем на походило на лица животных средиземья, а, скорее, напоминало лицо Медузы-Горгоны. На шее росли черные святающиеся перья, тело было телом дракона, покрытом чешуйками, сверкавшими в свете свечей; крылья летучей мыши были у него, а еще хвост гадюки с жалом на конце, и клюв, из которого время от времени высовывался раздвоенный язык, с которого тек яд. Рост — не больше локтя. Околдованный заклинанием Короля Гориса, он не мог бросить свой губительный взгляд ни на Короля, ни на Гро, но вышагивал взад и вперед, отворачиваясь от них. Перья на его шее распушились от гнева, он на удивление быстро крутил чешуйчатым хвостом и гневно шипел, раздраженный узами, наложенными на него Королем Горисом. Из его груди вырывалось зловонное дыхание, ленивыми клубочками расходившееся по всей комнате.

Какое-то время он прохаживался, глядя мимо них, и Гро мельком увидел его глаза, напоминавшие две большие луны, отравленный свет которых льется в ночную тьму через зеленоватый туман. И его охватила

сильная ненависть, из желудка к горлу поднялся комок, лоб и ладони стали холодными и влажными, и он сказал: — Милорд Король, я прилежно смотрел на этого василиска, и он не испугал меня ни на йоту, но я ужасно разгневался при виде его и у меня появился комок в горле, — и тут его вырвало. Тогда Король приказал змее вернуться в дыру, и тот подчинился, недовольно шипя.

Король налил в бокал немного вина, проговорил заклинание, и когда ароматное вино оживило Лорда Гро, Король заговорил и сказал: — О Гро, ты показал себя настоящим философом с отважным сердцем. Но как меч можно испытать только в настоящем сражении, когда тот, кто держит его руках, играет со смертью, так и я должен этой ночью обжечь тебя в топке ужаса, ибо если ты отступишь, погибнем не только мы оба, но и вся Вельдландия вместе с Карсё превратится в пустыню, заваленную обломками замков и домов. Способен ли ты выдержать такое испытание?

— Я с радостью подчинюсь любому вашему слову, о Король, — ответил Гро. — Ибо я хорошо знаю, что против Демонов бесполезны любые фантомы и иллюзии, и даже смертельный взгляд василиска пропадет втуне. Сильны они сердцем, и сведущи во всех науках, а Джусс к тому же волшебник с древней силой, и ему не страшен любой взгляд любых василисков. Чтобы сокрушить Демонов нужно по-настоящему сильное волшебство.

— Сила рук и сила мечей, — сказал Король, — вот сущность величия отпрысков Демонландии. В этом они превосходят нас и доказали это, повергнув Гориса XI, с которым не мог бороться никакой смертный, пока проклятый Голдри, опьяневший от злобы и зависти, не убил его на Островах Фолиотов. Но в былые времена они не превосходили нас силой рук, и Горис XI, победивший в бесчисленных поединках один на один всех своих врагов, прославил наше имя на весь мир. И тем не менее в последнем он погиб сам, против всех ожиданий, при помощи какого-то предательского трюка, от рук танцора из Крозеринга. Но я, знаток гримуаров, использую против Демонов куда большую силу, чем могучие мышцы или мечи, способные разрубить на куски камень. Но эта сила в первую очередь угрожает тому, кто использует ее.

С этими словами Король отомкнул самую большую из книг, лежавших на массивном столе, и прошептал Гро на ухо так, как делает тот, кто не хочет, чтобы его подслушали: — Это та самая ужасная книга заклинаний, и она находится в той самой комнате, где, такой же ночью, Горис VII расшевелил бездну. И знай, что только из-за этого Король Горис VII погиб, ибо благодаря своему дьявольскому искусству сумел призвать кого-то из первозданной тьмы, и, чрезвычайно устав от напряжения во время обряда, на мгновение расслабился, и то ли забыл слова заклинания, то ли страницу, на которой они были записаны, то ли не сумел четко произнести нужные слова, или сделал что-то еще, что не позволило ему довести заклинание до конца. В результате он не сумел удержать в повиновении то, что вызвал из бездны, оно обратилось на него самого и оторвало ему все члены, один за другим. Вот судьба, которой я должен избежать, и поэтому за последние дня я обновил в памяти все эти заклинания, и ты будешь стоять рядом со мной, пока я буду произносить их.

Будь стойким, и если заметишь, что я ошибся или покачнулся прежде, чем закончу, ты должен будешь положить руку на книгу или светильник, и выполнить все, что будет необходимо, все, что я покажу тебе. Способен ли ты на это?

— Повелитель, покажите мне все, что я должен сделать, — ответил Гро, — и я сделаю это, если даже все фурии ада слетятся в эту комнату и будут рвать меня на куски.

И Король показал Гро все те действия, которые могут понадобиться, показал и страницы гримуара, на которых были написаны слова, которые он должен будет сказать в нужное время. Но Король не произносил эти слова, только указал на них, ибо безумен тот, кто произносит их не вовремя. И вот, когда он приготовил нужные реторты, мензурки с несколькими горлышками, перегонные кубы и остальные приспособления, и когда нечестивые процессы соединения, разложения, покраснения, очистки и закрепления почти закончились, и когда астрология показала, что зловещая звезда Антарес заняла место на малом меридиане и наступила полночь, Король начертал своим волшебным жезлом на полу три пентакля, заключенные внутри семилучевой звезды, а также знаки Рака и Скорпиона, к которым он присоединил еще несколько рун. А в самом центре звезды он изобразил зеленого краба, пожирающего солнце. И, открыв большой черный гримуар на семьдесят третьей странице, он громко и нараспев произнес тайные слова, призывая того, чье имя даже называть уже страшный грех.

Как только произнес он первое заклинание и настала тишина, в комнате стало смертельно тихо и холодно, как будто наступила зима. И в этой тишине Гро услышал, что Король тяжело дышит, как тот, кто гребет изо всех сил. Кровь бросилась в сердце Гро, его руки и ноги замерзли, и холодный пот выступил на его лбу. Но его мужество не поколебалась, а острый ум был готов ко всему. Король пошевелил рукой, Гро послушно отбил кончик у черной стеклянной реторты и на стол высыпался черный порошок грубого помола. Гро собрал порошок и высыпал его в большой перегонный куб, в котором кипела и пузырилась зеленая жидкость, подогреваемая пламенем лампы; жидкость стала красной, как кровь, куб наполнился рыжевато-коричневым дымом, в котором вспыхнули искорки, похожие на маленькие солнца. Вслед за чем из горлышка куба полилось белое негоряемое масло, и Король смочил в нем свой жезл и нарисовал вокруг семилучевой звезды змея Уробороса, который пожирает свой собственный хвост. И под крабом написал некую формулу, и только тогда произнес второе заклинание.

Когда отзвучали последние слова, Гро показалось, что ночной воздух стал колючим и в комнате стало тихо, как в могиле. Король перелистнул несколько страниц великой книги, и его рука дрожала как в лихорадке. Зубы Гро непроизвольно застучали, дрожь отдалась в голове с ужасной силой. Но он сжал зубы и ждал. Через каждое окно в комнату лился бледный свет, как если бы рассвет был уже близко. Но нет, рассвет никогда не приходит в полночь, и никогда он не начинается на всех четырех четвертях неба, и не так

невероятно быстро, и его свет никогда не бывает таким призрачным. Пламя горящих свечей побледнело, как если бы смешалось со злым мертвенно-бледным светом, светом разложения и гибели, проникшим снаружи; руки и лицо Короля Гориса и его помощника стали смертельно-бледными, а их губы почернели и стали походить на черную кожуцу увядшего винограда. Король громко крикнул: — Час настал! — схватил хрустальный фиал, содержащий в себе отвар волчьего желе и крови саламандры, капнул туда семь капель масла из перегонного куба, и вылил получившуюся жидкость на нарисованного на полу краба. Гро оперся на стену, его тело ослабло, но воля не поколебалась. От жгучего холода его руки и ноги заledenели, и жидкость из фиала тоже замерзла, упав на пол. Тем не менее на лбу Короля выступили бусины пота, ибо изо всех сил напрягал он свои силы. Прямо и твердо стоял он, освещенный неестественным светом, лившимся с неба, вытянув руки и сжав ладони, и вот выговорил он запретные слова LURO VOPO VIR VOARCHADUMIA⁴.

Как только прозвучали эти слова, весь свет в комнате исчез, как будто потушили лампы, и вокруг них опять сомкнулась полночь. Не было слышно ни одного звука, за исключением тяжелого дыхания Короля, и казалось, что сама ночь задержала дыхание в ожидании того, что сейчас произойдет. Свечи затрещали и загорелись синим пламенем. Король покачнулся, левой рукой схватился за стол и произнес все то же ужасное слово VOARCHADUMIA.

Потом, на протяжении десяти ударов сердца, в воздухе висело молчание, как пустельга в настороженной ночи. И где-то, между небом и землей, раздался треск, и ослепляющий дикий огонь молнией принесся по комнате. Весь замок Карсё содрогнулся, и в комнате забили крылья какой-то чудовищной птицы. Холодный воздух смешался с внезапно появившимся жаром, как будто дынула огнедышащая гора, и Гро едва не задохнулся от запаха сажи и серы. Комната накренилась, как корабль, взбирающийся на волну во время шторма. Но Король устоял на ногах, так сильно схватившись за край стола, что вены на его руке готовы были взорваться, и громко крикнул изменившимся голосом: — Фигуры нарисованы и заклинания произнесены, волк и саламандра слились вместе, заколдованный знак Рака обращен к невидимому солнцу, на ночном меридиане горит пламенное сердце Скорпиона; все сделано правильно, и ты теперь мой раб и орудие моего возмездия. Служи мне, о змей из бездны! Иначе я вызову древние существа

4 Слова «LURO VOPO VIR» часть загадочной фразы об изобретении пороха: «Sed tamen sal petrae LURO VOPO VIR CAN UTRJET sulphuris», которая означает, по-видимому, «возьми черный уголь».

Слово Voarchadumia изобрел Джованни Августино Пантео (1510-1560) священник в Венеции и алхимик. Как он сам говорил, он составил его из халдейского слова для золота и фразы на иврите, означающей «из двух рубинов». То есть вместе все означает что-то вроде «золото прошедшее двойную очистку».

Так что все вместе можно (условно) перевести «возьми черный уголь (в нашем случае черный порошок, то есть порох) и смешай с золотом двойной очистки».

ночи, более могучие, чем ты сам, отдам им приказ, они скуют тебя неугасимым огнем и вечная пытка в бездне станет твоим наказанием.

После этих слов земля перестала трястись, только стены и потолок еще дрожали мелкой дрожью, дул ветер от невидимых крыльев и запах сажи и горячей серы наполнял комнату. И из покоренного воздуха раздался голос, странно тихий, сказавший: — Проклятый негодяй, потревоживший наш покой, чего ты хочешь? — И ужас сковал горло Гро, а волосы на его голове встали дыбом.

Король содрогнулся всем телом, как испуганная лошадь, но его голос не дрогнул и он хрипло сказал, — На рассвете мои враги отплывут от Островов Фолиоотов. Лети, как сокол с моего запястья! Отдаю их тебе: разрушь их корабли и смети их с лица мира, и пусть никакое искусство не спасет их. Прочь!

Но в это мгновение силы Короля истощились, колени подломились и он упал, как подкошенный в свое кресло. И тут же комната наполнилась шумом и гамом, как от бурлящей воды, и над этим шумом возвысился громкий смех, смех осужденных душ. И Король с ужасом вспомнил, что забыл произнести слово, которое должно было отпустить темное создание. А сейчас он ослабел, потому что потратил все свои силы на колдовской ритуал, его язык прилип к гортани и он не мог произнести ни одного слова; тогда, из последних сил, он округлил белки глаз и посмотрел на Гро, а его ослабевшие пальцы перевортывали тяжелые страницы гримуара. И тогда метнулся Гро к столу, ползком, ибо опять затряслась огромная крепость Карсё как ящичек с игральными костями, небеса открылись, ударили молнии и загрохотал гром, звук падающей воды заполнил комнату, и издевательский смех зазвучал еще громче. И Гро понял, что сейчас с Королем случится то, что случилось с Горисом VII, много-много лет назад: когда его сила ушла, дух из бездны бросился на него и кровь брызнула на стены этой самой комнаты. Но даже охваченный ужасом, Гро не забыл, что Король показал ему слово, изгоняющее духа, написанное на девяносто седьмой странице; он выхватил книгу из руки Короля и перевернул страницу. Едва его глаза нашли нужное слово, как в комнату ворвался вихрь с градом и мокрым снегом, все свечи погасли, а стол перевернулся. Грянул гром, и в обрушившейся на него темноте Гро почувствовал, как острые когти вонзились в его голову и тело. Смертельная боль терзала его, но все равно он выкрикнул слово TRIPSARECOPSEM⁵, и упал без сознания.

Был уже полдень, когда Гро пришел в себя. Через южное окно лился свет весеннего солнца, освещая разгромленную комнату. Стол был перевернут, на полу валялись дорогие эссенции и минералы, вывалившиеся из разбитых фиалов, кувшинов и шкатулок: афросельмия, золотые ракушки, шафран, тамаринд, амарант, квасцы Мелос, перемешанные с корнем

5 Аннаграмма для латинских слов Corps, ote, Esprit, означающих тело, душа, дух: тоже, конечно, слово изобретенное алхимиками

мандрагоры, осиное вино, аммиачная соль, царская водка, маленькие лужицы и отдельные гранулы ртути, ядовитый отвар поганок, ягоды тиса, аконит, колючие яблоки, горная арника, черная черемица, квинтэссенция крови дракона и желчи змеи; а вместе с ними расплесканные эликсиры, о которых даже мудрец может только мечтать: дух мира, и великий алкагест, растворяющий в себе любую субстанцию, и жидкий философский камень, который дарует совершенство любому живому существу. И в этом нагромождении испорченных сокровищ валялись великие книги заклинаний, вперемешку с ретортами и мензурками, стеклянными, медными и серебряными, песочными банями, матрацами, шпателями, горелками и другими бесчисленными алхимическими инструментами — когда-то бесценными, а ныне сломанными и бесполезными. Кресло Короля оказалось заброшено в очаг, а сам Король лежал рядом со сломанным столом, его голова была отброшена назад, черная борода смотрела в небо, открыв его мускулистое волосатое горло. Гро внимательно осмотрел его и увидел, что Король невредим и спит глубоким сном. Прекрасно зная, что сон лечит любую болезнь, Гро в молчании наблюдал за Королем весь день до времени ужина, о котором он вспомнил, потому что ужасно проголодался.

Когда, наконец, Король проснулся, он с изумлением посмотрел кругом. — Я думал, что прошлой ночью сделал последний шаг последнего в своей жизни путешествия, — сказал он. — Да, в моей комнате оставил следы по настоящему странный разгул стихии.

— Милорд, — ответил Гро, — я очень устал. И, тем не менее, я совершил все, что обещал.

Король засмеялся, как смеется тот, у кого на душе стало легко, встал на ноги и сказал Гро: — Возьми корону Ведьмландии и коронуй меня ей. И эту высшую честь я дарю тебе, потому что после событий этой ночи я полюбил тебя.

Все лорды Ведьмландии собрались во дворе дворца, перед огромным пиршественным залом, и Король вышел из ворот под крепостью, одетый в свои колдовские одежды. Ярко сверкали драгоценные камни железной короны Ведьмландии, отбрасывая искры на тяжелый лоб, скулы и жесткие презрительные губы Короля, и он стоял, полный величия, а Лорд Гро с отрядом стражей чести стоял в тени ворот. И сказал Король: — Милорды Корунд и Корсус, Кориниус и Галландус, и вы, сыновья Корунда и Корсуса, и вы, другие Ведьмы, глядите на вашего Короля, Гориса Двенадцатого, коронованного этой короной в Карсе на владение Ведьмландией и Демонландией. И все правители всех стран мира, которых достигают лучи солнца, должны подчиниться мне и назвать Королем и Повелителем.

Все Ведьмы радостно закричали, приветствуя Короля, и поклонились ему.

И сказал Король: — Не думайте, что меня даже на йоту связывает клятва, которую Горис XI — да славится его память! — дал Демонам. Я не

только не считаю себя в мире с Джуссом и его братьями, но рассматриваю их всех как моих врагов. Они сейчас плывут к многогорной Демонландии, но этой ночью я позаботился о том, чтобы они все утонули в безбрежном океане.

— Повелитель, ваши слова как вино для нас, — сказал Корунд. — И да, мы догадались, что прошлой ночью мимо нас прошел посланник тьмы, заставив содрогнуться весь Карсё, фундамент которого поднимался и опускался, как будто сама земля дышала полной грудью.

Потом они вошли в пиршественный зал и Король сказал: — Этой ночью Гро будет сидеть по правую руку от меня, потому что прошлой он храбро послужил мне. — И когда они нахмурились и начали перешептываться друг с другом, Король сказал: — Если кто-нибудь из вас послужит мне и Ведьмландии, так же, как прошлой ночью послужил Гро, я окажу ему точно такую же честь. — Но на ухо Гро он сказал совсем другое: — Я с триумфом верну тебя домой, в Гоблинландию, которая с позором высала тебя. Я сброшу короля Газларка с трона, и сделаю тебя королем в Зайё Закуло. Ты будешь моим вассалом, но вся Гоблинландия будет твоей.

V. ПОСЛАННИК КОРОЛЯ ГОРИСА

О КОРОЛЕ ГАЗЛАРКЕ И О ТОМ, КАК ПОСЛАННИК КОРОЛЯ ГОРИСА ВСТРЕТИЛСЯ С ДЕМОНАМИ В ОТКРЫТОМ МОРЕ; И КАК ЛОРД ДЖУСС УБЕЖДАЛ СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ НЕ ПРОЯВЛЯТЬ НЕРАЗУМНУЮ ПОСПЕШНОСТЬ

На следующее утро после той ночи, когда Короля Гориса XIII короновали в Карсё, Газларк плыл по морю с востока, направляясь домой. Семь военных кораблей было у него, и они, выстроившись в колонну, шли правым галсом, на юго-запад. Самым большим и самым красивым из них был тот, который шел во главе колонны: большой военный драккар, как будто нарисованный на лазурном летнем море, голова дракона вздымается впереди, золотые чешуйки плотно налегают одна на другую, брови бросают открытый вызов любому встречному кораблю, а корма поднимается вверх как хвост. Семьдесят и еще пять отборных Гоблинов плыли на этом корабле, одетые в яркие камзолы и металлические кольчуги, и вооруженные топорами, копьями и мечами. Их щиты, каждый со своим девизом, висели на фальшборте. На высокой корме сидел Король Газларк, держа в руках огромное рулевое весло. Красивы на вид и хорошо сложены были все те Гоблины, которые плыли на этом великом корабле, но всех их превосходил Газларк, как силой, так и красотой. На нем был шелковый камзол, окрашенный Тирианским пурпуром. Его запястья украшали витые золотые браслеты. Темнокожим он был, как тот, кто проводит все свои дни под горячим солнцем: резко очерченные черты лица, слегка крючковатый нос, большие глаза и завитые черные усы. Ничего спокойного не было ни в его внешности, ни в осанке, но напротив, все выдавало огненную природу, порывистую и беспокойную; он казался дикарем, быстрым и прекрасным, как олень осенью.

Тешмар, шкипер корабля, стоял у его локтя, и Газларк сказал ему: — Ну разве это не одно из трех самых величавых зрелищ в мире: добрый корабль, летящий по бурному морю как грациозная прекрасная королева, вонзающийся носом в гребни волн и превращающий их в сияющую водяную пыль?

— Да, Повелитель, — ответил шкипер, — а что за остальные два?

— Одно я самым несчастливым образом пропустил, потому что только вчера мы получили известие о нем: сражение великих воинов и победа Лорда Голдри над хвастливым тираном.

— Но третье, надеюсь, мы увидим, — сказал Тешмар, — когда Лорд Голдри Блазко войдет в ваш королевский дворец в Зайё Закуло, одетый в свои лучшие одежды и радостно приветствуемый народом, и женится на юной принцессе, вашей кузине: самый удачливый лорд будет супругом и повелителем той, которую самые строгие судьбы признали украшением земли, моделью неба и королевой красоты.

— Пускай боги поторопят этот день, — сказал Газларк. — Потому что она действительно славная девушка, а Демоны — мои лучшие друзья. Если бы они не поддержали нас тогда, в дни волнений, где бы был я и все мое королевство сейчас, и где бы был ты и вся твоя семья? — Король слегка

нахмурил лоб, вспоминая прошлое. Какое-то время он молчал, потом опять заговорил: — Я должен сделать что-нибудь достойное: все эти глупые набеги, добыча из Неврии, охота за дьяволами Эсамосианских Болот, все это игрушки, недостойные нашего великого имени и славы среди других народов. Все славят Демонов, прогнавших с лица земли Вурдалаков, и я должен сделать что-нибудь похожее, что-нибудь такое, что поразит и восхитит мир, иначе я останусь никому не ведомым.

Тешмар, не отвечая, посмотрел на южный горизонт и указал на него рукой: — О король, там плывет большой корабль. И, как мне кажется, очень странный.

Газларк какое-то мгновение пристально всматривался в судно, потом резко повернул руль и направился к нему. Больше он не говорил, но внимательно глядел, и чем ближе становился незнакомый корабль, тем все новые и новые особенности замечал король. Шелковый парус, разодранный в клочья, свисал с главной мачты; судно еле двигалось, как будто шло в темноте на ощупь; еще немного, и, уступая силе ветра, оно поплывет кормой вперед. Оно шло по морю так, как идет тот, кто оглушен ударом по голове, и было непонятно, в какой порт оно плывет и каким курсом. Обожженное огнем какой-то гигантской свечи казалось оно, все черное от сажи и пепла. Разбиты были гордая голова на носу, высокий бак и изящная корма, разбиты и сожжены, и дотла сгорели высокие сидения на корме. Корабль тек, и горсточка уцелевших моряков только и делала, что вычерпывала воду, чтобы сохранить его на плаву. Из его пятидесяти весел осталась только половина; остальные ушплыли или были сломаны, и под скамьями для гребцов лежали матросы, раненые или убитые.

И заметил Король Газларк, что на корме стоит Лорд Джусс и держит в руках руль, а рядом с ним Спитфайр и Брандох Даха. Их украшенные драгоценными камнями руки, оружие и богатая одежда были черными от сажи, их застывшие лица не отражали ничего, но было видно, что они с трудом сдерживают изумление, печаль и гнев.

Когда они сблизились, Газларк окликнул их. Ничего они не ответили ему, только посмотрели чужими глазами. Но они остановили корабль, и Газларк приказал остановиться, вошел на борт, поднялся на корму, приветствовал их и сказал: — Хорошо встретить друга в тяжелый час. Что случилось?

Лорд Джусс хотел было ответить, но слова не вышли из его рта. Но он пожал руку Газларка обеими руками, застонал и опустился на палубу, отвернув лицо. И сказал Газларк: — О Джусс, ты так много раз приходил мне на помощь и спасал меня от множества бед, не дашь ли ты мне помочь тебе?

Но Джусс ответил тонким странным голосом, так непохожим на его: — Мне, так ты сказал, Газларк? Разве то, что в этом мире было мое, в одно мгновение не исчезло вместе с ним, моим братом, который был моим сердцем, мощью моей руки, главной цитаделью моих владений? — И он разразился глубокими рыданиями.

Кольца, надетые на пальцы Короля Газларка, глубоко вонзились в плоть, когда их сжали сильные руки Лорда Джусса. Но король даже не ощутил боли, настолько его потрясла потеря друга и горькое зрелище трех великих лордов Демонландии, плачущих как перепуганные женщины, и вид усталой команды, моряков и латников, плачущих и стонавших рядом с ними. И увидел Газларк, что их величественные души потрясены этим ужасным событием, посмотрел на хаос, царивший на палубе, и, хотя подробности еще были темны для него, его сердце содрогнулась от темного ужаса.

Много вопросов пришлось ему задать, пока, наконец, не узнал он то, что произошло: день назад, в полдень, на таком же летнем море, они услышали звук, как будто хлопали крылья, протянувшиеся от одного края небес до другого, и до этого спокойное море в одно мгновение забурило, поднялось и опустилось вниз, и стало бросаться на корабль, но не смогло потопить его. На них обрушился гром, небеса потемнели, их окружил ночной мрак, и в этой ночи засверкал дикий огонь. Внезапно все кончилось, темнота поднялась, бушевавшее море успокоилось, и никого не было видно на его бескрайней поверхности. — Нет ничего более определенного, — сказал Джусс, — чем то, что это был посланник Короля Гориса XII, которого пророки именуют величайшим некромантом из тех, которые видел этот мир. И это его месть за то горе, которые мы причинили ему на Островах Фолиотов. Против этого создания есть у меня талисман — камень безоар, который вырастает в желудке петуха, вылупившегося из яйца безлунной ночью, когда на Сатурне горит знак человека и на небо восходит властелин третьего дома. Нас сильно потрепало, но талисман спас нас от гибели, всех, кроме Голдри. Он, по какой-то проклятой случайности, или не надел цепь, которую я дал ему, или эта цепь порвалась, когда корабль начал погружаться, или он потерял ее. Но когда день опять сменил мрак, на корме, где прежде стояло четверо, осталось трое. Более я не знаю ничего.

— О Газларк, — сказал Спитфайр, — наш брат украден у нас, и мы должны найти его и освободить.

Но Джусс застонал и сказал: — В какой звезде недостижимого неба хочешь ты начать поиски? Или, может быть, ты хочешь искать в одном из тех тайных океанских потоков, где последние зеленые лучи гаснут во влажной тьме?

Газларк какое-то время молчал. Потом сказал: — Я думаю, что, скорее всего, Горис унес Голдри Блазко в Карсё, где запер его в темнице. Надо немедленно плыть туда и вызволить его.

Джусс не ответил. Но Газларк схватил его руку и сказал: — Во имя нашей давней любви и тех ушедших дней, когда ты часто спасал Гоблинландию, спорю я с тобой. Выслушай мой совет. Когда я плыл с востока через Ринатский пролив, я видел могучий флот из сорока кораблей, плывущий на восток к Бештрианскому морю. Они не заметили нас, ибо мы лежали в дрейфе за Эллинскими островами, и были сумерки. Позже мы ненадолго остановились в Норваспе в Пиксиландии, и узнали, что это Лаксус

вел весь флот Ведьмландии, собираясь ограбить мирные города побережья Бештриана. Если бы я со своими семью кораблями повстречался с этими злодеями в открытом море, это была бы встреча антилопы с разъяренным львом. Но теперь, смотри, как широко распахнулись двери перед нашими желаниями. Лаксус и его могучий флот грабят восток. Я бы очень удивился, если бы сейчас в Карсё оказалось больше девяти или десяти дюжин вооруженных бойцов. А у меня здесь пять сотен. Никогда не было более прекрасной возможности напасть на Ведьмландию, пока ее когти спрятаны под столом, и расцарапать ей лицо прежде, чем она достанет их оттуда. — И Газларк громко рассмеялся, предчувствуя радость битвы, и крикнул: — О Джусс, нравится ли тебе мой совет?

— Газларк, — сказал Лорд Джусс, — я всегда любил тебя за благородство и открытость. Вот и сейчас благородно, с открытыми сердцем и рукой, дал ты свой совет. Тем не менее невозможно таким образом победить Ведьмландию, но только после долгих дней подготовки, разработав планы и построив новые корабли, и собрав вместе сильных союзников. Именно так мы и сделали в последний раз, собираясь сражаться с Вурдалаками.

И что бы ни говорил Газларк, он не сумел подвинуть мнение Лорда Джусс ни на йоту.

Но Спитфайр сел рядом со своим братом и тихонько сказал ему: — Родич, что беспокоит тебя? Разве храбрые сердца и быстрые решения исчезли из Демонландии, разве от нее осталось только бесполезная сухая шкура? Ты никогда не был таким нерешительным, и, если Король Ведьмландии наблюдает за нами, он решит, что нами овладел постыдный страх, из-за которого мы, несмотря на благоприятный случай и неравенство в силах, уклоняемся от удара по нему.

Джусс ответил на ухо брату: — Так и есть, но я очень сомневаюсь в стойкости Гоблинов. Пламя их доблести слишком похоже на огонь среди сухих листьев, и глупо надеяться на то, что оно будет долго гореть. Так что не думаю, что они в состоянии нанести удар по Карсё. Да и вообще, только безумная фантазия могла сочинить сказку о том, что Голдри переправили в Карсё.

Но Спитфайр выругался, вскочил на ноги и прокричал: — О Газларк. Тебе лучше всего плыть домой, в Гоблинландию. Но мы открыто поплывем в Карсё и там будем умолять великого Короля об аудиенции, попросим дать нам поцеловать его ноги и признаем нашим Королем, а он, надеюсь, отнесется к нам, как к нашалившим детям. И тогда он, быть может, отдаст нам нашего брата, которого он справедливо отшлепал, простит нас и отправит домой в Демонландию, где нам придется лебезить перед Корсусом, злым Кориниусом или любым другим, кого он посадит в Гелинге вице-королем. Потому что с потерей Голдри в Демонландии не осталось настоящих мужчин, а мы все, оставшиеся, сосунки, достойные только насмешек и плевков.

Пока Спитфайр кричал все это с гневом и печалью в сердце, Лорд Брандох Даха ходил от носа к корме и обратно, похожий на сидящую в клетке

пантеру, которой забыли дать поесть. Время от времени он хлопал ладонью по рукоятке своего длинного сверкающего меча, и тот звенел в ножнах. Наконец он остановился прямо против Газларка и посмотрел на него насмешливым взглядом. — О Газларк, — сказал он, — то, что произошло, привело в расстройство все мои чувства, сбило меня с толку, вызвало бурю в моем сознании и привело меня на грань меланхолии и сумасшествия. Излечить меня может только одно — сражение. Газларк, если ты любишь меня, обнажи свой меч и приготовься защищаться. Я должен сразиться с кем-нибудь, или эта буря убьет меня. Очень жаль убивать тебя, мой друг, но что еще остается делать, если невозможно сразиться с врагами?

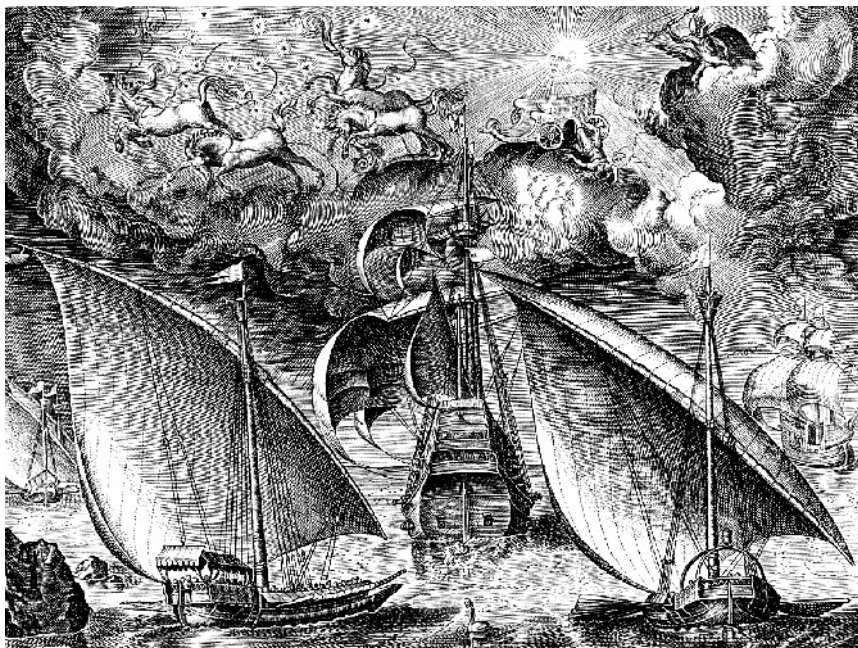
Газларк улыбнулся, игриво схватил его за руки и сказал: — Я не буду сражаться с тобой, как бы красиво ты не просил меня, ибо именно ты, о Брандох Даха, спас Гоблинландию от Веем. Потом снова помрачнел и так сказал Джуссу. — О Джусс, измени свое решение. Посмотри, в каком состоянии твои друзья. Мы все как привязанные гончие, готовые сорваться с поводка и обрушиться на Карсе в этот счастливый час, который не повторится никогда.

Теперь, когда Лорд Джусс понял, что все против него и упрямо решили сражаться, он презрительно улыбнулся и сказал: — О мой брат и мои друзья, чьим эхом и дудочками вы стали, если принимаете за мудрость то, что лишь подражает ее голосу? Вы стали сумасшедшими, как Мартовские зайцы, каждый из вас, и я тоже. Если сломать лед в одном месте, он треснет еще в двух. Теперь, когда Голдри покинул меня, я не так уж дорожу своей жизнью. Бросим жребий и узнаем, кто из нас троих отправится в Демонландию на этом корабле, который после встречи с посланником Гориса похож на хромую утку. И тот, на кого падет жребий, вернувшись домой соберет могущественный флот, вооружит его и приведет сюда для войны против Веем.

Так решил Лорд Джусс, и те, кто еще час назад думали, что у них нет никакой надежды остаться в живых, возбудились и подбодрились, и радость будущей битвы кружила им головы, как хмельное вино.

Лорды Демонландии отметили свой жребий и бросили его в шлем Газларка, который потряс шлемом и вытащил из него жребий Лорда Спитфайра. Как же разгневался он! После чего лорды Демонландии сняли с себя одежду и вооружение, запачканное золой, и приказали вычистить их. Шестьдесят их латников, оставшиеся невредимыми во время встречи с посланником, перешли на один из кораблей Газларка, а экипаж этого корабля перешел на корабль Демонов, и Спитфайр взял в руки руль, а раненых Демонов положили в трюм. Потом они достали новый парус и заменили им разорванный, и глубоко недовольный, но сохранивший улыбку на лице Лорд Спитфайр поплыл на запад. А Король Газларк взял в руки руль своего прекрасного драккара, и рядом с ним сели Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха, который рвался в битву как боевая лошадь. Нос корабля повернулся на север, потом еще на восток, парус, украшенный королевскими лилиями ударился по

мачте и наполнился западным ветром, остальные шесть кораблей выстроились за ним в линию, их белые паруса тоже распустились, и колонна величественно поплыла по бескрайнему морю.

VI. КОГТИ ВЕДЬМЛАНДИИ

КАК КОРОЛЬ ГАЗЛАРК В ТЕМНОТЕ ВЕЛ ОТРЯД В КАРСЁ, И КАК ОН В ЭТОМ ПРЕУСПЕЛ, И КАК ЛОРД ДЖУСС И ЛОРД БРАНДОХ ДАХА СРЯЖАЛИСЬ ВДВОЕМ ПРОТИВ ВСЕХ ВЕДЬМ

Вечером третьего дня, когда показалось побережье Введьмландии, они взяли рифы на парус и стали ждать ночи, потому что решили причалить к берегу только после наступления темноты, чтобы никто не мог известить Короля об их появлении. По плану корабли должны были подойти к пустынному берегу в двух лигах к северу от Тенемоса, откуда было два часа ходьбы через болото до Карсё. Так что когда солнце село и темнота покрыла все дороги, они на обмотанных тряпками веслах бесшумно подошли к низкому берегу, который в темноте казался странно близко, и тем не менее никак не хотел приближаться, пока они гребли к нему. Наконец они достигли берега и вытащили драккары на землю. Около пятидесяти Гоблинов осталось стеречь корабли, а остальные взяли оружие и шли вглубь страны через песчаные доны, пока не вышли на край открытого болота. И поскольку большинство из них составляли Гоблины, то Джусс, Брандох Даха и Газларк решили, что командиром будем Газларк. Молча прошли они через болота, почва которых оказалась

достаточно твердой, огибая глубокие торфяные ямы и маленькие озера, которые встречались им на пути. Погода была хорошей для этого времени года, и вода на болотах стояла низко. Но чем ближе они подходили к Карсё, тем больше портилась погода, и, наконец, начался дробный дождь. И хотя не слишком приятно идти через морозящую тьму ночи к крепости, само имя которой означает зло, Лорд Джусс был рад дождю, потому что он помогал внезапности — единственной надежде на успех.

Примерно в полночь они остановились в четырех сотнях шагов от внешней стены замка Карсё, призрачно темневшего через водяной занавес, молчаливого, похожего на могилу, в которой похоронены все лорды Ведьмландии, а не на бронированную крепость, за стеной которой выжидала великая сила. Вид огромного замка, погруженного в дождь, зажег огонь битвы в душе Газларка, который думал только о том, чтобы подобраться к стене со всеми своими воинами и обойти крепость кругом, в поисках места, где можно было ворваться внутрь и захватить ее. Он не захотел выслушать совет Лорда Джусса, который предложил послать вперед маленький отряд, который должен был найти место для штурма и послать слово главным силам. — Будьте уверены, — сказал Газларк, — что внутри все пьяны вдрызг, и уже третью ночь подряд пьют вино не переставая, празднуя победу своего посланника, и только несколько несчастных стражников не смыкают глаз. «И кто же, — говорят они, — может напасть на Карсё сейчас, когда мощь Демонландии разбита вдребезги? Презренные Гоблины, а?» Все смеются взахлеб. Даже самый маленький авангард может предупредить их, и тогда наши основные силы не сумеют захватить крепость. Нет, как в один зловредный день Вурдалаки внезапно обрушились за меня в Зайё Закуло и захватили мой дворец прежде, чем я успел выйти из-за стола, так и мы захватим Карсё. И если ты боишься вылазки, то я, напротив, очень хочу ее. Ибо если они откроют ворота, то у нас хватит воинов, чтобы войти, сколько бы бойцов не было внутри.

Джусс подумал, что он, может быть, дал дурной совет, и, к тому же, странная пелена охватила его ум и он не сумел возразить Газларку. И они, молча, поползли к великим стенам Карсё. Тихо падал дождь, и неподвижно стояли кипарисы, внешняя стража, перед черной мраморной стеной спящего замка. Ни звука ни движения, и только суровая полночь ждала их всех.

Газларк отдал приказ, и они пошли вдоль стены на север, ибо не было никакого пути между горделивой стеной и рекой на юго-восток, но только на северо-востоке можно было найти место для штурма крепости. И вот какой порядок они выбрали: впереди шел Газларк с сотней наиболее умелых дружинников, составляя авангард; за ним шли Демоны, а основные силы Гоблинов следовали за ними, во главе с Тешмаром. Осторожно и бесшумно шли они на северо-запад, и постепенно поднимались на утес Карсё, оставив за собой болото. Полны боевого задора были Гоблины, и спешили, опьяненные предстоящей битвой, и их авангард оторвался от Демонов, и пришлось Джуссу прибавить шаг, чтобы не потерять их из виду и не запутаться. Но

воины Тешмара испугались остаться одни, капитан не сумел удержать их позади, и они пробежали между Демонами и стеной, собираясь соединиться с Газларком. Тихонько выругался Джусс и сказал Брандох Даха: — Посмотри на эту буйную толпу Гоблинов. Они приведут нас к смерти.

И тот момент, когда воины Тешмара были не более, чем в двадцати шагах от стены, внезапно, как молния в ночи, вдоль всей стены вспыхнули огни, ослепив Гоблинов и Демонов, и осветив тех из них, кто находился под стенами, и немедленно в них полетели стрелы, копья и камни из пращи. Открылись задние ворота, и из них появился отряд в сто пятьдесят могучих Ведьм во главе с Лордом Кориниусом, который крикнул: — Тот, кто хочет поужинать крабом Ведьмландии должен сначала попробовать его клешни, и только потом забраться под панцирь. — Он ударил во фланг армии Газларка и разрезал ее напополам. Как горящее дерево сражался Кориниус, нанося удары окованным бронзой обоюдоострым топором. И хотя воины Газларка превосходили числом его отряд, были они захвачены врасплох и смешались при внезапном нападении Кориниуса, и они не только не смогли остановить его, но отступили, уstraшенные его бешеной атакой. И многое из них были ранены, а кое-кто убит; и там погиб Тешмар, капитан корабля короля Газларка. Ибо ударил он Кориниуса и не попал в цель, и пролетел мимо его после удара, и ударил в ответ Кориниус по шее Тешмара и отрубил ему голову. К этому времени Газларк со своими лучшими воинами уже прошел мимо задних ворот, но когда увидел, что бой уже идет, повернулся, чтобы сразиться с Кориниусом, громко призывая своих воинов обрушиться на Ведьм и загнать их за стены. И когда Газларк сумел добраться до Кориниуса, то ударил его копьём и ранил в руку. Но Кориниус своим топором обрубил древко копья, прыгнул к Газларку и нанес ему большую рану в плечо. Тогда Газларк выхватил меч, и они нанесли друг другу много яростных ударов, пока не ударил Кориниус сверху вниз топором по шлему Газларк, как тот, кто забивает кувалдой столб в землю. Но прочен был этот шлем, ведь его в свое время подарил Газларку Лорд Джусс как знак дружбы и любви, и спас он жизнь короля и не раскололся пополам, ибо не в состоянии был никакой топор пробить этот шлем. Но помutilись все в голове Газларка, и в бесчувствии свалился он на землю. И с его падением напал страх на всех воинов Гоблинландии.

И все это произошло в первые несколько мгновений боя, когда лорды Демонландии еще не успели вмешаться в сражение, поскольку множество Гоблинов стояло между ними и Ведьмами; но сейчас Джусс и Брандох Даха ступили вперед, сопровождаемые своими воинами, подняли Газларка, который лежал без движения, как мертвый, и приказали Гоблинам нести его на корабль, где он будет в безопасности, целый и невредимый. Но Ведьмы громко закричали, что Король Газларк убит, и в то же мгновение Корунд с пятьюдесятью латниками вышли из тайной двери в западной стороне Карсё, и напали на Гоблинов с тыла. Так что теперь, зажатые между Кориниусом и Корундом, воины Гоблинландии подались назад, и их сердца дрогнули,

смущенные ложным известием о смерти Газларка. К тому, из-за водянистой темноты, они не представляли себе, насколько их больше, чем Ведьм. И паника охватила их, они сломали строй и побежали перед Ведьмами, которые неотступно преследовали их, как горностаи кролика, и убивали десятками, пока они бежали от Карсё. Едва ли шесть десятков из тех храбрых воинов Гоблинландии, которых Газларк привел к Карсе, сумели убежать обратно на болото и отступить к своим кораблям, избежав безжалостной смерти.

А Корунд, Кориниус и их люди без лишних разговоров набросились на Демонов, и закипела жаркая битва. Соотношение сил изменилось, ибо не было больше поблизости ни одного Гоблина, и хотя несколько Ведьм уже пало в бою, на одного Демона приходилось четверо Ведьм, окруживших их со всех сторон.

И лучники стреляли по ним со стены, пока, случайно, стрела не ударила в шлем Корунда, который немедленно послал слово, пообещав, что когда светский прием закончится, он сам застрелит того идиота, который выстрелил в него, наделает пироги с птицей из его куриных мозгов, а потом славно поохотится на его приятелей и друзей. Стрельба со стены немедленно прекратилась.

Мрачной стала эта битва, и многие Демоны были ранены, противостоя атаке Ведьм, и Лорд Брандох Даха время от времени бросался в бешеную атаку на Корунда или Кориниуса, и ни один из этих великих воинов не мог долго сражаться на равных с ним, но каждый раз отступал; и каждый раз они жестоко ругали друг друга, ибо приходилось им спасаться от Лорда Брандох Даха среди своих дружинников. Нечего даже надеяться увидеть в будущем такие же невероятные подвиги, какие совершил этой ночью Лорд Брандох Даха, который играл своим мечом так легко, как будто в его руках находилась ивовая палочка: сама смерть сидела на конце его меча. Одиннадцать могучих латников убил он, и пятнадцать тяжело ранил. Наконец Кориниус, уязвленный, как укусами овода, насмешками Корунда, и готовый взорваться от злости и позора, прыгнул на Лорда Брандох Даха, как человек, потерявший разум, и нанес ему своим обоюдоострым топором такой удар, который мог бы расколоть Демона напополам. Но Брандох Даха легко ускользнул от удара, как зимородок, летящий над ручьем, затененным зарослями ольхи, избегает сучьев, и ударил своим мечом Кориниуса по правому запястью. И пришлось Кориниусу покинуть сражение. Не намного больше повезло тем Ведьмам, которые сражались против Лорда Джусса, ибо косил он их страшными размахистыми ударами, кое-кому отрубил голову, кого-то разрубил напополам, и Ведьмы отступились от него. Так и сражались Демоны в водянистом тумане, освещенные ярким светом, с намного более многочисленным врагом, пока не пали, все, кроме двух лордов, Джусса и Брандох Даха.

Все это время стоял Король Горис на внешних укреплениях Карсё, одетый в черную броню, украшенную золотом, и смотрел на двух Демонов, сражавшихся спина к спине, и видел, как Ведьмы нападают на них со всех сторон, но не могут победить их. И сказал Король Гро, который стоял рядом с

ним: — Мои глаза ничего не видят из-за тумана и света факелов. Кто эти двое, которые побеждают в кровавой битве всех моих воинов?

И ответил Гро: — О Король, ну конечно же это никто другие, как Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха из Крозеринга.

И сказал Король: — Вот так вернулось ко мне мое послание. И при помощи моего искусства я уверился, хотя и не до конца, что мой посланник похитил Голдри. Ибо ненавижу я его более всех других живых созданий. А эти, которые своими заклинаниями спаслись от смерти, обезумели от потери и бросились прямо в пасть моего мщения. — И Король еще какое-то время глядел на сражение, потом усмехнулся и сказал Гро: — Великолепное зрелище! Сотни моих лучших людей ничего не могут поделать с двумя, только отступают и увертываются. До этого времени я думал, что мечи Ведьмландии лучшие в мире, а Кориниус и Корунд — не трусливые хвастуны, которые только и умеют, что кланяться перед сияющими мечами Джусса и этого дикаря из Крозеринга. Нет, они не воины, но мальчишки, которых взрослые секут розгами.

Но Кориниус, который не мог больше сражаться и стоял в стороне, страдая от боли в запястье, крикнул: — Вы дурно судите о нас, о Король. Более справедливо похвалить мой великий подвиг. Ведь именно я подготовил засаду, куда попал весь отряд наших врагов, и вот все они лежат на земле мертвые. Но Ваше Величество, нет ничего удивительного или позорного в том, что я не в силах победить Лорда Брандох Даха, потому что даже намного более славный боец чем я, Король Горис X, был легко побежден им. И, как мне кажется, мне еще повезло, ибо я остался жив, хотя и тяжело ранен в запястье. А что касается этой парочки, оба они великие воины, и защита их совершенна. И никто из нас ничего не сможет с ними поделать, ибо Лорд Джусс — великий волшебник.

— Скорее вы все — сосунки, — сказал Король. — Но меня уже тошнит от этого представления и я хочу с ним закончить.

Поэтому Король приказал позвать к нему старого Герцога Корсуса, приготовить сети и накинуть их на Демонов. И Корсус немедленно явился с сетями, и, потеряв еще около двадцати воинов, выполнил свою работу, и на Лорда Джусса и на Лорда Брандох Даха накинули сети и крепко связали их, так что стали они похожи на шелковичных червей в коконах, и в таком виде потащили в Карсё. С большим шумом ударялись они об землю, и очень обрадовались Ведьмы, когда увидели связанными этих великих бойцов. Ибо крайне изнурены были Корунд и его люди, и едва не падали с ног от усталости.

И когда вошли они в Карсё, то Король приказал зажечь факелы и перенести в замок тех Ведьм, которые лежали ранеными перед стенами; а тех Демонов и Гоблинов, которые были в таком же состоянии, он приказал убить ударами меча. А Лорда Джусса и Лорда Брандох Даху, все еще крепко спеленутых сетью, приказал бросить в угол внутреннего двора, как две кипы испорченного товара, и установить около них стражу.

Когда лорды Ведыландии уже собирались идти спать, они увидели на востоке красное зарево, и языки огня осветили ночь. И сказал Кориниус Лорду Гро: — Смотри, твои Гоблины жгут свои корабли, чтобы мы не преследовали их, когда они с позором побегут домой на одном единственном корабле, который не сожгли. Ведь их, оставшихся в живых, едва хватит на один корабль.

И Кориниус отправился спать, по пути ударив ногой Лорда Брандох Даха, который лежал, опутанный сетью, и не мог ничем повредить ему.

VII. ГОСТИ КОРОЛЯ В КАРСЁ

*О ДВУХ ПИРШЕСТВЕННЫХ ЗАЛАХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ В КАРСЁ, СТАРОМ И НОВОМ,
И О ПИРЕ, КОТОРЫЙ УСТРОИЛ КОРОЛЬ ГОРИС XII В ОДНОМ ИЗ ЭТИХ ЗАЛОВ
ЛОРДУ ДЖУССУ И ЛОРДУ БРАНДОХ ДАХА, А В ДРУГОМ КНЯЗЮ ЛА ФИРИЗУ;
И ОБ ИХ ОТЪЕЗДЕ, КОГДА ПИР ЗАКОНЧИЛСЯ*

Тро после битвы при Карсё выдалось ясным и веселым. Народ, хорошо потрудившийся ночью, долго лежал в постелях, пока солнце не встало высоко над стенами замка. Только ближе к полудню Король Горис послал отряд, который занялся мертвыми: они взяли тела убитых и положили их в большую яму на правом берегу Друимы в полу миле ниже Карсё, всех вместе в одну могилу, Вейдм, Демонов и Гоблинов, и насыпали над ними высокий курган.

Солнце поднялось в зенит, но тень огромной башни все равно лежала на террасе за западной стеной дворца. Приятно было отдыхать на прохладной террасе, вымощенной плитками из красной яшмы, потому что росли над ней папоротники, асафоеиды, бледные поганки, зубы дракона и лунный корень, испускавшие горький приятный запах.

На дальнем краю террасы стояли в ряд высокие туи, круглые, похожие на спящих сонь, между ними росли кусты вызывающего удушье аконита. На многие сотни футов протянулась терраса, с севера на юг, и с каждой ее стороны находилась лестница из черного мрамора, спускавшаяся вниз к внутреннему двору и наружной стене.

Массивные скамьи из зеленого мрамора с лежавшими на них многоцветными бархатными подушками стояли рядом с самой западной стеной дворца, и на самой близкой Железной Башне скамье сидела дама, завтракавшая кремовыми вафлями и тортом из айвы, которые на золотом блюде подавала ей служанка. Стройной и высокой была эта дама, и красота наполняла ее, как солнечный свет наполняет красную почву и серо-зеленые стволы бука ранней весной. Ее рыжевато-коричневые волосы были собраны в большие локоны на голове, и наскоро закреплены большими серебряными заколками, концы которых украшали маленькие анахитские бриллианты. Маленькие лунные камни покрывали ее платье из серебряной материи с бахромой из черного шелка; поверх него она надела узорчатый атласный плащ цвета крыла витютеня, украшенный серебряными вставками. Белокожей и грациозной как антилопа была она, и с зелеными глазами, в которых сверкали желтые икры. Изысканно съела она вафли и торт, и из изящного янтарного кубка выпила несколько глотков белого вина, охлажденного в подвалах Карсё. У ее ног сидела еще одна служанка, которая играла на семиструнной лютне и пела нежным голосом:

*Не страшивай, куда девалась
Июньских роз густая злость:
Веселый жар твоих ланит
Ее таинственно хранит.*

*Не спрашивай, где золотится
Зари растаявшей частица:
Ее сияющей пыльцой
Припудрен каждый локон твой.*

*Не спрашивай, где птички трели,
Что услаждали нас в апреле:
В гортани трепетной твоей
Зимует нынче соловей.*

*Не спрашивай, куда пропали
Те звезды, что с небес упали:
В орбитах глаз твоих оне
Горят ясней, чем в вышине.*

*Не спрашивай, где Феникс-птица
Перед кончиною гнездится:
К тебе слетает он на грудь,
Чтоб наддышаться — и уснуть.*

— Хватит, — сказала дама, — сегодня у тебя какой-то скрипучий голос. Нет ли кого-нибудь поблизости, кто может сказать мне, что происходило прошлой ночью? Или они все пошли путем моего супруга, которого я оставила спать так крепко, как будто он надышался опиумными маками всех земных садов?

— Один идет, мадам, — ответила девушка.

— Лорд Гро, — сказала дама. — Но он может мне не ответить. Хотя было бы настоящим чудом, если бы оказалось, что всю прошлую ночь он проспал на своем ложе.

И действительно, с севера появился Гро, одетый в коричневый бархатный плащ с ажурным золотым воротником, на который были нашиты серебряные галуны; его длинная черная борода благоухала настоем из флёрдоранжа и ангелики. Они приветствовали друг друга, дама попросила служанок отойти в сторону и сказала: — Милорд, я жажду известий. Расскажите мне все, что произошло после заката солнца. Ибо я спокойно спала, пока лучи утреннего солнца не проникли через окна моей комнаты, и мне снились трубы, командующие атаку, факелы в ночи и военная суматоха. И действительно, рядом с моим ложем стояли факелы, зажженные моим супругом, но он сам не сказал мне ни слова, упал на ложе и уснул, изнеможенный до нельзя. У него несколько царалин, но, к счастью, ничего серьезного. Я не решилась разбудить его, ибо сон — лучший бальзам; кроме того он становится сумасшедшим, если кто-нибудь его будит. Но если верить всему, что болтают слуги, то ночью произошло что-то невероятное: огромный флот Демонов высадился около Тенемоса; прошлой ночью мой супруг, а также Кориниус и Голдри Блазко убиты в бою с Королем; Лорд Джусс заколдовал Лаксуса и весь наш флот, и они

предательски напали на нас, а Джусс и остальные Демоны вели их; и вообще все убиты, кроме Лаксуса и Голдри Блазко, которых связанными привезли в Карсё, сошедших с ума и пеной на губах; и еще Кориниус умер от ран, убив Брандох Даха. Или, вот, еще глупее, — ее зеленые глаза опасно блеснули. — Мой брат восстал, объявил Пиксиландию независимой от Гориса, присоединился к Газларку, их армия потерпела поражение, и они оба в тюрьме.

Гро улыбнулся и сказал: — О миледи Презмира, правда надевает на себя множество странных масок, пока летит через королевские дворцы на метлах слуг. Но что-то из нее всегда остается, и вы сами увидите это, когда узнаете о событиях, произошедших между закатом и рассветом у стен Карсё, событиях, которые потрясли мир. Ибо этой ночью расцвела сила Ведьмландии и нискала она себе невиданную славу.

— Великолепное известие, милорд, — ответила дама. — Были ли там Демоны?

— Да, мадам, — ответил он.

— Победили, убиты?

— Все убиты, кроме Джусса и Брандох Даха, которые захвачены, — сказал Гро.

— Что сделал мой супруг? — спросила она.

— Великие подвиги, по-моему, — сказал Гро, — хотя Кориниус, как обычно, утверждает, что главная честь принадлежит ему.

— Он всегда слишком много утверждает, — заметила Презмира. — И там не было никого, кроме Демонов?

Гро, зная ее мысли, улыбнулся и ответил: — Мадам, там были Ведьмы.

— Лорд Гро, — крикнула она, — не смейтесь надо мной! Вы же прекрасно знаете, что Князь, мой брат, очень горд и может внезапно рассердиться. И, конечно, он тяготится зависимостью от Ведьмландии. Вспомните, сколько дней прошло, прежде чем он привез Королю дань этого года.

Большие воловь глаза Гро смягчились, он посмотрел на Леди Презмиру и сказал: — Ну конечно, мадам, я ваш друг. Кроме того, откровенно говоря, вы и ваш супруг — мои единственные друзья в многоводной Ведьмландии, вы двое и Король; но кто из тех, кто пользуется благосклонностью Короля, может спать спокойно? Ах, мадам, никто из Пиксиландии не участвовал в ночной битве. Так что не волнуйтесь. Но вот мне пришлось не просто, потому что я, стоя рядом с Королем, должен был улыбаться, пока Кориниус и наши воины рубили на куски четыре или пять сотен моих соотечественников.

Презмира на мгновение задохнулась, потом помолчала и спросила: — Газларк?

— Похоже возглавлял их главные силы, — ответил Лорд Гро. — Кориниус хвастается, что убил его и, вне всякого сомнения, он упал на землю. Но этим утром я, тайно, проверил все трупы; его там не было.

— Милорд, — сказала она, — моя жажда известий может подождать, пока вы не поедите. Эй, кто-нибудь, принесите вино и мясо милорду Гро. — Две служанки сорвались с места и немедленно вернулись с кубком со сверкаю-

щим золотым вином и блюдом, на котором лежала минога в винном соусе. Лорд Гро сел на яшмовую скамью и, за едой, рассказал Леди Презмире все события прошлой ночи.

Когда он закончил, она сказала, — И что Король сделал с этой парочкой, Лордом Джуссом и Лордом Брандох Даха?

— Он приказал привести их в старый пиршественный зал в Железной Башне. — Его лоб помрачнел, и он добавил: — Как жаль, что ваш супруг так долго лежит в постели, и не пришел на совет, где Корсус и Кориниус, при помощи пасынков и сыновей Корсуса, подстрекали Короля безжалостно убить этих Лордов Демонландии. Правильно советует двустишие:

Подумай прежде — говорить, иль нет;

Опасно королям давать совет,

и если бы я открыто выступил против них, с риском для здоровья, все равно ничего бы не добился. Кориниус постоянно пытается заткнуть мне рот, к месту и не к месту крича «Гоблин». Но, как тяжелы удары Корунда во время боя, так и слова Корунда тяжелы во время совета.

Пока Гро говорил, на террасе появился сам Корунд и громко потребовал еще вина, чтобы охладить горло. Презмира налила ему и сказала: — Чем ругать меня за охрану вашего сна, милорд, лучше бы вы дали совет Королю относительно участи наших врагов, которые были захвачены этой ночью.

Корунд сел на скамью рядом с женой и выпил. — Если бы я это сделал, мадам, — сказал он, — то я отяготил бы свою совесть. Потому что я охотно отрубил бы им головы — вот подходящий счастливый конец.

— Король решил совсем по другому, — сказал Гро. — Он приказал привести Лорда Джусса и Лорда Брандох Даха, и долго рассматривал их, презрительно улыбаясь. «Добро пожаловать в Карсё — сказал он. — Вы мои гости, хотя и пришли без приглашения, и на вашем столе никогда не переведется вкусная еда и хорошее вино». И он приказал вбить в стены старого пиршественного зала железные крюки, привести туда Демонов, сковать их руки и ноги тяжелыми железными кандалами и распластать их на стене, приковав за руки и за ноги. И еще Король приказал поставить у их ног стол с деликатесами, чтобы вид и запах еды мучил их. И только после этого он созвал нас на совет, чтобы мы могли одобрить его решение и посмеяться над поверженными врагами.

— По-настоящему великий король должен походить на собаку и убивать чисто, — сказала Презмира, — а не на кошку, которая мучает свою добычу и играет с ней.

— Это правда, — сказал Корунд, — безопаснее всего убить их. — Он встал со скамьи. — Очень недурно, — добавил он, — что я ничего не сказал Королю.

— Почему? — удивилась Презмира.

— У того, кто спит долго, — весело сказал Корунд, глядя на нее, — иногда есть известие для той, которая, встав рано, сидит на западной террасе. И

вот я пришел сказать ей, что, поглядев на восток через окно нашей комнаты, увидел, как к Карсё по Дороге Королей скачет...

— Ла Фириз? — спросила она.

— Мои глаза видят достаточно далеко, — сказал Корунд, — но я не стал бы утверждать под присягой, что смогу узнать своего собственного брата с расстояния в три мили. Но быть может ваши глаза, мадам лучше моих.

— Но кто еще может прискакать по Дороге Королей из Пиксиландии, — крикнула Презмира, — кроме Ла Фириза?

— На это, мадам пусть ответит Эхо, — сказал Корунд. — Но лично я сразу вспомнил, что Князь, мой шурин, в глубине души всегда хранит память о прошлых благодеяниях. И кто же для него больший благодетель, чем Джусс, который спас ему жизнь шесть зим назад в Верхней Чертландии? Поэтому, если Ла Фириз каким-то образом связан с нашей ночной пирушкой, необходимо, чтобы эти болтуны заткнули рот и не сказали ему ни слова о развлечениях в старом пиршественном зале и о Демонах, участвовавших в сражении.

— Пошли, — сказала Презмира. — Я иду с тобой.

Они нашли Короля на самой верхней башне над водяными воротами вместе с лордами Вельмландии. Все они глядели на восток, где, за длинными низкими холмами, лежала Пиксиландия. Но когда Корунд высказал Королю свое мнение, Король сказал, — Ты стареешь, о Корунд, и точно никчемный странствующий торговец принес свои товары на рынок, который уже закончился. Я уже распорядился их судьбой, и мои люди должны знать только то, что этой ночью Гоблины напали на Карсё, были разгромлены и сбежали от моего гнева в море, потеряв почти всю свою армию. И если кто-нибудь словом или жестом откроет Ла Фиризу, что в этом были замешаны Демоны, или что мои враги своим видом развлекают меня в старом пиршественном зале, он потеряет все, включая саму жизнь.

— Я понял, о Король, — ответил Корунд.

— Главный капитан, каковы наши силы? — спросил Король.

— Семьдесят и три были убиты, — ответил Кориниус, — а остальные по большей части ранены: и я среди них, ибо какое-то время смогу сражаться только одной рукой. Не думаю, о Король, что смогу найти в Карсё пятьдесят здоровых воинов.

— Милорд Корунд, — сказал Король, — у тебя самые лучшие глаза среди всех нас, молодых или старых. Сколько воинов в этом отряде?

Корунд оперся на парапет, и затенив глаза широкой, как копченая треска ладонью, обратная сторона которой была усеяна редкими желтыми волосками, похожими на волоски на коже молодого слона, сказал: — У него шесть десятков лошадей, о Король. Можно добавить еще пару для полного счастья, но лишите меня всех своих милостей, если их меньше шестидесяти.

Король недовольно выругался. — И надо же было ему приехать так некстати, когда вся моя сила в походе и осталось так мало тех, кто может научить его уважению, если он станет совсем несносным. Пускай один из твоих сыновей, Корунд, возьмет лошадь, поскачет на юг в Зорну и Пермию, соберет

несколько десятков фермеров и пастухов, и вооружит их. И пускай они как можно быстрее скачут сюда.

День уже клонился к вечеру, когда Князь Ла Фириз со своим отрядом въехал в замок; все церемониально приветствовали друг друга, была преподнесена дань и Пикси разошлись по предназначенным для них комнатам. А вечером все собрались в огромном пиршественном зале, построенном Королем Горисом XI в юго-восточном углу дворца в самом начале своего правления; и этот зал далеко превосходил по величине и великолепию старый, в котором сейчас содержались в заточении Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха. Было в нем семь одинаковых стен из темно-зеленой яшмы, испещренной красными пятнами. В середине одной из стен находилась высокая дверь, а в стенах справа и слева от нее, а также в тех, которые окаймляли углы, лежавшие напротив двери, были сделаны высокие окна, через которые лился освещающий пиршественный зал свет. В каждом из семи углов находилась кариатида, вырезанная из огромных блоков черного серпентина в виде трехголового гиганта, склонившего под тяжестью гигантского краба, вырезанного из того же самого камня. Широко расставленные могучие клешни всех семи крабов поддерживали купол крыши, гладкой и расписанной сценами сражений, охоты и борьбы в темных дымных тонах, так подходящих мрачному величию зала. На стенах под окнами сверкало оружие для войны и охоты, а на двух глухих стенах висели черепа и кости тех воинов, которые боролись с Королем Горисом XI вплоть до того злополучного часа, когда он решил сразиться с Голдри Блазко. В самом внутреннем углу, лицом к двери, стоял длинный стол с красивой скамьей за ним, а по обе стороны от этого стола стояли два других, еще более длинных, и скамьи за ними тянулись вдоль стен почти до двери. У самой середины стола, находившего справа от двери, находилось высокое сидение, вырезанное из старого кипариса, большое и красивое, с подушечками из черного бархата, отделанными золотом, а за противоположным столом находилось другое высокое сидение, поменьше, с подушечками, отделанными серебром. Между столами, на подставках в виде орлиных лап стояли в ряд пять массивных железных жаровен; за скамьями с каждой стороны стояли девять больших стоек со светильниками, освещавшими зал ночью, и еще семь за поперечной скамьей — они стояли на равном расстоянии друг от друга и от стен. Пол был вымощен стеатитом, белым и розовым, с прожилками темно-коричневого и лилового, и брызгами алого. Столешницы, полированные каменные плиты с маленькими золотыми искрами, опирались на прочные подмости.

На поперечной скамье сидели женщины, и в их центре Леди Презмира, превосходившая всех красотой и величием, как Венера превосходит ночью меньшие планеты. Зенамбрия, жена Герцога Корсуса, сидела слева от нее, а Срива, дочь Корсуса, странно красивая для такого отца, справа. На верхней скамье, справа от двери, выше и ниже сидения Короля, сидели лорды Ведьмландии, одетые в праздничные наряды, а лорды Пиксиландии помещались напротив их, на более низкой скамье, высокое сидение которой было предна-

значено для Ла Фириза. На столах, в строгом порядке стояли большие блюда из золота, серебра и раскрашенного фарфора, наполненные деликатесами. Арфисты и волынщики заиграли варварскую музыку, гости поднялись на ноги, сияющие двери открылись и в зал вошел Король Горис, сопровождаемый своим гостем, Князем.

Как черный орел, обозревающий землю с вершины высокой горы, так смотрел на зал Король с вершины своего величия. Кольчуга из черных колец, воротник, рукава, килт, отделанный пластинками из тусклого золота с гиацинтами и черными опалами. На нем были черные чулки с украшенными бриллиантами подвязками из тюленьей шкуры. На большом пальце левой руки сиял золотой перстень-печатка в виде змея Уробороса, кусающего свой хвост: часть кольца с головой змея была сделана из рубина цвета персика размером с воробьиное яйцо. Плащ был шит из кож черных кобр, скрепленных золотой проволокой, золотые блески украшали рубашку из черного шелка. Железная корона Ведьмландии отягощала его лоб, клешни краба торчали вверх, напоминая рога; многокрасочные драгоценные камни его одеяния сверкали, как лучи Сириуса ясной морозной ночью в Святки.

Князь Ла Фириз выступал в мантии из тонкого сендаля, украшенной золотыми блестками, надетой на шелковую тунику, окрашенную в темно-фиолетовый цвет сон-травы. От золотой диадемы, которую он надел на голову, отходили два крыла, сделанные из чеканной меди и покрытые драгоценными камнями и эмалью; все вместе напоминало крылья бабочки-сфинкса. Он был обычного роста, но широк в кости, силен и великолепно сложен; рыжие курчавые волосы, чисто выбритое румяное лицо; высокий нос с широкими ноздрями и кустистые рыжие брови, и глаза, как у сестры, зеленые и жестокие, с львиными искрами внутри.

Король сел на свое место, Корунд и Кориниус — благодаря совершенным ими великим подвигам — заняли места слева и справа от него, и Ла Фириз сел на свое сидение, лицом к Королю. Вошли рабы и принесли блюда с маринованными угрями, и устрицами в раковинах, и раками, и улитками, и моллюсками, зажаренными в оливковом масле и плавающими в винном соусе, белом и красном. И хозяева и гости не стали долго ждать, но обрушились на эти разносолы, а виночерпии обнесли всех чашей из чеканного золота, наполненной искрящимся вином цвета желтого сапфира, и шесть золотых черпаков свисали из шести месяцеподобных прорезей на ободке этого огромного кубка. И каждый гость, когда кубок приносили ему, должен был наполнить черпаком свой кубок и выпить за славу Ведьмландии и ее правителей.

Без особого почтения посмотрел Кориниус на Князя, и прошептал он на ухо сидевшему рядом с ним Хемингу, сыну Корунда: — Правду говорят, что Ла Фириз самый безвкусный человек из всех, кто носит доспехи и дорогие украшения. Посмотри на это смешную грудку драгоценных камней, которую он выставил напоказ, и на обезьянью наглость, с которой он развалился на троне. И этот слизняк живет только из-за нашей снисходительности, и, на-

сколько я понимаю, он не забыл привести в Ведьмландию плату за то, что наша рука еще не сломала ему шею.

Еще раз обнесли всех блюдами с карпами, сардинами и омарами, после чего настало время мясных блюд: жирного козленка, зажаренного целиком, гарнированного бобами и лежащего на большом серебряном подносе, пирогов из козлятины, говяжьих языков, нежной телятины, желе из молочных кроликов, ежей, зажаренных в собственном соку, карбонада, свиных потрохов и пирогов из сонь. Рабы, бесшумно скользившие босыми ногами по полу, постоянно разносили эти и другие сочные блюда по рядам, и, утолив голод, гости развеселились и вино согрело их сердца.

— Что нового в Ведьмландии? — спросил Ла Фириз.

— Я не слышал ничего нового, — ответил Король, — за исключением убийства Газларка. — И Король рассказал о ночной битве, не скрыв ни одной детали сражения и ни одного числа пришедших и ушедших; и никто не смог бы догадаться из его рассказа, что в битве участвовали еще и Демоны.

— Очень странно, что он напал на вас, — сказал Ла Фириз. — Я чувствую запах врага, стоявшего за Гоблинами.

— Наше величие, — горделиво ответил Кориниус, надменно глядя на него, — это свет, на который летят мошки и обжигают себе крылышки. Я не вижу в этом ничего странного.

— Это было бы странно с любым другим, но только не с Газларком, — сказала Презмира. — Если им овладела любая, самая дикая фантазия, то он, как семечко чертополоха, уже готов взлететь в небо на колеснице мечты.

— Воздушный пузырь, мадам: разноцветный и прекрасный снаружи, пустой ветер внутри. Я знаю и других таких же, — сказал Кориниус, с рассчитанной наглостью глядя на Князя.

В глазах Презмиры заплескали искры. — О милорд Кориниус, — сказала она, — прошу вас, измените сначала свой собственный наряд прежде, чем убеждать нас, что нарядный снаружи означает глупый внутри, иначе, посмотрев на вас, мы засомневаемся в вашей мудрости.

Кориниус осушил до дна свой кубок и рассмеялся. Легкая краска появилась на его красивом наглом лице, на щеках и бритом подбородке, ибо не было в этом зале никого, одетого богаче, чем он. На свою могучую грудь он одел камзол из оленьей шкуры, обшитый серебряными чешуйками с золотым воротником, обшитом смарагдами, а длинный плащ из небесно-голубого шелка был подбит изнутри серебряной парчой. На левом запястье сверкало массивное золотое кольцо, голову украшал венок из черных брионий и белладонны. Гро прошептал на ухо Корунду: — Он слишком быстро напился, а пир только начался. Это предвещает неприятности, ибо, когда он пьян, его неосмотрительность всегда шагает на пятках его раздражения.

Корунд что-то пробормотал про себя, а вслух сказал: — Газларк может взобраться ко всем вершинам славы и ко всем вершинам безрассудства. Нет ничего более жалкого, чем рассказ о том, как десять лет назад он внезапно решил, что вся Чертландия должна стать его владениями, а он сам — самым ве-

ликим королем в мире. Он нанял Зелдорниуса, Хелтераниуса и Джалканаиуса Фостуса...

— Трех самых знаменитых капитанов на свете, — перебил его Ла Фириз.

— Воистину это правда, — сказал Корунд. — Он нанял их, и дал им корабли, солдат, лошадей и столько всякого оружия, сколько никто не видел за сотни лет, и послал их куда? В богатые и приятные земли Бештрии? Нет. В Демонландию? Даже не близко. В эту Ведьмландию, в которой он с двадцатой частью своей армии рискнул всем, потерпел поражение и погиб? Нет, но в проклятые адом дикие земли Верхней Чертландии, где нет ни деревьев, ни воды и ни одной живой души, которая могла бы платить ему дань: только странствующие банды диких Чертей, в карманах которых больше жуков, чем пенни, клянусь вам. Или, быть может, он собирался стать королем дьяволов воздуха, призраков и хобгоблинов, которых только и можно найти в этой пустыне?

— Нет никаких сомнений, что в Моруне можно найти семнадцать видов дьяволов, — сказал Корсус, так громко и неожиданно, что все повернулись в его сторону. — Огненные дьяволы, воздушные дьяволы, наземные дьяволы, если их можно так назвать, и подземные дьяволы. Нет никаких сомнений, что семнадцать их, и еще семнадцать видов хобгоблинов, и если у меня будет настроение, я назову их всех наизусть.

Мрачным и серьезным было тяжелое лицо Корсуса, с мешками под налитыми кровью глазами, отвислыми щеками, толстой и выпяченной верхней губой, и колючими серыми усами и бакенбардами. Он ел в основном то, что вызывало жажду: маринованные оливки, каперсы, соленый миндаль, анчоусы, копченые сардины, жаренные сардины с горчицей, а сейчас откинулся на подушку, ожидая соленый свиной окорок и готовясь к новым возлияниям.

— А кто-нибудь знает, — спросила Леди Зенамбрия, — что случилось с Зелдорниусом, Хелтераниусом и Джалканаиусом и их армиями?

— Вроде бы я слышала, — ответила Презмира, — что блуждающие огоньки завели их в Гиперборею, где они стали королями.

— Боюсь, сестра, что это бабьи сплетни, — сказал Ла Фириз. — Шесть лет назад я путешествовал по пустыням Чертландии, и слышал множество вздорных рассказов о них, но ни одного внушающего доверие.

И вот четверо слуг вынесли на большом золотом блюде свиной окорок, обложенный луком, ибо был он огромен и тяжел. И сверкнул свет в тусклых глазах Корсуса, когда увидел он его, и Корунд встал с наполненным до краев кубком, и закричали Ведьмы: — Песню, песню об окороке, Корунд! — Огромный как бык стоял Корунд в красно-коричневом бархатном камзоле, подпоясанный широким поясом из крокодиловой кожи, отделанной золотом по краям. С его плеч свисал плащ из волчьей шкуры мехом внутрь, снаружи обшитый фиолетовым шелком. Дневной свет почти исчез, и только свет от светильников, который пробивался через пар, поднимавшийся от множества блюд, освещал его лысую голову, на которой осталось по краям несколько седых ло-

конов, пронизательные серые глаза и длинную густую бороду. Он крикнул: — А вы помогайте мне, милорды! и если кто-нибудь не подхватит припев, я больше никогда не полюблю его! — И голосом, похожим на звук гонга, он запел песню об окороке; и все с такой силой ревели припев, что тарелки на столах тряслись и звенели:

*Окорок свиной, окорок свиной,
Приходи, родной.
С острыми зубами, вкусными ногами,
С кружкой налитой.*

*Все могу я спеть, все могу я съесть,
Мастер-повар здесь!*

*Вот же она я, говорит свинья,
Режь и ешь меня.
Утка, Гусь, Верблюд, спляшут и споют,
Добрые друзья.*

*Все могу я спеть, все могу я съесть,
Мастер-повар здесь!*

*Пивом оболью, и вином залью,
С головы до ног.
С коркой пирога, с ножкой гусака,
Будешь ангелок.*

*Все могу я спеть, все могу я съесть,
Мастер-повар здесь!*

*Окорок свиной, будешь только мой,
И ничей другой.
Я люблю тебя, скушаю, любя,
Милый, дорогой.*

*Все могу я спеть, все могу я съесть,
Мастер-повар здесь!*

Когда окорок разрезали и до краев наполнили кружки, приказал Король: — Позовите моего карлика, и пусть он позабавит нас смешными ужимками.

И в зал вошел гримасничающий карлик, одетый в камзол без рукавов с желтыми полосами, сделанный из поддельного бархата. За ним по полу тянулся длинный безжизненный хвост.

— Какой отвратительный карлик, — сказал Ла Фириз.

— Не говорите об этом вслух, князь, — усмехаясь сказал Кориниус. — Вы не знаете его талантов. Именно его Король Горис XI — да славится его па-

мать! — послал в Гелинг к Лорду Джуссу и лордам Демонландии. И мы проявили к ним величайшее вежество, послав им этого полоумного послом.

Карлик, к величайшему удовольствию Лордов Демонландии и гостей, начал кривляться, и еще принялся вышучивать Кориниуса и Князя, назвав их двумя павлинами, яркое оперенье которых никто не может отличить друг друга; оба лорда заметно обиделись.

Потом, когда вино согрело сердце Короля, он обратился к Гро и сказал: — Радуйся, Гро, и не сомневайся, что я исполню свое слово и сделаю тебя королем в Зайё Закуло.

— Повелитель, я навсегда предан вам, — ответил Гро. — Но мне кажется, что я совсем не гожусь для того, чтобы быть королем. Я всегда помогаю другим добиться счастья, но не себе.

В это мгновение Герцог Корсус, который, растянувшись на столе, почти спал, внезапно крикнул сильным, хотя и осипшим голосом: — Пусть поджарят меня дьяволы, если ты не сказал правду! И не бойсь, что твое счастье махнуло хвостом. Дайте мне немного вина, полный до краев кубок. Ха! Ха! Ведьмландия! Ха! Ха! Ты победишь! Эй, Король, когда вы наденете корону Демонландии?

— Корсус, — сказал Король, — неужели ты пьян?

Но Ла Фириз сказал: — На Островах Фолиотов вы поклялись соблюдать с Демонландией мир, и дали страшные клятвы навсегда отказаться от попытки владычества над Демонландией. Я надеюсь, что все ссоры закончились.

— Да, так оно и есть, — ответил Король.

Корсус слабо хихикнул. — Вы сказали хорошо: очень хорошо, Король, очень хорошо, Ла Фириз. Наши ссоры закончились. Нет места для них. Потому что, смотри сюда, Демонландия — это зрелый фрукт, готовый упасть в наш рот. — И, запрокинув голову назад, он широко открыл рот и поднес к нему садовую овсянку, с которой капал жир, держа ее за одну ногу. Птица выскользнула из его пальцев, упала на щеку, соскользнула на брюхо, а потом и на пол, запачкав соусом его медную кольчугу и рукава его светло-зеленого камзола.

Кориниус разразился смехом, но Князь Ла Фириз вспыхнул от гнева, нахмурился и сказал: — Только рабы, милорд, смеются над пьянищами.

— Тогда сиди молча, Князь, — сказал Кориниус, — иначе тебя самого так назовут. Что касается меня, то я смеюсь над своими мыслями, и нет среди них ни одной низкой.

Но тут Корсус вытер лицо и громко зашел:

*Как пью я винны соки,
Печаль на ум неидет.
На что искать заботы,
Хлопот, свет, работы,
Желаешь или нет,
А все конец придет.*

*Почто ж нам суетиться?
Мы Вакха позовем:
Не смеет к нам явиться
Печаль, когда мы пьем.*

И Корсус опять тяжело упал на стол. А карлик, над чьими шутками лорды смеялись только тогда, когда сами не были их мишенью, подпрыгнул вверх и вниз, и закричал: — Слушайте, слушайте, чудо, чудо! Пудинг запел. Эй, рабы, несите сюда две больших тарелки, потому что вы положили блюдо прямо на стол. Одной слишком мало, чтобы вместить такое количество воловьего сала и крови. Быстрее, и взрежьте его, прежде чем пар прорвет кожу.

— Я сам сейчас тебя взрежу, мерзавец, — крикнул Корсус, вскакивая на ноги; он схватил карлика одной рукой за запястье, а второй изо всех сил ударил его по уху. Карлик запищал и так сильно укусил Корсуса за палец, что тот выпустил его руку; и карлик убежал из зала, а вся компания весело рассмеялась.

— Вот убегаешь глупость перед мудростью, хранящейся в вине, — сказал Король. — Принесите мне икры, красной и черной, и жареные хлебцы. Пейте, Князь. Трамнианское красное — густое как мед, и направляет мысли к философии богов. Какая в сущности пустая вещь — честолюбие. Оно погубило Газларка, который вспыхнул, бросился в бой и кончил абсолютной пустотой. А что думаешь ты, Гро, философ?

— Ах, бедный Газларк, — сказал Гро. — Честолюбие охватило его сознание, и вот он, вопреки своим ожиданиям, разбит нами. Даже если бы он внезапно поумнел, и, вопреки всем ожиданиям, разбил бы нас, то и тогда он был бы даже дальше от исполнения своих страстных желаний, чем тогда, когда впервые вышел в мир. В Зайё Закуло у него было все: еда, питье, прекрасные сады, бесценные сокровища, музыканты и красавица жена, довольство и покой на всю оставшуюся жизнь. И, в конце концов, каким бы курсом мы не шли по жизни, приходит забвение, и мы бросаем якорь в порту, навсегда. Сухие лавровые или кипарисовые листья, и горсточка праха. Вот и все, что остается. Больше ничего.

— С печальным лицом я говорю это, — сказал Король. — Того считаю я мудрым, кто, как Красный Фолиот, не гоняется за счастьем и не испытывает волю богов, пытаясь исполнить свои честолюбивые мечты.

Ла Фириз откинулся на спинку трона, положив локти на низкие подлокотники; его руки свободно свисали по сторонам. С высоко поднятой головой и недоверчивой улыбкой он слушал слова Короля Гориса.

Гро сказал на ухо Корунду: — На дне кубка Король нашел странное добросердечие.

— Я думаю, что мы с тобой устарели и вышли из моды, — шепотом ответил Корунд. — Смотри, мы не пьяны, ибо ты пьешь в меру, и это хорошо, а я у меня на поясе есть аметист, который не дает мне опьянеть, сколько бы вина я не выпил.

Тем временем заговорил Ла Фириз и сказал: — Вам нравится шутить, о

Король. С моей стороны я бы обрадовался, если бы на моих плечах вместо головы была эта большая дыня без всяких честолюбивых желаний.

— Если бы ты не был нашим драгоценным гостем, — сказал Кориниус, — я бы сказал, что ты говоришь как простолюдин. Ведьмландия не хвастается, но может позволить себе говорить с гордым смирением, как говорит наш Лорд Король. Индюки ходят важно и кулдыкают, орлы правят миром.

— Жаль мне тебя, — презрительно сказал Ла Фириз, — если даже такая жалкая победа вскружила тебе голову. Гоблины!

Кориниус нахмурился. Корсус хихикнул и сказал самому себе но так громко, что услышали все. — Гоблины, неужели? Это была бы игрушка, если бы они были. А, вот именно: если бы они были.

Лоб Короля стал как черное грозное облако. Женщины затаили дыхание. Но Корсус, не ощущая приближающейся бури, ударил кубком по столу и сонно затянул с мрачным видом:

*Когда птицы в глубокую воду нырнут,
А копченые рыбы на небо вспорхнут,
Когда вспыхнет вода и замерзнет огонь,
И повиснет на ветке зажаренный конь...*

Он громко икнул и заснул.

Разговор прекратился. Лорды Ведьмландии, напуганные взорами Короля, склонили головы, боясь глядеть ему в лицо. Но тут заговорила Презмира, и музыка ее голоса зазвучала, как освежающий душ: — Песня милорда Корсуса, — сказала она, — подарила мне надежду найти ответ на один философический вопрос; но, как вы видите, Вахх забрал его душу в Элизиум, и я боюсь, что сегодня ночью из его рта не выйдут ни правда, ни ложь. А вот мой вопрос: правда ли то, что все животные на земле имеют родичей в море? Милорд Кориниус, или ты, мой драгоценный брат, не могли бы просветить меня?

— Мадам, так ныне признано, — ответил Ла Фириз. — Взгляни сама и увидишь множество замечательных образцов: морская лягушка, морская лисица, морская лошадь, морской лев и морской медведь. Насколько я знаю, варварские народы Эсамосии ловят морских мышей, толкут их в ступках, смешивают с плотью животного, называемого океанский бык, солят, добавляют чеснок и едят с большим удовольствием.

— Фу! быстро расскажите мне что-нибудь другое, — крикнула Леди Срива, — прежде, чем я представлю себе это ужасное блюдо. Эй, слуга, принеси мне вон те персики и солнечный изюм, они излечат меня.

— Лорд Гро расскажет вам все это лучше, чем я, — сказал Ла Фириз. — Хотя я с большим почтением отношусь к философии, но, признаюсь, всегда ленился изучить ее. Много раз я охотился на барсука, но так и не знаю ответ на вопрос одного доктора: действительно ли ноги с одного бока короче, чем с другого. И, несмотря на множество съеденных миног, я до сих не знаю, сколько у них глаз: два или девять.

Презмира улыбнулась. — О мой брат, я боюсь, что ты слишком погряз в

делах правления, и эти изящные изыскания остаются вне твоего поля деятельности. Но есть ли птицы под поверхностью моря, о милорд Гро?

— В реках, конечно, но это самые обычные птицы, которые гостят там какое-то время, — ответил Гро. — Я сам находил их зимой в Верхней Чертландии, спящими на дне озер и рек, парами, крыло к крылу, клюв к клюву. Но весной они снова оживают, и леса наполняются из радостным пением. А что касается моря, то есть и морские кукушки, и морские дрозды, и морские воробьи, и многие другие.

— Это очень странно, — сказала Зенамбрия.

Корсус, не открывая глаз, запел:

Когда колдуньи колдовать перестанут,

Когда пауки безобидными станут.

Презмира повернулась к Корунду. — Милорд, разве ты как-то не утверждал, что жаба и паук в схватке отравят друг друга, а милорд Гро доказывал обратное?

— Да, миледи, ты права, — ответил Корунд, — и до сих пор мы не согласны друг с другом.

Корсус пел:

Когда черный дрозд позабудет как петь,

Когда черный аспид устанет шипеть,

Тогда закричишь ты на пьяный трактир:

Стал новым сей старый задолбанный мир.

И опять погрузился в пьяный сон.

— Милорд Король, — крикнула Презмира, — я умоляю вас отдать приказ и закончить спор между двумя вашими советниками прежде, чем он дойдет до точки кипения. Пускай без промедления принесут жабу и паука, о Король, и поставим эксперимент перед нашей доброй компанией.

Раздался громкий смех, Король отдал приказ рабу, который быстро принес семь жирных пауков и жабу, а потом посадил их всех в хрустальный кубок, который поставил перед Королем. Все с волнением взгляделись в кубок.

— Я ставлю два бочонка бледного Пермианского вина против пучка редиски, — сказал Корунд, — что победа будет за пауками. Смотрите, как без всякого сопротивления они обесли голову жабы и расплозились по ее телу.

— Идет, — сказал Гро.

— Ты потеряешь свой заклад, Корунд, — сказал Король. — Пауки не в силах ничего сделать жабе, она сидит совершенно спокойно, проверяя их защиту, но, при случае, проглотит их всех.

Пока они наблюдали за боем принесли фрукты: айву, миндаль, гранаты и орехи; новые кувшины вина и среди них хрустальную бутылку с вином из Крозеринга, цвета персика, много лет назад сделанную из винограда, растущего южнее замка Лорда Брандох Даха.

Кориниус выпил бокал и крикнул: — Это вино из Крозеринга достойно короля. Говорят, что этим летом оно подешевеет.

Ла Фириз бросил на него короткий взгляд, и Король, заметив это, ска-

зал Кориниусу на ухо: — Не можешь ли ты быть более благоразумным? Излишняя гордость принесет тебе не больше пользы, чем моему самому низкому рабу, если благодаря твоим деяниям Князь вынохает мои секреты.

Наконец настал поздний час, женщины попросили разрешения уйти и торжественно вышли из зала, сопровождаемые рабами с зажженными светильниками. Как только они вышли за дверь Корунд крикнул: — Чума на этих пауков! Жаба уже проглотила одного из них.

— И еще двоих! — сказал Гро. — Твоя теория рассыпается в прах, о Корунд. Двоих она съела одним глотком, осталось только четверо.

Лорд Кориниус, чье лицо горело, зажженное сладким вином, высоко поднял свой кубок и поймал взгляд Князя: — Смотри как следует, Ла Фириз, — крикнул он, — вот символ и пророчество. Вначале один; потом два во рту; и вскоре, я думаю, оставшиеся четверо. Не бишься ли ты оказаться таким пауком, когда придет время сражения?

— Неужели вино помutilo твой ум, Кориниус? — тихо сказал Король дрожащим от гнева голосом.

— Он самый остроумный из всех поедателей мармелада, с которыми мне случалось спорить, — сказал Ла Фириз, — но я не понимаю, что он имеет в виду.

— А то, что должно заставить твое ухмыляющееся лицо опечалиться, — ответил Кориниус. — Я имею в виду наших старинных врагов, презренных и низких злодеев из Демонландии. Первый глоток — Голдри, взятый только небо знает куда посланником Короля, несшимся на крыльях смертоносного ветра...

— Дьявол тебя раздери! — крикнул Король, — что еще за пьяная болтовня?

Но Князь Ла Фириз стал красным как кровь и сказал: — Так вот какое ужасное деяние лежит за безжалостным убийством Гоблинов; неужели вы собираетесь воевать с Демонландией? Но не рассчитывайте на мою помощь.

— От этого мы не будем спать хуже, — сказал Кориниус. — Наш рот достаточно велик, и, если ты нам надоешь, мы проглотим такой кусочек марципана, как ты, и не подавимся.

— Твой рот действительно настолько велик, что ты выбалтываешь свои самые тайные мысли, и я этому очень радуюсь, — сказал Ла Фириз. — Но, если бы я был твоим Королем, я бы ободрал эти идиотские усы с твоей рожи, ты, пьяный болтливый попугай.

— Оскорбление! — крикнул Лорд Кориниус, вскакивая на ноги. — Да я не потерплю оскорбление и от Бога на небесах. Мальчик, тащи мой меч. Я порубаю эту Бештрианскую свинью на куски.

— Спокойствие, ради ваших жизней! — крикнул Король громким голосом, пока Корунд бежал к Кориниусу, а Гро к Князю, чтобы успокоить их. — Кориниус ранен в запястье и не может сражаться, и, похоже, жар от охватил его сознание.

— Вылечите его от раны, которую нанесли ему Гоблины, и я зарежу его как каплуна, — сказал Князь.

— Гоблины! — яростно крикнул Кориниус. — Знай, негодяй, что я получил эту рану от лучшего в мире мечника. Если бы передо мной стоял ты, я бы порезал тебя на ломти, ты, жирный каплун!

Но Король всгас, во всем своем величии, и крикнул: — Замолчите, ради ваших жизней! — Глаза короля метали молнии, и он сказал: — Кориниус, не твоя горячая и мятежная кровь, но только вино, плещущееся в твоем жадном чреве, смягчает мое недовольство. Завтра я назначу тебе наказание. А ты, Ла Фириз, в моем зале тебе подобает вести себя более скромно. Слишком дерзкое послание принес мне твой герольд этим утром, и слишком много в нем слов, которые пишут только равные равным; и ты называешь дань подарком, а ведь и ты и я отлично знаем, что все твое княжество мое, я и могу делать с ним все, что мне захочется. И тем не менее оставил я его тебе, и поступил неразумно, ибо моя терпимость взрастила твою дерзость, и начал ты буйствовать за моим столом, затеял ссору в этих стенах и оскорбил моего капитана. Берегись, ибо молния моего гнева уже готова ударить в тебя.

Князь Ла Фириз ответил и сказал: — О Король, сохрани хмурые взгляды и угрозы для своих обиженных рабов, ибо они не пугают меня и я с презрением смеюсь над ними. И я не собираюсь быть осторожным, отвечая на твои несправедливые слова; ибо хорошо ты знаешь, о Король, мою старую дружбу с твоим домом и со всей Ведьмландией, и об узах любви и брака, которые связали леди мою сестру и Лорда Корунда. Мой желудок едва терпит, когда ты называешь меня рабом, а себя сюзереном, ведь тебе не к чему придраться, ибо я выплатил всю дань, и даже с избытком. Но весь мир знает, что я связан узами дружбы и с Демонландией, и ты скорее сведешь звезды с небес и заставишь их сражаться с Демонами, чем вовлечешь меня в эту войну. А что касается хвастовства Кориниуса, то я скажу, что Демонландия Ведьмам не по зубам. Голдри Блазко и Брандох Даха хорошо показали это тебе. И я советую тебе, о Король, немедленно заключить мир с Демонландией, и вот мои доводы: первое, у тебя нет никакой причины для ссоры с ними; второе (и это важнее, чем первое) — если ты будешь упорствовать и начнешь с ними войну, то разрушишь всю Ведьмландию и сам погибнешь позорной смертью.

Король прикусил пальцы — знак ужасного гнева — и какое-то время в зале властвовала тишина. Только Корунд осмелился обратиться к Королю и тихо сказал: — Повелитель, прошу вас, проглотите ваш королевский гнев. Вы сможете высечь его, когда вернется мой сын Хакмон, но пока их больше чем нас, и, к тому же, все наши люди настолько пьяны, что, поверьте, я бы не поставил и куска репы на нашу победу в случае, если дело дойдет до боя.

И сердце Корунда переворачивалось от тревоги, ибо знал он, каких усилий стоило леди его жене поддерживать мир между Ведьмами и Ла Фиризом.

Громкий разговор и топот ног пробудили Корсуса от тяжелого сна, и, в недобрый час, он запел:

*Откроет двери старая тюрьма
Наружу выйдут пленники оттуда.
Рассеется тогда законов тьма,
Засветит солнце для простого люда.*

В это мгновение Кориниус, в котором вино, ссора и упреки Короля загли огонь безрассудного и неистового гнева, который, как воск в печи, растопил все благоразумные политические соображения, громко закричал: — Не хочешь ли ты увидеть наших пленников, Князек, чтобы понять, какой ты осел?

— Что еще за пленники? — крикнул Князь, вскакивая на ноги. — Клянись всеми фуриями ада! Я устал от всех этих темных намеков и желаю знать правду!

— Князь, почему ты беснуешься, как сумасшедший? — сказал Король. — Кориниус пьян. Хватит оскорблений и подозрений.

— Не считай меня тупоумным, — ответил Ла Фириз. — Я желаю знать правду и я ее узнаю.

— Да, ты ее узнаешь! — заорал Кориниус. — Вот она: мы Ведьмы, самые лучшие воины в мире, мы лучше, чем твои трусливые Пикси и проклятые Демоны. Хватит скрывать и лгать. Двоих из этого племени мы спеленали и подвесили на стене старого пиршественного зала, как фермеры приколачивают горностаев и хорьков на двери своего сарая. Там они и будут висеть, пока не содохнут: Джусс и Брандох Даха.

— О, наиболее презренная ложь! — сказал Король. — А тебя, Кориниус, я разрублю на куски.

— Я забочусь только о вашей чести, о Король, — ответил Кориниус. — Нечего таиться от этих Пикси.

— И за это ты умрешь, — сказал Король, — ибо все твои слова — ложь.

На какое-то время в зале установилась мертвая тишина. Наконец Князь, с белым и перекошенным лицом, медленно сел, и тихо сказал Королю: — О Король, я немного погорячился, простите меня. И если я забыл о своем долге вассала, то только из-за раздражения, которое кипит в моей крови, ибо не люблю я все эти церемонии, а вовсе не из-за недостатка дружбы к вам или желания сбросить ваше владычество над Пиксиландией. Но и вы не должны требовать с меня больше, чем позволяет моя честь, обычай и долг вассала, который я с радостью выполняю. И мой меч всегда готов помочь вам против любого врага, кроме, конечно, Демонландии. Но сейчас, о Король, заколебалась башня нашей дружбы, она готова упасть и разлететься на куски. Ибо вам, о Король, как и всем лордам Демонландии, известно, что мои кости давно бы белели на пустошах Чертландии, если бы Лорд Джусс не спас меня от Чертей-варваров во главе с Факс Фей Фазом, которые четыре месяца осаждали меня в маленькой крепости Лида Нангуна. И мою дружбу вы можете сохранить, о Король, если отдадите мне моих друзей.

— У меня нет твоих друзей, — ответил Король.

— Тогда покажите мне старый пиршественный зал, — сказал Князь.

— Я покажу его тебе завтра, — сказал Король.

— Я желаю видеть его сейчас, — сказал Ла Фириз и встал.

— Хорошо, — сказал Король, — больше я не буду скрывать от тебя правду. Я очень люблю тебя. Но когда ты просишь меня отдать тебе Джусса и Брандох Даха, ты просишь то, что вся Пиксиландия и вся горячая кровь твоего сердца не в состоянии отнять у меня. Эти двое — мои злейшие враги. Ты даже не представляешь себе, через какие тяжелейшие испытания и опасности я прошел, чтобы наложить на них свою руку. А теперь не дай своим надеждам победить свое благоразумие, ибо, клянусь, Джусс и Брандох Даха сгниют в тюрьме!

И все ласковые речи Ла Фириза, предложения богатого выкупа и земель, и даже угроза войны, не поколебали Короля. И сказал Король: — Уймись, Ла Фириз, или ты рассердишь меня. Они сгниют.

И когда Ла Фириз увидел, что никакие слова не могут поколебать Короля, он взял свой прекрасный хрустальный кубок, яйцеобразный, стоящий на трех золотых ножках, с золотым ободком и орнаментом из топазов, и бросил его в Короля Гориса; и ударил кубок прямо в лоб Королю с такой силой, что не выдержал хрусталь и раскололся на куски, и потерял Король сознание и упал на пол.

И взволновался весь огромный пиршественный зал, но никто не был быстрее, чем Корунд, который выхватил свой обоюдоострый меч, и, крикнув: — Гро! Позаботься о Короле. Вперед, ребята! Повеселимся, — прыгнул на стол. И все его сыновья, и Галландус и остальные Ведьмы схватили оружие, и то же самое сделали Ла Фириз и его люди, и начали они сражаться в большом пиршественном зале Карсё.

Кориниус, который мог держать оружие только левой рукой, самым мужественным образом прыгнул вперед, и, в ожидании нападения Князя, носил его самыми последними словами. Но туман от необузданных возлияний не только застил его разум и превратил его в дикого зверя, но и ударил ему в ноги, которые потеряли привычность ловкость и стали запинаться на каждом шагу. И поскользнулась его нога в луже пролитого вина, он тяжело упал на спину и ударился головой о полированный стол. А Корсус, который почти не мог говорить и настолько отупел от вина, что даже ребенок мог бы сообразить лучше него, что означает этот шум, покрутил кубок в руке и крикнул: — Питие лучше для тела, чем любое лекарство! Пей всегда и ты никогда не умрешь. — Но тут его ударил в рот кусок грудинки, брошенный Элароном, капитаном телохранителей Князя, и он, как боров, повалился прямо на Кориниуса, и они оба остались лежать, неподвижные и потерявшие сознание. Тем временем столы перевернули, бойцы нанесли и получили раны, и прилив боя навалился на Ведьм. Ибо пусть Пикси и не были такими хорошими воинами, как Ведьмы, они были почти трезвыми, а их враги выпили множество бочонков вина и настолько опьянели, что еле двигались и только что-то горячо бормотали. И аметист Корунда не смог полностью победить вино, бегущее по его венам, он задыхался и его удары были легче и медленнее, чем обычно.

Только из-за любви к своей сестре Презмире и старой дружбы с Введьмландией, Князь приказал своим людям по возможности не убивать Введьм, но схватывать их, и под угрозой смерти не ранить Лорда Корунда. И когда Пикси победили, Ла Фириз приказал своим людям взять кувшины с вином и, пока одни держали Введьм за руки, другие лили в Корунда и его людей вино до тех пор, пока они не опьянели настолько, что не могли двинуть ни рукой ни ногой. И забаррикадировали Пикси высокие двери зала скамьями, столешницами и тяжелыми дубовыми подставками, и Ла Фириз приказал Эларону сторожить дверь с большинством отряда, и поставил стражу к каждому окну, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти из зала.

А сам Князь взял светильники и вместе с шестью воинами из своего отряда отправился в старый пиршественный зал, разоружил стражника, сломал двери и так предстал перед Лордом Джуссом и Лордом Брандох Даха, которые видели рядом друг с другом, прикованные к стене. Свет факелов ослепил их, но Лорд Брандох Даха заговорил и приветствовал Князя, и в его насмешливой, небрежной и слегка ленивой речи не было и следа долгой голодовки, усиленной видом роскошных яств, и других несчастий, обрушившихся на него. — Ла Фириз! — сказал он. — Сегодня лишь один счастливый выпал⁶. А показалось мне, что грязные хорьки, выпачканные в грязи и тине, отребье Введьмландии, опять вернулись сюда, чтобы поиздеваться над нами.

Ла Фириз рассказал им все, что произошло, и под конец сказал: — Дела помчались вскачь. Я освобожу вас на том условии, что вы немедленно ускачите со мной из Карсё, и сегодня ночью не будете мстить Введьмам.

Джусс согласился, а Брандох Даха, улыбнувшись, сказал: — Князь, я люблю тебя и не могу отказать ни в чем, даже если ты захочешь сбрить половину моей бороды, держать напыщенные речи вплоть до жатвы, спать в моих одеждах и семь часов в день спорить о божественном промысле с миледи моей болонкой. Этой ночью мы твои. Я прошу задержаться только на одно мгновение: эта еда кажется слишком вкусной, что бы ее не попробовать: мы много часов глядели на нее. Было бы невежливо оставить ее нетронутой. — Пикси разбили кандалы и он съел большой кусок индюка, три очищенных перепела и студень, а Лорд Джусс — дюжину яиц ржанки и холодную куропатку. И сказал Лорд Брандох Даха: — Джусс, прошу тебя, уничтожай скорлупу яиц, вынимая содержимое, иначе какой-нибудь волшебник соберет их и напишет на них твое имя, и тебе не поздоровится. — Потом он налил чашу вина, осушил ее одним глотком и наполнил опять. — Пусть меня постигнут вечные муки, если это не мое собственное вино из Крозеринга! Ну, кто-нибудь видел более заботливого хозяина, чем Король Горис? — И он выпил вторую чашу в честь Лорда Джусса, сказав: — В следующий раз я выпью с тобой в Карсё только тогда, когда Король Горис и все его лорды будут убиты.

После этого они взяли свое оружие, которое тоже лежало на столе: по мысли Короля его вид должен был опечалить души Демонов, ибо не было у

6 Окончание двуступи из пьесы Джона Уэбстера «Белый дьявол» (пер. И. А. Аксенова): Во всем теченьи скучных дней моих / Сегодня лишь один счастливый выпал...

них никакой возможности добраться до него; и с радостью в сердце, хотя боль и сидела в их ногах и руках, они пошли вслед за Ла Фиризом в пиршественный зал.

Выйдя на широкий двор замка, Лорд Джусс заговорил и сказал: — Ла Фириз, мы обязаны поддерживать свою честь даже если бы и не заключили с тобой договор. Великим позором было бы напасть на Лордов Ведьмландии, ибо пьяны они и не в состоянии встретиться с нами в равной битве. Но, прежде чем уйти из Карсё, давайте обыщем замок и найдем моего родича, Голдри Блазко, ибо только ради него приплыли мы сюда.

— Если вы не заберете ничего, кроме Голдри, то я согласен, — ответил Князь.

И нашли они ключи и обыскали все Карсё, не забыли и мрачную комнату, в которой колдовал Король, и погребя, и подвалы около реки. И не нашли ничего.

И пока стояли они на дворе в свете факелов, вышла на балкон Леди Презмира, разбуженная поисками. Воздушной как облачко она казалась, укрытая балдахином благоухающей ночи, облачко, тронутое испарениями невидимой луны. — Что за перемену я вижу! — воскликнула она. — Демоны покидают двор?

— Ты права, дорогое сердце, — сказал Князь. — Твой супруг жив и здоров, и все остальные Ведьмы тоже, кроме Короля, которому, к сожалению, мне пришлось разбить голову, но, без сомнения, он скоро выздоровеет. Они пролежали всю ночь в пиршественном зале, потому что слишком хотели спать и у них не было сил добраться до своих покоев.

— Все мои страхи оправдались! — крикнула Презмира. — Ты разорвал с Ведьмландией?

— Еще не решил, — ответил он. — Скажи им завтра, что ночью я сильно разгневался, и только это заставило меня сделать то, что я сделал. Ибо я не трус и не подлец, и не оставляю своих друзей в клетке, если у меня есть возможность освободить их.

— Ты должен уехать из Карсё, и немедленно, — сказала Презмира. — Мой приемный сын, Хакмон, которого послали собирать воинов в честь твоего приезда, едет с юга с большим отрядом. У тебя свежие лошади, и ты легко обгонишь людей Короля, если они погонятся за тобой. Если ты не хочешь, чтобы вас разделила река крови — уезжай.

— Тогда прощай, сестра. И не сомневайся, все эти мелкие ссоры между мной и Ведьмландией скоро будут улажены и забыты. — Так сказал князь, веселым голосом, но с тяжестью на сердце. Потому что хорошо знал, что Король никогда не простит ему ни удар по голове, ни освобождение добычи.

Но она ответила, печально: — Прощай, брат. Сердце говорит мне, что я никогда больше тебя не увижу. Освободив из тюрьмы этих двоих, ты вырыл два корня мандрагоры, которые принесут печаль и смерть тебе, мне и всей Ведьмландии.

Князь промолчал, но Лорд Джусс поклонился Презмире и сказал: —

Мадам, мы все стоим на коленях перед Судьбой. Но не сомневайся, что, пока мы дышим, мы будем поддерживать князя, твоего брата. После этой ночи его враги — наши враги.

— Вы клянетесь? — спросила она.

— Мадам, — ответил он, — я клянусь перед тобой и перед ним.

С печалью вернулась Леди Презмира в свои покои. Вскоре она услышала звонкие удары копыт по мосту, и, поглядев в окно, увидела, как лошади скачут в полутьме по Дороге Королей, освещенные медным светом убывающей луны, вставшей над Пиксиландией. И еще долго после того, как Демоны, ее брат и его люди исчезли из виду, а топот копыт их лошадей перестал будить придорожное эхо, она продолжала сидеть у окна величественной спальни Корунда, глядя в ночь. Затем ночь ожила, опять раздался топот копыт, как будто большой отряд стремительно летел с юга, и она поняла, что юный Хакмон вернулся из Пермио.

VIII. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧЁРТЛАНДИЮ

О ТОМ, КАК ДЕМОНЫ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ, И КАК ЛОРД ДЖУСС УЗНАЛ ВО СНЕ, ГДЕ ОН ДОЛЖЕН ИСКАТЬ ИЗВЕСТИЯ О СВОЕМ ДОРОГОМ БРАТЕ; И О ТОМ, КАК ОНИ ДЕРЖАЛИ СОВЕТ В КРОЗЕРИНГЕ И РЕШИЛИ ОТПРАВИТЬСЯ В ЧЕРТЛАНДИЮ

Влагоуханная ночь середины лета, одетая в звездное платье, шла по морю, когда корабль, принесший Демонов домой, почти достиг конца пути.

Плащи Лорда Джусса и Лорда Брандох Даха, спавших на палубе, промокли от росы. Плавно плыли они через зачарованную ночь, даже ветры уснули и не было ничего слышно, кроме волн, о чем-то говоривших друг с другом под носом корабля, неизменной песни рулевого и скрипа весел, которые гребцы, в такт песне, с силой погружали в море. Вега, как сапфир, горела почти в зените, и Арктур, находившийся низко на северо-западе, маяком горел над Демонландией. На далеком юго-востоке Фомальгаут вставал из моря, чтобы одиноко засверкать в мрачном районе между Козерогом и Рыбами.

Так они и плыли, пока не настал день и не поднялся легкий свежий ветер. Джусс проснулся, встал на ноги и внимательно осмотрел серую гладкую поверхность моря, простирившуюся вдаль вплоть до того места, где небо и вода сливались воедино. За кормой большие облака перекрывали ворота дня, плавая наверху утесами темно-красного дыма, подсвеченного горящими перьями рассвета. Над ним, в безупречных высотах неба, плыла рогатая луна, хрупкая и бледная, похожая на белый цветок, летящий над волнами. На западе, лицом к дымящемуся рассвету, вздымались в небо далекие кряжи Картадзе, первого острова-стражника многогорной Демонландии, рассвет уже подсветил бледным золотом и аметистом его самые высокие пики, но вершины поменьше еще лежали в тени, завернутые в покрывало ночи. С началом дня туман, окутавший склоны утесов, поднялся, превратившись в колышащуюся массу, которая вздымалась, опускалась и опять вздымалась, волнуемая своими ветрами: утро разбудило их в горных равнинах и они, играя, отрывали от тумана то клочок, то ленту. Туман взлетал вверх, собираясь в каменных складках под вершинами, делал вид, что собирается уплыть в небо, но потом, неожиданно, нырял вниз к стене гор, заволакивая ее невесомым покрывалом золотого дыма. И стало видно все западное побережье Демонландии, растянувшееся больше чем на пятьдесят миль от Шхер Нортхауза мимо Дракенхольма к низким холмам Кеставика и Биланда, за которыми вздымались горы Скарфа, уходящие в небо зубцы Тотенбэка и далекие пики Невердейла, нависавшие над лесистыми берегами Инвардлесе и Нижнего Тиварандардайла; побережье тянулось еще дальше, к самому крайнему южному мысу, с этого расстояния казавшегося клочком тумана — здесь в море вдавался последний дикий бастион великого кряжа Римон Армон.

Как возлюбленный глядит на свою любовницу, так Лорд Джусс смотрел на встающую из моря Демонландию. Он не сказал ни слова, пока они не подплыли к Сторожевому Мысу, откуда, за выступающим как клов выступом, можно было увидеть маленький и узкий пролив, отделяющий Картадзе от материка. Хотя внешнее море было спокойно, воздух в заливе наполнял водя-

ная пыль от волн, бушевавших между рифами и отмелями. Прилив летел через пролив как скаковая лошадь, а рев от него долетал до их корабля, который плыл в дух милях от пролива.

— Ты помнишь, — сказал Лорд Джусс, — как мне удалось загнать флот Вурдалаков в эти дьявольские зубы? Я не говорил тебе о ужасном настроении, которое овладело мной в самый первый день после того, как посланник Короля напал на нас. Тогда мое сердце думало только об одном: жаль, что Стремнины Катманзе не проглотили меня и мне не пришел конец вместе с проклятыми Вурдалаками.

Лорд Брандох Даха быстро взглянул на него, но ничего не сказал.

Вскоре корабль вошел в гавань Сторожевого Мыса и причалил около мраморной набережной. Там, вместе со своими людьми, стоял Спитфайр, который сказал: — Я приготовился с триумфом перевести вас всех троих домой с корабля, но Волле посоветовал иначе. Как я рад, что послушался его совета и убрал все, что приготовил. Мое сердце разорвалось, если бы я увидел их сейчас.

Лорд Джусс ответил ему: — О брат мой! Шум молотков в гавани и эти десять килей, лежащие на стапелях, говорят мне, что с тех пор, как ты вернулся домой, ты занимался вещами, находящимися намного ближе к нашим настоящим нуждам, чем лавровые листья или оркестр, играющий веселые марши.

Они сели на лошадей и поскакали домой. На ходу они рассказали Спитфайру обо всем, что произошло со времени их отъезда в Карсё. Из гавани они поскакали на север, мимо Хавершоу Тонг до Бэкфута, откуда, по верхней дороге, поднялись до Эвердейла, проскакали под склонами пика Старксти и, прямо перед полуднем, очутились в Гелинге.

Черный камень Гелинга стоял в конце отрога, который, сбегая вниз с южного гребня Малого Дракенхольма, отделял Бранкдейл от Эвердейла. С трёх сторон замок защищали отвесные утесы, спускавшиеся в Мунгартскую Долину, покрытую, как ковром, дремучими лесами из дубов, берез и рябин, по которой тек Бранкдейлский ручей, прыгавший с одного водопада в другой. Те, у кого не было крыльев, могли подойти к замку только с северо-востока, по гладкой, покрытой травой седловине, в ширину меньше броска камня. По седловине бежала мощеная дорога, ведущая от Бранкдейл Роуд к Львиным Воротам, а за воротами тот самый сад с бежавшими среди тисов зелеными тропинками, где девять недель назад стоял Лессингем с ласточкой на плече.

Когда настала ночь и ужин закончился, Джусс, в одиночестве, вышел на стены своего замка, глядя на созвездия, горевшие безлунном небе над могучими тенями гор, слушая уханье сов в лесах под ним и слабый далекий звон колокольчиков на шеях коров и вдыхая принесенные ночным ветром ароматы сада, которые даже в разгар лета отдавали морем и горами. Это зрелище, голова и запахи святой ночи держали его в рабстве вплоть до полуночи, когда он ушел со стены и, позвав слугу-постельничего, приказал постелить себе в южной башне Гелинга.

Большое и роскошное было ложе Лорда Джусса, стоявшее на четырех ножках-столбиках, сделанных из твердого золота, с темно-синим занавесом, на котором были вышиты спящие цветы. Балдахин над ложем украшала мозаика из крошечных кусочков гагата, серпентина, темного гиацинта, черного мрамора, кровавика и лазурита, чьи краски и сияние так смешались между собой, что балдахин походил на трепещущее ночное небо. И было в нем место, как две капли воды походившее на созвездие Ориона, которое Джусс считал стражем своей судьбы, и чьи звезды, сделанные из драгоценных камней, светили своим собственным светом, как звезды золотого балдахина, висевшего в приемном зале, и по ночам освещали деревянное ложе. Светящийся рубин символизировал Бетельгейзе, алмаз — Ригель, а бледные топазы — другие звезды. Толщиной с руку человека были верхние части четырех ножек ложа, а нижние — с талию, и вырезаны в виде птиц и зверей: лев символизировал храбрость, сова — мудрость, голова волкодава — верное сердце, и зимородок — удачу. На карнизе ложа и на настенных панелях над подушками вырезаны были сцены из жизни Джусса, в которых он проявил отчаянную храбрость; последняя из них представляла морской бой с Вурдалаками. Направо от ложа стоял стол, на котором лежали старинные книги песен, и звездные атласы, и травники, и бестиарии, и рассказы путешественников; на этот же стол Джусс обычно клал перед сном свой меч. Все стены были обшиты панелями из сладко пахнувшего дерева, на которых висели оружие и доспехи. В нишах вдоль стен стояли массивные, закрытые на золотые замки сундуки, в которых он хранил свое богатое платье. Окна открывались на запад и юг, и на каждом подоконнике стояла ваза из бледной яшмы, наполненная белыми розами, аромат которых пропитал воздух спальни.

В час петуха снизошел сон на Лорда Джусса, остановился около его головы и тронул глаза, и показалось ему, что он встал и оглядел комнату. И увидел он злое создание, горевшее как дракон, которое заняло всю комнату, многоглавое и более ядовитое, чем он видел во все дни своей жизни, и рядом с чудовищем пять таких же, но поменьше, быть может его детенышей. И еще показалось Джуссу, что на столе около ложа лежит не меч, но огромное копьё, прекрасной работы, и он владел этим копьём всю жизнь, и было оно величайшим сокровищем, с помощью которого можно совершать такие подвиги, о которых даже страшно подумать. И протянул он руку к копьё, но какая-то сила удержала его, и, несмотря на все свои усилия, не мог он даже пошевелиться. Зато чудовище схватило копьё своими страшными зубами и вышло с ним из комнаты. И показалось Джуссу, что сила, державшая его, исчезла вместе вышедшим наружу зверем, и прыгнул он на ноги, схватил оружие со стены и напал на детенышей, которые разорвали занавес ложа и своим огненным дыханием сожгли фигуру зимородка в голове его ложа. И вся комната наполнилась жуткой вонью, и, внезапно, рядом с ним появились друзья: и Волле, и Зигт, и Спитфайр, и Брандох Даха, и все вместе напали они на зверей, но звери победили их. Потом показалось ему, что та ножка ложа, которая была вырезана в виде совы, ожила и заговорила с ним человеческим голосом, и сказа-

ла: — О глупец, по праву потерял ты счастье и теперь будешь несчастен до конца жизни, если не сумеешь вернуть копьё. Разве ты забыл, что именно оно — твоё единственное величайшее сокровище и о нём ты должен заботиться больше всего?

Тут вернулось в комнату мрачное устрашающее чудовище, и напал на него Джусс, крикнув сове: — Невежливая сова, где я должен искать копьё, которое спрятала страшная тварь?

И показалось ему, что сова ответила: — Коштра Белорн.

И так правдоподобно было сновидение Лорда Джусса, что проснулся он, выскочил из ложа и прыгнул на ковер из шкуры оленя, лежавший на полу, и схватил правой рукой рукоятку своего великого меча, который лежал на столе там, где во сне лежало копьё. Быстро оделся Лорд Джусс и по темным коридорам побежал в комнату Спитфайра, разбудил его и сел на ложе. И рассказал ему Джусс свой сон и сказал: — Я думаю, что очистился от всех обвинений в глупости, ибо с этого дня я буду заботиться только о том, как найти моего дорогого брата и привести его домой; только после этого я дам выход своей ненависти к Ведьмам. Разве копьё в моем сне не Голдри? Зажегся перед нами тот самый огонь маяка, который был нам нужен и который мы искали. Сон требует, дабы обследовали мы Коштра Белорн, и, пока это не будет сделано, я и не подумаю ни о чем другом.

На это Спитфайр ответил и сказал: — Ты — наш старший брат, и я всегда буду следовать за тобой и подчиняться твоей воле, что бы ты не приказал.

И помчался Джусс в гостевые покои, где спал Лорд Брандох Даха, и рассказал ему свой сон. И Брандох Даха, свернувшийся калачиком на ложе, в ночной рубашке, сказал: — Дай мне поспать еще пару часов. Потом я встану, умоюсь, приведу себя в порядок и позавтракаю, и только тогда я смогу поговорить с тобой и сказать что-нибудь умное. Уже много недель я не спал на простынях, постеленных на набитом гусиными перьями матрасе. И если ты беспокоишь меня сейчас, клянусь Богом, я немедленно возьму лошадь и ускачу в Крозеринг, а ты, вместе с твоими делами, можешь убираться к дьяволу.

Джусс улыбнулся и оставил его в покое. Позже, после еды, пошли они прогуляться по аллее, идущей вдоль прудов, где воздух был холоден и фиолетовые тени на дорожке были испещрены блестящими пятнами солнечного света. И сказал Лорд Брандох Даха: — Ты знаешь, что Коштра Белорн — огромная гора, рядом с которой все наши горы Демонландии кажутся ничем не примечательными низкими холмами, и стоит она в самой отдаленной части земли, за пустынями Верхней Чертландии, и ты можешь провести всю жизнь в поисках того, кто видел ее хотя бы издали, и не найти никого ни в одной стране мира.

— Да, я знаю это, — ответил Лорд Джусс.

— Стремиться ли твое сердце в это путешествие? — спросил Брандох Даха. — Ведь, как бы это не было невероятно, таким образом мы поддержим наших врагов, ибо полетим в далекие опасные земли, а не отплатим лордам Ведьмландии за стыд и позор, который они причинили нам.

И ответил ему Джусс: — Великие заклинания охраняют мое ложе, и ни одно зловредное сновидение из роговых ворот или зловонное черное колдовство не в состоянии потревожить сон того, кто спит на ней. Этот сон — правда. Время Ведьмландии придет. Если ты не пойдешь со мной в Коштра Белорн, я пойду без тебя.

— Достаточно, — сказал Лорд Брандох Даха. — Ты знаешь, что ради тебя в завязал свою мощну паучьей нитью. Значит мы плывем в Чертландию и я помогу тебе. Но, послушай, я хочу тебе кое-что рассказать. Когда я убил в Гоблинландии Гориса X, Газларк, вместе с другими добрыми подарками, дал мне очень интересную вещь: трактат или книга, написанная на пергаменте секретарем Газларка, Бхорреоном, и в этой книге рассказывается о всех дорогах Чертландии и о всех странах и королевствах, лежавших за Морунной, и о всех диковинках, которые можно найти в этих землях.

И все, что Бхорреон написал в своей книге, было им записано со слов Гро, того самого Гро, который теперь находится в Ведьмландии. Великую честь получил тогда Гро от Газларка за то путешествие и за то, что написано в этой книге чудес; и вот тогда-то впервые запала в голову Газларка мысль послать экспедицию в Чертландию, которая так повредила ему и превратила в ничтожество. Так что если ты хочешь искать что-то в Коштра Белорн, ты должен заехать ко мне домой и я покажу тебе мою книгу.

Так сказал Лорд Брандох Даха, и Лорд Джусс приказал приготовить лошадей и послал гонцов к Волле в Картадзе, и к Виззу в Дарклерстед, и приказал им немедленно скакать в Крозеринг, и там встретиться с ним. За четыре часа до полудня Джусс, Спитфайр и Брандох Даха выехали из Гелинга, спустились вниз и через леса Мунгартской Долины выехали на главную дорогу через Брейкингдейл, которая бежала мимо западного края Лунной Заводи и дальше, через каменные громады Скарфа. Не торопясь ехали они, ибо солнце жарило им спины. Гладкое и неподвижное, как бирюза, лежало озеро, и как покрытые березами склоны на востоке и на севере, так и голые зубчатые склоны Статфелла и Будрафелла за ним отражались в его глубинах. Слева приближались отроги Скарфа, спускавшиеся вниз от высоких черных бастионов, похожих на замки гигантов; между отрогами бежали маленькие долины, задущенные чудовищными валунами, рядом с которыми серебряные березы казались крошечными садовыми цветами. Из этих долин поднимались вверх основные вершины Скарфа, одна за другой: Пик Гламри, Микельскарф и Иллстэк. К полудню они поднялись на верхнюю точку Брейкингдейла и остановились на Стайле, сразу за водопадом, под отвесной северной стеной Илл Дреноха. Прямо перед ними дорога резко ныряла вниз, в Амадардейл. Ближайший край озера Свичуотер сиял в пятнадцати милях на запад, почти скрытый маревом. Ближе к ним, на северо-западе, находилось Раммерикское озеро, спрятанное между сглаженными холмами Келиленда и восточным краем Упланда, примыкавшего к Шалгретской степи; сразу за озером начиналось море. На дне долины, рядом с водяной мельницей, там, где Трансдейл перехо-

дит в Амадардейл, можно было различить крышу дома Зигга в Больших Ку-стах.

Когда они спустились вниз, Зигг охотился. Так что они оставили слово леди его жене, выпили бокал на дороге, поскакали дальше, по Свичуотерскому Пути, и через двенадцать миль оказались на берегу озера Свичуотер. Потом они спустились в Гастерндейл, обогнули западные склоны Эрнгейтского Кряжа и, золотым летним вечером, когда тени уже удлиннились, прискакали в долину Крозеринг Сайд. На западе она протянулась больше чем на лигу вплоть до длинного и узкого Громового Залива, сверкавшего под лучами солнца как чеканное золото. От Залива старые как мир сосновые леса Вестмарка поднимались к Броксти Эйджу и Гемсар Эйджу: широко раскинувшемуся амфитеатру голых утесов и осыпей, закрывавшему вид на север. Слева вздымались склоны Эрнгейтского Кряжа, на юге и юго-востоке лежало море. Спустившись вниз, в Крозеринг Сайд, они поскакали дальше, через цветущие мирные луга, на которых росли белые маргаритки и колокольчики, желтый козлобородник и морской лихнис, темно-синяя горечавка, репейник и дикий майоран, розовый клевер, вьюнки и большие желтые лютики, всегда тянущиеся к солнцу. И на возвышенности, за которым земля резко сбегала к морю, стояли ониковые башни Крозеринга, возвышаясь над лесами и садами, молочно-белые и кристально чистые.

Когда до замка оставалось не больше полмили, Джусс сказал: — Смотри! Леди Мевриан заметила нас издали и скачет сюда, чтобы привести тебя домой.

Брандох Даха подхлестнул лошадь, чтобы встретить ее: изящна и красива была дама, и храбро неслась она по полю, как боевая лошадь; нежные черты лица были у нее, ясный лоб, гордые серые глаза, и небольшой рот, который мог говорить не только сладкие речи. На себя надела она платье из бледно-желтого шелка, корсаж которого покрывали золотые нити, тонкие, как паутинки; и еще она надела вышитую гофрированную манжетку, укрепленную золотой и серебряной проволокой и сверкавшую от маленьких бриллиантов. Золотые заколки поддерживали ее густые волосы, черные как воронье крыло, а желтые розы на локонах казались маленькими лунами, выглядывавшими из густых ночных облаков. — События начинаются, леди моя сестра, — сказал Лорд Брандох Даха. — С тех пор, как мы ушли отсюда, нам пришлось убить одного Короля Ведмландии и погостить в Карсе у другого, что не доставило нам ни малейшего удовольствия. Вскоре я расскажу тебе все более подробно. А сейчас надо нам ехать на юг, в Чертландию, и Крозеринг — всего лишь наш караван-сарай.

Она повернула лошадь и они вместе поскакали к замку в тени древних кедров, которые росли севернее домашних лугов и приятных садов, величественные, с короткими ветками и плоскими листьями, бледные на фоне неба. Слева заросшее лилиями озера спало в холодной тени могучих вязов, только черная лебедь плыла около берега со своими четырьмя птенцами, выстроившимися в ряд за ней; засунув головы под крыло они походили на шары серо-

коричневой пены, плававшие по воде. Дорога, ведущая к подъемному мосту, крутым зигзагом взбиралась на холм и шла между двумя широкими балюстрадами из белого оникса, на которых через равные интервалы стояли ониксовые кувшины, в которых росли белые розы и другие замечательные цветы, высокие и изящные, с белыми лепестками, похожими на раковины. Толстые загадочные пестики были у этих цветов, и из них росло много мягких тычинок: темные бархатные полосы с фиолетовыми, черными и кровавыми прожилками и золотой пыльцой.

Глубокий широкий ров окружал стоявший на вершине холма замок Лорда Брандох Даха. Железные позолоченные ворота перед подъемным мостом отличались искусной отделкой. Башни и сторожка у ворот были сделаны из того же белого оникса, как и сам замок, и перед воротами, по каждую сторону, стояли колоссальные мраморные статуи гиппогрифов, высокой больше тридцати футов: золото покрывало крылья, копыта и когти гиппогрифов, их гривы и челки, а глаза были сделаны из светящихся карбункулов чистой воды. Над воротами сверкала надпись, написанная золотыми буквами:

*Хвастуны на «ха»
Дрожите, ха-ха-ха!
Лорд Брандох Даха.*

Невозможно описать даже десятую часть всех чудес и богатств, хранившихся в Крозеринге: прохладные дворы и колоннады, богато украшенные драгоценными камнями и благоухающие ароматами бесценных специй и странных цветов; спальни, в которых, как в золотом гнездышке Афродиты, дух сна, казалось, стряхивает сон со своих перьев — никто не в состоянии долго бодрствовать в них, но почти немедленно закрывает глаза; Зал Солнца, Зал Луны и огромный срединный зал, с высокой галереей и лестницей из слоновой кости. Рассказывать об этом — только утомлять воображение картинами славы и роскоши.

Ничего не произошло этим вечером, только Зигт приехал перед самым закатом, и оба брата, Зигт и Волле, поклялись следовать за Джуссом, куда бы он ни пошел. Утром, после завтрака, лорды Демонландии отправились в парк, и вместе с ними Леди Мевриан. И там пошли по аллее, под пологом из кедровых балок, опирающихся на мраморные колонны, и балки и колонны покрывали темно-красные розы; там они сели, лицом на восток, глядя на сад, лежащий под ними. Свежо и приятно было утро, и сладкая роса еще лежала на бледных лужайках и цветниках, расположенных террасами, которые спускались вниз к рыбному пруду. Вода в пруде казалась холодным зеркалом, в котором плавали желтые и алые водяные лилии, открывшие лепестки небу. Трава и цветы сверкали чистыми теплыми красками, слегка приглушенными серой дымкой летнего утра.

Так они сидели на стульях и скамьях около вазы из темно-зеленой яшмы, в которой росли зеленовато-желтые лилии, усталые и прекрасные, их выгнутые назад лепестки позволяли видеть розовые тычинки; воздух наполнял запах сладкой пыльцы. Огромная яшмовая ваза, круглая и гладкая, напо-

минала туловище черепахи, открытое наверху, там, где росли лилии. Чешуйки покрывали ее бока, как тело дракона, и голова дракона разинула свою пасть с одной стороны вазы, а с другой извивался хвост, похожий на рукоятку от корзины; от хвоста отходили маленькие задние и передние лапы с когтями, а на самом конце хвоста разинула пасть еще одна маленькая голова дракона, кусавшая большую голову. Четыре ножки поддерживали тело, и каждая была вырезана в виде маленького дракона, стоящего на задних лапах, голова которого врастала в родительское тело, как сустав, соединяющий бедро или плечо с торсом. В изгибе шеи и опираясь спиной о голову, сидел Лорд Брандох Даха, с небрежным изяществом, одна его нога касалась земли, второй он весело помахивал в воздухе; в руках он держал книгу, одетую в переплет из красно-коричневого сафьяна и золота, ту самую, которую подарил ему Газларк много лет назад. Зигг смотрел, как он переворачивал страницы, пока другие говорили между собой. Обратившись к Мевриан, он прошептал ей на ухо: — Твой брат, разве он не в состоянии подчинить себе весь мир? Он весь кровь и опасность, и тем не менее прекрасен. Ну разве это не чудо?

Ее глаза затанцевали и она сказала: — Чистая правда, милорд.

Потом Спитфайр заговорил и сказал: — Прошу тебя, прочитай нам книгу Гро, ибо моя душа охвачена огнем в предчувствии этого путешествия.

— Она написана очень неразборчивым почерком, — сказал Лорд Брандох Даха, — и дьявольски длинная. Пол ночи я рыскал по ней, и, похоже, нет другого пути к этим горам как через Моруну, а единственный путь через Моруну (если Гро не врет) начинается в заливе Муэльва: «двадцать дней пути с севера на юго-восток». Там же он говорит о источниках по дороге, но тут же добавляет, что в других частях пустыни нет хороших источников, только ядовитые, в которых «Вода бурлит постоянно яко в котле кипящем, и имеет неприятный серный запах», и «Земля здесь не рождает ничего, кроме ядовитых поганок и мухоморов».

— Неужели это правда? — удивился Спитфайр. — Он — предатель и перебежчик. Почему бы ему не быть и лжецом?

— Но он философ, — ответил Джусс. — В свое время я познакомился с ним в Гоблинландии, и он ни в коем случае не лжец, разве что в политике. Очень тонкий ум, любящий изощренные заговоры и интриги, и, как я думаю, всегда готов помочь проигравшей стороне, лишь бы возникли новые ссоры и раздоры. Но, как мне кажется, в книге своих путешествий он должен говорить правду, ибо это касается только его самого.

Леди Мевриан одобрительно посмотрела на Джусса и ее глаза сверкнули. Она наслаждалась, слушая людей такой божественной натуры.

— О Джусс, мой сердечный друг, — сказал Лорд Брандох Даха, — твои слова, как всегда, исходят из настоящего источника мудрости, и я полностью согласен с ними и с тобой. Эта книга — проводник, который поведет нас к цели, и это не разгильдяй, а опытный старый воин. И если правильная дорога в Морну Моруну начинается из залива Муэльва, тогда не лучше ли нам прямо поплыть туда и оставить наши корабли на этом безлюдном побережье, чем

плыть в какой-нибудь ближайший порт Верхней Чертландии, вроде Рта Арлана, в котором ты и Спитфайр были шесть лет назад?

— Только не Рот Арлана, во всяком случае в этом путешествии, — ответил Джусс. — Быть может ради спортивного интереса я бы и посражался с проклятыми туземцами, но каждый день отсрочки означает еще один заключения моего дорогого брата. Князя Фазы владеют множеством укрепленных город и башен по всему побережью Чертландии, а в устье реки Арлан находится огромный замок Орпиш, принадлежащий Факс Фей Фазу, из которого Голдри и я ушли домой, возвращаясь из Лида Нангуна.

— На всем побережье трудно найти место для высадки, — сказал Брандох Даха, переворачивая листы книги. — Вот что он говорит: «Берег Чертланда зачинается на западном краю рта Арлана и тянется вдоль всей страны вплоть до мыса Сибрион, оный находится в семи сотнях миль южнее Корса, и природа его такова, что нет на нем портов или мест, удобных для причаливания караблей».

Так что после обсуждения и поисков в книге Гро, они разработали план: — плыть в Чертландию через пролив Миликафказ и Дидорианское Море, оставить корабли в заливе Муэльво, высадиться на берег и оттуда идти через пустыню к Морна Моруна, как шел Гро, описавший этот путь.

— Прежде, чем мы отплывем, — сказал Брандох Даха, — послушайте, что он говорит о Коштра Белорн. Он видел гору из Морна Моруна, и вот его слова: «Се холмистая, песчаная страна, бедная древесиной и зерном, в лесах много болот, мхов и каменных холмов. Но много рождает она всяческих змеев, летающих и ползающих по ее поросшей вереском песчаной земле, и там, на Омпреннской Грани, на конце мира, стоит маленький круглый замок Морна Моруна, разбитый и заброшенный. Сей замок сгорел во время войны, будучи захвачен и разграблен Королем Горисом Четвертым в стародавние времена. И говорят, что жил там ранее в полном довольстве невинный народ, и не должно было Горису поступать с ними так жестоко, бо приказати Король вывести их всех и поставити пред ним, а потом убил некоторых из них, а остальных сбросил с отвесного утеса. Но некоторые из них выжили после сего великого падения, и убежали в непроходимые леса за Бхавинаном, и умерли в великом горе и печали. И говорят мудрые, что из-за оног злодейства наказан был Король Горис Четвертый, и был он съеден диаволами Моруны вместе со всеми своими людьми, и только один из всего его войска вернулся в Ведьмланд и рассказать о случившихся горестях». А теперь замечание: «Из Морна Моруны зрел я на дальнем юге две горы, стоящие за лесом Бхавинана, две пресветлые Королевы, сидевшие между землей и небом в двадцати лигах от меня, и были оне выше и величавее, чем остальные окружающие их покрытые льдом горы. И в одной из них узнал я Коштра Белорн, а во второй — Коштра Пивварха. И смотрел я на них до тех пор, пока не скрылся диск солнца, и было это самое прекрасное и чудное зрелище, которое когда-нибудь видели мои очи. И говорил я с малыми тварями, кои населяют сии руины и кусты вокруг них, и отвечали они мне, и среди них одна птица, которую называют ласточка. У сей пти-

цы настолько маленькие ножи, что кажется, будто их вовсе нет. И села она передо мной на frambousier, иначе называемый малиновым кустом, и поведала, что никто не может живым взойти на Коштра Белорн, бо горные мантикоры выедят у него мозг прежде, чем он дойдет туда. Но даже если буде у него великая удача и ускользнет он от оных мантикор, не сумеет он взобраться на снежные утесы и камни Коштра Белорн, ибо только при помощи магии можно сделать сие, но особенность этой горы в том, что никакая магия недоступна там, но только мудрость и сила, соединенные вместе, способны на это деяние, и я увидел, что никто не в силах достичь сих утесов и горных рек».

— А что это за мантикоры, которые пожирают человеческие мозги? — спросила Леди Мевриан.

— Это книга очень хорошо написана, — ответил ее брат, — и ответ на твой вопрос, миледи, находится на той же самой странице: «Тварь Мантикора, о коей говорят, что поедает она людей, обитает, как я уже говорил, у подножия гор, прямо под снежными полями. Ужасающие это бестии, призрачные и внушающие ужас, истинные враги рода человеческого; красного цвета их шкура и в их страшных пастьях два ряда больших и острых зубищ. Голова у сего чудища человеческая, глаза как у козла, тело же львиное, с острыми шипами сзади. А хвост его — хвост скорпиона. И более приспособлено оно ходьбе, чем птица к полету. И воет оно как десять разъяренных львов».

— Одних таких тварей, — сказал Спитфайр, — вполне достаточно, чтобы привлечь меня к этому путешествию. Я обязательно привезу одну такую домой, мадам, и посажу на цепь в своем дворе.

— И это разрушит нашу дружбу, кузен, — сказала Мевриан, поглаживая волосатые уши маленькой обезьянки, сидевшей у нее на коленях. — В Демонландии и так слишком много тех, кто питается чужими мозгами, и, похоже, они скоро заполонят всю страну.

— Пошли ее в Ведьмландию, — сказал Зигт. — Тогда, если ей повезет, она съест мозги Корунда и Гро, и, быть может, Короля, после чего погибнет от голода, не находя достойного пропитания.

Джусс встал со своего кресла. — Ты, я и Спитфайр, — сказал он Лорду Брандох Даха, — должны собрать свои силы, ибо уже середина лета. Вы, Визз, Волле и Зигт, будете охранять наши дома, пока нас не будет. В такую опасную поездку мы не можем взять меньше, чем две тысячи мечей. Волле, сколько кораблей ты можешь дать нам, готовых и снаряженных, прежде, чем эта луна пойдет на убыль?

— Сейчас на плаву четырнадцать, — ответил Волле. — Кроме того десять килей лежат на стапелях Сторожевого Мыса, и еще девять на берегу перед домом Спифайра в Оулсвике.

— Тридцать и три в сумме, — сказал Спифайр. — Как видишь, мы не сидели, сложив руки, пока тебя не было.

Большими шагами, взад и вперед зашагал перед ними Джусс, с омраченным челом и сжатыми челюстями. И сказал Лорд Джусс: — У Лаксуса сорок драккаров, драконов войны. Я не настолько тупоголов, чтобы плыть в

Чертландию без войска, но, безусловно, если наши недоброжелатели пойдут против нас войной, мы окажемся слишком слабы, чтобы отразить их удар.

— Из девятнадцати заложенных кораблей только двое смогут полакомиться морем меньше через месяц, и еще семь не раньше, чем через полгода, — сказал Волле, — хотя мы никогда не работали так усердно.

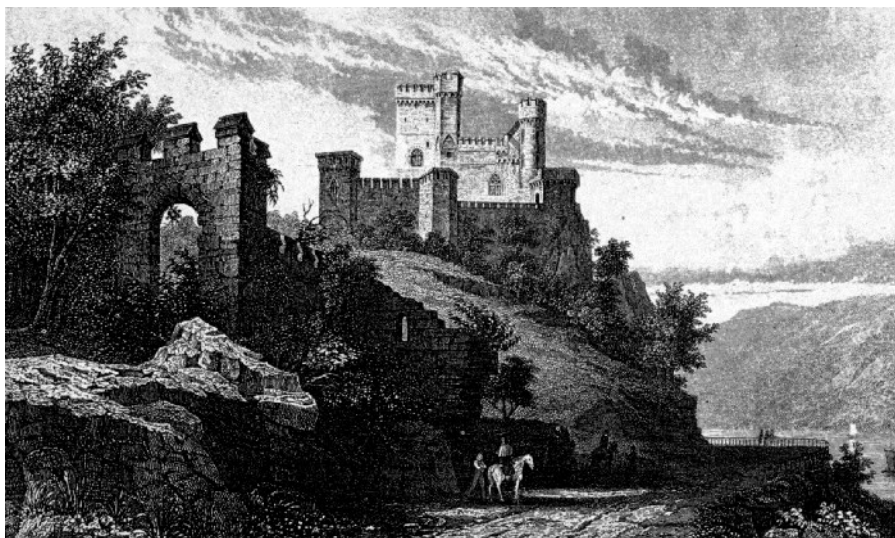
— Время идет, и мой брат сидит в заточении. Мы должны отплыть прежде, чем следующая луна повзрослеет, — сказал Джусс.

— Сможешь уплыть ты с шестнадцатью кораблями, о Джусс, — сказал Волле, — и не оставишь нам ни одного корабля, пока мы не закончим и не спустим их на воду.

— Можем ли мы оставить их так? — крикнул Спитфайр.

Но Брандох Даха взглянул на свою сестру, поймал ее ответный взгляд и, удовлетворенный, сказал: — Трудный выбор лежит перед нами. Но если мы хотим съесть яйцо, нечего обсуждать, что делать со скорлупой.

Мевриан встала со своего кресла и улыбнулась: — Тогда разрешите мне дать вам совет, милорды. — Ее серые глаза стали серьезными, и она сказала: — Неужели народ начнет сочинять песни о том, что мы, Демоны, чьи мужчины считаются самыми могущественными лордами в мире, робко отступились от самого необходимого деяния — спасти нашего величайшего капитана! — только из-за того, что наши враги могут напасть на нас? Женщины Демонландии никогда не поддержат такое предложение.

IX. ХОЛМЫ САЛАПАНТЫ

О ВЫСАДКЕ ЛОРДА ДЖУССА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ НА БЕРЕГ ВЕРХНЕЙ ЧЕРТЛАНДИИ, И ОБ ИХ ВСТРЕЧЕ С ЗЕЛДОРНИУСОМ, ХЕЛТЕРАНИУСОМ И ДЖАЛКАНАИУСОМ ФОСТУСОМ; И ОБ ИЗВЕСТИЯХ, РАСКАЗАННЫХ МИВАРШЕМ, И О СДЕЛКЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЙ С ТРЕМЯ ВЕЛИКИМИ КАПИТАНАМИ НА ХОЛМАХ САЛАПАНТЫ

На тридцать первый день после совета в Крозеринге, флот Демонландии вышел в море из гавани Сторожевого Мыса: одиннадцать драккаров и два больших грузовых корабля отправились в самое дальнее море планеты на поиски Лорда Голдри Блазко. Восемнадцать сотен Демонов плыли на них, и не было ни одного, кто бы не был опытным солдатом. Пять дней гребли они по безветренному морю, и на шестой из-за дымки за правым бортом поднялись в небо утесы Гоблинландии. Поплыли они на юг вдоль берега, и на десятый день путешествия прошли мимо Мыса Озама, и еще через четыре дня, пользуясь попутным ветром, оказались в открытом море рядом с Сибирионом. Обогнули они темный мыс и повели корабли на восток, вдоль повережья Чертландии, и когда меньше десяти дней пути оставалось до залива Муэльва, неожиданно налетела на них ужасная буря. Сорок дней и сорок ночей качал их широко раскинувшийся океан, бил град и хлестал дождь со снегом; сорок дней и ночей не видели они солнца и звезд, до тех пор, пока однажды, жестокой полночью, ревущие волны не выбросили корабль Джусса и Спитфайра, а также еще четыре корабля из их отряда, на береговые утесы и не разбили их на куски. С большим трудом, после долгого сражения с огромными волнами, выплыли братья на берег, усталые и израненные. В негостеприимном свете мокрого и ветреного рассвета собрали они на берегу тех воинов, кто избежал пасти уничтожения; и оказалось их ровно три сотни и еще тридцать и еще три.

Поглядел Спитфайр на это унылое зрелище, заговорил и сказал: — Ужасный вид этого места что-то пробудил в моей памяти, как будто мне в рот попало кислое вино, которое я уже однажды пробовал. Ты помнишь эту землю?

Джусс внимательно оглядел низкий и длинный берег, который тянулся на север и запад к длинному заливу, бежавшему на запад и терявшемуся вдали в брызгах и пене прибоя. Неутешные птицы летали над сумятицей бурных волн. — Конечно, — ответил он. — Это Рот Арлана, самое последнее место, которое я бы выбрал для высадки на берег с таким малым числом людей. И все-таки мы докажем судьбе, что, как и всегда, такие случаи только ступеньки, по которым мы поднимемся к славе.

— Мы потеряли все наши корабли, — ответил Спитфайр, — и большую часть наших людей, и, хуже всего, Брандох Даха, который стоит десяти тысяч. Легче ребенку выпить этот океан, чем нам завершить свое предприятие. — И начал он ругаться и богохульствовать, и сказал: — Да будет проклята злоба этого моря, которое, переломив нам хребет, выбросило нас на берег, грозящий нам погибелью; и возрадуется своему великому успеху Король Ведьмландии, и огромное зло завладеет всем миром.

Но Джусс ответил ему: — Не думай, что противные ветры налетели на нас случайно или по воле зловредных комет. Они прилетели сюда из Карсё. Взгляни на эти волны, которые яростно бросаются на берег и неохотно отступают обратно; так происходит каждый раз после встречи с струей злой магии; и хотя она менее смертельна, чем посланник, многие утонули и их тела были унесены в море из тех, кто выстоял под главным ударом клятвопреступника. С того дня мы сами дважды были близки к гибели: во-первых, когда странное безумие затуманило наши мысли, и мы поехали с Газларком в Карсё; во-вторых сейчас, когда шторм выбросил нас у Рта Арлана. Благодаря своему искусству я сумел ослабить посланника Короля, однако с этой вредоносной струей ничего не могут поделаться не только мои заклинания, но и добродетели всех волшебных растений.

— И что, все это будет длиться без конца? — спросил Спитфайр. — Ты сможешь утихомирить ее?

— Возрадуйся, — ответил Джусс. — Видишь, песок почти успокоился. Только определенное время может действовать эта струя и вредить нам; сейчас она уже исчерпала сама себя и слишком опасно для него творить волшебство вторично, ибо колдовал он в мае в Карсё.

— Кто сказал тебе об этом? — спросил Спитфайр.

— Я только предполагаю, — ответил Лорд Джусс, — ведь много времени провел я, изучая предсказания, касающиеся принцев этой династии. Ибо написано там, хотя туманно и загадочно, что если один и тот же Король попытается вторично совершить предприятие такого же рода, то он потерпит неудачу, сила тьмы уничтожит его, и не только он сам будет разорван на куски (как произошло встарь с Горисом VII, в его первой попытке), но это будет конец всего дома Горисов, который многие поколения правит в Карсё.

— Тогда, — сказал Спитфайр, — у нас появилась надежда и старая куча дерьма все-таки расцветет.

Девятнадцать дней шли братья и их люди на восток через Верхнюю Чертландию: сначала через страну петляющих сонных речек и бесчисленных тростниковых озер; потом через скругленные холмы и равнины. Наконец они вышли на окраину вересковой степи, бегущей на восток к гряде разрушенных холмов. Невысоки были эти холмы, с пологими склонами, но зубчатые, ошетилившиеся скалами и валунами, так что лабиринт из небольших возвышений и долин поднимался над вереском, папоротником и рядами печально-серой травы, росшей вокруг колючих малорослых деревьев, и можжевельником, укрывшимся в расщелинах камней. Красным октябрьским закатом поглядели они на запад и на юг с водораздела, как со спины лошади, и увидели далекую линию Дидорнианского Моря, маленькую сторожевую крепость, старую и заброшенную, и одинокую фигурку, сидевшую в воротах. И радость поднялась в их сердцах, когда они поняли, что это не кто другой, как Брандох Даха.

Обняли они его, как того, кто, вопреки всякой надежде, встал из могилы. И сказал Брандох Даха: — Через Проливы Меликафказа протасило мой корабль, и выбросило на этот пустынный берег в десяти лигах южнее этого

места, и остался я совсем один, ибо потерял и корабль и всех моих дорогих спутников. И решил я, что если потерпели вы крушение на внешнем побережье Чертландии, то должны отправиться в Муэльву этой дорогой.

— А теперь слушайте, — сказал он, — ибо расскажу я вам настоящее чудо. Семь ночей ждал я вас на этом насесте для галок и сов. Ибо караван-сарай это великих армий, которые проходят по дикой степи, и говорил я с двумя и жду третью. и думаю я, что обнаружил великую загадку, которая может занять мысли мудрого человека на долгие годы. Ибо в самый день моего появления здесь, на таком же красном закате, какой вы видите сейчас, увидел я армию, идущую с востока, гордо развивались над ней флаги и весело играла музыка. Долго глядел я на них, не зная кто они: враги ли это, которые решили закончить дни моей жизни; друзья ли это, которые привезли с собой множество фургонов с провизией, следовавших за главной армией. Очень весомое соображение; ибо с того момента, как вышел я из моря, питался я только запахом еды, не считая противных орехов и ягод, которые собирал в полях. И вот вышел я, взяв свое оружие, на стены этой маленькой крепости и окрикнул их, и попросил рассказать, кто они такие. И выехал вперед их капитан, подскакал к стенам, и вежливо приветствовал меня. И, как вы думаете, кто это был?

Они не ответили ничего.

— Один из тех прославленных солдат удачи, — сказал Брандох Даха, — которые рыщут по всему миру, всюду являя образцы великой доблести. Разве вы забыли о предприятии Газларка в Чертландии, которое разрушило его состояние?

— Он маленький и темный, — спросил Джусс, — как кинжал, внезапно выхваченный из ножен в полночь? Или величаво сверкает, как развивающийся на копье флаг на рыцарском турнире в день праздника? Или он выглядит опасным, как старый меч, заржавевший в середине, но острый по краям, появившийся в роковой день и вершащий судьбы народов?

— Три стрелы выпустил ты и все мимо метки, — сказал Лорд Брандох Даха. — Великого он роста, и в своих великолепных доспехах напоминает павлина; и нес его огромный жеребец, весь смоляно-черный. Вежливо заговорил я с ним и сказал: «О великолепный и богоподобный Хелтераниус, победивший в сотнях битв, что делал вы все эти долгие годы во Внешней Чертландии вместе со своей армией? И что за темный магнит держит тебя здесь все эти долгие девять лет с тех пор как под звон фанфар и топот лошадей ты, Зелдорниус и Джалканаиус Фостус отправились в Чертландию, чтобы превратить ее в подножие трона Газларка? Ибо все это время весь мир считал, что вы пропали и умерли. — Чужими глазами посмотрел он на меня, и сказал: — О Брандох Даха, люди путешествуют вместе со своими глупыми желаниями, но моя цель всегда бежит передо мной. Девять лет, или девять лун, или девять столетий, какое мне дело? Должен я повстречаться с Зелдорниусом и сойтись с ним в сражении, ибо по-прежнему бежит он перед лицом моим. Поешь и попей со мной сегодня вечером, но не пытайся задержать меня или внушить мне пу-

стые мысли, могущие отвлечь меня от цели. Ибо с рассветом отправлюсь я далее, в поисках Зелдорниуса».

Так что поел я с Хелтераниусом и выпил доброго вина в его роскошном шатре, из шелка и золота. А с рассветом он и его армия ушли на запад, к равнинам.

Пришел третий день, и сидел я стене, ругая вашу медлительность, и увидел я вторую армию, идущую с востока, впереди которой ехал маленький всадник на серо-коричневой лошади; и был он одет в сверкающую броню, черную, как крыло ворона, и черные орлиные перья украшали его шлем, и глаза его походили на глаза рыси, и сверкало в них пламя. Мал он был, и жесток лицом, и гибок, и силен на вид, и неутомим, как горностаи. Приветствовал я его со своей стены и сказал: «О самый знаменитый и могущественный Джалкананиус Фостус, рассеиватель армий, куда направляешься ты и твое великое войско по этим жалким безлюдным степям? — И он спустился с коня, обоими руками схватил мою руку и сказал: — Если человек разговаривает во сне с умершим, то это означает доход. Разве ты умер, о Брандох Даха? Или мне внезапно вспомнились давно забытые дни? Как цветы, которые расцвели в задуманном сорняками саду после долгих лет сна, так и ты расцвел в моей памяти: ибо великим среди великих этого мира был ты, ты и твой дом в Крозеринге, над озерами-морями многогорной Демонландии. Но забвение, как шумящее море, плещется между мной и теми днями; шум прибоя льется мне в уши, морская дымка туманит мне взгляд, и я не вижу и не слышу дел тех далеких времен. Тем не менее, ради тех далеких дней, поешь и попей со мной сегодня вечером, ибо раскину я походный шатер на Холмах Салапанты. Но никогда не прольется бальзам на мою душу, пока я не найду Хелтераниуса и не соблю его голову с плеч. Нет в этом чуда, но большой позор ему, который бежит передо мной, как заяц. Ибо предатели всегда трусы. А кто когда-нибудь слышал о более гнусном предателе чем он, забери его душу дьяволы ада? Десять лет назад, когда Зелдорниус и я собирались разрешить битвой нашу ссору, в счастливый час долетело до меня слово, что Хелтераниус со змеиной хитростью и ядовитой злобой собирается напасть на меня с тыла. Повернул я армию, чтобы напасть на него, но как кот вывернулся он и убежал из-под моих рук».

Так сказал Джалкананиус Фостус, и в ту ночь я ел и пил в его шатре, и пировал с ним. А утром он снялся с места и повел армию на запад.

Договорил Брандох Даха, и посмотрел на восток, в ворота ночи. И вот, из низких пустошей появилась армия, в строгом порядке идущая к холмам, всадники и пехотинцы, впереди, на большой коричневой лошади, ехал капитан. Был он гибкий, с длинными руками и ногами, одетый в ржавые запыленные доспехи, на которых остались следы сотен битв, кожаные латные рукавицы были надеты на его руки, а выцветший походный плащ — на плечи. Он повесил шлем на луку седла, обнажив голову, голову старого охотничьего пса: белые волосы падали на массивный лоб, покрытый синими венами; большой нос и костистое лицо; большие пушистые брови и усы, тоже белые; и голубые

глаза, сверкавшие из впалых глазниц. Сидел он в седле прямой и негибачей, как копьё, и страшно было глядеть на его коня, уши которого были прижаты к спине, а угрожающие глаза налиты кровью.

Когда он и его армия перевалили через кряж, осадил он коня, приветствовал Демонов и сказал: — Каждый девятый день в течении девяти лет вижу я этот затерянный кусочек земли, ибо преследую я Джалканаиуса Фостуса, который не желает встретиться со мной и бежит от меня; и странным кажется это мне, потому что он великий воин и все эти девять лет собирается сразиться со мной. И ныне боюсь я, что кто-то накинул покрывало иллюзий на мои глаза, предвещая приход смерти прежде, чем исполню я свое заветное желание. Ибо здесь, в неясном вечернем свете, встали предо мной тени и подобия тех, кто гостил у Короля Газларка в Зайё Закуло в давно ушедшие дни, старых друзей Газларка из многогорной Демонландии: Брандох Даха, что убил Короля Вельмландии, Спитфайр из Оулсвика и Джусс, его брат, тот самый, который правил всей Демонландией перед тем, как мы отплыли в Чертландию. Призраки забытого мира. Но если вы существа из плоти и крови, заговорите и назовите себя.

И ответил ему Джусс: — О непобедимый воин, доблестный Зелдорниус! Конечно человек может ожидать появления призраков мертвых, особенно вечерней порой в этих тихих холмах. И если ты считаешь нас тенями, тогда почему бы и нам, странникам, едва вырвавшимся после кораблекрушения из лап жадной смерти, не считать тебя и твое могучее войско тенями, призраками ушедших от нас мертвых, кои после конца дня вырвались из Эреба?

— О знаменитый и непобедимый Зелдорниус, — сказал Брандох Даха, — когда-то ты был моим гостем в Крозеринге. Пригласи нас на ужин, чтобы разрешить твои и наши сомнения. Ведь, как известно, призраки не способны пить вино и есть жареное мясо.

Тогда приказал Зелдорниус раскинуть шатры, и назначил пятый час перед полночью временем ужина, и пригласил на ужин лордов Демонландии. Но прежде, чем пойти в шатер Зелдорниуса, поговорили они между собой, и Спитфайр сказал: — Чудо ли это, или ужасный приговор Судьбы, которая назначила трем великим капитанам провести остаток своих дней в далекой глуши? Нет никакого сомнения, долгие годы шагали они по неизменяемому кругу, и каждый убегает от того, кто охотно встретился бы с ним, и в свою очередь ищет того, кто убегает от него.

— Не бывает у людей такого взгляда, как у Зелдорниуса, — сказал Джусс. — Ясно мне, что он околдован.

— И такой же взгляд, — заметил Брандох Даха, — у Хелтераниуса и Джалканаиуса Фостуса. И вот что мне пришло в голову. Было бы хорошо развеять чары и попросить их помочь нам в нашей беде. Не сказать ли нам старому льву правду уже сегодня вечером?

Так сказал Брандох Даха, и решили братья, что это добрый совет. За ужином, когда в сердца людей проникла радость, Лорд Джусс сел рядом с Зелдорниусом, объяснил ему суть дела и сказал: — О знаменитый Зелдорниус,

как получилось так, что уже девять лет ты преследуешь Джалканаиуса Фостуса, рассеивателя армий, и какова причина вашего раздора?

— О Джусс, — сказал Зелдорниус, — должен ли я ответить и объяснить тебе, что Судьба и высокие звезды правят этим миром, и указывают людям срок их жизни. Достаточно сказать, что я и Джалканаиус поспорили, кто из нас сильнее на войне, и условились мы, что на поле крови разрешим наш спор. Но он не появился, и вот уже девять лет ищу я его, безуспешно.

— Третий, — сказал Джусс. — Есть ли у тебя известия от Хелтераниуса? И ответил ему Зелдорниус. — Нет.

— Хочешь ли ты, — сказал Джусс, — чтобы я рассказал тебе о нем?

— Ты и твои друзья, — ответил Зелдорниус, — единственные дети человечества, которые говорили со мной с того времени, как все это началось. Ибо те, кто жили здесь, сбежали много лет назад, посчитав это место заколдованным. Ничтожны и жалки были они, плохая пожива для наших мечей. Говори, если желаешь мне добра, и расскажи все.

— Все эти девять лет Хелтераниус преследует тебя, — сказал Лорд Джусс, — как ты преследуешь Джалканаиуса Фостуса. Мой кузен видел его шесть дней назад, в этом же самом месте, говорил с ним, тряс его руку и узнал его намерения. Нет никаких сомнений, что вы все трое попали под зловередные чары, ибо вы, старые товарищи, вместе сражавшиеся в стольких сражениях, внезапно и необъяснимо решили преследовать друг друга до гробовой доски. Я прошу тебя разрешить мне встать между вами и освободить от этого странного рабства.

После этих слов стал Зелдорниус красным, как кровь. Помолчал он, а потом сказал: — Это черное предательство. Я не могу поверить в это.

Но Лорд Брандох Даха ответил ему: — Из его собственных уст слышал я это, о Зелдорниус. И клянусь я тебе, что это истина. Кроме того, Джалканаиус Фостус отвратился от битвы с тобой девять лет назад (как он сам сказал мне и дал самые страшные клятвы) из-за вести о Хелтераниусе, которой собирался напасть на него сзади прямо в час сражения.

— Да, — сказал Спитфайр, — и в тот же самый день отправился он по следам Хелтераниуса, а ты — по его.

После этих слов стал Зелдорниус желтым, как старый пергамент, и его белые усы встали дыбом, как у льва. Какое то время он сидел молча, а потом сказал, глядя на Джусса холодным взглядом своих голубых глаз: — Мир вернулся ко мне и я вспомнил, что Демоны всегда говорят правду, другу и врагу, и за величайший позор считают ложь и обман. — Вежливо поклонились они друг другу, и вспыхнуло в глазах Зелдорниуса пламя великого гнева, и он сказал: — Этот Хелтераниус замыслил против меня то самое предательство, в котором лживо обвинил Джалканаиуса Фостуса. Нет более подходящего места для того, чтобы уничтожить его, чем эти Холмы Салапанты. Если я встану здесь, то, благодаря рельефу местности, выдержу его натиск, потом придет преследующий его Джалканаиус, вместе мы поджарим это мясо и как следует попируем.

Брандох Даха сказал Джуссу на ухо: — Наше миротворчество привело к неожиданному результату. Ноги в воздух и развести пошире — так любят грязные бабы!

И никакие их слова не смогли столкнуть Зелдорниуса с места. В конце концов они предложили ему помощь: — В день битвы мы поможем тебе, а ты, в ответ, поможешь нам в нашем деле, а также в войне с Вельдландией, которая не за горами.

Но ответил Зелдорниус: — О Джусс, и вы, благородные лорды Демонландии! Я благодарю вас, но вы не должны вмешиваться в это сражение. Ибо мы, три капитана, пришли сюда с нашими войсками, завладели этой страной и подчинили ее себе. Наша она, и если кто-нибудь попытается отобрать ее у нас, забудем мы про всю вражду, которую питаем друг к другу, объединимся и уничтожим его. Стойте спокойно в стороне и смотрите, к кому будет благоклонна судьба на Холмах Салапанты. Но если я останусь жив, то буду вашим другом и помогу в любом вашем деле.

Какое-то время сидел он молча, только сцепив перед собой сильные руки с синими венами; потом встал, не говоря ни слова подошел к двери шатра и долго глядел в ночное небо. Потом повернулся к Лорду Джуссу, заговорил и сказал: — Знай, что когда луна станет на три дня старше, буду испытывать я сильные боли, ибо болен я катаром и ревматизмом; и должен ты знать, что то, кто заболит в третий день после рождения луны, умирает. Сегодня суббота и ночь новой луны, а это предвещает сражение и кровопролитие. Ветер дует с юга; значит тот, кто начнет игру с южным ветром, — победит. Темнота и свет льются из-за двери, которую передо мной открыла Судьба.

Джусс склонил голову и сказал: — О Зелдорниус, истину молвил ты.

— Я — вечный воин, — ответил Зелдорниус.

Долго еще сидели они в ту ночь в шатре прославленного Зелдорниуса, пили вино и говорили о жизни, и о судьбе, и о старых сражениях, и о возможности выжить на войне и во время великих приключений; и через час после полуночи они расстались, и Джусс, Брандох Даха и Спитфайр отправились на покой в сторожевой башне на крыше Салапанты. Так прошло три дня, Зелдорниус ждал со своей армией на холмах, и каждый вечер ужинали с ним Демонны. И на третий день выстроил он свою армию для битвы, ожидая Хелтераниуса. Но ни этот день, ни следующий, ни еще один не принесли известий о Хелтераниусе; странным показалось это им и трудно было догадаться, какой поворот судьбы заставил его задержаться. Пришла шестая ночь, и мрак покрыл землю. Кончился ужин, и Демонны отправились в место отдыха, когда услышали они звуки драки и Брандох Даха, который шел первым, крикнул: — Эй, я схватил какого-то щенка пустыни. Зажгите свет. Что мне с ним делать?

Все подбежали к нему, принесли факелы, и Брандох Даха увидел, кого он схватил за руки у входа в крепость: испуганные дикие глаза на темном лице, в ушах — золотые сережки, густая коротко остриженная борода, переплетенная золотой проволокой, изогнувшейся среди ее завитков, голые руки,

туника из шкуры выдры и просторные шаровары, расшитые серебром; на голове золотой обруч, темные волосы завиты в две длинные косы, падающие на плечи. Губы были вывернуты назад, как у строптивой собаки, рычащей от страха и злобы, и белые острые зубы и белки глаз сверкали в свете факелов.

Они взяли его в башню, поставили перед собой и Лорд Джусс сказал: — Не бойся, но Расскажи нам, кто ты и как тебя звать, и что заставило тебя таиться в ночи рядом с нашим жилищем. Мы не сделаем тебе ничего плохого, так что и ты не пытайся чем-нибудь повредить нам. Житель ли ты Чертландии, или странник, как мы, приехавший сюда из-за моря? есть ли у тебя товарищи, и, если есть, где они и сколько их?

Заскрежетал зубами незнакомец и сказал: — О заморские дьяволы, смеяться надо мной, но не убивайте.

Джусс ласково заговорил с ним, дал ему еды и воды, и немного погода, опять спросил: — Как тебя зовут?

И ответил дикарь: — О заморский дьявол, жаль мне тебя, ибо в невежестве своем не узнал ты Миварша Фаза. — И начал он плакать и бесноваться и кричать: — Горе, великое горе пало на земли Чертландии!

— Что произошло? — спросил Джусс.

Но Миварш не перестал плакать и жаловаться, сказав: — Муки и горести обрушились на Факс Фей Фаза, и Иллароша Фаза, и Гандассу Фаза, и всех великих вождей этой страны! — И опять они спросили его, и он заплакал: — Во всем виноват проклятый Филпритц Фаз, который предал нас и отдал в руки заморского дьявола в замке Орпиш.

— О каком дьяволе ты говоришь? — спросил Джусс.

— Он пришел, — ответил Миварш, — через горы из северной страны, и один Факс Фей Фаз был способен говорить с ним на равных.. И голос этого дьявола похож на рев буйвола.

— С севера? — сказал Джусс, давая ему еще вина и обменявшись взглядами со Спитфайром и Брандох Даха. — Расскажи нам еще о нем.

Миварш выпил и сказал: — О заморский дьявол, ты дал мне сильную воду, которая согрела мою душу, и ты говоришь мне сладкие слова. Но разве я не боюсь сладких слов? Сладкие слова говорили нам тот заморский дьявол и проклятый Филпритц Фаз в замке Орпиш: и мне, и Факс Фей Фазу, и Гандассе, и Илларошу, нам всем, после того, как он победил нас в битве на берегах Арлана.

И спросил Джусс: — Как он выглядит?

— У него большая желтая борода с семью пятнами, — сказал Миварш, — лысая сверкающая голова, и он огромный, как вол.

Джусс тихонько сказал Лорду Брандох Даха: — В этом что-то есть, если он не лжет. — И Брандох Даха налил Миваршу еще вина, приказал ему еще выпить, и сказал: — О Миварш Фаз, мы — чужаки в широко раскинувшейся Чертландии. Но знай, что наша сила и наши богатство превосходят всякое воображение человека. Но наша щедрость превосходит и нашу силу и наше богатство, и она прольется как мед из наших сердец на того, кто честно и откры-

то расскажет нам все, что мы хотим знать. Но берегись и не пытайся обмануть нас или каким-нибудь хитрым образом ввести в заблуждение, ибо тогда даже мантикоры, живущие под Моруной, покажутся тебе менее смертоносными, чем мы.

Заверещал Миварш, но ответил: — Используйте меня хорошо, дарите мне подарки и не услышите от меня ничего, кроме правды. Сначала уничтожил он нас мечом, а потом пригласил в Орпиш, обещая дружбу. Но те, кто послушался его, умерли, все. Потому что запер он их в комнате совета в Орпише, а сам тайно вышел, и его люди наложили руки на Гандасса Фаза, и на Илларох Фаза, и на Факс Фей Фаза, который был самым великим среди нас, и на Лурмеш Фаза, и отрезали им головы, и насадили их на шесты у ворот. И наша армия, которая ждала снаружи, пришла в уныние, увидев головы Фазов на шестах, и армия заморских дьяволов стала грозить им смертью. А этот лысый и бородатый дьявол заговорил с ними о будущей замечательной Чертландии, и сказал, что те, кого он убил, угнетали народ, а он даст им все, что пожелает их сердце, если они станут его людьми, и он сделает их свободными, каждого человека, и разделит всю Чертландию между ними. И простой народ поверил этим словами, и одурачил их лысый дьявол из-за гор, и власть его распространилась на всю Чертландию. Но я не пошел на совет в Орпише, опасаясь обмана, и с трудом удалось мне убежать от моих собственных людей, восставших против меня. И убежал я в леса и в дикие земли.

— Где ты в последний раз видел его? — спросил Джусс.

И ответил Миварш: — В трех днях пути на северо-восток отсюда, у Тормериша в Ачери.

— И что он там делал? — спросил Джусс.

И ответил Миварш: — Замышлял зло.

— Против кого? — спросил Джусс.

И ответил Миварш: — Против Зелдорниуса, который тоже заморский дьявол.

— Дайте мне еще вина, — сказал Джусс, — и наполните чашу Миварша Фаза. Ничего я так не люблю, как ночные беседы. С кем замышлял он против Зелдорниуса?

И ответил Миварш: — С другим дьяволом из-за моря; я забыл его имя.

— Пей и вспоминай, — сказал Джусс, — или, если ты не состоишь, нарисуй мне его.

— Он так же высок как я, — сказал Миварш, который был весьма маленького роста. — Его глаза блестят, и он чем-то похож на этого, — добавил он, указывая на Спитфайра, — хотя у этого лицо не такое жестокое. У того костистое лицо и черная кожа. И он ходит в черном железе.

— Джалканануус Фостус? — спросил Джусс.

И ответил Миварш. — Да.

— В твоих словах слишком много мускуса и янтаря, — сказал Джусс. — Мне надо знать больше. Что они собираются делать?

— Вот, — сказал Миварш: — Пока я сидел в темноте за их шатром, они

выяснили, что этого Джалканаиуса обманули, сказав, что другой заморский дьявол, которого зовут Хелтераниус, собирается предательски напасть на него: лысый дьявол заставил его поверить, что это все неправда. И они решили, что Джалканаиус пошлет гонцов Хелтераниусу и заключит между ними мир, они объединятся и убьют Зелдорниуса, причем один нападет на него спереди, а другой сзади.

— И что потом? — спросил Спитфайр.

— Потом, когда они убьют Зелдорниуса, — сказал Миварх, — они помогут этому лысоголовому в его делах.

— И заплатят ему за совет? — сказал Джусс.

И ответил Миварш. — Да, так и есть.

— И еще одно хотел бы я узнать, — сказал Джусс. — Как велико войско, которое он привел в Чертландию?

— Огромная сила идет за ним, — ответил Миварш. — Одних заморских дьяволов, я думаю, четыре тысячи. И еще много Чертей примкнуло к нему, но у всех них оружие нашей страны.

Лорд Брандох Даха взял Джусса за руку и увел его в ночь. Замерзшая трава хрустела под их ногами, и странные звезды мигали на юге между облаками и спящей землей: чистое сияние Архенара затмевало все остальные, менее яркие звезды.

— Корунд собирается напасть на нас, как орел на слепую ворону, — сказал Брандох Даха. — Его армия в двенадцать раз больше нашей и вся Чертландия вьется у его ног, как улыбающийся спаниель. И он собирается преградить нам путь в Моруну, если, конечно, я прав и эта простая душа говорит правду.

— У тебя всегда праздник, — сказал Джусс, — когда только доносится запах великой опасности.

— О Джусс, — крикнул Брандох Даха, — но именно тогда и твое собственное дыхание учащается, а слова становятся веселее. Разве против нас не вся эта земля, весь ее воздух и все ее жители? Разве не пришло время обагрить кровью наши мечи?

— Прежде, чем мы пойдем спать, — сказал Джусс, — я сообщу Зелдорниусу, куда дует ветер. Пока он не очистит поле, придется ему глядеть сразу в две стороны. И сражение будет не против него, но (если Миварш сказал правду) только для того, чтобы помочь Корунду.

И пошли они в шатер Зелдорниуса, и по дороге Джусс заговорил и сказал: — Одно хорошо: Корунд не обнажит меч на Холмах Салапанты. У Короля есть лазутчики, которые сообщают ему обо всех заколдованных кругах в мире, и он хорошо знает, какие магические потоки движутся здесь, и насколько опасно иностранцам обнажать меч, о чем свидетельствует судьба, выпавшая этим трем капитанам. Поэтому Корунд, наученный своим господином, поспавшим его сюда, будет пытаться совладать с нами где угодно, только не этом заколдованном кусочке земли. И для него все равно, что схватить медведя за

зубы, что сражаться в надвигающейся схватке; и чтобы уничтожить его надо объединить все эти три армию в одну.

Прошли они мимо часового, разбудили Зелдорниуса и рассказали ему все. И завернулся Зелдорниус в свой потрепанный плащ, вышел посмотреть на часовых и уверился, что они готовы встретить нападение с любой стороны. И пожелал он доброй ночи лордам Демонландии, и сказал: — Вот это нравится мне больше. Я всегда был воином; наконец-то еще одна битва.

Следующий день пришел и ушел, и ничего не произошло, и еще один день. Но на третий день после появления Миварша увидели они две больших армии, идущие по равнинам с запада и с востока, и Зелдорниус приказал своим войскам выстроиться на холмах, и засверкало оружие, и лошади начали грызть удила, и задули трубы, призывая к битве.

Никто из них не приветствовал врага и не послал ему вызов, только Джалканаиус приказал своим черным всадникам атаковать с запада, а Хелтераниус — с востока. Но Зелдорниус, старый седой волк, находившийся между ними, выстоял под ударом их черных волн. Так началась грандиозная битва трех армий, продолжавшаяся весь день, от рассвета до заката. Трижды Зелдорниус с отборными воина устремлялся в атаку с каждой стороны, гоня перед собой врага, как ястреб куропатку, и трижды Хелтераниус и трижды Джалканаиус собирались с силами и загоняли его обратно в холмы.

Но настал вечер, и затмился день, и воцарилась тьма, и прекратилась битва, и настала тишина. И вышли лорды Демонландии из своей башни, и меж груд мертвых тел пошли к горлышку кряжа. Там, единственный живой на залитом кровью поле боя, стоял Зелдорниус, облокотясь на копьё, и мрачно глядел вниз, поглаживая шею своего старого гнедого коня, повесившего голову и тяжело фыркавшего. Через трещину в западных облаках выглядывало солнце, но его лучи не были так красны, как вереск на поле Салапанта.

И пока шли к нему Джусс и его товарищи, ничего не было слышно, кроме песни, доносившейся из крепости за их спинами: нестройная мелодия арфы, и голос Миварша, который расхаживал перед стенами и пел, аккомпанируя себе на арфе:

*Ночь на земле,
Ведьма в седле,
Дьявол и эльф вместе:
Через туман,
Сквозь ураган,
Но не сидеть на месте.*

*Степь и река,
Шпоры в бока,
Хлопает бич свистящий.
Через кусты,
Болота, мосты,
Призрак ведет летящий.*

*Нету зверей,
Нету людей,
Голод лишил покоя.
Пусто в полях,
Пусто в морях,
Спряталось все живое.*

*Шторм налетел,
Небо в беде,
Полночь, призрак из склепа.
Старый менгир,
Вставший вампир,
Кличет молнию с неба.*

И когда подошли они к Зелдорниусу, Лорд Джусс заговорил и сказал: — О доблестный Зелдорниус, прославленный воин, правильно истолковал ты знаки Луны. Ибо великую и благородную победу одержал ты над своими врагами.

Ничего не ответил ему Зелдорниус, но продолжал глядеть вниз на то, что лежало у его ног. И лежал там мертвый Хелтераниус, и меч Джалканаиуса Фостуса проткнул его сердце, а правая рука Хелтераниуса держала его собственный меч, нанесший смертельную рану Джалканаиусу Фостусу.

Так они и стояли, глядя на обоих великих капитанов, мертвых. И сказал Зелдорниус: — О Джусс, никогда не говори мне об этой победе. Пока были живы владельцы этих мечей, я желал только их гибели, гибели тех, с кем вместе собирался покорить эту широко раскинувшуюся Чертландию. Смотрите, с каким безрассудным упорством они пытались погубить меня, но, вместо это, погубили себя и ушли из мира живых. — И глубоко он опечалился и с мукой в сердце воскликнул: — Разве жил на свете большой герой, чем Хелтераниус? и разве мог кто-нибудь быстрее, чем великий Джалканаиус, подготовить снаряжение для военной капании, даже если она должна была продлиться не один месяц? и вот его тело лежит в грязи, на земле, содрогнувшейся от его ужасных деяний. А я бреду по колено в алой крови; сражение закончилось, но в то же мгновение закончилась и моя жизнь, осталось только призрачное лживое видение.

Взглянул он на Демонов, и увидели они его глаза, и не смогли сказать ни слова.

Через какое-то время он опять заговорил и сказал: — Я поклялся помочь вам, если одержу победу. Но ныне армия моя растаяла, как воск на огне, а я сам жду только темного паромщика, который никогда не опаздывает. Но поскольку всю свою жизнь я писал свои обещания не на песке, а на мраморе, и поскольку я победил, получите мои дары: и первый ты, о Брандох Даха, возьми мой меч, ибо с восемнадцати лет ты считаешься самым искусным среди мастеров меча. Его сила поможет тебя, когда я уйду. А тебе, Спитфайр, я дарю свой плащ. Да, стар он, но это хорошая вещь, ибо тот, кто носит его, никогда

не попадет живым в руки врагов. Носи его ради меня. А тебе, о Джусс, я не дарю ничего, ибо богат ты всеми добрыми дарами: но прежде, чем землю разверзнется передо мной, прими мое благославление.

Поблагодарили они его. И сказал он: — Уходите от меня, ибо приближается то, что закончит все ужасы этого дня.

Вернулись они обратно в сторожевую крепость и на холмы сошла ночь. И завыл подувший с мрачного запада сильный ветер, и разорвал зубчатый облачный покров, и обнажилась голая луна, одиноко летевшая по небу. И когда Демоны поглядели туда, где, освещенный светом луны, стоял Зелдорниус, взирая на поле смерти, раздался гром, как будто содрогнулась земля и утонул в ней вой ветра. И увидели они, что земля поглотила Зелдорниуса.

Затем тьма затопила луну, и над полем Салапанты повисли ночь и тишина.

Х. ГРАНИЦЫ МОРУНЫ

О ПУТЕШЕСТВИИ ДЕМОНОВ ОТ САЛАПАНТЫ К ЭШГРАР ОГО; О ЛЕДИ ИШНАЙН НЕМАРТРА, И О ДРУГИХ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТАХ

На утро следующего дня пришел Миварш Фаз к Лордам Демонландии и нашел их готовыми к дороге. И спросил он их, куда лежит их путь, и ответили ему лорды Демонландии: «Восток».

— На востоке, — сказал Миварш, — все дороги ведут к Моруне. Но никто не может войти туда и не умереть.

Но они засмеялись и ответили ему: — Не знаешь ты нашей силы, милый Миварш, и меряешь ее по себе. Знай, что наше путешествие решено свыше и высечено алмазными резцами на стене необходимости.

Оставили они его и пошли на восток вместе со своей маленькой армией. И через четыре дня вошли они в густые леса, покрытые листьями тысяч осеней, где даже в полдень царили сумерки, едва слышно бормотали лесные

голоса, а по ночам мрачные глаза глядели на них из-за стволов деревьев, глядели как они шли или отдыхали.

Так прошел пятый день, и шестой, а на седьмой вышли они на берег песчаного моря, в котором был и песок и гравий, но не было ни капли воды. И, тем не менее, бежали по нему большие волны, никогда оно не успокаивалось, но вечно волновалось и шумело. И днем и ночью, пока шли они через пустыню, слышали они ужасные и отвратительные звуки, как будто кто-то бил в тамбурины и дул в трубы, но не видели они никого и ничего, и ни одна живая душа не шла через движущиеся пески, кроме их отряда.

На восьмой день пути покинули они просторы безводного моря и по каменистой земле спустились в широкую долину, бесплодную и продуваемую всеми ветрами, и только узкий ручеек петлял по широкому каменному руслу. И вот, взглянув на восток, увидели перед собой в роскошном свете садящегося солнца замок из красного камня, стоящий на террасе за выходом из долины. — Мы можем быть там еще до захода солнца, — сказал Джусс, — и попросить у хозяев гостеприимства. — И когда подошли они ближе, то, в сумерках между закатом солнца и подъемом луны, увидели одинокую фигуру, сидевшую на большом валуне в фарлонге от замка, глядевшую на них и ожидавшую их прихода. Но когда они подошли к валуну, он оказался пуст. Подошли они к замку и, поглядев назад, опять увидели его, сидящим на валуне, охватив голову руками: странное и возмутительное для любого человека зрелище.

Открыты были ворота замка, и вошли они, и прошли через двор и оказались в большом зале, в котором стоял накрытый для пира стол и пылал огонь в каминах и горели сотни свечей, волнуя затхлый воздух; но не было видно ни одной живой души и ни один голос не нарушал тишину, царившую в замке.

И сказал Лорд Брандох Даха: — Это самое странное чудо даже для этой страны, где нет недостатка в чудесах. Давайте слегка поедим и пойдем спать. — Сели они за стол и стали есть и пить медово-сладкое вино, пока из их сознания не исчезли все мысли о войне, лишениях и невообразимых опасностях, ждущих их в этой дикой стране, и даже об огромной армии Корунда, готовящейся их уничтожить, и слабая дремота не овладела их усталыми членами.

Негромкая музыка, чувственная и проникнутая дикой страстью, поплыла в воздухе, и они увидели даму, появившуюся на возвышении. Прекрасной она казалось, прекрасней, чем любая смертная женщина. В ее темных волосах горели похожие на маленькие рогатые луны медовые хризобериллы, и в каждом камне был заключен луч света, дрожавший и сверкавший, как дрожат и сверкают лучи солнца, бродящие в ясных глубинах летнего моря. Носила она закрытое плотное платье из мягкого розового шелка, и красота ее в сочетании с роскошью ее наряда делали ее неотразимо прекрасной. — Милорды, — сказала она, — вы — мои гости в замке Ишнайн Немартра, здесь есть ложа и одеяла для всех вас, усталых от дороги. Но знайте, что у меня есть ястреб, сидящий на насесте в восточной башне, и к тому, кто этой длинной ночью не будет спать и один, без помощи товарищей, разбудит моего ястреба, я приду в

конце ночи и выполню одно его желание, земное желание. — Так сказала она и растаяла, как дым.

— Пусть жребий решит, кто будет участвовать в этом приключении, — сказал Брандох Даха.

Но Джусс не согласился с ним, заговорил и сказал: — Скорее всего это какая-то ловушка. В этой проклятой стране мы должны не искушать наши умы, но твердо следовать к своей цели. Мы не должны походить на того, кто пошел за шерстью и вернулся остриженным.

Но Спитфайр и Брандох Даха только посмеялись над его словами, и бросили они жребий, и пал он на Лорда Брандох Даха. — Ты не должен запрещать мне это, — сказал он Лорду Джуссу, — иначе я никогда не сделаю тебе ничего хорошего.

— Я никогда не запрещал тебе ничего, — ответил Джусс. — Разве ты и я не как пальцы, большой и указательный? Только прошу тебя, не забывай, для чего мы пришли сюда.

— Разве ты и я не как пальцы, большой и указательный? — ответил Брандох Даха. — Не бойся, о друг моего сердца. Я не забуду.

И вот, пока остальные спали, Брандох Даха разбудил ястреба, спавшего этой длинной ночью в восточной комнате. Холоден был воздух на склонах холма и лежал на них иней, но в этой комнате было тепло и все располагало ко сну. Но Брандох Даха не закрыл глаза, и, не отрываясь, глядел на ястреба, рассказывал ему разные истории и время от времени щипал за хвост, чтобы не заснуть. Но коротко и неучтиво отвечал ему ястреб, и зло поглядывал на Лорда Брандох Даха.

И когда пришел золотой рассвет, в затененном дверном проеме показалась та дама. Как только она вошла, ястреб гневно забил крыльями и, без всяких разговоров, сунул голову под крыло и заснул. А эта блестящая женщина поглядела на Лорда Брандох Даха, заговорила и сказала: — Проси у меня, Лорд Брандох Даха, все, что хочешь, ибо дарую я тебе любую земную вещь.

Но, ослепленный ее блеском, встал Брандох Даха и сказал: — О леди, разве ваша красота на рассвете дня не сияние, которое может рассеять туманы ада? Вы похитили мое сердце, ибо только вашу красоту оно видит и не замечает ничего другого. Только вашим телом хочу я обладать, и никакой другой земной вещью.

— Глупец! — крикнула она. — Ты не знаешь, чего просишь. Ты мог бы выбрать любую земную вещь, но я — я не принадлежу этому миру.

— Я не хочу ничего другого, — ответил он.

— Ты подвергаешь себя страшной опасности, — сказала она, — и можешь потерять удачу, твою и твоих друзей.

Но Брандох Доха, видя что ее лицо внезапно стало похоже на новорожденную розу на рассвете, а глаза расширились и стали темными, от охватившего их любовного желания, подошел к ней, взял за руку, поцеловал и обнял. И так они стояли какое-то время, и понял он, что нет на земле ничего, кроме сводящей с ума мягкости ее волос, их запаха, поцелуя ее уст, и ее дыхания, и

трепета ее полной груди, упиравшейся в него. И сказала она ему тихо на ухо: — Я вижу, что ты силен и властен. Я вижу, что ты один из тех, кто никогда не отказывается от того, что желает твое сердце. Пойдем. — И они прошли через завешенную тяжелым занавесом дверь во внутреннюю комнату, где воздух наполнял дыхание мирра, нарда и амбры, аромат спящей красоты. Теплый свет затененных ламп лился на большую и широкую кровать с пушистыми подушками, оставляя в полутьме богатые занавеси, украшенные изысканными золотыми блестками. И долго-долго любили они друг друга на этой кровати, и наслаждались друг другом.

Но все на свете имеет конец и он сказал: — О миледи, возлюбленная сердца моего, здесь я должен был бы остаться, бросив все ради любви к тебе. Но друзья ждут меня в твоих залах на нижнем этаже, и великие дела не свершатся, если я не буду руководить ими. Дай мне еще раз твой божественный рот, и скажи мне прощай.

Она лежала так, как если сонная истома охватила ее грудь: гладкокожая, белая, теплая, изящная головка откинута назад, темные распущенные волосы разметались по плечам; один локон, тяжелый и шелковистый, как питон, запутался между белой рукой и грудью. Быстрая как змея повернулась дама, яростно обхватила его руками, и впиалась своими ненасытными губами в его, жалобно плача, что здесь он мог бы прожить вечность, опьяненный совершенной любовью и наслаждением.

Но когда закончился поцелуй, мягко отстранил он ее от себя и попросил разрешить ему уйти. Встал он, и оделся, и вооружился, и дама надела свое полупрозрачное платье из серебристого шелка, а летняя луна набросила светящуюся на вуаль на ее сверкающую красоту; тогда встала она перед ним, заговорила и сказала: — Иди. Это как метать бисер перед свиньями. Я не могу убить тебя, ибо нет у меня власти над твоим телом. Но поскольку ты посмеялся надо мной, и потребовал то, что лежит за пределами договора и, подарив наслаждение, бросил меня, поэтому знай, гордый человек, что я дарю тебе три дара по моему собственному выбору. Ты всегда будешь воевать и никогда не будешь тебе покоя. Тот, кого ты ненавидишь больше всего, разрушит твоё прекрасное владение, Замок Крозеринг и всю округу. В конце концов мщение достигнет его, но другая рука, не твоя, закончит его дни, а твоя рука будет отражена.

И она, плача, упала на кровать. А Лорд Брандох Даха, укрепив свое сердце, вышел из комнаты. И, выйдя за порог, посмотрел обратно, во внешнюю и во внутреннюю комнату, но не было там ни дамы, ни ястреба. И напала на него великая слабость. Спустившись вниз обнаружил он, что Лорд Джусс и его друзья спят на холодных камнях, большой пиршественный зал пуст, и нет в нем ничего, кроме мха и паутины, и летучие мыши спят головой вниз, прицепившись к брусьям крыши; не осталось и следа от вечернего пира. И разбудил Брандох Даха своих товарищей, и рассказал ему обо все, что произошло, и о волшебстве, наложенной на него этой дамой.

И весьма удивленные поспешили они уйти из зачарованного замка Ишнайн Немартра, радуясь, что остались целы и невредимы.

На девятый день пути пришли они в пустынную землю камня и нетронутой земли, где жили только земляные блохи. Трещины расщепили землю, в глубинах мрачного каменного лабиринта, в который никогда не заглядывали ни солнце ни луна, бурлил и прыгал вечно ревущий поток. И пришлось им в тот день петлять по берегам рек и искать места для переправы.

Когда же остановились они в полдень около самой глубокой пропасти, внезапно появился кто-то, и прибежал к Лорду Джуссу, и упал у его ног бездыханный и усталый после долгого бега. И когда они подняли его, то увидели Миварша Фаза, одетого в наряд черных всадников Джалканаиуса Фостуса и вооруженного мечом и топором. Велико было его возбуждение, но ничего он не мог сказать, запыхавшись после долгого бега. И ласково они заговорили с ним, и дали ему глотнуть хорошего вина, дар Зелдорниуса, и, придя в себя, он сказал: — Он вооружил бесчисленные толпы моего народа оружием, которое собрали на поле Салапанта. И они, ведомые сыновьями дьявола и проклятым богами Филспритцом, вышли раньше и перекрыли все пути к востоку от вас. День и ночь скакал я и бежал, чтобы предупредить вас. А сам лысый, с великой силой своих заморских дьяволов, скачет по вашим следам.

Поблагодарили они его, поражаясь, что претерпел он такие муки только для того, чтобы предупредить их об опасности. — Я ел вашу соль, — ответил он, — и еще вы против этого злого лысого дьявола, который перешел через горы и завоевал нас. Поэтому я сделаю для вас все, что смогу, хотя могу я мало. Потому что беден я нынче, а был богат и знаменит. Ибо один я, и никто не идет за мной, а раньше пять сотен копыеносцев спали в моем замке и делали все, что я пожелаю.

— Мы должны идти, и намного быстрее, чем раньше, — сказал Лорд Брандох Даха. — Как далеко до него?

— Через час или два он будет здесь, — сказал Миварш, пал на землю и заплакал.

— Сражение с ним в чистом поле, — сказал Джусс, — покроет нас великой славой, и мы все погибнем, без всяких сомнений.

— Дайте мне минуту подумать, — сказал Брандох Даха. И пока они быстро собирались, задумчиво подошел он к краю оврага, переворачивая камни кончиком своего меча. Потом сказал. — Это, без сомнения, тот самый поток, который Гро называет Азрашах. Миварш, разве не бежит река Азрашах на юг и не впадает в соленые озера Ого Морвео и разве не стоит там крепость, называемая Эшграр Ого?

И ответил Миварш. — Воистину это так. Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь лишился ума и отправился туда. Ибо хотя и здесь стоим мы на внушающей ужас земле, но Эшграр Ого — самый край Моруны. Уже сотни лет не живет там ни один человек.

— Но она еще стоит? — спросил Брандох Даха.

— Да, но это все, что я знаю о ней, — ответил Миварш.

— Сильна ли она? — спросил Брандох Даха.

— В древности считалось, что нет места сильнее, — ответил Миварш. — Но лучше умереть от руки заморского дьявола, чем дать разорвать себя на куски злым духам.

И повернулся Брандох Даха к Джуссу. — Решено? — спросил он, и Джусс ответил ему «Да», и быстрым шагом пошли они на юг вдоль реки.

— Думаю я, что прежде всего должны были бы привести себя в порядок, — сказал Миварш, не переставая идти. — Туда девять или десять часов ходьбы, и вот уже шестнадцать дней, как вы оставили меня на Холмах Салапанты.

И засмеялся Лорд Брандох Даха. — Шестнадцать! — сказал он. — Да ты разбогатеешь, Миварш, если будешь считать золотые монеты так, как ты считаешь дни. Мы в пути только девять дней.

Но Миварш твердо стоял на своем, вновь и вновь повторяя, что Корунд пришел в Салапанту на седьмой день после их ухода. — И вот уже девять дней, как я убежал от него, и теперь надеюсь только на вас. — И никакие насмешки не могли заставить его говорить иначе. Но когда, после захода солнца, на ясном небе появилась полная луна, то Джусс увидел, что она на семь дней старше, чем в ту ночь, когда они вошли в замок Ишнайн Немартра. Показал он это великое чудо Брандох Даха и Спитфайру, и все они изумились.

— Благодарите меня, — сказал Брандох Даха, — что я задержал вас там не на год. И пускай я сгорю в аду, но семь дней показались мне одним часом!

— И достаточно приятным, для тебя, — слегка насмешливо сказал Спитфайр. — Но мы проспали на холодных камнях неделю, и у меня все еще болят все бока.

— Не надо, — смеясь сказал Джусс, — ругать его за это.

Луна стояла высоко, когда они подошли к соленым озерам, одно из которых одиноко лежало слегка выше других в своем каменистом ложе. Вода в них напоминала сырое серебро, и сам грубый лик пустыни казался черным и серебристым в свете луны. И местность та была мертвой, слепой и безжизненной, и только кости сверкали под светом луны. Между озерами поднимался чудовищный каменный столп, опоясанный с каждой стороны отвесными утесами, и над линией утесов окружали его темные стены. Туда-то они и поторопились, и стали пробираться среди утесов, поднимаясь к замку; и заухали совы, сидевшие на бойницах, взлетели и, как призраки, стали летать над их головами. И застучали во рту Миварш Фаза зубы, но очень обрадовались Демоны, поднявшись по узкой тропинке среди утесов и войдя в пустынную крепость. Тиха была ночь, но вот зажглись огни на востоке, за ними другие, на западе, и вскоре круг мерцающих красных точек окружил Эшгар Ого и озера.

— Только на час опередили мы их, — сказал Джусс. — И смотрите, он окружил нас пламенем так, как делает человек, охотясь на скорпиона.

Вывести они стражу и легли спать до утра. Но не спал Миварш, ибо боялся он хобгблинов из Моруну.

XI. КРЕПОСТЬ ЭШГРАР ОГО

КАК ЛОРД КОРУНД ОСАЖДАЛ КРЕПОСТЬ НАД ОЗЕРОМ ОГО МОРВЕО, И ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ НИМ И ДЕМОНАМИ; И ПРИМЕР ТОГО, КАК ПРОНИЦАТЕЛЬНОЕ СЕРДЦЕ МОЖЕТ ВЫСТОЯТЬ ДАЖЕ В ВЕЛИКОЙ ОПАСНОСТИ, ГРОЗЯЩЕЙ ЕМУ СМЕРТЬЮ

Когда удостоверился Лорд Корунд, что Демоны закрылись в Эшграр Ого, приказал он принести плотный ужин к нему в шатер, после чего насытился олениной, тетеревами и озерными омарами. Потом, за час до полуночи, выпил он полный мех темного Грамнианского вина и потерял дар речи. Гро помог ему добраться до кровати и он проспал спокойным крепким сном вплоть до утра.

Но Гро сидел в шатре, поставив правый локоть на стол и опираясь щекой на руку; изящные пальцы его левой руки играли то с завитками холеной надушенной бороды, то с золотым бокалом, из которого он, глоток за глотком, пил бледное вино из Пермио. Его мысли носились туда и сюда, как насекомые в летнем саду, иногда сосредоточиваясь на сцене перед собой — огромном генерале, покрытом пеленой сна — или на других сценах, отделенных от этой годами и десятилетиями или трудными лигами опасных дорог. В какое-то мгновение воображение рисовало ему, как дама в Карсе приветствует своего мужа, с триумфом вернувшегося домой, и самого Корунда, с короной только что завоеванной Чертландии; но дальше он плыл из будущего в прошлое и опять видел блестящий приём в Зайё Закуло, и великолепного Газларка, на золотых ступеньках лестницы прощающегося с тремя капитанами, и тут же их богоподобные тела на Холмах Салапанты, предназначенные воронам и бродячим собакам; и всегда, как мрачный фон, затемнявший его память, темнела перед ним зевающая пустота, обширная и безликая, протянувшаяся за кругом армии Корунда: слепая выжженная Моруна.

Черная птица-тоска опустилась на его душу. Свет сверкал в ее глазницах, и, наконец, от огромной усталости опустились веки и закрыли большие ясные глаза Гро. Слишком усталый чтобы дойти до кровати, он опустил голову на стол, и руки стали его подушкой. Красный свет шел от жаровни, и все глубже и глубже проваливалась в сон худая фигура и черные завитки Гро, и могучая фигура Корунда, который положил на кровать одну ногу со шпорой, а другая свисала, пяткой касаясь земли.

До полудня оставалось только два часа, когда лучи солнца ударили через отверстие в пологе шатра прямо в глаза Корунда, и он проснулся, свежий и полный сил, как юноша на утренней зорьке. Он шлепнул рукой по плечу Гро и разбудил его. — Ты пропустил прекрасное утро, — сказал он. — Пусть дьявол сделает меня черным как пахта, если это не твой величайший позор, ибо я, родившийся в этот день ровно сорок и шесть лет назад, с самого утра занимаюсь делами.

Гро зевнул, улыбнулся и потянулся всем телом. — О Корунд, — ответил он, — озорная улыбка бьётся в твоих глазах, как если бы стараешься убедить меня, что уже видел рассвет. И думаю я, что это новое и неожиданное для тебя зрелище, как и любое другое в этой части Чертландии.

И ответил Корунд: — Откровенно говоря, я редко бывал настолько невежлив, чтобы подсматривать за Мадам Авророй, одетой в ночной халат. Но за те три или четыре раза, когда меня заставили это сделать, я узнал, что час сырого воздуха и туманов, который рождает в теле холодные темные гуморы, час, когда факел жизни горит самый слабым пламенем. Эй там! принеси мне утреннее питьё.

Мальчик принёс два бокала белого вина, и сказал Корунд, пока они пили: — Этот неприятный напиток — как вода из колодца, напиток для попрыгунчиков со слабым желудком и песчаных жаворонков, но не для мужчин. И походит он на рассвет: неблагоприятный сухой час, час удара ножом в спину и хладнокровных предателей. Эй ты, — крикнул он, — дай мне настоящего вина, вина дневных пороков и наглого зла.

— Но очень много настоящих дел происходят ночью, в часы совы, — заметил Гро.

— Да, — сказал Корунд, — дела тьмы; и в них, милорд, я твой ученик. Пошли, займемся ими. — И, надев шлем и оружие, запахнул он на себе плащ из волчьей шкуры, ибо острым и морозным был воздух, и вышел из шатра. Гро завернулся в меховую мантию, надел овчинные рукавицы и последовал за ним.

— Если ты хочешь мой совет, — сказал Лорд Гро, глядя на Эшграр Ого, гордо темневший под скудными лучами солнца, — то оставь эту честь Филпритцу; пускай его народ первым попробует раскусить этот орех. На взгляд он очень крепкий. Жаль трагить добрую Ведьмландскую кровь на первый приступ, когда к нашим услугам эти подлые твари.

Корунд что-то проворчал в бороду, и, с Гро у своего локтя, молча пошел вдоль Эшграр Ого. Его острые глаза обыскивали каждый утес и каждую стену, и когда, через полчаса, он остановился около своего шатра, оказалось, что они сделали полный круг вокруг крепости. Потом он заговорил и сказал: — Поставь меня на ту сторону, дай пятьдесят парней, похожих на мужчин, и я бы удержал ее против десяти тысяч.

Немного помолчал Гро, а потом сказал: — Ты говоришь об этом совершенно серьезно?

— Куда уж серьезнее, — ответил Корунд, повернувшись к крепости.

— И ты не будешь атаковать ее?

Корунд засмеялся. — Не атаковать ее! Ни и сказал! Представь себе: Карсё, меня только что вынули из кипятка и собираются поджарить на огне, а я кричу «Я не атаковал ее!»

— И, тем не менее, подумай, — сказал Гро, беря его за руку. — Вот что пришло мне на ум: их мало, они замкнуты в маленьком месте, в этой очень далекой стране, и некому им помочь. Даже если бы они были дьяволы, а не люди, наша огромная армия с тобой во главе должна заставить их перепугаться до смерти. Нет такого самого укрепленного замка, надежность которого не отравляют сомнения. Поэтому прежде, чем ты рискнешь развеять эти сомне-

ния неудачным штурмом, используй свое преимущество. Вызови Джусса на переговоры. Предложи ему условия: не важно какие. Открыто подкупи их.

— Прекрасный план, — сказал Корунд. — Ты заслужишь корону мудрости, если подскажешь мне, какие условия я могу им предложить, а они могут их принять. И если ты хочешь разгадать эту загадку, не забывай, что, хотя ты и я здесь хозяева, в Карсе правит кое-кто другой.

Лорд Гро слабо улыбнулся: — Хватит шуток, — сказал он. — О Корунд, не надейся уверить меня, что ты дитя в политике. Неужели ты думаешь, что Король накажет нас за то, что мы подпишем с Демонландией, а значит и со всем остальным миром, договор, который выманит Джусса из крепости. Вот если он сумеет вырваться из наших тисков, тогда да, действительно, Король решит, что мы плохо выполняли наши обязанности.

— Гро, — сказал Корунд, — я люблю тебя. Но едва ли ты относишься ко всем этим вещам так, как к ним отношусь я, который всю свою жизнь провел в открытом поле, где раздавал и получал удары. Я не возразил и даже поучаствовал в твоём представлении в замке Орпиш, когда мы предали бедных змеев-ньюшей Чертландии. Против такой мрази все средства хороши. Кроме того тогда мы очень нуждались, и трудно стоять прямо с пустым мешком. Но теперь совсем другое дело. Мало просто сорвать яблоко, мне нужно унижить этих Демонов, внушить им страх перед моим мечом. Поэтому не собираюсь я использовать жульничество, обман или еще какие-нибудь дьявольские трюки, которые в глазах будущих поколений принесут мне не славу, а презрение.

И он выкрикнул команду, и послал герольда к стенам крепости с флагом перемирия. И громко закричал герольд. — Послание от Корунда из Ведьмландии лордам Демонландии. Вот что говорит Лорд Корунд: «Я зажал этот орех, крепость Эшграр Ого, в железные клещи. Спускайтесь вниз и поговорите со мной на ничьей земле перед крепостью, и я торжественно клянусь вам своей честью воина, что во время переговоров не нарушу мир и спокойствие».

И когда были соблюдены все должные церемонии, спустился Лорд Джусс с Эшграр Ого, и шли с ним лорды Брандох Даха и Спитфайр, а также двадцать воинов-телохранителей. И пришел Корунд со своими стражами, чтобы встретить их, и были с ним четыре его сына, приехавшие в Чертландию: Хакмон, Хеминг, Виглус и Дорманес, мрачные и унылые юноши, приятные на вид, и менее жестокие, чем их отец. Гро, красивый и изящный, как скаковая лошадь, шел рядом с ним, завернутый с головы до ног в горностаевый плащ; за ними шел Филпритц Фаз, надевший крылатый шлем из золота и железа. Позолоченные латы надел на себя Филпритц и штаны из кожи пантеры, и крадся он за спиной Корунда, как шакал крадется за спиной льва.

Когда они встретились, то Лорд Джусс заговорил и сказал: — Вначале хотел бы я узнать, милорд Корунд, как и почему ты оказался здесь и по какому праву ты требуешь переговоров здесь, в этой дикой восточной Чертландии?

И ответил Корунд, опершись на копьё. — Я не должен отвечать на твой

вопрос. Но я отвечаю. Как я оказался здесь? Перешел через холодную горную стену Акра Скабрант. Никто на памяти человечества не совершал такой подвиг так быстро и с такой большой армией.

— Действительно неплохо, — сказал Джусс. — Уверяю тебя, ты превзошел все мои ожидания.

— Теперь ты спрашиваешь почему, — продолжал Корунд. — Достаточно тебе знать, что Короля предупредили о твоём путешествии в Чертландию и о твоих планах. Я приехал сюда для того, чтобы разрушить их.

— Слишком много пустых бочонков с вином оказалось в Карсё тем великолепным утром, — сказал Хакмон, — и слишком много благородных лордов пролежало бесчувственными на земле до утра, изрыгая из себя желчь, после того как те, кто искал проклятого Голди, усаkali прочь. Нам кажется, что кто-нибудь должен ответить за их здоровье.

— А, так это ты прискакал тогда из Пермио? — сказал Лорд Брандох Даха. — Если меня не обманывает память, в ту ночь бог веселья сыграл на нашей стороне.

— И наконец последний вопрос, — сказал Корунд. — По какому праву я мешаю тебе идти на восток. Знай, что я разговариваю с тобой не как Корунд, а как наместник широко раскинувшейся Чертландии, провинции славнейшего и величайшего Короля Гориса XII. И если ты захочешь уйти отсюда, тебе придется помериться со мной силой. Поэтому, как принято между великими людьми, я предлагаю тебе соглашение на честных условиях. И вот мое предложение, о Джусс. Сдай нам эту крепость, Эшграр Ого, и признай нашего Лорда Короля Королем всей Демонландии, и стань его верным и преданным подданным, как и мы. И подпиши договор и поставь на него свою печать. А я, в свою очередь, клянусь именем нашего Лорда Короля, что ты уедешь отсюда в мире и безопасности, и дам тебе любых заложников, каких только пожелаешь.

Лорд Джусс недовольно нахмурился. — О Корунд, — сказал он, — как мало мы понимаем неодухотворенный ветер, так же мало мы понимаем и твои слова. Достаточно часто вспыхивал серый серебряный огонь войны между нами и Ведьмландией, ибо дом Горисов всегда надувается как грязная жаба и никогда не чувствует запаха сладкого винограда, даже когда он цветет. Так что предпочитаем мы оставаться в этом замке, и выдержим в нем любой, самый жестокий приступ.

— С честным и открытым сердцем сделал я это предложение, — сказал Корунд, — и второго раза не будет.

— Оно написано и скреплено печатью, — вступил в разговор Гро, — и ждет только вашей подписи, милорд Джусс, — и с этими словами он подал знак Филфитцу Фазу, который подошел к Джуссу и протянул ему пергамент. Но отклонил Джусс пергамент и сказал — Вот мой ответ, — и повернулся к нему спиной. И тут Филспритц неловко шагнул вперед, и ударил его под ребра кинжалом, спрятанным в рукаве. Но кольчуга, которую надел на себя

Джусс, отвела кинжал предателя. Однако так силен был этот удар, что качнулся Джусс и чуть не упал.

И схватился за меч Спитфайр, и остальные Демоны, но Джусс громко крикнул, что они не будут нарушать договор, но сперва узнают, что будет делать Корунд. И сказал Корунд: — Джусс, ты слышишь меня? Я никак не причастен к этому.

Поджал губы Брандох Даха и сказал: — Выглядит это совсем не так. Просто чудо, о Джусс, что ты держишь эту грязную собаку за шиворот и не даешь ей попробовать кнута.

— Такие удары приносят либо полную победу, либо поражение, — сказал Гро на ухо Корунду и поплотнее завернулся в свой плащ, со скрытым удовольствием глядя на Демонов. Но кровь бросилась в лицо Корунду и он гневно сказал: — Это и есть твой ответ, Джусс?

И сказал Джусс: — Да, это наш ответ, Корунд.

Выше всякой меры разозлился Корунд и сказал: — Тогда объявляю я тебе кровавую войну, а вот это засвидетельствует нашу честь. — И схватил он Филпритца Фаза и одним ударом снес ему голову с плеч перед лицом обеих армий. А потом крикнул громовым голосом: — Как кровью этого Филпритца отомстил я за урон, нанесенный чести Ведьмландии, так я отомщу всем вам или никогда не отведу мою армию от озер Ого Морвео.

И поднялись Демоны обратно на гору, а Гро и Корунд вернулись к своим шатрам.

— Ты хорошо все придумал, — сказал Гро, — одним ударом заставив развеваться наш флаг показной честности и, одновременно, избавившись от этого бедолаги, который обещал стать колючкой в нашем кресле в Чертландии.

Корунд не сказал ему ни слова.

В тот же самый час армия Корунда атаковала Эшграр Ого, и люди Чертландии шли в ее авангарде. Но они ничего не добились. Многие десятки легли убитыми у стен этим вечером; и ужасные бестии из пустыни пировали на их телах при свете луны.

На следующее утро отправил Лорд Корунд герольда к Демонам, и опять пригласил их на переговоры. И на этот раз говорил он только с Брандох Даха, и попросил его отдать ему братьев Джусса и Спитфайра: — Если ты отдашь мне их к моему удовольствию, то можешь идти со всеми твоими людьми куда хочешь, в мире и без всяких условий.

— Да, вот это предложение, — сказал Лорд Брандох Даха, — если это не насмешка. Повтори его громко, чтобы все наши люди могли слышать.

Корунд так и сделал, и услышали его все Демоны, стоявшие на стенах крепости.

Лорд Брандох Даха встал немного в стороне от Джусса, Спитфайра и их стражей. — Напиши все это на бумаге, — сказал он. — Ибо я обдумую как следует твои слова, а твою руку и печать должен я показать тем, кто следует за мной, прежде чем согласятся они на подобное деяние.

— Пиши ты, — сказал Корунд Гро. — Все, что я умею, — написать свое имя. — И взял Гро перо и чернила, и прекрасным почерком написал предложение на листе пергамента. — Добавь самые страшные клятвы, какие только знаешь, — сказал Корунд, и Гро написал их, прошептал: — Он издевается над нами. — Но сказал Корунд: — Не имеет значения. Это наша единственная возможность, — и медленно, с трудом, написал свое имя и отдал пергамент Лорду Брандох Даха.

Брандох Даха внимательно прочитал документ и засунул его под кольчугу, себе на грудь. — Вот это, — сказал он, — единственный дар, который я получил от тебя, милорд Корунд. И пока твоя душа будет жить в Ведьмландии, — в его глазах мелькнул дьявольский огонек, — я буду помнить, что еще не показал миру, как будет страдать человек, оскорбивший меня таким предложением.

И ответил ему Корунд: — Парень, ты слишком красиво одеваешься. Просто чудо, что ты еще помещаешься в шатер с этими бабскими украшениями. А твой щит: как ты думаешь, сколько сверкающих безделушек осталось бы на нем, если бы мы с тобой обменялись парой ударов?

— Я объясню тебе, — ответил Брандох Даха. — Не было такого случая, чтобы за каждый камень, который сбили с моего щита в битве, я бы не получил во сто крат лучший из добычи, которую я взял у своих врагов. И за твои насмешливые слова, я вызываю тебя на бой, здесь и сейчас. А если ты откажешься, я буду считать тебя трусом и негодяем.

Корунд усмехнулся в бороду, хотя и слегка нахмурил лоб. — Кто ты такой, мальчишка, чтобы бросать мне вызов? — сказал он. — Я носил меч, когда ты был еще в пеленках. Взгляни на мою армию и подумай о том, что я могу сделать с тобой. Ой, ой, мой меч заколдован, милорд: он не хочет выходить из ножен.

Брандох Даха презрительно усмехнулся и сказал Спитфайру: — Взгляни, прошу тебя, на этого великого лорда Ведьмландии. Сколько настоящих пальцев на левой руке у него?

— Столько же, сколько на правой, — сказал Спитфайр.

— Хорошо. А сколько вместе?

— Вдвое меньше, чем два, — сказал Спитфайр, — ибо они трусы и лжецы до кончиков пальцев.

— Хороший ответ, — сказал Лорд Брандох Даха.

— Очень смешно, — сухо сказал Корунд. — Но эти устаревшие сто лет назад шутки не подвинут меня ни на йоту. Было бы слишком просто воспользоваться твоим предложением, когда все мудрые советники настаивают, что я должен использовать свою силу и стереть тебя в порошок.

— Да ты скоро убьешь меня своим языком, — сказал Брандох Даха. — Короче говоря, ты — храбрый человек, который пришел сюда реветь и ругаться: ты большой выпивоха, человек, который напивается пьяным семь дней в неделю, но, боюсь, ты уже давно не воин.

— Почему же ты не раздуваешь ноздри от гнева? — спросил Спитфайр.

Но Корунд только пожал плечами. — К чертям твою наживку, — ответил он. — Едва ли я рискну моим преимуществом в силе и буду сражаться с тобой один на один, как мечник. Такие старые лисы как я редко попадают в ловушки.

— Я тоже так думаю, — сказал Лорд Брандох Даха. — Скорее у лягушки вырастут волосы, чем кто-нибудь из Ведьмландии осмелится скрестить со мной меч.

Так и закончились вторые переговоры у Эшграр Ого. В тот же самый день Корунд опять попытался штурмовать крепость, тяжела была битва, и трудно пришлось Демонам, стоявшим на стенах. Тем не менее в конце концов они отбросили людей Корунда, нанеся им большой урон. Настала ночь, и вернулись Ведьмы обратно в свои шатры.

— Я кое-что придумал, — сказал Гро, когда на следующий день они собрались вместе. — В моей мощне есть план, который мог бы принести нам много хорошего, если бы мы не выпустили его из виду. Но я очень сомневаюсь, понравится ли он тебе.

— Сначала расскажи, а потом я его жестоко раскритикую, — сказал Корунд.

Гро заговорил и сказал: — Ясно, что нам никак не подрубить это дерево. Давай подроемся под корни. Во первых дадим им семь ночей подумать, и пускай они видят со стен и утром и вечером, что твоя армия окружила их со всех сторон. Потом, когда их надежда слегка поубавится, и от безделья им станет тошно, позови их на переговоры, и пусть они будут прямо под стенами. И на этот раз обращайся не к лордам, а к простому народу, и предложи им самые щедрые условия, которые только придут тебе в голову. Мало такого, что они могли бы попросить, а мы не исполнить, если они выдадут нам своих капитанов.

— Да, мне это не нравится, — сказал Корунд. — Тем не менее может помочь. Но тогда ты будешь говорить за меня. Никогда я не ходил с шапкой в руке и не просил милости у этого говна, не буду и сейчас.

— Но ты должен, — сказал Гро. — Ибо ты внушаешь веру, а меня они считают лгуном.

— Верно сказано, — заметил Корунд. — Но мой желудок этого не вынесет. К тому же я говорю слишком грубо.

Гро оскалился. — Тот, кому нужен пёс, назовет его «Сэр Пёс». Давай, давай, я научу тебя. Или ты хочешь провести множество скучных месяцев в этой замерзшей пустыне? Подумай и о том, какую честь ты получишь, когда прискачешь домой в Карсе с связанными Джуссом, Спитфайром и Брандох Даха.

И еще много времени убеждал он Корунда. И наконец тот согласился. Семь дней и семь ночей недвижно сидела его армия вокруг крепости, а на восьмой пригласил он Демонов на переговоры, и пришел он со своими сыновьями и двадцатью латниками к каменному ребру между озерами, и встали под восточной стеной замка. Холодный воздух кусал кожу. Слабый ветер го-

нял по земле рассыпчатый снег, камни стали скользкими от еле заметного ледяного одеяла. Лорд Гро заявил что болен и остался в своем шатре.

Корунд встал под стенами, латники окружили его. — У меня есть что сказать, — крикнул он, — и пускай все слышат мои слова, как лорды, так и простые воины. Прежде, чем я начну, созовите всех к этим стенам: достаточно пары стражников, чтобы защитить вас от внезапной атаки, и, клянусь, я не собираюсь сейчас нападать на вас. — Когда на стене над ним стало тесно, он начал говорить. — Солдаты Демонландии! Я никогда не ссорился с вами. Посмотрите, как расцвела эта Чертландия, когда я освободил её. Я снес головы Филспритца Фаза, и Иллароша, и Лирмеша, и Гандассы и самого Факс Фей Фаза, которые правили этой землей с незапамятных времен и заставляли ее умыться кровью, которые насильовали, грабили, подавляли и угнетали народ этой несчастной страны. В своей снисходительности я передал народу все их богатства и разрешил ими распорядиться, так что те, кто был вынужден терпеть и страдать от разрывающей сердце тирании этих Фазов, нашли во мне лекарство, даровавшее им свободу. О простой народ Демонландии! Не против вас я воюю, но против тиранов, которые, ради своих личный целей, заставляют вас страдать, мучиться и умирать в этой далекой стране: а именно против Джусса и Спитфайра, которые пришли сюда на поиски своего проклятого брата, коего сила великого Короля давно стерла с лица земли. И против Брандох Даха я выхожу на бой, дерзкого наглеца, который предается безделью в своем роскошном замке, только ест, пьёт и тиранит простых Демонов, пока жители великолепного поместья Крозеринг, и Файлзе, и Стропардона, и островов, и Сорби, Морви, Струфи, Дални и Кенарви, и Вестмарка и вообще всей Западной Демонландии стонут и сохнут, питая его сладострастие. Для них вы все только скот, которых они привели сюда на закланье. Отдайте их мне, чтобы я смог прогнать их, и я, наместник свободной Чертландии, освобожу и вас и дарую вам лордство: каждый из вас станет лордом и владельцем поместья в моей Чертландии.

Пока Корунд говорил, Лорд Брандох Даха ходил среди солдат и просил их соблюдать мир и не ворчать на Корунда. А тех, кто особенно горячо рвался в бой, он послал подготовить одно дело, которое имел в виду. Так что когда Корунд закончил свою речь, все уже было готово, и один из солдат Лорда Джусса, стоявший на стене, закричал и сказал: — Это было твое слово, о Корунд, а вот наш ответ, — и с этими словами они обрушил на него дождь из горшков, корзин, всякой посуды, потрохов, и помоев и вообще всякой грязи, которая оказалась под рукой. Содержимое одного из ночных горшков попало Корунду в рот, запачкало его большую бороду, и он отпрыгнул, отплеываясь. И все они, стоявшие близко к стене, так мало ожидали такого внезапного и болезненного ответа, что с позором отступили, мокрые, грязные и покрытые всяким дерьмом.

Со стены раздался взрыв смеха. Но Корунд крикнул в ответ: — О грязь Демонландии, это было мое последнее слово. Пусть я буду двадцать лет осаждать эту крепость, но доберусь до ваших голов. И вот тогда вы очень пожале-

ете о том, что сделали сегодня, а я буду гордым, могучим и жестоким, и отмечу вашей кровью свою победу.

— Ну что, парни, — сказал Лорд Брандох Даха, стоя на укреплениях, — похоже мы еще не накормили эту свинью помоями, ибо она все еще фыркает и хрюкает. Дадим-ка ей добавку.

И вернулись Ведьмы с великим позором в свои шатры. И так разозлился Корунд на Демонов, что не стал он есть или пить, вернувшись из Эшграр Ого, но собрал свою армию, выбрал лучших людей из Ведьмландии и обрушил на крепость самый сильный из всех приступов, а сам пошел впереди. Трижды их ярость обрушивалась на крепость, но были убиты все, кто пытался взойти на ее стены, и среди них самый младший сын Корунда, Дорманес. И пало в бою сто и восемьдесят Демонов, и пять сотен Чертей, и три сотни и девяносто девять Ведьм. И многие были ранены, с обеих сторон. Мрачный как гром сидел Корунд во время ужина. Как дикарь съел он свою трапезу, закидывая куски мяса в рот и по-звериному разгрызая кости, и много бокалов вина осушил он, но не сумел рассеять свое дурное настроение. Напротив него сидел Гро и молчал, дрожа от холода под своим горностаевым плащом, и медная жаровня стояла у его локтя. Он съел немного мяса, запивая маленькими глотками подогретого вина, и несколько кусочков хлеба, смоченного в этом же вине.

Так и шла эта молчаливая и безрадостная трапеза, пока, внезапно, Лорд Корунд взглянул через стол прямо в глаза Гро и, поймав его взгляд, сказал: — Счастливая звезда хорошо посветила тебе, заставив продрогнуть до кончиков пальцев; ты не пошел со мной и тебя не закидали дерьмом перед крепостью.

— Кто бы мог подумать, — ответил Гро, — что они решатся на такое низкое и позорное дело?

— Клянусь, что не ты, — ответил Корунд, глядя на Гро злым взглядом, и, как ему показалось, заметил свет, на мгновение вспыхнувший в глазах Гоблина. Гро опять вздрогнул, выпил еще горячего вина, и неловко отвел глаза.

Дальше Корунд пил молча, но внезапно покраснел, его щеки стали пунцово-красными, и он сказал, тяжело опираясь на стол: — Ты знаешь, почему я сказал «не ты»?

— Твоему другу не для чего это знать, — сказал Гро.

— Я сказал так, — продолжал Корунд, — потому что знаю, что у тебя есть другая цель, из-за которой ты и притворился больным.

— Другая цель?

— Не сиди так чопорно, как шлюха, притворяющаяся невинной девицей, — сказал Корунд, — или я убью тебя. Ты замыслил мою смерть от руки Демонов. И поскольку в твоей душе нет ни капли чести, ты не смог предугадать, что их благородство не опустится до предательства, на которое ты рассчитывал.

И сказал Гро: — Это либо шутка, над которой я не могу смеяться, либо болтовня безумца.

— Лицемерная шавка, — сказал Корунд, — будь уверен, что я считаю тебя не более виновным, чем приставную лестницу, которую сбрасывают со стены крепости. Я разгадал твой замысел: они должны были напасть на нас врасплох, когда мы придем к ним с предложением, которое ты так горячо отстаивал.

Гро пошевелился, как будто собирался встать. — Сидеть! — крикнул Корунд. — Ответь мне: не ты ли науськивал беднягу Филспритца, когда он пытался убить Джусса?

— Он рассказал мне о своем замысле, — ответил Гро.

— О, ты — коварная лиса, — сказал Корунд. — И здесь, тоже, я вижу предательство. Если бы они напали на нас, ты мог бы рассчитывать на их милосердие.

— Очередная глупость, — сказал Гро. — Мы намного сильнее.

— Были до сегодняшнего дня, — сказал Корунд. — И почему я полагался на твою мудрость и трезвые суждения? Но теперь я знаю, что предательство замарало тебя с ног до головы.

— Ты мне друг? — спросил Гро.

Корунд помолчал немного, потом заговорил опять: — Я давно знал, что ты хитрый лицемерный лис, но теперь я больше не доверяю тебе, ибо ты в любой момент можешь мне вонзить кинжал в спину. Я решил убить тебя.

Гро откинулся на спинку стула и взмахнул руками. — Я уже был здесь прежде, — сказал он. — Я видел все это, в свете луны и в ясный день, в прекрасную погоду и в снег и град; видел и тогда, когда могучие ветры дули из пустыни. И знал я, что они заколдованы. Прежде, чем родились я или ты, о Корунд, в Морна Моруне родились предательство и жестокость, более черные, чем сама ночь, и принесли смерть их создателю и всему его народу. Из Морна Моруны дует тот ветер, который хочет разрушить нашу любовь и уничтожить нас всех. Давай, убивай меня; я не буду сопротивляться ни на йоту.

— Не имеет значения, Гоблин, — сказал Корунд, — будешь ты сопротивляться или нет. Ты как вошь между моими пальцами, и я могу убить тебя либо отшвырнуть прочь, как мне захочется.

— Я был человеком Короля Газларка, — заговорил Гро, как будто рассказывая сон, — и пятнадцать лет, от мальчика до мужчины, служил ему честно и преданно. Тем не менее судьба решила, что вместе с бородой на подбородке я должен получить и угрызения совести. И ради какой презренной цели составил я заговор против него? Ради Ведьмландии, ибо тогда Ведьмландия неудержимо скользила в пропасть, и это заставило меня придти ей на помощь. И я хорошо служил Ведьмландии, но судьба сражалась на другой стороне. Я был тем, кто посоветовал Королю Горису XI выйти из битвы при Катманзе. Тем не менее шпиха Фортуна склонила весы на сторону Демонов. Я умолял его не бороться с Голдри на Островах Фолиота. Тогда ты поддержал меня. Но я не получил ничего, кроме упреков и угроз; отвергнуты были все мои советы и зло опустилось на Ведьмландию. Я помогал нашему повелителю, Королю, когда он творил волшеббу и вызывал посланника, который должен был

уничтожить корабль Демонов. За это он полюбил и возвысил меня, но все в Карсё стали завидовать мне. И теперь у меня нет ничего, кроме твоей дружбы и дружбы леди твоей жены, и это единственный огонь, который согревал меня и охранял от мороза зловредных придворных. И вот, ради любви к тебя, поехал я в далекую Чертландию. И вот теперь здесь, в Моруне, где когда-то давно я бродил в горе и печали, я гляжу с тоской на пустоту всех моих долгих дней.

И замолчал Гро на минуту, а потом опять начал говорить: — О Корунд, я хочу обнажить свою душу перед тобой прежде, чем ты убьешь меня. Вот тебе чистая правда: сидя перед Эшграр Ого, поражался я всем сердцем, что, несмотря на наше огромное преимущество перед Демонами, они столь доблестно обороняются; что такое малое сражается с таким большим и с великой славой отражает все наши атаки, и моя душа наслаждалась, видя все это. Такое же наслаждение охватывало меня всегда, во все дни моей жизни, когда видел я великих воинов, сражавшихся с ударами злой судьбы, и даже если были они моими врагами, я восхищался ими ничуть не меньше и не меньше любил их. Но никогда не лгал я тебе, и мысль об этом не пришла мне в голову даже сейчас, когда ты столь грубо обвинил меня в своей неудаче.

— Ты воешь, как охваченная страхом смерти баба, — сказал Корунд. — Трусливые дворняжки никогда не вызывали во мне жалость. — Тем не менее он не шевелился и только мрачно глядел на Гро.

Гро вынул свой меч и положил его на стол, рукояткой к Корунду. — Такие слова хуже обмена ударами между нами обоими, — сказал он. — Ты увидишь, что я приму смерть с радостью. И, я уверен, Король похвалит тебя, когда увидит мою голову. И уж точно Кориниус и те, кто ненавидит меня лютой ненавистью, обрадуются больше всех узнав, что ты больше не любишь меня и, наконец-то, избавился от меня.

Через какое-то время Корунд наполнил бокал, выпил, и опять застыл. И Гро сидел перед ним, неподвижно. Наконец Корунд тяжело встал со стула и толкнул меч обратно к Гро. — Иди-ка ты лучше спать, — сказал он. — Ночной воздух слишком резок для твоей лихорадки. Так что этой ночью поспи на моей постели.

Настал новый день, серый и холодный, и с рассветом Корунд приказал своей армии окружить Эшграр Ого плотным кольцом и начал осаду. Десять дней он сидел перед крепостью, с утра до вечера и с вечера до утра, и ничего не происходило: только часовые ходили по стенам, а люди Корунда стерегли их снаружи. На одиннадцатый день из Моруны прилетел густой туман, холодный и мокрый, покрывший лик земли. Пошел снег, туман повис над землей, и пришла смоляно-черная ночь, такая темная, что даже с зажженным факелом человек не мог видеть дальше собственной руки. Туман держался пять дней. На пятую ночь, двадцать четвертого ноября, в темноте третьего часа полуночи, прозвенел сигнал тревоги, и гонец, прибежавший с севера, разбудил Корунда и передал ему слово, ибо была сделана вылазка из Эшграр Ого, и прорвана осадная линия, и в кромешном мраке закипело кровопролитное

сражение. Едва успел Корунд одеться и выйти в ночь, как прибежал второй гонец с юга и передал о разгоревшемся там сражении. Все смешалось в темноте, и не было ничего определенного, но было ясно, что Демоны пытаются вырваться из Эшграр Ого. Через какое-то время, когда Корунд со своими людьми отправился на север и присоединился к сражению, пришло слово от его сына Хеминга, что Спитфайр с немногими людьми прорвал осаду и устремился обратно на запад, и большой отряд преследует его по дороге в Верхнюю Чертландию; и что больше сотни Демонов окружены на берегу озера и в крепость вошли люди Корунда; о Джуссе и Брандох Даха нет никаких новостей, но они не с Спитфайром и были среди тех, кто сражался с Корундом, пробиваясь на север. Так и шла эта битва всю ночь. Корунд сам видел Джусса, и даже обменялся с ним парой ударов, но поднялся туман и сгрудился вокруг них, а сын его видел Брандох Даха в том же месте и получил от него тяжелую рану.

Когда, наконец, ночь прошла и вернулись Ведьмы, преследовавшие Демонов, Корунд расспросил своих офицеров и сам обошел поле боя, выслушивая рассказ каждого человека и рассматривая убитых. Полегли все Демоны, окруженные на берегу озера, были мертвые и в других местах, но некоторые остались в живых. И предложили офицеры убить их, но сказал Корунд: — Пока наш Король не получил от меня Чертландию,

здесь правлю я и эта кучка земляных блох не может пошатнуть мою власть; я дарю жизнь тем, кто так храбро сражался против нас. — И он даровал им мир, а потом сказал Гро: — Я бы предпочёл, чтобы за каждого Демона, умершего в Ого Морвео, против нас встало десять, если бы только Джусс и Брандох Даха были убиты.

— Я поддержу тебя, если ты объявишь, что они мертвы, — сказал Гро. — Скорее всего они отправились в Моруну, вдвоем или втроем, и твой рассказ будет правдой раньше, чем мы возвратимся в Карсё.

— Ба! — сказал Морунд, — к дьяволу такие лживые послания. Хватит, мы уже достаточно навоевались здесь: Чертландия завоевана, армия Джусса смешана с грязью, а он сам и Брандох Даха убежали в Моруну, как беглые рабы. И пускай местные дьяволы разорвут их на куски, вот мое самое заветное желание. Но если нет, мы еще услышим о них, будь уверен. Неужели ты думаешь, что они смогут выжить и не поднять шум, который будет слышен отсюда и до Карсё?

XII. КОШТРА ПИВВАРХА

О ТОМ, КАК ЛОРДЫ ДЕМОЛАНДИИ ПРИШЛИ В МОРНА МОРУНУ, ОТКУДА УВИДЕЛИ ЗИМИАМВИАНСКИЕ ГОРЫ, КОТОРЫЕ ВИДЕЛ ЛОРД ГРО МНОГО ЛЕТ НАЗАД; И ОБ УВИДЕННЫХ ИМИ ЧУДЕСАХ, И ОБ ИСПЫТАННЫХ НЕСЧАСТЬЯХ, И О СОВЕРШЕННЫХ ИМИ ДЕЯНИЯХ, И О ПОПЫТКЕ ДОСТИЧЬ КОШТРА ПИВВАРХИ, ЕДИНСТВЕННОЙ В МИРЕ ГОРЫ, КОТОРАЯ СМОТРИТ СВЕРХУ ВНИЗ НА КОШТРА БЕЛОРН; И О ТОМ, ЧТО НИКТО НЕ МОЖЕТ ПОДНЯТЬСЯ НА КОШТРА БЕЛОРН, НЕ ПОГЛЯДЕВ НА НЕЕ СВЕРХУ

Рак уже было сказано, Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха в тумане отделились от своих людей и никак не могли найти их. Когда последние звуки боя затихли вдаль, они вытерли свои окровавленные мечи, вложили их в ножны и быстрым шагом пошли на восток. Из всех, кто следовал за ними, остался один Миварш. Он слегка втянул губы, открывая острые зубы, но шел гордо и уверенно, как тот, кто решил умереть достойно, со спокойной душой. День за днем, иногда при хорошей погоде, иногда через туман и снегопад, они шли по неизменяющейся пустыне, на поверхности которой лишь изредка появлялось что-нибудь: медленно текущая маленькая речка, либо небольшой холмик, либо озеро, либо куча камней; и все они таяли из виду не успевали они пройти и полмили. И так день за днем, и вчера ничем не отличалась от сегодня, и повторялось завтра. И по пятам за ними шёл страх, и сидел рядом, пока они спали, и его крылья хлопали в воздухе, и угрожающе молчал он в лучах солнца, и клацал зубами в пустоте ночи. И на двенадцатый день пришли они в Морну Моруну, и, уже в сумерках, встали около маленького круглого замка на молчаливой Омпреннской Грани.

Отвесный утес уходил вниз из под их ног. Странно это было, стоять на конце мира и глядеть на юг, на землю лета, и слабый летный ветерок доносил до них благоухание цветущих деревьев и цветов, покрывавших склоны гор. Сплошной зеленый ковер гигантских деревьев покрывал всю эту страну, и кое-где видели они серебряные изгибы реки, текущей сквозь чашу, ибо принимал Бхавинан воду тысяч тайных горных потоков и нес ее в неведомое море. За рекой простирался густой лес, голубоватый на таком расстоянии; из него торчали изящные вершины холмов, за которыми смутно вырисовывались более высокие пики. Демоны напрягли глаза, пытаясь прикинуть взглядом за покров тайны, окутавший их предгорья; но великие пики, как великие леди, огородили себя от нескромных взоров, и даже намек на блеск снегов не пробивался через их покрывала.

Не было никаких сомнений, что когда-то Морна Моруну стала местом смерти целого народа. Следы огня все еще чернели на ее стенах. Прекрасная открытая галерея, бежавшая над главным залом, была сожжена и частично разрушена, из проломов слепо торчали почерневшие концы балок. Среди обломков когда-то изящных стульев и скамей, ныне сломанных и съеденных червями, виднелись сгнившие обрывки гобеленов и ковров, ставшие домом для пчел и пауков. На стенах еще держались выцветшие и изъеденные плесенью остатки прекрасных картин, как память о жизни, закончившейся двести лет назад, и напоминающие мумифицированный скелет давным-давно умер-

шей принцессы. Пять дней и пять ночей Демоны и Миварш прожили в Морна Моруне, привыкая к знамениям, пока не перестали обращать на них внимания, как люди не замечают ласточек у своих окон. Тихую ночь пронзали вспышки пламени, в освещенном лунным светом воздухе метались смутные тени; в беззвездные и безлунные ночи слышались стоны и невятное бормотанье; кто-то двигался за их кроватями и носился в воздухе, и невидимые, лишённые плоти пальцы гладили Джусса, когда он выходил наружу, чтобы расспросить ночь.

Облака и туман затянули юг, и от огромных гор за Бхавианом остались только предгорья. Но вечером шестого дня перед рождеством, девятнадцатого декабря, когда Бетельгейзе должен был подняться в зенит, с северо-запада налетел ветер, смешавший мокрый снег и солнечный свет. В это время они стояли на краю утеса. Вся лесная страна была голубой от теней приближающейся ночи; река сияла тусклым серебром; силуэты далеких лесистых гор смешались с выстроенными из беспокойного голубого дыма берегами и башнями, безостановочно летевшими высоко в воздухе. Внезапно в облаках открылось окно и над зубчатыми горами показался кусочек ясного чистого неба. И в то же мгновение у Джусса перехватило дыхание, ибо увидел он бессмертных, светившихся в прозрачном воздухе, далеких, огромных и одиноких, как будто созданных из небесного эфира, ветра и огня, слившихся вместе, и неестественно чистых, ибо не было в них грубых элементов земли или воды. Как будто красно-розовый свет заката замерз и превратился в кристалл, из которого вырезали вечные, сильные и неизменяющиеся создания, парящие между суматхой землерожденных туманов внизу и буйного неба наверху. Разрыв побежал вширь, на запад и на восток, открывая высокие снежные пики, сверкающие под лучами садящего солнца. А на юге раскинулась радуга, похожая на меч, вытянувшийся вдоль всего видения.

Недвижные, подобные ястребам, с высокого насеста глядящим на огромный мир, Джусс и Брандох Даха глядели на желанные горы.

И заговорил Джусс, сбивчиво и запинаясь, как тот, кто говорит во сне: — Сладкий запах, порывистый ветер, камень, на котором стоит твоя нога: я уже видел все это. С тех пор, как мы отплыли от Сторожового Мыса, не было ночи, чтобы я не увидел их во сне. И я знаю их имена.

— Кто сказал тебе их имена? — спросил Брандох Даха.

— Мои сны, — ответил Джусс. — И первый из них я увидел на моем собственном ложе, когда я вместе с тобой воротился домой из гостей в последнем ионе. И это были вещие сны, ибо мне снилось то, что я вижу сейчас. — И еще сказал он: — Ты видишь то место, где предгорье переходит в темную долину, глубоко уходящую в горную цепь, и можно видеть всю гору, он подножья до вершины? Видишь там, за ближайшим кряжем с бледными обрывами, покрытом паутиной огромных снежных коридоров, понимается крепость, каменные башни которой упираются прямо в небо? Это и есть великий кряж Коштра Пиврарха, а самый высокий из шпилей — его тайная вершина.

Пока он говорил, его глаза следовали вдоль линии восточного кряжа, где башни, как темные боги, сошедшие с небес, погружались в бруствер, который бежал над занавесом грозящих лавиной снегов. Он замолчал, когда его взгляд остановился на вершине-сестре, более гладкой, чем девичья щека, более чистой, чем роса, более сладкой, чем сон. Сестер разделяла дыра, которую небо прожгло в диких утесах; старшая стояла на восток от младшей.

Пока они глядели, лучи закатного солнца умерли в горах, оставив за собой бледные оттенки смерти и молчания. — Только если твой сон, — сказал Брандох Даха, — поведет тебя вниз за Грань, через Бхавинан, через леса и холмы, через лиги льда и замерзшего камня, стоящие между нами и главным кряжем, вверх, на правильную дорогу к высоким снегам Коштра Белорн, вот тогда я скажу, что это был это действительно был вещей сон.

— Сон все показал мне, — ответил Джусс, — вплоть до подножья великого северного склона Коштра Пиврархи, из которой только и можно попасть на Коштра Белорн. Но дальше, за эти скалы, даже сон не смог проникнуть. Прежде чем солнце зайдет я покажу тебе дорогу через ближайший кряж. — И он указал туда, где ледник полз между тенистых стен вниз, спускаясь с колючего снежного поля, отвесно поднимавшего к перевалу. На восток от него стояли два белых пика, а на запад — похожая на цитадель гора, с отвесным лицом и длинной спиной, приземистая и темная, лежавшая под воздушным силуэтом Коштра Пиврархи, нависавшей над ней.

— Долина Зиа, — сказал Джусс, — которая спускается в Бхавинан. Туда и лежит наш путь. Под этот темный бастион, называемый Тетрахнамф.

На следующее утро Брандох Даха пришел к Миваршу Фазу и сказал: — Пришло время, и сегодня мы спускаемся с Омпреннской Грани. Я бы не хотел оставлять тебя здесь, на краю Моруну, но спуск по этой стене — не увеселительная прогулка. Ты умеешь карабкаться по скалам?

— Я родился, — ответил Миварш, — в высокогорной долине Пираршин, у истоков реки Бейрун. Тамощные мальчишки начинают лазать по скалам едва научившись ходить. Меня не пугает ни этот спуск, ни эти горы. Но сама эта земля ужасна и никому не ведома, и множество мерзких тварей населяют ее, духов и пожирателей людей. О мой друг, заморский дьявол, быть может достаточно того, что мы уже сделали? Давай повернем назад, и, если бог сохранит наши души, наши имена навечно останутся в памяти людей, ибо дошли мы до Морна Моруну и живыми вернулись обратно.

Но Джусс ответил и сказал: — О Миварш Фаз, знай, что не для славы пришли мы сюда. Наше величие и так бросает тень на весь мир, как огромный кедр распространяет тень на весь сад; и это путешествие, как бы опасно оно не было, мало что может добавить к нашей славе, как этот огромный лес Бхавинана не станет больше, если ты добавишь к нему два-три дерева. Но знай, что великий Король Ведьмландии, колдуя в своем королевском дворце Карсё, послал в мир магическое создание, прежде не отягощавшее мир, и эта злая тварь схватила моего брата, Лорда Голдри Блазко, который дорог мне, как моя соб-

ственная душа. И Те, кто живет в тайне, послали мне сон, призывающий меня отправиться на Коштра Белорн, если я хочу увидеть моего дорогого брата. Поэтому, о Миварш, ты можешь идти с нами, если хочешь, но, если не хочешь, ты можешь уехать с миром. И знай, что ничто, кроме моей смерти, не заставит меня остановиться.

И Миварш, подумав, решил, что мантикоры, которые должны сожрать его и двух лордов, все равно лучший удел, чем терпеть одному все ужасы Моруну, взял свою веревку и, поручив себя защите богов, по изрезанным каменным склонам и замерзшей земле последовал за Лордом Брандох Даха к началу оврага, ведущего вниз с обрыва.

Рано утром встали они на ноги, но только в полдень вышли к началу оврага. Опасаясь падающих камней, сначала шли они по восточной стороне русла, но потом, когда спуск стал слишком крутым, вернулись к западной стене. Через пару часов овраг сузился и стал не таким глубоким, Брандох Даха взглянул вперед и, на расстоянии нескольких длин копья, увидел сглаженные каменные плиты, резко обрывающиеся вниз, и его взгляд прыгнул с их резко очерченного края прямо на мерцающие верхушки деревьев, которые отсюда казались крошечными островками мха, отделенными от них невидимой воздушной пропастью. Тут они немного отдохнули; потом немного поднялись вверх по почти отвесному утесу, и, после опасного перехода, нашли другой овраг, немного западнее первого. Вот так, преодолевая долгий калейдоскоп осыпей и оврагов, они спустились вниз и вышли на прекрасную зеленую землю у подножия утеса.

У их ног росла невысокая горная горечавка; лес, как море, простирался немного ниже их; за ним стояли высокие вершины Зиайского кряжа: белые фронтоны Исларгина, узкий и темный палец Тетрахнамф нан Шарк, торчавший в небо над Зиайским Перевалом, и, к западу от него, выступавший над долиной Тетрахнамф нан Сурм. Другие великие горы по большей части скрывались за ближайшим кряжем, но Коштра Белорн возвышалась над Перевалом. Как королева, глядящая вниз из высокого окна, так и она взирала на зеленые леса, спящие в под полуденным солнцем, и вершина ее светилась, как звезда. За ними находился откос, уходящий в небо, испещренное ущельями нагромождение огромных каменных утесов, ведущих вверх, к земле листьев и воды, спрятанной за зимними равнинами Моруну.

Эту ночь они проспали на краю леса под звездами, а на следующий день спустились в лес и по сумрачным прогалинам вышли на поляну, по которой тек широкогрудый Бхавинан. Земля казалась мягкой, как подушка, и созданной для танцев эльфов. Дальний берег, находившийся в доброй полумиле от них, порос серебряными березами, изящными, как горные нимфы, их ноги-стволы сверкали в сумерках, их отражения дрожали в глубинах могучей реки. Высоко в воздухе день еще держался, слегка теплые лучи солнца еще окрашивали огромные силуэты гор, с запада, нависая над деревьями, подни-

малась молодая луна. На востоке поляны, недалеко от берега реки, находился маленький лесистый холм, не выше дома, в его плече чернела пещера.

— Тебе здесь нравится? — спросил Джусс. — Будь уверен, мы не найдем лучшего места, пока снег не растает и мы не сможем идти дальше. Хотя в этой счастливой долине царит вечное лето, в горах властвует лютая зима, и мы будем сумасшедшими, если отправимся туда раньше весны.

— Тогда, — ответил Брандох Даха, — на время превратимся в пастухов. Ты будешь играть мне на свирели, а я обходить мерки, сделанные дриадами, хотя, думаю, они никогда не ходили в школу. А Миварш станет козлоногим богом и будет охотиться на них; откровенного говоря все эти местные девчонки мне изрядно надели. О, это будет сладкая жизнь. Но прежде, чем мы решимся на нее, подумай как следует, о Джусс: время идет и мир шатается; что мы найдем в Демонландии, когда вернемся в нее летом?

— Тяжело у меня на сердце из-за брата моего, Спитфайра, — сказал Джусс. — Да, шторм зол, и задержка грозит еще большим злом.

— Прочь бесплодные сожаления, — сказал Лорд Брандох Даха. — Ради тебя и ради твоего брата отправился я в это далекое путешествие, и, как ты знаешь, никогда я не замахивался на то, что мне не по силам, и всегда добивался своего.

И стали они жить в пещере за глубокопучинным Бхавинаном, и перед этой пещерой справили святое Рождество, самый странный из всех, которые они справляли за всю свою жизнь: ведь сидели они не на высоких тронах из рубина или опала, а на мшистых берегах реки, рядом со спящими маргаритками и ползучим тимьяном; и освещал их свет, лившийся не из заколдованных карбункулов в приемном зале Гелинга, а из колеблющихся под ветром горящих палочек, стоявших не на колоннах, увенчанных капителями в виде чудных монстров, а на высоких вершинах спящих берез. И в эту волшебную летнюю ночь сидели они не под огромным золотым пологом, имитирующим небо, на котором сами собой светились драгоценные камни, а под настоящим небом, в котором великие зимние звезды — Орион, Сириус и Малый Пес — поднялись в зенит, направляясь только им известным путем в южное небо к Канопусу и странным южным звездам. И когда деревья говорили, то звучал не зимний голос трескающихся стволов, но шепот листьев и гудение жуков, носившихся в ароматном воздухе. Кусты белели от цветов, а не от изморози, и тропинки под деревьями тоже были белыми — но не от снега, а от диких лилий и анемонов, спящих в ночи.

Все лесные твари собрались на этот праздник, ибо никогда не видели они лица человека и не боялись его. Маленькие древесные обезьяны, попугаи, большие и маленькие синицы, крапивники, круглоглазые лемуры, кролики, барсуки, сони, разноцветные белки, выбравшиеся из воды бобры, аисты, вороны, дрофы и вомбаты, и даже паукообразная обезьяна с детенышем на груди: все они пришли поглазеть на странных путешественников. И не только они, но и жестокие звери лесов и диких степей: дикий буйвол, волк, тигр с чудовищными лапами, медведь, жестокоглазый носорог и сама ее величество льви-

ца, все пришли на спокойную поляну посмотреть на Демонов в свете праздничных огней.

— Похоже сегодня у нас есть лесной двор, — сказал Лорд Брандох Даха. — Очень приятно. Но ты должен быть готов вместе со мной отпугнуть некоторых из них огнем, если возникнет необходимость. Ибо скорее всего эти большие звери недостаточно искушены в дворцовом этикете.

— Если ты любишь меня, — ответил Джусс, — не делай этого. Ибо лежит заклятие на земле Бхавинана, и любой, будь то человек или зверь, убивший либо применивший насилие к кому-нибудь, в то же самое мгновение взорвется и навсегда исчезнет с лица земли. Именно поэтому я отобрал у Миварша лук и стрелы, с которыми он спустился с Омпреннской Грани, иначе он кого-нибудь убил бы для нас, и с ним случилась бы эта самая неприятность.

Миварш не слышал его слов, но сидел и дрожал, пристально глядя на крокодила, вылезшего на берег реки. И начал он кричать от ужаса: — Спасите меня! дайте мне убежать! отдайте мне мое оружие! Предсказывала же мне мудрая женщина, что в конце концов меня сожрет змея-крокодил! — Услышав его вопли, неохотно отступили звери, и крокодил, широко раскрыв свои маленькие глаза, тоже испугался неистовых криков и диких жестов Миварша, и со всей возможной скоростью бросился в воду.

И прожили Лорд Джусс, Лорд Брандох Даха и Миварш Фаз в этом месте четыре луны. Всегда хватало им еды и питья, ибо лесные звери, видя их доброе к себе отношения, приносили им свои запасы. Более того, в конце года с юга прилетела ласточка, села на грудь Джусса и сказал ему: — Великая Королева Софонисба, питомица Богов, узнала о твоём приходе. И послала она меня, чтобы передала я тебе ее приветствие, ибо знает она, что ты славен не только мощными руками, но и добрым сердцем.

И сказал Джусс: — О маленькая ласточка! Хотел бы я увидеть Королеву Софонисбу лицом к лицу и поблагодарить ее.

— Ты сможешь поблагодарить ее, — ответила ласточка, — в Коштра Белорн.

И сказал Брандох Даха: — Обязательно сделаем мы это. Именно туда направлены все наши мысли.

— Подтверди свои слова великими делами, — сказала ласточка. — Но знай, что легче покорить весь мир, чем подняться пешком на эту гору.

— Твои крылья слишком слабы, чтобы поднять меня, иначе я занял бы их, — сказал Брандох Даха.

Но ответила ему ласточка: — Даже орел, взлетающий к самому солнцу, не может спуститься на Коштра Белорн. И ничья нога не может ступить на нее, за исключением тех благословенных, кому сами Боги разрешили это сделать много лет назад и кого она терпеливо ждет все эти годы: люди, похожие на Богов величием и красотой, которые смогут пройти через ее молчаливые снега без помощи всякой магии, но только силой своих рук.

И засмеялся Брандох Даха. — Даже орел, — крикнул он, — а как же ты, маленькая пернатая штучка?

— Никто из тех, у кого есть ноги, — сказала ласточка. — У меня нет.

Лорд Брандох Даха нежно взял птичку в руку, поднял высоко в воздух и посмотрел на высокую южную страну. Березы, склонившиеся над Бхавином, казались не более грациозными, а далекие скалы гор, на которые он смотрел, не более непокорными, чем он сам. — Лети к Королеве, — сказал он, — и скажи ей, что ты говорила с Лордом Джуссом и Лордом Брандох Даха из Демонландии. И еще скажи ей, что мы — это те, кто должен придти; и что прежде, чем весна сменится летом, мы придем в Коштра Белорн, пользуясь только силой своих рук, и поблагодарим ее за любезное послание.

Наступил апрель. Солнце, двигаясь через созвездия зодиака, вышло из Овена и вошло в созвездие Тельца, снега на высоких вершинах гор начали таять, наполнив горные ручьи, а вода наполнила могучую реку, которая встала ровенью с берегами и понеслась как скаковая лошадь, и Лорд Джусс сказал: — Пришло время пересечь реку Бхавинан и отправиться в горы.

— Охотно, — ответил Брандох Даха. — Но мы перейдем ее, переплывем или, может, перелетим? Я-то много раз переплывал Громовой Залив, чтобы подхлестнуть аппетит перед завтраком, и мне все равно, с какой скоростью неслется эта река. Но упряжь, оружие и припасы — совсем другое дело.

— А разве мы не завели друзей в этих лесах? — сказал Джусс. — Крокодил перевезет нас через Бхавинан, достаточно только попросить его.

— Это плохая рыба, — сказал Миварш, — и она не любит меня.

— Тогда тебе придется потерпеть, — сказал Брандох Даха. — Но не страшись, я буду вместе с тобой. Рыба может перенести на спине нас обоих и не потонуть.

— Говорила мне мудрая женщина, — ответил Миварш, — что эти змеи станут моим наказанием. Тем не менее я сделаю, как ты хочешь.

Засвистели они, и крокодил поднялся из глубин реки. Первым переправился Лорд Джусс, и поплыл он на спине этой змеи вместе со всеми их припасами и оружием, и высадился на другой берег в ста шагах ниже по течению, ибо поток был очень силен; после чего вернулся крокодил на северный берег, посадил себе на спину Брандох Даха и Миварша Фаза, и переправил их таким же манером. Миварш, с храбрым лицом, сидел как можно ближе к хвосту, перебирая пальцами травы против змей, которые он достал из своей котомки; своими дрожащими губами он непрерывно шептал мольбы своим богам.

Высидевшись на берег, они поблагодарили крокодила, попрощались с ним и быстро пошли через лес. А Миварш, как будто только что освобожденный из тюрьмы, легким шагом бежал перед ними, напевая и щелкая пальцами.

Так они шли три и четыре дня, петляя среди лесистых холмов, а потом еще сорок дней прожили в Зиайской долине. Долина напоминала почти плоский амфитеатр, узкие известняковые утесы нависали над ней с каждой стороны. Высоко на юге, за большими серыми моренами, притаился Зиайский ледник, длинный, покрытый морщинами, как будто некий дракон, переживший

первобытный хаос, сунул свою морду в долину. И его ледяных пещер с грохотом изливалась юная река, вздымая в воздух водяную пыль, над которой в хорошую погоду трепетала многоцветная радуга. От ледника дул сильный ветер, а высокогорные цветы и кустарники впитывали свет солнца.

Здесь собрали они хорошие запасы еды. Каждое утро вставали они до рассвета солнца, уходили в горы и упражняли свое тело, готовясь идти на штурм высочайших вершин. Исходили они Тетрахнамф и Исларгин, и поднимались на их вершины; и каменистые пики более низкого Нуаннского кряжа, глядевшего на Бхавинан; и снежные пики к востоку от Исларгина: Авсек, Кьёрмсур, Мирсу и Борс Мехефазарск, самый высокий из них на всех кряжах, и еще неделю прожили на моренах Мехефазарского ледника, над высокогорной долиной Фоана; и на восток от них была доломитовая группа Бурджазархра и великая стена Шиллак.

После этих упражнений их мускулы стали походить на стальные ленты, они стали сильны как медведи и научились прыгать со скалы на скалу как горные козлы. И вот на девятый день мая пересекли они Зиайский Перевал и разбили лагерь на камнях под южной стеной Тетрахнамф нан Шарк.

Солнце, красно-красный диск на безоблачном небе, уже садилось. По бокам и спереди от них простиралась снега, голубые и молчаливые. Жесткий холодный ветер дул с высокогорных снежных полей. Линия черных утесов, находившаяся в лиге на юг, ограждала ледниковый бассейн. И над черной стеной в двенадцати милях от них, в опаловое небо вздымались Коштра Белорн и Коштра Пиврарха.

Они поужинали в гаснувшем свете дня, и Джусс сказал: — Стена, которую ты видишь, называется Барьер Эмшир. И хотя прямой путь к Коштра Пиврархе лежит через нее, мы не пойдем им — это плохой путь. Ибо, во-первых, подняться на стену невозможно, и только полубоги пробовали это.

— Я не буду ждать вторую причину, — ответил Брандох Даха. — Ты привел нас сюда, теперь настала моя очередь, так что завтра мы пойдем вместе и я покажу тебе, как превратить эти барьеры в клубы дыма, ибо стоят они между нами и нашей целью.

— Если бы это была единственная причина, — сказал Джусс, — я бы не противоречил тебе. Но не одни бесчувственные камни закрывают нам дорогу. Видишь там, на востоке, где на конец Барьеров, стоит уродливая пирамида из упавших утесов и свисающих ледников, закрывающая нам дальнейший вид на восток. Люди называют ее Менксур, но в небесах у нее другое, намного более ужасное имя: Эла Мантиссера, или, на нашем языке, Колыбель Манतिकор. О Брандох Даха, я вскарабкаюсь вместе с тобой на любые отвесные утесы, и я сражусь вместе с тобой с самыми смертоносными зверями, бегающим среди рек Тартара. Но только не с обеими одновременно, ибо это опрометчиво и просто глупо.

Но Брандох Даха засмеялся и так ответил ему: — Не кем другим считаю я тебя, о Джусс, а воробеем-верблюдом. Тем, кому говорят «Лети!», и он отве-

чает «Я не могу, ибо я верблюд»; и когда говорят ему «Неси!», он отвечает «Я не могу, ибо я птица».

— Неужели ты подначиваешь меня? — спросил Джусс.

— Да, — ответил Брандох Даха, — ибо ты упряма, как осел.

— Хочешь ссоры? — спросил Джусс.

— Ты знаешь меня, — сказал Брандох Даха.

— Ну, — сказал Джусс, — однажды твой совет оказался дельным и спас нас, но девять раз ты дал плохой совет, и мне пришлось спасти нас от плохого конца. Если с нами случится что-нибудь плохое, то только из-за твоего упрямства. — И завернулись они в плащи и уснули.

На следующее утро они встали очень рано и пошли по скрипучему снегу, за ночь ставшему чрезвычайно твердым из-за ночного мороза. Перед ними чернели Барьеры, казавшие совсем близко, не дальше броска камня. Свет звезд скрадывал размеры и расстояние, они шли и шли, не приближаясь и не удаляясь. Несколько раз спускались они в долины или поднимались на складки ледника, пока, на восходе солнца, не оказались перед гладкой пустой стеной, замерзшей и блеклой, закрывавшей им путь на юг, и не было на ней даже самой маленькой каменной полки, на которой мог бы задержаться снег.

И остановились они, поели, и стали изучать гору перед собой. И показалось им, что невозможно подняться на нее. Тем не менее стали они искать место для подъема, и в конце концов нашли небольшое возвышение на леднике, меньше чем в миле от западного плеча Эла Мантиссера. Но и здесь скала была четыре-пять сотен футов в высоту, достаточно гладкая и неприступная, но ничего лучшего не было.

Некоторое время ходили они вдоль стены, но, наконец, Брандох Даха, стоявший на плечах Джусса, не нашел маленькую полочку, невидимую снизу, и забрался на нее и с большими усилиями стал подниматься по камню вверх, пока на высоте в сто футов не нашел достаточно широкую полку, которая могла выдержать шесть или семь человек одновременно; сел он на нее, и при помощи веревки вытянул наверх сначала Лорда Джусса, а потом и Миварша Фаза. И этот короткий подъем отнял у них полтора часа.

— Северо-восточный склон Злого Столба — детская игрушка по сравнению с этим, — сказал Лорд Джусс.

— Да этот намного выше, — сказал Лорд Брандох Даха, лежавший на спине над пропастью, руки за головой, ноги свешиваются с полки. — Не говори никому, Джусс, но больше я не полезу первым на такую кручу даже за все богатство Чертландии.

— Раскаиваешься и хочешь вернуться? — спросил Джусс.

— Если ты спустишься последним, — ответил он. — Если нет, я скорее рискну посмотреть на то, что ждет нас наверху. И если дело обернется плохо, ну что ж, я закоренелый атеист.

Лорд Джусс встал и, держась за камень правой рукой, высунулся наружу и внимательно оглядел стену по сторонам и выше них. Повисев какое-то время, он вернулся назад. Его квадратные челюсти напряглись, зубы под тем-

ными усами зло сверкнули, как будто молния разорвала ночной мрак между темным морем и черным небом, ноздри раздулись, как у боевой лошади перед битвой. В глазах заметались фиолетовые молнии, тело напряглось, как тетива лука; он положил руку на рукоятку меча и с резким скрипом вытащил его из ножен.

Брандох Даха прыгнул на ноги и выхватил свой меч, дар Зелдорниуса. — Что случилось? — крикнул он. — Ты выглядишь устрашающе. Как тогда, когда ты схватил руль и направил наши корабли на запад, в Пролив Картадзе, а судьба Демонландии и всего мира зависела от тебя: победа или поражение, радость или горе.

— Здесь мало места для меча, — сказал Джусс. И опять посмотрел на восток и вверх вдоль утеса.

Брандох Даха взглянул через его плечо. Миварш взял лук и наложил стрелу на тетиву.

— Ветер доносит до нас странный запах, — сказал Брандох Даха.

Времени на размышления больше не было. Через головокружительную пропасть к ним спускалась омерзительная тварь, перемахивая с полки на полку легче, чем обезьяна прыгает с ветки на ветку. Телом она напоминала льва, но больше и выше, мутно-красного цвета, с торчащими, как у дикобраза колючками; лицо человеческое, хотя людей с такими ужасными лицами не бывает, сверкающие глаза, низкий морщинистый лоб, уши слона, на голове грязные волосы, похожие львиную гриву, огромные челюсти, из-за жестких губ торчали коричневые, запачканные кровью клыки. Прямо к полке с людьми направлялась она, и едва успели они приготовиться, чтобы встретить ее, как взметнулась она в воздух над ними и приземлилась на полку прямо между Джуссом и Брандох Даха прежде, чем поняли они, куда она стремится. Брандох Даха взмахнул мечом и одним ударом отрубил скорпионий хвост. Но ударила она лапой в плечо Джусса, оттолкнула Миварша и как лев набросилась на Брандох Даха, который, потеряв равновесие на узкой каменной полке, упал вниз с высоты сто футов прямо в снег.

Но когда остановилась она на мгновение, готовясь последовать за ним и прикончить его, Джусс ударил ее и рассек бедро на задней ноге, и срезал мясо вплоть до огромной кости, и с громким звоном меч его ударился о медные когти ее ног. С ужасным ревом повернулась она к Джуссу и встала на дыбы, как лошадь, и, стоя, была она на три головы выше самого высокого человека, а ее грудь была шире, чем у медведя. И задохнулся Лорд Джусс от ее отвратительного зловония, и затошнило его, но, укрепившись духом, ударил он тварь круговым ударом в живот, и рассек ей брюхо и вывалились наружу внутренности. И еще раз ударил он ее, но промахнулся, налетел меч на камень и разлетелся на куски. И зловонная тварь напала на него, ревя как тысяча разъярённых львов, и схватился с ней Джусс врукопашную, поднырнул под ее тело, запустил руки внутрь ее живота и вырвал все живые органы, до которых смог дотянуться. И так тесно они сплелись, что не могла она достать его своими смертоносными зубами, но вцепилась когтями в его левое колено и срезала

плоть вплоть до кости, и упала на него и придавила его к камню, ломая кости на его груди. И Джусс, несмотря на острую боль, больше страдал от ее злобного дыхания и отвратительного запаха ее крови и внутренностей, вываливавшихся на его лицо и грудь. Тем не менее, сумел он собрать все свои силы и продолжал сражаться с грязной пожирательницей людей. И ударял он своей правой рукой с зажатой в ней рукояткой меча в живот бестии, пока не нащупал сердце и на изрубил его на куски как лимон, и стал рубить большие кровеносные сосуды вокруг сердца до тех пор, пока кровь потоком не хлынула из них. И стала тварь в смертельных конвульсиях свертываться и распрямляться как гусеница, пока не свернулась калачиком и не упала с полки и не легла рядом с Брандох Даха, самое отвратительное из земных созданий бок о бок с самым прекрасным, и не запачкала своей красной кровью чистый снег. И шипы, что росли на ней сзади, втянулись внутрь, как жало только что умершего шершня, которое при жизни то втягивается внутрь, то выходит наружу. И упала она не на снег, на который, волею небес, упал Брандох Даха, но ударились головой о камень у подножия стены и вытекли ее мозги. И лежала она в собственной крови, мертвым взглядом глядя в небо.

А тем временем Джусс, как мертвый, лежал на скользкой от крови каменной полке, и начал уже сползать вниз, но спас его Миварш, схватив за ногу и оттащив в безопасное место. Страшно было глядеть на Лорда Джусса, ибо весь он был покрыт с головы до ног кровью, чужой и своей. Перевязал Миварш его раны и устроил его на утесе так удобно как только мог, а сам устался вниз, ибо хотел узнать, жив зверь или умер.

Долго глядел Миварш вниз, пока от напряжения не выступили на его глазах слезы, и все это время не шевелилась страшная бестия, и упал ничком Миварш и громко взмолился: — О Шлимфли, Шламфли и Шебамри, боги моего отца и отцов отца, смилуйте над вашим ребенком, если, как я думаю, ваша власть простирается и на эту далекую запретную страну, а не только на Чертландию, где ваши дети поклоняются вам в священных местах. Ибо я научил моих сыновей и дочерей поклоняться вашим священным именам, и сделал алтарь в моем доме, украшенный звездами, и устроил его так, как был заповедано издревле, и возложил на него моего седьмого сына и возложу седьмую дочь, в кротости и справедливости, согласно вашей священной воле; но я еще не сделал этого, ибо не удостоили вы меня чести иметь семь дочерей, но только шесть. И вашими священными именами прошу я вас увеличить силу моих рук, чтобы мог я спустить вниз на веревке своего товарища, хотя он неверующий в вас заморский дьявол, и мог я безопасно спуститься сам с этого высокого камня. О Боги моего народа, спасите его жизнь, спасите жизнь им обоим. Ибо уверен я, что если они не останутся в живых, ваше дитя никогда не вернется домой, но умрет в этой далекой земле от холода и голода, как жук, который живет всего один день.

Так молился Миварш. И, вероятно, высокие Боги пожалели его невинность, услышали его крики о помощи заморским мумбо-юмбо, ибо больше помочь было некому. Либо, быть может, решили они, что еще не пришло время

этим лордам Демонландии умирать, бесчестно и безвестно. Во всяком случае Миварш встал и быстро обвязал Лорда Джусса, позаботившись о том, чтобы узлы под мышками и на груди не были слишком тугими и не сокрушили ему ребра и грудь, и с большими усилиями опустил его к подножию утеса. Потом сам Миварш стал спускаться вниз по опасной стене, и хотя много раз он думал, что гибели не избежать, но, тем не менее, искусство скалолаза вместе с холодной необходимостью позволили ему достичь цели.

Спустившись вниз он, не откладывая дела в долгий ящик, стал лечить своих товарищей, и, тяжело стоная, пришли они в себя. Но когда Лорду Джуссу стало немного лучше, он, при помощи магии, немедленно исцелил себя и Лорда Брандох Даха, и через несколько минут они уже смогли встать на ноги, хотя были еще слабы, заторможены и их тошнило. И было тогда три часа пополудни.

Пока они отдыхали, глядя на мертвую манतिकору, плававшую в собственной крови, Джусс заговорил и сказал: — Должен я сказать тебе, о Брандох Даха, что сегодня ты совершил самое худшее и самое лучшее дело в своей жизни. Самое худшее — ты заупрямился и заставил нас подниматься по этой стене, так что едва не убил и меня и себя. Самое лучшее — отрубил хвост этой манतिकоре. Скажи, это случайность или ты действовал осознанно?

— Ну, — ответил Брандох Даха, — я еще никогда не был таким: бедный человек, руки которого трясутся, как у труса. Однако моему мечу не понравилась эта штука, которой она размахивала, и он сам занялся ею. А что в этом такого?

— В хвосте находится жало, — ответил Лорд Джусс, — даже слабый укол которого в палец убивает человека.

— Ты говоришь как по писанному, — сказал Брандох Даха. — Иначе я едва ли узнал бы в тебе моего благородного друга, ибо ты так выпачкался в крови, как буйвол в грязи. Не сердись на меня, если я встану с подветренной стороны от тебя.

Джусс рассмеялся. — Не будь таким изнеженным, — сказал он, — а пойди к зверю и сам вымажись кровью его потрохов. Я не шучу — это необходимо. Манतिकоры — враги не только рода человеческого, но и своего собственного: каждая ходит сама по себе, до смерти ненавидя любую другую, и для них во всем мире нет более ненавистной вещи, чем кровь их собственного рода, и один только запах ее заставит их держаться от нас подальше, как сумасшедшая собака держится подальше от воды. И это очень прилипчивый запах. Я уверен, что после этой встречи мы будем в полной безопасности от них.

Этой ночью они разбили лагерь у подножия Авсека, а с рассветом отправились по долине на восток. Весь день они слышали рычание манतिकор с безлюдных склонов Эла Мантиссера, казавшейся теперь не пирамидой, а, скорее, длинной загородкой, южным крепостным валом долины. Идти было трудно, а они были еще слабы. День почти закончился, когда, обогнув восточные склоны Элы, пришли они туда, где белая вода реки, вдоль которой они шли, сталкивались с черной грохочущей водой потока, впадавшей в нее с юго-

запада. Ниже по течению река бежала на восток по широкой, заросшей деревьями долине. На голом камне развилки неожиданно стоял высокий зеленый холм, как памятник более приятного климата, когда-то царившего здесь.

— Вот видишь, — сказал Джусс, — мой сон идет вместе со мной. И хотя кажется безумием пересекать реку, разделяющуюся на дюжину протоков, прямо над Развилкой, тем не менее это единственное подходящее место. — И прежде, чем свет дня окончательно угас, они пересекли опасный поток прямо над водопадом, и этой ночью спали на зеленом холме.

Джусс назвал холм Сад Дрозда, по имени птицы, которая разбудила их на следующее утро, распевая сладкие песни на чахлом горном кустарнике, росшем среди камней. Странно звучала эта песня на холодном каменном склоне, под кошмарными склонами Эла Мантиссера, совсем близко к границам зачарованных снегов, стерегущих Коштра Белорн.

Но ушли они от Сада Дрозда и долго не видели высоких гор, пока поднимались по долине черной реки, вдоль которой лежал их путь. Вздрыбленные отроги и высокие утесы заслоняли величественные вершины. По высокому левому берегу реки шли они, сражаясь с ветром, прыгавшим и крутившимся между скалами, и почти оглохли от непрерывного рева воды, а в глазах стояли брызги, которые приносил порывы ветра. И Миварш молча шел следом за ними. И сами они молчали, ибо труден был путь вверх, а при таком ветре и реве потока надо очень громко кричать, чтобы тебя услышали. Унылой, мрачной и внушающей ужас казалась эта долина, и можно было подумать, что идут они по адской долине Пирофлегетона или Ахерона. Ни одной живой души не видели они, и только изредка высоко над ними пролетал орел на крыльях ветра, и однажды страшная тварь выскочила из пещеры в склоне горы. Постояла она, глядя на них сверкающими кровавыми глазами, большими как тарелки, блестящими на лживом человеческом лице; почувяла кровь своего рода, испугалась и исчезла среди утесов.

Так они и шли еще три часа, и, обогнув плечо холма, внезапно очутились в дальнем конце долины, и остановились, глядя через скалистые ворота на замечательное горное плато. И здесь предстало перед ними величественное зрелище, которое безуспешно пытались описать в своих песнях и рассказах лучшие земные барды. Ибо, обрамленная утесами и покрытая сверху голубым небом, стояла перед ними Коштра Пиврарха. Так огромна она была, что даже на расстоянии в шесть миль глаз не мог охватить ее полностью, но должен был метаться взад и вперед над обширным ландшафтом от громоздких корней горы, торчавших из-под ледников, к обширному отвесному склону-лицу, где одна скала подпирала другую, башня громоздилась на башню, ослепительно сияли ледяные трещины и наполненные снегом овраги, и дальше, к одиноким вершинам, где похожие на копыта белые зубы вершин кряжа грозили расколоть высокое небо. И заполняла эта гора четверть неба, от изящного пика Эйлинон на западном плече, до снежных склонов Джалчи на востоке, скрывавших за собой Коштра Белорн.

Этим вечером они разбили лагерь на левой морене великого ледника Темарм. От шпилей кряжа тянулись на восток длинные паукообразные ленты облаков, тонкие, дамская вуаль — знак ветреной погоды, царившей наверху.

— Воздух стеклянно-прозрачен, — сказал Джусс. — Это предсказывает плохую погоду.

— Ну время нас подождет, если понадобится, — сказал Брандох Доха. — Как только я увидел эти ледяные рога, на меня нахлынуло такое могучее желание, что я точно умру, если не вскарабкаюсь туда. Но ради тебя, о Джусс, я совершу чудо. Ибо ты стремишься в Коштра Белорн, и, я уверен, намного легче пройти по снеговым полям Джалчи и обогнуть восточные утесы, чем штурмовать Коштра Пиврарху.

— Именно ее я видел в Чертландии, — сказал Джусс. — «Остерегайся высокой жены». Но эта местность заколдована: никто не может подняться на Коштра Белорн, если не увидит ее сверху; так что он либо найдет свою смерть, либо исполнит свое заветное желание. И только с одной единственной точки земли можно посмотреть вниз на Коштра Белорн. Взгляни вон туда, на ледяные зубы, на которых играют последние лучи солнца. Это и есть самая высшая точка нашей земли.

Помолчали они минуту. Потом Джусс заговорил и сказал: — Ты всегда был самым величайшим среди нас говоровосхителем. Какой путь избрал бы ты для подъёма?

— О Джусс, — сказал Брандох Даха, — ты повелитель льдов и снегов. И я охотно приму любой твой план. Но, для моего собственного удовольствия, я бы поднялся в щель между двумя горами, и потом повернул бы на запад, к восточному кряжу Пиврархи.

— На глаз это самый опасный подъём, — сказал Джусс, — и, вероятно, самый великий, и по двум причинам поддерживаю я твой выбор. Эта щель именуется Врата Зимиамвии. Она, и также ледник, который проходит через нее, находится под тем самым заклятием, о котором я говорил тебе. Верная смерть ждет нас, если не взглянем мы наверху вниз на Коштра Белорн; но если добьемся мы успеха, то окажемся неподвластны заклинию, и с этого момента от нас потребуются только наша сила, умение и высокое сердце, дабы свершить то, что мы желаем.

— Тогда жди нас, великая северная скала! — крикнул Брандох Даха. — Ты не увидишь, как мы карабкаемся на тебя, пока мы не заберемся вон на те высочайшие зубы, посмотрим на тебя сверху вниз и подчиним своей воле.

Пожинали они и уснули. Но всю долгую ночь ветер кричал среди утесов, а на утро дождь со снегом заволокли горы. Весь день бушевал ураган, и в краткое мгновение затишья свернули они лагерь и спустились назад, в Сад Дрозда, и там провели девять дней и девять ночей под ветром, дождем и градом.

Только на десятый день закончилась буря, и они опять пересекли ледник и разбили лагерь в каменной пещере у подножия великой Коштра Пиврархи. На рассвете Джусс и Брандох Даха вышли наружу и осмотрели

окрестности. Пересекли они устье крутой и забитой снегом долины, которая поднималась к основному кряжу между Ашниланом на западе и Коштра Пиврархой на востоке, обогнули подножье Эйлинона и вскарабкались с запада в снежную седловину высотой в три тысячи футов, откуда можно было увидеть всю гору и наметить путь для подъёма.

— Два дня пути до вершины, — сказал Лорд Брандох Даха. — Ночь на кряже — опасное дело, можно замерзнуть насмерть; других препятствий я не боюсь. Вон то черное ребро, которое поднимается на высоту полмили над нашим лагерем, приведет нас на гребень скалы, нависающей над той большой башней на севере. Если камни там такие же, как и те, на которых мы разбили лагерь — твердые как алмаз и шершавые как губка — они не сломаются под нами, если мы будем аккуратно обращаться с ними. В жизни не видел более пригодных камней для подъёма на гору.

— Хорошо, а дальше? — спросил Джусс.

— Вверх, — сказал Брандох Даха. — Я поведу тебя как повозку, пока мы не дойдем до первого большого кармана на кряже. Его нам придется обойти, иначе мы никогда не пойдем дальше, и отсюда все выглядит достаточно скверно, ибо камни торчат наружу. А если они еще и покрыты льдом, то да, это будет работа. Но кроме этого я не в состоянии ничего предсказать, о Джусс, ибо я не вижу больше ничего определенного, кроме того, что на кряже полным полно щелей и шпилей. Как мы сможем преодолеть их — загадка. Слишком высоко и слишком далеко. Но одно ясно: мы всегда проходили там, где хотели пройти. Мы и так пересекли весь мир, и если на это кряж есть хоть какой-нибудь путь, мы найдем его и поднимемся по нему.

На следующий день, как только небеса слегка посерели, они встали, все трое, и пошли на юг по скрипящему снегу. Потом они связались веревкой у подножия ледника, спускавшего с седловины, находившей в пяти тысяч футах над ними, оттуда, где основной кряж понижался между Ашниланом и Коштра Пиврархой. Свет утра еще не поглотил блестящие звезды, а они уже шли через лабиринт башен и трещин ледопада. Вскоре свет нового дня заплескался на снежных полях великого ледника Темарм, окрасив его зелёными, шафрановыми и бледно розовыми тонами. Снега Исларгина сверкали далеко на севере, по правую руку от белого купола Эмшира. Эла Мантиссера закрывала вид на северо-восток. Огромный утес, закрывавший их долину с востока, отбрасывал тень, синюю, как летнее море. По другую сторону вверх поднимались пики-близнецы Эйлинон и Эшнилан, теплые лучи прогнали замерзшую ночную тишину и, временами, раздавался рокот лавин и рев камнепадов.

На ледопаде впереди шел Джусс, осторожно ведя их среди высоких торо-росов, по каждую сторону от которых лежали бездонные трещины, иногда по самому краю пропастей, иногда вдоль подножия ледовых башен. Эти башни, в пять ростов человека, некоторые квадратные, некоторые пирамидальные, некоторые разрушенные или громоздящие друг на друга, нависали над дорогой, в любой момент готовые упасть на отважных восходителей и навсегда за-

бросить их кости в сине-зеленые тайники из мороза и тишины, туда, где ледяные корабли звенели пустотой под рукой Джусса, пробивавшегося вперед и резавшего ступеньки топором Миварша. Наконец подъём стал более пологий и они вышли на гладкую поверхность ледника, по ледяному мосту перешли огромную щель между ледником и склоном горы, и за два часа до полудня вступили на каменное ребро, которое видели из Эйлинона.

Теперь впереди пошел Брандох Даха. Они поднимались лицом к утесу, медленно и без остановок, ибо прочными, хотя и маленькими были немногочисленные полки, прилепившиеся к крутому обрыву. Время от времени попадались расщелины, уходившие наверх, но в основном приходилось подниматься по открытому обрыву, путь, требовавший большой силы и выносливости, и мало кто мог бы выдержать его даже непродолжительное время, а перед ними была стена в три тысячи футов. И, тем не менее, к полудню достигли они гребня и упали на камень, слишком слабые, чтобы говорить, и посмотрели на покрытое следами лавин лицо Коштра Пиввархи, окруженное карнизом, заканчивавшимся напротив западных пропастей Коштра Белорн.

Кряж, на который они поднялись, был достаточно широк и довольно ровен. Потом он, очень резко, суживался до ширины спины лошади, и прыгал вверх на две тысячи футов или больше. Брандох Даха вышел вперед и взобрался по откосу на несколько футов. Откос выпятился над ним, гладкий, без малейших зацепок. Он попробовал еще раз, и еще, а потом соскользнул вниз со словами: — Только с крыльями.

Тогда он пошел влево. Здесь над утесом нависал ледник, и, пока он смотрел, вниз, с ревом, сорвалась ледяная лавина. Тогда пошел он направо, и здесь скользкие каменные полки были забиты битым гнилым камнем, скользким от снега и льда. Пройдя несколько футов, он вернулся обратно. — О Джусс, — сказал он, — если мы пойдем вперед, то нам придется летать, ибо на стене не за что схватиться; либо пойдем влево, с риском попасть под лавину; либо на запад, где все сгнило, а руки и ноги так скользят, что легко упасть в пропасть. Куда?

Какое-то время они совещались, и в конце концов решили идти на восток. Первый же шаг вокруг выступающего угла башни оказался очень опасен, ибо только маленькая полка была там, и не было под ней ничего, кроме воздуха, так что если камень либо человек упал бы с нее, пролетел бы он три или четыре тысячи футов до ледника Коштра и там разбился бы на куски. Зато дальше находились широкие выступы, по которым можно было пройти вдоль стены каменной башни, изогнутой внутрь и смотревшей на юг. Далеко наверху из голубого льда обломанного конца ледника выступали трещины, ослепительно белые в свете солнца, а сосульки, больше головы человека, свисали с каждой полки: божественно прекрасное зрелище, которое, однако, мало радовало их, и они поспешили как можно скорее выйти из под этого покрытого снегом опасного лица утеса.

Внезапно высоко над ними раздался треск, как если бы ударил огромный бич, и, взглянув наверх, они увидели темную массу, раскрывшуюся как

цветок на фоне ясного неба, и расколовшуюся на сотни частей. Демоны и Миварш прижались к утесам, но это почти не защитило их. Воздух наполнился свистом падающих камней, которые бросались вниз как дьяволы, возвращавшиеся в ад, с треском они ударялись об утесы и разбивались на куски. Эхо запрыгало от утеса к утесу, отражаясь и возвращаясь, и, казалось, сами корни гор содрогнулись под ударами бича. Когда все кончилось, Миварш застонал от боли в левом запястье, пораненном камнем. Остальные остались невредимы.

— Назад, — сказал Джусс Лорду Брандох Даха. — Хотя я знаю, что тебе это не по душе.

Вернулись они обратно, и немедленно сошла лавина, которая должна была уничтожить их, если бы они пошли дальше. — Ты неправильно судишь обо мне, — сказал Брандох Даха, улыбаясь. — Поставь меня в положение, в котором моя жизнь зависит от силы моей руки; тогда опасность — еда и питье для меня, и ничто не заставит меня повернуть. Но здесь, на этом проклятом утесе, на полках, где нас может покалечить в любое мгновение, мы игрушки других сил. И откровенно глупо оставаться здесь лишнее мгновение.

— Нам осталось два пути, — сказал Джусс. — Повернуть обратно, и навсегда покрыть свое имя позором; либо попытаться пойти на запад.

— И это будет гибелью для любого, за исключением меня и тебя, — сказал Брандох Даха. — Ну, а если мы сами погибнем, что ж, тогда, наконец, крепко заснем.

— Миварш, — сказал Джусс, — это не твое приключение. Ты храбро поддержал нас и стал нашим другом. Тем не менее сейчас я не знаю, что безопаснее: остаться тебе здесь одному, либо идти с нами по этому очень опасному проходу.

Но Миварш только сурово поглядел на него. Не произнеся ни слова он кивнул головой, как если бы хотел сказать: «Вперед».

— Тогда, в первую очередь, я должен тебя вылечить, — сказал Джусс и перевязал запястье Миварша. И поскольку день уже клонился к вечеру, заночевали они под большой башней, надеясь завтра достичь вершины Коштра Пиввархи, которая, невидимая, стояла в шести тысячах футах над ними.

На следующее утро, когда стало достаточно светло, они опять начали подниматься. Два часа занял переход, и не было ни одного мгновения, когда их жизнь не была бы в опасности. На этот раз они не связались веревкой, ибо поскользнувшись на этих мокрых камнях один человек мог увлечь за собой в пропасть дюжину. Края кряжа были скошены наружу и усеяны битым камнем и липкой грязью, мягкий красноватый камень ломался, едва его касалась рука человека и летел на ледник вниз. Вверх, вниз, шаг вперед, вниз, вниз, вверх, вперед, вот так они шли, шаг за шагом, вокруг подножия огромной башни, и, наконец, вышли к гниющей трещине, которая вела наверх, достаточно безопасно.

Пока они поднимались, белые тонкие облака, утром окружавшие высокие зубцы Эйлинона, собрались в огромную черную массу, которая заволокла

все горы на западе. Огромные полосы облаков взлетали из бездны под ними, объединялись и колыхались, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, как море, волнуемое прибоем. И вот, наконец, они поднялись на высокий кряж, где стояли Демоны, и окутали их в туманном плащом, в холодных складках которого гулял ветер, и темнота поглотила полдень. И остановились они, ибо не видели камня перед собой. Ветер неистовствовал, крича между расколотыми башнями. Пошел снег, и засыпал кряж. Облако поднималось и опять опускалось, как большая птица, накрывшая их могучими крыльями. Из его недр ударила молния, осветив мир над и под собой. За молнией последовал гром, послав раскатистое эхо кружиться между далекими утесами. Их оружие, лежавшее на снегу, внезапно охватило голубое пламя; Лорд Джусс посоветовал отложить его в сторону, чтобы не пораниться. Скорчившись в снежной яме между камней на высоком кряже Коштра Пиврархи, Лорд Джусс, Лорд Брандох Даха и Миварш Фаз провели там ночь ужаса. Но даже о приходе ночи не узнали они, ибо шторм принес тьму задолго до захода солнца. Слепящий снег, дождь, гром, молния и дикий ветер, ревавший среди расщелин с такой силой, что, казалось, сотрясал саму гору, не давали им заснуть. Они почти замерзли, и уже не желали ничего другого, кроме смерти, которая прекратит этот дьявольский хоровод.

День принес блеклый серый свет, и буря прекратилась. Джусс встал на ноги, слабый, не способный сказать ни слова. Зато Миварш Фаз заговорил и сказал: — Вы-то дьяволы, но я поражаюсь сам себе. Ибо всю мою жизнь прожил я в снежных горах, и знал многих из тех, кто ночевал на снегу во время непогоды. И не было ни одного из них, кто не погиб бы от холода. Конечно, я говорю о тех, кого нашли. Очень многих вообще не нашли, ибо духи сожрали их.

Но громко засмеялся Лорд Брандох Даха и сказал: — О Миварш, боюсь я, что нашел в тебе отчаянного парня. Джусс, посмотри на него, на его смелость и выносливость, посмотри, насколько он привычен к морозу или жаре, и насколько он превосходит в этом меня, как я превосхожу тебя. И все-таки он самый усталый среди нас троих. Хочешь знать почему? Я скажу тебе: всю ночь он сражался с холодом, согревая не только себя, но и меня и тебя, спасая нас от укусов мороза. Будь уверен, только он, и никто другой, спас твое худое тело.

Постепенно туман поредел, и они смогли увидеть простирившийся перед ними кряж на сотню шагов вперед, и каждая остроконечная башня казалась призрачной и нереальной, а следующая еще призрачнее. И через туман казались эти башни гигантскими, похожими на величественные горные пики.

Связались они веревкой и пошли дальше, взбираясь на башни или обходя их, то с одной стороны, то с другой; иногда стояли они на каменных зубах, торчавших из моря тумана, которые, казалось, прорезывали всю землю; иногда спускались в глубокие трещины, на дальней стороне которых вздымались белые стены, а слева и справа зиял пустой воздух. И камни были твердыми и хорошими, как те, по которым они впервые начали взбираться от ледни-

ка. Но медленно они шли и с трудом, ибо опасно-скользким был новый снег, налипший на утесы.

Наступил день, тихий и безветренный и они, наконец, дошли до стены из твердого льда, отвесно вставшей перед ними как край меча. Насколько можно было видеть, ее восточная сторона, почти отвесная, заканчивалась белой пропастью без единого черного каменного пятна. Западный склон, однако, оказался менее крутым, язык белого замерзшего снега уходил вверх и пропал в облаках.

Брандох Даха встал на последний каменный зуб, находивший у подножия ледяного кряжа. — Остальное твое, — крикнул он Лорду Джуссу. — Я не хочу ничего другого, как идти за тобой, ибо это твоя гора.

— Без тебя я бы никогда не поднялся сюда, — ответил Джусс, — и не пристало мне лишать тебя чести встать первым на вершину, ибо этот подъем — главным образом твоя заслуга. Иди впереди.

— Я не пойду, — сказал Лорд Брандох Даха, — ибо эта честь пристала только тебе.

И пошел Лорд Джусс впереди, вырубая топором большие ступеньки на спинном хребте западной стороны кряжа, а Лорд Брандох Даха и Миварш Фаз шли за ним по этим ступенькам.

Постепенно в невидимых пространствах неба поднялся ветер, и разорвал прогнивший занавес тумана. Копья солнечного света ударили по расщелинам. Далекие солнечные земли замерцали в невообразимых глубинах юга, видные через гребень огромной стены, стоявшей за пропастью: экран из черных каменных столпов, изборожденный тысячами сверкающих снежных впадин и увенчанный, как башнями, рядами пиков, диких и жестоких, заставлявших глаза слезиться от своего блеска — изящные шпили верхнего кряжа Коштра Пиввархи. Вершины, которые Демоны так долго видели высоко в небе, ныне лежали у их ног. Только тот пик, на который они взбирались сейчас, еще поднимался над ними с северо-востока: ясно видимый в свете дня, с обнаженными нависавшими утесами и снежным карнизом. Заметив его положение, Джусс продолжил вырезать ступеньки, и через полчаса, пробившись через облака, встал на вершине остроконой башни, глядя сверху вниз на всю землю.

Они спустились вниз на несколько футов по южной стороне и уселись на камни. Усеянное островами прекрасное озеро лежало далеко внизу, спрятанное между лесистыми и каменистыми холмами у подножия глубоко прорезавшей горы долины, бежавшей вниз от Врат Зимиамвии. Эйлинон и Эшнилан поднимались недалеко на западе, между ними был виден изящный белый Акра Гарш. За ними шли горы, одна за другой, бесконечные, как море.

Джусс взглянул на юг, где голубая туманная земля волна за волной убегала вдаль, пока не сливалась с небом. — Ты и я, — сказал он, — первые из сынов человеческих, глаза которых видят легендарную Зимиамвию. Как ты думаешь, правда ли то, что говорят об этой счастливой стране философы: ника-

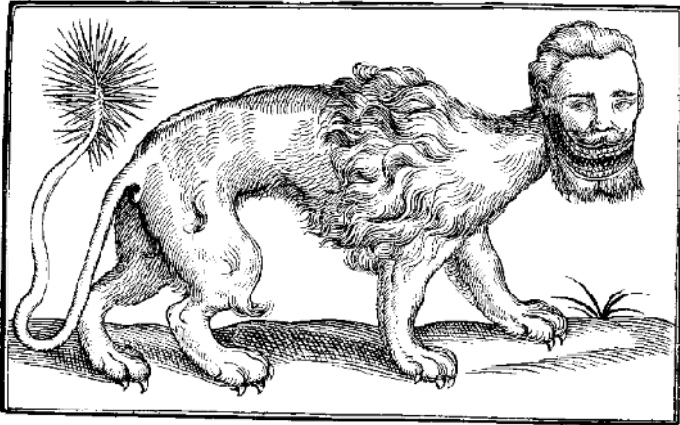
кая нога смертного не может ступить на нее, но живут там только благословенные души, унесенные смертью, души тех великих людей которые при жизни свершали великие подвиги, не призирали землю, удовольствия и славу, всегда поступали справедливо и не были ни трусами, ни угнетателями?

— Кто знает? — ответил Брандох Даха, положив подбородок на руку и глядя на юг, как на оживший сон. — Кто может сказать, что он знает?

Какое-то время они молчали. Потом Джусс заговорил и сказал: — О мой друг, если ты и я спустимся туда, вспомним ли мы Демонландию? — И когда тот ответил, что нет, Джусс сказал: — Я скорее хотел бы грести по Лунной Заводе под звездами летней ночи, чем быть Королем Зимиямвии. И я скорее хотел бы наблюдать восход солнца на Скарфе, чем прожить в покое всю оставшуюся жизнь на острове посреди зачарованного озера Равари под Коштра Белорн.

Облачный занавес, висевший над восточными высотами, разлетелся на куски, и перед ними, как невеста, предстала Коштра Белорн, в двух-трех милях на восток, освещенная лучами садящегося солнца. Ни один камень не чернел на ее обширных склонах, все они были покрыты ослепляющим снежным полотном. Чем дальше глядели они на нее, тем более прекрасной, грациозной и могущественной представлялась она им. И встали Джусс и Брандох Даха, как встает человек, приветствуя величественную королеву. И несколько минут в молчании глядели на нее.

Потом Брандох Даха заговорил и сказал: — О Джусс, взгляни на твою невесту.

XIII. КОШТРА БЕЛОРН

*КАК ЛОРД ДЖУСС ИСПОЛНИЛ ПРИКАЗАНИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ ИМ ВО СНЕ,
И ВОПРОСИЛ КОШТРА БЕЛОРН; И ЧТО ЗА ОТВЕТ ОН ПОЛУЧИЛ*

Благодаря благосклонности Богов они спокойно проспали всю ночь в снежной пещере под высочайшими утесами Коштра Пиввархи. Настало чистое как лилия утро, цвета шафрана, запачканное серыми полосами тумана, протянувшимися с севера. Великие пики, как острова, поднимались из облачного моря, над которым шло пламенеющее солнце, шар красно-золотого огня. За час до того, как оно показало миру свое лицо, Демоны и Миварш связались веревкой и пошли на восток. Плох был гребень огромного северного столпа, по которому они взобрались на гору, но в семь раз хуже был восточный гребень, ведущий к Коштра Белорн. Намного уже, обрамленный более глубокими пропастями, с более глубокими трещинами, слишком опасными и слишком внезапно меняющими твердый камень на скользкий и гнилой; наполненный качающимися валунами, висевшими вверху на ненадежных снеговых подушках, и окруженный гладкими, как крепостная стена скалами, без единой зацепки. Не удивительно, что им понадобилось тринадцать часов, чтобы спуститься по нему вниз. Солнце уже перекаатилось на запад, когда они, наконец, достигли замерзшего края, острого как серп и похожего на тот, который был в Вратах Зимиамвии. Устали они и лишились веревки, ибо невозможно было спуститься вниз с последней большой башни, не оставив веревки, надежно привязанной наверху. Жестокий северо-восточный ветер дул на крыже весь день, принеся на своих крыльях снежную бурю. Закаменели от холода их пальцы, и заледенели бороды Лорда Брандох Даха и Миварша Фаза.

Слишком усталые, чтобы останавливаться, они решили идти дальше, и Джусс шел впереди. Много сотен шагов вдоль ледяного края, и только когда солнце почти село, остановились они на вержение камня от утесов Коштра Белорн. Начиная с полудня лавины беспрестанно грохотали по этим утесам. Сейчас, холодным вечером, наступила тишина. Ветер прекратился. На бездонном синем небе не было ни облачка. Последние лучи солнца ударялись об обширные белые склоны, окрашивая в розовое полки и замерзшие шпильи, а каждая тень превратилась в зеленый изумруд. Тень самой великой Коштра Белорн протянулась через нижние склоны в сторону Зимиамвии. И край этой тени отделял мертвых от живых.

— О чем ты думаешь? — спросил Джусс у Брандох Даха, который стоял, опираясь на меч, и задумчиво разглядывал великолепное зрелище.

— Всё это как в твоём сне, — ответил Брандох Даха, — но, скорее всего, это ловушка, как будто Король специально послал нас сюда, искушая мечтой и надеясь, что мы не вернемся. По меньшей мере отсюда я не вижу никакого пути на Коштра Белорн.

— А как же маленькая ласточка, — возразил Джусс, — которая, пока мы были в пути, прилетела с юга с таким любезным посланием?

— Если это не был какой-нибудь дьявол, — сказал Брандох Даха.

— Я не поверну, — ответил Джусс. — Но ты можешь не идти со мной. — И он повернулся назад и взглянул на замерзшие утесы.

— Не повернешь? — спросил Брандох Даха. — Тогда только со мной. И, прошу, не зли меня, так низко истолковывая мои слова. И не будь слишком беспечен: пусть твой топор всегда будет готов, как и мой меч, для более приятной работы, чем вырубание ступенек. И если ты надеешься взобраться по этой стене без нас, вот тогда, действительно, колдовство Короля подействовало и ты убьешь сам себя.

Солнце село. Крылья ночи, поднявшейся с востока, окрасили бездонные глубины неба в глубоко синие тона; повсюду мерцали едва видимые, расплывающиеся точки света: великие звезды поднимали веки и глядели на собирающуюся тьму. Мгла поднималась всё выше, накрывая нижние долины как поднимающийся прилив. Мороз и тишина ожидали вечной ночи, чтобы вновь воцариться над землей. Одинокие утесы Коштра Белорн стояли в торжественном молчании, смертельно-бледные на фоне неба.

Джусс шагнул к Брандох Даха и положил руку к нему на плечо. — Успокойся, — сказал он, — и погляди на это чудо. — Что-то виднелось на лице гор со стороны Зимиамвии, как если бы какие-то остатки света плясали среди утесом и замерзших снежных занавесов. Тьма стала глубже, зарево усилилось и расширилось, наполнив щель, которая шла прямо в гору.

— Это из-за нас, — тихо сказал Джусс. — Она зажгла огонь и ждет нас.

Стояла полная тишина, нарушаемая только их дыханием и ударами топора Джусса, ломти снега беззвучно падали вниз, пока он прокладывал путь по кряжу. И чем большая тьма охватывала землю, тем более ярко светился странный свет над ними. Опасно было взбираться на высоту пятьдесят футов от кряжа, без веревки, едва видимым путем; каждый камень заледенел и скользил, и каждая полка утопала в снегу. Тем не менее поднялись они по крутой узкой расселине туда, где расширялась она и начинался удивительный свет. Здесь уже могли идти двое в ряд, и Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха вынули оружие и вместе вошли в широкий освещенный вход в пещеру. Миварш хотел бы окликнуть их, но не было у него слов и пошел он за ними, как преданный пёс.

Какое-то время дно пещеры поднималось, потом стало полого углубляться в гору. Холодный воздух казался теплым после мороза снаружи. Красно-розовые свет тепло лился со стен и дна прохода, но невозможно было сказать, откуда он берется. Над головой виднелись странные фигуры: быкоголовые люди, олени с человеческими лицами, мамонты, плывущие бегемоты — большие расплывчатые тела, вырезанные в нетронутой скале. Много часов Джусс и его друзья шли по петляющему проходу, ведущему вниз, к корням горы, и давно не знали, где юг, а где север. Мало помалу свет начал гаснуть, и через пару часов они уже шли в темноте, хотя и не полной: как если бы они были в беззвездной ночи, в которой задержались долгие сумерки. Теперь они шли медленно, опасаясь ям и ловушек.

Через какое-то время Джусс остановился и понюхал воздух. — Я чувствую свежескошенное сено, — сказал он, — и запах цветов. Это моя фантазия, или ты тоже чувствуешь их?

— Я почуял их полчаса назад, — ответил Брандох Даха. — И еще я заметил, что проход стал шире, а потолок — выше.

— Это великое чудо, — сказал Лорд Джусс.

Осторожно пошли они дальше, и проход стал почти ровным, исчезли камни и песок, и появилась мягкая земля. Они наклонились и коснулись земли, поросшей травой, и ночная роса покрывала траву, и повсюду росли спящие маргаритки. В ночи звенел ручей. Пересекли они луг и шли до тех пор, пока оказались перед чем-то большим и темным, нависшим над их головами. Поняли они, что это стена, такая высокая, что верхушка ее терялась в темноте. И открыты были ее ворота. Пересекли они порог и вошли на мощный двор, звеневший под их ногами. Перед ними была лестница, которая вела к двухстворчатым дверям под нарядной аркой. Лорд Брандох Даха почувствовал, как Миварш схватился за его рукав. Зубы маленького человека стучали от ужаса. Брандох Даха улыбнулся и положил руку ему на плечо. Джусс поставил ногу на первую ступеньку.

В то же самое мгновение зазвучала музыка, но невозможно было догадаться, какие инструменты исполняют её. Громкие грохочущие аккорды, похожие на рев зовущих в битву труб, сначала высокие, потом низкие, задрожали и, постепенно, прекратились; и опять громкий призыв, бросающий вызов. В темноте робко зазвучали новые голоса, потом они поднялись к страстным трепещущим жалобам, ветер унес их прочь, и от них не осталось ничего, кроме приглушенных раскатов грома, длинных, низких, спокойных, но угрожающе злых. А потом из темноты вступления вырвалась могучая мелодия: три тяжелых удара, как буруны, ударяющие по пустынному берегу; пауза; опять удары; скрежещущая пауза; шум крыльев, как будто Фурии вырвались из ада и летят, страшные в своей неторопливости; потом дикий взлет вверх и опять падение; адский беспорядок, горящие змеи мечутся по ночному небу. Потом внезапный далекий голос, нежная мелодия, долгая и чистая, как сияние низкого солнца, пронзающее облака пыли над полем боя. Но все это было только интерлюдией к ужасу основной темы, которая шумно вырвалась из глубины, поднялась к адской ярости и внезапно умерла. За ней последовала величественная и спокойная мелодия, рожденная предыдущим ужасом и опять приведшая к нему: битва множества голосов и, наконец, тройной удар, прогремевший с новой силой, железной палицей сокрушивший радость и наслаждение, превративший в руины сами корни жизни. Но на самом подъеме ярости и гнева, во время главного удара эта великая сила, казалось, сама задрожала от страха. Громовые удары стали слабее, грохот ослаб, огромное тело все побеждающего насилия стало успокаиваться, съёживаться, рушиться и, наконец, бесславно исчезло. Тишина.

Как люди, ввавшие в экстаз, слушали лорды Демонландии последние ноты великих печальных аккордов, как будто вместе с музыкой наружу

выплеснулось сердце ярости, выплеснулось, и сломалось. Но это был еще не конец. Холодная и целомудренная, как посвятившая себя богам девственница, с ясными глазами, видящими только высокое небо, из могилы ужаса поднялась спокойная мелодия. Слабой и маленькой казалась она после предшествовавшего буйства, как первая весенняя почка, появившаяся после губительного царствования холода и снега. Тем не менее развилась она и окрепла, набрала силу и красоту. И, внезапно, раскрылись двухстворчатые двери, и хлынул оттуда поток света прямо на лестницу.

Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха стояли у сияющего портала и ждали, как человек ждет восхода звезды. И вот, через какое-то время, узрели они ее, Королеву, действительно похожую на звезду или на восходящую полную луну, и увенчанную диадемой, рассыпавшей вокруг яркие розовые лучи и сделанной из маленьких облаков, которые казались украденными у горного заката. Одиноко стояла она под высоким портиком в виде мистического крылатого льва, вырезанным из сияющего и черного как агат камня. Юной казалась она, как тот, кто уже попрощался с детством, с серьезными полными губами, серьезными черными глазами и волосами цвета ночи. Две маленьких ласточки сидели на ее плечах, еще дюжина носилась в воздухе над головой, настолько быстро трепеща крыльями, что глаз не успевал уследить за ними. Тем временем нежная и простая мелодия поднималась с одной высоты на другую, пока на мгновение не вспыхнула всеми летними кострами, в которых горят жестокие угольки заговоров во имя любви и красоты. И в этот момент, прежде чем умереть, музыка принесла Джуссу всё великолепие гор, огни заката над Коштра Белорн, первый благоговейный взгляд на священные вершины из Морна Моруны; и над всем этим, как будто дух музыки решил показаться глазу смертного, образ благословенно-прекрасной юной Королевы. Ее серьезный ясный лоб внушал уважение и, одновременно, сладкие ожидания: всякая черточка и всякая линия ее прекрасного девственного тела казалась изысканной, как горящий изнутри божественным огнем редчайший цветок, перед лицом которого бессильны слова и песни, и которого человек может только боготворить, задохнувшись от восхищения и удивления.

Она заговорила, как будто зазвенел хрустальный колокольчик: — Возблагодарите священных Богов и вознесите им свои молитвы. Ибо прошли долгие годы, и в назначенный час исполнилось предначертанное ими. Вы те, кто должен был придти.

И, конечно, великие лорды Демонландии стояли перед ней как маленькие мальчишки. Она заговорила опять: — Не вы ли Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха, пришедшие ко мне через Коштра Белорн, путем, заповеданным всем другим смертным?

И ответил ей Лорд Джусс за них обоих: — Конечно, Королева Софонисба, мы те, кого ты назвала.

И привела Королева их во дворец, в тот огромный зал, где стоял ее трон. Колонны зала походили на высокие башни, а вдоль стен шли галереи, одна над другой, поднимаясь все выше и выше, пока взгляд мог видеть их,

освещенных мягким светом ламп, стоявших на столах и полу. Стены и колонны были вырезаны из мрачного не отполированного камня, и на стенах были нарисованы странные картины: львы, драконы, водяные лошади, ширококрылые орлы, слоны, лебеди, единороги и многие другие, блиставшие свежими светящимися красками. Все звери были гигантского, не виданного глазом человека размера, как будто это зал был убежищем, маленьким живым и светлым местом, в котором можно было укрыться от кипящей снаружи неведомой жизни.

Королева села на трон, сиявший как волнуемая ветром речная гладь, освещенная серебряной луной. И не было в зале придворных, за исключением маленьких ласточек. Приказала она лордам Демонландии сесть перед собой, невидимые руки поставили перед ними столы и принесли драгоценные блюда, наполненные неизвестными яствами.

Заиграла нежная музыка, исполняемая невидимыми музыкантами, и Королева сказала: — Смотрите, вот амброзия, которую едят боги, а вот нектар, который они пьют. И, милостью благословенных богов, это и есть моя еда и вино. И тот, кто вкушает ее, смотрит на нее и ощущает ее запах, не умрет никогда.

Попробовали они амброзии, которая была белой на вид, рассыпчатой на зубах и сладкой как мед, и ожила в их телах сила, как будто съели они мясо буйвола; и выпили они пенистого нектара, окрашенного в цвета закатного солнца. И показалось им, что вместе с божественным нектаром проник внутрь их и кусочек мира богов.

— Скажите мне, зачем вы пришли сюда? — спросила Королева.

— О Королева Софонисба, — ответил Джусс, — сон, вышедший роговых ворот, послал меня сюда, и приказал мне искать здесь того, кого я желаю видеть больше всего на свете, без которого я тоскую вот уже целый год: моего дорогого брата, Лорда Голдри Блазко.

Слова умерли в его горле. Ибо только выговорил он это имя, как твердые стены дворца задрожали, как листья деревьев под внезапным порывом ветра. Исчезли краски и дворец стал похож на лицо человека, от которого от ужаса отхлынула вся кровь, все стало бледным, как ландшафт, на который смотришь в ясный летний день, пролежав с закрытыми глазами лицом вверх под палящим солнцем, бледным, серым и холодным, теплые цвета превратились в золу. И еще появились противные маленькие твари, выскочив из стыков полированных камней пола, больших плит стен и колонн: некоторые походила на кузнечиков с человеческими лицами и крыльями мух, другие напоминали рыб с жалами в хвостах, или жирных жаб, или извивающихся угрей с головами щенков и ослиными ушами: омерзительные твари, обделенные красотой, чешуйчатые и грязные.

Ужас прошёл. Вернулись краски. Королева сидела, как высеченная из камня, открыв губы. Через какое-то время она сказала низким дрожащим голосом, опустив глаза: — Милорды, вы заговорили со мной об очень странном предмете, о котором я до сих пор ничего не слышала. Я знаю ваше благо-

родство, и поэтому прошу никогда не произносить это имя. Во имя благословенных богов никогда не произносите его опять.

Ничего не сказал Лорд Джусс. Но ничего хорошего не было и в его мыслях.

Вскоре Королева приказала маленькой ласточке отвести гостей в их спальни. Там уже ждали их большие лежа, мягкие и благоухающие, и Демоны легли отдохнуть.

Долго не мог заснуть Джусс, ибо тяжело было у него на сердце. Наконец он провалился в беспокойный сон. Дрожащий свет ламп проник в его сон, смешался с ним, и он уже не мог понять, во сне или наяву видит он стены спальни, разделенные на части и открывающие вид на длинные дорожки лунного света и горный пик, одиноко стоявший в море облаков; его белая вершина ослепительно сияла в свете луны. И показалось Джуссу, что может он летать, и взлетел он на эту гору, и повис в воздухе рядом с ней, и вокруг ее вершины появился огненный круг, и стала видна старинная, сделанная из меди крепость, позеленевшая от времени и испытывавшая на себе удары стихий. На ее стенах стояло множество людей, мужчин и женщин, то ходивших с поднятыми в мольбе руками к хрустальным лампам небес, то опускавших на колени или прислонявшихся к медным зубцам крепости, обхватив лицо руками, или останавливавшихся и глядевших, как лунатики, в ночную тьму. Некоторые казались воинами, другие, судя по богатым одеждам, придворными. Были там и правители, короли, принцессы, серьезные бородатые советники, юноши, девушки и королевы в украшенных драгоценными камнями коронах. Они шли, стояли или взывали к небесам, но ни один звук не нарушал безмолвие могилы, и лица их были бледны, как у покойников.

И показалось Джуссу, что смотрит он на небольшой медный замок, находившийся справа от него. Был он немного выше стены, и зубцы шли вокруг его плоской крыши. Захотел он громко крикнуть, но некий дьявол стиснул его горло, и не вышел из него ни один звук. Ибо в самой середине крыши, на каменной скамье сидел кто-то, склонив подбородок на огромную правую руку и упираясь локтем о медную ручку; на нем был великолепный золотой плащ, а огромный двуручный меч с рубиновым эфесом в виде сердца, лежавший рядом с ним, неярко поблескивал в свете луны. Точно таким же выглядел он как тогда, когда Джусс в последний раз видел его на корабле, прежде чем тьма поглотила его; только румяные краски жизни покинули его, и лоб, казалось, потемнел от печали. Его глаза встретились с глазами брата, но даже искра узнавания не промелькнула в них; глядел он на него спокойно и равнодушно, как на далекую звезду, светящую из глубины небес. И показалось Джуссу, что он нашел брата таким, каким и ожидал найти, ибо не склонил тот голову под властью темных сил, державших его в плену, но, как Бог, терпеливо переносил своё заточение, и, в отличии от других пленников, не обращался с бесполезными мольбами или угрозами к бездомной ночи вокруг себя.

Видение исчезло, и Лорд Джусс ощутил, что он опять лежит на ложе,

холодный свет утра пробирается между оконными занавесями и затуманивает мягкий свет ламп.

Семь дней прожили они во дворце. И не встретили ни одну живую душу, за исключением самой Королевы и ее маленьких ласточек, но с королевской щедростью невидимые руки немедленно приносили все, что только желали Демоны и Миварш. Но, тем не менее, тяжело было на сердце у Лорда Джусса, ибо часто хотелось ему спросить Королеву о Голдри, но она никогда не разрешала ему, и умоляла не произносить его имя во второй раз. Наконец, холодным вечером, когда они вдвоем гуляли по берегу реки, текущей рядом с лугом, на котором росли асфодели и другие священные цветы, он сказал: — О Королева Софонисба, когда я впервые попал к тебе и заговорил с тобой, я думал, что ты в состоянии быстро выполнить мое заветное желание. И разве ты не обещала мне этого, со всей своей ангельской добротой?

— Да, это правда, — ответила Королева.

— Тогда почему, — сказал он, — когда я хочу спросить тебя о том, что я хочу больше всего на свете, ты всегда останавливаешь меня и прогоняешь прочь?

Какое-то время она молчала, повесив голову. Джусс глядел на ее нежный профиль, серьезные ясные линии рта и подбородка. — Кого же тогда должен я спросить, — спросил он, — если не тебя, Королеву Коштра Белорн, которая знает все на свете?

Она остановилась и взглянула на него темными глазами, которые походили на детские невинностью и на божественные великолепием. — Милорд, когда я останавливаю тебя, не приписывай это моей злой воле. На самом деле я очень благодарна тебе, лорду Демонландии, который исполнил приговор судьбы и освободил меня. Теперь я опять свободна и могу посещать мир людей, чего всегда так желала, несмотря на все печали, которые постигли меня там в старые времена. И как я могу забыть, что вы враждуете со злыми правителями Ведьмландии, и, поэтому, вдвойне мои друзья?

— Вот это надо доказать, о Королева, — сказал Лорд Джусс.

— Разве ты не видел Морна Моруну? — воскликнула она. — Разве ты не видел дикой страны? — И когда он посмотрел на нее непонимающе и недоверчиво, она сказала: — Неужели ты забыл? Мне показалось, что ты должен помнить все это до конца мира. Милорд, сколько вам лет?

— Я гляжу на этот мир, — ответил Лорд Джусс, — трижды по десять лет.

— А я, — сказала Королева, — семнадцать весен. И, тем не менее, мне было столько же лет в тот год, когда ты родился, и твоей прадед, и прадед твоего прадеда. Ибо, когда Боги перенесли меня сюда после разорения моего королевства, они даровали мне вечную юность и поселили в этой горе.

Она остановилась и какое-то время стояла не двигаясь, сложив руки перед собой, склонив голову и слегка отвернув лицо, так что он видел только изгиб белой шеи и мягкую линию щеки. В воздухе чувствовался закат, хотя никогда не появлялось здесь солнце: от высокой каменной крыши, как от

неба, лилось лучезарное сияние. Начала она рассказывать, очень тихо, и в тихом воздухе летнего вечера ее слова звучали как слабый, доносившийся изда- лека звон хрустального колокольчика. — Как тень прошли те дни, когда я была Королевой в Морна Моруна, и жила там в мире и радости вместе с леди моей матерью и принцами — моими кузенами. Пока с севера на пришел Горис III, великий Король Ведымландии, желавший исследовать эти горы, ради своей гордости и наглого сердца. Дорого же ему это стоило! Был вечер летнего дня, когда мы увидели его и его людей, скачущих по цветущим лугам Моруны. С честью приняли мы его, и когда узнали, что он задумал, посоветовали вернуться обратно, ибо мантикоры разорвали бы его на куски, если бы он пошел туда. Но только посмеялся он над нашими советами, и на следующий день уехал к Омпреннской Грани. И никогда больше ни один живой человек не видел Короля Гориса и его людей.

Небольшая потеря, но она навлекла на нас великое и ужасное несчастье. Ибо весной следующего года из многоводной Ведымландии приплыл Горис IV с огромной армией, и открыто обвинил нас в смерти Гориса III, назвав нас убийцами и негодьями: мы были мирным народом и не совершили бы таких черных дел за все богатство Чертландии. Той ночью мы все, за исключением часовых на стенах, с чистой совестью спали в своих кроватях. Они напали на нас, схватили принцев и всех наших людей, и перед нашими глазами жестоко умертвили их. Моя леди мать, увидев это, потеряла сознание и немедленно умерла. И приказал Король сжечь весь наш дом, и сам лично разломал священные алтари Богов, и осквернил посвященные им храмы. А мне, которая была так молода и приятна на вид, предложил он выбор: идти с ним и стать его рабыней, или спрыгнуть с Края и разбиться вдребезги. Но боги, которые помогают правым и наказывают неправых, замедлили мое падение и привели сюда, защитив от холода и диких зверей, и даровали вечно-юную жизнь здесь, на границе между мертвыми и живыми.

И наслали Боги на Моруну огонь своего гнева, и превратили в безжизненную пустыню, и больше ни человек ни зверь не мог пересечь ее, ибо была она свидетелем злых дел Короля Гориса; и сделали ее боги такой же бесплодной, каким сделал Горис наш маленький замок и местность вокруг. И подняли они лицо земли высоко в воздух, туда, где живут одни морозы, и ныне утесы Омпреннской Грани, с которых вы спустились, в десять раз выше чем при Горисе III. Вот так погибли цветы Моруны, погибли весна и лето, погибло и счастье моей жизни.

Королева замолчала, и Лорд Джусс, пораженный до глубины души, не стал нарушать молчание.

— Судите сами, — сказала она, — действительно ли ваши враги — мои враги. Не скрыто от меня, милорд, что вы считаете меня почти бесчувственным другом и ни в коем случае не помощником в вашем предприятии. Тем не менее с того времени, как вы здесь, я не перестаю искать и вопрошать, и послала своих ласточек на запад, восток, юг и север в поисках известий о том, кого вы назвали. Они летают очень быстро и даже могут обогнать крылатую

мысль в обычном мире; но они вернулись ко мне на усталых крыльях без малейших новостей о вашем великом родиче.

Посмотрел в ее глаза Джусс и увидел, что они полны слез. Сама правда глядел из ее ангельских глаз. — О Королева, — крикнул он, — не для чего вашим маленьким миньонам обыскивать весь мир. Мой брат здесь, в Коштра Белорн.

Она покачала головой, заговорила и сказала: — Клянусь вам, вот уже две сотни лет никто из смертных не приходил в Коштра Белорн.

Но опять сказал Джусс: — Мой брат здесь, в Коштра Белорн. Я собственными глазами видел его в первую же ночь, окруженного огнями. И его держат пленником в медной башне на вершине горы.

— Здесь нет никаких гор, — сказала она, — кроме той, в чреве которой мы живем.

— И тем не менее я видел своего брата, — сказал Джусс, — под белыми лучами полной луны.

— Здесь нет никакой луны, — возразила Королева.

И тогда Лорд Джусс во всех подробностях пересказал ей своё видение, посетившее его той ночью. Королева серьёзно выслушала, и, когда он закончил, слегка содрогнулась и сказала: — Эта загадка, милорд, выше моего разума.

Она немного помолчала. Потом опять заговорила, приглушенным голосом, как если бы сами слова и дыхание могли привести к ужасным последствиям: — Возьмем вредоносного посланника Короля Гориса XII. Всегда так было, что когда умирает один из этого дома, немедленно появляется другой, в одном и том же месте. И даже смерть не ослабляет этот дом Вельмландии, но, как срезанный одуванчик, он расцветает заново и становится еще сильнее. Ты знаешь почему?

— Нет, — ответил он.

— Благословенные Боги, — еще тише сказала она, — посвятили меня во множество тайн, о которых сыны человеческие не знают ничего. Взгляните на эту. Есть только Один Горис. И небеса, движение которых напрасно пытается понять наш слабый разум, постановили, что каждый раз, когда этот жестокий и злой Один умирает, от меча или от старости, его душа отделяется от него и вселяется в новое тело, молодое и здоровое, и живет новой жизнью, угнетая и подавляя мир, пока это тело, в свою очередь, не умирает, и тогда опять переселяется; и таким образом живет вечно.

— О Королева Софонисба, — сказал Джусс, — в твоих словах слышится мудрость выше человеческой.. Великую тайну открыла ты мне, ибо прежде я видел только малую часть ее, но даже не догадывался о главном. Вот почему, владея тайной вечной жизни, этот Король носит на своем большом пальце змея Уробороса, коего древние философы признали символом вечности, ибо конец его всегда там, где начало, и начало прилегает к концу.

— Теперь ты понял, милорд, с какими тайнами столкнулся, — сказала она. — Но я не забыла о твоём сокровенном желании: освободить того (только

не называйте имени!), ради которого вы вопрошаете меня. Утешься, о Джусс, ибо вижу я в ночи несколько лучей света. Не спрашивайте меня больше ни о чем, пока я не проведу расследование, даже если оно докажет, что это лживый рассвет. Но если получится так, как я думаю, этот рассвет превратится в светлый день.

XIV. ОЗЕРО РАВАРИ

О ПОМОЩИ, ОКАЗАННОЙ ЛОРДУ ДЖУССУ И ЛОРДУ БРАНДОХ ДАХА КОРОЛЕВОЙ СОФОНИСБОЙ, ПИТОМИЦЕЙ БОГОВ; И О ТОМ, КТО ВЫЛУПИЛСЯ ИЗ ЯЙЦА ГИППОГРИФА ПОСРЕДИ ЗАЧАРОВАННОГО ОЗЕРА, И ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОТОМ

На следующий день Королева пришла к Лорду Джуссу и Лорду Брандох Даха, и повела их, а также прислуживавшего им Миварша Фаза, с собой через луга и по проходу, очень похожему на тот, по которому они вошли в гору, но ведущему вниз. — Вы, конечно, поражаетесь, — сказал она, — видя дневной свет в сердце горы. Тем не менее это не что иное, как тайное творение Природы. Ибо лучи солнца, ударяясь в Коштра Белорн, тонут в снегу, как в воде, пробегают тайными проходами по толще камня и освещают ту пустоту в горе, где мы живем. Эти же проходы, сотворенными великими богами, дают нам возможность дышать свежим воздухом. И как снаружи за многоцветным днем следует закат, за закатом ночь, освещенная луной или совершенно темная, а за ней снова рассвет и светлый день, так и у нас, в горе, чередуются свет и тьма.

Так они шли, все ниже и ниже, много часов, пока неожиданно не вышли наружу, под ослепительный свет солнца. И оказалось, что стоят они на песчаном берегу, белом и чистом, и простирается перед ними обширное сапфировое озеро, усеянное маленькими скалистыми островками, поросшими деревьями и цветами. Многоруким было это озеро, стремилось оно вырваться из извилистых берегов и добраться до тайных отмелей за мысами, к подножию гор, державших его в своей утробе; кое-где берег его зеленел деревьями или роскошными цветами, но кое-где из воды выступали голые камни или высокие зубчатые утесы, посылавшие водяную пыль в озеро под собой. Был полдень, дул свежий ветер, по небу проносились облака, отбрасывая тени на кристально чистую воду. Над озером кружили белые птицы, и время от времени, как вспышка лазурного пламени, проносился зимородок. На запад от них с отрога Коштра Белорн сбегала долина, заросшая соснами, между которыми виднелись примулы. Долина заканчивалась мысом с песчаным пляжем. На севере стояли две высокие горы, которые, как стражники, стерегли узкую долину, ведущую к Вратам Зимиамвии. Теперь казались они намного больше, чем тогда, когда Демоны впервые увидели их, ибо только с расстояния в шесть-семь миль стало ясно, что возвышаются они над озером не меньше, чем на шестнадцать тысяч футов. Воистину великолепное зрелище открылось перед людьми: Коштра Пиврарха, как орлица, раскинула над миром свои крылья, а Коштра Белорн, как спящая богиня, казалась утренней звездой, висевшей в высоком небе. Удивительно ярко сияли их снега под лучами летнего солнца, но призрачно и нереально было смотреть на них через дрожащий жаркий воздух. Оливковые деревья, серые, с нежным силуэтом, похожие на овеществленный туман, росли в нижних долинах; склоны заполняли дубы, березы и другие лесные деревья; теплые впадины опоясывали розовые рододендроны, стремившиеся вверх, к моренам над более низкими ледниками и к самому началу снегов.

Королева взглянула на Лорда Джусса, чей взор был устремлен налево, мимо Коштра Пиврархи, мимо тупого невысокого гребня Голлио, к высокому одинокому пику, находившемуся намного дальше лабиринта кражей и вершин, нависших над озером. Южное плечо горы тянулось длинной изогнутой линией утесов к острой вершине; северное, намного более крутое, резко ниспадало вниз. Очень мало снега сумело задержаться на его отвесных склонах, только там, где их разрезали глубокие трещины. Грацией и красотой могла эта гора соперничать с самой Коштра Белорн, но выглядела она ужасным пристанищем холодной ночи, и даже светлый полдень не мог полностью изгнать из нее тьму.

— Вот гора, высокая и прекрасная, — сказал Лорд Брандох Даха, — которая спрягалась в облаке, когда мы были на верхних краях. Она выглядит как огромный спящий зверь.

Но Королева глядела только на Лорда Джусса, который никак не мог оторвать взгляд от горы. Наконец он повернулся к ней, жвав руки на пряжках грудных лат. — То ли это, что я думаю? — спросила она.

Лорд Джусс с трудом вздохнул. — Именно ее видел я в первую ночь, — сказал он. — Но мы слишком далеко, чтобы увидеть медную крепость, или понять, существует ли она вообще. — Он повернулся к Брандох Даха. — Остается только забраться на нее.

— Это невозможно, — сказала Королева.

— Увидим, — сказал Брандох Даха.

— Послушайте, — сказала она. — Безмянной стоит на земле эта гора, ибо до этого часа никогда не падал на нее взгляд живого человека. Но боги, давшие ей имя, и блаженные духи, населяющие эту страну, и несчастливые души, плененные на холодных вершинах гор, знают ее как Зора Рах нам Псаррион, и стоит она посреди безжизненных вечных снегов, питающих ледник Псаррион; самая одинокая и самая загадочная среди всех земных вершин, и самая заколдованная. О милорды, — продолжала она, — даже не пытайтесь взобраться на Зору. Заколдованно кольцо вокруг нее, и не успеете вы дойти до границы вечных снегов у ее подножья, как обрушатся на вас погибель и разрушение.

И улыбнулся Лорд Джусс. — О Королева Софонисба, как мало знаете вы нас, если думаете, что это может заставить нас повернуть назад.

— Я говорю это, — ответила Королева, — совсем с другой целью: я хочу показать, что вам надобно выбрать другой путь, ибо хорошо я знаю, что вы никогда не откажетесь от попытки. Только Демону могу я рассказать о нем, иначе небеса обвинят меня в его смерти. Ибо, если правда то, что я узнала много лет назад, в старину водились в Демонландии гиппогрифы, и только сидя на нем можешь ты совершить этот крайне опасный подвиг.

— Гиппогриф? — спросил Лорд Брандох Даха. — Конечно правда. Разве не является он эмблемой нашего величия? Тысячи лет назад гнездились они на Невердейл Хаус, и даже сейчас на скалах остались отпечатки их копыт и когтей. Гиппогриф — мой предок, и предок Лорда Джусса.

— Тогда должен Лорд Джусс вновь поскакать на нем, — сказала Королева Софонисба, — ибо он единственный смертный, который может покорить Зора Рах, и силой своих рук вывести оттуда того, чье имя мы не называем.

— О Королева, — сказал Джусс, — я немного знаю божественную философию и искусство магии, но не достаточно, и прошу вас научить меня, ибо живете вы здесь поколение за поколением и умеете говорить с мертвыми. Как мне найти этого жеребца? Ибо мало их, и высоко летают они над миром, и рождается такой конь раз в три сотни лет.

— Есть у меня яйцо, — ответила она. — В любой стране такое яйцо останется стерильным, но только не в Зимииамвии, священной для благородных рас мертвых. Вот как может родиться этот жеребец: если человек, намного превосходящий духом и сердцем обычного, заснет в Зимииамвии, с яйцом на груди, страстно желая совершить великий подвиг, огонь его великого желания оплодотворит яйцо, и наружу выйдет гиппогриф, вначале маленький и слабый, как бабочка, только что вышедшая из куколки. Только тогда сможешь ты оседлать его, и, если хватит у тебя мужества и сумеешь ты совладать с ним,

отнесет он тебя в самые отдаленные уголки мира и сумеешь ты исполнить свое заветное желание. Но если твое мужество меньше величайшего, берегись, и езди только на земных скакунах. Ибо если засомневаешься ты даже на секунду, либо дрогнет твое сердце, либо изменит хладнокровие, либо забудешь ты свою славную цель, гиппогриф немедленно растерзает тебя.

— Есть ли у тебя это яйцо, о Королева? — спросил Лорд Джусс.

— Милорд, — тихо ответила она, — больше сотни лет тому назад нашла я его, когда бродила по скалам вокруг зачарованного озера Равари. И, наученная богами, спрятала я то, что нашла, ибо знала, что предназначено оно некоему смертному, который в конце концов придет в Коштра Белорн. И подумалось мне, что тот, кто придет, должен принести с собой страстное неисполненное желание, ибо только человек с таким желанием рискнет сесть на этого жеребца.

До вечера просидели они на зачарованном берегу озера, почти не разговаривая между собой. Потом встали и подошли вместе с ней к павильону, устроенному в роще цветущих деревьев. И не успели Демоны вздохнуть, как вынесла она им яйцо гиппогрифа, размером с человеческое тело, но легкое, шероховатое и пестро раскрашенное. И она спросила: — Кто из вас, милорды?

— Он, — ответил Джусс, — если надо мужественное сердце. Но все-таки я, поскольку моего брата надо освободить из того ужасного места.

И отдала Королева яйцо Лорду Джуссу, и он, взяв его руки, пожелал ей спокойной ночи и сказал: — Мне не понадобится лауданум⁷, чтобы заснуть этой ночью.

Пришла божественная ночь, и сладкий сон, более сладкий, чем любой земной сон, смежил их глаза в павильоне рядом с зачарованным озером.

Но не спал Миварш. Мало радости доставило ему Озеро Равари, ибо не замечал он его многочисленных красот, зато заметил огромных тварей, гревшихся на его берегах в золотой полдень. Он даже спросил о них одну из маленьких ласточек Королевы, но та только посмеялась над ним и объяснила, что это прирученные крокодилы, хранители озера, ласковые и нежные с героями, которые захотят искупаться и отдохнуть в его хрустальных водах. — Но такого как ты, случайного искателя приключений, — сказала она, — они раздерут на куски. — И это опечалило Миварша. Ведь тяжело у него было на сердце с того времени, как они покинули Чертландию, и страстно желал он вернуться домой, хотя знал, что дом его разграблен и сожжен людьми его крови, которых ныне должен он считать своими врагами. И подумал он, что если Джусс вместе в Брандох Даха улетит на гиппогрифе на вершушку холодной горы, где в медной крепости томятся души великих героев, то никогда он не вернется в мир людей, ибо невозможно в одиночку пройти через замерзшие горы, мимо мантикор и крокодилов, которые живут за Бхавинаном.

Так он пролежал без сна час или два, тихо плача, пока из гигантского

7 Лауданум (лат. laudanum — ладан) — в средневековье название любого успокаивающего средства, обычно содержавшего опиум

сердца ночи с жестокой ясностью не выплыли слова Королевы, сказавшей, что тепло великого желания в сердце того, кто охватит яйцо руками, заставит гиппогрифа вылупиться из яйца, и этот человек сможет вскочить на крылатого коня и со скоростью ветра умчаться туда, куда пожелает его сердце. И сел Миварш, и были его руки холодны и влажны, от страха и великого желания. И сказал он сам себе: «Сейчас я встану, возьму яйцо из рук заморского дьявола и сам обниму его. Ведь я не сделаю этому дьяволу ничего плохого, только хорошее, ибо разве не сказала она, что яйцо опасно? А каждый человек сгребает угли к своему костру».

Он встал и тихонько подошел к Джуссу, который лежал на спине, сильными руками охватив яйцо. В это мгновение луч лунного света скользнул в окно, осветив лицо Джусса, и было оно, как лицо Бога. Наклонился над ним Миварш и, горячо помолвившись, осторожно вынул яйцо из его рук, не разбудив Демона. Ибо глубоко спал Лорд Джусс, и бродил его дух высоко над землей, далеко от божественного берега, в том страшном одиноком месте, где Голдри с мрачным терпением глядел на высоты Зоры. Перенес Миварш яйцо в свою кровать, лег и положил его себе на грудь. Горячим было оно и слегка потрескивало, когда он обнял его, как будто какая-то сила выбиралась из него наружу.

Так и заснул Миварш, обняв яйцо, как юноша обнимает свою возлюбленную. И незадолго до рассвета треснуло оно в него в руках и разбилось, и проснулся Миварш и обнаружил, что обнимает за шею странного жеребца. В павильон уже пробивался бледный предрассветный свет, и Миварш крепче вцепился в гиппогрифа. Грива жеребца сияла как шея павлина, глаза походили на огненные звезды, мерцающие в ветреной ночи. С приближением рассвета его ноздри расширились. Он развернул затвердевшие крылья, перья которых походили на хвостовые перья фазана: белые, с фиолетовым глазом посреди, но на ощупь твердые, как железные ножи. Миварш сел ему на спину и дрожащими руками ухватился за сияющую гриву. Сейчас он бы с радостью спустился, но гиппогриф заржал и встал на дыбы, и Миварш, боясь упасть, вцепился в него изо всех сил. Жеребец ударил серебрными копытами, взмахнул крылами, и присел, как лвыца, раздирая траву своими когтями. Миварш закричал, раздираемый страхом и надеждой. В это мгновение жеребец прыгнул в воздух и полетел.

Демоны, разбуженные шумом крыльев, выбежали из павильона, и увидели чудесный полет на фоне еще темного запада. Странно летел гиппогриф, как бекас, то резко падая вниз, то поднимаясь вверх. И пока они смотрели, Миварш слетел со своего места и спустя несколько мгновений раздался громкий плеск, ибо упало в озеро тело незадачливого седока.

Дикий жеребец исчез, поднявшись высоко в небо. От места падения побежали кольца, потревожив спокойную поверхность озера и исказив мрачное отражение Зора Рах в спящей воде.

— Бедолага Миварш! — крикнул Лорд Брандох Даха. — После все этих тяжелых лиг хотел уйти один, без меня. — Он сбросил плащ, взял кинжал в

зубы и большими гребками поплыл к тому месту, куда упал Миварш. Но ничего не нашел. Только увидел недалеко от себя, на берегу маленького острова, крокодила, большого и раздувшегося, который виновато поглядел на него, сполз в воду, нырнул и исчез. Ни с чем возвратился Брандох Даха и опять выплыл на берег.

Лорд Джусс стоял так, как будто его ударили камнем. Подошла к ним Королева, завернутая в мантию на лебяжьем пуху, повернулся он к ней, и с отчаянием на лице, но высоко держа голову, сказал: — О Королева Софонисба, тайная тьма или конец наших дней приходят именно тогда, когда вдыхаем мы сладостный воздух утра.

— Милорд, — ответила она, — летучие химеры рождаются с солнцем и умирают с росой. Но, если ты действительно велик духом, то не сложишь руки в отчаянии. Пускай печальный конец твоего слуги будет памятником подобной глупости. Одна буря не уничтожит землю. Вернемся со мной в Коштра Белорн.

Он посмотрел на высокую Зору, темневшую на фоне пробуждающегося востока. — Мадам, — сказал он, — хотя тебе наполовину меньше лет, чем мне, но, если считать по другому, ты в семь раз старше меня. Мою волю не так-то легко сломить, и я далеко не мой дурак-слуга. Давайте вернемся в Коштра Белорн.

Он молча съели завтрак и вернулись тем же путем, которым пришли. И сказала Королева: милорды Джусс и Брандох Даха, ваша сила и добродетели делает вас подобным полубогам. Знайте, что есть еще несколько таких же жеребцов, которые могли бы отнести вас к Зора Рах нам Псариион, но нет никакой возможности оседлать их, если только не вырастите вы их из яйца. Ибо слишком высоко они летают и слишком робки душой, и не поймаете вы их, если не подождете десять жизней человеческих. Но я пошлю своих маленьких ласточек и они обыщут весь мир. Быть может есть где-то еще одно такое же яйцо.

И она разослала их, на север, и на восток, и на юг, и на запад. И через некоторое время вернулись они на усталых крыльях без малейших новостей, за исключением одной.

— Все вернулись ко мне, — сказала Королева, — кроме Арабеллы. Большие опасности подстерегают их в большом мире: ураганы, хищные птицы и люди, которые убивают маленьких птиц для развлечения. Тем не менее надеюсь я, что она еще вернется назад.

Но Лорд Джусс заговорил и сказал: — О Королева Софонисба, надежда и ожидание не в моем характере; скорость, решительность и точность — вот мой путь в этом мире. Малина растет из-под крапивы, и я всегда одобрял это. Я попробую подняться на Зору.

Никакие ее просьбы и мольбы не смогли отвратить его от принятого решения, тем более, что Лорд Брандох Даха живо поддержал его.

Две ночи и два дня прожила Королева в павильоне на берегу зачарованного озера, и все это время тревожно билось ее сердце. На третий вечер

вернулся смертельно усталый Брандох Даха к павильону, и принес он на себе Лорда Джусса, который выглядел так, как человек на пороге смерти.

— Не говори мне ничего, — сказала Королева. — Забвение — вот единственное настоящее лекарство, и сейчас я использую все мое искусство, чтобы заставить вас обоих забыть все, что вы видели. Откровенно говоря, не чаяла я увидеть вас живыми, ибо вход туда строго-настрого запрещен.

Брандох Даха улыбнулся, но мертвенно бледной улыбкой. — Не слишком ругайте нас, дорогая Королева. Тот, кто стреляет в полуденное солнце, знает, что никогда не попадет в цель, и, тем не менее, он уверен, что выстрелит выше того, кто стреляет в куст. — Его голос дрогнул, глаза закатились и, как испуганный ребенок, он схватился за руку Королевы. Потом, с видимым усилием, он пришел в себя: — Позаботьтесь немного обо мне, — прошептал он. — Немного хорошего мяса и вкусного вина, и все пройдет. Но Джусс... Прошу, взгляни на него: он мертв, да?

Прошли дни и месяцы, но Лорд Джусс все еще лежал в павильоне на пороге смерти, а его друг и Королева Софонисба ухаживали за ним. Наконец, когда в средиземье пришла зима, и до весны было еще далеко, вернулась на усталых крыльях маленькая ласточка, которую Королева считала погибшей. Едва живая от усталости, села она на грудь хозяйке. Но королева приласкала ее и дала ей нектар, ласточка набралась сил и так сказала: — О Королева Софонисба, питомица Богов! Ради тебя облетела я восток и юг, запад и север, летела над сушей и над морем, в жару и мороз, над замерзшими полюсами, все дальше и дальше. И вот прилетела я в Демонландию, к горной гряде Невердейл. Там, среди гор, есть озеро, которое люди называют Озеро Скорби. Очень глубоко оно, и человек, который не может жить без дыхания, не в состоянии достигнуть его дна. Но есть у него дно, и там лежит яйцо гиппогрифа, и я увидела его, ибо высоко пролетела над ним.

— В Демонландии! — воскликнула Королева. Повернулась она к Лорду Брандох Даха и сказала: — Единственное на свете! Вы должны идти домой и завладеть им.

И сказал Брандох Даха: — Домой, в Демонландию? После того, как мы пересекли весь мир и потратили все свои силы?

Но когда Лорд Джусс узнал об этом, вновь загорелась в нем надежда, болезнь начала отступать, и через несколько недель он полностью выздоровел.

И ровно через год после своего прихода покинули Демоны Коштра Белорн.

XV. КОРОЛЕВА ПРЕЗМИРА

КАК ЛЕДИ ПРЕЗМИРА ОТКРЫЛА ЛОРДУ ГРО, ЧТО ОНА ХОТЕЛА БЫ ПРАВИТЬ ДЕМОНЛАНДИЕЙ, ИВО ЭТО ПРИНЕСЛО БЫ ЕЕ СУПРУГУ БОЛЬШЕ ВЕЛИЧИЯ; И КАК ТО, ЧТО ОНА СЛИШКОМ ГРОМКО ГОВОРИЛА О СВОЕЙ ЦЕЛИ, ЗАСТАВИЛО ЛОРДА КОРИНИУСА ПОЗНАТЬ СЛАДОСТЬ ОТЛОЖЕННОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

Двадцать четвертого мая, в ту самую ночь, когда Лорд Джусс и Лорд Брандох Даха глядели с величайшей вершины мира на Зиммиамвию и Коштра Белорн, Лорд Гро и Леди Презмира шли по западной террасе в Карсё. Было уже два часа после полуночи. Теплый воздух окутывал их, в небе переkreщивались лучи луны и звезд. Время от времени дул слабый ветерок, как если сама ночь отправилась на покой. Стены дворца и Железная Башня отрезали террасу от прямого света луны, а слегка покачивающиеся светильники освещали то одно место, то другое. Из дворца неслась музыка и шум веселой пирушки.

Гро заговорил и сказал: — Если твой вопрос, о Королева, покоится на желании заставить меня уйти, я молниеносно исчезну, как бы это не опечалило меня.

— Глупая мысль, — сказала она. — Оставайся, если тебе это нравится.

— Естественная часть мудрости, — сказал он, — следовать свету. Когда ты вышла из зала, мне показалось, что свет потускнел. — Как раз сейчас они проходили мимо светильника и он взглянул на нее, пытаясь понять выражение ее лица, затуманенного печальными мыслями. Красавицей из красавиц казалась она, стройной и величественной; ее голову украшала золотая корона с темными аметистами. Надо лбом сияла серебряная фигурка краба, каждая клешня которого держала шар из хризолита величиной с яйцо дрозда.

И сказал Лорд Гро: — Другая часть мудрости — глядеть на это созвездие, которое называется Волосы Береники, и пытаться понять, может ли их сияние сравниться твоими волосами, о Королева.

Некоторое время они шли молча. — Ты говоришь галантно, но неискренне, — сказала она. — Такие фразы только вредят нашей дружбе, милорд Гро. И если я не разозлилась на тебя, то только потому, что ты опрокинул много глубоких чаш с нашим Лордом Королем в честь этой ночи ночей, в которую исполнился ровно год с того знаменитого послания и нашей мести Демонландии.

— Мадам, — сказал он, — я стремлюсь рассеять твою тоску. Не оскорбляет ли тебя то, что Король так странно возвеличил твоего супруга, Корунда, назвав его королем и сделав сюзереном всей Чертландии? Все заметили, с каким неудовольствием надела ты на себя эту корону, которую Король даровал тебе сегодня ночью в честь твоего великого супруга, и которую ты должна носить до тех пор, пока он сам не появится и не потребует её; и великие похвалы были высказаны в честь Короля Корунда, которые, казалось бы, должны были окрасить румянцем гордости твои щеки. И тем не менее все это не растопило твою застывшую презрительную меланхолию, как слабое зимнее солнце не в состоянии растопить застывшее на морозе озеро.

— Сегодня короны дешевле мусора, — возразила Презмира. — Королю захочется, и он двадцать королев сделает своими лакеями, а двадцать лакеев сделает королями. Ничего удивительного, что я так мало обрадовалась этой, особенно если посмотреть на ту, которую получил Король Лаксус.

— Мадам, — сказал Гро, — ты должна простить Лаксусу его свершения. Ты же знаешь, что он всего-навсего завоевал Пиксиландию, и тебя должно обрадовать, что королем назвали его, а не Кориниуса, который при помощи таланта или удачи, честными или нечестными способами, но победил в войне твоего благородного брата и отправил его в ссылку.

— Кориниус, — ответила она, — заслужил это унижение, ибо я горячо молось, чтобы боги наказали тех, кто растолстел на несчастьях моего брата.

— Тогда раздражение Кориниуса должно вызывать в тебе радость, — сказал Гро. — И, уверяю вас, Судьба — слепой щенок: невозможно угадать куда она повернется дальше.

— Разве я не Королева? — сказала Презмира. — И разве это не Введьландия? И разве мы не сможем наложить самые сильные заклинания, если Судьба действительно ослепнет?

Они остановились около верхней площадки лестницы, ведущей во внутренний двор. Леди Презмира оперлась на черную мраморную балюстраду и, пробежав взглядом по болотам, задумчиво уставилась на далекое море, серебрившееся в лучах луны. — Что мне Лаксус? — наконец сказала она. — Или Кориниус? Стая ястребов, которую Король натравил на жертву, в сто раз более достойную и благородную, чем они сами. Я не настолько разгневалась, чтобы шутить с справедливостью, которая убеждает меня возложить вину на Демонландию. Чистая правда, что в ту самую ночь, когда пир сменился битвой, Князь, мой брат, сбросил в грязь наше счастье открыв, сам того не зная, врата погибели для нас и самого себя, и счастье победы сменилось кровавым гневом. — Какое-то время она молчала, потом заговорила опять: — Клятвопреступники, самое отвратительное имя, меч, вонзенный в спину человечества. Двуликие люди. О, эта земля восстанет и стряхнет с себя грехи, топчущие ее!

— Я вижу, что ты смотришь на запад, через море, — сказал Гро.

— Есть ли что-нибудь, что ты не видишь своими совиными глазами, милорд Гро? — сказала она.

— В свое время ты рассказала мне, — сказал он, — о клятвах и хорошо рассчитанных обещаниях, которые Лорд Джусс дал тебе, убегая из Карсё. И, тем не менее, не обвиняй, о Королева, тех, кто нарушил клятву, данную в исключительных обстоятельствах, ведь такая клятва — это как дохлая рыба, воняющая уже три дня.

— Да, им безразлично, — ответила она, — что мой брат разорвал все вассальные узы и забыл о своих интересах, лишь бы спасти этих великих Демонов от злой смерти; и они, освобожденные, только слегка поблагодарили его и отправились своим путем, оставив его Судьбе. А ведь они знали или мог-

ли предположить, что мой брат будет изгнан из своей страны и, скорее всего, расстанется с жизнью. Пускай великий Дьявол в аду вечно терзает их души!

— Мадам, — сказал Лорд Гро, — я советую тебе трезво посмотреть на это дело и забыть о недостойных Королевы вспышках гнева. Когда-то Демоны спасли твоего брата в Лида Нангуна, и он только уплатил свой долг, вырвав их из рук нашего Лорда Короля. Весы уравновесились.

— Не загрязняй мои уши такими извинениями, — ответила она. — Они бесстыдно оскорбили нас. И их черные дела вырастили в моей душе глубоко укоренившийся росток ненависти, который крепнет день ото дня. Ты, милорд, легко читаешь природу и знаешь ее великую философию, неужели я должна учить тебя, что яд чемерицы или слюна жабы менее смертельны, чем женское коварство?

Большое облако, прилетевшее с юга, поглотило свет луны, стало темно. Презмира повернулась и опять медленно пошла по террасе. В свете светильников были отчетливо видны желтые искры, сверкавшие в ее глазах. Она выглядела опасной, как львица, но нежной и грациозной, как антилопа. Гро подошел к ней и сказал: — Разве Корунд не изгнал их в Моруну, зимой, и они не должны были сражаться за свою жизнь среди многочисленных опасностей?

— О милорд, — крикнула она, — рассказывая это кухонным девкам, а не мне. Разве ты сам не утверждал, что много лет назад прошел через самое сердце Моруны и вернулся обратно, хотя ты и величайший лгун. Вот что разъедает мою душу: проходят дни и месяцы, весь мир склонился перед Вельмландией, а эти бунтовщики из Демонландии до сих пор ходят с высоко поднятой головой. Неужели Король считает, что надо беречь врагов и грабить друзей? Очень несчастливый и неестественный вывод. Или он уже обречен, как Горис XI? Сохрани его небеса, но злой конец и полная гибель ждет его и всех нас, если он не накажет Демонландию ранее, чем Джусс и Брандох Даха не вернутся назад и не встретятся с ним.

— Мадам, — сказал Лорд Гро, — в нескольких словах ты нарисовала мне картину моей собственной души. И прости меня, что я так осторожно говорил вначале, ибо настали тяжелые времена, и, прежде чем открыть тебе свои мысли, должен был я убедиться, что ты думаешь, как я. А я считаю, что Король должен ударить сейчас, пока, на наше счастье, нет их величайших воинов. Вот тогда мы сумеем справиться с ними, даже если они вернуться вместе с Голдри.

Она улыбнулась и, казалось, сама душная ночь посвежела и наполнилась благоуханием от улыбки дамы. — Ты — мой самый замечательный друг, — сказала она. — Моя меланхолия — как тенистый лес летом, где я могу потанцевать, если захочу, а хочу я часто, или тосковать в печали, а в последние дни все чаще и чаще; и ты всегда улавливаешь мое настроение. Только не мучай меня этой ужасной придворной речью, пока я не подумала, что ты обменялся кожей с Лаксусом или молодым Кориниусом, которые расправляют крылья и закидывают наживку, пытаясь покорить сердце дамы.

— Я всего-навсего хотел отвлечь тебя от печали, так недавно появив-

шейся в тебе, — сказал Гро. — Но я действительно высоко ценю твоё пение, и ты сама знаешь, что это чистая правда.

— О, перестань, милорд, — крикнула она, — или я немедленно прогложу тебя. — Но, когда они пошли дальше, Презмира тихо запела:

*Я не могу любить того,
Кто влюбчив чересчур;
Любовь — неволя для него,
Тиран ему — Амур.*

*Но и разборчивых особ
Любить — опасный труд;
Такой легко изменит, чтоб
Отведать новых блюд.*

*Душе претит тот верхогляд,
Кто лишь к красоткам льнет;
Но если кто уродке рад,
Тот сам в душе урод.*

Я остряков—

Внезапно она прервалась и сказала: — Слушай, я уже сбросила с себя плохое настроение, вызванное видом Лаксуса и его дурацкой короны. Давай подумаем о действиях. Во первых я хочу кое-что рассказать тебе. Мысли, которые крутились в моей голове последние два-три месяца, в то время, как Кориниус сражался в Пиксиландии. Когда пришло слово, что мой муж уничтожил войско Демонов и заставил Джусса и Брандох Даха бежать под покровом ночи в Моруну, я послала ему письмо, написанное рукой Виглуса, что наш Лорд Король назначил его Королем Чертландии. Вместе с тем я намекнула ему, что корона Демонландии блестит намного ярче, чем корона Чертландии, и попросила его потребовать у нашего Лорда Короля войско для вторжения в Демонландию, с ним самим во главе, или, если он не может вернуться домой и попросить Короля лично, сделать меня своим послом. Тогда я смогла бы выступить в совете перед Королем и умолять его поручить вторжение Корунду.

— Не ответ ли на это письмо привез я тебе? — спросил Гро.

— Да, — ответила она, — самый презренный и льстивый ответ для такого великого лорда, тем более о таких важных делах. Увы, это, если так можно выразиться, выдувает из меня всю почтительность супруги и заставляет ругаться как последняя побродяжка.

— Я немедленно уйду, мадам, — сказал Гро, — если вам нужно уединение, чтобы выразить свои мысли.

Презмира засмеялась. — Не все так плохо, — сказала она, — и, тем не менее, я разозлилась. Саму идею он одобрил, полностью, и разрешил мне стать его ртом у Короля, и изложить все, что я думаю. Но командование, нет, он не хочет брать его на себя. Корсус, может быть, или Кориниус. Подожди,

дай мне прочитать его тебе, — и она, встав около одного из светильников, вынула пергамент, спрятанный на груди. — Ох, слишком личное. Мне стыдно читать такое другим, даже тебе.

— Ну, — сказал Гро, — если бы я был Королем, Корунд стал бы моим генералом и завоевал бы мне Демонландию. Но Горис может послать и Корсуса, ибо в свое время он проделал великолепную работу, хотя, по-моему, он не подходит для такого задания. А Кориниусу Король не может простить происшествие на пиру год назад.

— Кориниус! — воскликнула Презмира. — Он залил кровью мою родную страну, и, тем не менее, не получил за это никакую награду. Как ты думаешь, сумеет ли он вернуть себе благосклонность Короля?

— Думаю, что нет, — сказал Лорд Гро. — Сейчас он в безумной ярости, ибо сорвал колючий плод, а есть его будут другие. Сегодня ночью он держал себя дерзко и высокомерно, высмеивал и задира Лаксуса, постоянно хватался за рукоятку меча, и совершил еще множество наглых и бессмысленных поступков, и, хуже всего, открыто заигрывал со Сривой, а ведь она уже месяц как помолвлена с Лаксусом, и я очень удивлюсь, если сегодня ночью эти двое не пустят друг другу кровь. Мне кажется, что сейчас он вообще не собирается воевать, если только его не поманят очень щедрой наградой; и еще мне кажется, что Король, зная его мысли, не предложит ему никакого нового предприятия и не даст Кориниусу завоевать великую славу отказом.

Они стояли около арочных ворот, ведущих на террасу из внутреннего двора. Из большого пиршественного зала Гориса XII все еще доносилась музыка. Под аркой и в тени огромных столбов, поддерживающих стены, простиралась тьма, изгнанная из светлых кругов вокруг светильников только для того, чтобы в других местах стало темно вдвойне.

— Ну, милорд, — сказала Презмира, — не благословит ли ваша мудрость мое решение?

— Что бы не случилось, да, ибо это ваше решение, о Королева.

— Что бы не случилось! — воскликнула она. — Неужели у вас есть сомнения? Утром я немедленно буду просить аудиенцию у Лорда Короля. Разве этого не потребовал издадека мой супруг?

— А если ваше рвение переступит границы его требования? — сказал Гро.

— Ну и что! — ответила она. — И если я не принесу тебе еще до полудня слово, что отдан приказ о высадке в Демонландии, и мой муж, Корунд, назначен генералом, и если запечатанное письмо об этом не полетит в Орпиш —

— Шшш! — сказал Гро. — Шаги во дворе.

Они повернулись к воротам и Презмира запела:

*Я остряков не выношу
Их желчь несносна мне;
Но и болванов попрошу
Держаться в стороне.*

*Богач подарками скует
И сделает рабой;
Но много ль толку от свобод,
Коль кавалер скупой?*

*Кого же выбрать из мужчин,
Без страха полюбя?
Всего надежней — без причин —
Любить саму себя.*

Кориниус, вышедший из зала для пиршеств, встретил их в воротах. Он близко подошел к ним, уставился на Презмиру, и она почувствовала жар его дыхания, наполненного вином. Было слишком темно, чтобы можно было видеть лица, но он отлично знал ее осанку и одежду.

— Прошу прощения, мадам, — сказал он. — Показалось что-то на мгновение — не важно. Вы — лучше всех.

Сказав так, он с глубоким почтением обогнул ее, одновременно толкнув плечом Гро. Гро, мало желая ссориться, уступил ему дорогу, и пошел вслед за Презмирой во внутренний двор.

Лорд Кориниус сел на ближайшую скамью, оперся дюжей спиной на подушки и запел самому себе, щелкая пальцами:

*Разве не дурак?
Он плетет интриги
Ради счастья мига.
После долгих врак
Получив красотку,
Гонит ее плеткой.
Разве не дурак?*

*Я-то не дурак.
И у этой стервы
Был я сорок первый.
Для чего мне брак?
Золото в кармане,
И вино в стакане.
Сам себе не враг.*

*Если я увижу
Волос золотой,
К ней со всей душой,
Но ее обижу,
Увидав другой,
Более златой.
Мне свобода ближе.*

Шорох за спиной заставил его повернуть голову. Из глубокой тени ближайшего к воротам столба вынырнула закутанная в плащ фигура и попыталась улизнуть. Кориниус прыгнул на ноги и через мгновение уже стоял в воротах, раскинув руки и закрывая проход. — Ага, — крикнул он, — синичка устроилась тут на насесте, а? И какой выкуп я получу от тебя, ибо зря посидел на этой скамье всю прошлую ночь? Эй, ты бы опять сбежала, чтобы выставить меня дураком и на эту ночь тоже, если бы я не схватил тебя.

Дама засмеялась. — Простой ночью отец не отпустил меня от себя, а сегодня, милорд, разве ты уже не развлек меня своей бесстыдной песенкой? Неужели эта сладкая серенада подходит для ушей дамы? Спокой ее еще раз, особенно куплет про свободу, и покажи себя полным дураком.

— Ты такая храбрая, мадам, что позволяешь себе провоцировать меня, а ведь даже звезды ничего не увидят, если я сейчас возьму тебя силой. Эти светильники — старые гуляки, поседевшие под разговоры заговорщиков. Они не разболтают.

— Милорд, в тебе говорит вино, я пошла; — и когда он шагнул к ней — и я не вернусь, сюда или в другое место, но улечу от тебя навеки. Я не люблю, когда со мной обращаются как со служанкой. Я и так слишком долго терпела твои солдафонские манеры.

Кориниус схватил ее руками, прижал к своей широкой груди и приподнял в воздух, так что ее ноги едва касались земли. — О Срива, — хрипло сказал он, наклонив лицо к ней, — неужели ты думаешь, что можно зажечь пожар и не обжечься самой?

И он так сильно сдавил ее, что ее руки оказались прижаты к бокам. Она, казалось, замерла, как замирает лилия в пылающий полдень. Кориниус яростно поцеловал ее и сказал: — Клянусь всеми любовниками, когда либо пробовавшими вкус темноты! Сегодня ночью ты будешь моей.

— Завтра, — задыхнувшись ответила она.

Но сказал Кориниус: — Мое счастье, сегодня.

— Мой дорогой лорд, — тихо сказала Срива, — с того времени, как ты завоевал мою любовь, ты еще никогда не был настолько грубым и жестоким завоевателем. Клянусь тебе всеми смертоносными силами, которые властвуют на этой земле, эту ночь я должна провести с отцом, и не более того. Только на эту ночь расстанусь я с тобой, и тебе нечего злиться на меня.

— Он мог бы подождать, пока мы не кончим наслаждаться друг другом, — сказал Кориниус. — Он — старый человек, часто засиживается допоздна с книгой.

— И ты оставишь его бражничать? — сказала она. — Есть кое-что, что я должна сообщить ему прежде, чем вино затуманит его мозги. Даже маленькая задержка, как бы сладостна она не была для нас, очень опасна.

Но сказал Кориниус: — Я не дам тебе уйти.

— Хорошо, — сказала она, — становись зверем. Но знай, что я закричу изо всех сил, сюда сбежится все Карсё, и стражники, и мои братья, так что Лаксус, если он мужчина, заставит тебя заплатить за насилие надо мной. Но если

ты останешься благородным лордом и будешь уважать мою любовь и дружбу, то ты дашь мне уйти. А потом, около часа ночи, придешь к двери моей спальни. Я думаю, она будет не заперта.

— А, ты клянешься? — спросил он.

— Иначе пусть меня поглотит самая глубокая пропасть мира, — ответила она.

— Час ночи. И до него был еще год моих желаний, — ответил он.

— Вот это слова моего благородного возлюбленного, — сказала Срива, опять подставляя ему свои губы. А потом быстро проскользнула сквозь темную арку, пересекла двор и исчезла в темной северной галерее, где находились покои ее отца, Корсуса.

А Лорд Кориниус вернулся на свою скамью, лениво растянулся на ней и опять стал напевать старинную кабацкую песенку:

*Моя любовница — волан
Из пробки и из сетки.
Ее бросает на диван
Удар моей ракетки.*

*Когда ж она мне надост,
Подброшу в воздух, и привет!
Фа, ла, ла, ла, ла, ла.*

Он потянулся и зевнул. — Ну, Лаксус, рыбообразный трус, это лекарство в два счета вылечит мою досаду. И это будет честный обмен: я упустил свою корону, зато приобрел твою любовницу. И, откровенного говоря, кому она нужна, эта Пиксиландия — маленькая, презренная, без малейшей изюминки; и что за восхитительно-преlestная трясогузка эта Срива, по которой я два года пускал слюни; так что мы в расчете, пока я от нее не устану.

*О ней мои сны.
Волнуется кровь,
Ищу я любовь,
Но не у жены.*

— В час ночи, ха! Какое вино лучше всего для влюбленных? Пойду-ка я, выпью чашу и брошу кости с друзьями, так время и промчится.

XVI.. ПОСОЛЬСТВО ЛЕДИ СРИВА

КАК ГЕРЦОГ КОРСУС ДУМАЛ, СТОИТ ЛИ ДОВЕРИТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО СВОЕЙ ДОЧЕРИ, И КАК ОНА С НИМ СПРАВИЛАСЬ.

Срива отправилась прямо в покои отца и там нашла свою леди мать, которая шила, сидя на стуле. Две свечи стояли слева и справа от нее, и она кивала при каждом стежке. — О леди мать, — сказала Срива, — есть королевская корона, которая ждет, когда кто-нибудь ее схватит. Если вы и мой лорд отец не вмешаетесь, она упадет на колени иностранки. Где он? Все еще в пиршественном зале? Вы или я должны немедленно извлечь его оттуда.

— Ой! — крикнула Зенамбрия. — Как ты напугала меня! Говори по-медленнее, моя маленькая девочка. Я ничего не поняла из твоих безумных слов. Что ты хочешь сказать и о чем?

Но Срива ответила: — Государственные дела. Ты не пойдешь? Хорошо, тогда я. Он должен услышать все немедленно, мама, — и повернулась к двери. Мать попыталась убедить ее, что разразится жуткий скандал, если она вернется в пиршественный зал через час после того, как женщины покинули его, но безуспешно. Так что Леди Зенамбрия, видя ее решимость, подумала, что будет меньшим из зол, если она сама сходит за супругом; и она пошла и вскоре вернулась вместе с Корсусом.

Корсус сел на большой стул рядом напротив своей леди жены, и дочка рассказала ему то, что слышала и видела.

— Дважды и трижды, — сказала она, — прошли они мимо меня, так же близко, как я стою против тебя, о отец, и она совершенно фамиллярно опиралась на руку этого напудренного философа. Было ясно, что они никак не могли подумать, что кто-то подслушивает их. И вот что она сказала, — и Леди Срива пересказала отцу все слова Леди Презмиры об экспедиции в Демонландию, и о ее предполагаемой встрече с Королем, и о ее планах сделать Корунда генералом в этом походе, и о запечатанном письме, которое завтра должно отправиться в Орпиш.

Герцог слушал не двигаясь, тяжело дыша, наклонившись вперед и опираясь локтем о колени; второй жирной рукой он крутил редкие серые усы. Его сердитый взгляд бродил по комнате, а отвислые щеки, раскрасневшиеся на пиру, постепенно становились все краснее и краснее.

— Милорд, — сказала Зенамбрия, — разве не об этом я говорила тебе много лет назад, когда Корунд женился на этой юной женщине? И вот пришел тот позор, который я и ожидала. Она играет в опасные игры, и как жаль, что такой хороший человек в рассвете сил вскоре должен потерять свою честь, находясь за тридевять земель от Карсё. И я действительно надеюсь, что он отомстит ей, когда вернется домой. Ибо я уверена, что Корунд слишком благороден, чтобы купить успех такой позорной ценой.

— Твои слова, жена, — сказал Корсус, — говорят о длинных волосах и коротком уме. Короче, ты дура.

Какое-то время он молчал, потом поднял взгляд на Сриву, которая, облокотившись спиной о массивный стол, наполовину стояла, наполовину сиде-

ла, вцепившись обеими руками, изящными и украшенными драгоценными камнями, в край стола. Ее руки казались стройными белыми колоннами, поддерживавшими ее красивое тело. Мутный взгляд Корсуса просветлел. — Иди ко мне, малышка, — сказал он, указав на колено.

И когда она уселась: — Моя маленькая фея, — сказал он, — для ночной прогулки ты слишком храбро оделась. Красное, для сангвинического гумора. — Его большая рука обняла ее за спину, а огромная, похожая на тарелку ладонь щитом закрыла грудь. — И от тебя очень сладко пахнет.

— Всего-навсего листья малабарской корицы, — ответила она.

— Я рада, что тебе нравится этот запах, милорд, — вмешалась Зенамбрия. — Служанки уверяли меня, что если эти листья вскипятить в вине, получится аромат, который превосходит по тонкости все остальные.

Корсус помолчал, по-прежнему глядя на Сриву, и наконец спросил: — Что ты там делала на террасе, в темноте, а?

Срива опустила глаза. — Лаксус просил меня увидеться с ним там.

— Хмм! — буркнул Корсус. — Очень странно, ведь в этот час он ждал тебя на аллее внутреннего двора.

— Он обманул меня, — сказала Срива, — и заслужил того, чтобы я пренебрегла встречей с ним.

— Пусть так. И ты порешила этой ночью стать политиком, моя кошечка? — спросил Корсус. — И вынюхивать новости об экспедиции в Демонландию? Это возможно. Но мне кажется, что Король пошлет Кориниуса.

— Кориниуса? — спросила Срива. — Не думаю. Корунд получит командование и весь почет, если ты, о отец, не заставишь Короля принять решение сегодня ночью, прежде чем миледи лиса поговорит с ним завтра.

— Ба! — воскликнул Корсус. — Ты еще маленькая девочка и ничего не знаешь. Она не уроженка Ведыландии, и у нее нет ни энергии, ни решительности, чтобы убедить его в этом. Нет, не Корунд окажется на свету, а Кориниус. Именно для этого Король вызвал его из Пиксиландии, которая была его, и отдал эту игрушку Лаксусу.

— Но, — сказала Зенамбрия, — будет чудовищно несправедливо, если Кориниус завладеет короной Демонландии, которая, конечно, намного превосходит корону Пиксиландии. Неужели этот молокосос получит все мясо, а ты, поскольку ты не очень молод, кости и очистки?

— Попридержи свой язычок, госпожа, — сказал Корсус, глядя на нее как на кислую микстуру. — У тебя даже не хватило ума, чтобы заполучить его для твоей дочки.

— Да, ты прав, о муж мой, — сказала Зенамбрия. — Прощу прощения.

Леди Срива засмеялась, обвила руками бычью шею отца и стала играть его усами. — Я согласна с вами, миледи мать, — сказала она. — Я должна выбрать себе одного мужчину из всех, находящихся в Карсё. И мне кажется, что Лорд Кориниус вполне подходящий кандидат: во всяком случае любой скажет, что его бритая губа намного лучше, чем твои жидкие усы.

— Хорошо, — сказал Корсус, целуя ее, — пусть будет по-твоему. Сегодня ночью я увижусь с Королем и поговорю с ним об этом деле. Кстати, мадам, — сказал он Зенамбрии. — Я сейчас провожу тебя в твои покои. Закрой покрепче дверь изнутри, а я, на всякий случай, закрою ее снаружи. Этой ночью народ будет веселиться до упаду, и я не хочу, чтобы какая-нибудь пьяная рожа оскорбила тебя, пока я занимаюсь государственными делами.

Зенамбрия пожелала ему спокойной ночи и предложила забрать с собой дочку, но Корсус отказал ей, сказав: — Я сам позабочусь о ее безопасности.

Когда они остались одни и Леди Зенамбрия заперлась в своей комнате, Лорд Корсус открыл дубовый шкаф и достал из него серебряный графин и два украшенных драгоценными камнями кубка. Наполнив их сверкающим желтым вином из графина, он заставил Леди Сриву выпить с ним, и не один раз, а дважды, и каждый раз она опустошала кубок до дна. Потом он придвинул свой стул к столу и тяжело облокотился на него, и положил голову на руки.

Срива шагала взад и вперед, обеспокоенная странной позой отца и его молчанием. Вино играло в ее венах; комната молчала, и она вспомнила поцелуи Кориниуса, его горячее дыхание, железное объятие его сильных рук... Часы пробили полночь, медленно и торжественно. Она подумала о своем обещании и почувствовала, как ее кости тают.

— Отец, — наконец сказала она, — только что пробил полночь. Если ты не пойдешь сейчас, будет слишком поздно. Ты идешь?

Герцог поднял лицо и посмотрел на нее. — Нет, — ответил он и опять повторил. — Нет. Где выгода? Я старик, дочка, и уже отцвел. Но мир, мир юн. Для Кориниуса, для Лаксуса, для тебя. Но больше всего для Корунда, который тоже не молод, но вокруг него куча сыновей и, самое главное, жена, которая, как лестница, поднимает его к трону.

— Но ты только что сказал —

— Да, но твоя мать была здесь. Она впала во второе детство раньше времени, и я говорю с ней как с ребенком. Корунд был не прав, женившись на молодой женщине? Чушь! Разве она не оплот и не бастион его счастья? Ты когда-нибудь видела парня, так быстро взлетевшего на самый верх? Мой секретарь, когда я сражался против Вурдалаков, и вот он намного обогнал меня, а ведь я на девять лет старше. Его уже называют королем, истинным королем, и, похоже, скоро он станет *Dominus fac totum*⁸ под нашим Королем, властелином всех мелких земель, если эта женщина удачно сыграет в свою игру. Разве Король уже не отдал ему Чертландию, и, если она преуспеет, он получит и Демонландию, и весь остальной мир. Клянусь адом, меня это оскорбляет, но что я могу поделать?

Он встал и, покачиваясь, потянулся к кубку с вином. И украдкой посмотрел на дочку, отведя глаза прежде, чем встретиться с ней взглядом.

— Корунд, — сказал он, выпив еще вина, — лопнул бы от смеха, услышав чопорную болтовню твоей матери; он наслаждается молодой женой, ему

8 *Dominus fac totum* (лат) — господин сделай все.

нечего сомневаться в ней, когда он уезжает по государственным делам, а когда возвращается домой, они опять живут вместе, в любви и согласии, и она всегда поддерживает его в наших спорах. Верь мне, не всякая дама сможет снискать благосклонность Короля.

Окно было открыто, и пока они молча стояли, снизу донеслись звуки лютни, и мужской голос, мягкий и глубокий, запел песню:

*Бык гордится рогами,
И копытами конь.
Малый зайчик ногами
Что летят как огонь.
Ну а льву даровала природа
Страшную пасть и великие годы.*

*Рыба плавает в море,
Птица в небе летит.
Муж сражается в поле
И в совете сидит.
Только женам природа не дала
Ничего, даже самую малость.*

*Нет у жен острых копий,
Нет у жен и копыт.
Лишь краса неземная,
Их единственный щит.
Но огонь и копье отступают
Перед женщиной — ангелом рая.*

Леди Срива знала, что это Лаксус поет перед окном ее комнаты. Кровь забила в ней, воображение расправило крылья и, странными опасными путями, понесло ее, но не к Лаксусу, к Кориниусу, на которого она раньше и не глядела.

Герцог подошел к ней, отшвырнув стул в сторону, и сказал: — Корунд и его куча сыновей! Корунд и его юная королева! И если его очаровала белая роза, почему бы тебе не стать алой, для меня? Дьявол меня заберет, если ты менее красива чем она, и ты пахнешь как целый розовый куст.

Щеки Сривы вспыхнули, глаза расширились и она уставилась на него. Герцог взял ее руки в свои.

— Значит ты не хочешь, чтобы эта иностранка и ее желтощекий ухажер взяли над нами верх? — сказал он. — Я считаю, что длинная борода, белая или черная, только вредит человеку. Да, эта драгоценная мадам со своими заморскими нарядами кажется непобедимой, но... Ты рискнешь сразиться с ней в честном бою?

Срива положила подбородок на его плечо и едва слышно прошептала: — Если дело дойдет до этого, ты увидишь.

— Сейчас! — сказал Корсус. — Презмира, как ты мне сказала, будет просить аудиенцию утром. Но самое лучшее время для женщины — ночь.

— Если бы Лаксус услышал тебя! — сказала она.

— Тише! — ответил он. — Он никогда не осмелится обвинить тебя, даже если узнает, и мы можем этим воспользоваться. Твоя дура-мать несла полную ахинею о чести. Это то, чему учат в школе, а поскольку мы уже оттуда вышли, скажи мне, разве источник чести бьет не из Короля Королей? Если он примет тебя, значит у тебя есть честь, и они все будут вести себя с тобой как с человеком чести. Я никогда не слышал, чтобы считали бесчестным того, мужчину или женщину, кого Король считает человеком чести.

Она засмеялась, отвернувшись от него к окну, ее рука все еще лежал в его. — Ох, ты дал мне слишком много вина! и я думаю, что оно качает меня больше, чем твои рассуждения. О отец, откровенно говоря я их вообще не помню, потому что плохо соображаю.

Герцог Корсус взял ее за плечи. Его лицо слегка возвышалось над ее, ибо она не была высокого роста. — Клянусь богами, — сказал он, — этот сильный запах алых роз пьянит мужчину сильнее, чем белых, хотя белый цветок больше. — И еще он сказал: — Почему бы не сыграть безумную шутку? Мантия и капюшон, маска, если захочешь, и еще мое кольцо, которое докажет, что ты — мой посол. А я подожду тебя во дворе, у подножия лестницы.

Она не сказала ничего, только улыбнулась и накинула большую бархатную мантию себе на плечи.

— Ха! — сказал он. — Вот дочка, которая стоит десятка сыновей.

Тем временем Король Горис XII сидел в своем кабинете за столом из полированного мрамора и писал на пергаменте. Серебряная лампа горела около его левого локтя. За открытым окном царствовала ночь. Король снял и положил на стол свою корону, которая слегка искрилась в тени лампы. Потом он отложил перо и вслух прочитал то, что написал:

— От Мя, Короля Гориса Двенадцатого, Величайшего Короля Вельм-ланда, и Чёртланда, и Демонланда, и всех прочих королевств, на коих падают лучи солнца, моему слуге, Корсусу: Должно тебе немедленно, со всей возможной поспешностью подготовить сильное войско и вместе с ним плыть в Демонланд, дабы наши непокорные и предательские данники, живущие там, почувствовали на себе силу Моего гнева. Аз желаю, дабы ты вошел в управление этой проклятой страной от Моего имени, вторгся бы в нее, и со всем прилежанием ограбил бы ее, и обратил бы в рабство жен и детей, и убил бы всех ее нечестивых мужчин, ибо ты самый преданный и пользительный для Меня слуга из всех, кто есть на моей службе; и еще я желаю, дабы ты сокрушил и разрушил все сильно-могучие крепости и замки, какие ни есть в этой стране, как то Гелинг, Крозеринг, Дрепаби, Оулсвик и прочие. Сей поход, с тобой во главе, да буде одним из величайших предприятий нашей великой державы, ибо должен ты тяжелой стопой пройти по Демонланду и навсегда сокрушить те ковы, кое грозят нам погибелью. И никому кроме тебя не могу я доверить сие

зело великое дело, особливо в это время, ибо осведомлен о твоих прошлых невообразимых заслугах на Моей службе. И как только получишь ты сей пергамент, немедленно приступай к делу и выполняй его тщательно и решительно, ибо должно оно быть исполнено к празднику урожая. Зане приказываю я тебе, Корсус, немедленно заняться снаряжением кораблей, набором моряков, солдат, конников, офицеров и особых персон, заготовкой оружия и припасов, и всеми прочими делами, необходимыми для войска и флота, кои будут использованы в этом предприятии, чему поручкой сие письмо, написанное Моей собственной рукой. Дано двадцать девятого числа осьмого месяца II года Моего правления во дворце Корс и запечатано печаткой Уробороса.

Король взял воск и тонкую свечку из большой золотой чернильницы, запечатал приказ рубиновой головой змея Уроборос и сказал: — Рубин, самый полезный для сердца, духа, мозга и памяти человека. Итак, решено.

В то самое мгновение, когда воск еще не затвердел на королевской печати, запечатавшей приказ Корсусу, кто-то робко постучал в дверь комнаты. Король приказал войти, и вошел начальник его личной стражи и встал перед королем, и передал ему просьбу об аудиенции: — О Лорд Король, показал он мне перстень — голову быка с жестокими ноздрями, вырезанную из черного опала — и знаю я, что это печатка Лорда Корсуса, которую его Лордство носит на большом пальце левой руки. Только это убедило меня, о Король, передать его просьбу в столь неподобающий час. И если я ошибся, то смиренно прошу Ваше Величество простить меня.

— Ты знаешь его? — спросил Король.

— Не могу сказать, о внушающий ужас повелитель, ибо надел он маску и большой плащ с капюшоном. Но это невысокий человек и говорит хриплым шепотом.

— Позови его, — приказал Король, и когда закутанная в плащ Срива вошла, вытянув кольцо вперед, сказал: — Ты выглядишь загадочно, хотя печатка и открыла тебе дорогу. Сними всё это и дай мне узнать тебя.

Но она ответила, все тем же хриплым шепотом: — О Король, сначала удалите отсюда этого человека. — И Король приказал оставить их наедине.

— О внушающий ужас повелитель, — сказал солдат, — должен ли я встать сразу за дверью?

— Нет, — ответил Король. — Жди в прихожей. И пускай никто не тревожит меня. — Потом повернулся к Сриве. — Если твои речи не окажутся более честными, чем твой вид, тебя ждет скверное ночное путешествие. Ибо только подняв один палец я способен превратить тебя в мандрагору. Если ты, конечно, уже не она.

Когда они остались одни, Леди Срива сбросила маску и откинула капюшон, обнажив голову, коронованную двумя тяжелыми косами, нависавшими надо лбом и ушами; в темно-рыжих волосах тлеющими углями мерцали серебряные заколки с гранатовыми головками. Король некоторое время мрачно разглядывал ее из-под теней больших бровей, молча и не шевелясь, и

невозможно было догадаться, какие мысли вызвало в нем ее неожиданное появление.

Она затрепетала и сказала: — О Милорд Король! Я надеюсь вы извините мне вторжение в ваши покои в такое время. Откровенно говоря я сама поражаюсь своей храбрости.

Король жестом приказал ей сесть в кресло, стоявшее справа от стола. — Тебе нечего бояться, мадам, — сказал он. — Я разрешил тебе войти и рад приветствовать. Какое дело привело тебя ко мне?

Огонь отцовского вина, который все еще слабо горел в ней, затрепетал и погас, как пламя догорающего костра под порывом ветра. Срива села в освещенное лампой кресло, глубоко вздохнула, стараясь успокоить бьющееся сердце, и сказала: — О Король, я очень боялась идти к вам, ибо хотела попросить совсем маленькую милость; маленькую для вас, о повелитель, но великую для меня, вашей скромной служанки. Но вот я пришла, и, увы, язык не в силах выговорить мою просьбу.

Блеск глаз, глядевших из-под темных ресниц, ужасал ее; но еще больший ужас шел от железной короны, сиявшей камнями и жестокими поднятыми когтями, лежавшей рядом с его локтем, или медных змей, переплетавшихся на ручках его кресла, или от поверхности стола, в ярком свете лампы казавшейся зеленой долиной, по которой текли красные кровавые реки и в которую, как клинки кинжалов, вонзались черные прожилки камня.

Тем не менее она набралась храбрости и сказала: — Если бы я была великим лордом, совершившим подвиги на службе вашего величества, как мой отец и другие, я уверена, о Король, вы бы даровали мне эту милость. — Он по-прежнему молчал, и, собрав все свое мужество, она продолжила: — Я тоже хочу послужить вам, о Король. И я пришла к вам спросить, как я могу это сделать.

Король улыбнулся. — Я долго глядел на тебя, мадам, и то, что ты сделала, уже доставило мне удовольствие. Празднуй и веселись, и не забивай себе голову полудночными беседами, по меньшей мере теми, которые заставят тебя похудеть.

— Похудеть, о Король? Судите сами. — И Леди Срива встала и осталась стоять прямо перед ним, освещенная светом лампы. Она развела руки в стороны и начала поднимать их, очень медленно, и бархатный плащ начал съезжать с ее плеч, пока не повис на ее поднятых руках, как крылья птицы, готовой к полету. Ослепительно белым засверкали ее прекрасные обнаженные плечи, и руки, и горло, и полуоткрытая грудь. Огромный гиацинт, свисавший на золотой цепи с шеи, устроился в выемке прекрасных грудей. Он то вспыхивал, то гас, когда ее грудь вздымалась и опадала.

— Милорд, вы грозилесь превратить меня в мандрагору, — сказала она. — Быть может вы сумеете превратить меня в мужчину.

Она не сумела прочесть ничего в его темном, как будто вырезанном из камня лице, железных губах и глазах, которые казались вспышками света в пустых пещерах.

— Так я послужила бы вам лучше, чем моя бедная красота. Если бы я была мужчиной, я пришла бы к вам сегодня ночью и сказала: «О Король, хватит вам страдать от этой собаки Джусса. Дайте мне меч, и я низвергну Демонландию и положу ее к вашим ногам».

И она опять уселась в кресло так, чтобы бархатный плащ закрыл ей спину.

Король задумчиво пробежал пальцами по когтям короны, лежавшей на столе.

— Это и есть та милость, которую ты хотела просить у меня? — спросил он. — Экспедиция в Демонландию?

Она кивнула.

— И отплыть сегодня ночью? — продолжал Король, внимательно глядя на нее.

Она смущенно улыбнулась.

— Но я должен знать, — сказал он, — что за слепень укусил тебя и заставил придти ко мне так странно и неожиданно после полуночи.

Она минуту помолчала, потом, набравшись храбрости, ответила: — Иначе кое-кто другой придет к вам первым, о Король. Поверьте мне, я знаю о приготовлениях, и тот, кто придет к вам утром, будет просить об этой чести для другого. Хотела бы я быть уверенной, что это не так, но я знаю об этом совершенно точно.

— Другой? — спросил Король.

— Милорд, — ответила Срива, — я не хочу называть имен. Но есть, о Король, опасный и прекрасный проситель, возлагающий надежды на другие струны чем те, на которых я могу играть. — И она склонила голову к столу, с любопытством глядя в его глубины. Корсаж и платье из алого шелка походила на цветочную чашу, из которой поднимались белые лепестки — руки и плечи. Наконец она взглянула вверх.

— Ты рассмешила меня, миледи Срива, — сказал Король.

— Я сама смеюсь собственным мыслям, — ответила она. — Вы бы залились громким смехом, о Милорд Король, только услышав их, ведь они так отличны от того, что мы говорим вслух. Будьте уверены, что мысли женщины — это флогер, который ветер все время поворачивает в разные стороны: в них нет ни порядка, ни постоянства.

— Давай услышим их, — сказал Король, наклоняясь вперед, его худая волосатая рука бесцельно скользнула по краю стола.

— Пусть будет так, милорд, — сказала она. — Мне внезапно вспомнились слова, которые сказала Леди Презмира, только что вышедшая замуж за Корунда и впервые появившаяся здесь, в Карсё. Она сказала, что правая часть ее тела стала Ведьмландской, но левая осталась Пикси. И наш народ очень обрадовался, что она посвятила правую часть себя Ведьмландии, но, о Король, ее сердце находится слева.

— И где, интересно, твое? — спросил Король. Она не осмелилась гля-

деть на него и поэтому не видела веселый свет, который, как летняя молния, осветил его темное лицо, когда она назвала имя Презмиры.

Его рука упала с края стола и Срива почувствовала, как его пальцы коснулись ее колена. Она вздрогнула, как вздрагивает парус, наполняясь на мгновение ветром. Но заставила себя сидеть спокойно и сказала тихим голосом: — Уж если вы произнесли это слово, Милорд Король, оно бросает луч света на мой ответ.

Он наклонился ближе и сказал: — Не думаешь ли ты, я захочу тебя? Я узнаю ответ, даже в темноте.

— Повелитель, — прошептала она, — я бы не пришла к вам самой глубокой ночью, если бы не была уверена, что вы — великий и благородный Король, а не любитель молоденьких девушек, который плохо обойдется со мной.

От ее тела пахло нежными ароматами, которые кружат голову: запах малабарской корицы смешанной с вином, и еще эссенция желтых лилий, выращенных в садах Афродиты. Король привлек ее к себе. Она обняла его за шею и прошептала в самое ухо: — Повелитель, я не усну, пока вы не скажите мне, что они должны отплыть и их капитаном будет Лорд Корсус.

Король какое-то время подержал ее в своих объятиях, как ребенка. Потом поцеловал в губы, долгим страстным поцелуем. Потом прыгнул на ноги, поставил ее, как куклу, на стол перед собой, и опять уселся в кресло, разглядывая ее со странной беспокойной улыбкой.

Внезапно он нахмурил лоб и поднял к ней лицо, его густая квадратная борода выступила из-под изгиба бритой верхней губы. — Девочка, — сказал он, — кто послал тебя?

И посмотрел на нее взглядом Горгоны. Вся кровь Леди Сривы собралась вместе и устремилась к сердцу, и она еле слышно ответила: — Клянусь, о Король, меня послал отец.

— А он был пьян, когда посылал тебя? — спросил Король.

— Откровенно говоря, да, о повелитель, — ответила она.

— Кубок, который он выпил, — сказал Король, — он будет помнить всю оставшуюся жизнь. Ибо на трезвую голову он никогда бы не подумал, что мою милость можно купить прекрасным платьем; клянусь душой, в злую минуту пришла ему эта мысль, и он заплатит за нее, жизнью.

Заплакала Леди Срива, заплакала и сказала: — О Король, прошу, простите нас.

Но Король метался по комнате как разъяренный лев. — Неужели он боялся, что я поставлю на это место Корунда? — сказал он. — Тогда он выбрал самый надежный способ сделать это, если его попытка вообще могла подвигнуть меня хоть на что-нибудь. Он должен научиться приходить ко мне со своим собственным ртом, если надеется что-то от меня получить. Или нет, пошлю его подальше от Карсё и лишу возможности видеть меня, и пускай все повелители Ада заберут его туда.

Наконец Король остановился рядом со Сривой, которая все еще стояла на столе и жалобно рыдала, закрыв лицо обеими косами — трогательное зре-

лице плачущей красавицы. Какое-то время он глядел на нее, потом поднял в воздух и, сев на свое высокое кресло, одной рукой посадил ее себе на колено, а другой нежно повернул лицом к себе. — Хватит плакать, — сказал он. — Я не виню тебя. Возьми послание, которое лежит на столе.

Она повернулась в его руках и взяла в руку пергамент.

— Ты знаешь мою печать? — спросил Король.

Она кивнула, да.

— Читай, — сказал он, разрешая ей встать. Срива встала около лампы и прочитала.

Король подошел к ней сзади, крепко взял за руки, наклонил голову к самому уху и горячо зашептал: — Ты видишь, я уже выбрал своего генерала. Я разрешил тебе узнать это, ибо ты не уйдешь отсюда до утра. Но я не хочу, чтобы ты решила, будто неотразимые чары твоей красоты могут повлиять на мою политику.

Она припала к его груди, слабая и обессиленная, а он целовал ее шею, глаза и горло, потом их губы встретились в длинном сладострастном поцелуе. Руки Короля обжигали ее тело, как раскаленные угли. Хотя она и помнила о Кориниусе, который будет беситься перед открытой дверью и пустой комнатой, Леди Срива была довольна.

XVII. КОРОЛЬ СПУСКАЕТ СВОЕГО СОКОЛА

КАК ЛЕДИ ПРЕЗМИРА ПРИШЛА К КОРОЛЮ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ДЕЛУ И КАК ОНА ПРЕУСПЕЛА В НЕМ; И ПОЧЕМУ КОРОЛЬ ПОСЛАЛ В ДЕМОНЛАНДИЮ ГЕРЦОГА КОРСУСА; И КАК НА ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ИЮЛЯ ЛОРДЫ КОРСУС, ЛАКСУС, ГРО, ГАЛЛАНДУС И ДРУГИЕ ОТПЛЫЛИ С ФЛОТОМ ИЗ ТЕНЕМОСА

УТРОМ следующего дня пришла Леди Презмира просить аудиенции у короля, и, войдя в его личные покои, встала перед ним, величественная и прекрасная, и сказала: — Повелитель, я пришла поблагодарить вас, ибо последней ночью в пиршественном зале мне не представился подходящий случай для этого. Конечно это нелегко, ибо если я захочу воздать вам достойную хвалу, мне придется слишком много говорить о заслугах Корунда, завоевавшего для вас целое королевство: но если я буду слишком много распространяться об этом, то смогу только преуменьшить вашу щедрость, о Король. А неблагодарность — самый ненавистный из пороков.

— Мадам, — сказал Король. — Тебе нет необходимости благодарить меня. А великие дела трубят в мои уши громом фанфар.

И Леди Презмира рассказала ему о письме Корунда из Чертландии. — О Повелитель, сейчас вы уже повелеваете многими народами, и необходимо сделать так, чтобы новые короли-данники приходили в Карсё и провозглашали вам великую славу. О Король, как долго эти сорняки из Демонландии будут оскорблять вас, не склоняя перед вами шею?

Король не ответил ничего. Только приподнял верхнюю губу, обнажив белые зубы, как тигр перед добычей.

Но Презмира продолжала, с отчаянной смелостью: — Повелитель, не гневайтесь на меня. Мне кажется, что верный слуга всегда должен искать новый способ возвеличить честь своего господина. И разве запад от нашего моря не то место, где Корунд может послужить вам верой и правдой, куда сможет он повести флот и армию и покончить с ними прежде, чем они оправятся от великого удара, который вы нанесли им в прошлом мае?

— Мадам, — ответил Король, — это моя забота. Я поговорю с тобой когда потребуется твой совет, но не сейчас. — Он встал, давая понять, что с этим покончено, и сказал: — Сегодня я собираюсь отдохнуть и поохотиться. Мне передали, что у тебя есть соколиха, которая превосходит даже сокола Кориниуса. Сегодня спокойная ясная погода. Не можешь ли ты взять ее с собой и показать нам, как она охотится на цаплю?

— С радостью, о Король, — ответила она. — Тем не менее я прошу вас добавить еще одно благодеяние к вашему прошлым и выслушать еще одно мое слово. Что-то убеждает меня, что вы уже решились на это предприятие, и поскольку вы не хотите мне об этом говорить, я боюсь, что ваше величество уже выбрало предводителя этого похода, и это не Корунд.

Темный и неподвижный, как его собственная темная крепость в ярких лучах рассвета, стоял Король Горис XII и смотрел на нее. Свет солнца, струившийся через восточное окно, зажег красно-розовый пожар на локонах густых волос дамы, и с ослепляющим блеском отражался от бриллиантов, скрепляющих эти локоны. Немного помолчав, он заговорил: — Предположим, что я са-

довник. Тогда я не пойду за советом к бабочке. Пускай она радуется, что для ее удовольствия есть кусты роз и розового седума, и если ей этого мало для счастья, я выращу для нее и другие цветы. Мадам, если тебе этого мало, я устрою для тебя еще больше пиров, охот и развлечений в Карсё. Но война и политика не женское дело.

— Вы забыли, о Король, — сказала Леди Презмира, — что Корунд сделал меня своим посланцем. — Но увидев, что лицо Короля потемнело, она поторопилась добавить: — Но не во всем, о Король. Откроюсь вам как на духу. Мой супруг может сильно способствовать успеху экспедиции, даже если не будет ее возглавлять.

Кроль со злостью посмотрел на нее. — Рад слышать, — сухо сказал он. Но потом его лоб прояснился и он добавил: — Если уж тебе так хочется об этом знать, мадам, то знай, что приказ уже отдан. Прежде, чем к нам вернутся зимние ночи, Демонландия станет моей подставкой для ног. И напиши своему супругу, что я дам ему все то, что он желал раньше.

Глаза Презмиры заплясали от радости. — О, счастливый для него день! — крикнула она. — И мой тоже, о Король?

— Если твой и его одно и то же, — сказал Король.

— А, — сказала она, — вы знаете, что мои скачут быстрее его.

— Тогда научи его, — сказал Король, — бегать в упряжке. Как ты думаешь, почему я послал Корунда в Чертландию, хотя и знаю, что с его умом и храбростью он может править огромным королевством? И разве я должен, как своевольный ребенок, выхватывать из его рук Чертландию, как наполовину законченную вышивку?

Потом отпустил ее, куртуазно попрощавшись. — Мадам, я надеюсь сегодня опять увидеть тебя, за три часа до полудня, — сказал он и ударил в гонг, призывающий капитана стражи. — Солдат, — сказал Король, — проводи Королеву Чертландии. И передай Герцогу Корсусу, что я его жду, немедленно.

За три часа до полудня Лорд Гро встретился с Леди Презмирой в воротах внутреннего двора. Она надела костюм для верховой езды из темно-зеленого шелкового газа с узким рюшем, отделанном жемчугом. — Ты едешь с нами, милорд? — спросила она. — Конечно, и я очень признательна тебе. Я знаю, ты не любишь охоту. Тем не менее ты обязан ехать, хотя бы для того, чтобы спасти меня от Кориниуса. Он все утро надоедал мне странными комплиментами, и я совершенно не понимаю почему.

— И в этом, — сказал Лорд Гро, — я твой слуга, как и в более серьезных делах. Но у нас еще есть время, ибо Король будет готов не раньше, чем через полчаса. Он закрылся в своих покоях вместе с Корсусом, и они обсуждают подготовку армии против Демонов. Ты слышала об этом?

— Только глухой мог бы не услышать колокол, который звенит не переставая, — ответила Презмира.

— Увы, — сказал Гро, — мы слишком поздно легли спать прошлой ночью и слишком долго лежали в кровати этим утром!

— Но не я, — сказала Презмира. — И теперь злюсь на саму себя за то, что действительно не поступила так.

— Как? Неужели ты видела короля перед советом?

Она кивнула, да.

— И он отказал?

— С бесконечным терпением, — сказала она, — но наотрез. Мой супруг будет держать Чертландию, пока не выпадет из седла. И, откровенно говоря, для этого есть очень серьезные основания.

— Мадам, я вижу, что ты вынесла этот удар с истинным благородством и рассудительностью, — сказал Гро.

Она улыбнулась. — Мое страстное желание — увидеть гибель Демонландии. Однако я действительно поражена тем, что Король выбрал для этого грубую дубинку, когда рядом с ним столько острых клинков. Ты только взгляни на его оружейную.

Они стояли в самых воротах рядом с верхней площадкой лестницы, круто спускавшейся к реке, и видели лордов Вейдмландии, встретившихся за мостовыми воротами и готовых скакать на охоту. И сказала Презмира: — Милорд Гро, разве не нужна отчаянная храбрость только для того, чтобы жить в Карсе, который правит всей землей? Здесь собрались одни хабрецы.

Они спустились вниз, перешли мост и пошли по Пути Королей, чтобы встретиться с лордами, ждавшими на открытом лугу на левом берегу Друимы. Там Презмира сказала Лаксусу, который сидел на черном мерине с серебряной гривой: — Я вижу, что сегодня ты взял с собой несколько ястребов, милорд.

— Да, мадам, — ответил он. — И нет ястребов сильнее, чем эти. К тому же все они очень жестоки и любят вонзать когти во всех подряд, и мне приходится держать их по отдельности, иначе они перебьют друг друга.

Срива, находившаяся рядом, протянула руку и погладила их. — Я очень люблю их всех, — сказала она. — Они такие сильные, ну просто маленькие короли, — и она весело рассмеялась. — Но сегодня, откровенно говоря, я не могу смотреть на того, кто ниже Короля.

— Ты можешь смотреть на меня, — предложил ей Лаксус, — хотя я не беру свою корону в поле.

— Вот поэтому я тебя не заметила, — сказала она.

— А почему ты, Королева, не хвалишь моих соколов? — спросил Лаксус, обращаясь к Презмире.

— Я хвалю их, — ответила она, — но с оговоркой. По моему они подходят скорее твоему темпераменту, милорд, чем моему. Это хорошие соколы для охоты в кустах. Но я люблю высокие горы.

Ее приёмный сын Хеминг, темнобровый, с утрюмыми глазами, расхохотался во все горло, зная, что она намекает на Демонландию.

Тем временем Кориниус, сидевший на высоком, серебряно-белом же-

ребце с черными кончиками ушей, гривой и хвостом, все четыре ноги которого тоже были черными как уголь, протиснулся к Леди Сриве и заговорил с ней так, чтобы никто другой не сумел услышать его слова: — В следующий раз ты не проведешь меня, и я буду иметь тебя когда захочу и где захочу. Обманывай кого хочешь, хоть самого Дьявола, но меня во второй раз не обманешь, ты лживая неверная лиса.

Она ответила, очень тихо: — Ты, зверь, я исполнила свою клятву до последнего слова, и оставила дверь открытой. И если ты не нашел меня внутри, так я тебе этого и не обещала. И знай, что я нашла кое-кого, более великого, чем ты, и который нравится мне намного больше: по меньшей мере он не тискает по углам каждую кухонную шлюху. Я знаю, милорд, и тебя и твои пошутки.

Лицо Кориниуса вспыхнуло. — Да, так было, но сейчас я покончил с этой вредной привычкой. Но, на самом деле, вы все одной породы, и они такие же мерзкие шлюхи, как и ты.

— Мяу! — сказала она. — Очень остроумно. Вот теперь ты заговорил своим настоящим языком, жалкий мальчишка-конюх.

Кориниус с такой силой вонзил шпоры в бока своего жеребца, что тот подпрыгнул в воздух, а потом крикнул Леди Презмире: — Несравненная леди, я хочу показать вам моего нового коня, который прыгает, бегаёт и скачет без остановки, пока не станцует полный тур галлиарды⁹. — После чего, пустив жеребца рысью, заставил его сделать поворот на месте, потом пройтись иноходью, еще дважды повернуть и, наконец, полным галопом подлетел к Презмире и резко остановился.

— Прекрасно, милорд, — сказала она. — Но я бы не хотела быть твоей лошадьёю.

— Неужели мадам? — крикнул он. — И почему?

— А потому, — ответила она, — что даже если бы я была самым темпераментным и сильным созданием в мире, острым как имбирь, гибким и быстрым, и могла бы делать все эти курбеты, я бы побоялась, что, в очередной раз получив шпорами в бока, рухну как подкошенная.

После чего Леди Срива громко расхохоталась.

Наконец среди них появился Король Горис, со своими сокольничими и ловчими, и егерями, державших на поводках легавых и спаниелей, и огромной сворой гончих. Король ехал на черной кобыле, такой высокой, что голова человека едва доставала до ее холки. На правую руку он надел кожаную перчатку, на которой неподвижно сидела орлица, с клобуком на голове, вцепившись в перчатку когтями. — Вперед, — сказал Король. — Корсус не пойдет с нами: он полетит за более высокой добычей. Его сыновья остались с ним, ибо

9 Галлиарда или романеска — итальянский танец, римского происхождения. Судя по отзыву музыкального писателя Преториуса (1668), этот танец отличался не только веселым, но неистовым и даже неприличным характером. Преториус называет его дьявольским изобретением. Тем не менее в XVI столетии галлиарду танцевали много и охотно.

готовятся к путешествию и не хотят терять ни минуты. Остальные будут наслаждаться охотой.

Все приветствовали короля и поскакали за ним на восток. Леди Срива прошептала на ухо Кориниусу. — В Карсё, милорд, правит волшебство, и оно привело к тому, что никто не может ни видеть ни коснуться меня между полночью и криком петуха, за исключение того, кто станет Королем Демонландии.

Но Кориниус сделал вид, что не слышит ее, и повернул коня к Леди Презмире, которая, в свою очередь, немедленно подскакала и Лорду Гро. Срива засмеялась. Весело на сердце было у нее в тот день, на запястье сидел маленький жестокий мерлин, и ей все время хотелось поговорить с Королем. Но Король вообще не обращал на нее внимания, ни разу не взглянул и не сказал ни слова.

Так они ехали какое-то время, шутя и переговариваясь, к границе с Пиксиландией, пока на их пути не взлетели цапли, и никто не оказался лучшим, чем соколы Презмиры, взлетавшие с ее кулака во многих сотнях шагов от добычи, спиралью устремлявшиеся в облака и кружившие там круг за кругом, выше и выше, пока дичь не становилась маленьким пятнышком в небе, а оба ее сокола — двумя еще меньшими пятнышками рядом с ней.

Но когда кавалькада поднялась повыше, к кустам и перелеску, тогда сам Король свистнул, призывая свою орлицу взлететь с кулака. Она взлетела так, как если бы хотела никогда больше не вернуться назад, и тем не менее, услышав громкий крик, немедленно повернула обратно и стала парить в воздухе высоко над его головой, пока гончие не загнали волка. Тогда она рванулась вниз, как молния, и Король спрыгнул на землю и помог ей охотничьим ножом; и так повторилось три или четыре раза, и три или четыре волка были убиты. Это была величайшая охота.

И Король, очень любивший свою орлицу, дал ей съесть печень и легкие последнего волка. Потом отдал ее сокольничему и сказал: — Сейчас мы поскачем прямо на равнины Армани, и там спущу я другую орлицу, которую поймали в марте на холмах Лагроса. Она стоила мне много часов ночного отдыха, ибо постоянно будил я и ее, и ее сокольничего, и учил ее подчиняться мне и прилетать на мой голос. Ныне спущу я ее на большого черного медведя, живущего в Лагросе, из-за которого уже два года страдают окрестные фермеры, ибо приносит он им смерть и разорение. И насладимся мы прекрасным зрелищем, если не будет она слишком застенчивой.

И королевский сокольничий принес орлицу, и посадил Король ее себе на кулак. Была она черной, с красным клювом, великолепная на вид. Ее ноги сковывали красные кожаные путы с маленькими серебряными колечками, на каждом из которых был выгравирован краб — герб Ведьмландии. И ее клубук, тоже сделанный из красной кожи, был отделан серебром. Сначала она рвалась с кулака Короля, клекотала и била крыльями, но вскоре успокоилась. И поскакал Король вперед, послав своих огромных ищеек на поиски медведя, и все последовали за ним.

Не прошло и нескольких минут, как они подняли медведя, глаза которого налились кровью при виде королевских гончих. Обезумев от гнева, медведь набросился на них и так ударил самую ближнюю к нему, что ее кишки хлынули наружу. Король снял клобук с орлицы и она взлетела с его кулака. Но, дикая и еще плохо выдрессированная, она ударила не медведя, а собаку, которая держала его за ухо. И вонзила она свои жестокие когти в шею собаки и вылевала ей глаза прежде, чем человек успел бы дважды выругаться.

Гро, ехавший рядом с королем, пробормотал: — Ох, не нравится мне это. Ужасное предзнаменование.

Но Король выехал вперед и ударил медведя копыем, поразив его сверху и немного сзади в плечо. Острый наконечник дошел до сердца и умирающий медведь упал, захлебываясь в собственной крови. Потом Король в гневе ударил орлицу тупым концом копья, но не сильно, вскользь; орлица улетела и пропала из виду. И Король очень разгневался из-за потери собаки и бегства орлицы, но главным образом из-за того, что ему пришлось самому убивать медведя. И приказал он егерям снять с медведя шкуру и принести домой, как охотничий трофей, и все поскакали обратно.

Спустя какое-то время позвал Король Лорда Гро и выехал с ним немного вперед, так, чтобы ничьи уши не слышали их разговора. Заговорил Король с Лордом Гро и сказал: — Ты выглядишь очень недовольным. Неужели только из-за того, что я не посылаю Корунда в Демонландию, дабы он закончил дело, начатое в Эшграр Ого? И ты что-то пробормотал о предзнаменованиях.

— О Милорд Король, — ответил Гро, — простите мне мои страхи. Что касается предзнаменований, поговорка говорит «Дурак выдает желаемое за действительное, умный — действительное за желаемое». Я сказал не подумав. Разве можно оплакивать решения Судьбы? Но поскольку вы произнесли имя Корунда...

— Я назвал его, — сказал Король, — ибо у меня до сих пор звенит в ушах от женских слов. Кроме того я не сомневаюсь, что ты — заинтересованное лицо.

— Настолько, — ответил Гро, — что это вообще моя мысль: он лучше всего годится для этого, о Король.

— Возможно, — сказал Король. — Но разве я должен ударять по воздуху, когда случай стучит мне в ворота? Я уже говорил тебе, что сведущ в магическом искусстве, но даже я не могу остановить бег времени, вызвать Корунда из Чертландии и направить его на запад.

Гро сдержал коня. — Ну, — сказал Король, — я хотел бы еще что-нибудь услышать от тебя.

— Милорд, — ответил Гро, — мне не нравится Корсус.

Лицо короля сморщилось, и Гро опять придержал коня. Тем не менее, видя, что Король молчит и ждет, Гро продолжил: — Поскольку ваше величество ждет моего совета, я выскажу все, что думаю. Вы знаете, о Повелитель, что Кориниус — самый последний из всех людей в Карсё, которых бы я назвал

своими друзьями, и если я поддержу его, не подумайте, что мной движет какой-то личный интерес. Я совершенно уверен, что Корсус ни в коем случае не должен участвовать в этой экспедиции и лучше всего послать его в Чертландию, где он мог бы отпраздновать свои победы и, возможно, перехватить Джусса и Брандох Даха, если им повезет и они вернутся из Коруны; и, как вы только что вы справедливо сказали, о Король, настало время для быстрых действий. Но, если не он, у вас нет никого лучше Кориниуса. Великолепный солдат, опытный капитан, молодой, жестокий, решительный, и еще такой, который, встав, никогда не сядет снова, пока не закончит свое дело. Пошлите его в Демонландию.

— Нет, — сказал Король. — Я не пошло Кориниуса. Разве ты не знаешь, что соколов, какими бы прекрасными, гордыми и жестокими они не были, необходимо приручить, прежде чем спускать на жертву? И он такой же, и я должен приручить его строгостью и принуждением, прежде, чем я буду полностью уверен в нем. Ровно год назад, когда из-за своего пьянства он позабыл о всех моих советах, разрушил мои планы, разорвал наши отношения с Пиксиландией и освободил пленников, я поклялся и сказал ему, что отныне всегда буду предпочитать ему Корунда, Корсуса и Лаксуса, пока он как следует не потрудится на моей службе и не завоюет опять мое доверие.

— Хорошо, пускай слава достанется Корсусу, но Кориниус способен работать без усталости. Пошлите его секретарем Корсуса, и это очень поможет успеху экспедиции, о Король.

Но Король недовольно ответил: — Нет. Ты глупец, если думаешь, что он согласится, ибо, находясь в немилости, самым своим унижением выставляет себя более великим, чем раньше. И конечно, я не попрошу его, ибо не хочу, чтобы он завоевал славу отказом.

— Милорд Король, — сказал Гро, — когда я сказал, что мне не нравится Корсус, вы усмехнулись. Тем не менее не простая учтивость заставила меня сказать это, но страх, что он залез в старую одежду: он усох под дождем и может не выдержать испытание.

— Клянись рогами Сатаны, — сказал Король, — что за безумные речи? Ты что, забыл Вурдалаков? Ах да, двенадцать лет назад тебя с нами не было. И все-таки, Какое это имеет значение? Когда плеск весел их огромных кораблей разносился по всему миру, мы выстояли, и не кого-нибудь другого, а только Корсуса должны мы благодарить за спасение от самой большой опасности, угрожавшей самому существованию Вельмландии. А потом, спустя пять лет, он удержал Харквем, осаждаемый Голдри Блазко, и, в конце концов, заставил того снять осаду и бесславно вернуться домой, хотя все Сибрионское побережье было захвачено Демонами.

Гро склонил голову, отказываясь говорить. Король какое-то время молчал, потом оскалил зубы: — Когда я решаю сжечь дом моих врагов, — сказал он, — я выбираю хороший факел, полный смолы и канифоли, и умеющий широко разбрасывать огонь. Таким и был Корсус, десять лет назад, когда он поехал жечь Гоблинландию, дурная поездка, на которую я, если бы был коро-

лем, никогда не согласился бы. Брандох Даха взял его в плен на поле Лормерон и жестоко обошелся с ним: раздел его догола, выбрил с одной стороны так гладко, что он стал походить на мячик для тенниса, раскрасил желтым и с позором отправил домой. Проглоти меня Ад, но я думаю, что он до сих помнит эти события. И, я уверен, ты увидишь его храбрые деяния в Демонландии, когда он окажется там.

Но Гро по-прежнему молчал, и, после паузы, Король продолжил: — Я дал тебе три причины. По моему вполне достаточно. Но есть еще одна, которая сама по себе почти ничего не весит, и, тем не менее, вместе с другими склоняет чашу весов на его сторону. Всем своим слугам давал я великие задания, и награждал их великими наградами: Корунду Чертландия и ее корона, то же самое Лаксусу в Пиксиландии, тебе обещана Гоблинландия и ее корона. Но моя старая охотничья собака сидит в конуре, без кости в зубах. Это плохо, для этого нет никаких причин, и не может продолжаться дольше.

— Повелитель, — сказал Гро, — своими аргументами и мудрыми предвидениями вы совершенно раздавили меня. И все-таки мое сердце предчувствует беду. Вы хотите въехать в Гелинг, Но для этого выбрали коня без звезды во лбу. Взамен я вижу на его лице облако, а это знак ярости, упрямства, неудач и несчастий.

Они спустились вниз на Дорогу Королей. На запад лежали болота, и огромное тело Карсё темнело в восьми или десяти милях от них, и башни Тенемоса проламывали горизонт сразу за ним. Король, после долгого молчания, посмотрел вниз, на Гро. На фоне неба резко выделялось его узкое костистое лицо, ужасное и гордое. — Тогда ты тоже, — сказал он, — поплывешь в Демонландию. Лаксус будет командовать флотом, ибо вода — его стихия. Галландус будет секретарем Корсуса, а ты — их советником. Но общее командование остается за Корсусом. Я не собирают умалять его власть, ни на волосок. Джусс пригласил нас сыграть в кости, и от меня играет Корсус. Если я проиграю вместе с ним, пусть Ад сгноит его за фальшивые кости. Но я не поставлю все мое состояние на один бросок. В моем кошельке есть фальшивая кость, которую я брошу в самом конце и заберу все, что Демоны выставят против меня.

Так завершился день охоты. И в этот день, и в следующий, и еще почти месяц герцог Корсус переворачивал всю страну, готовя огромную армию. И на пятнадцатый день июля корабли, снаряженные и готовые к плаванию, стояли на рейде Тенемоса, а пять тысяч человек в полном вооружении, вместе с лошадьми, вышли из своего лагеря около Карсё и направились к морю.

Впереди всех шел Лаксус с короной Пиксиландии на голове; за ним — эскорт из моряков, и они громко объявляли его королем, подданным короля Гориса Ведьмландского. Отважным человеком он казался, красивым и сильным, с открытым лицом и блестящими глазами моряка, рыжей вьющейся бородой и тоже вьющимися волосами. За ним шла основная армия: пехотинцы, вооруженные топорами, копьями и короткими кинжалами, йомены и фермеры с равнин вокруг Карсё, южных виноградников или холмов рядом с Пиксиландией, крепкие сильные парни, здоровенные как медведи, грубые как ди-

кие быки, и ловкие как обезьяны; четыре тысячи, выбранные Корсусом из множества желающих, лучшие из лучших. Сыновья Корсуса, Декалайус и Гориус, ехали в ряд перед ними, и двадцать трубачей шли следом, играя боевые марши. Топот тяжелых шагов по вымощенной камнем дороге казался топотом Судьбы, идущей с востока. Король Горис, сидевший в кресле на зубчатой стене над водяными воротами, увидев их раздул ноздри, как лев, почувствовавший запах крови. Было еще раннее утро, ветер дул на юг, и огромные знамена, синие зеленые, фиолетовые и золотые, на каждом из которых был изображен железный краб, гордо развевались по первым лучам солнца. За пехотинцами шли четыре или пять конных рот, гордые всадники в медных латах, с круглыми щитами и сияющими копьями, и, наконец, замыкал процессию сам Корсус с избранным легионом из пяти сотен ветеранов, шедших за ним: жестокие, еще полные сил солдаты с побережья, прошедшие вместе с ним Пиксиландию и страны за восточным океаном, и стоявшие рядом с ним в те славные дни, когда он разгромил Вурдалаков, угрожавших самому существованию Ведмландии. Слева и справа, но немного позади, ехали Гро и Галландус. Красен лицом был Галландус, осанистый и приятно выглядевший человек, с длинными ногами и руками, рыжими усами, и большими и добрыми, как у собаки глазами.

Презмира стояла рядом с королем, рядом с ней леди Зенамбрия и Срива, и все они глядели на длинные колонны, шагающие к морю. Хеминг, сын Корунда, опирался на зубец стены. За ним стоял Кориниус, одетый в праздничный наряд, со скептической усмешкой на губах и сложенными руками; его голову украшал венок из белладонны, а на могучей груди красовалась массивная золотая эмблема главного капитана крепости Карсё.

Корсус, который как раз проезжал под ними, поддел кончиком меча свой большой бронзовый шлем с плюмажем из выкрашенных зеленой краской перьев страуса, и поднял его высоко над головой в честь короля. Ветер шевелил его редкие седые волосы, и гордость пламенела на его лице как ноябрьский закат. Он ехал на темном жеребце, массивном, как медведь, тяжело ступавшим под весом всадника и его оружия. Ветераны, шедшие следом, тоже нанизали шлемы на копья, мечи или алебарды, подняли их вверх и запели старый марш, отбивая такт закованными в железо ногами, шагавшими по Дороге Королей.

*На побережье Тенемос,
Веселый светлый Тенемос.
Тирра-лирра лей.
Пришли Вампиры в Тенемос,
Сожгли прекрасный Тенемос.
Доун-дерри дей.*

*Но очень жестким Корсус был.
Когда в Тенемос он приплыл.
Тирра-лирра лей.*

*Вампир все зубы обломал,
Кишками морду обмотал,
Домой с позором убежал.
Доун-дерри дей.*

Король поднял вверх свой посох, возвращая Корсусу приветствие, и все люди Карсё, стоявшие на стенах, разразились радостными криками.

Вот так Лорд Корсус спустился к кораблям со своей огромной армией, которая должна была принести горе и несчастья в многогорную Демонландию.

XVIII. УБИЙСТВО ГАЛЛАНДУСА КОРСУСОМ

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА КОРОЛЯ ГОРИСА XII В ДЕМОНЛАНДИИ; И КАК В СТАРОМ СОЛДАТЕ ТИРАНИЯ И УПРЯМСТВО МОГУТ ПЕРЕЖИТЬ ИСКУССТВО ГЕНЕРАЛА; И КАК НЕДОВОЛЬСТВО ВЕЛИКОГО КОРОЛЯ ДАЕТСЯ ТОЛЬКО ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ НАЧИНАЕТ МЕШАТЬ ЕГО ПОЛИТИКЕ

Ва то время, что флот шплыл из Тенемоса, не произошло ничего, пока не настал первый день августа. И с запада в Тенемос приплыл корабль, и поднялся по реке до Карсё, и причалил у водяных ворот. Шкипер сошел на землю, поднялся во дворец и его провели прямо в новый пиршественный зал, где Король Горис XII пирует со своими людьми. И передал шкипер письмо прямо в руки короля.

Настала ночь, и зажглись в зале яркие огни. Пир почти закончился, и рабы наливали венчающее праздник темное вино королю и тем, кто еще сидел за столом. На столах стояли чудесные удивительные блюда: быки, свиньи, грифоны и другие животные, сделанные из сахара, в их животах находилось вино, которое текло из крана, закрытого серебряной втулкой. В огромном зале царил веселье и радость, но все мгновенно замолчали увидев, что лицо короля, читающего письмо, резко изменилось. Но никто не сумел прочитать выра-

жение лица короля, загадочно-непроходимое, как нависавшие над болотом глухие стены, окружавшие Карсё. И в ждущем молчании, сидя на своем высоком троне, Король прочитал посланное Корсусом письмо, в котором говорилось следующее:

Величайший из Королей, Высокий Князь и Лорд, Горис Двенадцатый, Государь Ведьмланда и Демонланда, и всех других королевств, на коих падают лучи светила! Пишет вам смиренный ваш слуга Корсус, пылинка пред лицом вашим, пылинка на поверхности земли. Пускай Боже дарует вам, самый благородный из всех Лордов, здравие и долгая лета жизни. Получивши приказание ваше, в котором Ваше Величество со всей вашей королевской добротой назвало мя командиром вашего великого войска и приказало мне снарядить его припасами и плыть с оным в Демонландию, я, дабы усердно исполнить волю государеву, с поспешностью и с великим тщанием снарядил его оружием, собрал прочие припасы и отправился к тем частям Демонландии, кои лежат супротив берегов восточных морей. И отплыл я с двадцать семью судами, и с главными своими силами доплыл до устья реки Миклефриз и там нашел я десять или одиннадцать судов Демонов, вышедших из гавани Сторожего Мыса, и командовал оным флотом известный Вола; и потопил я все суда до единого, включая и карабль оного Вола, и убил большинство Демонов, что были с ним, и всех его матросов.

Ныне должно рассказать, о Лорд Король, что перед высадкой разделил я флот на две части: сам с пятнадцатью караблями причалил к берегу в Экскануа, а Галландуса с двенадцатью отправил в обход с моим приказом перейти через холмы Силалонда и захватить проход именуемый Ушко, ибо только через него можно попасть на восток, и этот проход настолько узок, что с малым счастьем один человек мог бы там задержать многих, если он не дурень.

Сиречь избавились мы от Вола, и послал я лазутчиков, и узнал, что был это весь флот Демонов, ныне лежащий он на дне, и что полностью погубил я его, и без него стали они слабыми и жалкими, и немногие осмелились выступить супротив моей силы, когда пришел я в высокое место, именуемое Грюнде, что находится на северной оконечности устья реки Брейкингдейл, недалеко от моря. Здесь разбил я свой лагерь на крутых холмах, спускающихся к соленому морю, дабы оно омывало мя спереди и сзади, и подвез туда припасы, и сжег все вокруг и стал брать рабов, и выслал конных лазутчиков. И на четвертый день заметил я большую силу, пришедшую ко мне с юга, из Оулсвика, и хотели они осадить меня в Грюнде. И сразился я с ними, и отогнал их прочь, и было их четыре или пять тысяч солдат. И когда на следующий день решили они вернуться в Оулсвик, последовал за ними, и встал против них в месте, именуемом Кроссби Оутсайкс, где они устроили сильную крепость, стерегущую мост через реку Эзри. Здесь произошла славная битва, и верный слуга Вашего Величества с легкостью разгромил и убил этих Демонов, заставил их упиться собственной кровью, и больше никто не вспомнит о них ни раз и ни два,

ибо стер я их из человеческой памяти, и с радостью говорю я Вам, что их капитан, Виз, убит и пал с оружием в руках на поле Кроссби.

И после этой славной виктории держу я в руке моей весь Демонланд, и выступил я в поход, дабы, согласно воле Вашего Величества, предать огню и разграбить богатые замки и деревни, и изничтожил всех людей и все поселения на своем пути на восточном побережье на пятьдесят миль от берега. И встала моя армия пред Оулсвиком, замком кровавого Спитфайра, и была это последняя еще не разрушенная мной крепость ваших врагов, опасных, порочных и злонамеренных, и убежал помянутый Спитфайр в горы еще до моего прихода, а все остальные хотят сдаться и стать вассалами Вашего Величества. Но я не буду заключать с ними мир и убью их всех, не жалея ни женщин, ни детей, но желая только доставить радость Вашему Священному Величеству.

Здесь я останавливаюсь, ибо и так утомял Ваше Величество своими речами, хотя мог бы рассказать еще много о редкостных и замечательных событиях, кои никогда не изгладятся из моей памяти, но я расскажу о них вернувшись домой или в следующих посланиях. Лаксус будет утверждать, что именно он выиграл морское сражение и достоин именоваться королем, но, смею заверить Ваше Величество, все было наоборот. Гро следует за нами достаточно хорошо, хотя его хилое тело едва выносит тяготы войны. Про Голландуса должно сказать, что он слишком лезет вперед со своими советами, и постоянно желает, дабы я сделал то-то и то-то, но я делаю то, что считаю нужным. И если он в такой же беспутной манере собирается и дальше говорить со мной, то я буду вынужден его убить. Если же он будет клеветать на мя и обливать мя грязью, дайте мне знать о том, хотя презираю я и его и его крамолы. И с великим почтением целую Вашего Величества руку.

Самый скромный и почтительный слуга под ногой Лорда Короля; запечатано моей печатью.

КОРСУС

Король прижал послание к груди. — Принесите мне кубок Корсуса, — сказал он.

И, когда исполнили его приказ, сказал Король: — Наполните его Трамнианским вином. Опустите в него драгоценную жемчужину, на счастье, и выпью я этот кубок за его удачу и мудрость, за его великую победу.

Презмира, глядевшая на короля так, как смотрит мать на свое дитя во время тяжелой болезни, вскочила со своего стула и громко закричала: — Победа! — И все начали кричать и колотить бокалами по столам, пока от их громких криков не затряслась сама крыша. Король выпил первым, и пустил кубок по кругу, чтобы все могли выпить из него, на счастье.

Но потом нахмурился Король Горис, и стал похож на высокий утес, мрачно нависший над радостно бушующими волнами летнего моря.

Когда женщины покидали пиршественный зал, Леди Презмира подошла к королю и сказала: — Ваш лоб слишком мрачен, о повелитель, для тех

хороших новостей, которые должны были согреть ваше сердце и осветить ваш ум.

Король ответил и сказал: — Мадам, это действительно очень хорошие новости. Но я всегда помню, как трудно поднять полную чашу к губам, не пролив ни одной капли.

Лето устало, настала пора урожая, и на двадцать седьмой день после описанных выше новостей с запада в Ведьмландию по рыбообильному морю приплыл новый корабль, и вошел он в Друиму с полным приливом, проплыл через озеро Эргаспиан и за час до ужина бросил якорь перед Карсё. Был тихий и ясный вечер, и Король Горис прискакал домой с охоты как раз тогда, когда корабль причалил у водяных ворот. И был на корабле Лорд Гро, и сошел он на землю, и приветствовал короля, и было его лицо цвета гашеной извести.

Король внимательно оглядел Гро, приветствовал его с подчеркнутой вежливостью и пригласил в свои личные покои. Там Король заставил Гро выпить большой стакан ароматного красного вина, заговорил и сказал: — После охоты я потный и грязный. Пойдем в мою баню, я буду мыться перед ужином, а ты — рассказывать. Князь любой страны немедленно оказывается в опасности, если люди не осмеливаются рассказать ему о своих несчастьях. Ты выглядишь совершенно чудовищно. Но знай, что даже если ты сообщишь мне, что вся моя армия и флот, посланные в Демонландию, погибли, это не помешает моему желудку как следует наестся сегодня вечером. Ведьмландия не настолько бедна, чтобы я не смог трижды или четырежды заплатить за потерю, и все равно в моем кошельке еще останутся деньги.

Сказав так, Король вместе с Гро вошел в ванную, стены и пол которой были отделаны зеленым серпентином, дельфины, сделанные из того же самого камня, выбрасывали струи воды в две беломраморные ванны, врезанные в пол, широкие и глубокие. Ванна с горячей водой находилась справа, а ванная с холодной, во много раз большая, слева от входа в комнату. Король отпустил эскорт, заставил Гро сесть на заваленную подушками скамью перед горячей ванной и выпить еще немного вина. И сбросил Король с себя камзол из воловьей кожи, штаны и нижнее белье из белой бештринской шерсти, и вошел в дымящуюся воду. Гро с изумлением посмотрел на могучую фигуру Короля Гориса XIII, стройную и, одновременно, мощную, и показалось ему на мгновение, что Король сделан из железа. И великим чудом казался Король, без королевских одеяний и атрибутов власти, совершенно голый, и, тем не менее, не потерявший даже на йоту королевского величия и внушающий почтительный страх.

И погрузился Король в крутящиеся струи воды, обмыл себя от головы до ног, и опять нырнул. Потом с наслаждением лег на воду, лицом вверх, и сказал Гро: — Расскажи мне о Корсусе и его сыновьях, о Лаксусе, о Галландусе, и о всех моих людях за западным морем, и рассказывай о них так, как будто ты говоришь о жуке-скарабее, чья жизнь или смерть тебе безразлична. Говори и

не бойся, не лести и ничего не скрывай. Но берегись, если ты попытаешься обмануть меня.

Гро заговорил и сказал: — Милорд Король, я думаю, что у вас есть письмо от Корсуса, в котором он рассказал, как мы прибыли в Демонландию, как одержали победу над Волле в морском сражении, как сошли на берег в Грюнде, как сражались в двух сражениях против Визза и как, наконец, победили и убили его.

— Видел ли ты это письмо? — спросил Король.

— Да, — ответил Гро.

— Правда ли то, что там написано?

— Да, по большей мере, — ответил Гро, — хотя, о Король, кое-где он отступает от правды, преувеличивая собственные достижения. Что касается Грюнде, он преувеличил армию Демонов, их было меньше, чем нас, и битва не кончилась ничьей победой, ибо хотя наше левое крыло загнало их в море, но их правое крыло разгромило наш лагерь. А потом они, по видимому, решили заманить нас вглубь страны, и именно поэтому ночью Визз ушел в Оулсвик. Но что касается битвы при Кроссби Оутсайкс Корсус почти не преувеличил. Там была великая битва, гениально спланированная им, и в самый разгар боя он своими руками убил Визза, и рассеял Демонов, и разметал их силы, застав их врасплох и использовав свое преимущество.

Сказав так, Гро протянул тонкие длинные пальцы к бокалу, стоявшему рядом с ним, и выпил еще немного вина. — А теперь, о Король, — сказал он, пробегая пальцами по надушенным завиткам черных волос, висевших над ушами, — я расскажу вам о том, как возникло недовольство, которое уничтожило все наши достижения. Из Брейкингдейла, через три дня после битвы при Кроссби, пришел Галландус с немногими людьми, оставив основные силы, примерно четырнадцать сотен человек, держать Ушко, как и договорились заранее. И сообщил Галландус, что Спитфайр вышел из западных гор, где, когда мы приплыли в Демонландию, он охотился на живущих там медведей, и ныне в спешке пришел на восток и собирает армию около Гелинга.

И Голландус потребовал, чтобы мы собрали военный совет, и на совете предложил немедленно идти на север, в Гелинг, и рассеять их.

И все решили, что это хорошее предложение, за исключением Корсуса. Но он как будто сошел с ума и уперся как бык, настаивая на том, что надо выполнять заранее намеченную цель, которой он и следовал после победы при Кроссби Оутсайкс: жестокие убийства, изнасилования и разорение всей местности, Верхнего и Нижнего Тиварандардейла, и Онвардлайса, и южного побережья, и кричал, что нужно показать этому сброду, кто здесь хозяин, и, поскольку он только бич в вашей руке, о Король, он будет стегать их до тех пор, пока не спустит мясо с костей.

На что Галландус заметил, что надо что-то делать в ответ на приготовления Спитфайра, ведь, в конце концов, это не очень далеко. «Будет просто замечательно, если Оулсвик и Дрепаби заставят нас посмотреть себе за спину, ибо свет тех, кто перед нами (то есть в Гелинге) бьет мне в глаза». На что Кор-

сус в высшей степени нелюбезно ответил. «Я не доверяю этим сведениям, во всяком случае до тех пор, пока не получу более весомого подтверждения». Больше он не захотел выслушать ни слова и сказал, что таково его мнение, мы должны подчиниться ему, иначе с нами произойдут несчастья: пусть весь юго-восток задрожит от ужаса, ибо это шея Демонландии и ее необходимо сломать, тогда все другие части тела, Гелинг и прочие, умрут собачьей смертью; и что совершенно глупо идти сейчас на Гелинг, ибо до него нет хороших дорог, и вообще он быстро покажет Галландусу, кто здесь лорд. Вот так закончился совет, в великом несогласии.

И Галландус остался перед Оулсвиком, а это, как вы знаете, о Король, могучая крепость, стоящая на мысе, далеко вдающемся в море, и на берег там ведет узкая вымощенная дорога, которая всегда находится под водой, за исключением редких часов низкого прилива. И мы подвезли туда множество запасов для осады, которую собирались предпринять. Но Корсус с основными силами пошел на юг, убивая и грабя, и стремясь достигнуть нового дома Голдри Блазко в Дрепаби, заявив, что люди больше не будут говорить о сожженных Вурдалаками Дрепаби Майе и Дрепаби Комбуст, от которых остались только кучки пепла.

— И, — сказал Король, выходя из ванны, — он действительно сжег его?

— Да, о Король, — ответил Гро.

Король поднял руки над головой и прыгнул головой вперед в бассейн с холодной водой. Выйдя оттуда, он взял полотенце, и, держа его обеими руками, стал вытираться, вода полотенцем из стороны в сторону за плечами. Потом сказал: — Продолжай. Расскажи мне больше.

— Милорд, — сказал Гро, — Оулсвик наконец сдался Голландусу, и Корсус вернулся обратно из сожженного Дрепаби. В этой части Демонландии не осталось почти никого живого, а те, кто остались, страдали от голода и ран. И вот тогда обнаружили печальные последствия того, что он не пошел на север к Гелингу, как ему советовал Галландус.

Пришло слово, что Спитфайр вышел из Гелинга с двухсот двадцатью десятками пеших, и еще пятьюдесятью всадниками. Узнав об этом, мы снялись с лагеря и двинулись на север, чтобы встретить их, и в последний день Августа повстречались с их армией в месте, которое называется Брима Рейпс. Это холмистая равнина в Нижнем Тиварандардейле. Все мы были веселы, ибо имели преимущество над врагом (больше трех тысяч четырехсот пеших и еще четыреста конных) и с радостью приготовились к бою, заняв позицию на краю маленькой долины прямо против Спитфайра и его людей. Там мы и стояли какое-то время, но Корсусу надоело стоять и он сказал: «Нас больше, чем их. Я сейчас пойду на север, а потом на восток и отрежу их, чтобы они не убежали на север обратно в Гелинг после разгрома».

Но Галландус сказал, что нет, лучше подождать их атаки, ибо мы стоим на холме, им придется взбираться вверх по склону и это даст нам большое преимущество. Но Корсус, который день ото дня становился все более упрямым и заносчивым, не захотел слушать его, и в конце концов прямо перед все-

ми обвинил Галландуса в том, что он хочет прибрать к рукам командование всей армией, и вообще собирался убить самого Корсуса и всех его сыновей прошлой ночью, когда они вышли из своего шатра (явная ложь).

И Корсус приказал обойти армию Спитфайра с тыла, как я уже рассказывал вам, о Король; и действительно это был совет сумасшедшего. Ибо Спитфайр, увидев нашу колонну, пресекающую справа от него вход в долину, приказал атаковать, ударил нам во фланг, разрезал надвое и уже через два часа наша армия напоминала яйцо, разлетевшееся на куски после падения с высокой стены на твердый гранит. Никогда за всю свою жизнь я не видел такого мгновенного и ужасающего разгрома такой огромной армии. С большим трудом мы вернулись обратно в Оулсвик, семнадцать сотен человек, несколько сотен из которых были тяжело ранены. И если у Демонов погибло двести человек, то это стало бы огромным чудом: так велика была победа Спитфайра на холмах Брима Рейпс. Но и в лагере нас поджидали плохие вести, ибо пришли беглецы с севера и объявили, что Зигт с малыми силами напал на тех, кто держал Ушко, почти всех перебил и овладел проходом. Так что мы отступили в Оулсвик и закрылись там, осаждаемые Спитафайром и его армией, но он никогда не осмелился бы даже поднять голову, если бы не дьявольская глупость Корсуса.

И настала та самая ночь, о Милорд Король, злая ночь в Оулсвике, окруженном со всех сторон морем. Корсус был пьян, и его сыновья тоже, и они с жадностью пили бокал за бокалом вино из запасов Спитфайра. Наконец его вырвало, и он упал на пол между столов, а Галландус, раздраженный донельзя позором и разрушением всех наших ожиданий, вскочил и громко крикнул: «Солдаты Ведьмландии! Я устал от этого Корсуса. Он мятежник, развратник, скандалист, пьяница и обжора, губитель армий, наших армий, не вражеских, и он в конце концов заведет нас в ад, но без приказа Короля мы не в силах помешать ему. — И еще он сказал. — Я уезжаю домой, в Ведьмландию, и больше не буду участвовать в этом позорище». И тут все закричали «К дьяволу Корсуса! Будь нашим генералом!»

Гро минуту помолчал. — О Король, — наконец сказал он, — был ли это заговор Богов или моя собственная злая звезда, но и я частично повинен в том, что произошло дальше. Поэтому прошу вас, не ругайте меня чересчур. Не думаю, что мог я каким-нибудь советом помочь Корсусу, ибо никого он не слушал в этом несчастном путешествии. Когда все закричали «Ха, ха, Галландус! Выполем сорняки, пускай останется только хорошее зерно! Будь нашим генералом!», Галландус отвел меня в сторонку и сказал, что хочет знать мое суждение прежде, чем согласится — или не согласится — стать генералом. И я, видя смертельную опасность всех этих беспорядков и думая только о нашей безопасности, поощрил его принять предложения. Ибо был Галландус не только отличный солдат, но и великолепный командир, с умом склонным к великим попыткам и благородным предприятиям. Так и произошло, и, против собственного желания, он наконец сказал «да». Все разразилось радостными криками, и даже Корсус не сказал ничего против, и был у него настолько сонный

вид, что мы все решили, что он слишком пьян и не может ни говорить, ни двигаться.

И мы все пошли спать. А на следующее утро, о Король, совсем рано, поднялся великий крик на главном дворе Оулсвика. И побежал я в одной рубашке через серый утренний туман, и увидел Корсуса, стоящего на галерее перед комнатой Галландуса на верхнем этаже. Был он обнажен по грудь, а вся его волосатая грудь и руки до подмышек запачканы кровью, и держал он в руках два окровавленных кинжала. И крикнул он зычным голосом. «Предатель! Предатель был в лагере, но я изничтожил его. И пусть тот, кто хотел сделать Галландуса генералом, выйдет вперед, и я смешаю его кровь с этой и сделаю их родственниками».

Король надел шелковые трусы, чистую шелковую рубашку и начал зашнуровывать свой черный камзол, отороченный бриллиантами. — Ты рассказал мне, — сказал он, — о двух ошибках, совершенных Корсусом. Во первых он потерял битву и половину моих людей, а во-вторых в злобе убил Галландуса, вместо того, чтобы исправиться самому.

— Убил Галландуса во сне, — сказал Гро, — и послал его из тьмы в дом темноты.

— Ну, — сказал Король, — в каждом месяце есть два дня, когда ты можешь начинать что угодно, но все равно никогда не закончишь. Я думаю, что именно в такой день Корсус отомстил Галландусу.

— Весь лагерь, — сказал Лорд Гро, — был недоволен им, ибо он оскорбил всех, убив столь уважаемого воина. Тем не менее никто не выступил против него открыто, ибо его охраняли ветераны, и еще он приказал выпустить кишки дюжине тех, кто больше всего шептался по углам, так что остальные испугались и до открытого восстания дело не дошло. И я говорю вам, о Король, ваша армия в Демонландии в великой опасности. Спитфайр стоит перед Оулсвиком со значительными силами, и нет ни малейшей надежды удержать крепость без подкреплений. И эта опасность может подтолкнуть Корсуса на какой-нибудь очередной безумный поступок. Хотя я не думаю, что с такой мятежной армией он может решиться хоть на что-нибудь. В его ушах постоянно звучит шепот всеобщего презрения, которое станет бесчестьем, если он быстро не исправит свою ошибку на Брима Рейпс. Нам еще повезло, что у Демонов нет кораблей и Лаксус командует на море. Но не так-то просто поддерживать связь между Оулсвиком и флотом, да и в Демонландии много хороших гаваней и мест, где можно строить корабли. Если они сумеют помешать нам подкрепить армию Корсуса, и весной отрежут флот Лаксуса, мы попадем в настоящую беду.

— Как ты сумел уйти оттуда? — спросил Король.

— О Король, — ответил Гро, — после убийства в Оулсвике мне каждый день мерещился окровавленный кинжал, и, ради себя и Ведыландии, я стал изобретать план побега. Наконец подошел флот, скрытно, и я сумел переговорить с Лаксусом, который крайне рассердился на Корсуса за злые дела, грозящие пустить на ветер все наши надежды, и попросил меня отправиться в Кар-

сё, стать его устами и устами всех честных сердец Вельмландии, и обратиться к Вашему Величеству за помощью, пока еще не поздно. Ибо Корсус впал в безумие, перечеркнул все хорошее, когда-либо сделанное им, и полностью потерял ясность мысли, которую вы знали и ценили в нем. Удача покинула его, и нынче он как тот, кто, падая на спину, сломал себе нос. Я прошу вас ударить прежде, чем ударит Судьба и мы потеряем все.

— Тише! — сказал Король. — Не поднимай меня прежде, чем я упаду. Сейчас время ужина. Проводи меня на пир.

К этому времени Король Горис уже надел на себя камзол из черного шелкового газа с вставками из черного бархата, украшенного бриллиантами, черные бархатные штаны с шелковыми подвязками крест-накрест, и большая, тоже черная, мантия из медвежьей кожи с тяжелым золотым воротником. На голову он надел железную корону. Уже на ходу он снял со стены меч с эфесом из голубой стали с головкой из гелиотропа, вырезанной в виде черепа мертвого человека. С обнаженным лезвием в руке Король вошел в пиршественный зал. Гро шел за ним.

Все, кто были там, молча встали, выжидающе глядя на короля, который стоял в двери с высокоподнятым острым мечом; украшенная драгоценными камнями корона Вельмландии горела над его лбом. Но самыми замечательными были его глаза, глубоко сидевшие под нависавшими ресницами. Из них струился свет, похожий на тот, что льется в небо из дыры в Аду.

Он не сказал ни слова, но жестом подозвал к себе Кориниуса. Кориниус встал и медленно, как лунатик, подошел к королю, подчинясь этому ужасному взгляду. Плащ из небесно-синего шелка свисал с его мощных плеч. Грудь, широкая как у быка, выпячивалась из-под сверкающих серебряными кольцами кольчужной рубашки с короткими рукавами, оставлявшей обнаженными его сильные руки, запястья которых обнимали золотые кольца. Гордо встал он перед королем и высоко поднял голову, твердо сидевшую на крепкой шее. Его сладострастный жестокий рот, предназначенный для кубков вина и поцелуев леди, гордо нависал над квадратной челюстью и бритым твердым подбородком, густые вьющиеся волосы он перевязал черной брионией, а в его темно-голубых глазах жила наглость, на мгновение укрошенная ужасным светом, лившимся из пристального взгляда короля.

Так они и стояли друг напротив друга, не менее двадцати ударов сердца, а потом Король заговорил и сказал: — Кориниус, принимай имя короля Демонландии, которое дает тебе твой Лорд и Король, и принеси мне вассальную присягу. — По залу пробежал вздох изумления. Кориниус преклонил колени. Король протянул ему обнаженный меч, который держал в руке, и сказал: — Этим мечом, о Кориниус, должен ты смыть с себя позор, который до сих пор лежит на тебе в моих глазах. Корсус доказал, что устал и потерял былую хватку. Он наделал ошибок в Демонландии. Он дал запереть себя в Оулсвике и потерял половину армии. Его ревность, жестокая и кровавая, обрушилась на друзей, а не врагов, и я потерял хорошего капитана. Если ты не исправишь ситуацию, этот беспорядок и неразбериха одним ударом превратят

наше счастье в величайшую катастрофу. Но если ты будешь действовать правильно, один хороший удар может изменить все. Иди, и прояви все свои достоинства.

Лорд Кориниус встал, держа меч острием вниз. Его лицо рдело, как осеннее небо в то мгновение, когда свинцовые облака внезапно улетают на запад и между ними выглядывает солнце. — Милорд Король, — сказал он, — дайте мне палец — откушу руку по локоть. Еще до следующего полнолуния я отплыву из Тенемоса. И если я в кратчайшее время не заставлю Фортуну, отвернувшуюся от нас из-за этого кровавого дурака, опять повернуться к нам лицом, плюньте мне в лицо, о Король, и пусть никогда больше я не увижу свет ваших глаз, и наложите на меня заклятие, которое сотрет и меня и память обо мне.

ХІХ. СКАЛА ТРЕМНИРА

О ТОМ, КАК ЛОРД СПИТФАЙР ОСАЖДАЛ ВЕДЬМ, ЗАНЯВШИХ ЕГО СОБСТВЕННЫЙ ЗАМОК ОУЛСВИК, И КАК ОН СРАЖАЛСЯ С КОРИНИУСОМ ПОД СКАЛОЙ ТРЕМНИРА, И КАК ЛЮДИ ИЗ ВЕДЬМЛАНДИИ ОСТАЛИСЬ ПОБЕДИТЕЛЯМИ

Лорд Спитфайр, очень недовольный, сидел в своем шатре перед Оулсвиком. Жаровня с горящими углями приятно согревала воздух, зажженные свечи освещали богатое убранство шатра. Снаружи, из темной осенней ночи, доносился ровный шум дождя, барабанившего по лужам и шелковой крыше. На кровати рядом со Спитфайром сидел Зигт, с озабоченным выражением на ястребином лице. Его меч, воткнутый в пол, стоял между его коленями. Зигт слегка ударил по нему слева, потом справа, задумчиво глядя, как теплый свет отражается от бледно-розового рубина, сделанного в эфес меча.

— Проклятье, неужто все пропали? — спросил Спитфайр. — Ты сказал все десять, на берегу Раммерика?

Зигт кивнул.

— И где он был, что не спас их? — зло сказал Спитфайр. — Ужасное несчастье!

— Кто-то быстро и незаметно высадился в темноте примерно в миле от гавани. Ты не должен ругать его, не выслушав.

— И что у нас осталась? — сказал Спитфайр. — Будь доволен: я выслушаю его. Но что у нас осталось? Три корабля в Северном Эресе, под Элсмерсредом; пять на Трууотере, два в Линченессе, и еще два в Аурвассе; шесть направляются в устье Стропардона, и семь здесь, на берегу.

— Есть еще четыре в одной гавани Вестмарка, — сказал Зигт. — И приказ привести еще с Островов.

— Двадцать девять, — сказал Спитфайр, — не считая тех, что на Островах. И ни один не на плаву, и не выйдет раньше весны. Если Лаксус учует их и сожжет, прямо под носом Волле, также легко, как на Раммерике, получается, что мы идем пустыню, строя их.

Он встал и прошелся по шатру. — Ты должен привести мне еще подкреплений, иначе мне не взять Оулсвик, — сказал он. — Во имя небес! меня раздражает до печенок, что вот уже два месяца я, как последний нищий, сижу перед собственными воротами, а проклятый Корсус и два его звереныша-сына накачиваются моим вином и играют в кости на мои сокровища.

— Мастер-строитель может судить о качестве своей постройки, — заметил Зигт, — только находясь по другую сторону стены.

Спитфайр встал около жаровни и вытянул над ней свои сильные руки. — Не так уж сильно волнуют меня эти несколько кораблей, сожженных на севере. На самом деле у Лаксуса на всех его кораблях не найдется и пяти сотен людей. Но он держит море, и с тех пор, как он с тридцатью кораблями ушел от Сторожевого Мыса, я ожидаю, что он привезет подкрепления из Веедландии. И я не успокоюсь, пока не верну себе Оулсвик, ибо тогда у меня будут развязаны руки и я смогу достойно встретить их высадку. Но сейчас самое неподходящее время для осады крепости: нас немного и мы внизу, на заливаемой водой земле; они наверху, и их армия почти не тронута. Поэтому вот что думаю я, о мой друг: ты должен немедленно идти к Ушку и привести мне подкрепление. Оставь около строящихся судов надежную охрану; и, конечно, около Крозеринга, ибо я не хочу, чтобы кто-нибудь сказал, будто я плохо защищал леди его сестру. Да, и защити твой собственный дом тоже. И, сделав все это, разошли стрелу войны и приведи мне с запада пятнадцать или восемнадцать сотен солдат. И, думаю я, с такой силой мы взломаем ворота Оулсвика и выгашим оттуда Корсуса как моллюска из раковины.

И ответил ему Зигт: — Завтра я уйду на рассвете.

Потом они встали, взяли оружие, завернулись в большие походные плащи и, как каждую ночь все это время делал Спитфайр, вместе с факельщиками прошли по лагерю, поговорили с капитанами и выставили стражу. Дождь стал поменьше. На небе по-прежнему не было звезд. Мокрые пески сверкали под светом, лившимся из замка Оулсвик, и оттуда доносился шум пира, смешиваясь со стонами и шумом прибоя мрачного бессонного моря.

Уверившись, что все в порядке, подошли они к шатру Спитфайра, и Зигт уже собирался пожелать своему другу спокойной ночи, как поднялась от палатки тень древнего человека, и, освещенная факелами, встала между ними. Скрученным он казался, и сморщенным, и согнутым, и очень-очень старым. Его спутанные волосы и борода свисали вниз, мокрые от дождя. Не было зубов в его рту, а глаза казались глазами мертвой рыбы. Коснулся он плаща Спитфайра исхудалой рукой, и сказал голосом ночного ворона: — Спитфайр, берегись Скалы Тремнира.

— Кто это у нас здесь? — удивился Спитфайр. — И какого дьявола ты пришел в мой лагерь?

Но древний человек не отпустил его плащ и сказал: — Спитфайр, разве это не твой дом, Оулсвик? И разве это не наиболее сильное и прекрасное место, которое человек может увидеть в этой стране?

— Ты, грязный мужик, — сказал Спитфайр, — отпусти мой плащ, или, клянусь, я выну меч и так угощу им тебя, что ты отправишься в Тартар или в ад, где дьяволы давно поджидают тебя.

Но старый человек опять заговорил и сказал: — Горячие головы легко попадают в ловушку. Держись, Спитфайр, за то, что твое, и берегись Скалы Тремнира.

И разозлился Лорд Спитфайр по-настоящему, ибо старый карла все еще держал его за плащ и не отпускал, и выхватил он свой меч, собираясь укоротить противного старика на голову. Но в это мгновение ударил порыв ветра, и притушил пламя факелов. И показалось им это удивительным, ибо не было ветра этой тихой ночью. И старый человек исчез, как облако, пролетевшее по ночному небу.

— Против духов оружие не поможет, — сказал Зигт.

— Фу! — ответил Спитфайр. — Где ты видел духа? А я думаю, что это был обман, иллюзия или приготовленная Ведьмами хитрость. Затемнить наш разум и поколебать решительность — вот их цель.

На следующее утро, когда лучи солнца уже позолотили небо, Лорд Зигт спустился на берег моря, чтобы искупаться в большом каменном бассейне, находившегося на юге маленького залива Оулсвик. После дождя соленый воздух казался свежим и бодрящим. Холодный ветер дул на восток, его порывы приятно пощипывали кожу. В щель между синевато-серыми облаками выглядывало низкое, кроваво-красное солнце. Далеко на юго-востоке, где река Миклефирз впадала открытое море, темнели низкие утесы Сторожевого Мыса, похожие на гряды облаков.

Зигт положил на камни меч и копьё, и взглянул на юг, через залив; и увидел корабль, под полными парусами, огибающий мыс и идущий левым галсом на север. Сняв камзол он опять взглянул на залив, и увидел еще два корабля, огибавшие мыс и плывшие за первым. Он поспешно надел камзол и взял оружие: уже пятнадцать драккаров, выстроивший колонной, заходили в устье реки.

И поспешил Зигт к шатру Спитфайра, и нашел его в кровати, ибо сладкий сон еще баюкал в своих объятиях порывистого Спитфайра; его голова покоилась на вышитой подушке, открывая сильное горло и выбритый подбородок; сон смягчил жесткий рот под колючими прекрасными усами и закрыл жесткие глаза под колючими золотистыми бровями.

Зигт осторожно коснулся его ноги, разбудил и рассказал о том, что видел:

— Пятнадцать кораблей, и, когда они подошли поближе, я увидел, что на каждом корабле люди теснятся, как сельди в бочке. Так что твои ожидания полностью исполнились.

— А это значит, — сказал Спитфайр, прыгая на ноги, — что Лаксус привез в Демонландию свежую поживу для наших мечей.

Он схватил оружие и побежал к маленькому холму, стоявшему на берегу напротив замка Оулсвик. Весь лагерь сбежался туда и смотрел, как на рассвете корабли-драконы один за другим заходят в залив.

— Они не собираются причалить здесь, — сказал Спитфайр, — и направляются на остров Скарамси. Похоже я кое-чему научил этих Ведьм на Брима Рейпс. Лаксус, видевший разгром их армии, ныне считает острова более красивыми, чем материк, ибо прекрасно знает, что мы не сможем ни перелететь, ни переплыть пролив. И все-таки даже эти пятнадцать кораблей не заставят нас снять осаду.

— Хотел бы я знать, — сказал Зигт, — где остальные пятнадцать.

— На пятнадцать кораблях, — сказал Спитфайр, — можно перевести от силы шесть или семь сотен солдат. И если они захотят высадиться на материк, у меня хватит силы сбросить их в море, даже если Корсус сделает вылазку. Но если добавить еще столько же, я действительно попаду в опасное положение. Позови своих людей и немедленно скачи на запад.

И Лорд Зигт позвал дюжину солдат, они вскочили на коней и унеслись на запад. А тем временем все корабли зашли за длинную косу на юге Скарамси, где была хорошая стоянка для кораблей. С берега их не было видно, и только верхушки мачт торчали над косой и Демоны не могли видеть, как они разгружаются. Спитфайр проехал с Лордом Зигтом три или четыре мили, пока не начался спуск к бродам Эзриуотера, и только там распрощался с ним.

— Молния не обгонит меня, — сказал Зигт, — пока я не вернусь обратно. А тем временем, прошу тебя, не отнесись слишком презрительно к словам старика.

— Воробьиное чириканье! — сказал Спитфайр. — Я уже забыл его болтовню. — Тем не менее его взгляд скользнул к на юг, за Оулсвик, к поросшему деревьями краю высокой горы, поднимавшейся как часовой над дугами Нижнего Тиварандардейла, оставляя узкую тропинку между ее самыми нижними утесами и морем. Он засмеялся и сказал: — О мой друг, мне кажется, что я все еще мальчик в твоих глазах, хотя мне уже почти двадцать девять лет.

— Смейся надо мной сколько угодно, — сказал Зигт. — Но я не могу оставить тебя, пока ты не дашь слова.

— Ну хорошо, — сказал Спитфайр, — успокойся. Я клянусь, что не полезу охотиться на птиц на Скалу Тремнира, пока ты не вернешься.

Нечего сказать о следующей неделе. Армия Спитфайра сидела перед Оулсвиком, а Ведьмы с островов посылали по три-четыре корабля, которые внезапно высаживались на Сторожевом Мысе, или в начале залива, или на юг за Дрепаби, или далеко на берегу у Римон Армон, где грабили и жгли дома фермеров. Но как только против них собирался значительный отряд, они немедленно отступали на корабли и плыли обратно к Скарамси. В один из этих дней с запада пришел отряд в сто человек и присоединился к Спитфайру.

На восьмой день ноября погода испортилась, с запада и юга стали собираться облака, пока все небо не превратилось в сумятицу тяжелых черных облаков, отделенных друг от друга тонкими белыми полосками. Ветер крепчал с каждой минутой. Море потемнело, и стало свинцово-серым. Упали первые крупные капли дождя. Горы казались чудовищными и загадочными: некоторые стали чернильно-синими, другие, на западе, стали походить на выстроенные из сгустившегося тумана стены и бастионы, черневшие на фоне лишеного красок неба. Вечером началась гроза и загрохотал гром, молнии разрывали черные облака. Всю ночь гром выбивал мрачный ритм, все новые и новые грозовые облака прилетали, расходились и сходились опять. И померк свет луны, и ночь освещалась только блеском молний, светом от непрекращающегося пира в Оулсвике и огнями лагеря перед ним. И Демоны, сидевшие в лагере, не видели и не слышали, как пятнадцать кораблей вышли из Скарамси в бушующее море, и пристали к бегу двумя милями южнее, около Скалы Тренира. Не знали они и том, что с кораблей на берег высадилось пятнадцать или шестнадцать сотен солдат во главе с Хемингом Ведьмландским и его юным братом Карго. И корабли отправились обратно в Скарамси через ревущий шторм и все благополучно вернулись обратно, кроме одного, разбившегося в проливе Бодри.

Но утром, когда буря ослабла, все смогли увидеть, как четырнадцать кораблей-драконов отплыли от Скарамси, и каждый был нагружен солдатами. Они быстро прошли через устье и причалили в двух милях южнее Оулсвика. И корабли немедленно отчалили, но армия, готовая к битве, уже шла по лугам над Мингарн Хоуп.

Только тогда Лорд Спитфайр собрал своих людей и двинулся на юг от лагеря перед Оулсвиком. Когда до армии Ведьмландии оставалось не больше полмили и они уже ясно видели красно-коричневые камзолы, щиты и бронзовые доспехи, тусклый отблеск их мечей и наконечников копий, Волле, ехавший рядом со Спитфайром, заговорил и сказал:

— Видишь ли ты, о Спитфайр, того, кто скачет на коне взад и вперед перед их рядами, строя их для битвы? Так всегда делает Кориниус, и ты можешь узнать его даже издали по красивой одежде и великолепной посадке. И, тем не менее, сейчас мы видим великое чудо: разве кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы этот юный сорвиголова уклонялся от битвы? И теперь, когда мы подошли к ним на расстояние броска копья —

— Клянусь светом дня! — крикнул Спитфайр. — Так и есть! Неужели он хочет уклониться от битвы? Придется послать нашу конницу, чтобы она затормозила их прежде, чем они улизнут.

И он приказал своим всадникам атаковать врага. И поскакали они вперед во главе с Астаром из Реттри, который был зятем Лорда Зига. Но всадники Ведьмландии перехватили их на отмели Арон Поу, и задержали до тех пор, пока Кориниус и его армия не переправились через реку. И когда подошли главные силы Демонов и расчистили дорогу, Ведьмландцы уже пересек-

ли затопленные луга и вошли в узкий проход между берегом моря и кручами Скалы Тремнира.

И тогда сказал Спитфайр: — Даже в этом узком проходе между морем и Скалой они не собираются останавливаться. А ведь это их единственная надежда на спасение — храбро вернуться к нам лицом и сражаться. — И он громко закричал своим людям, приказывая атаковать врага и позаботиться о том, чтобы ни один из них не пережил этот день.

И пешие воины схватились за стремяна всадников, солдаты побежали и поскакали, и вся армия втянулась в узкий проход; и скакал Спитфайр впереди всех, рубя налево и направо, поглощенный волнами сражения, которые, казалось, несли его к окончательной победе.

Но внезапно оказалось, что его армия, двенадцать сотен человек, которая так яростно преследовала пятнадцать сотен в ущелье под Скалой Тремнира, должна сражаться с тремя тысячами: армия Кориниуса внезапно повернулась, как волк в узком проходе, а сыновья Корунда, высадившиеся на берег ночью под покровом шторма, вывели свои отряды из лесистых склонов за Скалой. Таким образом обрушилось на Спитфайра несчастье быстрее любого из своих вестников: враги ударили спереди, сзади и с фланга.

И началась страшная бойня между морем и утесами. Демоны, застигнутые врасплох, были как канатоходцы, попавшие в ловушку на середине пути. Яростная атака Ведьм сметала их в море, и вскоре морская пена окрасилась в цвет крови. И Лорд Кориниус, притворным отступлением заманивший Демонов в ловушку, теперь обрушился на них, как поток негасимой лавы, и никто не мог выдержать его ударов.

Лошадь Спитфайра рухнула, убитая ударом копья в то время, когда он скакал по мягкому песку, собирая своих людей для удара по армии Хеминга. Но Бремери из Шо привел ему другую лошадь, и он обрушился на Ведьм, и сыновья Корунда были вынуждены отступить назад перед этой яростной атакой, и целое крыло армии Ведьмландии подалось назад по искореженной земле под Скалой. Но мало пользы это принесло, ибо Кориниус ударил с севера, загоня Демонов в море, и они оказались зажаты между ним и Хемингом. Тогда собрал Спитфайр отборных людей и обрушился на Кориниуса, и показалось на мгновение, что огромная армия Ведьм вот-вот будет разбита и всех их смоят соленые волны. И сам Кориниус оказался в смертельной опасности, ибо завязли ноги его жеребца в мягком песке, и никак не мог он высвободить их.

В одно мгновение прорвался Спитфайр со своим отрядом через гущу битвы, убивая всех, кто стоял у него на пути, и крикнул громовым голосом: — О ненавистный Кориниус, подобный воротам Ада, сейчас я убью тебя, и твое больше тело удобрит тучные луга Оулсвика.

— Кровавый Спитфайр, — ответил ему Кориниус, — последний из трех звереньшей, чьи братья давно стали поживой для червей, я заткну твой поганный рот железной грушей¹⁰.

10 Железная груша — орудие пытки состоящие из железной раскрывающейся коробки грушевидной формы и винта. Изобретена в XVI веке французским разбойником Го-

В то же мгновение бросил Спитфайр в него ременное копьё. Но попало оно не в человека, а в плечо огромного жеребца, и тот, мертвый, упал на землю. Лорд Кориниус мгновенно прыгнул на ноги, схватил лошадь Спитфайра за повод и так сильно ударил ее в морду, что, хотя и сидел на ней Спитфайр, встала она на дыбы и отшатнулась в сторону. Спитфайр изо все сил ударил топором, но лезвие обрушилось на гребень шлема слишком косо и отлетело в воздух. А Кориниус ударил мечом под щит Спитфайра, и кончик вошел в большую мышцу руки рядом с подмышкой, и разорвал плоть вплоть до плеча, обнажив кость. Это была большая рана.

Тем не менее Спитфайр не вышел из боя, но ударил снова, желая отсечь руку Кориниуса, все еще державшую поводья. Кориниус принял удар топора на щит, но удар был настолько силен, что его пальцы отпустили поводья, он сам едва не упал на землю, а на добром бронзовом щите появилась глубокая зарубка. Почувствовала лошадь Спитфайра, что поводья свободны, и бросилась вперед, и пронесла всадника мимо Кориниуса, к морю. Но повернулся Спитфайр, и крикнул: — Добудь себе лошадь. Ибо считаю я нечестным сражаться с тобой имея такое преимущество: я на лошади, а ты пешком.

Но Кориниус только крикнул в ответ и сказал: — Сойди на землю и мы сразимся пешими. И знай, мой прекрасный певчий дрозд, что я и только я Король Демонландии, и этот титул я получил от Короля Королей, Гориса Веедмландского, моего единственного повелителя. Давай встретимся, и я покажу тебе в одном единственном бою, что ты хвастун и величайший мятежник из тех, кто живет в моем королевстве, и насколько моя сила больше твоей.

— Громкие и лживые слова, — сказал Спитфайр. — Клянусь, что вгону их тебе обратно в горло.

И с этими словами он хотел спуститься с лошади, но в это мгновение его глаза затуманились и он покачнулся в седле. Его люди бросились между ним и Кориниусом, и капитан его телохранителей подхватил его и сказал: — Вы ранены, милорд. И не должны вы сражаться с Кориниусом, ибо ваша светлость не в состоянии сейчас сражаться ни с кем и даже не может стоять на ногах.

И они окружили его, великого Спитфайра, и вынесли из боя. И пока эти великие лорды сражались между собой, все в этом месте с восхищением глядели на них. Но потом чудовищный ворон войны снова расправил свои крылья под Скалой Тремнира и Демоны проявили удивительную отвагу, много сотен их было убито или тяжело ранено, но и оставшиеся несколько сотен продолжали сражаться против Веедм.

А те, кто были со Спитфайром, обернули его темным плащом, скрывая сверкающие доспехи, тайком отступили и вышли из битвы. Они остановили

шеру. В государственном делопроизводстве не применялась, возможно, фальсификация.

Основной частью груши был винт. Сверху была ручка которую нередко увенчивало украшение. При кручении винта лепестки груши раскрывались как цветок. Лепестков могло быть 3-4 штуки. Таким образом она разрывала гортань (оральная), толстую кишку (анальная), матку (вагинальная).

кровь, струившуюся из глубокой раны в его плече, наложили повязки и, по приказу Волле, унесли его по тайным горным тропам в Треммердейл, в большой ледниковый цирк, находившийся под вершиной Дины. И долгое время он лежал без сознания, как мертвый. Ибо много ран получил он в неравном бою, и был жестоко избит и ранен, но хуже всех была страшная рана, которую нанес ему Кориниус прежде, чем они расстались между границами земли и моря. И когда опустилось ночь и все тропинки покрылись мраком, пришел в это одинокое место Лорд Волле с немногими выжившими. Тиха была ночь и безоблачна, и богиня луна неторопливо плыла по высоким небесам, затемненная теньями великих пиков, в темноте похожих на зубы гигантской акулы. Спитфайр лежал на кровати из плащей и вереска, с подветренной стороны от огромного валуна. В серебряном свете луны его лица казалось призрачно-бледным.

Волле, опираясь на копьё, серьезно глядел на него. — Все потеряно, — сказал он, отвечая на вопросы тех, кто был там, и не отводя взгляда от Спитфайра.

— Милорд, — сказали они, — мы остановили кровь и перевязали раны, но его Лордство остается без сознания. И очень мы боимся за его жизнь, ибо эта великая рана может свести его в могилу.

Волле встал коленями на холодный острый камень рядом со Спитфайром и обработал его раны так, как мать могла бы лечить свое больное дитя, приложил к ним листья черной конской мяты, тысячелистника и других лечебных растений, и дал ему отпить из флакона с драгоценным Аршалмарским вином, с незапамятных времен хранившимся в подвалах под Крозерингом. И, наконец, Спитфайр открыл глаза и сказал: — Отдерните занавески от моего ложа, ибо прошло много дней с тех пор, как я в последний раз проснулся в Оулсвике. Или сейчас уже ночь? И как закончилось сражение?

Его глаза уставились на голые камни вокруг и голое небо над головой. С громким стоном приподнялся он на правом локте. Волле положил на него сильную руку и сказал: — Выпей еще доброго вина и потерпи. Нас ждут великие дела.

Спитфайр огляделся кругом и яростным шепотом ответил: — Разве мы лисы или беглые рабы, и должны прятаться в ямах и горных пещерах? Светлый день прошел, да? Снимите с меня эти путы! — И он опять упал на землю, пытаясь сорвать с себя повязки.

Но сильные руки Волле помешали ему это сделать. И сказал Волле: — Вспомни, о славный Спитфайр, что в тебе одном, в твоём мудром сердце и храброй душе, которые так наслаждаются яростью войны, сосредоточены все наши надежды, ибо только ты в состоянии защитить наших дорогих леди жен, наших маленьких детей и всю нашу добрую землю, освободить ее от ярости жестоких пришельцев из Ведьмландии, и спасти доброе имя Демонландии. И пускай отчаяние не закрадется в твоё гордое сердце.

Но застонал Спитфайр и сказал: — Горе и несчастья не покинут Демонландию до тех пор, пока мои братья не вернуться домой. А этот день не наста-

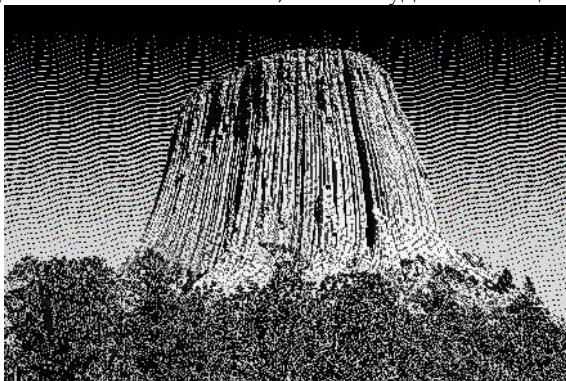
нет никогда. — И он крикнул: — Разве он не хвастался, что ныне он — Король Демонландии? а я не сумел вонзить меч в его поганый живот. И ты думаешь, что я буду жить после такого позора?

И он попытался сорвать с себя повязки, но Волле опять помешал ему. Но Спитфайр не успокоился и закричал: — Разве он не заставил меня сбежать из битвы? Он смертельно оскорбил меня, и до сих пор жив. Да лучше погибнуть, чем бежать от Кориниуса как побитый щенок. Отпусти меня, ты, лживый предатель! Дай мне уйти, я все поправлю и умру, сражаясь. Пусты же меня!

— Подними глаза, о великий Спитфайр, — сказал Волле, — и погляди на леди луну, которая, окруженная звездной свитой, девственно свободно шествует по широким небесным полям. И хотя иногда ее прекрасный лик затемняют земные туманы и шторма, и она скрывается из вида, но бури кончаются, небо очищается от облаков, и она опять появляется на своем привычном пути, госпожа приливов и погоды, повелительница людских судеб. Такова и окруженная морями Демонландия, такова и слава твоего дома, о Спитфайр. Волнения в небесах способны повредить вечно живущим горам, но не заставят их тронуться с места. Так и губительная война, несмотря на сокрушительное сегодняшнее поражение, не способна поколебать наше величие, которое мы издавна завоевали мечом и копьем, и которое заставляет всю землю кланяться нашей славе.

Так сказал Волле. И Лорд Спитфайр оглядел затянутую туманом спящую долину, потом его взгляд перебежал к склонам огромных гор, темневших под ярким светом луны, и еще дальше, к узким пикам, молчаливо упиравшимся в самое небо. И ничего не сказал он, то ли от слабости, то ли очарованный молчанием ночи и одиночеством гор, и спокойный голос Волле продолжал звучать в его ушах, как будто с ним заговорила сама ночь, успокаивая рожденные землей тревоги и отчаяние.

Через какое время Волле заговорил опять: — Не сомневайся, твои братья вернутся домой. Но до этого времени ты — наша опора. Поэтому будь терпелив, вылечи раны и наберись сил. И только если ты в порыве отчаянной глупости сам уничтожишь свою жизнь, вот это будет настоящий позор.

XX. КОРОЛЬ КОРИНИУС

О ТОМ, КАК ЛОРД КОРИНИУС ВОШЕЛ В ОУЛСВИК, И КАК ОН БЫЛ КОРОНОВАН НА САФИРОВОМ ТРОНЕ СПИТФАЙРА КОРОЛЕМ ВСЕЙ ДЕМОНЛАНДИИ; И КАК ТЕ, КТО БЫЛ В ЗАМКЕ ОУЛСВИК, ПРИНЯЛИ И ПРИЗНАЛИ ЕГО.

КОРИНИУС, закончив разгром врага, пришел вместе со своей армией в Оулсвик ближе к вечеру, когда день уже начал угасать. Перед ним опустился подъемный мост и широко распахнулись украшенные серебром ворота, сделанные из адаманта, и торжественно и гордо въехал он и его люди в замок Оулсвик, проехав по дамбе, выстроенной из огромных необработанных камней и больших блоков гранита, высеченных в Треммердейле.

Большая часть его армии осталась в лагере Спитфайра перед замком, но тысяча вошла вместе с ним в Оулсвик вместе с сыновьями Корунда, Лорда-ми Гро и Корсусом, ибо флот встал на якорь неподалеку, когда увидел, что победа осталась за Ведымами.

Корсус тепло приветствовал их, и хотел проводить в предназначенные для них покои, находившиеся рядом с его, где они могли бы отдохнуть, сбросить с себя доспехи и надеть праздничную одежду перед ужином. Но Кориниус извинился, сказав, что он ничего не ел с утра: — Давай не разводить церемоний, но, прошу тебя, проводи нас прямо в пиршественный зал.

И Кориниус пошел впереди всех, любовно обняв Корсуса за плечо запачканной кровью и покрытой грязью рукой. Ибо он даже не захотел ненадолго остановиться, чтобы вымыть руки. И следы его ласки остались на вышитом плаще из пурпурного аксамита, который герцог Корсус надел на свои широкие плечи. Однако Корсус сделал вид, что ничего не заметил.

Вошли они в зал, и оглядел его Корсус: — Но, милорд Кориниус, этот зал слишком мал для того великого праздника, который должен произойти в нем. Согласно старинному обычаю многие из моих людей, отличившихся в битве, должны сидеть рядом с нами. И здесь для них нет места. Прощу тебя, прикажи своим простолюдникам, пришедшим с тобой, выйти, чтобы мои офицеры не свесились в кладовых.

— Прощу прощения, милорд, — ответил Кориниус, — но мы должны подумать и о моих простых парнях, которые честно выдержали все трудности войны. Прощу тебя, не лишай их чести сидеть на пиру рядом с нами: именно они открыли ворота Оулсвика и разбили врагов, так долго державших тебя в осаде.

И все заняли свои места, и принесли ужин, и поставили перед ними мясо козлят, фаршированное орехами, миндалем и фисташками; цаплей в соусе из камелии; говяжье филе; гусей и дроф; и большие кубки и кувшины с рубиново красным вином. Дружно заработали челюстями Кориниус и его люди, и молчание воцарилось в зале, и только изредка стучали тарелки и чавкали люди.

Наконец Кориниус, одним большим глотком осушив целый кубок вина, заговорил и сказал: — Эта сегодняшняя битва на лугах у Скалы Тремнира. Ты участвовал в ней?

Мясистые щеки Корсуса вспыхнули. — Ты же знаешь, что нет. Я считал, что вылазка — достойная порицания поспешность, хотя в какое-то мгновение мне показалось, что Спитфайр побеждает.

— О милорд, — сказал Кориниус. — Не думай, что из-за этого я ищущу ссоры с тобой. Скорее я хочу показать, насколько ценю и уважаю тебя.

И он что-то сказал мальчику, стоявшему за его стулом, тот побежал и немедленно вернулся с большой диадемой из полированного золота, так украшенной топазами, что, казалось, от нее исходит пламя. Спереди диадему украшала маленькая фигурка краба из тусклого железа, с глазами из двух зеленых бериллов на серебряных стебельках. Мальчик поставил ее перед Лордом Кориниусом, как если бы это была тарелка с мясом. Кориниус вынул из кошельки послание и положил его на стол так, чтобы Корсус увидел его. И было это послание запечатано личной печатью короля Гориса: змеем Уроборос на розовом воске.

— Милорд Корсус, — сказал Кориниус, — и вы, сыновья Корсуса, и все остальные Ведьмы! Знайте, что наш Лорд Король назначил меня вице-королем провинции Демонландия, и желает, чтобы в этой стране меня называли королем и вы все подчинялись моим приказам.

Корсус, увидев корону и послание короля, в первое мгновение смертельно побледнел, а в следующее стал пунцово-красным.

И сказал Кориниус: — Ты, о Корсус, выбран из всех великих лордов, собравшихся в Оулсвике, чтобы короновать меня этой короной, как короля Демонландии.

Все замолчали, ожидая, что ответит Корсус. Но тот не сказал ни слова. Только Декалайус тихонько прошептал ему в ухо: — О отец, если царствует обезьяна, надо танцевать перед ней. Придет время, и мы восстановим справедливость.

И эти благоразумные слова не остались без внимания Корсуса, ибо хотя его лицо и изменилось, но он сумел справиться с собой и проглотил слова, которые уже готов был бросить в лицо Кориниуса. И даже не без изящности он исполнил свою обязанность, надев на голову Кориниуса новую корону Демонландии.

И пересел Кориниус на трон Спитфайра, с которого встал Корсус: высокая спинка из дымчатой яшмы, изящно вырезанная и украшенная васильково синими сапфирами. Справа и слева стояли два высоких золотых канделябра. Плечи Кориниуса заполнили все обширное пространство между колоннами трона. Могучий человек, вот как он выглядел, переполненный молодостью и силой, вооруженный и еще дымящийся после битвы.

Корсус, севший между сыновьями, тихонько сказал: — Ревень! Принесите мне ремень, чтобы избавиться от этой холеры.

Но Декалайус прошептал ему: — Не сейчас, о отец. Не уподобляйтесь тому, кто идет, завернувшись в сеть, и думает, что его никто не видит. Убаюкаем его нашей покорностью, пускай он думает, что мы проглотили оскорбле-

ние и не собираемся ничего делать. Разве Галландус не был большим человеком?

Тусклые глаза Корсуса сверкнули. Он поднял наполненный до краев бокал и провозгласил тост за Кориниуса. И Кориниус в ответ приветствовал его и сказал: — Милорд герцог, прошу тебя, позови своих офицеров и пусть им объявят, что отныне я Король Демонландии и командую всеми армиями, в том числе и той, что в Оулсвике.

И Корсус так и поступил, хотя и против своего желания, ибо знал, что не сможет найти причины поступить иначе.

Услышав, как во внутреннем дворе глашатаи громко провозгласили его королем, Кориниус опять громко заговорил и сказал: — Я и мои люди очень устали, милорд, пришло время отдохнуть. Прошу тебя, прикажи, чтобы приготовили мои покои. И пусть это будут те самые покои, в которых жил Галландус, пока он был в Оулсвике.

Корсус едва сумел удержаться себя в руках. Но Кориниус пристально глядел на его, и он был вынужден отдать приказ.

Слуги немедленно начали готовить покои, а Лорд Кориниус вызвал громкие одобряющие крики, потребовал еще вина и еды. Через минуту на стол перед лордами Ведьмландии поставили новые кувшины с вином и свежие деликатесы: оливки, сушеную икру и гусиную печенку, взятые из обильных запасов Спитфайра.

Тем временем Корсус тихо сказал своим сыновьям: — Мне очень не нравится, что он произнес имя Галландуса. Тем не менее он кажется беспечным и беззаботным, как тот, кто не опасается обмана.

И Декалайус в ответ прошептал ему на ухо: — Возможно сами боги предназначили ему пасть и заставили выбрать эту комнату.

И они засмеялись. И все веселились и радовались вплоть до конца пира. Наконец пришли слуги с факелами, готовые проводить гостей в их покои. Когда все встали и желали друг другу спокойной ночи, Кориниус неожиданно сказал: — Прошу прощения, милорд, но после такого любезного приема мне придется сказать кое-что менее приятное для тебя. Я не сомневаюсь, что замок Оулсвик надоел тебе хуже горькой редьки, ибо ты сидел в нем как в клетке, и, безусловно, устал как от долгой осады, так и от тягот войны. Поэтому я желаю, чтобы ты немедленно отплыл домой, в Ведьмландию. Лаксус уже приготовил для тебя корабль, полностью укомплектованный командой. И, как прекрасный конец нашего праздника, мы проводим тебя и твоих сыновей на него.

У Корсуса отвисла челюсть. Тем не менее он заставил свой язык заговорить и сказать: — Милорд, как будет угодно тебе. Но, тем не менее, назови причину твоего решения. Неужели мой меч и мечи моих сыновей так мало способны помочь делу Ведьмландии в этой стране наших врагов и злопыхателей, что мы должны вложить их в ножны и отправиться домой? И, кроме того, такие дела не делаются в спешке. Давай обсудим это завтра утром.

Но Кориниус резко ответил ему: — Скажи спасибо судьбе, что этой но-

чью ты будешь на борту корабля. — И, бросив на него злой взгляд, добавил: — Сегодня ночью я буду спать в покоях Галландуса, которые, как я недавно узнал, примыкают к твоим, и, значит, мои телохранители будут спать в твоей комнате, милорд Герцог.

Корсус не сказал ни слова. Но Гориус, его младший сын, опьяненный вином, вскочил и закричал: — Кориниус, в злой час ты пришел в эту страну и захотел обратить нас в рабство. И если ты боишься нас из-за Галландуса, знай, что тебя нагло обманули. Ибо позади тебя сидит ядовитая змея, подлый Гоблин, и его рассказ о нас — коварная ложь. Как жаль, что вы вместе, ибо замышляет он зло против Ведьмландии.

Декалайус немедленно оттолкнул его и сказал Кориниусу. — Кориниус, не слушай грубые и торопливые слова моего брата, ибо не он сказал их, а вино, что внутри его. Но Герцог, мой отец, и мы оба готовы поклясться любыми самыми страшными клятвами, что Галландус собирался узурпировать власть, стать единоличным командиром и предать армию врагу. И только поэтому Корсус убил его.

— Это чистая ложь, — сказал Лаксус.

Гро слегка улыбнулся.

Но Кориниус наполовину обнажил свой меч и сделал шаг к Корсусу и его сыновьям. — Когда ты говоришь со мной, называй меня королем, — сказал он, сердито глядя на них. — Вы, сыновья Корсуса, не те люди, которые могут провести на мякине старого воробья и вы не заставите меня служить вашим интересам. А тебе, — сказал он, жестко глядя на Корсуса, — лучше всего тихо ушлыть и не пытаться спорить со мной. Ты глупец! не думаешь ли ты, что я — второй Галландус? И ты сможешь убить меня, как его? Или ты думаешь, что я выгнал тебя из ловушки, куда ты попал только из-за собственной глупости и упрямства, только для того, чтобы терпеть рядом с собой твою глупость и постоянно опасаться твоей злобы? Вот стража, которая проводит тебя на корабль. И скажи спасибо, что я не отрубил на месте твою глупую голову.

Корсус и его сыновья встали, еще не уверенные, не следует ли им выхватить мечи и обрушиться на Кориниуса, начав битву в стенах Оулсвика и доверив свою судьбу случаю, или покориться необходимости и идти на корабль. И показалось им, что лучший выбор — идти на корабль, ибо стояли там и Кориниус, и Лаксус, и их люди, но мало было собственных людей Корсуса, которые бросились бы им на помощь, если бы дело дошло до сражения; и решили они, что сейчас надо смириться и подождать до лучших времен. Вот так, затаив в сердце горечь и гнев, они подчинились воле Кориниуса, и в тот же самый час Лаксус проводил их на корабль и увез через дельту на остров Скарамси.

И теперь стали они безвредны, как мышь на мельнице. Ибо шкипером этого судна был Кадарус, доверенный вассал Лаксуса, и вся команда была предана Кориниусу и Лаксусу. Этой ночью корабль бросил якорь с подветренной стороны острова, а с первыми лучами солнца отплыл в Ведьмландию, унося с собой Корсуса и его сыновей.

XXI. ПЕРЕГОВОРЫ ПЕРЕД КРОЗЕРИНГОМ

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ, КАК ВОЙНОЛЮБИВАЯ ПОЛИТИКА И ИСКУСНО НАРИСОВАННАЯ КАРТИНА ПЕРЕНЕСЛИ ВОЙНУ НА ВОСТОК; И КАК ЛОРД ГРО ОТПРАВИЛСЯ ПОСЛОМ К ВОРОТАМ КРОЗЕРИНГА И КАКОЙ ОТВЕТ ОН ТАМ ПОЛУЧИЛ

УПЕРЬ следует рассказать, что Лорд Зигт сумел выполнить приказ Спитфайра, и быстро собрал больше пятнадцати сотен всадников и пеших солдат из северных долин, жителей Шалгретской пустоши, людей с пастбищ Келиланда, из Свичутурского Пути и Раммерика, и спешно отправился к Ушку. Но когда Кориниус узнал об этом, он послал три тысячи человек, чтобы перехватить их над Лунной Заводью и не дать им подойти к Гелингу. Но Зигт, дойдя до верхних долин Брейкингдейла, вовремя получил известие о великой резне у Скалы Тремнира, и о том, что силы Спитфайра и Волле рассеяны и разбиты, и оставшиеся в живых убежали в горы. Хорошо понимая, что мало пользы принесет его маленькой армии встреча с Кориниусом, он без дальнейших церемоний повернул обратно и спешно вернулся в Ушко, из которого только что вышел. Кориниус послал легких всадников, которые должны были постоянно тревожить Демонов и нападать на них сзади, но они не сумели последовать за Зигтом на запад через Ушко. Тогда Кориниус приказал построить крепость в узком проходе, оставил там достаточно людей, чтобы защитить ее, и вернулся в Оулсвик.

В распоряжении Кориниуса было больше пяти тысяч человек: великая устрашающая армия. Стояла замечательная погода, и с этой армией он быстро завоевал всю восточную Демонландию, за исключением одного Гелинга. Бремери из Шо с семьюдесятью воинами сумел удержать Гелинг, несмотря на несколько приступов. Так что Кориниус, рассудив, что этот фрукт все равно созреет и упадет в его руки позже, когда он соберет все остальное, решил с концом зимы отправить на запад с основной армией, оставив небольшой отряд, который должен был удержать восток и не выпускать Бремери из Гелинга. К этому решению его подтолкнуло желание солдат пограбить, так случайно совпавшее с его собственными намерениями. Ведь помимо войнолюбивой политики его тянули на запад два магнита: во-первых застарелая вражда с Брандох Даха, которая разьедала его сердце и делала Крозеринг самой желанной добычей; и, во-вторых, Леди Мевриан. В одном из шкафов Спитфайра, в котором хранились перья, чернила и прочие пустяки, он нашел ее портрет и поклялся, что согласно воле Небес (или без нее), но эта женщина будет его любовницей. С тех пор сладострастное желание не отпускало его ни днем, ни ночью.

И вот на четырнадцатый день марта, ясным морозным утром, он со своей главной армией прошел через Брейкингдейл и Ушко, той же самой дорогой, по которой скакали Лорд Джусс и Брандох Даха в тот самый летний день, когда они держали совет в Крозеринге перед экспедицией в Чертландию.

И спустились Ведьмы вниз к водяной мельнице и повернули в Большие Кусты. Но не нашли они там ни Зигта, ни его леди жену или его людей, но нашли покинутый дом. Они разграбили его и сожгли, а потом пошли дальше. И

знаменитый замок Джусса в Келиаленде они разграбили и сожгли, и еще один, на Свичуотерском Пути, и летний дворец Спитфайра на маленьком холме над Раммерсвикским озером. Так они победно шли по Свичуотерскому Пути, и никто даже не попытался остановить их, но все убежали при приближении этой огромной армии, и скрывались в тайных горных местах, избегая позорной смерти.

Когда же прошли они через узкие проходы Гастерндейла и вышли к Крозеринг Сайд, приказал Кориниус разбить лагерь под Эрнгейтским Кряжем, у подножия каменистых склонов, которые поднимались к высокой западной вершине горы, на которой стеной стояли узкие утесы, защищая гору от неба.

И подошел Кориниус к Лорду Гро и сказал ему: — Я доверяю тебе быть моим посланцем к Леди Мевриан. Возьми белый флаг, флаг переговоров, и попробуй пройти в замок. Если они не допустят тебя туда, попроси ее поговорить с тобой со стены. Используй все, что фантастический придворный жаргон и твое воображение подскажут тебе, и передай ей следующее: «Кориниус, волей великого короля Гориса ставший королем Демонландии, остановился с непобедимой армией перед этим замком. Но знай, что он не хочет воевать с леди и мадмуазелями, и, будь уверена, ни ты, ни твои люди не потерпят ни малейшего вреда. И он предлагает тебе великую честь: стать его любимой женой и королевой Демонландии». И если она скажет да, то мы мирно войдем в Крозеринг и овладеем как им, так и этой женщиной. Но если она откажется, тогда скажи ей, очень жестко, что я обрушусь на этот замок как лев, и не успокоюсь, пока не превращу его в груды развалин и перебью всех ее людей. И если она откажет мне в любви и удовольствиях, то я изнасилую ее самым жесточайшим образом, и она и ее жестоковывиные Демоны узнают, что я их король, властелин всей Демонландии, и что их тела только орудия моего удовольствия.

— Милорд Кориниус, — ответил Гро, — прошу тебя, выбери любое другое, более подходящее мне поручение, — и еще долго он самым серьезным образом пытался убедить его. Но чем больше Гро пытался избежать ненавистного ему дела, тем тверже стоял на своем Кориниус, и никто не смог бы поколебать его. Так что в конце концов Гро был вынужден согласиться, и в тот же час он пришел к воротам Крозеринга, в сопровождении одиннадцати воинов, и перед ним несли белый переговорный флаг.

Гро послал к воротам герольда, который объявил, что Лорд Гро желает переговорить с Леди Мевриан. Ворота открылись и она спустилась в открытый сад перед подъемным мостом. Стоял поздний полдень, горящее солнце медленно плыло среди розовых облаков, и вода Громоваго Залива сверкала, отражая его лучи. С горизонта, высоко за покрытыми соснами холмами Вестмарка, к ним плыла огромная гряда облаков, жесткая и цвета железа; ее края казались настолько твердыми в дымчатом закатном небе, что можно было подумать, будто в небе плывут настоящие горы, а не облака: эти небесные горы (насколько человек может судить) волею Богов поднялись над Демон-

ландией, ибо древние холмы больше не были убежищем от врагов. Здесь, в воротах Крозеринга, рос химонант и маленькие фиолетовые кусты волчегодника, листья и цветы которого испускали в воздух восхитительный аромат. Но не этот сладкий запах волновал Лорда Гро, и не ослепляющий свет с запада, а вид дамы, стоявшей перед ним в воротах, белокожей и мрачной, похожей на божественную Охотницу: высокой, гордой и прекрасной.

Мевриан, видя, что он не может сказать ни слова, заговорила сама: — Милорд, я слышала, что тебя послали ко мне с каким-то поручением. Я вижу огромный военный лагерь под Эрнгейтским Кряжем, и уже много лун слышу разговоры о том, что по этой земле рыскают бандиты и грабители. Поэтому я не жду от тебя ласковых речей. Наберись мужества и расскажи мне все злое, что ты собираешься сказать.

Гро ответил и сказал: — Сначала скажи мне, действительно ли я разговариваю с Леди Мевриан, которая, насколько я знаю, принадлежит к роду человеческого, или какая-нибудь Богиня спустилась с сияющего полога небес?

— Мне нечего ответить на твои комплименты, — сказала Мевриан. — Я — человек и женщина.

— Мадам, — сказал Лорд Гро, — я бы не принес вашей светлости это послание, но я точно знаю, что, если бы я отказался, его доставил бы другой, куда менее галантный и куда более грубый, чем я.

Она тяжело кивнула, как если бы хотела сказать, говори. И он, взяв себя в руки, с каменным лицом пересказал слова Кориниуса, и в конце добавил: — Это, мадам, велел мне сказать король Кориниус, и это то, что я обязан был передать вашей светлости.

Мевриан внимательно выслушала его слова, высоко подняв голову. Когда он закончил, она немного помолчала, изучая его. Потом заговорила. — Мне кажется, милорд, я знаю твое имя. Ты, принесший мне это послание, Лорд Гро Гоблинландский

— Мадам, уже давно меня никто не называет меня так. Сейчас я Лорд Гро Ведыландский.

— Да, судя по твоим словам, — сказала она и замолчала опять.

Дама так жестко глядела на него, что ему показалось, будто ее взгляд-нож скребет его нежную кожу, и боль стала почти нестерпима.

Наконец она заговорила: — Я помню тебя, милорд. Разреши мне кое-что тебе напомнить. Одиннадцать лет назад мой брат отправился воевать с Ведьмами в Гоблинланию, и победил их на поле Лормерон. Там, в одном единственном бою, он убил великого короля Ведыландии, Гориса X, который до этого дня считался самым сильным воином в мире. Моему брату тогда было всего восемнадцать зим, и именно там впервые вспыхнул огонь его славы. После сражения Король Газларк устроил огромный веселый пир в Зайё Закуло, в честь освобождения его страны от угнетателей. И я была там, и видела тебя, милорд; я была маленькой одиннадцатилетней девочкой, ты посадил меня на колени и показал мне книги с картинками, нарисованными необыкновенными красками: золотыми, зелеными и розовыми. И были там птицы, и

звери, и чудеса со всего мира. И я, маленькая невинная девочка, полюбила тебя, такого хорошего и добросердечного.

Она прервалась, и Гро растерянно поглядел на нее, как человек, принявший снотворную пилюлю.

— Скажи мне, — сказала она, — этот Кориниус. Он действительно такой хороший боец, как об этом говорят?

— Он, — ответил Гро, — один из самых знаменитых воинов, которые когда-нибудь жили в этом мире. Даже его злейшие враги не осмеливаются отрицать это.

— Как ты думаешь, это подходящий консорт для дамы из Демонлании? — сказала она. — Вспомни, милорд, что я отказала коронованным королям. Хотела бы я знать твое мнение, ибо, вы, без всякого сомнения, очень близкие друзья, если он выбрал тебя своим посредником.

Гро увидел, что она насмехается над ним, и у него застучало сердце. — Мадам, — сказал он дрогнувшим голосом, — не слишком презирай мою темную часть. Воистину я принес тебе самое бесстыдное послание, и против моей воли. Тем не менее, когда он так надавил на меня, как я мог поступить иначе? Или я должен был удариться лбом о мраморный пол и слово за слово передать тебе его речь?

— Твои слова, — ответила Мевриан, — как раскаленное железо, приложенное к моему лицу. Возвращайся к твоему повелителю. И если ему нужен ответ, пускай прочитает то, что написано на воротах золотыми буквами.

— Твоего благородного брата, мадам, — сказал Гро, — нет здесь, и это плохой ответ. — И он подошел к ней поближе, чтобы только они двое могли слышать его слова. — Не обманывай себя. Кориниус злой и безнравственный юнец, одержимый похотью, и, если ему удастся захватить замок Крозеринг, он обойдется с тобой без тени уважения. Было бы намного мудрее устроить открытый прием и наговорить ему множество красивых слов; тогда, может быть, тебе удалось бы избавиться от него.

Но Мевриан упрямо сказала: — Нет, милорд, у тебя есть мой ответ. Я глуха к его мольбам. И скажите ему, что мой кузен, Лорд Спитфайр, уже залечил свои раны, и через несколько дней его армия вышвырнет Ведьм из ворот моего замка.

Сказав так, она насмешливо улыбнулась и вернулась в замок.

И Лорд Гро вернулся в лагерь к Кориниусу, который спросил, преуспели ли он.

— Нет, — ответил Гро. — Она решительно отказалась.

— Значит, — сказал Кориниус, — кошечка решила показать когти? Это задержит мое горячее желание только на мгновение и сделает результат более приятным. Ибо я все равно возьму ее. А напускная скромность и наглый отказ только подстегивают меня.

XXII. АУРВОЧ И СВИЧУОТЕР

КАК ЛЕДИ МЕВРИАН ГЯДЕЛА СО СТЕН КРОЗЕРИНГА НА АРМИЮ ВЕДЬМЛАНДИИ И ЕЕ КАПИТАНОВ; И О ИЗВЕСТИЯХ, ПОЛУЧЕННЫХ ЕЮ, О ВОЙНЕ НА ЗАПАДЕ, НА ПОЛЕ АУРВОЧ, И О ВЕЛИКОМ СМЕРТООУБИЙСТВЕ НА СВИЧУОТЕРСКОМ ПУТИ

На четвертый день после вышеописанных событий, Леди Мевриан вышла на стены Крозеринга. Резкий порывистый ветер дул с северо-запада. Облаков не было; чистое синее небо над головой, немного жемчужно-серое, ибо в воздухе висел небольшой туман. Ее старый управляющий, одетый как солдат — поножи, шлем и куртка из твердой бычьей кожи — шел рядом с ней.

— Мы уже почти готовы к удару, — сказала она. — Сегодня или завтра, так сказал мне Лорд Зигт, когда был здесь. Если Гоблины не подведут, будет замечательное сражение и мы зададим им жару.

— Точно так же, как ваша светлость прихлопывает комара двумя руками, — сказал старик и внимательно поглядел на юг, за море.

Мевриан тоже посмотрела туда же. — Ничего, кроме тумана и воды, — сказала она, за несколько минут оглядев весь горизонт. — Я очень рада, что послала Спитфайру двести всадников. Сегодня у него каждый человек на счету. Как ты думаешь, Равнор: если Король Газларк не придет, хватит ли у Спитфайра сил, чтобы справиться самому?

Равнор хихикнул в бороду. — Да, я так думаю, и милорд ваш брат тоже сказал бы «да» вашей светлости, если бы был здесь. С тех пор, как я в первый раз попал шаром в воротце, меня научили, что один Демон равен в бою пятерым Ведьмам.

Она поглядела на него, немного тоскливо. — Ах, — сказала она, — если бы он был дома. И Лорд Джусс. — Потом порывисто повернулась и взглянула на север, в сторону лагеря. — Если бы они были дома, — крикнула она, — ты бы не увидел этих захватчиков, с оружием в руках оскорбляющих Крозеринг Сайд, посылающих мне бесстыдные предложения и держащих меня здесь, как птицу в клетке. Разве такое когда-нибудь раньше случалось в Демонландии?

В этот момент с дальней стороны башни прибежал мальчик, громко крича, что с юга и востока показались корабли: — И они уже входят в залив.

— Но из какой страны? — сказала Мевриан, лихорадочно обшаривая взглядом горизонт.

— Но разве не из Гоблинландии? — спросил Равнор.

— О, не говори так поспешно! — воскликнула она. Они оба обежали стену башни, и перед ними открылись море и Стропардонский залив, пустые. — Я не вижу ничего, — сказала она, — или вон тех чаек ты назвал флотом?

— Он имеет в виду Громовой Залив, — сказал Равнор, шагнув вперед и указывая на запад. — Смотрите, вон смутные тени, идущие к Аурвочу. Король Газларк, без всякого сомнения. Обратите внимание на сине-золотые паруса.

Мевриан какое-то время глядела на них, нервно барабая одетой в перчатку рукой по зубчатой мраморной стене. Величественной казалась она, завернутая в воздушный плащ из белого муарового шелка, отделанного мехом

горностая. — Восемнадцать кораблей! — сказала она. — Я не могла даже мечтать, что Гоблины смогут выставить такую огромную силу.

— Ваша светлость сможет увидеть, — сказал Равнор, идя назад вдоль стены, — останутся ли Ведьмландцы спать, когда эти корабли вплывут в порт.

Мевриан последовала за ним и посмотрела. Вся Ведьмландская армия уже была на ногах, выстроившись перед лагерем; новые воины подбегали, вставали в строй или прыгали на спины лошадей, и вскоре до ушей Мевриан, стоявшей на высокой сторожевой башне, донесся слабый рев сигнальных труб. Армия пошла вниз, к морю, в полном порядке, сверкая бронзой и сталью. На юг они шли, пересекая луга Крозеринга, так близко от замка, что со стены можно было увидеть каждого человека.

Мевриан высунулась в амбразуру, держась за стену обеими руками. — Я хочу знать их имена, — сказала она. — Ты, который воевал по всей земле, можешь научить меня. Гро я уже узнала, по его длинной бороде, и у меня болит сердце, когда я вижу Лорда Гоблинландии в одной компании с такими негодяями. А кто рядом с ним, борогатый щеголь, с крылатым шлемом и королевской диадемой, и мечом с малиновой рукояткой? Он выглядит очень гордым.

— Лаксус Ведьмландский, — ответил старик. — Он был адмиралом их флота в сражении с Вурдалаками.

— Судя по виду он храбрый и достойный человек. А этот, который скачет под нами: румяный и смуглолицый, изящно сложенный, со лбом, как грозовая туча, одетый в броню с ног до головы?

— Я не уверен, ваша светлость, — ответил Равнор, — ибо сыновья Корунда очень похожи друг на друга. Но думается мне, это юный принц Хеминг.

— Принц чего? — улыбаясь спросила Мевриан.

— Так говорит молва, ваша светлость. Горис сделал Корунда королем Чертландии и —

— Тогда назовем его Хеминг Фаз, — сказала она. — Клянусь, эти дикие варвары-черти добавят ему еще много имен. О Небеса! Хеминг Фаз, повелевающий Демонландией.

— А главный хвостун, — вскоре сказала она, — должен ехать последним. О, вот и он. Святые небеса, как он гарцует! Истинно говорю, может он сидеть на лошади, и у него фигура атлета. Смотри, как он с непокрытой головой спускается вниз, совершенно прямо. Я думаю, что ему понадобится что-нибудь более прочное, чем золотые кудри, если он собирается сохранить свою голову в целости во время встречи с Газларком и с нашими людьми, которые должны ударить с севера. Я вижу, что он привязал свой шлем у седла. Ты, расфуфыренный франт! — крикнула она, когда он подъехал ближе. — Сплошное серебро и шелк. Ты же клялся, что только Демоны идут в бой так богато одетые. Смотри, как бы ножницы не отрезали тебе гребешок!

И она наклонилась вперед так, как только могла, дабы рассмотреть его. А он, гарцуя под ней, посмотрел вверх и резко натянул поводья, заставив

большого гнедого жеребца почти сесть на ягодицы. И пока конь метался и вставал на дыбы, Кориниус громким голосом приветствовал ее, крикнув: — Доброе утро, моя госпожа! Пожелай мне победы и помаши мне своими изящными ручками!

Прямо под ней проезжал он в этот момент, и она совершенно отчетливо разглядела его лицо, прочитала его и ясно расслышала его приветствие. Потом он поприветствовал ее мечом, дал шпоры коню и быстро догнал авангард во главе с Корсусом и Гро.

И как если бы ей внезапно стало плохо, или ее укусила ядовитая гадюка, Леди Мевриан без сил оперлась о мраморную стену. Равнор испуганно шагнул к ней: — Что случилось, ваша светлость? Вам плохо?

— Просто затошнило, — еле слышно сказала Мевриан. — Если тебе нужно вылечить меня, покажи мне блеск копий Спитфайра на севере. А голая земля вызвала у меня головокружение.

Настал полдень. Дважды и трижды Мевриан выходила на стены, но не увидела ничего, кроме моря, залива и прекрасной, лежащей на лоне гор долины, мирно дремавшей под весенним солнцем: ни малейшего признака человека или военной суматохи, и только мачты кораблей Газларка виднелись за мысом в трех-четыре милих на юго-запад. Тем не менее она точно знала, что корабли бросили якорь в Аурвочской гавани, и там сейчас идет отчаянная битва, и Газларку очень тяжело сражаться один на один против Лаксуса, Кориниуса и всех копий Ведьмландии. Солнце уже почти касалось темных сосен Вестмарка, но с севера так никто и не появился.

— Ты послал за известиями? — спросила она у Равнора, уже третий раз.

— Еще рано утром, ваше светлость, — невозмутимо ответил он. — Но он не может ехать быстро, пока находится в миле-двух от замка, ибо маленькие отряды Ведьм стерегут местность.

— Приведи его ко мне как только он вернется, — сказала она.

Леди Мевриан уже ступила на верхнюю ступеньку лестницы, но внезапно обернулась. — Равнор, — позвала она.

Слуга подошел к ней.

— Ты, — сказала она, — который много лет служил в Крозеринге моему брату, а до того нашему отцу, ты знаешь дух и мысли нашей семьи. Скажи мне, прямо и честно, что произойдет дальше. Лорд Спитфайр опоздал, Гоблины слишком поторопились (как всегда). Что ты думаешь об этом? Ответь мне так, как ты бы ответил милорду Брандох Даха, если бы он спросил тебя.

— Ваша светлость, — сказал старый слуга, — я отвечу вам: горе Гоблинландии. Ибо милорд Спитфайр еще не пришел с севера, и теперь только бессмертные Боги, если они спустятся с небес, смогут спасти Газларка. По самым скромным подсчетам Ведьм вдвое больше, чем Гоблинов. А в бою Гоблин против Ведьмландца как борзая против медведя. При всей жестокости и ярости собаки в конце концов победит медведь.

Мевриан слушала, глядя на него печально-задумчивым взором. — И ради этого он, такой благородный, приплыл на помощь Демонландии в ее

черные дни? — наконец сказала она. — Как может судьба быть такой безжалостной! О Равнор, позор, великий позор. Сначала Ла Фириз, теперь Газларк. Как может кто-нибудь полюбить нас после этого? Позор, позор нам, Равнор.

— Я бы не стал, ваша светлость, — ответил Равнор, — так поспешно проклинать нас. Если битва и пошла не в ту сторону, то скорее по недомыслию короля Газларка, чем из-за ошибки Лорда Спитфайра. Мы же не знаем наверняка, на какой день была назначена высадка.

Едва договорив последние слова, он поглядел мимо нее, в сторону моря, слегка южнее багрового заката, и его глаза расширились. Потом Равнор коснулся ее руки и указал на юг. На мачтах кораблей, стоявших в Аурвоче, поднялись паруса. Из гавани пошел дым, столбом поднимаясь в небеса. Пока они смотрели большая часть кораблей начала выходить в море. Осталось пять или шесть, полностью охваченные огнем, над гаванью повисло черное облако дыма. Остальные быстро вышли из-под защиты земли и ушли в открытое море, на веслах и полных парусах.

Никто не сказал ни слова; и Леди Мевриан оперлась руками о парапет и закрыла лицо руками.

Наконец вернулся посланец Равнора и старик привел его в будуар Мевриан, находившийся в южной части Крозеринга. — Ваша светлость, — сказал посланец, — я не принес послания, ибо слишком опасно было бы иметь его при себе, попади я в руки Ведьм. Но Лорд Спитфайр и Лорд Зигт встретились со мной у ворот Гастерндейла. И приказали мне их лордства передать вашему величеству, что скоро будете вы в полной безопасности, ибо перекрыли оно все пути в Крозеринг и армия Ведьмландии никогда не сможет ускользнуть из этой местности, зажатая между ними с одной стороны, и Громовым Заливом, Стропардонским Заливом и морем с другой, только если захочет сразиться с их лордствами. Но если они не захотят сражаться, а продолжают стоять у стен Крозеринга, тогда наши армии сами ударят на них, имея перевес почти в тысячу копий. И сражение это произойдет завтра, ибо на этот день назначено прибытие флота короля Газларка в гавань Аурвоч.

И сказала Мевриан: — Значит они ничего не знают о страшной неудаче, постигшей Газларка только из-за его собственной торопливости, и о том, что он вынужден был отплыть обратно в открытое море. Мы должны известить их об этом, сегодня же ночью.

Обдумал посланник ее слова и ответил: — Десять минут на перекус и последний кубок, и я в распоряжении леди.

И вскоре, уже в сумерках, человек опять отправился в путь, тайком пробираясь по окрестностям Крозеринга, дабы передать слово Лорду Спитфайру и известить его о том, что произошло в Аурвоче.

Прошла ночь, настал день, а лагерь Ведьм оставался пуст, как пустая раковина.

И сказала Мевриан: — Они куда-то ушли этой ночью.

— Тогда ваша светлость вскоре услышит великие известия, — сказал Равнор.

— Скорее всего сегодня вечером у нас будут гости, — сказала Мевриан и приказала приготовить спальни для лордов Спитфайра и Зигга. Так, за подготовкой, и прошел день. Но пришел вечер, никто так и не приехал с севера, и только тени сомнений и тревог ползли по ночным небесам и страдающим сердцам тех, кто нетерпеливо ждал известий в Крозеринге. Ибо посланец Мевриан так и не вернулся. Поздно пошла отдыхать Леди Мевриан, а с первыми лучами солнца была уже она на стене, завернутая широкое манто из бархатна и лебединых перьев, защищавшее ее от холодного утреннего ветра. На самую верхнюю башню поднялась она, и, вместе с верным Равнором, обыскала взглядом пустую панораму. Ибо бледное утро осветило пустой ландшафт. Так и продлился этот день до вечера: поиск и ожидания, и бесконечные вопросы самой себе.

Наконец настал ужин, уже третий, после битвы на поле рядом с Аурвочем. И на середине печального ужина послушался шум во внешнем дворе, заскрежетал, опускаясь, подъемный мост, и копыта лошади зацокали по мосту и яшмовой мостовой. Мевриан сидела, выпрямившись, в ожидании. Наконец она кивнула Равнору, который, не дожидаясь другого знака, быстро вышел. Почти сразу же он вернулся, нахмутив лоб, и сказал ей на ухо: — Новости, миледи. Он просит у вас личной аудиенции. Но сначала выпейте этот кубок, — и он налил ей немного вина.

Она встала и сказала управляющему: — Иди и приведи его ко мне.

Пока они шли, Равнор прошептал ей: — Это Астар из Реттри. Лорд Зигг послал его по очень важному делу со словом, предназначенном только для ушей вашего величества.

Леди Мевриан села в кресло из слоновой кости, обитое роскошным Бештрианским шелком, на котором переливающимися нитками были вышиты маленькие золотые птицы, листья и цветы клубники, и самые разнообразные фрукты. Она протянула руку Астари, который стоял перед ней в запыленной броне, грязный и запятнанный кровью от головы до ног. Он наклонился и поцеловал ее руку; потом опять выпрямился, но не заговорил. Об высоко держал голову, и глядел прямо ей в лицо, но глаза его были налиты кровью, и он глядел на нее призрачным взглядом посланника несчастья.

— Сэр, — сказала Мевриан, — не стой в сомнениях, но расскажи мне все. Ты же знаешь, что наша кровь не дрожит при самых страшных опасностях и неудачах.

И Астар заговорил. — Зигг, мой шурин, поручил мне, мадам, рассказать вам все, не утаивая ни слова правды.

— Говори, — ответила она. — Ты знаешь наши последние новости. Каждый час мы высматриваем победу. К сожалению я не могу устроить пир в честь твоего прихода.

Астар тяжело вздохнул. — Миледи Мевриан, — сказал он, — лучше готовьте меч, а не пир. Вы посылали гонца к Лорду Спитфайру?

— Да, — сказала она.

— Той же ночью он сообщил нам о поражении Газларка, — сказал Астар. — Увы, эти Гоблины приплыли на день раньше, и одни приняли на себя удар врага. Тем не менее мы полагали, что мщение — в наших руках. Мы охраняли каждый проход и каждую тропинку, и нас было больше. Так что эту ночь мы выжидали, видя огни лагеря Кориниуса в Крозеринг Сайд, и собирались ударить на них рано утром. Ночь выдалась туманная, луна села рано. И правда, как бы ни была она горька, состоит в том, что в темноте вся армия Ведыландии прошла мимо нас.

— Что? — крикнула Мевриан, — и вы спали, когда они шли мимо?

— В полночь, — ответил он, — мы получили надежное известие, что они ушли, а огни, которые все еще горели в его лагере, зажжены в насмешку над нами. По верным признакам мы убедились, что он резко повернул на северо-запад, и пошел верхней дорогой в Миланд над Броксти Хауз. Зигт с семью согнями всадников отправился в Хесби, чтобы задержать их там, пока наши основные силы шли быстрее путем через Малый Равендейл. Понимаете, мадам, Кориниус должен был пройти по дуге, а мы пошли напрямик.

— Да, — сказала она. — Вы собирались задержать его в Хесби, и там он должен был сражаться, или отойти обратно к Джастдейлу, где он, скорее всего, потерял бы половину своих людей в Меммерской Топи. Иностранец никогда не найдет там дороги, тем более в ночной темноте.

— И, конечно, тогда мы бы точно разгромили его, — сказал Астар. — Но он стал пелгать, как заяц, и обманул нас, когда наши основные силы поднимались на перевал: он повернул, как мы позже поняли, где-то в районе Гузсанда, и вместе со своей армией проскользнул обратно на восток прямо под нашим арьергардом. И это самый чудесный подвиг, о котором я когда-нибудь читал во всех военных хрониках.

— Не так громко, благородный Астар, — сказала Мевриан. — Не надо так громко хвалить Веды, и не думайте, что я считаю Зигта и Спитфайра худшими военачальниками, чем Кориниус, который благодаря своему искусству или удаче сумел ускользнуть от них.

— Тогда, дорогая леди, — сказал он, — приготовьтесь к самому худшему.

Ее серые глаза твердо поглядели на него. — Лазутчики сообщили нам, — продолжал Астар, — что они очень быстро прошли мимо Свичуотера, и, прежде, чем солнце поднялось над Гемсар Эйдж, мы уже шли по их следу, зная, что мы сильнее их. Мы надеялись настичь их и сразиться с ними еще до Ушка, ибо знали, что там они построили сильную крепость, которую мы вряд ли сумели бы взять штурмом.

Он замолчал. — Ну, — сказала она.

— Мадам, — сказал он, — мы, Демоны, непобедимы в бою, и это знает весь мир. Но в эти дни мы сражаемся как слепые или сонные, или, в лучшем случае, как те, кто неизвестно где потерял половину своей силы. Ибо мы лишились наших величайших воинов. Без них навалились на нас страшные не-

счастья и неудачи вроде той, что произошла под Скалой Тремнира прошлой осенью, когда наша армия была разбита наголову, и вот сегодня на Свичутерском Пути нас поджидала еще более худшая катастрофа.

Щеки Мевриан стали мертвенно-белыми, но она ничего не сказала, выжидая.

— Мы яростно преследовали их, — продолжал он, — и я уже объяснил вам, мадам, почему. Вы знаете, как близко подходят горы к дороге, когда идешь мимо Свичуотера, и берега озера на много миль окаймляют отроги гор, нижние склоны которых поросли лесами; и еще там много лесистых долин и узких проходов между отрогами, которые ведут наверх, в горы. День выдался туманный, и туман клочьями висел над берегами Свичуотера.

Мы шли очень быстро, и наш авангард был уже напротив Хайбанка, который находится на том берегу Свичуотера, началось сражение: и с их огромным преимуществом, ибо Кориниус разместил большие силы в горах справа от нас, поймал нас в ловушку и застал врасплох. Я не хочу подробно описывать вам, мадам, все печальные дальнейшие события, но в конце концов нас потопили в крови и наша армия перестала существовать. Вся. Где-то в разгар боя Зигт улучил мгновение и приказал мне, ради любви к нему, скакать в Крозеринг так, как если бы от этого зависела моя жизнь, и просить тебя немедленно уехать в Вестмарк, или на острова, или вообще в любое место, куда захочешь, прежде чем Ведьмы вернутся и схватят тебя. Ибо за исключением этих стен и кучки храбрых солдат, стоящих на них, больше тебя защитить некому, и никто не встанет между тобой и этими дьяволами.

Она по-прежнему не произнесла ни слова, и он сказал: — Разрешите мне больше не надоедать вам, самая прекрасная дама, этим грубым рассказом о великом несчастье. Внезапность катастрофы мешает мне говорить языком придворного. Но, уверен, я больше угодил вам, сказав грубую голую правду, а не галантную ложь, которая заставила бы вас подумать, что есть утешение там, где его нет.

Леди Мевриан встала и обеими руками обняла его. Свет глаз дамы походил на новый свет утра, пробившийся через серый туман, повисший над спокойной поверхностью горного озера, и она сказала голосом, сладким как голоса утра: — О Астар, не считайте меня такой нелюбезной или глупой. Благодарю тебя, мой дорогой Астар. Но ты сегодня еще ничего не ел, и, условно, как бы кошмарны не были новости, которые ты принес мне, после страшного сражения и долгой скачки тебя терзает ужасный голод. И мое гостеприимство не будет холоднее от того, что мы ждали не тебя и не с такими известиями. Покои для тебя уже готовы. Ешь и пей, а когда вечер кончится, у нас будет достаточно времени, дабы еще раз поговорить об этих делах.

— Мадам, — сказал он, — вы должны уйти отсюда, немедленно, или будет поздно.

— Нет, благородный Астар, — ответила она. — Это дом моего брата. Пока я буду в силах охранять его от захватчиков, я не поползу из него, как крыса, но буду стоять на страже и ждать Лорда Брандох Даха. И, конечно, я не

открою ворота Крозеринга Ведьмам до тех пор, пока я и мои люди будем живы.

И заставила она его пойти и поужинать, но сама до полуночи сидела одна в Зале Луны, которая находилась в донжоне над внутренним двором Крозеринга. Эта была любимая трапезная Лорда Брандох Даха, спланированная и обставленная им много лет назад. Если их не посещали многочисленные друзья, брат и сестра обычно ели здесь, а не в огромном пиршественном зале замка. Круглой была эта комната, ибо круглой была башня, в которой она находилась. А все колонны и стены и сводчатый потолок были сделаны из странного камня, белого и гладкого, от которого шел слабый бледно-золотой свет, походивший на золотое свечение полной луны теплой летней ночью. Лампы, коими служили лучезарные молочные опалы, наполняли комнату мягким светом, освещаая вырезанные на высоких панелях барельефы, представлявшие бессмертные и прекрасные цветы амаранта, непенфа, моли и асфодели, цветущих на полях Элизиума, а также еще более прекрасную картину: Лорд Брандох Даха и его миледи сестра стоят у большого камина, Лорд Джусс перед ними, Голдри и Спитфайр по бокам. Было там еще несколько картин, поменьше: принцесса Армеллина Гоблинландская, Зигт и его леди жена, и другие; все замечательно нарисованные.

Вот здесь и сидела Леди Мевриан, долго-долго. Наконец она взяла в руки маленькую лютню из сандалового дерева, покрытую мозаикой из слоновой кости и украшенную драгоценными камнями. Задумчиво перебирая пальцы струнами, она заиграла старинную мелодию и запела низким приятным голосом:

*Три ворона сели на ветку сосны,
И были они, как сажа, черны,
Не зевай, запевай, пой, пой, пей, пей, подливай.*

*И каркнул ворон: «Летим куда?
Нужна на завтрак нам еда!*

*- Вон там, на зелёном поле лежит
Убитый витязь, щитом накрыт.*

*У ног его верные псы лежат,
Его, как живого, они сторожат.*

*И соколы реют вокруг него,
К нему не подпустят они никого».*

*Тут юная дева к нему подошла,
Она его милой подругой была.*

*Кровавые раны целует она,
Но не прервать ей вечного сна.*

*Его на спину себе кладёт
На берег морской его несёт.*

*Хоронит, пока не настала тьма;
И умирает под вечер сама.*

*Пошли вам Бог таких соколов,
Такую жёну, таких верных псов!
Не зевай, запевай, пой, пой, пей, пей, подливай.*

Когда последний звук с трепетом слетел с струн, она со вздохом отложила лютню в сторону и сказала: — О моя милая лютня, гармония твоих струн совсем не согласуется с беспорядком в моих мыслях. Приведи их в порядок.

И она посмотрела на портрет своего брата. Лорд Брандох Даха стоял в украшенной драгоценными камнями кольчуге с завязками из золотых нитей, опираясь на свой меч. Как и в жизни глядел он на зрителя ленивым и насмешливым, но, одновременно, властным взглядом. Так удивительно изобразил его искусный художник, и такими прекрасными казались линии его лба, губ и рта, и наполнены такой силой и решительностью, что, казалось, так мог бы стоять бронзовый Арес под руку с Королевой Любви.

И еще долго глядела Мевриан на картину, глядела и думала. Потом, уткнувшись лицом в подушки, на которых сидела, разразилась долгими горькими рыданиями.

XXIII. ПРЕДСКАЗАНИЕ ИШНАЙН НЕМАРТРЫ НАЧИНАЕТ ИСПОЛНЯТЬСЯ

*О СОВЕТЕ ВЕДЬМ, НА КОТОРОМ ОНИ ОБСУЖДАЛИ, КАК ВОЕВАТЬ ДАЛЬШЕ;
И О ПЯТОМ ПРИСТУПЕ ЗАМКА ЛОРДА БРАНДОХ ДАХА, ПОСЛЕ КОТОРОГО
КОРИНИУСУ УДАЛОСЬ ДОБРАТЬСЯ ДО СВОЕЙ ДОБЫЧИ*

НЕМНОГО времени осталось у них для разговоров и предположений, ибо на следующее утро армия Ведьмландии опять появилась перед Крозерингом и посланный Кориниусом герольд предложил Мевриан сдать замок, пока с ним и ее собственной персоной не произошло самое худшее. Когда она мужественно отказалась, Кориниус пошел на приступ, но потерпел поражение. И в следующие три дня он трижды штурмовал неприступные стены Крозеринга, и добился только того, что число Ведьм несколько уменьшилось.

И созвал он других лордов Ведьмландии, и так сказал им: — Что вы скажете? Какой совет вы можете нам дать? Там, на стенах, всего несколько человек, и позор нам и всей Ведьмландии, если такая огромная армия с такими великими капитанами не может сломить их.

— Ты — король Демонландии, — ответил Лаксус. — Отдавай приказы и мы исполним их. Но если хочешь знать мой совет, я могу тебе его дать.

— Я желаю, — ответил Кориниус, — дабы каждый из вас, свободно и открыто, дал мне совет. Но все вы должны понимать, что стремлюсь я только к славе Ведьмландии и упрочению нашего владычества над Демонландией.

— Хорошо, — сказал Лаксус. — Однажды я уже подал тебе совет, и ты был в ярости. Но послушай: ты одержал замечательную победу на Свичуотерском Пути, и если бы мы преследовали их, и, образно говоря, вонзили меч нашей победы вплоть до рукоятки в тела наших противников, мы могли бы избавить эту землю от целого гнезда мятежников, вроде Спитфайра, Зигта и Волле. А сейчас они затаились дьявол знает где, и готовят новые колпочки, которые собираются всадить нам в зад.

— После драки кулаками не машут, милорд, — сказал Кориниус. — Это не совет. Лучше скажи мне, как взять Крозеринг. Я поклялся своей рукой, что сделаю это.

— Не только я говорил тебе об этом, — возразил Лаксус, — но и Хеминг, и если бы ты послушал нас, мы могли бы с малыми силами стеречь для тебя эту изюминку, пока ты с остальной армией съел бы весь пирог.

— Это так, — сказал Хеминг.

— Нет, не так, — ответил Кориниус. — И даже если бы это было так, он и ты просто страстно желаете первыми укусить этот сладкий фрукт. Но я не собираюсь отдавать его вам.

— Очень плохие слова, — сказал Лаксус. — Я вижу, что надо подстегнуть твою память, иначе ты станешь неблагодарным. Сколько таких фруктов ты уже съел с тех пор, как мы высадились здесь и сражаемся, забыв про боль и раны?

— О, прощу прощения, милорд, — издевательски заметил Кориниус. —

Я действительно забыл, что ты надеешься на мокрые губы Сривы и не даешь себе расслабиться. Но хватит об этих глупостях, вернемся к делу.

Лорд Лаксус вспыхнул. — Клянусь небесами, — крикнул он, — это еще как относится к делу. Было бы хорошо, Кориниус, если бы твои шагающие неизвестно где мысли не давали тебе расслабиться. Ты что, опять собираешь послать людей на приступ? Уж лучше осаждают Гелинг: там, по крайней мере, и добыча побогаче и чести побольше.

— Согласен, — сказал Хеминг. — Давайте поищем наших врагов. Мы для этого явились сюда, а вовсе не для того, что найти для тебя женщину.

В ответ Лорд Кориниус ударил его своим большим кулаком прямо в лицо. Разгневанный Хеминг схватился за кинжал, но Гро и Лаксус удержали его, схватив за руки. — Милорды, милорды, — сказал Гро. — Не играйте с огнем. Мы все здесь один ум и одно сердце, и наша главная цель — возвеличить славу нашего повелителя короля Гориса. Ты, Хеминг, не забывай, что Король доверил Кориниусу верховную власть, так что твой кинжал — самое черное предательство против его величества короля. А ты, милорд Кориниус, прошу тебя, умерь свой пыл. Из-за отсутствия настоящей войны вы уже готовы драться между собой.

Когда эти прекрасные слова потушили огонь ссоры, Кориниус попросил Гро высказаться и сказать им, что у него на уме. И ответил Гро: — Милорд, я целиком поддерживаю мнение Лаксуса. Здесь, у Крозеринга, мы только теряем время, вроде того глупого повара, который играюче делает конфеты, когда у него горит мясо. Мы должны найти истинного врага, который пока еще на свободе, и уничтожить его прежде, чем он превратится в настоящую опасность для нас: куда бы эти лорды не убежали, не думайте, что они помедлят хотя бы секунду, подготавливая нам очередную пакость.

— Я вижу, — сказал Кориниус, — что вы все трое сговорились против меня. Но ни одно растение, которые вы вырастили вокруг меня вашими речами, не способно затмить мой взгляд больше, чем облако, в котором я уже нахожусь.

— Правда то, — сказал Лаксус, — что мы считаем постыдной войну с женщиной.

— Тольконими крышку с тарелки, — сказал Кориниус, — и внутри найдешь одно дерьмо. Вы все, козлы, обезумели без женщин, ваши глаза затуманились, вот вы и решили, что я болен той же болезнью. Лаксус, клянусь чем угодно, твоя маленькая черноглазая шлюха много месяцев назад сменяла тебя на другого. Хеминг, ты и я знаем, что никакая девчонка никогда не околдует твое юное сердце. Гро, ха, ха! — и он громко рассмеялся. — Да, Король посадил меня на одного коня с Гоблином, но почему — это знает только он сам и его помощник Дьявол, но не я. Клянусь саганой, у тебя в глазах лихорадочный блеск умирающего от голода человека, и я думаю, что поручение, с которым я послал тебя к воротам Крозеринга, не принесло тебе ничего хорошего. Когда мой кот глядит с таким вожделением, я точно знаю, почему он все время мяукает. Неужели девичьи волосы цвета вороньих крыльев воспламенили

твою холодную кровь? Или ты думаешь, что у этой девицы грудь мягче, чем у твоей королевы, которая обычно завивает твои надушенные волосы?

Все трое вскочили на ноги. Гро, с пепельно-серым лицом, сказал: — Ты можешь сколько угодно поливать меня грязью. Я научился переносить это ради блага Ведьмландии и ждать, пока тебя задушит твой собственный яд. Но, пока я жив, я не допущу, чтобы ты — или кто-нибудь другой — своим поганым языком трепал имя Королевы Презмиры.

Кориниус продолжал расслаблено сидеть на своем стуле, но его меч был уже наготове. Он выпятил свою челюсть, а наглые голубые глаза презрительно глядели то на одного, то на другого из лордов, которые угрожающе стояли перед ним. — Фи! — наконец сказал он. — Разве я произнес ее имя? Нет, ты, Лорд Гро.

— Тогда тебе не стоит произносить его снова, Кориниус, — сказал Хеминг. — Разве мы не следовали за тобой и не поддерживали тебя? И мы готовы делать это и дальше. Но помни: я сын короля Корунда. И эта наглая ложь, произнесенная во второй раз, будет стоить тебе жизни.

Кориниус широко раскинул руки и засмеялся: — Друзья, — сказал он с самым жизнерадостным видом вставая на ноги, — это была только шутка. Хотя, согласен, злая шутка. Я прошу вас простить меня, милорды.

— А сейчас, — сказал он, — вернемся к делу. Я не откажусь от замка Крозеринг, ибо еще никогда я, дав клятву, не поворачивал обратно: ни ради людей на земле, ни ради всемогущих богов на небесах. Но я могу заключить с вами сделку, и вот она: завтра мы пойдем на приступ в последний раз, используя все наши силы, до последнего человека. И если, хотя я и не верю в этот позор, мы опять не сможем взять замок, то мы уйдем и будем действовать согласно твоему плану, о Лаксус.

— Ты уже потерял четыре дня, — сказал Лаксус. — И не сможешь вернуть время назад. Но хорошо, пусть будет по твоему.

Так закончился этот совет. Но ум и сердце Лорда Гро не успокоились, но продолжали бурлить, ибо в нем сплетались и боролись множество надежд, страхов и старых желаний. И ничего не ясно было ему, за исключением неясного чувства недовольства: как если бы совесть, тайком существовавшая внутри его сознания, внезапно сбросила вуаль между его мыслями и ним самим; вуаль, которая должна была всегда оставаться на месте.

На следующий день, рано утром, Кориниус вывел против Крозеринга всю свою армию. Лаксус наступал с юга, Хеминг и Карго с востока, против главных ворот, а он сам с запада, где стены и башни были самыми сильными, но сама местность не такой защищенной, как в других местах. Совсем мало людей встало против них, ибо Мевриан послала две сотни всадников на помощь Зиггу и они не вернулись из сражения на берегах Свичуотера. И чем дальше длился день, тем жарче разгоралось сражение, раны давались и получались, и удача стала склоняться на сторону Ведьмландцев, и все больше и больше замок держался только силой своих стен, ибо не осталось здоровых людей на его стенах, но только раненые и убитые. И Кориниус почти взял за-

мок, взобравшись по западной стене донжона, и он и его люди как волки набросились на защитников, но Астар из Реттри встал у них на пути, и сразился с ними с такой яростью и умением, что победил их, пораженных и удивленных, и сбросил со стен в ров. Но простые Ведьмы спасли Кориниуса от верной смерти, хотя он и был вынужден выйти из боя. Тем не менее он остался у стены, продолжая ободрять своих воинов. И около пятого часа пополудни сыновья Корунда взяли главные ворота.

В этот час Леди Мавриан находилась на стене донжона, с бокалом вина в руке, которая она принесла Астари во время маленькой передышки в битве. Пока он пил, она сказала: — Пришел час, и я требую, чтобы ты исполнил мой приказ, как их исполняют мои люди и Равнор, командующий моим гарнизоном.

— Миледи Мевриан, — ответил он, — я сделаю все ради вашей безопасности.

— Никаких условий, сэр, — ответила она. — Выслушай и пойми. Во первых я благодарю тебя и твоих храбрых людей, которые так мужественно обороняли Крозеринг от наших врагов. Это была моя идея, оборонять его до последнего, ибо это дом моего дорогого брата, и мне казалось, что я умру от стыда, если Кориниус превратит наши комнаты в конюшни, а он и его пьяницы будут пировать в нашем пиршественном зале. Увы, эта губительная война дошла и этого. Он захватил почти все, кроме донжона.

— Да, мадам, позор мне, — ответил он. — Я не сумел предотвратить это.

— Выбрось из головы любые мысли о позоре, — сказала она. — Лучше сосчитай, сколько их было против каждого из нас: предания о нашей битве будут звучать вечно. Но ведь только из-за меня на стены донжона сыпятся такие сильные удары, что кажется, будто сами боги обрушились на нас. И теперь ты должен подчиниться мне и моим приказам; иначе мы все погибнем, ибо даже эта башня не в состоянии надолго остановить его.

— Божественная дама, — сказал Астар, — никто не избежит жестокого объятия смерти. Я и ваши люди будем защищать вас до конца.

— Сэр, — сказала она, с королевским достоинством. — Отныне я сама буду защищать себя и Крозеринг, и более надежно, чем все воины в мире. — И она коротко рассказала ему свой план сдать крепость при условии, что Астар, Равнор и его люди смогут свободно уйти.

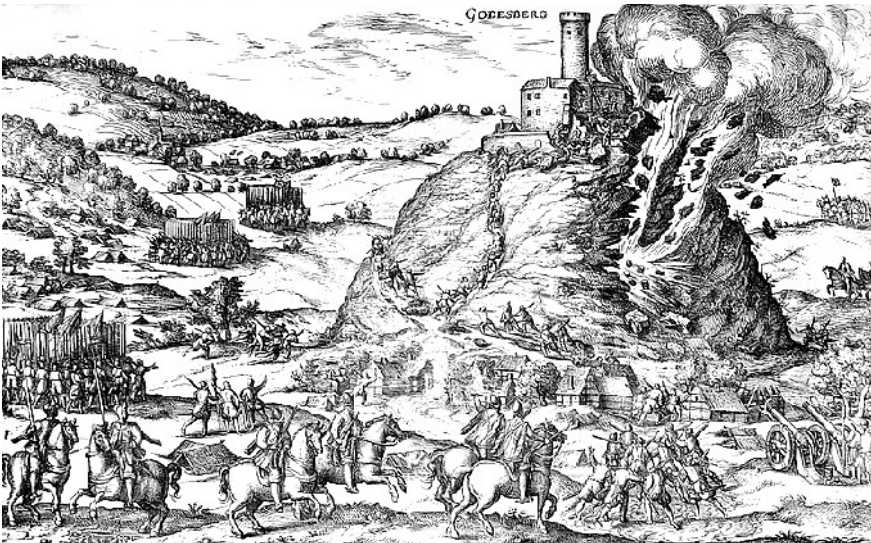
— И вы подчинитесь Кориниусу? — спросил Астар.

— Твой меч слегка подрезал его когти, — ответила Мевриан. — Я не боюсь его.

Сначала Астар не хотел и слышать ее слова, и даже верный Равнор чуть не поднял мятеж. Но леди твердо стояла на своем, и ясно показала им, что это единственная надежда спасти ее и Крозеринг, и если через несколько дней крепость падет, «то мы с отчаянием поймем, что не злая судьба, а мы сами, своими собственными руками разрушили ее», и, наконец, с тяжелым сердцем они согласились подчиниться ее приказу.

Без дальнейших церемоний Леди Мевриан открыла окно, вывесила белый флаг переговоров, позвала Лорда Гро и передала ему послание для Кориниуса. Начались переговоры, и она согласилась сдать башню, при условии, что все находившиеся в ней воины безопасно выйдут наружу с оружием в руках и никто не будет их преследовать ни в окрестностях Крозеринга, ни за его пределами. Все это было записано на листе пергамента и запечатано личными печатями Кориниуса, Гро и Лаксуса, и через полчаса после того, как Леди Мевриан получила этот пергамент, открылись ворота башни, и ключи от всех покоев были переданы в руки Ведьмландцев.

Все было исполнено в точности, крепость Крозеринг перешла в руки Кориниуса. Астар, Равнор и его люди не стали пленниками, ради Леди Мевриан, но Кориниус, с кровавым блеском в глазах, поклялся, что сам убьет их всех, если через час найдет хотя бы одного из них ближе чем трех милях от Крозеринга. И, подчиняясь приказу дамы, они ушли.

XXIV. КОРОЛЬ В КРОЗЕРИНГЕ

КАК ЛОРД КОРИНИУС СОБРАЛСЯ ЖЕНИТЬСЯ НА КОРОЛЕВЕ ДЕМОНЛАНДИИ И ЗАДАЛ СВАДЕБНЫЙ ПИР; И ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР ТОГО, КАК ЛЮБИМЦЫ БОГОВ ПОЛУЧАЮТ ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКУ ДАЖЕ НАХОДЯСЬ В ГУЩЕ ВРАГОВ

В ТОТ же самый вечер Кориниус приказал устроить пир в Комнате Луны для четырех десятков своих лучших людей — роскошное, воистину королевское развлечение; и решив, что наконец-то настало время когда он сможет удовлетворить свою похоть, через одного из своих джентльменов послал Леди Мевриан слово, сказав, что она должна немедленно придти туда. И она послала ему ответ, сказав, что замок, конечно, весь в его распоряжении, но она сама очень утомилась и этой ночью больше всего желает выспаться, на что он громко расхохотался и сказал: — Самое несвоевременное желание, скорее даже насмешка, ибо она отлично знает, что я собираюсь сделать с ней сегодня ночью. Я желаю, чтобы она пришла и побыстрее, пока я еще добрый.

В ответ она была вынуждена подчиниться и вошла в Комнату Луны, одетая в все похоронно-черное: платье с высоким лифом из черного сендала, подбитое тафтой, а вокруг горла — ожерелье из черных блестящих сапфиров. Высоко и благородно несла она свою голову. И на ее бледном лице, обрамленном густыми, черными как ночь волосами, не были и тени страха.

При ее появлении все встали, приветствуя ее, и Кориниус сказал: — Леди, вы быстро изменили ваше мнение, хотя вначале клялись, что никогда не отдадите мне Крозеринг.

— Настолько быстро, как только смогла, милорд, — сказала она, — ибо увидела, что была не права.

Он на минуту замолчал, пока его взгляд, взгляд знатока, бежал по ее прекрасным формам. Потом сказал: — Ты, конечно, хочешь обеспечить безопасность своим друзьям?

— Да, — ответила она.

— Для твоей собственной безопасности, мадам, — сказал Кориниус, — это не имеет ни малейшего значения. Да будут моими свидетелями всемогущие Боги, от которых ничего не скроешь, я желаю тебе только добра.

— Милорд, — сказала она, — пусть это слово станет опорой для меня. Ведь я знаю, что моя свобода — добро, и не должна зависеть от условий какого-нибудь человека.

После чего он, пригубив вино, надел на свое лицо самое любезное выражение и ответил: — Я не сомневаюсь в этом, мадам, но сегодня ночью, до никому не известного завтра, я бы посоветовал тебе выбрать самое высокое из всех возможных условий, которое я могу предложить: стать королевой Демонландии.

Она очень вежливо поблагодарила его, но сказала, что хотела бы отказаться от такой приятной чести.

— Как? — удивился он. — Неужели для тебя это слишком мало? Или, быть может, ты смеешься надо мной?

— Милорд, — сказала она, — мало приличествует мне быть добычей солдата, ибо долгие поколения знатных предков наполнили мой ум обманчивыми зрелищами величия, теперь ушедшего. И тем не менее я прошу тебя не забывать: владыки Демонландии высоко парят над уровнем обыкновенных королей, и, как глаз дня, смотрят на них свысока. И с этой точки зрения звание королевы, которое ты предлагаешь мне, ничего не значит для меня и я не желаю его, ибо я сестра того, кто написал слова на воротах Крозеринга, и вы все бы узнали правоту его слов, если бы он был здесь и смог бы повстречаться с вами.

— Правда в том, — сказал Кориниус, — что кое-кто хвастался на весь мир, но, тем не менее, я и раньше обращался с ними, как с рабами. Вот, мои ботфорты могут подтвердить, что познакомились с ними в Карсё, мадам, и, надеюсь, я не обидел тебя, рассказав об этом. — Но, уловив вспышку презрения и гнева, сверкнувшую в глазах Мевриан, поторопился добавить: — Прошу прощения, несравненная сеньора, промахнулся. И я не хотел бы пятнать нашу новую дружбу воспоминаниями о... Эй, кто-нибудь! Поставьте рядом со мной стул для королевы.

Но Мевриан выбрала место на дальней стороне стола, и, садясь, сказала: — Я прошу тебя, милорд Кориниус, не произноси больше это слово. Оно мне не нравится.

Долго он молча глядел на нее, тяжело опираясь на стол, его губы слегка раздались, из них вырывалось быстрое горячее дыхание.

— Хорошо, — сказал он, — сиди там, и, если тебе так нравится, мадам, дели мое удовольствие на части. Раньше между нами был необъятный мир; в прошлом году — горы; вчера — стены Крозеринга; сегодня вечером — стол, и, прежде чем окончится ночь, — ничего, кроме...

Гро заметил взгляд загнанной лани в глазах Леди Мевриан. — Эти слова я не хочу понимать, милорд, — сказала она.

— Я обучу тебя, — сказал Кориниус с горящим лицом. — Любовники любят любовь, как ласточки любят лук¹¹. Я люблю тебя, ты как будто вырвала сердце из моего тела.

— Милорд Кориниус, — сказала она, — у нас, женщин севера, слишком маленький желудок, и такие деликатесы нам не по зубам, хотя, быть может, они привычны тем, кто живет в многоводной Вельмландии. Но если ты ищешь моей дружбы, послужи мне службу, в нужном месте в нужное время. Но это не для застольной беседы.

— Что касается этого, — ответил Кориниус, — мы быстро договоримся. Я с удовольствием послужу тебе в твоей комнате и покажу такие деликатесы, о которых ты и не подозреваешь. Но я даже не надеялся, что ты предложишь это мне так внезапно. Ну, мы уже счастливы?

11 В оригинале: *Lovers live by love, as larks by leeks*. старая английская поговорка, перевод итальянской: *Vivona alcuni d'amore come aloette di porr*: некоторые живут для любви, как жаворонки для лука. В оригинале аллитерация, чтобы ее сохранить «жаворонки» заменены на «ласточку»

С пылающими от гнева щеками Леди Мевриан встала из-за стола. Кориниус, несколько неуверенно, тоже вскочил на ноги. Был он высок и силен телом, но и она была настолько высока, что их глаза оказались на одном уровне. И он, как ночной хищный зверь, чье лицо выставили на яркий свет, глупо стоял под ее взглядом, и, внезапно, все желания в нем заоченели, и он угрюмо сказал: — Мадам, я солдат. Я по-настоящему люблю тебя, но не умею говорить комплементы. Да, я нетерпелив, но вини в этом свою красоту. Прошу тебя, сядь.

Но ответила ему Мевриан. — Твои слова слишком смелы и порочны. Приходи ко мне завтра, если хочешь, но я хочу, чтобы ты понял уже сейчас: только терпение и обходительность может помочь тебе завоевать меня.

Она отвернулась и пошла к двери. Он, когда волшебство ее взгляда перестало на него действовать, громко крикнул своим людям, приказывая задержать ее. Но никто не пошевелился. Тогда он, как тот, кто не может справиться со своим несносным аппетитом, перевернул скамью и стол, торопясь добраться до нее, и, так случилось, что он запнулся за них и упал на пол. И прежде, чем он успел вскочить на ноги, Леди Мевриан исчезла из комнаты.

Он медленно и мучительно поднялся, бормоча грязные и варварские ругательства, так что даже Лаксус, который помогал ему встать, был вынужден пожуричь его: — Милорд, человек не должен превращать себя в зверя. Мы совсем недавно завоевали это королевство, носим на себе доспехи день и ночь, а старые правители, хотя и потерпевшие поражение, все еще живы и, скорее всего, поднимают против нас новые силы. Разве можно в такое время и посреди таких дел поддаваться любовным соблазнам?

— Да! — ответил Кориниус. — И не такому набитому дураку как тебе пересечь мой путь. Когда придешь домой и женишься на своей маленькой резвухке Сриве, спроси ее, кто способен доставить настоящее удовольствие женщине: я или ты? И послушай, что она скажет в ответ. На твоем месте я не лез бы в такие дела, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия.

Гро и сыновья Корунда тоже слышали его слова. Но Лорд Лаксус сумел рассмеяться и, повернувшись к Гро, сказал: — Генерал уже утонул в вине.

Однако Гро заметил, что, несмотря на видимое безразличие, лицо Лаксуса покраснело вплоть до мочек ушей, и сказал: — Это так, милорд. И все мы знаем, что истина в вине.

И Кориниус, вспомнив, что еще рано и пир только начался, приказал поставить стражников на всех проходах, ведущих к покоям Мевриан, дабы она не смогла сбежать и должна была ждать, пока он не придет к ней. Закончив с этим, он приказал праздновать дальше.

Лучшие вина и самые вкусные блюда без счета подавались там, и лорды Вельмландии горячо набросились на них, отдавая должное великолепному пиру. Тем временем Лаксус сказал потихоньку Гро: — Ведомо мне, что ты не хочешь участвовать в самой злой части этих деяний. И знай, что если ты захочешь сыграть с ним шутку и украсть у него эту даму, я не встану у тебя на пути.

— В карточной колоде, — ответил Гро, — короли старше вальтов. Ничего злого еще не произошло, и мы здесь. Я слышал, как ночная птица пропела о вашей ссоре.

— Нет, не думай так, — ответил Лаксус. — Но я скажу тебе, как Роланд Оливеру¹², что ты больше всех остальных достоин любви этой дамы.

— Ты требуешь от меня сладкой глупости, коя чужда моей натуре, — ответил Гро. — Ведь я — словно знаменитый ученый, много лет назад отбросивший в сторону такие игрушки, и ныне сторонящийся их. И все-таки мне кажется злым деянием, если он возьмет ее против ее воли. Ты же знаешь его грубый солдатский ум, не говоря уже о его распутном обращении с другими женщинами.

— Тише, — сказал Лаксус, — по мне пусть он делает что хочет, и будет с этой дамой близок, как бабочка. Но с точки зрения политики от нее лучше избавиться. Я бы не хотел ее больше видеть. Поэтому я помогу тебе всем, чем хочешь. Если он проведет здесь целое лето, предаваясь с ней любовным шалостям, Король, скорее всего, обвинит нас в том, что мы, в разгар охоты, дали его доброму соколу наестся и добыча сбежала.

— Я вижу, — сказал Гро, улыбаясь самому себе, — что ты трезвый и разумный политик, и в первую очередь думаешь об интересах Вельмландии. Это и правильно, и справедливо.

А тем временем пир шел своим чередом, Ведьмы обжирались деликатесами и большими бокалами пили вино. Женщины Мевриан тоже были здесь, в основном против своей воли, прислуживая пирующим, ставя перед ними новые блюда и наливая новые вина, золотые, темно-желтые и рубиново красные, в бокалы, хрустальные, яшмовые или вычеканенные из чистого золота. Воздух в прекрасной зале загустел от паров, поднимавшегося над жареным мясом и пьяного дыхания людей; потускневшие опаловые лампы светили медным светом и вокруг каждой из них образовался сноп медных лучей, как вокруг факела, горящего в тумане. Чаши дружно ударяли по столу и звенело разбитое стекло, когда опьяневшие Ведьмы с размаха швыряли на пол бесценные бокалы, разбивая их вдребезги. В комнате стоял несмолкающий шум, все пели и смеялись, и посреди шума слышались поющие женские голоса, хотя их песни почти тонули в пьяных криках. Ибо служанкам Мевриан пришлось танцевать и петь перед Ведьмами, как бы тяжело не было у них на сердце. И другие удовольствия, помимо песен и танцев, хотели получить от них чернородые кутилы и искали для этого удобного случая, но это можно было сделать только тайком, не на глазах своего генерала. Ибо его страшный гнев обрушился бы на того, кто опрометчиво выставил напоказ свои успехи на тех полях, где их лорд вынужден был соблюдать пост.

Через какое-то время юный Хеминг, сидевший рядом с Гро, прошептал тому на ухо: — Это нехороший пир.

12 Роланд Оливеру — имеется в виду эпическая французская поэма XII века «Песнь О Роланде», в которой Роланд и Оливер были хорошими друзьями и лучшими рыцарями императора Карла Великого.

— Да нет, мне кажется, что это нормальный пир, — ответил Гро.

— Я бы хотел увидеть что-нибудь другое, — сказал Хеминг, — а не то, что он предлагает нам. А как ты думаешь?

— Я не могу порицать его, — ответил Гро. — Таких женщин, как она, не бывает.

— И он ведет себя с ней как самая грязная свинья. Неужели мы можем допустить, что он удовлетворит свои распутные намерения с самой красивой в мире дамой?

— И что я могу сделать с этим? — сказал Гро.

— Неужели меньше меня? — возразил Хеминг.

— А, так тебе это не нравится? — сказал Гро.

— Или ты не мужчина? — сказал Хеминг. — И она не кровавая Антропос, которая ненавидит его!

Гро посмотрел на него испытующим взглядом. Потом прошептал, наклонив голову над изюмом, который как раз сейчас собирал: — Если ты действительно так думаешь, это очень хорошо. — И говоря вполголоса, главным образом в те мгновения, когда гуляки громко орали или смеялись над очередной шуткой, дабы никто не мог заподозрить, что они ведут серьезный секретный разговор, он научил Хеминга тому, что тот должен сделать, и открыл ему, что обиженный Лаксус тоже согласился им помочь. — Твой брат Карго лучше всего подходит для этого. Он примерно одного роста с ней, и настолько юн, что у него нет бороды. Иди и найди его. Перескажи ему слово в слово все, что я рассказал тебе. Кориниус не доверяет мне и, конечно, не спустит с меня глаз весь вечер. Так что это ваша задача, сыновья Корунда. А я попробую удержать его здесь, пока вы все не выполните, даже если придется схватить его за локоть. Иди. Мудрый совет у тебя есть. От вас требуется скорость и еще раз скорость.

Леди Мевриан, сбежав в свою комнату в южной башне, сидела у восточного окна, которое выходило на сад и озеро; дальше темнели узкий залив Стропардон и холмы Истмарка, и совсем далеко, над внутренним морем Трууотер, величественно нависали кражи Моседейла, Муркдейла и Сварттивердейла. Последние лучи дня еще мешкали на их горделивых вершинах: Железном Клюве, на мрачной стене Скарты и на далеких двойных башнях Дины, видимых через впадину Невердейл Хаус в более низком Моседейле. За ними по небесным склонам катилась колесница тихой Ночи: святая Ночь, мать богов, мать сна, нежная няня всех усталых сердец и всех маленьких птичек и зверей, живших в полях, и утомленная мать своих странных детей: страшилищ, насильников и ночных убийц.

Мевриан молча сидела, пока земля не растаяла в темноте и небо не наполнилось мерцающим светом звезд, ибо оставался еще час до подъема луны. И взмолилась она Леди Артемис, назвала ее тайное имя и сказала: — Богиня и святая Девственница, триединая, ибо ты Божество на небесах, божественная Охотница на земле и повелительница скрытого под землей бессолнечного

мира, где ты живешь, окруженная ордами мертвых: спаси меня, ибо я все еще девственница, твоя подданная.

Она повернула камень на пальце и вгляделась в тьму собравшуюся под гранями хризопраза, днем казавшимся желтым и бледным, почти не видимым, но ночью светившего ясным пламенем. И увидела, как внутри замигали огоньки, как будто тысячи золотых искорок танцевали и кружили под поверхностью камня.

И пока она пыталась понять, отчего так неожиданно и непривычно расцвел хризопраз, вошла к ней одна из ее женщин со свечой в руках и сказала, встав перед ней: — Два лорда Ведьмландии желают поговорить с вашей светлостью наедине.

— Два? — удивилась Мевриан. — Тогда, скорее всего, мне ничего не грозит. Каковы они?

— Ваша светлость, они высокие и стройные, с темными лицами. Они совершенно трезвые и вошли тихо, как сони.

— Быть может это Лорд Гро? — спросил Мевриан. — Длинная черная борода, завитые и надушенные волосы?

— Нет, ваша светлость, я не заметила никакой бороды, — сказала женщина. — И я не знаю их имен.

— Хорошо, — сказала Мевриан. — Я приму их. А ты и все остальные подождите за дверью, пока я буду давать им аудиенцию.

И все было сделано согласно ее приказу. И женщины выпустили двух сыновей Корунда.

Они приветствовали ее самым почтительным образом и Хеминг сказал: — О самая достойная дама, наше дело предназначено только для ваших ушей.

— Выйти и закрой за собой дверь, — сказала Мевриан своей женщине, — и жди меня в прихожей. А теперь, милорды...?, — сказала она, ожидая их слов.

Она сидела боком к окну, между светом и тьмой. Хрустальные лампы, мягким светом освещавшие комнату, только подчеркивали тьму, собравшуюся в ее волосах, куда более черную, чем ночь за окном. Изгиб белых рук, опиравшихся на колени, походил на молодой месяц, баюкающий закат. С юга прилетел слабый бриз, нагруженный шорохом моря, неумолчно вздымавшегося за полями и виноградниками, и даже в такую тихую погоду бушевавшего в морских пещерах Стропардона. Как будто море и ночь, заключившие Демонландию в свои объятия, задохнулись от возмущения, увидев сластолюбивого Кориниуса. Ибо считал Кориниус, что этой ночью в Крозеринге все должны безропотно выполнять его самые сумасбродные желания.

Братья стояли сконфуженные, не зная, как вести себя перед неземной красавицей. Наконец Хеминг глубоко вздохнул и сказал: — Мадам, какого бы низкого мнения вы не держались о нас, лордах Ведьмландии, прошу вас поверить, что я и мой родич хотим с чистым сердцем предложить вам свою службу.

— Принцы, — сказала она, — едва ли вы можете порицать меня за то, что я не доверяю вам. Дни моей жизни проходили не среди двуличных негодаев, мошенников и воров, но среди людей с чистыми руками и открытым сердцем, и даже сейчас, после того, что мне пришлось вынести сегодня вечером, я всем сердцем верю, что цивилизация еще не полностью исчезла из Ведыландии. Разве я не приняла Кориниуса, добровольно открыв перед ним ворота, разве я не верила, что он король, а не ненасытный волк?

Теперь заговорил Хеминг. — Мадам, сможете ли вы надеть на себя доспехи? Вы ростом примерно с моего брата. В доспехах вы без труда пройдете мимо стражников, особенно если они как следует напьются вина, которое ваша служанка принесет им. Я проведу вас до выхода, где вас будет ждать лошадь. В образе моего младшего брата, и к тому же ночью, вы сможете без труда выехать из замка и уехать куда пожелаете. Но в своей одежде вы никогда не выйдете из этих покоев, ибо он приказал стражникам не спускать с вас глаз. И он твердо решил посетить вас после пира и остаться на всю ночь в вашей комнате.

Из Комнаты Луны донесся шум разнuzданной пирушки. Мевриан даже показалось, что она слышит голос Кориниуса, поющего непристойную песню. Она почувствовала себя так, как будто в комнату ворвалось что-то темное, мрачное, непонятное и смертельно опасное; сердце дрогнуло, кровь застыла в жилах, и она посмотрела на братьев.

Наконец она сказала: — Это ваш план?

— Нет, — ответил Хеминг. — Лорд Гро со своей обычной изобретательностью разработал его. Но Кориниус, который всегда не доверяет ему, а больше всегда тогда, когда выпьет слишком много, не отпускает его от себя ни на шаг.

Карго снял с себя доспехи, Леди Мевриан позвала своих служанок, они забрали все оружие и пошли во внутреннюю комнату, чтобы поменять на даме наряд.

Пока дама переодевалась, Хеминг сказал брату: — Тебе придется выходить отсюда очень осторожно, и только после того, как мы уйдем. Смотри, чтобы тебя никто не выследил. Впрочем, если бы я был тобой, я бы воспользовался редкой возможностью подшутить над ним и подождал бы его. Интересно, сумеешь ли ты так же хорошо изобразить поддельную Мевриан, как она — поддельного Карго.

— Ты, — сказал Карго, — можешь сколько угодно смеяться надо мной, но ты должен провести ее. И, даю голову на отсечение, если ты будешь решительным и сделаешь все, что в твоих силах, тебе удастся лишить Кориниуса удовольствия, на которое он рассчитывает этой ночью, и получить его самому.

— Твоя голова, — сказал Хеминг, — набита самыми низкими мыслями. Да, мой язык предал бы мое сердце, если бы я сказал, что не люблю ее. Да и как может быть иначе, учитывая ее красоту и мою юность? Но я ее люблю с такой страстью, что скорее изнасилую бы звезду на небе, чем потребовал от нее чего-либо бесчестного.

— Что может сказать мудрый маленький мальчик своему старшему брату? — сказал Карго. — Сиди спокойно, брат, пока остальные сражаются за пирог, и я, быть может, принесу тебе крошки. Когда вы уйдете и все успокоится, я останусь один среди множества женщин, это будет нелегко, но, надеюсь, я смогу научить тебя чему-нибудь после этой доброй ночи.

В это мгновение открылась дверь внутренней комнаты и появилась Леди Мевриан, в доспехах и шлеме, и сказала: — Слепым свет не нужен. Как вы думаете, сойдет мой наряд в темноте, милорды?

Они ответили, что она выглядит замечательно и никто ее не узнает.

— Благодарю тебя, принц Карго, — сказала она и протянула ему руку. Он наклонился и робко поцеловал ее. — Это снаряжение, — сказала она, — я оставлю себе на память, как подарок благородного врага. Быть может однажды я даже смогу назвать тебя другом, ибо сегодня ночью ты совершил истинно благородный поступок.

Простившись с юным Карго, она и Хеминг покинули комнату, и через прихожую вышли на темную лестницу, где стояли поставленные Кориниусом стражники. Но солдаты (как и многие другие), давно утонули в чашах вина, как в океане, и не обратили на них особого внимания, ибо видели двоих мужчин в блестящих доспехах и слышали голос Хеминга, которым он отвечал на вопросы: несомненно два сына Корунда возвращались в пиршественный зал.

Так он и она легко проходили мимо стражников. Но когда они шли по коридору мимо Комнаты Луны, двери зала внезапно распахнулись справа и слева от них, и наружу вышла процессия: факельщики и менестрели, парами, играющие на цимбалах, флейтах и тамбуринах. Коридор немедленно наполнился светом и грохотом. В центре процессии гордо шествовал Лорд Кориниус. Его лицо светилось от удовольствия, на щеках играл румянец, а вены казались веревками, бежавшими по его сильной шее и рукам. Мокрые от пота локони упрямых кудрей нависали надо лбом, выбиваясь из-под венка из спящего паслена. Нельзя было сказать, что он хорошо себя чувствовал, ибо страшному удару в голову, который нанес ему Астар, сопротивлялось много кубков вина. Он шел между Гро и Лаксусом, опираясь на обоих и тяжело покачиваясь из стороны в сторону, а правой рукой он время от времени пытался отбивать свадебный марш.

Мевриан прошептала Хемингу: — Пока мы еще живы, будем держаться, как ни в чем ни бывало.

Они отступили в сторону, надеясь, что процессия пройдет мимо, не обратив на них внимания, ибо ни вернуться назад, ни спрятаться было невозможно. Но глаза Кориниуса свернули, увидев их, и он закричал, схватив их за руки: — Хеминг, да ты пьян! Карго, и ты пьян, сладкий мальчик! Что за дьявольская глупость, напиваться со смерти, а ведь я послал к вам хороших девок. И что я скажу им, если завтра они придут ко мне и пожалуются, что вы всю ночь прохрапели в постели, уткнувшись головой им в бедра?

Мевриан, как если почувствовала раскаяние, тяжело оперлась о Хеминга и опустила голову.

Сам Хеминг не нашел ничего лучше, чем сказать правду: — Нет, Кориниус, на самом деле мы трезвы, как стеклышко.

— Ты нагло врешь, — сказал Кориниус. — Есть такие знаки, по которым легко понять, пьян человек или нет. Посмотрите на меня, милорды. Я отрицаю, что я пьян. И есть знак, который подтверждает, что я пьян, тьфу, трезв. Но сейчас меня ждуг другие важные дела, а об этих высоких материях мы поговорим потом. Вперед!

И с этими словами его повело, он тяжело оперся на Гро и (как если бы некая воздушная сила, прошептавшая ему о происходящих интригах, тем не менее вступила в заговор с вином, наполнившим его от ног до головы, и заставила искать предательство где угодно, но только не на расстоянии вытянутой руки), схватив того за руку, сказал: — Верь мне, Гоблин, ты — самый лучший. Я втайне очень люблю тебя, и буду держать тебя при себе, чтобы увидеть, укусишь ли ты меня или нет, и не дам тебе бродить свободно.

Избавленные счастливой фортуной от смертельной опасности, Хеминг и Мевриан, быстро и очень осторожно, но без дальнейших помех, добрались до своих лошадей и выехали из главных ворот, поддерживаемых мраморными гиппогрифами, чьи могучие фигуры сияли над ними в лучах поднимающейся луны. Они молча проехали через сады, луга и леса, окружавшие замок, и галопом поскакали по упругому дерну. Так быстро они ехали, что воздух безветренной апрельской ночи хлестал как бич по их лицам. Топот копыт и летящие навстречу тени деревьев только вторили грому крови, звучащему в юном Хеминге, ибо ночь, скорость и дама, мчащаяся рядом с ним колено в колено, скакали вместе с ним. Но пока Мевриан неслась по лесистым равнинам и залитым лунным светом полянам, ее душа слушала небесную музыку неподвижных звезд и божественной ночи; и чудесный покой снизошел на ее сердце, и твердо она уверилась, что вечная слава Демонландии не исчезла из этого мира — еще немного, и зловердные захватчики будет вышвырнуты из Крозеринга, замка ее дорогого брата.

Только на берегу реки они натянули поводья. На дальнем берегу темнел при свете луны еловый лес. Мевриан въехала на маленький холмик над водой и повернула голову в сторону Крозеринга. Но даже ее зоркие любящие глаза с трудом заметили на востоке, во многих милях от них, слабое размазанное сияние. Какое-то время она сидела, глядя на золотой Крозеринг, ее лошадь спокойно щипала траву и Хеминг, стоявший рядом, не нарушал тишину и только глядел на нее.

Наконец она поглядела на него и встретилась с ним взглядом. — Принц Хеминг, — сказала она, — здесь начинается тайная дорога на север, за устье реки, которая потом становится сухой тропой через болото и которая, в свою очередь, выводит на тракт, идущий в Вестмарк. Начиная отсюда я должна ехать одна по моей родной Демонландии. И здесь я прощаюсь с вами. Я не умею красиво говорить, но хочу сказать вам словами поэта:

*Сердце мое, как камень-асбест,
Который когда-то пылал в огне,
И не станет холодным никогда.*

— Я твердо уверена, что в этой войне победит мой великий брат. Но кто бы не победил, Брандох Даха или Горис, я не забуду твой благородный поступок, не забуду ту великую службу, которую ты сослужил мне этой ночью.

Но Хеминг, по прежнему глядевший на нее, не ответил ни слова.

— Как поживает королева твоя приемная мать? — спросила она. — Семь лет назад я была в Норваспе, где проходил праздничный пир Лорда Корунда, и стояла рядом с ней во время свадебной церемонии. Так ли она прекрасна, как была тогда?

— Мадам, — ответил он, — как в июне золотые розы достигают совершенства, так и ее красота только увеличивается с годами.

— Она и я, — сказала Мевриан, — вместе играли в детстве. Она старше меня на два года, и всегда верховодила. Она и до сих пор такая?

— Мадам, она — королева, — ответил Хеминг, пожирая глазами Мевриан. Она стояла, наполовину отвернувшись от него, с приоткрытым нежным ртом; ясные глаза глядели на восток и вверх, слегка затуманенные чарами луны, и ее тело напоминало спящую лилию на берегу волшебного озера. С пересохшим горлом он сказал: — Леди, до сегодняшней ночи я и не предполагал, что на земле живет женщина более красивая, чем она.

В это мгновение любовь, которая таилась внутри него, вылетела наружу и затмила его сознание. И как тот, кто слишком долго робел и не мог заставить себя откинуть засов на двери, закрывавшей его сердце, он обнял ее и поцеловал в щеку. Но ее мягкая щека осталась мертвенно холодной, и она посмотрела на него взглядом дикой птицы, пойманной охотничьей сетью. Доспехи его брата, покрывавшие тело дамы, были не так тверды и смертельны, как эта мягкая щека и чужой взгляд. И Хеминг сказал, как тот, кто не уверен в себе перед лицом непостижимой судьбы: — Леди, вы не любите меня?

Мевриан покачала головой и мягко отстранилась.

Как умирает огонь, пробежавший по высохшей степи, так исчезла и его вспышка страсти, оставив за собой дымящееся отчаяние и угрюмую злобу: злобу на себя и судьбу.

Низким пристыженным голосом он сказал: — Я прошу вас простить меня, мадам.

— Принц, — ответила Мевриан, — пускай Боги пошлют тебе счастливую ночь. Но будь добр к Крозерингу. Я оставила его на злого сенешала.

С этими словами она повернула свою лошадь и направила ее на восток, к реке. Хеминг какое-то мгновение глядел ей вслед, его голова кружилась. Потом, всадив с такой силой шпоры в бока лошади, что она встала на дыбы, он повернул на восток и через леса и поля помчался галопом к Крозерингу.

XXV. ЛОРД ГРО И ЛЕДИ МЕВРИАН

КАК ЛОРД ГРО, ВЕДОМЫЙ СТРАННОЙ БЕСПРИЧИННОЙ ЛЮБОВЬЮ, ПОЕХАЛ ОДИН В НЕВЕРДЕЙЛ И ТАМ УВИДЕЛ ЧУДЕСА; И КАК ОН КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ВКУШАЛ ТО СЧАСТЬЕ, К КОТОРОМУ ВСЕГДА СТРЕМИЛСЯ

 ТОГО времени прошел девяносто и один день, и в последний час перед закатом Лорд Гро ехал к бледнеющему востоку, направляясь с холмов Истмарка к бродам Мардардейла. Жеребец неторопливо спустился к берегу реки и остановился по копыта в воде с мокрыми боками и почти без дыхания: начиная с полуночи он бежал без остановки по открытым пустошам. Он вытянул шею, понюхал воду реки и начал пить. Гро повернулся в седле, прислушиваясь, его левая рука расслабленно держала поводья, правая лежала на крупе. Но все было тихо, только журчала река и громко пил жеребец, расплескивая воду ударами копыт, когда ему под ноги попадались мелкие камни, увлекаемые потоком. Впереди, позади и по бокам поднимались деревья, широкие горные долины и скругленные холмы, казавшиеся мрачными в полутьме между сумерками и ночью. Туман скрывал свет звезд. Ничто не шевелилось, и только сова тихо, как призрак, вылетела из кустов остролиста, стрелой пронеслась над скалистыми утесами, полетела вниз по течению реки и села на ветку мертвого дерева слева от Гро, как если бы хотела понаблюдать за человеком и конем, пересекавшими долину тихой ночью.

Гро наклонился вперед и потрепал шею жеребца. — Давай, приятель, нам надо ехать, — сказал он, — и не удивляйся, что не можешь отдохнуть, ибо ты со мной, а я до сих пор не могу найти себе место под луной. — Они перешли вброд реку, проехали через заливные луга и край леса, и пару миль проехали по открытой пустоши, по прежнему держа путь на восток, потом повернули направо в широкую долину, пресекли реку рядом с водяной мельницей, и опять на восток, оставив каменистое русло реки за собой, по грубой горной дороге, которая пересекала болото и стала подниматься все выше и выше в горы по дну узкой долины, бегущей между холмами. Наконец подъем стал более пологим, и они, как через ворота, прошли между двумя могучими отвесными скалами, нависшими над дорогой с обеих сторон, проехали через заросли вереска и болотного мирта, растущих на берегах маленьких озер и усеивавших берега ручьев, торфяников и пластов породы, и увидели вдаль горные пики, возвышавшиеся над долиной как воинственные короли. На восточном горизонте проснулся свет, яркое сияние утра начало очищать землю. Перед ногами жеребца суетились кролики, из зарослей вереска взлетали маленькие птички, кудахтали граусы¹³, красный олень удивленно посмотрел на них издали и умчался на юг.

Гро заговорил сам с собой: — Разве общественное мнение не посчитает меня сумасшедшим из-за того, что я, против всех доводов рассудка, так опрометчиво и дерзко подвергаю свою жизнь смертельной опасности? И, тем не менее, я совершаю эту глупость каждый раз, когда благодаря терпению, мужеству и умелой политике я выигрываю партию, несмотря на зубы судьбы, кото-

13 Граусы — шотландские куропатки.

рые она упорно показывает мне. А ведь на этот раз после различных трагических событий мне удалось завоевать милость и признательность самого Короля, который приблизил меня к себе, поднял над всем двором, и, как я склонен думать, ценит не меньше собственных глаз.

Он снял шлем, обнажив белый лоб и дав свежему утреннему ветерку поиграть с гладкими черными локонами, откинул назад голову и глубоко вздохнул сладкий горный воздух и запах торфяников. — И тем не менее, общественное мнение — голос глупцов, а я не из них, — сказал он. — Лучше толочь воду в ступе, чем надеяться, что после тяжелой работы ты достигнешь длительного наслаждения. Разве в дикой природе мало примеров, которые учат нас смеяться над такими глупостями? Вот образец для великого человека, собирающегося завоевать народы: День побеждает тирана-ночь. Какой изысканный ум у дня, как легко, словно фавн, шествует он через горы: маленький слабый светлячок, равный первозданной тьме. В его батальонах все сладкие небесные создания и каждое изливание божественного эфира: холод своеобразных утренних ветерков; просыпающиеся цветы; птицы, поющие рождественские песни; роса, сверкающая в паутине, изящно-вышитой крошечными паучками — она свисает с листьев папоротника на шипы розы, а с шипов на мокрые листья серебряной березы. В ней смех юного дня и дикая красота природы, в ней огонь и жизнь, каждый запах и каждый цвет, которые каждое утро рождаются заново, торжествуя над хаосом, медленной темнотой и безродной ночью.

Но из-за того, что день в часы рассвета так околдовал меня, неужели я должен любить его тогда, когда он, переполненный триумфом, становится ярким полуднем? Нет, тогда я поворачиваюсь к ночи, как сейчас повернулся к Демонландии, в момент печального заката ее гордости. И кто осмелится назвать меня перебежчиком? Разве не иду я вослед мудрости, которая ведет меня всю жизнь: любить закат и рассвет, утреннюю и вечернюю звезду? Ибо только в них живут дух благородства, настоящая любовь, чудеса и сама сущность надежды и страха.

Неторопливым шагом продолжал он ехать по долине на восток и слегка на север, и впал в глубокую задумчивость, ибо странная гармония установилась в его сердце между окружавшей природой и внутренними мыслями. Доехав до конца долины, он въехал в горы, пересек несколько низких перевалов, дорога вела все дальше и дальше, между лесов и ручьев, то вверх, то вниз. И жеребец шел именно туда, куда хотел всадник, хотя Гро и не обращал внимания на него, полностью погрузившись в свои мысли.

Был уже поздний полдень. Лошадь и всадник въехали в маленькую лесистую долину, по зеленой траве которой вилась маленькая речка с холодной водой, текущая по галечному ложу. По его берегам росло множество деревьев, высоких и стройных. За деревьями поднимались высокие, обожженные солнцем утесы, их вершины смутно виднелись через мерцающий от жары воздух. Тишина, только журчала вода в ручье, жужжали маленькие порывы ветра, перелетающие с одного цветка на другой, и жеребец тихо щипал свежую тра-

ву. Ни единой птицы, ни даже падающего листа. На одинокую долину опустилась тишина летнего полдня, бездыханного и сожженного солнцем, тишина более страшная, чем любая ночь.

Гро, как будто разбуженный этой тишиной, быстро огляделся. Вероятно конь костями почувствовал беспокойство всадника; он прекратил есть и поднял голову, его глаза расширились от страха, а бока задрожали. Гро успокоил его, потрепав по холке; потом, ведомый внутренним побуждением, причину которого он не понимал, повернул на запад, и вдоль берега маленького притока речки углубился в лес. Здесь он остановился, доехав до рощицы из нескольких деревьев, росших так тесно, что его бы вымело из седла, если бы он попытался проехать между ними. Поэтому он спустился на землю, привязал жеребца к дубу и начал подниматься вверх, держась русла маленького ручейка, пока не поднялся настолько, что смог через верхушки деревьев посмотреть на север, на зеленую террасу, находившуюся на одном уровне с ним и примерно в пятидесяти шагах вдоль по склону холма, защищенную с севера тремя или четырьмя большими рябинами; в середине террасы находилось маленькое озерцо или, скорее, глубокая каменная каверна с прекрасной холодной водой.

Он помедлил, левой рукой ухватившись крепче за выступающий из зарослей лихниса камень. Безусловно не только ни одно дитя рода человеческого не было здесь и не ступало на тайную лужайку перед краем фонтана, но и вообще ни одно смертное существо. Только козлы, козлята и серны с нежными глазами счастливо танцевали на задних ногах перед изумленными глазами Гро; и другие, похожие на людей, с остроконечными волосатыми ушами, косматыми ногами и раздвоенными копытами, а их девушки с белыми ногами ступали по голубой горечавке; но даже маленькие золотые лютики не склонялись под их ногами, настолько воздушным был их танец. Маленькие козлоногие дети с длинными остроконечными ушами сидели на пригорке на покрытых дерном камнях и играли на свирелях, ветер и жгучее солнце раскрасили их тела в цвет красной земли. Но, то ли музыка была слишком тонка для ушей смертных, или по какой-то иной причине, но Гро не слышал звука их свирелей. Тяжелое молчание пустого белого полдня царило над террасой, горные нимфы и простые духи источников, равнин и утесов беззвучно сплетались в волшебном танце.

Лорд Гро, с восхищением глядевший на изумительное зрелище, спросил себя: «Что это значит, когда в мою спящую голову лезут подобные фантазии? Я много раз видел представления, которые устраивали духи зла; видел и те фантастические зрелища, которые устраивают маги; да и мне самому пару раз снились очень странные сны. Но до этого часа я считал пустой выдумкой поэтического воображения рассказы о том, что среди лесов, рощ и плодородных полей, на побережье моря, берегах великих рек и перед фонтанами, и также на вершинах огромных высоких гор появляются самые разные нимфы и полубоги полей, а глаза какого-нибудь счастливчика могут видеть их. И если сейчас я на самом деле взираю на это зрелище, то это — великое диво, и, на-

верно, таким странным и чудесным способом притесняемая земля решила завоевать мою любовь». Подумав еще немного, он решил для себя: «Если это только видение, оно не может повредить мне. Если, напротив, это настоящие фавны и дриады, они радостно приветствуют меня и, будучи живыми духами земли, постараются использовать для нужд многогорной Демонландии; но ведь все мои мучительные мысли со странной решимостью устремляются именно к тому, чтобы поддержать ее и восстановить былую славу».

И он вежливо приветствовал их. Дикие козлы бросились прочь и исчезли на склонах горы. Козлоногие, мгновенно перестав играть на свирели или танцевать, припали к земле, глядя на него недоверчивыми испуганными глазами. Только ореады, ослепленные и оглушенные танцем, не остановились: прекрасные девичьи рты, красивые голые груди, гибкие ноги, руки, нежно держащие изящные руки подруги. Они расходились и сходились, и опять расходились, подчиняясь древним ритмам: вот одна, с закинутыми за голову белыми руками и заплетенными в косы золотыми волосами, кружит и раскачивается в томном танце; другая прыгает в воздух и замирает там, как стрела, летящая к солнцу через лиственную крышу старого соснового леса, а теплый ветер с холмов колышет верхушки деревьев и открывает крошечные небесные окошки.

Гро пошел к ним вдоль лесистого склона. Но не успел он сделать и дюжины шагов, как его ноги ослабли. Гро повалился на колени и крикнул: — Божества земли! Не гоните и не отвергайте меня, несмотря на то, что жестоко притеснял я вашу землю, ибо больше не буду я так делать. Отпечатки добродетелей, через которые я переступил, еще давят на меня самыми горькими обвинениями. Перенесите на меня свою милость и дайте мне найти тех, кто владеет этой страной и предложить им возмещение за мои тяжкие грехи, ибо великое раскаяние заставило меня стать изгнанником и бродить в одиночестве по лесам и горам.

Так сказал он, печально склонив голову. И, как будто задрожала струна серебряной лютни, услышал он воздушный голос, крикнувший:

Это север и это север!

Разве мы еще нужны?

Он поднял глаза. Видение исчезло. Только полдень и лесистая долина, молчаливая, одинокая и ослепляющая, были вокруг него и над ним.

Лорд Гро вернулся к своему коню, сел на него и поскакал на север по маленьким чудесным долинам, наполненным фантазиями тумана. Вечер застал его в то время, когда он поднимался по крутому травянистому склону горы по маленькой тропинке, проложенной дикими козами. Далеко внизу под ним, в долине, небольшая речка текла по каменистому ложу, извиваясь среди холмов старых морен, которые морскими волнами покрывали травянистую землю. Июльское солнце скатилось вниз, отбросив тени холмы далеко на запад — прямо на те склоны, по которым ехал Гро, но теплые лучи солнца еще заставляли сверкать верхушки холмов, а далекие горные пики, закрывавшие выход из долины, напоминали фронтоны фасада огромного дома, с широкими

ребрами из обнаженного камня и осыпей, и скалистым коньком, походившим на окаменевшую волну прилива, замершую на полувзлете и омываемую волнами опалового света.

Повернув туда, где плечо холма перерезал узкий овраг, он увидел перед собой пещеру, которая могла послужить незаметным укрытием. Рядом, в каменных трещинах над маленьким ручейком, росли две большие рябины и несколько падубов, защищенные большим телом холма от порывов северного и южного ветров. Их тень закрывала не слишком глубокую, но достаточно большую пещеру, вполне подходящую для жизни человека, в которой было сухо и в самую дождливую погоду. Снаружи, прямо перед ней, журчал маленький водопад, настолько прекрасный, что казался настоящим чудом: каменная плита в два человеческих роста слегка наклонилась так, что узкая струя воды падала с верха холма в каменный бассейн. Прозрачные и глубокие воды бассейна вечно вспенивались падавшим сверху потоком; растущие на камнях мох, лишайник и крошечные водяные лилии омывались мокрыми брызгами.

И Лорд Гро сказал самому себе: «Вот место, где я хотел бы жить, если бы был размером с тритона. Вон за тем одеялом из изумрудно-зеленого мха я построил бы себе дом в пядь высотой, и вон те розовые наперстянки, чьи колокольчики так весело колышутся над бурлящей водой, осеняли бы своей тенью мою дверь. Эта робкая Парнасская трава подарила бы мне кубок, чистую белую чашечку на стебле в волос толщиной, а занавесками моего ложа стали бы маленькие водолюбивые песчанки, похожие на усеянные молочно-белыми звездочками зеленые небеса, которые покрывают неровные каменные края этих утесов».

Дав волю своему воображению, он долго стоял, глядя на это прекрасное место, укрытое в складке обнаженной горы. Потом, не желая так быстро покидать такую красоту и подумав о том, что после многих часов езды его конь очень устал, он спешился и лег на землю. И немного погодя, когда его душа очистилась от созерцания этих чудес, он с радостью позволил длинным темным ресницам опуститься на большие ясные глаза, и заснул спокойным сном.

Когда он проснулся, на небе горел красный закат. Тень залегла между ним и светом с запада: тень того, кто наклонился над ним и сказал хотя и повелительным, но нежным голосом, который он запомнил навсегда и с которым было связаны самые сладостные воспоминания: — Лежи спокойно, милорд, и не зови никого на помощь. Видишь, это твой собственный меч, я взяла его у тебя, спящего. — И действительно, острый кончик меча упирался в его горло там, где под языком лежат большие вены.

Он не пошевелился и не произнес ни слова, только поглядел на нее, как на райское видение, вырвавшееся из прошедшего сна.

— Где твои спутники? — спросила дама. — Сколько вас? Отвечай быстро, или...

Он ответил, как во сне. — Как я могу ответить тебе? Разве могу я сосчитать неисчислимое количество? Или как назвать вашей милости их жилище,

которое ближе ко мне, чем рука или нога, а в следующее мгновение способно умчаться туда, куда не в состоянии добраться даже луч звезды?

— Не загадывай мне загадок, — ответила она. — Отвечай, и это самое лучшее для тебя.

— Мадам, — сказал Гро, — я только сказал тебе, что мои единственные спутники — мои собственные молчаливые мысли. А, еще мой конь, и это все, кто пришел со мной.

— Один? — удивилась дама. — И ты так спокойно спишь в стране своих врагов? Странная самонадеянность.

— Не врагов, надеюсь, — ответил он.

— Но ты же Лорд Гро Ведьмландский! — крикнула она.

— Который давно страдал, — сказал он, — от смертельной болезни. И вот уже прошли день и ночь с той секунды, как он умер.

— И кто же ты тогда? — спросила она.

— Если ваша светлость соблаговолит принять меня, я — Лорд Гро Демонландский.

— Очень опытный перебежчик, — ответил она. — Но, похоже, ты действительно устал от самого себя и своей жизни. Кстати, — сказала она изменившимся голосом, — прошу у тебя прощения! Нет никаких сомнений, что только благодаря твоему великодушию я спаслась от гибели, и ты показал себя настоящим благородным другом.

— Ваша светлость, — сказал он, — я расскажу вам чистую правду. Никогда они не ценили меня больше чем прошлой ночью, когда я решил оставить их.

Леди Мевриан какое-то время молчала, ее лицо заволокло облако. — Я тоже одна, — наконец сказала она. — Не считай меня бессердечной и не думай, что я забыла твою доброту, но я хочу быть уверенной в тебе прежде, чем разрешу встать. Поклянись, что не предашь меня.

Но Гро не стал клясться. — Как может моя клятва помочь тебе, мадам? Злых людей не связать никакими клятвами. Вот если бы я на самом деле замыслил предать тебя, то поклялся бы всеми клятвами, которые ты от меня потребовала, и отрекся бы от них в следующее мгновение.

— Нехорошие слова, — сказала Мевриан. — И они угрожают твоей жизни, милорд. Вы, мужчины, любите говорить, что женское сердце слабо и беспомощно, но я докажу тебе, что мое сердце — из металла. Попробуй убедить меня. Иначе я проткну тебя твоим собственным мечом.

Лорд Гро откинулся назад, заложив свои узкие руки за голову. — Прощу тебя, встань с другой стороны от меня, — сказал он, — чтобы я мог видеть твое лицо.

Так она и сделала, по-прежнему угрожая ему мечом. Но он, улыбаясь, сказал: — Божественная дама, всю мою жизнь союзники грозились убить меня, и смерть — мой близкий друг. Бывало я жил жизнью придворного, и смерть подстерегала меня в чаше вина или в собственной кровати; бывало я путешествовал один в намного более опасных землях, чем эта, например в Моруне,

где полным-полно плюющихся ядом тварей и ядовитых змей, а дьяволов там больше, чем жарким летним днем кузнечиков на склоне холма. Тот, кто боится, раб, и никогда ему не стать ни богаче, ни сильнее. Но бесстрашный человек — Король всего мира. Мой меч у тебя. Для меня смерть — сладкий отдых. Рабство, не смерть, вот что пугает меня.

Она какое-то время молчала, потом сказала: — Милорд Гро, однажды ты действительно помог мне. Я думаю, что могу рассчитывать на то, что никогда коршун не вонзит когти в хорошего охотничьего сокола. — Она взяла меч по-другому и изящно подала его Гро рукояткой вперед, сказав: — Я отдаю его тебе обратно, милорд, ибо не сомневаюсь, что ты благородно используешь то, что было благородно дано.

И он, встав, сказал: — Мадам, благодаря твоему достойному поступку и еще более достойным словам соглашение о доверии между нами пустило корни, и вот теперь на нем может расцвести цветок клятвы, которого ты так желала, ибо клятва — это цветок дружбы, но не корень. И вы найдете во мне того, кто будет верно исполнять обет дружбы, без сучка и задоринки.

Менялись дни и ночи, а Гро и Мевриан продолжали оставаться в этом месте. Ели они то, что добывали на охоте, пили сладкую воду из источника, по ночам она спала в пещере за водопадом, укрытая ветками падубов и рябин, а он в каменной расселине маленького оврага, и мох был его подушкой и упругой периной, ничуть не худшей, чем в роскошных кроватях в Карсё. За эти дни она рассказала ему о своем путешествии, начавшемся в ту памятную апрельскую ночь, когда она убежала из Крозеринга: вначале она нашла прибежище у залива в Истмарке, но спустя день или два погоня заставила ее убежать опять; какое-то время она жила за озером Трууотер, и, наконец, месяц назад перебралась сюда, в пещеру за маленьким водопадом. Вначале она хотела перевалить через горы и добраться до Гелинга, но после первой же попытки отказалась от этого плана из-за страха перед врагами, в руки которых она едва не попала, спустившись в нижние долины на восточном побережье. Так что она опять вернулась сюда, в укромное место в холмах, ибо считала, что более надежного убежища нет во всей Демонландии. И открыла она ему, что эта долина называется Невердейл, и никакая дорога не ведет сюда, кроме тропинок, которые протоптали олени и горные козлы, и нет в ней усадеб или ферм, и ветры, дующие здесь, не доносят чад домашнего очага. А увенчанная фронтоном гора, закрывающая вход в долину, не что иное, как самый южный Зуб Нантреганона, колыбель грифов и орлов. И есть тайный путь, который ведет вокруг правого плеча этого пика через зубастый кряж Невердейл Хаус к верхним озерам Тиварандардейла.

Как-то в полдень, в самый разгар жаркого летнего дня, они отдыхали на площадке под каменным бастионом, выдававшимся из юго-восточного склона. У их ног разверзлась головокружительная пропасть, падавшая вниз от края гигантского каменного цирка, из середины которого, как Адская крепость, поднималась гора, громоздкая, жестокая как море и печальная, усеянная шрамами и незажившими ранами трещин, оставшимися на ее лице после

удара топора какого-нибудь гиганта. Под ними мирно спали бездонные воды Озера Скорби.

Гро, опираясь на землю обеими локтями, вытянулся над краем утеса, лицом вниз, и пристально взгляделся в темные воды. — Безусловно, — сказал он, — великие горы мира — лучшее лекарство от нашего современного недомогательства и честолюбивых желаний. В горах скрыт источник мудрости. Они живут вечно и знают пути солнца и ветров. По ним ходят огненные ноги молний, холод раскалывает их на куски, дождь окутывает их водяной пеленой, а снег покрывает их наготу одеялом, которое мягче пуха, и большой философский вопрос, саван ли это или свадебное покрывало? С непоколебимым спокойствием этот саван возвращается каждый год, и не смеются ли таким образом горы над нашей вышедшей из моды предусмотрительностью? Мы — маленькие дети, созданные из праха, дети дня, отягощенные многими тяжелыми заботами, мыслями, страхами и несправедливыми желаниями, искривляющими наш разум; мы таем задолго до назначенного нам срока, падаем от усталости прежде, чем закончился короткий день, и, как награда за всю нашу боль, в конце концов на нас обрушивается серп жнеца.

Он посмотрел вверх и она встретилась со взглядом его больших глаз: они казались глубокими бассейнами, наполненными ночной тьмой, и странные предметы невидимками плавали в них, смущая взгляд, но и наполняя его спокойным очарованием, которое убаюкивало и утешало.

— Ты спишь наяву, милорд, — сказала Мевриан. — Мне тяжело сопровождать тебя по стране снов, ведь я пробудилась под ясным светом дня и хотела бы что-нибудь сделать.

— Очень злое дело, — сказал Гро, — что ты, привыкшая к величию и чести, а не к бедности и нищете, должны быть беженкой в своих собственных владениях, и делить кров с лисами и волками в диких горах.

— И тем не менее сейчас здесь жить куда лучше, — сказала она, — чем в Крозеринге. Именно поэтому у меня чешутся руки что-нибудь сделать. Пробиться в Гелинг, это было бы что-то.

— Кому нужен Гелинг, — сказал Гро, — без Лорда Джусса?

— Как и Крозеринг без моего брата, вот что ты хотел сказать, — ответила она.

Гро вскользь посмотрел на нее, сидевшую в доспехах перед ним, и заметил слезинку, затрепетавшую на ее реснице. — Кто может предвидеть пути судьбы? — тихо сказал он. — Пока вашей светлости лучше быть здесь.

Леди Мевриан резко встала и указала рукой на странный след, отпечатавшийся на выходе каменной породы у ее ног. — След гиппогрифа! — крикнула она, — оставленный на камне сотни лет назад высокой птицей, которая с давних времен покровительствовала нашей семье и указала нам то место под сияющими звездами, где нам было суждено добиться славы. Верно говорят, опасно жить там, где правит женщина. Я не останусь здесь больше ни секунды.

Глядя на нее, одетую в доспехи и бесстрашно стоявшую на краю обрыва, совместившую в себе женскую красоту и мужскую доблесть, Гро подумал, что она — настоящее олицетворение утра и вечера, очарования, которое позвало его из Крозеринга, и к которому ему указали дорогу вещие духи гор, лесов и полей, дав божественное благословение и приказав идти на север, в самое сердце его настоящего дома. Он опустился перед ней на колени и, взяв ее руку своей, поцеловал так, как если бы в ней одной воплотились все его надежды, и страстно сказал: — Мевриан, Мевриан, вооружи меня своей благосклонностью, и я брошу вызов всему, что есть или будет против меня. Как солнце светит в полдень с просторных небес и освещает эту печальную землю, так и ты — настоящий свет для Демонландии, которая, благодаря тебе, наполняет славой весь мир. Прими меня со всеми моими несчастьями, ибо ты единственная, кого я могу полюбить.

Она отпрыгнула назад, выдернув свою руку из его. И тут же ее меч запел, вылетая из ножен. Но Гро, восхищенный и потерявший рассудок, забыл обо всем мире; он видел только лицо дамы и остался неподвижным. — Спина к спине! — крикнула она. — Быстрее, или будет слишком поздно!

Он тоже прыгнул на ноги, едва не опоздав. Шесть крепких солдат Вельмландии незаметно подкрались к ним и окружили со всех сторон. Никто не стал тратить время на разговоры, все выхватили мечи: Гро и Мевриан, спина к спине на каменном столе, вокруг шестеро. — Убить Гоблина, — сказали они. — Ни единой царапины даме: смерть тому, кто коснется ее.

Какое-то время двое защищались, и шестеро ничего не могли поделать. Тем не менее исход боя был предрешен, ибо Гро, несмотря на всю его храбрость, не хватало силы и умения.

Искусно фехтовала Леди Мевриан, и они даже не догадывались об этом, пока не получили первые раны, ибо первый же из них, высокий парень с грубым лицом, прыгнул на нее, думая опрокинуть ее одним напором, и она ловко ударила его прямо в горло. Остальные отскочили, хорошо усвоив урок. Но, в конце концов, Гро оказался на земле со множеством ран, и в следующее мгновение они схватили ее сзади, пока другие нападали спереди, и тут, как раз вовремя, благодаря вмешательству небес, все изменилось: через мгновение все пятеро, истекая кровью, лежали на земле, друг рядом с другом.

Мевриан огляделась, ее ноги подкосились и она, внезапно ослабев и едва не потеряв сознание после опасности и напряжения боя, упала в руки к брату, побежденная огромной неожиданной радостью; она своими глазами увидела то, что предсказали хранители-гении этой земли, в диких горах танцевавшие радостный танец перед Лордом Гро: Брандох Даха и Джусс вернулись домой в Демонландию, как люди, восставшие из мертвых.

— Ни царапинки, — ответила она им. — Но взгляните на милорда Гро: я боюсь, что он серьезно ранен. Обойдитесь с ним лучше, ибо он доказал, что он — наш настоящий друг.

XXVI. БИТВА НА КРОЗЕРИНГ САЙД

*КАК ЛОРДУ КОРИНИУСУ ПРИШЛО СЛОВО, ЧТО ЛОРД ДЖУСС И БРАНДОХ ДАХА
ВЕРНУЛИСЬ В ДЕМОНЛАНДИЮ, И КАК ОН РЕШИЛ ДАТЬ ИМ БИТВУ НА КРОЗЕРИНГ
САЙД ПОД ЭРНГЕЙТСКИМ КРЯЖЕМ; И ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ ФЛАНГОВОМ МАРШЕ
ЛОРДА БРАНДОХ ДАХА НАД ГОРАМИ ИЗ ТРАНСДЕЙЛА;
И О СТРАШНОЙ БИТВЕ И ЕЕ ИСХОДЕ.*

ЛАКСУС и сыновья Корунда ехали в полдень по лугу рядом с Крозеринг-Гом. Над ними, предвещая грозу, висело горячее свинцовое небо. Даже легкий ветерок не шевелил мертвенно-зеленые деревья, укутанные свинцовым покрывалом. Из замка без перерыва доносился грохот мотыг и ломов. От садов и беседок, которые когда-то предлагали тень и прохладу, остались только развалины: сломанные колонны и разбитые порфиновые вазы искусной работы, холмы земли и гниющие растения. Огромные кедры, эмблема поместья и его гордость, лежали на земле с обнаженными корнями, превратившись в беспорядочную мешанину сухой листвы и сломанных ветвей, засохших и безжизненных. Над смертным ложем разрушенной красоты в воздух возносились призрачные ониксовые башни.

— Повезет ли нам в седьмой раз? — спросил Карго. — За последнюю неделю мы шесть раз думали, что схватили удачу за хвост на тех вонючих холмах Миланда, и каждый раз возвращались домой с пустыми руками. Что ты думаешь, Лаксус? Когда мы ее поймаем?

— Когда рак свиснет, — ответил Лаксус. — Более того, генерал разослал толпу народа с объявлениями, касающихся этой юной женщины (которая скорее всего никогда не услышит их и уж конечно они не заставят ее вернуться домой), и развлекается мстью, позабыв свой долг солдата. Слышишь! вот его сегодняшняя работа.

Они повернулись на громкий треск у ворот, и увидели, как два золотых гиппогрифа покачнулись, накренились и покатались по ступенькам прямо в ров; в воздух поднялся большой столб пыли от камней и бульжников, освобожденных их пробуждением.

Лорд Лаксус нахмурил лоб и, положив руку на плечо Хеминга, сказал: — О сыновья Корунда! Если мы хотим, чтобы наш Лорд Король восторжествовал над всеми недоброжелателями, нам нужен мудрый совет. Вспомните, что с того момента, как Гоблин ушел, нас стали преследовать неудачи.

— Пускай гадука прочь ползет! — сказал Карго. — Кориниус был прав, не доверяя этой склизкой дряни. Он вообще ничего не делал месяц или два, а потом перебежал к врагу.

— Кориниус, — сказал Лаксус, — новичок в своем положении. Неужели он полагает, что все остальное время его царствования пройдет в играх и наслаждениях? Жестокие удары судьбы могут опрокинуть его, а он проводит время в пирах, наслаждается радостями любви и ведет войну с этой дамой. Ветреную юность необходимо поддержать взрослым советом, иначе она опрокинется, увлекая за собой всех нас.

— О старый достойный советник! — сказал Карго. — Давно ли тебе исполнилось тридцать шесть лет?

— Нас трое, — заговорил Хеминг. — Бери власть. Я и брат поддержим тебя.

— Жаль, что ты не проглотил эти слова, — сказал Лаксус, — прежде, чем сказать их. Вспомни Корсуса и Галландуса. Кроме того, хотя сейчас он иногда кажется сумасшедшим, а не тем, кто действует разумно, тем не менее трезвый Кориниус — храбрый и умелый воин, хороший политик и предусмотрительный капитан. Таких как он не найти ни в Демонландии, ни в самой Ведьмландии, за исключением вашего благородного отца, а ведь он еще так молод.

— Ты прав, — ответил Хеминг, — и совершенно справедливо упрекнул меня.

Пока они разговаривали, из замка вышел слуга и, почтительно приветствовав Лаксуса, сказал: — Ваша светлость, не можете ли пройти в северные покои.

— Кто-нибудь прискакал с востока? — спросил Лаксус.

— Так и есть, если это будет угодно вашей светлости, — ответил слуга с глубоким поклоном.

— Просил ли он аудиенцию у короля Кориниуса?

— Да, просил, — сказал слуга, — но ему было отказано. Дело очень срочное, и он попросил меня найти ваше лордство.

Пока они шли к замку, Хеминг сказал Лаксусу на ухо: — Ты еще не знаешь наши новые придворные церемонии? Начиная с того дня, когда он убил заложников, чтобы досадить Леди Мевриан, и до сегодня, когда он уничтожил орла с головой лошади, он вообще не дает аудиенций до заката. Ибо днем, закончив с мщением, он отправляется к себе с какой-нибудь девицей, самой изящной и игривой из тех, кого может достать, и там два или три часа плавает по морю собственного удовольствия, немного ослабляя таким образом острую любовную боль.

Лаксус, поговорив с гонцом с севера, немедленно отправился в покои Кориниуса. Отстранив стражников, он широко распахнул сияющие двери и нашел Лорда Кориниуса в самом благодушном настроении. Он полулежал на широком диване с подушками из темно-зеленого бархата. Локтем он опирался на инкрустированный серебром и эбеновым деревом столик из слоновой кости, на котором стояли прекрасный золотой бокал, полный, и хрустальный графин с пенистым вином, на две трети пустой. На Кориниусе был свободный, без рукавов халат из белого шелка, отделанный золотом по краям. В тот момент, когда Лаксус вошел в комнату, халат распахнулся и обнажил шею, левую грудь и мощную руку, которую Кориниус как раз протянул к бокалу с вином. На колене у него сидела девушка лет семнадцати, красивая и свежая как роза, с которой он как раз собирался перейти от дружеской беседы к любовному уединению. Он зло посмотрел на Лаксуса, но тот бесцеремонно заговорил и сказал: — На востоке бунт. Крепость, которую мы построили на Ушке, взята штурмом. Спитфайр прошел через Брекингейл к голодающему Гелингу, и разбил нашу армию, которая осаждала замок.

— Чуть! — ответил Кориниус. — Много шума, мало проку. Хотел бы я знать, почему эта сплетня заставила тебя нарушить мой покой, и как раз тогда, когда я увенчал себя миртом и собрался немного расслабиться. Ты что, не мог подождать до ужина?

Прежде чем Лаксус успел ответить ему, за дверями раздался громкий стук и в комнату влетели сыновья Корунда.

— Или я уже не король? — сказал Корсус, закутываясь в свой халат, — и меня осаждают враг? Идите прочь. — Потом, увидев, что они молча стоят с безумными глазами, спросил: — Что случилось? Вас кто-то обманул или у вас трясушка? Или вы сошли с ума?

Хеминг ответил и сказал: — Нет, мы не сумасшедшие, милорд. С востока прискакал Дидарус, который держал крепость Ушко, прискакал так быстро, как только могла скакать лошадь, и едва не догнал предыдущего гонца, выехавшего четверьмя днями ранее. У него более свежие и более важные новости. Прошу тебя, выслушай его.

— Я выслушаю его, — сказал Кориниус, — за ужином. Но не скорее, если только не загорится крыша.

— Земля уже горит под твоими ногами! — крикнул Хеминг. — Джусс и Брандох Даха вернулись домой, полстраны уже потеряно для нас, а ты еще ничего не слышал. Дьяволы опять дома! Неужели ты будешь слушать это и продолжать хлестать вино?

Кориниус слушал со сложенными на груди руками. Его большая челюсть поднялась, ноздри расширились. Минуту он молчал, его холодные глаза глядели куда-то далеко. Потом заговорил: — Опять дома? И заварушка на востоке? Может быть. Спасибо Дидарусу за известия. За ужином он прочистит мне уши своими речами. А пока оставьте меня, если не хотите повиснуть на солнышке.

Но Лаксус, с печальным и серьезным видом, встал рядом с ним и сказал: — Милорд, не забывай, что ты — представитель и легат самого Короля. Пускай корона на твой голове вдохнет осторожность в твои мысли, и ты сможешь спокойно выслушать тех, кто пытается подать мудрый и здравый совет. Если сейчас предпринять ночной марш вдоль Свичуотера, мы сможем уничтожить опасность в зародыше и потушить ее прежде, чем она разгорится полным пламенем. Если же, напротив, мы позволим им придти сюда, на запад, они, скорее всего, без остановки отвоюют себе обратно всю страну.

Кориниус круглыми глазами поглядел на него. — Неужели ничего не может заставить тебя повиноваться? — сказал он. — Погляди на свои собственные дела. Как флот, все ли там в порядке? Ибо он основа и якорь нашей силы, через него мы получаем припасы, он переносит нас туда, куда нам нужно, и он же наше последнее убежище, если до этого дойдет дело. Что беспокоит тебя? Разве все эти четыре месяца мы не желали всем сердцем, чтобы Демоны сошлись с нами на поле боя? И если правда то, что Джусс и Брандох Даха захватили замки и разбили те войска, которые я оставил на востоке, и со своей армией движутся сюда, значит они уже в моей кузнице и я занес над ними

свой молот. И, чтобы совсем удовлетворить тебя, я сам выберу место для сражения с ними.

— Тогда тебе стоит поторопиться, — сказал Лаксус. — Еще один день, и, если мы не выйдем им навстречу, они будут перед Крозерингом.

— И это, — ответил Кориниус, — полностью соответствует моим планам. Я и шага не сделаю им навстречу, но буду ждать их там, где находится самое лучшее для сражения место. И я воспользуюсь преимуществами этого места, ибо встану на Крозеринг Сайд, опираясь флангом на гору. А флот пускай перейдет в гавань Ауэрвоч.

Лаксус дернул себя за бороду и минуту молчал, обдумывая этот план. Потом посмотрел на Кориниуса и сказал: — Должен сознаться, замечательная мысль.

— Это и есть моя цель, милорд, — сказал Кориниус. — Я уже давно разработал этот план, как раз на такой случай. А теперь оставьте меня одного, ибо я так хочу. И есть в том, что случилось, еще кое-что хорошее: пускай этот нырок посмотрит опять на свой дом прежде, чем я его убью. Я хорошо поработал над Крозерингом, и, думаю, он увидит не слишком приятное зрелище.

На третий день после этих событий фермер у Холта стоял на крыльце своего дома, выходящего на запад и смотрящего на Тиварандардейл. Был он стар и сгорблен, как горная колючка. Но смотрел он на мир блестящими черными глазами, а над его лбом еще вились непокорные локоны. Стоял поздний полдень, небо было покрыто облаками. Перед дверью спала лохматая овчарка. Рядом с ним сидела юная девушка, изящная как луговой конек и гибкая, как антилопа; она молола зерно ручной мельницей, напеая:

Мели, мельница, мели.

Кориниус перемелет всех нас

Царя в овдовевшем Крозеринге.

Старик счищал ржавчину со щита и старинного мориона, у его ног лежало еще какое-то оружие.

— О отец, я спрашиваю себя, зачем ты возишься с доспехами, которые не надевал со времен юности, — сказала она, отрываясь от пения и молотьбы. — Даже если опять злобствует злое время, что может сделать старый человек? Только молчать и печалиться.

— Для этого будет время потом, — ответил старик. — А сейчас то малое, что может сделать рука, которая еще в силах поднять меч.

— Если они вернуться назад, то сожгут все, вплоть до стропил, — сказала она, продолжая молоть.

— Ты — непослушная девчонка. Ведь я просил тебя переселиться в падушескую хижину в горах. Тогда мне было бы все равно, даже если бы они сожгли все.

— Пускай лучше все сгорит, — сказала она, — чем достанется им. Что толку для тебя или меня ждать там? Ты уже стар и твои добрые дни позади, а я не хочу остаться одна.

Большая собака рядом с ней проснулась и потянулась, подошла поближе и, глядя на нее добрыми печальными глазами, положила нос ей на колени.

— Ты — непослушная девчонка, — опять сказал старик. — Но я тревожусь за тебя, не за солому: придет меч, придет и огонь; я знаю, что приближается шторм, ибо Милорд вернулся домой.

— Они отняли нашу страну у Лорда Спитфайра, — сказала она.

— Да, милочка, — ответил старик, — но ты увидишь, как Милорд отнимет ее у них.

— Да ну? — сказала она, продолжая молоть и напевать:

Мели, мельница, мели.

Кориниус перемелет всех нас.

Какое-то время каждый занимался своим делом. — Тише! — внезапно сказал старик. — Разве по дорожке не стучат копыта лошади? Спрячься в доме, пока я не убежусь, что это друг. — Он, кряхтя, наклонился за оружием и печально потряс его слабой рукой.

Но она, как если бы услышала знакомые шаги, и не подумала спрятаться, но, наоборот, вскочила, ее лицо вспыхнуло, потом побледнело, опять вспыхнуло и она побежала к воротам фермы. Овчарка запрыгала вслед за ней. У ворот она встретила юношу в солдатской одежде, сидевшего на усталой лошади. Как сам солдат, так и его лошадь были настолько испачканы грязью, пылью и нечистотами, что представляли собой жалкое зрелище, и настолько устали, что, казалось, не смогли бы проехать и фарлонг. Они остановились около ворот, и все собаки прыгали вокруг них, лая и визжа от радости.

Едва солдат успел спуститься на землю, как попал в нежные объятия. — Не так сильно, мое сердечко, — сказал он. — Мое плечо еще побаливает. Не волнуйся, не о чем говорить, простая царापина. Руки и ноги в порядке, и я принес их домой.

— Была ли битва? — спросил старик.

— Отец, ты спрашиваешь была ли битва? — крикнул солдат. — Так знай, что тела мертвых на Крозеринг Сайд теснятся друг к другу теснее, чем овцы на нашей ферме во время стрижки.

— Увы и ах, дорогой, — сказала девушка. — У тебя ужасная рана. Пройди внутрь, я промою ее и приложу к ней тысячелистник, растолченный с медом; это превосходное средство против боли и потери крови, оно вытянет из раны весь гной и ты сам не поверишь, как быстро. Дурачок, ты потерял слишком много крови. Ну, что бы ты делал, если бы жена не ухаживала за тобой?

Фермер положил руку на плечо сыну и сказал: — Парень, поле осталось за нами?

— Я расскажу тебе все по порядку, старик, — ответил солдат, — но сначала я должен поставить ее в стойло. — Лошадь ткнулась ему в мордой в грудь. — И мне надо как следует поесть. Бог защитил нас, но это не тот рассказ, который рассказывают на пустое брюхо.

— Потерпи, отец, — сказала девушка. — Разве мы положили в рот хоть

один сладкий кусок, не думая о том, вернется ли он домой. И пускай он сам решит, когда подать нам закуску, сладкую или кислую.

И они обмыли его рану, аккуратно положили на нее целебные растения, и посадили его на мягкое кресло, и дали еду и питье: ячменные пироги и темный вересковый мед, и белое суровое вино из Тиварандардейла. Собаки легли поближе к нему, как если бы теплее и безопаснее было там, где находился он, а юная жена взяла его руки в свои, как если бы хотела никогда не отпустить его от себя. Старик пожирал его взглядом от нетерпения, как школьник, ждущий звонка, и дрожащими пальцами гладил его алебарду.

— Отец, получил ли ты слово, которое я послал тебе после битвы при Гелинге?

— Да. Это было хорошо.

— Тем же вечером был военный совет, — сказал солдат. — Все великие лорды собрались в большом зале Гелинга, и там было на что посмотреть. Меня взяли виночерпием, ибо я убил знаменосца Ведьм, в той же самой битве под Гелингом. Не думаю, что совершил какой-то подвиг, и тем не менее после битвы подошел ко мне Милорд и встал около меня; «Арнод» (да, отец, он назвал меня по имени!), «Арнод — сказал он, — ты сбросил в грязь флаг Ведьмландии, под которым они так гордо пытались лишить нас нашей свободы. В эти жаркие дни ты поступил как настоящий сын Демонландии — сказал он. — Будь сегодня вечером мой виночерпием, ты заслужил эту честь». Хотел бы я, чтобы вы видели его глаза в этот момент. Он повелитель до кончика правой руки, наш Милорд.

— Они принесли большую карту нашей Демонландии, и внимательно изучали ее. Я наливал им вино и слышал все их речи. А это чудесная карта сделана из хрусталя и бронзы, очень искусно, и вода сверкает, и горы твердые на ощупь. Милорд указал кончиком меча. «Здесь, — сказал он, — судя по надежным известиям встанет Кориниус, и он не выйдет из Крозеринга. И, клянись богами, это очень хорошая позиция. Если мы, например, пойдем через Гастерндейл, то он обрушится на нас как молот на наковальню. А если мы пойдем через Громовой Залив, — и он указал на него кончиком меча, — он ударит нам во фланг; каждый уголок долины и каждый склон послужит ему и против нас».

Я запомнил эти слова, — продолжал юноша, — ибо милорд Брандох Даха засмеялся и сказал «Неужели мы так изменились во время нашего путешествия, что родная земля считает нас чужестранцами и сражается против нас. Дайте мне еще раз изучить место».

Я наполнил его кубок. Великие боги, да после того, что произошло какое-то время спустя, я наполнил бы его кровью моего собственного сердца, если бы он этого потребовал, отец. Я еще расскажу об этом. Изысканный джентльмен, могучий воин и капитан, которому нет равных.

Но Лорд Спитфайр, который все это время ходил по залу взад и вперед, закричал и сказал, «Глупо идти по той дороге, которую он приготовил для

нас. Давайте нападём на него с той стороны, где он меньше всего нас ждёт: с юга, через горы, обрушимся на него сзади, из Мардардейла».

«О, — сказал Милорд, — если мы не сомнем его первым же натиском, он прижмет нас к Муркдейл Хагс. Слишком опасно. Это еще хуже, чем Гастерндейл».

Так и пошло, и на каждое предложение они говорили нет, и ничего им не нравилось. Пока, в конце концов милорд Брандох Даха, который очень долго изучал карту, не сказал: «Теперь, когда вы обыскали весь стог и не нашли в нем иголки, я дам вам мой совет, и никто не скажет, что он дан сторяча».

И они попросили его дать совет. И вот что он сказал Милорду: «Ты и наши основные силы пусть идут по Свичуотерскому Пути. И пусть вся земля сверкает перед вами. И завтра заночуйте в каком-нибудь хорошем для сражения месте; главное, чтобы у него не было преимуществ, если он решится напасть на вас: ну, например, старые пастушьи хижины над Венчвейтом, или похожее место там, где дорога поворачивает на юг в Гастерндейл. Утром снимайтесь с лагеря и идите через Гастерндейл к Сайду и завяжите с ним битву. И он бросится на вас, ведь он всеми фибрами души желает сражаться. А я, — продолжал Лорд Брандох Даха, — с семью сотнями лучших всадников поеду вдоль Трансдейла и перейду через Эрнгейтский Кряж; и когда он повернет все свои силы на север, чтобы обрушиться на вас, ударю ему в фланг и сзади, о чем он даже помыслить не может. Если же, застигнутый врасплох, он выдержит мой удар во фланг, вы нападете на него с главными силами, и у него будет только небольшое преимущество в людях. Но если он выдержит и это, тогда — спокойной ночи! — Ведьмы превосходят нас в воинском мастерстве, мы снимаем перед ними шляпу и больше не пытаемся вернуть себе свое».

Так сказал Лорд Брандох Даха. И все закричали, что он сумасшедший. Разве возможно на лошадях пересечь такую тяжелую местность за такое короткое время? Конечно нет. «Замечательно, — ответил он, — если вы считаете, что это невозможно, то и Кориниус, конечно, думает так же. Сейчас нам не помогут никакие осторожные советы. Дайте мне выбрать семь сотен всадников и лошадей, и я устрою такой маскарад, что вы не пожелаете лучшего распорядителя на этой пирушке».

И в конце концов он убедил всех. И ведомо мне, что всю полночь, они разрабатывали план и изучали карту.

А утром вся армия выстроилась на лугах рядом Лунной Заводью, и Милорд заговорил и сказал, что он собирается идти на запад и выгнать Ведмландцев из Демонландии. И еще он сказал, что тот, кто устал от ужасов войны и думает, что больше не может сражаться и хочет уйти домой, без страха может выйти вперед, и он разрешает всем таким людям уйти и, более того, награждает их добрыми подарками за верную службу. Но в экспедицию на запад он хочет идти только с теми, кто будет с ним душой и сердцем.

— Ведомо мне, — сказала девушка, — что никто из воинов не принял этого предложения.

— Да, — сказал солдат, — все вознегодовали и закричали, начали стучать мечами по щитам, и поднялся такой шум, что земля содрогнулась, и громовое эхо докатилось до высоких цирков Скарфа, и все закричали «Крозеринг!» «Джусс!» «Брандох Даха!» «Веди нас к Крозерингу!» Без дальнейших церемоний все собрались и еще не наступил полдень, как вся армия прошла Ушко. Пока мы отдыхали после тяжелого дневного марша рядом с Черным Лесом в Амадардейле, милорд Брандох Даха объехал всю армию и выбрал семь сотен человек на лучших лошадях. Если он видел, что парень ему подходит, то, не говоря ни слова своим офицерам, называл его по имени и спрашивал, поскачет ли тот с ним. Думаю, никто не сказал ему нет. Я смотрел, как он скачет, величественно и небрежно, как Король, и — клянусь! — мое сердце превратилось бы в лед, если бы он не посмотрел на меня. Но он осадил лошадь и сказал «Арнод, ты скачешь на прекрасном коне. Не хочешь ли этим прекрасным утром поохотиться на нем на свиней и спуститься с Эрнгейтского Кряжа?» Я приветствовал его и сказал «Милорд, следом за вами я готов идти хоть в горящий Ад». «Тогда пошли, — сказал он. — И завтра вечером я приведу тебя к самым лучшим воротам в мире: воротам Крозеринга».

Вот так мы разделили наши силы, и главная армия уже была готова идти на запад по Свичуотерскому Пути, и их вел Лорд Зигт, а Лорд Волле и сам Милорд со своим братом, Лордом Спитфайром, ехали среди них. И с ними ехал этот иноземец, предатель, Лорд Гро; и я думаю, что он скорее походил на палку, обсыпанную сахарной пудрой, чем на воина. И еще много достойных джентльменов ехало с ними: Гисмор Глим из Джастдейла, Астар из Реттри, Бремери из Шо, и еще много знаменитых воинов. А среди тех, кто остался с Лордом Брандох Даха, были Арнунд из Би, Тармрод из Кенарви, Камерер из Стрпардона, Эмерон Гальт, Хеспер Хольцринг из Элмерстеда, Стиркмир из Блеквуда, Мелхар из Страфи, три сына Квазза из Дальни, и еще Стипмар из Фейзе: все они были великолепные всадники, но, по-моему, слишком горячие и вспыльчивые молодые джентльмены, и вряд ли предвидели те развлечения, которые судьба приготовила для нас в тот день; слишком горячие, чтобы управлять армией, но лучшие из все тех, кто умеют подчиняться и последовать за своим вождем в самое опасное и славное дело.

Прежде, чем мы уехали, подошел Милорд, чтобы поговорить с милордом Брандох Даха. Он посмотрел на затянутое темными облаками небо и сказал, «Не подведи меня, кузен. Ты сам говорил, что мы с тобой — как большой палец с указательным; и никогда еще у тебя не было лучшего случая доказать это, чем завтра».

«О друг моего сердца, я полностью согласен с тобой, — ответил милорд Брандох Даха. — Но разве я когда-нибудь пренебрегал своими гостями? И разве я уже не пригласил тебя позавтракать со мной утром на лугах Крозеринга?»

И вот мы, все семь сотен, повернули налево и около водяной мельницы ушли в горы, в Трансдейл. Погода была ужасной, и хуже я не видал за всю свою жизнь. Ты же знаешь, отец эти узкие дороги в Трансдейле, и представ-

ляешь себе, как мы устали, пока шли по ним, ибо каждая оленья тропа превратилась ревуший поток, под ногами были грязь и болото, и человек не видел ничего, кроме белого тумана вокруг, проливного дождя сверху и раскисшей земли и воды под копытами лошади. Мы бы даже не поняли, что оказались на самом верху перевала, если бы облака вокруг не стали еще гуще, а ветер не стал дуть, как безумный. Все мы промокли насквозь и набрали в сапоги по паре пинт воды.

Пока мы стояли на Седле, милорд Брандох Даха не отдыхал, но, оставив свою лошадь слуге, сам прохаживался взад и вперед между нами. И для всякого человека у него находилась шутка или веселый взгляд, так что видеть и слышать его — это как есть и пить. Но очень мало удалось отдохнуть нам; дальше мы повернули направо и пошли вдоль кряжа, и дорога была еще хуже, чем по долине, ибо шли мы по камням, через ямы, прикрытые вереском и по скользким гранитным плитам. Ей-ей, раньше я думал, что еще не родился конь, который в состоянии пересечь такую местность, мокрую или сухую, все равно: он либо захромает, либо сломает себе ноги и шею всаднику прежде, чем пройдет вдоль этих кряжей пару миль; но мы вместе с Лордом Брандох Даха шли до Крозеринг Сайда десять часов, не считая времени, когда мы останавливались, чтобы напоить и накормить лошадей, а последнюю часть пути мы прошли во тьме, ночью, и всю дорогу ветер кусал нас в лицо, забрасывал брызгами дождя и выл в уши как сумасшедший. А когда дождь прекратился, ветер повернул и стал дуть на северо-запад, от сухого кряжа. И маленькие кусочки гниющего гранита, как градины, полетели нам прямо в лицо. И негде было укрыться от ветра, даже с подветренной стороны валунов, ибо отовсюду налетал на нас ветер и бил изо всех сил, и крылья его как гром стучали по утесам. Благие небеса, мы ослабли и промокли насквозь, замерзли до костей, видели только ближайшего человека и лошадь, и все-таки мы торопились к своей ужасной работе. И милорд Брандох Даха шел то в арьергарде, то в авангарде, и подбадривал сердца людей своим веселым видом, и хотя он сам страдал от тех же трудностей, что и обычный солдат, но он ездил взад и вперед с таким видом, как если бы ехал на свадебный пир, и весело кричал: «Эй, ребята, веселей! Эти болотные жабы из Друимы слишком поздно узнают, что наши лошади могут как горные козлы скакать с камня на камень».

С первыми утренними лучами мы остановились в последний раз, все семь сотен, в каменном цирке под высокими утесами Эрнгейтского Кряжа. И мы хорошо спрятались, дабы никакая любопытная Ведьмландская свинья не увидела ни человека, ни лошади на фоне неба, даже если ей придет в голову посмотреть наверх. Его светлость выставил часовых, приказал всем собраться и сам убедился, что все люди позавтракали, а все кони накормлены. Потом встал за большим камнем, откуда можно было рассмотреть долину вниз. И приказал мне быть наготове и ждать его поручений. Когда первые лучи солнца упали на долину, мы посмотрели вниз, за западный кряж, и увидели Крозеринг и узкий морской залив. Когда же стало еще светлее, мы разглядели их флот, стоявший на якоре в Аурвоче, и лагерь, похожий на множество ульев,

стоявших так плотно, что можно было подумать, будто кто-то набросал под нами камней. Впервые в жизни я должен был сражаться вместе с Брандох Даха. Ей-ей, он очень красивый человек и приятно было глядеть на него: локти на покрытом вереском камне, подбородок на ладонях, шлем поставлен в сторону так, чтобы его блеск не был виден снизу, и спокойный как кот; наполовину спящий, вы бы сказали, но его глаза не спали и глядели на Крозеринг. И даже с такой высоты было видно, что они сделали с замком нечто ужасное.

Наконец большое красное солнце выпрыгнуло из-за облаков на востоке. Лагерь внизу зашевелился: затрубили рога, вынесли знамена, к ним собрались люди и их выстроили в линии; потом по дороге из Гастерндейла примчалось несколько всадников. Его светлость, не поворачивая головы, жестом призвал меня и приказал позвать офицеров. Я побежал и сообщил им приказ его светлости. Он быстро объяснил им, что надо делать, пока Ведьмландские свиньи разворачивались для сражения; воры и пираты, которые ограбили поданных его светлости на его собственной земле. Знамена и значки двинулись на север, за ними пошли сверкающие копья. И в этот момент я услышал негромкий звук, который заставил наши сердца подпрыгнуть: далеко-далеко, на Гастерндейле, горн пропел боевой призыв Милорда Джусса.

Милорд Брандох Даха еще немного помедлил, глядя вниз. Потом повернулся к ним, его лицо сияло, как майское утро. «Любезные лорды, — сказал он, — быстро на коней, ибо Джусс уже сражается с врагами». Я думаю, он был доволен. И еще я думаю, что в этот день он собирался отомстить всем, кто обидел его.

Это была долгая скачка, спуск с Эрнгейтского Кряжа. Кровь барабанила в нас с бешеной скоростью, а мы должны были ехать очень осторожно, выбирая дорогу по тяжелому склону, крутому как скат крыши, неровному и лишенному надежной опоры для ног, с трещинами, поросшими мокрым мхом, обнаженной каменной породой и движущимися под ногами осыпями. Ничего не оставалось, как только довериться лошадям, и они храбро спустили нас со склона. Мы были на полпути вниз, когда увидели и услышали, что битва началась. Ведьмландцы настолько сосредоточились на главной армии Милорда, что мы успели спуститься и выстроиться для боя прежде, чем они узнали о нас. Наши горнисты пропели боевой гимн «Кто так смел, как Брандох Даха» и мы камнепадом обрушились на Крозеринг Сайд.

Я совсем не помню, как шла битва, отец. Как будто во время паводка встретились два яростных потока. Я думаю, что они раздались перед нами, направо и налево, чтобы легче перенести удар. И они ложились перед нами, как колоски пшеницы ложатся под ударами града. Мы поскакали на них двумя колоннами: меньшая часть против их правого фланга, который бросился от нее в лагерь, а большая часть во главе с Лордом Брандох Даха ударила по их левому флангу. Я был в самой гуще битвы. Его светлость скакал на горячей нервной лошади, очень смелой и упрямой; колено в колено с ним скакал Стиркмир из Блеквуда с одной стороны и Тармрод с другой. Ни человек ни лошадь не могли устоять против них, и они как нож через масло прошли

сквозь войско Вельдм, оставляя за собой упавших пеших воинов, отсеченные руки и головы, людей, вышибленных из седла и рассеченных от головы до живота и сошедших с ума лошадей без всадников; кровь покрывала землю, как грязь болото.

Так и шло какое-то время, пока мы не утратили преимущество внезапности и в первый раз почувствовали на себе их силу. Ибо, как оказалось, сам Кориниус прискакал из авангарда, где он отбросил назад нашу главную армию, и выступил против Лорда Брандох Даха с конниками и копьеносцами, и приказал своим пращникам обстрелять нас и отогнать обратно к лагерю.

И вот битва совершила крутой поворот и мы понеслись обратно к лагерю и вот тут-то дьяволы повеселились по-настоящему: лошади и люди натыкались на палатки, те падали, билась глиняная посуда, а еще туда пришел король Лаксус со своими моряками, и они подрезали поджилки лошадям, пока Кориниус атаковал нас с севера и востока. Этот Кориниус носился по полю боя как дьявол из Ада, а не как смертный. Двумя ударами меча он поверг наземь двух наших лучших капитанов, Роменарда из Дальни и Эмерона Гальта. Стиркмира, который попытался остановить его, сбросил на землю копьём, человека и лошадь. Потом мне рассказали, что он дважды встретился с Лордом Брандох Даха, но каждый раз бой разводил их прежде, чем им удалось рассчитаться друг с другом.

Отец, ты хорошо знаешь, что я сражался не в одной доброй битве: я ездил вместе с Милордом и Лордом Голдри Блазко за границу, сражался на поле Кроссби, и был вместе с Милордом Спитфайром, когда он разбил Вельдм на Брима Рейпс, и во время резни под Скалой Тремнира. Но никогда я не сражался так, как вчера.

И никогда я не видел таких подвигов. Например Камерер из Стропардона своим двуручным мечом нанес врагу такой удар, что клинок прошел через ногу всадника, седло и отсек ногу лошади около бедра. А Стримир из Блеквуда, как дьявол вскочил с кучи трупов, и, хотя он потерял шлем и из него текла кровь от трех или четырех страшных ран, сразился с двенадцатью Вельдмами и стал наносить им такие тяжелые удары, что они не выдержали и отступили перед ним: двенадцать перед одним, а ведь незадолго до того он лежал как мертвый.

Но все их великие подвиги казались ничем перед делами милорда Брандох Даха. За очень короткое время под ними трижды убили лошадь, и тем не менее он не получил даже малейшей раны, вот чудо-то. Беззаботно и небрежно скакал он по полю боя, убивая их лучших воинов. Однажды я увидел, как под ним убили лошадь и он упал на землю, а один из Лордов Вельдландии наклонился над ним с копьём в руках; и тут милорд вскочил на ноги, обоими руками схватил копьё и с такой силой ударил им врага, что выбил того из седла. Принц Карго это был, самый младший из сыновей Корунда. Сколько бы дамы в Вельдландии не напрягали свои милые глаза, они никогда не увидят, как этот ладный парень плывет назад. Когда принц упал на землю, его высочество с такой силой ударил его мечом по шее, что голова Принца

Карго взлетела в воздух как теннисный мяч. В мгновение ока милорд Брандох Даха прыгнул на лошадь врага и опять бросился в битву. Вы могли бы сказать, что такой человек, гибкий и изящный на вид, не может долго сражаться не уставая. А я видел, что его последний удар был ничуть не слабее, чем первый. И со стороны казалось, что камни, копыя и удары мечом производили на него не больше впечатления, чем удары соломинкой по алманту.

Я не знаю, сколько времени мы сражались среди палаток. Знаю только то, что это была великолепная битва, и самая кровавая в моей жизни. Но потом мне рассказали, что по другую сторону шла еще более тяжелая работа, ибо там Милорд и его люди пробивали себе дорогу на Сайд. Тогда мы ничего не знали об этом. И тем не менее мы были уверены, что погибнем все до последнего, если Милорд не победит, и еще были уверены, что без нашей атаки сзади Милорд не победил бы никогда. И в этот последний час мы все сражались среди палаток думая только о том, чтобы убить еще одного врага, а потом еще одного, прежде чем погибнуть. Ибо Кориниус бросал против нас все новые и новые отряды силы, и вслед за каждым упавшим на землю врагом появлялись двое новых. И наши люди быстро падали один за другим, и все белые палатки стали красными от запекшейся крови, нашей крови.

Отец, ты помнишь что когда я был совсем маленьким мальчиком, мы с друзьями плавали в глубоких озерах Тиварандардейла, и играли в игру: один мальчик хватал другого и держал под водой до тех пор, пока хватало дыхания. Мне кажется, что во всем мире нет более страстной и болезненной жажды, чем жажда воздуха в тот момент, когда тебя держат под водой, а ты не можешь освободиться, но и нет большей радости чем тогда, когда ты выныриваешь на белый свет и сладкий воздух вливается в твои легкие. Вот так и мы уже попрощались с надеждой спастись и знали, что живем последние минуты; и тут мы внезапно услышали рога Милорда, которые трубили атаку. И прежде, чем мы, удивленные до глубины души, смогли сообразить, что это означает, на нас нахлынула битва и разметала по сторонам, как тогда, когда внезапный шквал обрушивается на воду в озере; и огромная масса врагов, со всех сторон окружившая нас сталью, качнулась вперед, на нас, потом назад, потом опять вперед, смущенная и колеблющаяся. Мне показалось, что в наши руки влилась новая сила, а наши мечи открыли свои рты. Ибо на севере мы увидели эмблему Гелинга, кометой летавшую к нам; а за ней сам Милорд, вырвавшийся вперед, и Зигг, и Астар, и сотни наших всадников, прорубающие путь к нам, как мы прорубали к ним. И настало для нас время жатвы и время платы за те кровавые часы, что мы сражались за свою жизнь среди палаток на Крозеринг Сайд, пока Милорд и его люди с другой стороны ярд за ярдом продвигались вперед, к победе, несмотря на численный перевес Вейдм. И вот, прежде чем мы сами поняли это, день остался за нами, и победа, и враг был разбит. Вот так закончилось самое великое сражение из тех, что видели живущие на земле люди.

А этот фальшивый король Кориниус, хотя и сумел дожить до конца битвы, убежал с немногими людьми из этой страшной бойни, и, как позже вы-

яснилось, сумел добраться до Аурвоча и с тремя или четырьмя кораблями отплыл в открытое море. Но большую часть флота они сами сожгли в гавани, ибо не хотели, чтобы он достался нам.

Милорд приказал подобрать всех раненых и вылечить их, друзей, врагов, все равно. Среди них нашли короля Лаксуса, получившего в голову удар палицей. И его привели к лордам, которые сидели, отдыхая, недалеко от Сайда на лугах Крозеринга.

Он гордо посмотрел им в глаза, как подобает солдату. Потом заговорил и сказал Милорду: «Мне больно, но я не вижу позора в том, что нас победили в равной и грандиозной битве. Но я проклинаю свою злую судьбу, ибо остался жив и не погиб в честном бою. Ты, Джусс, можешь снести мне голову, ибо я предал тебя три года назад. И поскольку я знаю твою благородную и любезную натуру, я не собираюсь просить тебя о милости, но призываю не медлить и сделать это прямо сейчас».

Милорд стоял, как отдыхающий боевой конь. И протянул врагу руку. «О Лаксус, — сказал он, — я дарю тебе не только голову, но и твой меч, — и здесь он протянул Лаксусу меч, рукояткой вперед. — Что касается твоих деяний во время битвы при Картадзе, пускай время, которое покрывает пылью все на свете, набросит пыльный покров и на память о твоём предательстве. С того времени ты показал себя истинно благородным врагом, и таковым мы и будем считать тебя впредь».

И Милорд приказал привести Лаксуса к морю и посадить его на корабль или лодку, ибо Кориниус все еще держался поблизости от берега, выжидая, не появятся ли еще его люди, которых можно будет спасти.

Когда Лаксус уже готовился уйти, милорд Брандох Даха заговорил с беззаботным видом, как если бы вспомнил о чем-то ничтожном, случайно пришедшим ему на ум: «Милорд, — сказал он, — я никогда не просил одолжения ни у кого. Но поскольку мы обмениваемся благородными поступками, быть может вы передадите мое приветствие Кориниусу, ибо нет у меня другого вестника».

И Лаксус ответил, что он с удовольствием сделает это. И тогда его высокочество сказал: «Скажи ему, что я не порицаю его за то, что он не дождал нас на поле после проигранной битвы, но позорно сбежал, ибо это было бы слишком просто и против принципов настоящего солдата: он только напрасно потерял бы жизнь. Но я порицаю изменчивую Фортуну, которая не дала нам сегодня встретиться и разрешить все дела между нами. И еще скажи ему, что в моем доме он вел себя как свинья или грязная обезьяна, но не как человек. И попроси его прежде, чем он поплывет домой, придти на берег моря, где не будет никого, кроме меня и его, и там мы подведем счет нашим разногласиям. И мы все клянемся, что он сможет спокойно вернуться на корабль и никто его не будет его преследовать, если он победит меня или я пощажу его, если он запросит пощады. И если он не примет этого предложения, я назову его трусом и подлецом, и весь мир назовет его так же».

«Сэр, — сказал Лаксус, — я слово в слово передам ваше послание».

Я не знаю, отец, сделал ли он это. Но если сделал, то, похоже, Кориниусу это совсем не понравилось. Ибо как только Лаксус поднялся на борт, корабль поднял все паруса и уплыл в открытое море; больше мы его не видели.

Юноша замолчал, и какое-то время все трое сидели, не произнося ни единого слова. Слабый ветер шевелил листву дубов Тиварандардейла. Солнце уже спустилось за величественный Торнбэк, и наполнило своей славой все небо, от края до края. Пятнистые облака, через которые просвечивало небо, покрыли все небеса, оставив чистым только запад, где между облаками и землей открылась большая арка чистого воздуха, лазурного и, казалось, горящего, ибо так чист и глубок был он, и так наполнен теплом; не было в нем ни грубой синевы полдня, ни роскошной синевы приближающейся ночи, но яркая небесная синева, отороченная зеленым, глубокая, нежная и тонкая, как душа вечера. Поперек этого окна в облаках плыл потрепанный облачный меч, жестокий и железно-темный, с острыми краями, из которых торчали зубы, сиявшие как раскаленные угли. Над аркой плыли бледно-розовые облака, а еще выше зенит казался мрачным черным опалом, темно-синим, грозиво-серым и испещренным пятнами огня.

XXVII. ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧЁРТЛАНДИЮ

КАК ЛОРД ДЖУСС, НЕ ОТКАЗАВШИЙСЯ ОТ СВОЕГО ЗАМЫСЛА, НАШЕЛ ТО, ЧТО ИСКАЛ, ИМЕННО ТОГДА, КОГДА МЕНЬШЕ ВСЕГО ОЖИДАЛ, И КАК ЭТО ПОДДЕРЖАЛО ЕГО РЕШИМОСТЬ; И О ПУТЕШЕСТВИИ ФЛОТА В МУЭЛЬВУ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВЫ МЕЛИКАФКАЗА

УОРЕЛ последний уголек жаркого лета, когда они собрали жатву на Крозеринг Сайд. Пришла осень, за ней зима, потом дни начали удлиняться — год вернулся. С первым дыханием весны гавани наполнились военными кораблями, и их было больше, чем когда-нибудь видели в Демонландии, и изо всех концов страны — от восточных островов до Биланда, от Шалгрета и Келиаланда до мысов под Римон Армон — стали собираться солдаты со своими лошадьми и оружием.

Лорд Брандох Даха прискакал с запада, в тот день, когда первые цветки сон-травы распустились на утесах под Эрнгейтским Кряжем, а березовых лесах зацвели примулы. Он выехал рано и скакал очень быстро, и уже в час полудни проехал через Львиные Ворота Гелинга. Лорд Джусс принял его в своих личных покоях и приветствовал с радостью и любовью. И спросил Брандох Даха: — Ну, как дела? — И ответил Джусс: — Тридцать кораблей и еще пять стоят в гавани Сторожевого Мыса, и все, кроме четырех, драккары, драконы моря. Завтра я жду Зигта с рекрутами из Келиаланда; Спитфайр сейчас в Оулсвике, с пятнадцатую сотнями южан; через три часа должен прийти Волле и привести с собой еще четыре сотни. Вместе у меня уже четыре тысячи, если добавить экипажи кораблей и наших собственных телохранителей.

— У меня есть восемь драккаров в устье Стрпардона, — сказал Брандох Даха, — все снаряженные и готовые к плаванию. И еще пять в Аурвоче, пять около Лорнагай в Морви, а три на побережье Миланда у Стакрей Ойс, и четыре на островах. И у меня шестнадцать сотен копыеносцев и шесть сотен лошадей. И, стоит мне щелкнуть пальцами, они присоединятся к твоим на Сторожевом Мысу, но сообщи мне об этом за семь дней.

Джусс схватил его за руку. — Без тебя я чувствую себя с голым, — сказал он.

— В Крозеринге не осталось ни одного камня и ни одной комнаты, которую бы он не осквернил, — сказал Брандох Даха. — Мой дом стал выгребной ямой. И каждую руку, которая у меня была, я направил только на это. Сейчас все готово. — Он резко повернулся к Джуссу и какое-то время молча глядел на него. Потом, с необычной для него серьезностью, сказал: — Разреши мне потребовать у тебя: удар, и никаких отсрочек. Не будь с ним таким же добрым, как раньше, не посылай наших воинов бездельничать на заколдованные берега Чертландии и очарованные воды Равари, ибо он будет спать спокойно, послав сюда Корсуса и Кориниуса, которые опять ввергнут страну в хаос; и тогда ляжет на нас бремя величайшего стыда, которое когда-либо ложилось на плечи смертных, и мы не сможем пережить его.

— Ты сказал семь дней, — ответил Джусс. — Щелкай пальцами и зови свою армию. Мы отплываем через час после ее прихода.

— Я имел в виду Карсё, — сказал Брандох Даха.

— Конечно Карсё, а куда же еще? — удивился Джусс. — И я возьму с собой брата Голдри.

— Я имел в виду сначала в Карсё, — настойчиво повторил Брандох Даха. — И пусть на этот раз мое мнение перевесит твое. Да любой школьник скажет тебе, что прежде, чем идти вперед, надо обезопасить фланги и тыл.

Джусс улыбнулся. — О, мне нравится твой новый наряд из осторожности и рассудительности, кузен, — сказал он. — Он куда красивее прежнего. Что касается твоего предложения — я думаю, дело в другом. Кориниус не принял твой вызов и сбежал, и теперь тебя снедает жажда мести.

Брандох Даха косо взглянул на него и засмеялся. — О Джусс, — сказал он, — ты почти попал. Но не до конца. Великолепная дама в ястребином замке в Чертландии наложила на меня таинственное проклятие: тот, кого я ненавижу больше других, разрушит мой прекрасный замок, и я не смогу отомстить ему своей собственной рукой. Мне этого не вынести. Нет. Подумай, любая отсрочка очень опасна. Давай, не упрямясь, как осел.

Лицо Лорда Джусса стало серьезным и мрачным. — Не требуй от меня слишком многого, дорогой друг, — сказал он. — Ты-то спишь спокойно. Но я, как только закрываю глаза, вижу призрак Голдри Блазко, которого злое заклятие удерживает на вершине Зора Рах: он стоит один, не освещенный солнцем, безмолвный, без теплой искры жизни. Давным-давно я поклялся, что не сверну ни вправо ни влево, пока не освобожу его.

— Он твой брат, — сказал Лорд Брандох Даха. — И мой близкий друг, коего я люблю не меньше, чем ты. Но когда ты говоришь о клятвах, вспомни о Ла Фиризе. Что он должен думать о нас после тех клятв, которые мы дали ему три года назад в Карсё? Мы должны ударить немедленно.

— Он поймет, — ответил Джусс.

— Он придет с Газларком, и ты должен ждать его с минуты на минуту, — сказал Брандох Даха. — Я ухожу. Мне будет стыдно сказать ему: «Терпение, приятель, сегодня не самый подходящий день. Тебе заплатят в свое время». Клянусь небесами, я бы стал презирать сам себя, если бы сказал такое своему портному. А он — наш друг, который потерял все и томится в ссылке только потому, что спас нас.

Сказав так, он встал, в ярости и досаде, как будто собирался выйти из комнаты. Но Джусс схватил его за руку: — Ты несправедливо порицаешь меня, ведь ты знаешь все, что творится в моем сердце, и именно это злит тебя. Но слушай! У ворот затрубили рога, это Газларк. Я не разрешаю тебе уйти.

— Хорошо, — сказал Брандох Даха, — я подчинюсь. Только не просил меня защищать твое гнилое дело перед ними. Если я заговорю, всем будет стыдно. Ты предупрежден.

И они прошли в величественный приемный зал, где уже собралось немало блестящих дам и благородных Лордов со всех краев страны, и встали на

возвышении. Король Газларк прошел по сверкающему полу, за ними парами его капитаны и советники. Локоть о локоть с ним шел Ла Фириз, гордый как лев.

Весело поздоровались они с Лордами Демонландии, которые, приветствуя гостей, встали под звездным балдахином, и с Леди Мевриан, стоявшей между своим братом и Джуссом, и трудно было сказать, кто из них троих был более красив: сильно отличались они друг от друга, но были одинаково величественны и прекрасны. Гро, стоявший рядом, сказал самому себе: «Я знаю четвертую. И если бы она присоединилась к ним, то вся любовь и вежество в мире собрались бы в одной комнате, как в сокровищнице. И Боги на своих звездных небесах (если они действительно Боги), побледнели бы от зависти, ибо им не сравниться ни с одним из них: ни Апполону-Фебу, ни девственной Охотнице, ни самой рожденной из пены Королеве».

Но свернули глаза Газларка, увидевшего длинную черную бороду, слегка сгорбленную тщедушную фигуру, бледный лоб, завитые душистые локоны, крючковатый нос, большие прозрачные глаза и белые руки; и, присмотревшись и узнав Гро, нахмурился он, стал мрачен как грозовая туча, под его загорелой кожей забурилась кровь. Одним движением выхватил он свой меч, как если бы собирался без раздумий и колебаний пронзить Гро насквозь. Лорд Гро быстро отступил назад, и Лорд Джусс встал между ними.

— Отойди, Джусс! — крикнул Газларк. — Ты что, не знаешь этого ужасного и отвратительного злодея, истинного аспида? Это же тот самый замечательно пахнущий негодяй, который много лет шлеп вокруг меня сеть из множества мятежей и тревог, чей гладкий язык черпал из меня деньги! Вот прекрасная возможность отомстить. Сейчас я выгоню наружу его мерзкую душу!

Но Джусс коснулся правой руки Газларка. — Газларк, — сказал он, — перестань гневаться и убери меч. Сделай ты это год назад, я бы только поблагодарил тебя. Но сегодня ты собираешься убить моего человека, и, к тому же, Лорда Демонландии.

Все поприветствовали друг друга, омыли руки, сели за стол и начался благородный пир. И Лорд Джусс помирил Гро и Газларка, хотя и нелегко ему было убедить Газларка забыть прошлое. После чего вместе с Газларком и Ла Фиризом он удалился в отдельную комнату.

Король Газларк заговорил и сказал: — Невозможно отрицать, О Джусс, что битва, выигранная тобой во время последнего сбора урожая, была самой величайшей битвой на земле и имела самые величайшие последствия. Но я слышал, как птица пропела, что надо совершить еще более великие дела прежде, чем пройдет слишком много лун. Поэтому мы и пришли к тебе, я и Ла Фириз, твои верные старые друзья, и просим тебя: разреши нам отправиться вместе с тобой на поиски твоего брата, ибо без него чахнет весь мир, а потом веди нас на штурм Карсё.

— О Джусс, — сказал Князь, — мне бы не хотелось, чтобы впоследствии люди говорили: «И в это время отплыли Демоны в опасные заколдованные земли, и благодаря своей силе и храбрости освободили Лорда Голдри Блазко

(или, возможно, закончили дни своей жизни в этом славном путешествии), но Газларка и Ла Фириза не было с ними, ибо они попрощались со своими друзьями, повесили мечи на стену и спокойно мирно жили в Зайё Закуло. И пусть имена их будут забыты».

Лорд Джусс какое-то время сидел молча, потрясенный словами друзей. — О Газларк, — наконец сказал он, — без лишних слов принимаю я твое предложение. Но тебе, дорогой Князь, я должен открыть свое сердце. Ибо издалека пришел ты сюда, чтобы пролить свою кровь за нас и тем самым еще увеличить наш долг перед тобой. И как бы мало не был я виноват в низком предательстве и оскорблении, ты вправе назвать меня лживым, нарушившим клятву другом.

Но Князь Ла Фириз прервал его и сказал: — Прошу тебя не говори так, или совершенно пристыдишь меня. То, что я сделал в Карсё, — не больше, чем плата за спасение моей жизни в Лида Нангуна. Так что нет между нами никаких долгов. Не думай больше об этом, но не запрещай мне идти с тобой в Чертландию. И только в Карсё я не смогу пойти с тобой: хотя я и разорвал договор с Ведымландией, но не могу поднять меч на Корунда и его родичей, ибо он женат на леди моей сестре. Да будет проклят тот день, когда я отдал ее белую руку Корунду! Мне кажется, она слишком придерживается обычаев нашей семьи: ведь ее геральдический знак сердце, а не рука. И отдав ему руку она отдала ему сердце. Таков этот странный мир.

— Не относись так легкомысленно к моему обязательству перед тобой, — сказал Джусс, — но должен я держаться своего пути. Ибо поклялся я нерушимой клятвой, что не сверну ни вправо ни влево, пока не освобожу моего дорогого брата Голдри из цепей. Так поклялся я и так всегда действовал, и только из-за этого предпринял я то злополучное путешествие в Карсё и был брошен в тюрьму, из которой ты меня освободил. Недовольство друзей, несправедливые обвинения, любая сила — ничто не способно заставить меня отказаться от своего решения. Но когда мой милый брат будет свободен, то мы не будем спать спокойно, пока не отправимся в Пиксиландию, не восстановим тебя на престоле и, как залог нашей любви, не сделаем все остальные добрые дела.

— Ты поступаешь правильно, — сказал князь. — Вот если бы ты действовал иначе, тогда действительно заслужил бы моего порицания.

— И моего тоже, — добавил Газларк. — Как ты думаешь, разве я не печалюсь, видя что у принцессы Армеллины, моей юной нежной кузины, с каждым днем щеки становятся все более бледными и впалыми? И только из-за печали и страданий по своему возлюбленному, Лорду Голдри Блазко. Ее мать бережно заботится о ней, и, стоит ей только захотеть, ей приносят самые дорогие и трудно находимые вещи, но, тем не менее, это благородное и совершенное создание чахнет день ото дня. Я думаю, что сегодня лучше чем завтра, а завтра лучше чем послезавтра, поставить паруса и уплыть к широко раскинувшейся Чертландии.

И за все это время Лорд Брандох Даха не сказал ни слова. Он сидел на кресле из слоновой кости и хризопраза, и то играл золотыми кольцами, надевными на руки, то закручивал и раскручивал золотые локоны усов и бороды. Наконец он зевнул, встал с кресла и стал лениво ходить по комнате взад и вперед. Свой меч он стянул со спины и переместил под локти, так что конец ножен лежал под одной рукой, а украшенная драгоценными камнями рукоятка — под другой. Пальцами он выбивал тихую мелодию на богатом бархатном дублете, покрывавшем его грудь. Из высокого окна струился свет весеннего солнца, и он ходил из света в тень, и опять на свет, на вид беспечный и беззаботный. Как если бы весна засмеялась от радости при виде своего собственного сына, и наделила его чарующей и прекрасной внешностью, наполнив огнем и живым соком всего, вплоть до глаз и кончиков пальцев, как и свои почки, лопающиеся в лесах Брайкдейла.

Через какое-то время он перестал ходить и подошел к Лорду Гро, сидевшему слегка в стороне от других. — Что думаешь ты, Гро, о наших намерениях? И какую бы дорогу выбрал ты, прямую или окольную? Карсё или Зора Рах?

— Мудрый человек никогда не выберет прямую дорогу, — ответил Гро. — Все знают, что ты — великий скалолаз, поэтому сравним нашу жизнь с высоким отвесным утесом. Я то поднимаюсь на него, то сползаю вниз. И я спрашиваю тебя, можно ли вообще подняться на такой утес? Конечно нет, прямой дорогой. Ибо если я пойду прямо, то не уйду никуда и буду стоять в изумлении глядя на тебя, который давно забрался на вершину окольным путем. Или, допустим, надо спуститься вниз. Прямо — легко и быстро, но потом я уже никогда никуда не заберусь. Ибо ты, выбравший окольный путь, найдешь мой неприглядный труп у подножья.

— Большое спасибо за твои «ты» и «я», — сказал Брандох Даха. — Весьма основательное рассуждение, и очень справедливое и жизненное обоснование. И как ты применишь свою максиму к нашей проблеме?

Лорд Гро посмотрел на него. — Милорд, вы, Демоны, помогли мне, и дабы заслужить вашу любовь, я много размышлял о том, каким способом Демонландия могла бы отомстить своим врагам и победить в войне. День и ночь я думал об этом, множество самых разных мыслей теснилось в моей голове, но все они не могли нам помочь, кроме одной, которую я посчитал лучшей.

— Давай услышим его, — сказал Лорд Брандох Даха.

И сказал Гро: — Вы, Демоны, все время совершаете одну и ту же ошибку, а именно: вы не можете понять, что иногда стоит вытащить змею из норы чужими руками. Посмотрим на нашу проблему. У вас собрана огромная сила, что на море, что на земле. Однако не надо слишком рассчитывать на нее. Очень часто тот, кто имеет маленькую армию, может превзойти самого могущественного врага, заманив его в ловушку хитростью или искусной политикой. Посмотрим еще раз на вас. У вас есть кое-что, более могущественное чем все ваши лошади, копыеносцы или драккары, более могущественное чем твой меч, милорд, а ведь ты считаешься лучшим мечником в мире.

— И что это? — спросил он.

— Репутация, милорд Брандох Даха, — ответил Гро. — Весь мир знает, что вы, Демоны, ведете честную игру даже с самыми злейшими врагами.

— Шшш! — сказал Брандох Даха. — Таков наш путь в этом мире. Более того, я думаю, что это самый естественный путь для великих людей великой страны, в коей они родились. Предательство и обман происходят главным образом из-за страха, и это именно то, что никто не испытывает в этой стране. А сам я думаю, что когда великие боги творят персону, подобную мне, они между глаз помешают что-то, не знаю что, на которое всякая мразь не может глядеть не содрогнувшись.

— Прошу лишь об одном, — сказал Гро, — дайте мне возможность, и совсем скоро я обеспечу вам победу, которую мечами вам придется добывать два года. Надо польстить слуху великих лордов Ведыландии, предложить мирный договор и собрать их всех на совет. И я легко устрою так, что их всех схватят ночью в их постелях, или так, как вам покажется более удобным. Всех, за исключением Корунда и его сыновей; с ними мудрее всего заключить договор о мире. И все это можно сделать за десять дней, а потом с легким сердцем и душой отплыть в Чертландию.

— Очень изобретательно придумано, клянусь моей душой, — сказал Брандох Даха. — И я тоже посоветую тебе: лучше всего не предлагать это Джуссу. Сейчас, я имею в виду, когда он занят важными делами. И не говори о твоём плане моей сестре Леди Мевриан. Женщины зачастую воспринимают такие идеи слишком серьезно, хотя это не более, чем беседа и обсуждение. Однако я все это воспринимаю совершенно иначе. Я сам отчасти философ, и твоя шутка пришлась мне по вкусу.

— Радуйся, что можешь веселиться, — сказал Лорд Гро. — Очень давно, когда все эти события только начинались, Ведьмы отвергли мои здравые советы, и сейчас в шаге от гибели.

Но Брандох Даха с беспечным видом заговорил и сказал: — Не бойся, милорд Гро, мы никогда не отвергнем достойные советы такого мудрого советника как ты. Но, — и здесь в его глазах вспыхнул свет, заставивший Гро вздрогнуть, — если кто-нибудь всерьез предложит мне совершить бесчестный поступок, мой меч немедленно пронзит его тело насквозь.

После чего Лорд Брандох Даха повернулся к остальным: — Джусс, — сказал он, — друг моего сердца, мне кажется, вы все пришли к согласию, и лишь я не согласен. Мне осталось только попрощаться с тобой. До свиданья, Газларк. До свиданья, Ла Фириз.

— И куда ты отправишься, — спросил Джусс, вставая с кресла. — Ты не должен покидать нас.

— Куда же, как не домой? — ответил Брандох Даха и вышел из комнаты.

— Он кажется очень сердитым, — сказал Газларк. — Что ты сделал, чтобы вызвать его гнев?

— Я пойду за ним и успокою его, — сказала Мевриан и поторопилась

вслед за братом. Но вскоре вернулась и сказала: — Не получилось, милорды. Он ускакал из Гелинга, и его конь мчался как сумасшедший.

Все заволновались, один предлагал одно, другой другое, и только Лорд Джусс и Леди Мевриан с холодным лицом хранили молчание. Наконец Джусс заговорил и сказал Газларку: — Успокойтесь, он ненавидит каждый день отсрочки, ибо это отдаляет его встречу с Кориниусом. И, конечно, я не порицаю его, ибо знаю как глубоко этот негодяй оскорбил нашего друга, и, кстати, знаю его наглость по отношению к тебе, мадам. Не волнуйтесь. Когда настанет время он вернется ко мне обратно, и только по своей доброй воле: никакая сила в мире, и даже Высокие Небеса, не может заставить это великое сердце сделать то, что он не хочет.

На следующую ночь, когда все разошлись по своим спальням и заснули, а Лорд Джусс еще сидел в своей спальне и читал, от ворот послышался звон уздечки. Джусс позвал своих мальчиков-пажей, приказал им принесли факелы и вместе с ними пошел туда. И в танцующем свете факелов в ворота вошел Лорд Брандох Даха, и что-то размером с большую тыкву, завязанную в шелковую ткань, висело на луке его седла. Джусс встретил его в воротах, один. — Дай мне сойти с коня, — сказал Брандох Даха, — и получишь от меня то, что должно спать в твоей кровати вместе с тобой на берегу озера Равари.

— Так ты достал его? — воскликнул Джусс. — Яйцо гиппогрифа из Озера Скорби, ты один? — и он аккуратно взял узел двумя руками.

— Да, — ответил Брандох Даха. — То самое, о котором нам рассказала маленькая ласточка прошлым летом. Озеро замерзло, и было очень трудно и нестерпимо холодно нырять в него. Это маленькое чудо, но тебе везет во всех твоих предприятиях, о Джусс, ибо ты умеешь заставить своих друзей служить тебе.

— Я думаю, что ты не оставишь меня, — сказал Джусс.

— Думаешь? — крикнул Лорд Брандох Даха. — Даже не мечтай: я не позволю тебе в одиночку совершить все эти глупости. Нет, я пойду с тобой к заколдованному озеру, и оставлю Карсё на закуску. Хотя и сделаю это вопреки своему твердому решению.

Еще шесть дней подготовки, и второго апреля на Сторожевом Мысу собралось могучее войско: пятьдесят и девять военных кораблей, пять кораблей с запасами и трижды по две тысячи воинов.

Леди Мевриан сидела на молочно-белой кобыле и глядела на гавань, где в полном порядке стояли на якоре корабли, бледные серые тени на фоне блестящего и сверкающего моря, усеянные розовыми, голубыми или зелеными цветными пятнами там, где лучи солнца играли на их разрисованных корпусах, золотых мачтах и фигурах на носу. Гро стоял рядом с ее поводьями. Дорога из Гелинга, вьющаяся вдоль Хавершоу Тонг, бежала совсем рядом с ними, потом шла вдоль берега моря, вплоть до гавани Сторожевого Мыса. На дороге звучали тяжелые шаги пехотинцев и гром копыт лошадей, а легкий западный ветер доносил до их травянистого холма отрывки боевых маршей, или торо-

пливые ноты горна, или мерные раскаты барабанов и труб, заставлявшие быстрее биться сердца солдат.

В авангарде ехал Лорд Зигт, перед ним шли четыре горниста, одетые в золото и пурпур. Доспехи Зигта, от подбородка до пальцев ног, сверкали серебром, драгоценные камни горели на его латном воротнике и рукоятке его длинного прямого меча. Он ехал на черном жеребце с дикими глазами и с прижатыми к голове ушами, хвост которого подметал землю. За ним ехало множество конников, за которыми шли высокие копьеносцы в красновато-коричневых кожаных камзолах, отделанных серебром и медью. — Эти, — сказала Мевриан, — из Келиаленда и с побережья Эрроуфирт, а также его вассалы из Раммерика и Амадардейла. С правой стороны от него, немного позади, едет Геспер Хольцринг, который в этом мире любит две вещи: добрую лошадь и быстрый корабль. А слева, в шлеме из тусклого серебра с маленькими крыльями ворона по бокам, едет воин с такими длинными ногами, что на лошади поменьше он мог бы одновременно сидеть в седле и идти: Стиркмир из Блеквуда. Он мой родич. Ему нет и двадцати, но на Крозеринг Сайде был одним из лучших.

Так она показала Лорду Гро всех, кто ехал мимо: Перидора из Сьюла, капитана Миландерцев и его племянника Стипмара; Фендора из Шальгрета и Эмерона Гальта, его младшего брата, только недавно исцелившегося от страшной раны, полученной им от Кориниуса на Крозеринг Сайде: братья вели отряд из пастухов, пасших овец и баранов на великих пустошах к северу от Свичуотера. Каждый пастух нес легкий щит и короткий коричневый меч, и мог в битве бежать рядом с лошадью, держась за стремя всадника, галопом летящего на врага. Бремери, в шлеме с золотым бараньими рогами и широким сюрко из розового бархата, вел жителей долин из Тиварандардейла и Онвардлесе.

Трентмар из Скоррадейла с рекрутами из северо-востока Демонландии: Биланда, Странда и Брейкингдейла. Астар из Реттри, гибкий и сухощавый, белокожий, с костистым лицом и храбрым взглядом, блестящими рыжими волосами и бородой, ехал на великолепном чалом жеребце во главе дух рот копьеносцев с огромными подбитыми железом щитами: люди из Дрепаби и юго-восточных долин, арендаторы и слуги Лорда Голдри Блазко. Потом жители западных островов, впереди которых на почетном месте ехал старый белобородый Квазз из Дални, благородно выглядевший в сияющих доспехах, но их настоящими предводителями был более молодые люди: Мельшер из Страфи, широкогрудый, с жестокими глазами и густыми вьющимися волосами, ехавший на стремительном вороном жеребце, его кольчуга сверкала золотом, богатый плащ из сливовой шелковой парчи вился вокруг его широких плеч; и ехавший на маленькой черной кобыле Тармрод, одетый в серебряную кольчугу и шлем с крыльями летучей мыши. Он держал Кенарви, арендуя его у Лорда Брандох Даха. Резкий и сильный был он, всегда готовый как стрела вонзиться в варваров. После них шли люди Вестмарка, и Арнунд из Би был их капитаном. И после них шли четыре сотни всадников, в этой великой армии

никому не уступавшие красотой и боевым строем, во главе которых ехал юный Камерер, огромный как гигант, прямой как стрела и одетый как король; свое огромное копьё он нес как флаг Владельца Крозеринга.

— Хорошенько посмотри на них, — сказала Мевриан, когда они шли мимо. — Наши собственные люди из Сайда, Громового Залива и Стропардона. Ты можешь обыскать весь мир и не найдешь похожих на них по быстроте, огню, воинскому искусству и умению подчиняться приказам. Но ты выглядишь печальным, милорд.

— Мадам, — ответил Гро, — уши человека, такого как я, который считает тщеславием всю мирскую суету, слышат не музыку, прославляющую эту силу и мощь, но другую, более печальную. Короли и правители, которые хвастаются могуществом, красотой, телесной силой или красивой одеждой, и которые какое-то время правят чуть ли не всем миром и открыто противостоят великим небесам, не являются ли они летними позолоченными мухами, которые сгниют вслед за смертью дня?

— Мой брат и все остальные не могут остаться с нами, — сказала дама. — Как только армия войдет в гавань, они сядут на корабли и уплывут в открытое море. Ты на самом деле решил ехать с ними?

— Да, я так решил, мадам, — ответил он. Она начала было спускаться на дорогу, ведущую в гавань, но Гро схватился за поводья и остановил ее. — Дорогая леди, — сказал он. — Все три последние ночи мне снился один и тот же сон, очень странный, и все его подробности предвещают тяжелые тревоги, страшную опасность, беспощадные беды и, увы, неизбежный итог. Поэтому думается мне что, если я уеду, ты в последний раз видишь мое лицо.

— Фи, милорд, — вскричала она, протягивая к нему руку, — ты слишком веришь в сны. Луна светила тебе в глаза, только и всего. Но, если нет, останься с нами и обмани судьбу.

Гро поцеловал ее руку и задержал в своей. — Миледи Мевриан, — сказал он. — Судьбу не обманешь, каким бы умелым шулером ты не был. Не думаю, что есть много людей, которые боятся благородного лица смерти меньше чем я. И я отправлюсь в это путешествие. Есть только одно, что может заставить меня повернуть назад.

— И что это? — спросила она, и внезапно он замолчал, и какое-то время только смотрел на ее руку в перчатке. — Человек хрипит и немеет, — наконец сказал он, — если волк на него посмотрит первым¹⁴. Посмотришь ли ты на

14 Распространенное средневековое заблуждение.

В данном случае цитата из восьмой главы Pseudodoxia Epidemica сэра Томаса Брауна, перевод французской поговорки: «Если человек хрипит, значит он увидел волка». Вот цитата из вышедшей в 1691 г. книги «Обсуждение Животных и Превосходство Человека» (перевод с французского Т.Джонсона), стр. 46: «Существует огромная ненависть между Волком и Человеком, которая выдается главным образом тем, что ежели Волк первым увидит Человека, то голос того исчезает и ему невозможно заговорить».

И в своей книге «Чудеса Мира» Альберт Великий (стр 40, изд, 1565) пишет: «Говорят, что если волк видит человека и человек не видит его, человек все равно боится и удивляется, и может только хрипеть. И поэтому, если человек выдержит взгляд Волка,

меня волком и заставишь замолчать, если я попытаюсь сказать тебе о своих чувствах? Однажды я уже сделал это; вполне достаточно, чтобы ты поняла. О Мевриан, ты помнишь Невердейл?

Он посмотрел на нее. Но Мевриан сидела с высоко поднятой головой, как ее божественная покровительница, ее нежные губы были холодны и твердо сжаты, а глаза глядели на порт и стоящие на якоре корабли. Она осторожно отняла свою руку у Гро, и тот не удерживал ее. Потом она легко тронула поводья. Гро сел на коня и последовал за ней. Они медленно спустились с холма и бок о бок поехали на юг, к гавани. Но прежде, чем их мог услышать кто-нибудь, стоявший на причале, Леди Мевриан заговорила и сказала: — Не считай меня забывчивой или неблагодарной, милорд. Только попроси, и все, что есть у меня, я обеими руками отдам тебе. Но не проси у меня того, что я не могу дать, или, даже если бы и дала, оказалось бы фальшивым золотом. А это плохо как для тебя, так и для меня, и я не пожелала бы такое врагу, и тем более другу.

Армия погрузилась на корабли и попрощалась с Волле и теми, кто оставался дома с ним. Корабли в полном порядке вышли из бухты, развернули шелковые паруса, и огромная армада поплыла на юг в открытое море. Всю дорогу ветер благоприятствовал им, они плыли быстро и без задержек, и уже на тридцатое утро после отплытия из гавани Сторожевого Мыса они увидели длинную серую линию утесов Верхней Чертландии, омываемую низким прибоем, выстроились в колонну по одному и пошли через проливы Меликафказа, ибо едва ли два корабля могли проплыть бок о бок по этому узкому пути. С каждой стороны пролива закрывали черные отвесные скалы, и морские птицы тысячами белоснежных пятнышек облепили каждый выступ этих утесов. Огромные стаи белых птиц поднялись в воздух, закружили над проплывавшими кораблями, и воздух наполнился их плачем. А справа и слева от них, как фонтаны молодых китов, в воздух постоянно вздымались колонны водяной пыли. Ибо величавые бакланы ловили рыбу в этих морских проливах. По три и по четыре они парили в воздухе, каждый следовал в линию за другим, на высоте многих мачт над кораблями; и время от времени кто-нибудь из них застывал, как будто в него попала стрела, и с полураскрытыми крыльями бросался вниз головой вперед, похожий на ослепительно белый дротик с широкой острой головкой; в нескольких футах над поверхностью моря он складывал крылья и, как большой камень, с шумом вонзался в воду. Через мгновение он появлялся на поверхности с добычей в клюве, в ореоле брызг, белый и эле-

то сие поможет ему собрать храбрость, избавиться от страха и победить его». Все эти книги были в огромной библиотеке Э.Р.Э.

Знаменитый английский алхимик и эссеист сэр Томас Браун (1605–1682) в своём трактате «Письмо другу», перечисляя тех, кто умер в день рождения, изумлялся тому, что первый день жизни столь часто совпадает с последним и что «хвост змеи возвращается к ней в пасть равно в то же время». Он также считал Уробороса символом единства всех вещей.

гантный, минуту плавал по волнам, отдыхая и размышляя, а потом, мощно ударив крыльями, опять взлетал в воздух, возобновляя свой полет.

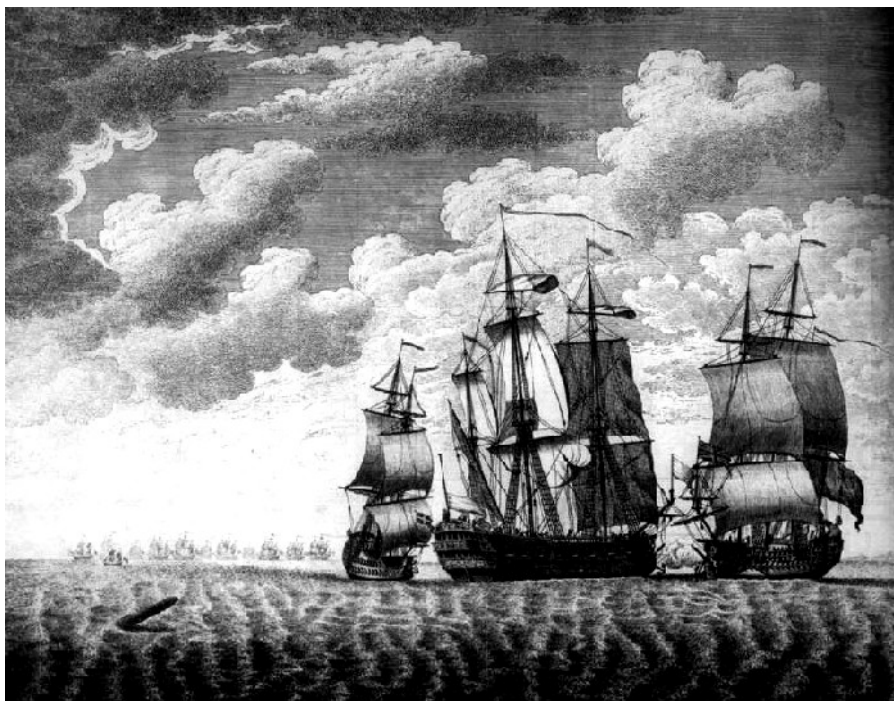
Через пару миль пролив стал шире, утесы ниже, и флот прошел мимо красных рифов Уаймназа и белых от морских чаек величавых атоллов Пашнемартрана, одиноко стоявших посреди Дидорнианского моря. Весь день постепенно слабевший ветер нес их корабли на юго-восток. Побережье Меликафказа уходило назад, скрываясь за туманом, и, наконец, исчезло из виду, и только расколотые очертания Пашнемартранских островов еще нарушало ровный морской горизонт. Потом и они погрузились в море, и в мертвой тишине флот поплыл на юго-восток. Солнце склонилось к западным волнам и, вспыхнув кроваво-красным огнем, ушло под воду. Сразу стало темно. Всю ночь они осторожно гребли под странными южными звездами, и при каждом ударе весла по поверхности моря, вода вспыхивала, как огонь. Потом на востоке появилась утренняя звезда, знаменующая приближение рассвета, более яркая, чем все ночные звезды, и от ее лучей по воде побежала узкая золотая дорожка. Потом рассвет, низкие восточные небеса наполнились флотом крошечных утлых суденышек, везущих блестящие золотые искры, и, наконец, зажегся величественный лик солнца. С восходом солнца поднялся легкий ветер, наполнивший паруса, и корабли пошли правым гласом; и прежде, чем день склонился к вечеру, морские утесы Муэльвы поднялись над водянистым туманом по левому борту. Они вытащили корабли на покрытый белыми ракушками берег за мысом, который прикрывал их с востока и севера. Здесь барьер из утесов немного отошел от берега моря, освободив место для маленькой зеленой долины, у подножия утесов росли деревья, среди которых бежал маленький ручеек.

Эту ночь они спали на борту, а на следующий день разбили лагерь и разгрузили корабли, нагруженные лошадьми и оружием. Но Лорд Джусс не собирался задерживаться ни на час в заливе Муэльва, и, отдав приказы Газларку и Ла Фиризу, которые должны были ждать здесь его возвращения, запаса провизией для себя и тех, кто должен был сопровождать его в за мрачные скалы в призрачную пустыню Моруна. И прежде, чем настал полдень, все было подготовлено, лорды простились друг с другом, и Джусс, Спитфайр и Брандох Даха отправились вдоль берега на юг к тому месту, где можно было взобраться на скалы. С ними пошел Лорд Гро, по собственному желанию, а также потому, что он уже давно знал Моруну и все ее особенности; и еще с ними пошли Зигт и Астар, женатые на сестрах, которые несли драгоценную ношу, яйцо, они горячо просили Лорда Джусса, чтобы доверил он им эту великую честь. Через час, не без трудностей, они поднялись на барьер и на минутку остановились на краю утеса.

Кожа на руках Гро кровоточила от острых камней. Он аккуратно натянул мягкие перчатки из шерсти ламы, и слегка вздрогнул, ибо донеслось до него дыхание пустыни, мучительное и морозное, и показалось ему, что в южном воздухе висит какая-то тень, а ведь внизу, откуда они пришли, стояла ясная мягкая погода. Хотя и содрогнулось его тщедушное тело, но, пока он сто-

ял на краю утеса, душе его представились высокие и благородные картины. Лишенный облаков свод небес; неизмеримая радость моря; спокойная бухта внизу, драккары и огромная армия, разбившая лагерь рядом с ними; пустота проклятого южного мира, где каждый камень казался похожим на череп мертвого человека и каждый пучок травы казался изломанным на дыбе; лорды Демонландии, стоявшие рядом с ним с таким видом, как будто ничто на свете не могло поколебать их решимость повернуться спиной к земле живых и войти во владения мертвых; и все это представилось Гро одной великой мелодией, которая сдавила ему горло и вызвала слезы на его глазах.

Вот так, через два года после первого путешествия в Чертландию, Лорд Джусс во второй раз вошел в Моруну, чтобы спасти своего дорогого брата Голдри Блазко.

XXVIII. ЗОРА РАХ НАМ ПСАРРИОН

КАК ЛОРД ДЖУСС СКАКАЛ НА ГИППОГРИФЕ К ЗОРЕ РАХ, И О ТЕХ ЗЛЫХ СОЗДАНИЯХ, КОТОРЫЕ ПОВСТРЕЧАЛИСЬ ЕМУ В ЭТОМ ПРОКЛЯТОМ МЕСТЕ, И О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ УДАЛОСЬ ЕМУ ВЫПОЛНИТЬ СВОЮ ВЕЛИКУЮ ЗАДАЧУ И ОСВОБОДИТЬ СВОЕГО БРАТА ИЗ ЦЕПЕЙ

УБАЮКАННОЕ легким ветерком, настолько нежным и ласковым, что даже Урябь не бежала по зеркальной поверхности воды, и теплым воздухом, наполненным запахом бессмертных цветов, спало под луной зачарованное озеро Равари. Был последний час перед рассветом. Волшебные лодки, сделанные, казалось, из сияния светлячков, медленно плыли по звездой груди озера. Над растущими на склонах лесами поднимались освещенные лунным светом горы, неизмеримые, огромные и загадочные. На далеких ночных вершинах сверкали шпильи Коштра Пиврарха и девственные снега Ромшира и Коштра Белорн. Ни птица ни зверь не нарушали спокойствия: только соловей пел звездам из рощи оливковых деревьев около павильона королевы на восточном берегу. И пел он не ту мелодию, которые обычно поют птицы средиземья, но каждая нота черпала волшебство от духов воздуха или из вечных чувств богов, разговаривающих со святой ночью и наполняющих ее совершенством, и для глаз которых все ее светильники и голоса — абсолютная красота.

Распахнулись шелковые занавески двери павильона, давая дорогу Королеве, питомице высоких Богов. Она помедлила на пороге и посмотрела на лордов Демонландии. Спитфайр и Брандох Даха вместе с Гро, Зиггом и Астаром, завернувшись в плащи, лежали на широких, покрытых росой скамьях, полого спускавшихся к краю озера.

— Спят, — прошептала она. — Хотя он проснулся перед рассветом. Я должна была понять, что только по-настоящему великие люди могут так крепко спать перед великими событиями.

Как лилия или лунный луч, блуждающий под лиственной крышей тихого леса, стояла она, с лицом, поднятым к звездной ночи, воздух которой пропитался серебряным сиянием луны. И тихим голосом начала она молиться бессмертным Богам, называя по очереди их священные имена: сероглазой Палладе, и Аполлону, и Артемиде, легконогой Охотнице, и Афродите, и Гере, королеве Небес, и Аресу, и Гермесу, и черновласому Колебателю Земли. Не побоялась она обратиться с мольбой и к тем, кто из занавешенного портика за Ахероном и Летейским озером диктует свою волю дьяволам подземного мира, и даже к Великому Отцу Всего, для которого время от рождения вселенной до сегодняшнего дня всего лишь жезл, погруженный в безграничный океан вечности. Она молилась всем этим благим богам, самым серьезным образом требуя от них помощи в путешествии, которого еще не знала эта земля: путешествии на гиппогрифе, и не безрассудного дурака, который только убил сам себя, а человека равного богам, с ясной целью и несокрушимым мужеством, который должен заставить воздушного коня перенести себя туда, куда зовет его сердце.

На востоке, за изящными вершинами холмов и огромной снежной стеной Ромшира, открылись ворота дня. Спящие пробудились и встали. За павильоном раздался громкий шум. Они повернулись и с расширившимися от удивления глазами увидели, как мимо двери прошло только что вылупившееся на свет существо, бледное и колеблющееся, как новый свет, мерцающий в воздухе. За ним шел Джусс, его рука лежала на сапфировой гриве. Решительным и возвышенным был его взгляд, и сердечно приветствовал он Королеву, брата и друзей. Никто из них не сказал ни слова, но только крепче обнял его. Час настал. Ибо как только день ступил на восточные снежные поля, изгоняя ночь с высоких небес, быстро стали увеличиваться сияние и физическая мощь дикого жеребца, и родилось в нем желание летать. Он засиял так, как если бы внутри него зажегся светильник, понюхал сладкий утренний воздух и заржал, ударяя копытом по траве, росшей на берегу, и срывая ее золотыми когтями. Джусс потрепал выгнутую шею чудесного существа, вставил ему в рот заранее приготовленные удила, застегнул доспехи и ослабил завязки огромного меча. И в этот момент взошло солнце.

— Помни, — сказала Королева. — Только когда ты увидишь лорда своего брата в его собственном облике, это не будет иллюзией. Но все остальное — обман. И пускай всемогущие Боги сохранят и поддержат тебя.

И в это мгновение гиппогриф, обезумевший от лучей дня, рванулся как дикая лошадь, распустил свои радужные перья, встал на дыбы и взмахнул крыльями. Но Лорд Джусс прыгнул на него, и, как медным хомутом, крепко сжал коленями его ребра. И тут же твердая земля унеслась назад, озеро, берег и острова стали далекими и маленькими, а фигуры Королевы и его друзей — игрушечными, потом превратились в точки, а потом вообще исчезли, и просторная тишина верхнего воздуха приняла их в свои одинокие объятия. В окружившей их тишине земля и небо кружились как вино в трясущемся бокале, ибо дикий жеребец ввинчивался в воздух, поднимаясь все выше и выше. Колыхающиеся белые облака закрыли небо под ними; и чем ближе подлетали они к ослепительно-белому небу, тем ярче становилась оно, пока, наконец, они не коснулись белого полотна, сияние мгновенно растаяло, превратилось в серый туман, который постепенно становился темнее и холоднее, пока, внезапно, они не вынырнули с другой стороны облака и опять окунулись в синеву и ослепляющее золотое сияние. Так и летели они какое-то время, только вверх, пока, наконец, не подчинил Лорд Джусс гиппогрифа. Заставил он дикого жеребца прекратить бездумную гонку и полететь на запад, быстро и прямо, над Равари, вдогонку за уходящей ночью. И вот настигли они ночь и как будто оказались в ее западных пещерах. Сгустился над ними воздух и потемнел, темнота окружила их со всех сторон, спрятала высокие вершины, стоявшие кольцом вокруг Равари, спрятала и зеленую страну Зиммиамвию, с ее долинами, вьющимися реками, холмами, высокогорьем и очарованными лесами; все пропало и затерялось в злых сумерках. Верхнее небо оказалось заполнено чудесами: целые армии людей сражались в воздухе, драконы, дикие твари, кровавые северные сияния, обжигающие кометы, огненные полосы, и еще ве-

ликое множество других призраков. Но холодно и тихо было в небе, и заледенели руки и ноги Джусса, а его борода покрылась инеем.

И вот под ними, до того невидимая, затемнела мрачная вершина Зора Рах, черная, холодная и огромная, поднимающаяся выше любой другой, над которыми они уже пролетели, одиноко стоящая на ледяных пустошах Ледника Псаррион. Джусс с удивлением глядел на нее, пока его глаза не застигли слезы, вызванные порывистым ветром; но еще слишком далек был гигантский пик, и не сумел он увидеть то, что так жаждал: ни медной цитадели, ни пламенной короны, ни людей, с мольбой глядевших в небеса. Зора, как темная королева Ада, презиращая дерзкие глаза смертных, отважившихся взглянуть на ее ужасную красоту, окутала свое чело грозovým облаком. Они подлетали все ближе, и синевато-стальная завеса громоносного пара развевалась над ними, пока не закрыла все небо. Джусс спрятал обе замерзшие руки в перьях гиппогрифа, туда, где крылья соединялись с телом, и почувствовал, как они согреваются. Вокруг стоял настолько жестокий холод, что мерзли даже его глазные яблоки, но эта боль казалась ничем, по сравнению с чем-то неведомым, что пропитало воздух вокруг него: смертельный ужас голый пустоты, бездомной и одинокой, вот кто схватил его за сердце.

Они приземлились на скале из черного обсидиана, находившейся слегка ниже облака, которое покрывало самые высокие утесы. Гиппогриф, спрятавшийся на крутом склоне, повернул голову и посмотрел на Джусса, который почувствовал, как тело под ним задрожало. Гиппогриф закинул уши назад, его глаза расширились от ужаса. — Бедное дитя, — сказал Джусс. — Я заставил тебя совершить очень неприятное путешествие, а ведь ты вылупился из яйца только час назад.

Он спрыгнул на камень, и в то же мгновение остался один. Ибо гиппогриф с диким ржанием взмахнул крыльями и исчез в мрачном воздухе, бросившись на восток, к миру жизни и солнечного света.

И Лорд Джусс остался один в этой области страха, холода и ледящей душу мглы, под черными вершинами Зоры Рах.

Устремив, как и советовала ему Королева, все свое сердце и мысли на ужасную цель, повернулся он к ледяному утесу, и стал подниматься вверх, и покрыло его холодное облако, но все таки не такое густое, так что мог он видеть на десять шагов вокруг себя. И страшные картины видел он на своем пути, которые поколебали бы решимость любого, самого сильного человека: фигуры адских бесов и каменных горгон вставали у него на пути, угрожая ему смертью и гибелью. Но Джусс, сжав зубы, карабкался сквозь них, ибо были они нематериальны. И тут поднялся жуткий крик: «Что это за человек из средиземья, который нарушает наше спокойствие? Покончить с ним! Позовите василисков. Позовите Золотого Василиска, который изрыгает огонь на все, что видит. Позовите Звездного Василиска, которому стоит только взглянуть на живое существо, как оно уменьшается и камнеет. Позовите Кровавого Василиска, которому стоит только коснуться человека, как тот тает и от него остаются только кости».

Голос замораживал мозг, и Джусс сказал себе: «Все это иллюзия, призраки, как они и сказала мне». И, действительно, не произошло ничего, только молчание и холод, и каменный склон становился все круче и круче, ледники на нем все более опасными, и стало ему так же тяжело, как на Барьере Эмшир, на который он вместе с Брандох Даха поднимался два года назад: тогда он повстречал и убил мантикору. Медленно тянулось время, и на гору опустилась ночь, жестокая, черная и молчаливая. И почувствовал Джусс, что устало его тело, устала душа и близок он к смерти, и тут повстречалась ему усталая снегом расселина, перерезавшая лицо горы, и решил он отдохнуть в ней до наступления дня. Но не должен он был спать в морозной ночи, ибо едва осмелился он лечь, как холод едва не убил его, но продолжал стоять и ходить, и постоянно растирать ноги и руки. И все-таки, когда ночь медленно уползла, сама смерть показалась ему желанным концом небывалой усталости.

Пришло утро, холодный туман из черного стал серым, и открылись покрытые снегом вершины, молчаливые, опасные и мертвые. И Джусс, заставлявший свои наполовину замерзшие ноги двигаться, увидел пугающее глаза зрелище: юноша, в шлеме и доспехах из черного железа, чернокожий, с выпученными глазами и оскаленными белыми зубами, держал за шею прекрасную юную даму, стоявшую на коленях, и с мольбой обвинившей вокруг него руки; юноша размахивал шестифутовым окровавленным копьём, как если бы собирался похитить ее жизнь. Леди, увидев Лорда Джусса, жалостно назвала его по имени и позвала на помощь, сказав: — О Лорд Джусс Демонландский, помоги мне, перестань сражаться с силами тьмы, остановись на мгновение и спаси меня, бедную страдающую девушку, от этого жестокого тирана. Не можешь ли ты, чья выдающаяся отвага завоевала царства, расправиться с ним? Тогда бы я посчитала тебя действительно благородным человеком и благословляла бы вечно.

И конечно дрогнуло сердце Лорда Джусса, и схватился он за меч, чтобы восстановить справедливость. Но вспомнил он об уловках злых сил, живущих в этом месте, и о своем брате, тяжело вздохнул и прошел мимо. И краем глаза увидел он, как в то же мгновение жестокий убийца ударил копьём изящную даму, и разрезал ей вены на шее, и упала она на снег, обливаясь кровью. Большими шагами пошел Джусс к выходу из рытвины, и, обернувшись на ходу, увидел, как чернокожий и дама изменились, и стали двумя извивающимися змеями. И хотя тяжело ему пришлось, и был он потрясен до глубины души, но все равно обрадовался, что сумел не поддаться злой силе, искушавшей его.

Туман опять потемнел, и еще более тяжелым стал нависший над горой ужас, который казался элементарно воздуха этого места. Джусс, почти полностью лишившийся сил, остановился на небольшом снежном пятне и увидел человека в доспехах, который лежал ничком, загораживая ему дорогу, и ногтями рвал твердый камень и замерзший снег, и весь снег под ним был усеян пятнами запекшейся крови, и задыхающимся голосом человек стал умолять Джусса поднять его и спустить с горы. И когда Джусс, на мгновение заколе-

бавшийся, решительно прошел мимо, человек крикнул и сказал: — Постой, я же твой брат, которого ты ищешь, хотя Король и придал мне другой облик, надеясь обмануть тебя. Ради твоей любви, не обманись! — И на мгновение голос его стал похож на голос Голдри, хотя и очень усталый. И опять Лорд Джусс вспомнил слова Королевы Софонисбы: «Только когда ты увидишь лорда своего брата в его собственном облике, это не будет иллюзией», и решил, что и этот человек — иллюзия. И сказал он вслух: — Если ты действительно мой дорогой брат, прими его облик. — Но закричал человек голосом Голдри Блазко: — Я не могу, пока ты не снесешь меня с горы. Немедленно неси меня вниз, иначе мое проклятие будет вечно преследовать тебя.

И опять Лорд Джусс заколебался, раздираемый жалостью, сомнениями и удивлением, ибо услышал он голос своего дорогого брата, умоляющий его о спасении. И, тем не менее, ответил он и сказал: — Брат, если это действительно ты, подожди меня здесь, пока я не войду в медную цитадель на верхушке горы, которую я видел во сне, и не убежусь, что это действительно ты. Тогда я вернусь и спасу тебя. Но пока я не увижу тебя в твоём собственном облике, я не буду доверять тебе. Ибо ради тебя пришел я сюда с края земли, и не стану ставить все свое состояние на сомнительный бросок, потратив так много сил и пройдя через столько опасностей.

С тяжелым сердцем он опять положил руку на черные камни, скользкие и покрытые льдом. И раздался сзади громкий жалобный крик: — Радуйся, землерожденный, ибо ты безумен. Радуйся, неверный друг, который бросил своего брата в минуту нужды. — Но Джусс уже карабкался вверх, и, обернувшись, увидел, как на месте человека извивается кошмарная змея. И опять он обрадовался, насколько можно было обрадоваться на этой горе, юдоли бедствий и отчаяния.

И когда его силы почти закончились, а день опять приблизился к ночи, он поднялся на последние утесы под верхушкой Зоры. И он, которые все эти дни пил глубокими глотками, как из фонтана, радость жизни, славу и чудо бытия, почувствовал, как в его душу проник мрак и страх смерти, и его опять охватил еще более сильный ужас, чем вчера, когда он впервые увидел Зору, пролетая через наполненное чудесами небо; и в его сердце вошла боль.

И подошел он к огненному кольцу, окружавшему верхушку горы. Умерли в нем страх и желание жить, и он вступил в огонь, как на свой собственный порог. Но синие языки пламени умерли под его ногами и открылся путь, в конце которого стояли широко распахнутые медные ворота. Вошел он в них, поднялся по медной лестнице и оказался на высокой плоской крыше, которую видел во сне, и, как во сне, он взглянул на того, ради которого пересек границы жизни и смерти: на Лорда Голдри Блазко, несшего одинокую стражу на грешных высотах Зоры.

Ни на йоту не изменился Голдри Блазко с той ночи в Коштра Белорн, два года назад, когда Джусс в первый раз увидел его. Сидел он каменной скамье, опираясь локтем о медную ручку, голова поднята, глаза смотрят вдаль, в глубину небес за блеском звезд, как тот, кто ждет конца времени.

Приветствовал его Джусс, но не повернул головы Голдри Блазко. Подошел Джусс к нему и встал прямо перед ним, но и тогда даже веко не пошевелилось у сидящего человека. Опять заговорил Джусс и коснулся его руки. И была та рука сырая и застывшая, как сама земля. Холод пробежал по телу Джусса и разбил ему сердце. «Он мертв», самому себе сказал Джусс.

И безумный ужас опустился на душу Джусса, и боязливо огляделся он вокруг. Облако поднялось с вершины горы и белым покрывалом накрыло ее наготу. Холодный воздух казался дыханием могилы, в которую превратился весь окружающий мир: обширный облачный барьер, далекие туманные силуэты из снега и льда, молчаливые, одинокие, бледные, как горы мертвых; как если открылось дно мира и обнаженная правда вышла наружу: изначальная Пустота.

Чтобы изгнать ужас из своей души, Джусс начал вспоминать жизнь на дорогой земле и то, что он больше всего желал в жизни, а также мужчин и женщин, которых он любил больше всего; битвы и триумфы его первой молодости; праздники в Гелинге; золотые летние полдни под соснами Вестмарка; охоту на высокогорных пустошах Миланда; день, когда он впервые сел на спину лошади: весеннее утро на поляне, заросшей примулами, с которой открывался вид на Лунную Заводь; тогда его маленькие загорелые ножки были размером в нынешнее предплечье, отец поднял его вверх и показал гнездо, которое белка устроила себе на старом дубе.

Опустил голову Джусс, как если бы уклонялся от удара, ибо показалось ему, что кто-то кричит ему в ухо, громким и отчетливым голосом: «Ты никто. И все твои желания, воспоминания, любовь и мечты, ничто, пустота. Даже земляная вошь, маленькая и мертвая, более полезна, чем ты, ибо она больше, чем ничто, а ты — ничто. Ибо все ничто — небо, земля и море, и все те, кто живет в них. И пусть не утешает тебя мысль что, хотя сам ты и погибнешь, жизнь на земле продолжится, вернутся звезды и месяцы, люди будут стареть и умирать, появятся новые мужчины и женщины, и будут жить, любить и забывать. Ибо что это будет значить для тебя, который сам будет как задутое пламя? Все то, что есть на небе и на земле, все что прошло и все что будет, жизнь и смерть, пространство и время, бытие и небытие, все это ничто для тебя, ибо ты сам будешь ничем, навсегда».

И в смертельно муке Лорд Джусс закричал, громко и пронзительно: — Пошлите меня в Тартар и отдайте меня черным адским Фуриям, пускай они ослепят меня и сварят в кипящем озере. Ибо даже там еще есть надежда. Но здесь только ужас Пустоты, и нет ни надежды, ни жизни, ни смерти, ни сна, ни пробуждения, ничего. Только вечность и пустота.

И какое-то время он оставался на месте, охваченный черным ужасом, пока звук плача и рыданий не заставил его поднять голову, и он увидел процессию плакальщиц, одетых в траурные плащи и идущих одна за другой по медному полу. И все они громко плакали и пели, превознося славные дела Голдри Блазко и восхваляя его красоту, и доблесть, и доброту, и силу: нежные женские голоса звучали настолько жалобно, что душа Лорда Джусса вновь

поднялась из безводной пустыни, сердце смягчилось, а в глазах появились слезы. Он почувствовал, как что-то коснулось его руки, и увидел, как из-под тьмы капюшона одной из плакальщиц на него смотрят два залитых слезами глаза, нежных, как будто голубиных; и женский голос заговорил и сказал: — Сегодня день поминания Лорда Голдри Блазко, который умер ровно год назад, и, как ты видишь, мы, его товарищи по заключению, оплакиваем его и будем оплакивать год за годом, пока живы. А тебя, великий лорд, мы будем оплакивать с еще большей жалостью, ибо за все твои великие труды получил ты в награду пустоту. Но пойдем с нами, и на какое-то время ты утетишься, ибо даже власть Судьбы имеет предел, и нет короля на дороге смерти.

И Лорд Джусс, с печалью и отчаянием в сердце, позволил взять себя за руку и свести вниз по винтовой лестнице, которая привела их во внутреннюю комнату медного замка, прекрасную и наполненную приятными запахами, и освещенную дюжинами ламп. И немедленно жизнь и ее заботы, казалось, растаяли вдаль, сделались бесполезным шорохом, а ужас пустоты — игрой воображения. Все чувства замерли, и он повернулся к той, кто привела его сюда. Внезапно она отбросила траурный плащ, и гордо встала перед ним, показав все свое прекрасное тело и обнаженные руки; зрелище, которое наполнило его душу любовью и наслаждением.

И эта ослепительная красота едва не наполнила целиком все его сердце. Но в это мгновение удача, или высшие Боги, или душевная сила пробудила в его околдованном сознании воспоминание о стоящей перед ним цели, и, резко отвернувшись от наживки, приготовленной для его гибели, и бросился обратно на крышу, где сидел его дорогой брат, мертвый. Схватил его за руку Лорд Джусс и начал исступленно молить: — Скажи мне хоть слово, о родич. Это я, Джусс, твой брат.

Но не пошевелился Голдри и не ответил на его слова.

И взял Джусс в руку ладонь Голдри, во всем похожую на его собственную, вплоть до пальцев, формы ногтей и волосков на обратной стороне ладони. Потом отпустил, и безвольно упала рука на ручку скамьи. — Нет никаких сомнений, — сказал он вслух, — что тебя каким-то образом заморозили, и все твои чувства и мысли замерзли вместе с тобой.

Сказав так, наклонился он и заглянул прямо в глаза Голдри, коснулся его рук и плечей. Но не пошевелился Голдри Блазко, не дрогнули его веки. Тогда в ярости схватил Джусс Голдри за руки, поднял его со скамьи, громко назвал его по имени и начал грубо трясти, крича изо всех сил: — Говори со мной, брат, ведь я пересек весь мир в поисках тебя. — Но мертвым грузом оставался Голдри в объятиях Джусса.

— Если ты мертв, — сказал Джусс, — я умру вместе с тобой. Но до тех пор я никогда не поверю, что ты умер. — И сел он на скамью рядом с братом, и взял его руку в свою, и стал не отрываясь смотреть на него. Ничего, только тишина. Настала ночь, спокойный свет луны и мигающий звезд смешался с бледными огнями, ограждавшими вершину горы. Ад больше не высылал в воздух своих обитателей, и с того мгновения во внутренней комнате, когда

Джусс освободился от последних иллюзий, он не видел больше подобий людей или дьяволов, вообще никого живого, кроме своего брата Голдри Блазко; и больше никакой ужас не мог подчинить себе его великое сердце, но даже память о нем была как жестокий холод зимнего моря, поглощающего дыхание пловца в то мгновение, когда он впервые ныряет в ледяные волны. Так, спокойно и твердо, оставался там Лорд Джусс, и провел без сна вторую ночь, ибо не осмелился он заснуть в этом проклятом месте. И хотя его брат не говорил, не видел и не слышал, но настолько велика была радость, охватившая сердце Джусса, что в это мгновение понял он, насколько устал. И подкрепился он амброзией, данной ему Королевой, ибо знал, что много сил потребуется ему для того, что доставить Голдри к берегам волшебного озера.

Пришел день, и взвалил Джусс тело брата себе на плечи, и пошел с ним вперед. Прошел он ворота медной крепости, и огненный барьер, и начал медленно и тяжело спускаться по длинному северному кряжу над Ледником Псаррион. Весь день, и всю следующую ночь, и еще один день провел Джусс на горе, и полумертвым от усталости за два часа до заката достиг он морены. Но радостно было у него на сердце, ибо совершил он великий подвиг. Эту ночь провели они в роще земляничных деревьев под крутым склоном горы в десяти футах от западного берега Равари, и вечером следующего дня повстречались со Спитфайром и Брандох Даха, которые два дня и две ночи ждали их с лодкой в заранее назначенном месте.

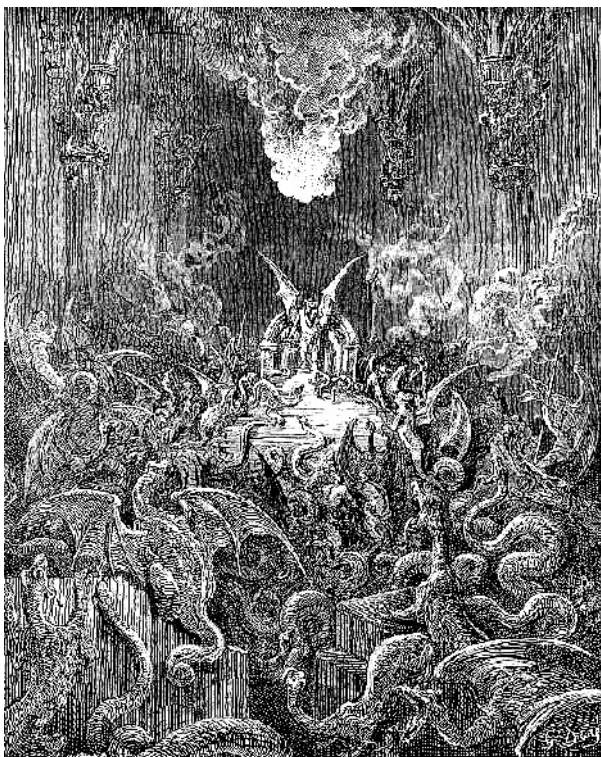
И как только Джусс спустился с горы, начал Голдри Блазко постепенно оттаивать, и скоро уже мог стоять на ногах и идти; но не мог сказать ни одного слова и не получили они от него ни одного взгляда, как если бы смотрел он сквозь своих товарищей куда-то далеко в одному ему виденный туман. И каждый из них втайне волновался, опасаясь, что не сумеют они вылечить Голдри Блазко, и получится так, что освободили они из тюрьмы не его, а то, что от него осталось.

Прошли они через озеро и привели его к Королеве Софонисбе, которая встретила их на прекрасной лужайке перед павильоном. Королева, как если бы заранее знала и болезнь и лекарство, взяла Лорда Джусса за руку и сказала: — О милорд, чтобы вернуть его, ты посмотрел с лицо неприкрытому ужасу, находящемуся за пределами человеческого разума, и теперь тебе осталось сделать всего одно последнее усилие и ты освободишь его окончательно: маленький камешек, который венчает построенное тобой огромное здание, и, тем не менее, без него все будет впустую, но и сам он бесполезен без того, что ты уже сделал; этот камешек мой и с чистым сердцем я отдаю его тебе.

Сказав так, она заставила Лорда Джусса наклониться к ней и поцеловала его прямо в губы, быстрым, но сладким поцелуем. И сказала: — Теперь отдай его лорду твоему брату. — Так и сделал Джусс, поцеловав своего дорогого брата в губы, и Королева сказала: — Берите его, дорогие милорды. А я навсегда изгоняю из его сердца все воспоминания об этих мрачных событиях. Берите его, и благодарите за него великих Богов.

И после этих слов Лорд Голдри Блазко взглянул на них, и на прекрасную Королеву, и на горы, и на леса, и на великолепное холодное озеро, как человек который проснулся после долгого сна.

И в тот день радость наполнила сердца их всех.

XXIX. ФЛОТ В МУЭЛЬВЕ

*КАК ЛОРДЫ ДЕМОНЛАНДИИ ВЕРНУЛИСЬ К СВОИМ КОРАБЛЯМ,
СТОЯЩИМ В МУЭЛЬВЕ, И О НОВОСТЯХ, КОТОРЫЕ ОНИ УЗНАЛИ ТАМ*

ДЕВЯТЬ дней лорды Демонландии оставались вместе с Королевой Софоснисбой в Коштра Белорн за озером Равари, и вкусили такие высокие и чистые удовольствия, которых нет нигде и ни у кого, даже у блаженных духов на счастливых полях Элизия. Когда они пришли прощаться, Королева сказала: — Моя маленькая ласточка принесет мне новости о вас. И когда вы принесете гибель злым силам Ведьмландии и вернетесь обратно на вашу дорогую родину, милорд Джусс, настанет время, о котором я часто говорила тебе и часто предвкушала в своих мечтах: я опять посетю землю и жилища людей, и буду вашим гостем в многогорной Демонландии.

Джусс поцеловал ей руку и сказал: — Выполни свое обещание, дорогая Королева, чтобы не случилось.

И Королева провела их тайным путем по высокогорным снежным полям между Коштра Белорн и Ромширом, откуда спустились они в долину с темной рекой, выбегавшей из-под ледника Темарм, и после многих опасных спусков и многодневного пути через Моруну вернулись они к кораблям, стоявших на берегу Муэльвы.

И после того, как все приветствовали друг друга и обрадовались друг другу, рассказали Газларк и Ла Фириз Лорду Джуссу: — Мы провели здесь слишком много времени. Мы вошли в бочонок, и нам закрыли крышку. — И привели они к нему Хеспера Хольцринга, который три дня назад плывал к Проливам за продовольствием и вернулся вчера, внезапно повстречавшись с несколькими кораблями Ведьмландии: он вступил с ними в сражение и потопил один, прежде чем они сбежали; и еще ему удалось взять несколько пленных. — Судя по тому, что они рассказали, — сказал Хеспер, — и по моим собственным наблюдениям, Лаксус, кажется, овладел Проливами. У него восемь по двадцать драккаров, и такие большие корабли еще никогда не бороздили моря средиземья, и он приплыл сюда чтобы уничтожить нас.

— Восемь по двадцать? — удивился Лорд Брандох Даха. — У Ведьмландии не было не только половины, но и трети такой силы в то время, когда мы в последний раз сняли урожай в Аурватчской гавани. Это совершенно невероятно, Хеспер.

— Ваша величество обнаружит, что это правда, — ответил Хеспер, — к нашей печали и удивлению.

— Он, наверно, ограбил всех своих подданных и союзников, — сказал Спитфайр. — И будет совсем нетрудно отправить их за другими.

— А ты, милорд, что ты думаешь об этих новостях, — спросил Джусс у Лорда Гро.

— Я думаю, что тут нечему удивляться, — ответил Гро. — У Ведьмландцев хорошая память, и они еще не забыли морской бой у Картадзе. Король не собирается сидеть сложа руки или полагаться на волю случая. И тебе, милорд Спитфайр, ничем не поможет то, что он позаимствовал эти корабли у слабых бештрианцев или недалеких Фолиотов. И, конечно, милорды, он построил и новые корабли, специально чтобы уничтожить нас; и, насколько мне известно, нет тут никакого волшебства, хотя о таком числе кораблей и я раньше никогда не слышал. Но когда я отплывал вместе с Кориниусом в Демонландию, то видел, как на верфях Тенемоса начинали строить огромный флот.

— Я верю, — сказал Газларк, — что никто не знает это дело лучше тебя, ибо ты сам посоветовал его.

— О Газларк, — сказал Брандох Даха, — неужели ты все еще хочешь иг-

рать в «поймай вишенку», хотя время цветения вишни давно прошло¹⁵? Оставь его в покое. Сейчас он наш друг.

— Восемь по двадцать кораблей в Заливах, — сказал Джусс. — А у нас около сотни. Достаточно большое неравенство в силах, и не в нашу пользу. И нам придется встретиться с ними, иначе не попасть ни домой, ни в Карсё. Из этого моря нет другого морского пути, как через Проливы Меликафказа.

— Именно так и думает Лаксус, — заметил Брандох Даха, — и ждет нас.

На это Джусс ничего не ответил, но молчал, поглаживая подбородок.

— Я бы напал на него, — сказал Голдри Блазко, — не обращая внимания на его преимущество.

— Великий позор тебе, Джусс, — сказал Брандох Даха, — если тебя это смущает. Их больше, чем нас, ну и что? Мы бесконечно выше их в духом, силой и помыслами.

Но Джусс, по-прежнему задумчивый, протянул руку, схватил его за руку, и, подержав несколько мгновений, сказал: — Ты самый большой спорщик из всех моих друзей, и, будь я немного позлее, давно бы тебя убил. Стоит мне задуматься на три минуты, как ты начинаешь обзывать меня тряпкой.

Все рассмеялись, и Лорд Джусс встал и сказал: — Созывайте военный совет, и пускай там будет Хеспер, и те, кто был на его корабле вместе с ним. И грузите корабли, ибо мы отплываем завтра. В конце концов если нам не понравится этот лук, всегда можно будет его выплюнуть. Но выбора у нас нет. Если же Лаксус откажется пропустить нас через Заливы Меликафказа, то, я думаю, будет такой грохот, что Король услышит его и поймет, что мы уже стучимся в ворота Карсё.

15 Игра «поймай вишенку»: вишенка висит на нитке и нужно схватить ее зубами. Но здесь имеется в виду средневековая поговорка, сейчас не используемая, смысл: что было, то прошло.

XXX. ВЕСТИ ИЗ МЕЛИКАФКАЗА

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГОРИС, ПРЕБЫВАВШИЙ В КАРСЁ, ПОЛУЧИЛ НОВОСТИ С ЮГА,
И О ТОМ, КАК ЛОРД ЛАКСУС СО СВОЕЙ АРМАДОЙ РАСПОЛОЖИЛСЯ В ПРОЛИВАХ
МЕЛИКАФКАЗА, ЗАПЕРЕВ ДЕМОНОВ ВО ВНУТРЕННЕМ МОРЕ

РОГДА позднее лето уже начало склоняться к осени и через восемь недель после того, как Демоны выплыли из Муэльвы, как то было описано ранее, Леди Презмира сидела перед зеркалом в своей роскошной спальне. Снаружи стояла ночь, мягкая и полная звезд. Желтое пламя свечей, ровно горевших по каждую сторону зеркала, освещало ее распущенные длинные волосы, блестящие под теплым светом, лившимся с обеих сторон. В этом нежном сиянии плавали и кружились искры золотого огня, пропадая на границах темноты; тяжелая мебель, гобелены и узорчатые покрывала кровати казались только туманными сгустками тьмы. Волосы Презмиры, небрежно схваченные заколками, золотистой светящейся массой падали с ее головы на плечи и дальше, на изумрудные пряжки ее нижнего платя. Разглядывая свое прекрасное лицо в светящемся зеркале, она говорила о пустяках со своей камеристкой, которая, усердно работая гребнем, стояла позади ее золотого стула, инкрустированного пластинами из черепахового панциря.

— Няня, дай мне вон ту книгу, я хочу перечитать слова серенады, которую написал для меня Лорд Гро той ночью, когда мы в первый раз получили из Чертландии вести от лорда моего супруга, и узнали, что он завоевал эту страну. Потом Король назначил его там королем.

Старуха подала ей книгу в сафьяновом позолоченном переплете, с золотыми застежками; футляр книги украшала мозаика из маленьких гемм, смарагдов и жемчугов. Презмира перевернула страницу и прочитала:

*О, скромная краса ночей,
Пленил числом Ваш хоровод,
А не сиянием лучей.
Что вы, небес простой народ,
Забрезжит солнца лишь восход?*

*Певуньи леса, обратив
К Природе мелодичность нот,
Признанья ждёте за мотив
Простой. Но что хвала тех од
Лишь Филомела запоёт?*

*Фиалки, первенцы полей,
Как девы, Вы полны причуд
В лиловой мантии своей,
Весной владея словно тут.
Что вы, лишь розы зацветут?*

*Когда же госпожа моя
Красой ума всех озарит,
Чиста, супруга короля,
Она сама свой дивный вид
Сиять заставит иль затмит?*

Какое-то время она молчала. Потом, медленным нежным голосом, в котором, казалось, дремали все музыкальные аккорды, сказала: — На следующие святки будет ровно три года с того дня, когда я впервые услышала эту песню. И все-таки я до сих пор не привыкла к титулу «Королева».

— Жаль, что здесь нет милорда Гро, — сказала няня.

— Почему?

— О королева, когда он был здесь, на вашем лице часто гостила радость, вас очаровывала его меланхолия и вы фыркали, слыша его фантастические смешные пророчества.

— Чаше всего он не сомневался в своих предсказаниях, — заметила Презмира, — хотя я всегда скреживала пальцы, услышав их. Но я никогда не видела, чтобы грозовые облака вели себя как тиран, ибо они сжигают тех, кто бесстрашно бросает им вызов, и проходят мимо тех, кто от них прячется.

— Он был самым верным слугой вашей красоты, — заметила старуха. — И, тем не менее, — торопливо добавила она, видя, что ее госпожа испытующе смотрит на нее, — эта потеря, которую легко возместить.

Какое-то время она молча расчесывала волосы. Но потом не выдержала и сказала: — О, королева, владычица мужских сердец, нет такого лорда в Ведьмландии, и вообще на земле, кто бы не стал вашим верным слугой за один локон ваших золотых волос. Самые красивые и мужественные упадут к вашим ногам при одном взгляде на вас.

Леди Презмира сонно поглядела зелеными, цвета морской волны глазами на свое отображение в зеркале. Потом насмешливо улыбнулась и сказала: — И сколько же ты насчитала самых красивых и мужественных в цивилизованном мире?

Старуха тоже улыбнулась. — О королева, — ответила она, — как раз сегодня за ужином мы горячо поспорили на этот счет.

— Замечательный спор! — сказала Презмира. — Я тоже с радостью участвую. И кого ваши высокие цензоры признали самыми красивыми и галантными?

— Мнения разошлись, о королева. Но большинство кричало за милорда Гро.

— Увы, он слишком женственен, — сказала Презмира.

— Вторым был наш Лорд Король.

— Нет никого более великого, — сказала Презмира, — или более достойного поклонения. Но как муж... Уж лучше выйти замуж за бурю или неплодное море.

— Кое-кто выбрал милорда Адмирала.

— Вот это, — сказала Презмира, — уже ближе. Не глупый юнец или мармеладный придворный, но храбрый, высокий и галантный джентльмен. Но, увы, при его рождении на небе горела слишком водянистая планета. Он слишком похож на статую, а не на мужчину. Нет, няня, приведи мне кого-нибудь получше.

И сказала старая няня: — Откровенного говоря, о королева, вот тот, о ком я больше всего думала, когда делала свой выбор: король Демонландии!

— Фи на тебя! — крикнула Презмира. — Никогда не называй его, чтобы не ослабить эту страну перед нашими врагами.

— Говорят, что он проявил лисью изворотливость и магию, чтобы победить на Крозеринг Сайд. А еще люди говорят, что в тот день Демоны скакали против нас не на лошадях, а на дьяволах.

— Говорят! — крикнула Презмира. — А я говорю тебе: ему мало Гелинга, он хочет, дабы вся Ведьмландия склонила колена перед его блестящей короной. Перед настоящим королем невольно склоняешь и колени и сердце. Но этот... Если бы у него были колени и спереди и сзади, я бы с удовольствием отправила его домой хорошим пинком под зад.

— Фи, мадам, — сказала няня.

— Попридержи свой язычок, няня, — сказала Презмира. — Было бы неплохо высечь как следует глупых кобыл, которые не могут отличить лошадь от осла.

Старуха посмотрела на ее лицо в зеркале и сочла за лучшее замолчать. Презмира, как будто говоря сама с собой, тихо сказала: — Я знаю мужчину, который не потерпит неудачу. — Старая няня не любила Лорда Корунда за высокомерие, резкую речь и пьянство, и считала, что такой драгоценный камень, как ее госпожа, не подходит такому грубому пальцу; тем не менее она не поняла, кого Леди Презмира имела в виду.

Через какое-то время старуха опять заговорила и сказала: — Сегодня ночью вы полны мыслей, мадам.

Глаза Презмиры встретились с ее в зеркале: — Почему бы и нет, если это мне нравится? — сказала она.

Каменный взгляд этих глаза разбудил в сердце няни воспоминание двадцатилетней давности: маленькая упрямая девочка, которой трудно командовать, но которая всегда стремиться командовать сама, выглянула из лица нынешней королевы. Няня внезапно стала на колени и обняла руками талию госпожи. — Почему же ты тогда вышла замуж, мое дорогое сердечко, — сказала она, — если ты всегда делала то, что тебе нравится? Мужчины не любят печальных взглядов своих жен. Любовника вы можете водить на поводке, мадам, но, выходя замуж, вы сворачиваете на другую дорогу, его дорогу, мадам, и берегитесь, если вы не знаете этого.

Ее госпожа насмешливо взглянула на нее: — Сегодня ночью исполняется ровно семь лет со дня моего брака. Я давно выучила все это.

— Та самая ночь! — ахнула няня. — До полуночи только час, а он все еще сидит за столом.

Леди Презмира откинулась на спинку стула и посмотрела на красавицу в зеркале. И улыбка смягчила гордый рот. — Не думаешь ли ты учить меня женской мудрости? — сказала она, и на этот раз в ее голосе задрожали сладостные любовные нотки. — Я расскажу тебе историю, похожую на те, которыми давным-давно, в Норваспе, ты заманивала меня в кровать. Слышала ли ты о старом герцоге Хилманесе из Малтраёни? У него было много самых странных фантазий: например он любил появляться ночью во многих разных местах. Так вот, у него в услужении было существо, похожее на женщину, со старым лицом и маленьким телом, которое чистило у него сковородки, мыло горшки и вообще делало все то, что должна делать служанка, добровольно и не принося никакого вреда. В свое время при помощи своего искусства он узнал, что это существо будет его служанкой, и привез его не знаю откуда, и очень долго не мог не нарадоваться на него. Но герцог, будучи глупым и жадным человеком, как-то раз заставил своего фамилиара сделать так, что одновременно наступили все сезоны года с их замечательными плодами и удовольствиями, и у него появилось все, что только есть хорошего на земле. Шесть месяцев он наслаждался, и не осталось у него желаний, ибо мгновенно получал он все, что он только желал. В конце концов он повесился, ибо пресытился жизнью. Я никогда не рассказывала этот рассказ своему супругу, няня, и я не знаю, способна ли я давать ему каждый раз новое небо и новую землю, и не повторяться.

Она схватила руки старухи в свои и прижала их к груди, как если бы хотела, чтобы они, потрясенные бесконечной сладостью этого места, поняли, какие глупые страхи живут там. Внезапно Презмира сжала руки старухи в своих еще сильнее и потрясла ими. Потом наклонилась вперед и прошептала на ухо няне: — Я не хочу умирать. Мир без меня будет летом без роз. Карсе без меня будет ночью без света звезд.

И ее голос умер, как ночной ветерок в летнем саду. В наступившей тишине они услышали, как по реке идет корабль, гребцы с силой налегали на весла. Прозвучал вопрос часовых и ответ с корабля.

Презмира быстро встала и подошла к окну. Темный неясный силуэт корабля был уже в водяных воротах, вот он прошел через них. — Вести от флота, — сказала она. — Заканчивай с волосами.

Няня заработала быстрее, но прежде, чем она кончила, прибежал маленький паж, запыхавшийся от быстрого бега, и сказал: — Король ваш супруг велел мне поговорить с вами, мадам, и попросить спуститься к нему вниз, в большой зал. Я боюсь, что получены плохие новости.

— Ты боишься, дурья башка? — сказала королева. — Я прикажу тебя выпороть, если ты принес мне только свои страхи. Что ты знаешь? Что случилось?

— О королева, корабль очень потрепанный. Шкипер, он заперся с нашим Лордом Королем. И никто не осмелился заговорить с ним. Все боятся, что высокий адмирал...

— Боятся! — крикнула она, и закрутилась вокруг няни, быстро накинула на белые плечи пелерину из сендаля и серебра, надела ожерелье из фиолетовых аметистов и надушилась кедром, асафетидой и мирром. Выскочив в коридор, она спустилась вниз по спиральной мраморной лестнице, пролетела через прихожую и очутилась в приемном зале. Зал был полон встревоженными и удивленными придворными; все говорили, но никто ничего не знал точно, передавали слухи о большом морском сражении на юге и великой победе Лаксуса над Демонами: Джусс и лорды Демонландии мертвы или сбежали, много пленных, корабли привезут их с утренним приливом. И повсюду, в противовес этим победным новостям, ужасные слухи, передаваемые с оглядкой, шепотом, как будто гадюка прошипела из темного логова: все плохо, Лорд адмирал ранен, половина кораблей погибла, битва кончилась ничем, но Демоны вырвались из ловушки. Спокойным шагом дама вошла в главный зал; но и там лорды и капитаны Ведыландии беспокойно ждали новостей. Герцог Корсус, развалившийся на своей скамье, хрипло дышал, глядя в никуда остекленным взглядом маленьких пьяных глаз. Напротив него сидел Корунд, огромный и неподвижный, опираясь локтем на стол и положив подбородок на руку; он молча глядел в стену. Остальные собрались кучками и тихо переговаривались. Лорд Кориниус ходил взад и вперед перед скамьей, пальцы беспокойно барабанили по одежде, тяжелый подбородок он задрал вверх и глядел на всех презрительно и высокомерно. Презмира подошла к Хемингу, стоявшем в окружении нескольких Лордов, и коснулась его руки. — Мы ничего не знаем, мадам, — ответил он. — Он с Королем.

Она подошла к мужу. — Ты посылал за мной.

Корунд посмотрел на нее. — Да, я это сделал, мадам. Вести с флота. Может быть важные, может быть нет. Но тебе лучше быть здесь.

— Хорошие вести или плохие, от них стены Карсё не упадут, — сказала она.

Внезапно негромкое жужжание голосов прекратилось. В занавешенном дверном проеме показался Король. Все встали, приветствуя его, кроме пьяного Корсуса, который продолжал сидеть.

Корона Ведыландии мрачно сверкала над темным лицом-крепостью Короля Гориса, блестящими, излучающими ужас глазами, смертельно-бледным ртом и квадратной черной бородой, торчащей из-под подбородка. Как башня стоял он, и за ним смутно виднелся гонец с лицом цвета мокрой извести.

Король заговорил и сказал: — Милорды, я сообщу вам вести, правдивые вести, насколько я смог проверить. Мы потеряли флот. Было сражение в Проливах Меликафказа Внутреннего моря. И Джусс потопил наши корабли, все корабли, за исключением того, который успел убежать и принес нам эти новости. Лаксус и все его люди утонули. — Он остановился, потом продолжил. — Да, это тяжелые вести, но я призываю вас перенести их так, как переносили удары судьбы наши предки: чем тяжелее удар, тем тяжелее будет наш ответ.

В странной неестественной тишине раздался слабый приглушенный крик, и Леди Срива упала без сознания.

— Пусть короли Чертландии и Демонландии присоединятся ко мне, — сказал Король. — Все остальные должны немедленно отправиться в кровать.

Лорд Корунд обнял жену за плечи и тихо прошептал ей на ухо: — Что пригорюнилась, девочка? Навар выхлебали — мясо осталось. Иди спать и не сомневайся: мы оплатим им за это.

И он с Кориниусом пошли вслед за Королем.

Совет продлился до середины ночи, после чего Корунд отправился в свои покои в восточной галерее над внутренним двором замка. Его жена сидела у окна, глядя на неверный рассвет над Пиксиландией. Отпустив факельщиков, освещавших ему дорогу, Корунд закрыл за ними тяжелую дверь на замок и еще опустил засов. Так широки были его плечи, что он заполнил собой весь темный дверной проем, а головой он едва не доставал до притокови. Он стоял в полутьме, куда не доставал свет свечей, и трудно было прочесть выражение его лица, но острые глаза Презмиры видели, насколько озабочен его лоб, а в осанке чувствовались величие, сила и мрачная решительность.

Она встала, глядя на него как на друга, которому она может доверять и который доверяет ей самой. — Ну? — сказала она.

— Столы накрыты, — ответил он, не двигаясь. — Король назначил меня главным капитаном Карсё.

— Значит они уже идут? — спросила Презмира.

— Они отломали у нас одну ногу, — ответил он. — И у них хватит ума нанести следующий удар прямо в сердце.

— Неужели это правда? — сказала она. — Восемь тысяч человек! У Лаксуса было вдвое больше людей чем у тебя, когда ты завоевывал Чертландию. Неужели все потонули?

— Дьявольский флот этих проклятых Демонов, — сказал Корунд. — Похоже Лаксус держал Проливы, где они должны были пройти, если бы захотели вернуться домой, и, значит, должен был бы обрушиться на них в этом узком месте, и, как мух, раздавить их своими огромными кораблями, ибо имел он преимущество и в кораблях и в людях. И они, со своей стороны, не стали входить в Проливы, но остались в открытом море, пытаясь выманить его наружу, где могли бы сражаться с ним при помощи всяких морских трюков. Больше недели он держался, но, на девятый день (наверно дьявол лишил его разума, ибо почему он потерял терпение?), на девятое утро, устав от бездействия и имея благоприятный ветер... — Лорд Корунд прервал сам себя и презрительно щелкнул пальцами. — Остальное я расскажу тебе завтра, мадам. Я и так объелся этим рассказом. Короче говоря Лаксус потонул, и все, кто были с ним, а Джусс с огромной армией плывет на север, к Ведьмландии.

— И все море его. И мы можем ждать его в любой момент?

— Ветер восточный. В любой момент, — ответил Корунд.

— Король поступил хорошо, оставив командование тебе, — сказала

Презмира. — Но что с нашим весьма умным молодым человеком, который раньше занимал эту должность. Будет ли он играть по этим правилам?

— Голодные собаки съедят даже грязный пудинг. Я думаю, он будет играть, хотя он показал свои зубы в первый раз с того времени.

— Пусть лучше сохранит свои зубы для Демонов, — сказала она.

— Этот корабль был захвачен в плен, — сказал Корунд, — но они с показной храбростью послали его домой только для того, что рассказать нам о битве: глупая наглая затея, которая обойдется им очень дорого, ведь теперь мы предупреждены. Шкипер привез для тебя вот это письмо и в страшной тайне передал его мне.

Презмира сняла воск, распечатала письмо и сразу поняла, кто написал его. Она протянула письмо Корунду: — Прочитай мне его, милорд. Мои глаза устали, и, кроме того, я плохо читаю в колеблющемся свете свечи.

— Мадам, я неважный ученый, — ответил он. — Прошу тебе, прочитай его.

И в свете оплывающих свеч, раздосадованная восточным ветром, который задул перед рассветом, она прочитала это письмо:

Самой воистину благородной, величественной и уважаемой Принцессе и Королеве Чертланда, тот, кто когда-то был слугой вашим, но ныне превратился в предателя, запятнанного многими предательствами, коего презирают небеса и ненавидит земля, на которого не светит солнце и которого стыдятся звезды, а все твари земные поносят и считают недостойным жить и дышать; и который хотел бы только умереть раскаявшимся грешником. С тяжелой скорбью посылаю я тебе эти советы, зане хочу, чтобы ваше Величество самым внимательным манером задумалось, ибо грозит тебе великое разрушение и погибель. И даже хотя в Карсё ты находишься в безопасности, но, определенно, листья безопасно висят на дереве вплоть до конца осени, когда падают на землю. Ибо в ходе последней баталии в Меликафказском Море вся сила Ведьмланда была разбита и потонула, и великий адмирал всего флота потерпел конфузию и умер, а имена великих лордов, которые были убиты в сей грандиозной баталии, я не могу ни исчислить, ни назвать, ибо большая часть их тоже утонула и тела погребены в глубинах моря. А Демонланд не потерял и двух карабелей, и ныне с большой силой Демоны мчатся к Карсё. С ними и Голдри Блазко, странным образом вызволенный из заточения, худшего чем могила, и зело огромная армия, и такую силу я не видывал и не слыхивал. И это кончина и войны, и Ведьмланда. Самая благородная принцесса, я не хочу говорить загадками или темными фигурами речи, но прямо: не упускай эту возможность. Ибо видел я злой сон, и предвещал он гибель Ведьмланда, а видел я его в ночь перед той самой ужасной баталией: показалось мне, что на армаду Лаксуса обрушилась огромная тень, раздался громкий крик, потом все стихло и наступил конец — конец всего. Поэтому зело серьезно прошу я ваше величество и твоего благородного супруга, который был моим другом до этого злополучного времени, когда я, ядовитый предатель, потерял и тебя и его, со всей возможной поспешностью позаботиться о своей безопасности. И самое

лучшее для вас обоих отправиться в твою родную страну, Пиксиланд, и там собирать войска. Прежде чем эти грубые и упрямые Демоны, упоенные победоносной баталией, ударят по Введьмланду, нужно добиться их дружбы, ибо вскоре их непобедимая сила встанет пред Карсё и всему Введьмланду придет конец. И даю я вам этот совет потому, что точно знаю, что никакая сила на свете не в силах сокрушить необоримую армию Демонов. Так что не медли ни мгновения на тонущем корабле, но делай, как я сказал, иначе будет поздно.

И еще одну весть, самую горькую из всех, должен сообщить я тебе, ибо надеюсь, что она заставит тебя принять мой совет.

— Самая горькая весть в том, что этот лживый обманщик пережил столько достойных людей, — сказал Корунд.

Леди Презмира протянула письмо супругу. — Мои глаза ничего не видят, — сказала она. — Прочитай остальное.

Она села за столик перед зеркалом, а Корунд, положив на нее свою большую руку, углубился в письмо, читая отдельные слова по слогам. Он действительно не слишком хорошо умел читать, и потребовалось некоторое время, прежде чем он понял смысл написанного. Но он не стал читать письмо вслух; лицо жены рассказало ему, что она прочла все письмо прежде, чем отдать ему.

Это и была последняя новость, которую сообщил ей Лорд Гро: князь, ее брат, умер в бою, сражаясь на стороне Демонов; мертв и утонул в море Миликафказ.

Презмира подошла к окну, в которое уже глядел блеклый серый рассвет. Через минуту она повернула голову.

Как львица выглядела она, с гордым взглядом опасных глаз. И очень бледная. Ровным спокойным голосом, который взывал к крови, как рокот далекого барабана, она сказала: — Помощь от Демонландии: поздно или никогда.

Корунд непонимающе посмотрел на нее.

— Они клялись мне и ему! — сказала она. — В ту ночь к Карсё они поклялись всегда поддерживать его. Лживые друзья! О, я могла бы съесть их сердца с чесноком.

Он положил обе свои руки ей на плечи. Она их сбросила. — Гро дал нам хороший совет, — крикнула она, — не медлить на тонущем корабле. Мы должны собрать свои силы. Но не для того, чтобы перейти на сторону этих клятвопреступников, Демонов. Мы должны уехать сейчас, этой ночью.

Ее супруг снял с себя плащ из волчьей шкуры. — Наше следующее путешествие, мадам, будет в кровать, — сказал он.

— Я не пойду спать, — ответила Презмира. — И, Корунд, вот теперь станет ясно, действительно ли ты настоящий король.

Он сел на краю кровати и стал снимать сапоги. — Ну, — сказал он, — каждый делает то, что ему нравится, как сказал крестьянин, поцеловав свою корову. Уже почти рассвело; мне надо встать рано и бессонная ночь не способствует ясности мысли.

Но она встала над ним и упрямо сказала: — Теперь станет ясно, действительно ли ты настоящий король. И не обманывай сам себя: если ты подведешь меня сейчас, я больше не останусь с тобой. Этой ночью мы должны уехать. Ты поднимешь Пиксиландию, которая моя по праву наследования, и еще у тебя есть войска в твоём собственном королевстве, в Чертландии. Пускай ветер развеет остатки Ведьмландии. Почему меня должно волновать, выплывет она или потонет? Важно только одно: покарать этих клятвопреступников, Демонов, наших врагов и врагов всего мира.

— Для этого не надо никуда ехать, — ответил Корунд, снимая сапоги. — Очень скоро ты увидишь Джусса и его братьев перед Карсё, а за их спиной еще три по двадцать сотен воинов. И вот тогда металл ляжет на наковальню. Давай спать, и нечего реветь.

— Я не плачу, — сказала она. — И не заплачу. Но и оставаться в Карсё, как мышь в ловушке, не собираюсь.

— Я очень рад, что ты не заплачешь, мадам. Противно видеть как женщина ревет, словно гусыня, которую ведут на заклание. Не дури. Мы не должны разделять силы. Встретим этот шторм в Карсё.

Но она закричала во весь голос: — Карсё проклято. Гро бросил нас и с ним ушли его мудрые советы. Дорогой мой супруг, я вижу злую темную тень, накрывшую небо над нами. Разве это место не держится только силой и могуществом Короля Гориса? Но он слишком горд, и мы тоже заложники собственной гордости. Карсё стало ростом с небо, и Боги обиделись на нас. Наглый и подлый Кориниус, старый Корсус, выживший из ума и прилипший к винной бочке, и наши собственные раздоры; Карсё должно быть наказано. Не пытайся сопротивляться воле Богов, но бери шлем в руку, пока еще не поздно.

— Тише, мадам, — сказал он. — Это все глупые ночные страхи. Придет день, и ты посмеешься над ними.

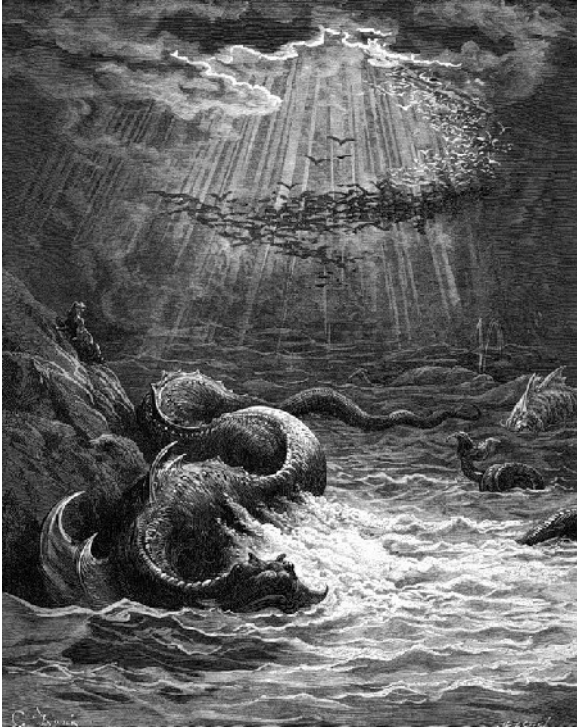
Но Презмира, не в силах больше сдерживаться, схватила его руками за шею. — Ты — человек, способный совершить любое дело. Разве ты не видишь, как нас тащит в водоворот и, если не поплыть, будет слишком поздно? Мое сердце уже почти разбито, — добавила она задыхающимся голосом. — Не разбей его до конца. У меня остался только ты.

Холодный рассвет, молчаливая комната, оплывающие свечи, его обычно мужественная жена, на мгновение потерявшая все свое благородство и храбрость, и съежившаяся в его объятия как птица в клетке: по его спине пробежал холод и на мгновение он дрогнул. Но все-таки взял ее обеими руками и поставил перед собой. Она опять подняла высоко голову с побелевшими щеками, и он почувствовал дружеское пожатие ее храброй руки.

— Дорогая девочка, — сказал он. — Я не собираюсь бежать перед этими отродьями Демонландии. Моя рука останется здесь, и руки моих сыновей, и пока мы дышим, мы будем сражаться против Демонландии, за тебя и за Короля. Но с того мгновения, как наш Лорд Король назначил меня королем, пришел ветер, пришел дождь, и мы должны переждать непогоду в Карсё. Правду

говорили те, кто сказал: «Королем становятся для славы, а не ради долгой жизни».

Презмира решила про себя, что это слова умирающего человека. Но, делать нечего, надо забыть все надежды и страхи, перестать плевать против ветра и твердо стоять, ожидая ударов Судьбы.

XXXI. ДЕМОНЫ ПЕРЕД КАРСЁ

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГОРИС, БУДУЧИ МОГУЩЕСТВЕННЫМ ВОЛШЕБНИКОМ, ВСЕ-ТАКИ РЕШИЛ СРАЖАТЬСЯ МЕЧОМ, И КАК ЛОРД КОРУНД, ЕГО ГЛАВНЫЙ КАПИТАН, ЗАНИМАЛСЯ ВАЖНЫМИ ДЕЛАМИ; И КАК ДВОЙНИКИ, КОРОЛЬ И ЛОРД ДЖУСС, НАКОНЕЦ ВСТРЕТИЛИСЬ ЛИЦОМ К ЛИЦУ И ПОГОВОРИЛИ; О КРОВАВОЙ БИТВЕ ПЕРЕД КАРСЁ И О ТОМ, КАКОЙ ФРУКТ ВЫЗРЕЛ ТАМ, И КАК ЖНЕЦ СОБИРАЛ УРОЖАЙ

КОРОЛЬ Горис сидел в своих покоях на тринадцатое утро после вестей, полученных в Карсё. На столе перед ним лежал отчет о состоянии армии, план будущей кампании и бумаги, где перечислялись запасы и вооружение. С правой стороны от Короля сидел Корунд, напротив — Кориниус.

Корунд, положив на стол большие волосатые руки и сжав их в кулаки, глядел через высокое окно на проплывающие облака, видные к квадрату неба, и говорил спокойным голосом, не глядя на документы перед собой. — О Ко-

роль, из Ведьмландии и провинций приходят только хорошие новости. Все роты солдат, которые должны восполнить наши потери от сражения десятого числа, уже здесь, за исключением нескольких групп с юга и из Эстреганции. Их я ожидаю со дня на день; Виглус, которого я послал в Балтари, пишет, что он уже в дороге с отрядом тяжеловооруженных солдат. На смотре отозвались отряды из следующих частей: Грамнё, Зорн, Пермио, Ар, Батени и Эстремерин. Что касается подчиненных областей, здесь дело хуже. Прибыли только короли Минии и Гилта, и еще Олис Текапанский, граф Эскобрин из Чеуша и Король Эллиен; все со своими отрядами. Но других, намного более могущественных имен, с нами нет. Герцог Макстлин Азумельский разорвал вассальную присягу и отрезал уши нашим послам. Он утверждает, о Король, что сыновья Корунда непочтительно обошлись с его сестрой. Это стоило нам шестисот хороших воинов. Лорд Эштлан вообще не прислал ответа, а Муния и Гилт говорят, что он открыто встал на путь предательства, и пытался преградить им путь, когда они торопились выполнить приказ вашего величества. И еще рекруты из Ойдиана, около тысячи копий, задержались уже на десять дней. Хеминг, если сможет, должен собрать их от имени Презмиры и привести сюда. И еще я приказал ему поднять Малтраени, откуда не пришло ни единого слова, и откровенно говоря, я опасаясь предательства, как в Малтраени, так и в Ойдиане, ибо они идут слишком долго. А Король Баршт из Торибии прислал вежливый отказ.

— Да будет вам известно, о Король, — добавил Кориниус, — что Король Неврии прошел этой ночью, много позже назначенного срока, и привел с собой половину обычного отряда.

Король поджал губы. — В нынешних условиях я не собираюсь остужать его пыл заслуженным порицанием. Но позже он заплатит за промедление головой.

— Вот сумма, — сказал Корунд. — Да, я забыл, сегодня утром пришел Красный Фолиот со своими людьми, быть может три сотни человек.

Кориниус щелкнул языком и засмеялся. — Этот лангуст едва ли изменит ход банкета.

— И тем не менее он сохранил верность, — сказал Корунд, — тогда как другие, более великие, предали нас. Все эти насильственные объединения так же надежны, как если бы их скрепили маслом. Ваше величество без сомнения даст ему аудиенцию.

Король какое-то время молчал, изучая бумаги. — Сколько у нас людей в Карсе? — спросил он.

— Два по двадцать сотен пехотинцев и пятьдесят по двадцать лошадей: всего пять тысяч, — ответил Корунд. — И каждый из них, о Король, сильный, крепко сбитый парень из разных областей Ведьмландии.

— Ты неправильно поступил, Корунд, — сказал Король, — приказав своему сыну поднять Ойдиан и Малтраени. В результате он задержался там с тысячей Пиксиландцев, которые бы очень усилили нашу армию.

— Я сделал то, что сделал, о Король, — ответил Корунд, — и хотел сделать как можно лучше. Несколько дней промедления могут принести нам еще тысячу копий.

— Промедление, — сказал Король, — сыграло на руку моему врагу. Ибо вот каков был мой план: как только они высаживаются, мы, не давая им моргнуть, обрушиваемся на них со всеми нашими силами и сбрасываем в море.

— Это еще может сработать, если удача будет с нами, — сказал Корунд.

Ноздри Короля раздулись, он наклонился вперед, вперился взглядом в Корунда и Кориниуса, и так вытянул челюсть, что черная борода разметала бумаги по столу. — Демоны, — сказал он, — высадились этой ночью в Ралпе. И сейчас идут на север. Они будут здесь прежде, чем пройдет три ночи.

У обоих лордов кровь бросилась в лицо. — Кто сообщил вам эти новости? — спросил Корунд.

— Ни имеет значения, — ответил Король. — Я это знаю, а остальное тебя не должно волновать. Застало ли это тебя врасплах?

— Нет, — ответил Корунд. — За эти десять дней мы хорошо подготовились принять их, откуда бы они не пришли. Хотя у Джусса есть некоторое превосходство над нами, ибо нам не хватает людей из Пиксиландии, а за ним, как говорят лазутчики, идет около шести тысяч человек; и некоторые из них должны были быть с нами.

— Не мог бы ты, — сказал Король, — дожидаться подкреплений из Пиксиландии, которые должен привести Хеминг, и только потом дать сражение?

— Мог бы, — ответил Корунд. — Но тогда мы должны будем постоянно поглядывать за поворот Дороги Королей, о Милорд Король.

— Я бы не стал, — вмешался Кориниус.

— Мужественные слова, — сказал Король. — И все-таки не забывай, что на Крозеринг Сайд у тебя было еще больше людей, но тебе это не помогло.

— Я всегда помню о тех событиях, Повелитель, — сказал Корунд, — ибо хорошо понимаю, что даже если бы я был там, от этого ничего бы не изменилось.

Лорд Кориниус, нахмуривший лоб при упоминании его поражения, внезапно развеселился и сказал: — Я прошу вас вспомнить, о Милорд Король, что мы дома, и здесь нет места для какой-нибудь ловушки, вроде той, в которую они поймали меня в многогорной Демонландии. Когда Джусс, Брандох Даха и их вонючие бродяги с криками высадутся на землю Ведьмландии, придет время заткнуть их рот железной грушей. И, с вашего разрешения, Повелитель, я обещаю сделать это, или погибнуть на поле боя.

— Держи мои пять, — сказал Корунд. — Мы сойдемся лицом к лицу со всей армией Демонландии, и для такого дня — и такой кровавой работы — я бы выбрал только тебя и никого другого, и в битве стоял бы рядом с тобой. Но давай послушаем, что прикажет Милорд Король: что он выберет, то мы и сделаем, с радостью.

Король Горис какое-то время сидел молча. Одна его узкая рука опиралась ручку кресла, сделанную в виде головы железной змеи, вторая, чьи пальцы обнимали выпирающие скулы, поддерживала подбородок. Только в глубине его глазниц мерцал пугающий свет. Наконец он задвигался, как призрак, плававший в беззвучных заливах пространства или времени, и через мгновение вернулся к жизни смертного.

Он собрал бумаги в кучу и протянул их Корунду.

— Мы очень сильно рискуем, — сказал он. — И у него больше груш, чем влазит в один горшок. Но приближается день, когда я и Лорд Джусс бросим вызов друг другу, и один из нас — или оба — примет смерть и наказание. — Он встал с кресла и посмотрел на обоих своих капитанов, великих воинов, каждого из которых он сделал королем четверти земли. Они глядели на него как птицы на змею. — Эта местность, — сказал Король, — непригодна для конных сражений, а Демоны — великие всадники. Карсё — сильная крепость, и еще никогда ее не брали приступом. И под взглядом моих глаз каждый Ведьмландец станет героем. Поэтому мы будем ждать здесь, в Карсё, пока не появится юный Хеминг и не приведет подкрепление из Пиксиландии. И тогда мы нападём на них и будем сражаться до тех пор, пока не очистим от них всю землю и все лорды Демонландии падут мертвыми.

— Слушать значит подчиняться, о Король, — сказал Кориниус. — Не хочу, однако, скрывать от вас, что я хотел бы напасть на них, а не сидеть на месте и ждать их армию. Судьба — своенравная шлюха, о Король, которая быстро кивает другому, если холодно посмотреть на нее. Более того, Повелитель, быть может вы сможете использовать ваше искусство, хотя бы чуть-чуть?..

Но Король прервал его и сказал: — Ты не знаешь о чем говоришь. Вот твой меч; вот твои люди; вот мои команды. Заботься только о том, чтобы точно выполнить их, когда время придет.

— Повелитель, — сказал Кориниус, — вы не найдете меня спящим. — Он глубоко поклонился и вышел из комнаты.

Король сказал Корунду. — Ты хорошо прикормил этого сокола. Была опасность, что ему не понравится починайся тебе в делах войны, а это могло привести к ссоре между вами, которая могла повредить нашему делу.

— Не думайте об этом, Повелитель, — сказал Корунд. — Это все в прошлом, как альманах за прошлый год. Сейчас он ест только из моей руки.

— Ибо ты вел себя с ним, — сказал Король, — честно и откровенно. Держись дороги, по которой пошел, и помни, что в твоей руке меч Ведьмландии, который я доверил тебе в этот великий час.

Корунд взглянул на Короля; его серые быстрые глаза блеснули, как у орла. Он хлопнул своим тяжелым мечом по ладони и сказал: — О Милорд Король, эта хитрая лиса не подведет своего хозяина.

После чего, обрадованный похвалами Короля, низко поклонился и вышел из комнаты.

Той же самой ночью в небе над Карсё появилась сияющая звезда с двумя хвостами. Корунд увидел ее в просвете между облаками, когда шел к себе. Он ничего не сказал своей леди жене, ибо не хотел волновать ее; но она и сама из окна увидела ее, и тоже ничего не сказала лорду своему супругу, по той же причине.

И Король Горис, сидевший в своих покоях с мрачными книгами на столе, увидел эту звезду и ее огненные хвосты, которые ему не очень понравились. Хотя он и не знал точно, что предвещает этот небесный гость, но, тем не менее, достаточно разобрался в некромантии и тайнах астрономии, и понял, что это знак судьбы, ясный и зловещий, который предвещает ужасный и трагический конец благородных лордов и разрушение государства.

Пришел третий день, и часовой на стенах Карсё увидел в свете бледного рассвета армию Демонов, заполнившую всю равнину на юге. И ни одного человека со стороны Пиксиландии. Король Горис, согласно принятому решению, собрал всю свою армию в крепости. Но, через какое-то время, захотелось ему поговорить с Лордом Джуссом прежде, чем между ними произойдет последний смертельный бой. И послал Король Лорда Кардануса, своего герольда, с флагом перемирия и оливковыми ветками к лагерю Демонов. И во время переговоров было решено, что Демоны отступят от стены на три полета стрелы, а Ведьмы останутся в своей крепости; только Король с четырнадцатью невооруженными людьми выйдут наружу и на ничейной земле встретятся с Лордом Джуссом и его четырнадцатью спутниками. И назначена была встреча на три часа пополудни.

В назначенный час каждая группа подъехала к месту переговоров. Джусс был с непокрытой головой, но в сияющей кольчуге с латным воротником, его плечи прикрывали наплечники со вделанными в них золотыми нитями, а ноги — золотые поножи; золотые кольца украшали запястья. На нем был камзол из темно-красного тонкого шелка, и еще он накинул темный плащ, сделанный для него сильфами, на жестком воротнике которого серебряными нитками были вышиты странные звери. Согласно договору был он безоружен и держал в руке маленький жезл из слоновой кости, украшенный драгоценными камнями, в навершье которого находился камень, называемый Глаз Бела: белый оникс с черным зрачком внутри, сияющий из середины золотым блеском. Гордый и уверенный в себе стоял он перед Королем, высоко подняв голову как олень, пробующий носом воздух. Его братья и Брандох Даха стояли в нескольких шагах сзади, вместе с Королем Газларком и Лордами Зиггом, Гро, Мелхаром, Тармродом, Стиркниром, Кваззом и его двумя сыновьями, Астаром и Бремери из Шо: все достойные, благородно выглядящие люди, тоже безоружные и надевшие красивые одежды со сверкающими драгоценными камнями.

Напротив них, за спиной Короля, стояли не менее достойные лорды: Корунд, король Чертландии, Кориниус, которого называли королем Демонландии, Хакмон и Виглус, сыновья Корунда, Герцог Корсус и его сыновья, Де-

калайус и Гориус, Король Элиена, Король Минии, и графы Трамнё и Чеуша; безоружные, но в броне с ног до головы, сильные высокие мужчины благородного вида, хотя никто из них и не мог сравниться с Кориндом и Кориниусом.

Король Горис, в плаще из кожи кобры, с королевским жезлом в руке, возвышался на полголовы над всеми этими высокими мужчинами, как друзьями, так и врагами. Худой и мрачный, стоял он среди них, как сожженная молнией сосна на фоне заката.

Вот так, вскоре после золотого осеннего полдня, посреди печального луга, поросшего осокой, между двумя илистыми берегами задуманной камышом Друимы, вившейся к морю встретились два человека, для чьих амбиций и гордости мир был слишком мал, ибо не мог вместить их обоих одновременно. И, квадратный, мрачный и приземистый, подобный древнему, покрытому илом дракону, за ними спал замок Карсё.

Наконец Король заговорил и сказал: — Я послал за тобой, ибо думаю, что нам надо поговорить, пока еще есть время.

— Я не спорю с этим, о Король, — ответил Джусс.

— Ты, — сказал Король, наклоняясь над Джуссом, — человек умный и бесстрашный. Я советую тебе, и всем тем, кто с тобой, отвернуться от Карсё. Да, я вижу, что кровь, которой ты упилился в Меликафказе не утолила твоей жажды, и война — твоя жемчужина и твоя любовница. И, тем не менее, отвернись от Карсё, если можешь. Сейчас ты достиг вершины своего честолюбия; попытаешься забраться еще выше — упадешь в пропасть. Пускай наша война сотрясает все четыре стороны земли, но не ее середину. Тот, кто хочет здесь сорвать сладкий плод, сорвет только смерть; а если и сорвет какой-нибудь фрукт, то только Зоак, губительный и горький, ибо когда человек съедает его мякоть, блеск небес сменяется мраком, а самые вкусные вещи на свете в его рту становятся пеплом; и так всю жизнь вплоть до смерти.

Он остановился. Лорд Джусс стоял спокойно, обращая внимания на его грозный взгляд. Люди за его спиной зашевелились, негромко переговариваясь. Лорд Брандох Даха, с усмешкой на лице, что-то прошептал Голдри Блазко.

И Король заговорил опять: — Не обманывай себя. Я сказал тебе все это вовсе не для того, чтобы напугать тебя, и мои слова — не детская сказка: я слишком хорошо знаю тебя и твою цель. Но я прочитал знаки в небе: они не слишком ясны, но грозят смертью как тебе, так и мне. Только ради тебя говорю я это, о Джусс, и опять (ибо последние слова запоминаются лучше) советую: отвернись от Карсё или будет слишком поздно.

Лорд Джусс внимательно выслушал слова Короля Гориса, и, когда тот закончил, ответил и сказал: — О Король. Ты дал нам замечательно-хороший совет. Но и загадочный. И, слушая тебя, я глядел твою корону, сделанную в виде краба, который глядит в одну сторону, а идет в другую. И, по-моему, это означает, что ты делаешь вид, будто хочешь нас спасти, но, на самом деле, ищешь только выгоды для себя.

Король зло посмотрел на него и сказал: — Я твой сеньор. И не подобает подданным так развязно говорить со своим повелителем, на «ты».

— Я говорю с тобой так же, как ты со мной, — ответил Джусс. — И, действительно, было бы глупо, если бы любой из нас преклонил колено перед другим, ведь победитель в нашем великом споре будет властвовать над всей землей. Ты открыл мне свои мысли и дал понять, что войска Вельдмландии не собираются сразиться с нами в поле. Теперь я открою тебе свои и вот что я предлагаю тебе: мы покинем эту страну и больше никогда не будем воевать против нее (если ты сам не нападешь на нас); но ты, с твоей стороны, должен перестать притязать на земли Демонландии, а также Пиксиландии и Чертландии, и еще должен отдать нам Корсуса и Кориниуса, твоих слуг, которых я накажу за злые дела, совершенные ими в нашей стране в то время, когда нас не было в ней и мы не могли оборонять ее.

Он замолчал, и минуту они молча глядели друг на друга. Потом Король поднял подбородок и улыбнулся своей ужасной улыбкой.

Кориниус весело прошептал ему на ухо: — Повелитель, отдайте им Корсуса. Это малая потеря, а они получают фальшивую монету взамен настоящей.

— Стой на месте, — так же тихо сказал Король, — и помалкивай. — Потом громко, Лорду Джуссу. — Ты и только ты причина всех тех ужасов, которые произойдут. Отныне я не положу свой меч, пока не сыграю в футбол твоей окровавленной головой. А теперь хватит слов: пусть вздрогнет земля и погаснет блеск Селены. Гром, кровь и ночь завладеют нами, и величайшая катастрофа в истории погубит это место.

В эту ночь Король один пошел в комнату на верху Железной Башни. Последние три года он редко ночевал здесь, и даже унес отсюда некоторые из своих книг, чтобы изучать их в свои покоях. Горшки, кувшины и бутылки из синего, зеленого и фиолетового стекла, в которых он хранил волшебные зелья и электуарии, состав которых не знал никто, атласы и горелки, тигли, пузатые реторты, перегонные кубы и водные бани, все они стояли рядами на полках, покрытые пылью и окутанные бледной паутиной; очаг замерз; оконные стекла залепило грязью; стены заплесневели, а воздух был спертым и затхлым. Король сидел, глубоко погружившись в раздумья; перед ним на шестиугольной подставке лежала самая отвратительная из его книг, та самая, откуда несколько лет назад он вычитал заклинание для вызова злой силы, которая должна была сокрушить Демонландию и обречь на смерть всех ее лордов.

Страница пергамента, на которую он смотрел, выцвела от старости, и была написана на древнем, давно не используемом языке, тяжелыми и черными буквами. Большие начальные буквы и иллюстрации на широких полях когда-то были раскрашены темно-золотой краской и представляли ужасные лица, змей, жабоголовых людей, обезьян и манतिकор, суккубов и инкубов, переплетшихся в непристойных позах. Король повторял опять и опять написанные на странице слова, стараясь вникнуть в их значение, ибо в них содер-

жалось древнее пророчество, в котором говорилось о судьбе королевского дома Горисов Ведьмландских:

*Будет дом твой всегда стоять
Вечность будет над ним сиять.
Должно только твердо ступать
Убеждений не забывать.*

*Но придет нечестивый тот
Кто задумает злой козлот.
К черной магии он придет
И родится ужасный плод.*

*Схвачен будет кошмарным злом,
Жизнь утратит, идя напролом,
Проклят вечно и поделом
Прекратится на нем твой дом.*

*Будет в Адском гореть огне
Не придет подмога изве.
Вечность будет томиться на дне
Никогда не увидит Карсё.*

Рассказали то звезды мне.

Король Горис встал и подошел к южному окну. Шпингалеты заржавели, он рванул их и они со скрипом разошлись, осыпав его грязью и песком. Он открыл окно и посмотрел наружу. Глубокая тихая ночь, ни звука. Далеко на лугах огоньки, свет костров лагеря Лорда Джусса. Там собрались враги, целая армия врагов.

Едва ли кто-нибудь смог бы сейчас без дрожи посмотреть на Короля, стоящего у окна, ибо высокая худая фигура в железной раме казалась не существом из плоти и крови, но твердым холодным камнем, а его лицо походило на потрет какого-нибудь темного бога, вырезанный из камня много лет назад давно умершим резчиком, и запечатлевший безжалостную силу, презрение, жестокость и властность. И казалось его лицо бесконечно древним и неподвластным возрасту, как глубокая ночь или первосотворенный мрак, и, одновременно, юным, как новорожденная ночь.

Долгое время стоял он так, потом вернулся к книге. — Горис VII, — сказал он самому себе. — Именно про него было сказано «Схвачен будет». Я сделал получше, но недостаточно хорошо. Но слишком рискованно делать это во второй раз, и одному. Корунд — неустрашимый воин, но суеверный и подозрительный к тому, что не из плоти и крови. Есть еще Кориниус, который не боится ни бога, ни человека. Но он слишком неразумен и неуправляем. Вот если бы был Гоблин, он бы подошел. Проклятый предатель, он бросил меня. — Он еще раз пробежал страницу глазами, как если мог заглянуть за границы

времени и смерти и найти в словах новое значение, которое лучше бы подошло к тому, что он так страстно желал сделать, хотя разум запрещал ему даже желать. — Он говорит «Проклят вечно», и еще об конце династии, и «никогда не увидит Карсё». Оставим это.

И Король медленно закрыл книгу, запер ее на три замка, а ключ спрятал на груди. — Еще нет необходимости, — сказал он вслух. — Этот день решит меч и Корунд. Но если он будет побежден, тогда, несмотря ни на что, я сделаю то, что должен сделать.

В тот самый час, когда Король вернулся в свои покои, в замок прискакал гонец с письмом от Хеминга, и сообщил, что Хеминг быстро идет по Королевскому Пути вместе с пятнадцатью сотнями сильных воинов из Пиксиландии. Кроме того, их предупредили, что флот Демонов вошел в реку и, скорее всего, их завтра атакуют, как по земле, так и по воде.

Всю ночь Король совещался в своих покоях с генералами, готовя все для завтрашнего сражения. И всю ночь он не на мгновение не сомкнул глаз, хотя и заставлял остальных время от времени идти спать, ибо считал, что завтра они должны быть бодрыми и полными сил. И они решили вывести войска на левый берег перед мостовыми воротами и там, на рассвете, предложить Демонам битву. Ибо если бы они остались в стенах крепости и дали бы Демонам отрезать юного Хеминга от мостовых ворот, то он бы погиб, и, к тому же, если отдать без боя мостовые ворота и сам мост, то Демоны легко смогут высадить всю свою армию на правый берег и запереть их в Карсё. Атаки с правого берега они не боялись, хорошо зная, что могли бы сидеть внутри замка и смеяться над врагами, ибо стены были неприступны. Но если, как они планировали, битва развернется перед мостовыми воротами и Хеминг подойдет с востока, можно будет надеяться, что они разгромят Демонов, ибо главные силы нападут на центр Демонов с запада, а Хеминг нанесет удар с другой стороны.

Таким образом можно будет вызвать у них панику и обратить в бегство; будучи не в состоянии вернуться на корабли, Демоны будут вынуждены отступить в болота около Карсё и станут жертвой Вельдм.

В холодный последний час перед рассветом генералы получили от Короля последние приказы и отправились к своим войскам. Кориниус вышел первым из комнаты Короля, немного раньше остальных. В продуваемом насквозь коридоре качались и дымили светильники, отбрасывая тусклый свет на холодные стены. На верхней площадке лестницы стояла Леди Срива, то ли собираясь проститься с отцом, то ли из пустого любопытства. Как бы там ни было, он, не давая ей опомниться, быстро подошел ней и толкнул в небольшой альков, где еле хватало света чтобы увидеть бледное мерцание ее серебряного платья, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, и сияющие темные глаза. — Моя остроумная лгунья, неужели я все-таки поймал тебя? Ну, не сопротивляйся. Твое дыхание пахнет корицей. Поцелуй меня, Срива.

— Нет! — крикнула она, пытаясь убежать. — Беспутный человек, неужели я заслужила такое обращение? — Но, увидев, что сопротивление бесполезно, она сказала низким голосом: — Хорошо, если ты принесешь мне Демонландию сегодня ночью, мы сможем поговорить по-другому.

— Слушай ты, беспутная предательница, — сказал он, — разве той последней ночью ты не говорила со мной грубо и нецивилизованно? Какого дьявола ты запела соловьем? Не потому ли что веришь, будто я не вернусь обратно после битвы? Но я вернусь, госпожа поцеловать-и-сбежать, и, клянусь богами, получу свою награду.

Его губы глубоко впились в ее, сильные жадные руки сломили ее сопротивление и, негромко вскрикнув, она обняла его, ударившись своим нежным телом об его броня. Между поцелуями она прошептала: — Да, да, сегодня ночью. — И конечно он проклял недобрую судьбу, не пославшую ему эту встречу на полчаса раньше.

Когда он ушел Срива еще какое-то время оставалась в темном алькове, приводя в порядок прическу и платье, пострадавшие от такого горячего ухаживания. Невидимая в темноте она заметила, как Леди Презмира и ее супруг прошли извилистым коридором и остановились на площадке лестницы.

Презмира держала Корунда за руку. — Мадам, я знаю, куда Дьявол прячет свой хвост, — сказал он. — И узнаю предателя, когда увижу его.

— Милорд, разве ты ошибся хотя бы раз, следуя моим советам? — сказала Презмира. — Или разве я хоть раз оказала тебе, что бы ты от меня ни хотел? Вот уже семь лет, как я сбросила с себя девичество, и только ради тебя. Двадцать королей просили мою руку, но я предпочла тебя всем, ибо был ты как сокол среди попугаев, или как орлица среди лебедей и дроф. Неужели ты окажешь мне в моей просьбе?

Она повернулась к нему лицом. В колеблющемся свете светильников зрачки ее больших глаз казались огромными глубокими озерами, в глубине которых сверкали таинственные зеленые огоньки. Богатая и пышно украшенная одежда казалась бледной рамкой, в которую была вставлена несравненная красота: благородное и нежное лицо, каждая черточка которого впитала в себя все лучшее, что есть на земле и на небе; роскошные волосы, цвета восходящего солнца; гордая статная осанка, как у только что приземлившейся после полета птицы.

— Мне это кажется чепухой, — ответил Корунд, — но разве я могу сказать нет? Только не сейчас, моя Королева.

— Благодарю тебя, мой дорогой супруг. Только разоружи его и приведи сюда, если сможешь. Король не откажет нам и простит этого дурака, особенно если ты победишь всех наших врагов.

Больше Леди Срива не услышала ничего, как бы не напрягала от любопытства слух. Но когда они уже начали спускаться, Корунд на минутку остановился, чтобы поправить застёжки панциря. Постояв с нахмуренным лбом, он заговорил и сказал: — Это будет жестокая смертельная битва для нас и для них, и неизвестно, кто победит. Все может быть. Поцелуй меня, дорогая девоч-

ка. И если — ш-шш, этого не будет, но все-таки я скажу: если злое время добьет меня, я не хочу, чтобы ты печалилась обо мне всю оставшуюся жизнь. Ты же знаешь, я не один из тех кислых завистливых дураков, которые настолько гордятся собой, что возмущаются, когда жена опять выходит замуж, ибо боятся, что следующий супруг окажется лучше их.

Но Презмира, с широкой улыбкой на лице, только обняла его: — Милорд, дай мне закрыть твой рот. Глупые мысли для великого короля, идущего в битву. Ты вернешься с победой, мой дорогой супруг, а пока знай, что я думаю о тебе и жду тебя, как ждет звезда. И никогда не сомневайся в этом.

— Это, — ответил Корунд, — я скажу тебе, когда все закончится. Я не астролог. Моя любовь, я буду резать их мечом и, если получится, подпорчу им планы.

— Удача и моя любовь пойдут с тобой, — сказала она.

Срива выскочила из своего укрытия и поспешила к покоям матери, где Леди Зенамбрия, с заплаканным лицом, прощалась с двумя сыновьями. В то же самое мгновение вошел герцог, ее супруг, чтобы заменить меч, и она схватила его за шею и поцеловала. Но он отмахнулся от нее, крича, что устал от нее и от ее слюнявого рта. Грязно ругаясь, он начал угрожать ей, что вытащит ее отсюда и бросит Демонам, которые, увидев ее старые дряблые груди и сморщенное лицо, возненавидят ее и, без всякого сомнения, повесят или распотрошат, и избавят его от этой чахотки. И он быстро вышел. Но его жена и дочь, горько плачущие, спустились вниз, собираясь подняться на башню над водяными воротами, чтобы увидеть армию, идущую за рекой. По дороге Срива рассказала матери все, что услышала от Корунда и Презмиры.

Во дворе они встретили саму Презмиру, которая легкой походкой подошла к ним и весело приветствовала их, пожелав доброго утра.

— Вы переносите все это намного мужественнее чем мы, мадам, — сказала Зенамбрия. — Быть может мы слишком мягкосердечны и жалостливы.

— Да, это так, мадам, — ответила Презмира. — Я совсем не так слаба как некоторые плаксивые дамы. И предпочитаю сохранить свои слезы (которые, кстати, очень портят щеки) до тех пор, пока они действительно не понадобятся. — Они прошли мимо, и Леди Срива сказала матери: — Мама, разве она не жестокосердная и бесстыдная потаскуха? А разве не позор то, что она смеялась и радовалась, провожая супруга, и думала только о том, как лучше задобрить его, чтобы он спас жизнь этому предателю, ее домашней собачке?

— И с которым, — добавила Зенамбрия, — она занимается вещами, о которых мне даже стыдно говорить. Действительно это иностранная мадам с ее свободными и даже распутными манерами позорит всю нашу страну.

Но Презмира, не обращая на них внимания, пошла дальше, радуясь, что на ее лице не дрогнула ни одна жилка и она не дала мужу догадаться о смертельном ужасе, охватившем ее, ибо всю эту страшную ночь ее терзали странные мучительные видения, предрекающие смерть и разрушение всего, что было ей дорого.

С рассветом вся королевская армия выстроилась в боевом порядке перед мостовым замком. Кориниус командовал левым флангом. За ним следовали пятнадцать сотен отборных воинов Ведьмландии с герцогами Трейса и Эстреганции, а также короли и принцы с иностранными солдатами: Король Мунни, граф Эскобрин из Чеуша и Красный Фолиот. Корсус вел центр, и с ним шли Король Эрп Эллиенский со своими пращниками, одетыми в зеленые куртки, Король Неврии, Акстакус, повелитель Пермио, Король Гилты, Олис из Текапана и другие капитаны: всего семьсот человек. Лорд Корунд выбрал для себя правый фланг. Две тысячи лучших воинов Ведьмландии, закаленных сражениями в Чертландии, Демонландии и на юго-восточных границах, шли за его флагом, а еще могучие копыеносцы из Батени и Ара. Там же был Вигилус, его сын, и еще граф Грамнэ, Кадарус, Дидаруз из Логроса и Лорд Эстремерин. Когда Демоны узнали, что за водяными воротами стоит великая армия, они сами выстроились для битвы. А их корабли приготовились пересечь реку напротив Карсё, если понадобится атаковать мост с воды, и отрезать Ведьмам путь к отступлению.

Низкое, но уже яркое солнце освещало украшенное драгоценными камнями оружие Демонов, их многоцветные камзолы и перья на шлемах. Чудесное зрелище. Вот как они выстроились для битвы. Слева, ближе всего к реке, стоял полк всадников, который вел Лорд Брандох Даха, сидевший на большом жеребце мышастой масти с дикими глазами. Его островитяне, Мелхар и Тармрод, Камерер из Стропардона, Стиркмир и Стипмар, были главными капитанами, ехавшими в битву рядом с ним. Рядом шли сильные люди с востока, которых вел сам Лорд Джусс на высоком гнедом жеребце. Вместе с ним ехали его телохранители, которыми командовал Бремери из Шо, а также и другие капитаны: Астар из Реттри, Гисмор Глим из Джастдейла, и Перидор из Сьюла. Лорд Спитфайр вел центр, и с ним Фендор из Шальгрета, Эмерон и люди из Дальни, сильные копыеносцы; а также герцог Азумеля, когда-то союзник Ведьмландии. С ними ехал Лорд Гро, с тяжелым сердцем глядевший на древние стены и думавший о великом многоумном Короле, который будет руководить этим темным кровавым морем, колыхавшимся под ним; думал он и королеве Презмире. В его больном воображении темная громада Карсё, которую не мог осветить даже яркий утренний свет, казалась не древней эмблемой королевского дома Ведьмландии, его могущества и власти над землей, но, скорее, темной тенью смерти, нависшей над судьбой и готовой поглотить все эти могучие армии. Его не заботило, упадет ли эта тень на него или нет, ибо утомился он от жизни и жизненной горячки, чрезмерных испытаний и постоянных опасных путешествий, и думал, что и так перенес их слишком много: удар судьбы мог принести ему только успокоение. На правом фланге Демонов гордо поднимался к небу штандарт Голдри Блазко, который вел в сражение жителей южных лиманов и мощных копыеносцев из Мардардейла и Трууотера. С ним ехал Король Газларк и его Гоблины, а также рекруты из Ойдиана и Эштлана, восставшие против власти Короля Гориса. Лорд Зигт с легкой

конницей из Раммерика, Келиаланда и северных долин, прикрывал их с востока.

Король Горис наблюдал за диспозицией из башни над водяными воротами. Кроме того он видел то, что не могли видеть Демоны снизу: маленькое крутящееся пятнышко пыли на горизонте. Это, конечно, идущие по Королевскому Пути люди с востока: юный Хеминг с вассалами из Пиксиландии и Малтраени. Король послал Корунду доверенного человека, чтобы тот тоже узнал об этом.

Лорд Джусс отдал приказ о начале битвы, и под рев труб войско Демонов хлынуло вперед. И со страшным грохотом две армии столкнулись друг с другом. Но, подобно огромному береговому утесу, столетиями гордо стоящему под натиском бешенных ветров, коего ветер и натиск волн не могут сломить ни за одну ночь, ни за тысячу тысяч ночей, так и боевая сила Ведьмландии встретила атаку, смешалась с врагом, отбросила их назад, и сама не сдвинулась с места. Железные отряды Корунда встретили первый, самый тяжелый удар, и выдержали его. Одновременно корабли, которыми командовал юный Хеспер Хольцринг, жестоко напали на них, поднявшись по реке к самому мосту, и Корунд, отражая лобовую атаку цвета Демонландии, должен был еще противостоять удару с тыла. Хакмон и Виглус, юные принцы, его сыновья, обороняли мост, и сожгли и разбили много кораблей. И дважды и трижды сумели они отбросить Демонов, рвавшихся на мост, обе стороны жестоко сражались, но битва закончилась печально для Хеспера и его людей: пламя охватило его корабли, большая часть его людей стореда, утонула и была убита в сражении, он сам получил множество тяжелых ран и попытался в одиночку забраться на мост, но был заколот кинжалом и умер.

После того как оставшиеся корабли спустились вниз по реке, сыновья Корунда и их люди, храбро выполнив свою задачу, присоединились к основной битве. И дым от горящих кораблей был как запах благовоний для Короля, глядевшего на сражение из башни над водяными воротами.

Во время маленькой паузы первым и вторым приступом с востока подошел Хеминг, отгеснил всадников Зигга, которым мешала тяжелая мокрая почва, ударил по Демонам справа и прорвался к своим. И вдоль всей боевой линии, от Корунда за рекой до Кориниусу на востоке, к которому присоединился Хеминг, Ведьмы взбодрились духом, ибо если раньше неравенство в силах давало преимущество Демонам, то теперь судьба переменялась, их стало больше, и вот уже на фланг Лорда Голдри Блазко обрушился страшный удар, и не все его солдаты смогли достойно встретить его, и боевая линия Демонов попятилась. Ярд за ярдом они отходили назад под натиском Ведьм, храбро держа строй, хотя иностранные союзники не выдержали и побежали. Тем временем Демоны слева, Джусс и Брандох Даха, упрямо стояли на месте, хотя на них обрушились лучшие войска Ведьмландии. И здесь произошло самое кровавое сражение этого дня, и обе стороны сражались настолько ожесточенно и яростно, что нельзя было увидеть никого, кто отступил бы назад, пытаясь спа-

стись; наоборот, все они предпочитали умереть на месте, но не отступить ни на шаг, и, даже будучи ранеными, продолжали разить врага перед собой. Так две армии и сражались в течении часа, но в конце концов Лорд Корунд удержал место перед водяными воротами.

Когда Лорд Джусс, тяжело дыша, остановился на мгновение, чтобы слегка перевести дух, к нему подскочил Роменард из Дальни, посланный Спитфайром, и сообщил вести с правого фланга: Голдри больше не в состоянии выдерживать неравенство в силах, центр еще держится, но следующая атака опрокинет его или правый фланг, который загонят в тыл и истребят: — Если ваше величество не сможет опрокинуть Корунда, все погибло.

В течении этого короткого затишья (если можно назвать это затишьем, ибо битва, как бурное море, накатывалась со всех сторон с шумом сталкивающихся мечей, криками раненых и топотом копыт), Джусс выбирал. Судьба всего мира и Демонландии висела на волоске из зависела от его выбора. У него не было советника. Не было и времени на долгие размышления. Все его замечательные качества — богатое воображение, решительность, способность к быстрым решениям — не могли помочь: быстрые лошади попали в яму, которую судьба и враги выкопали перед ними; и только болезненный опыт, терпеливо накопленный за годы сражений, мог подготовить надежную дорогу, по которой их летучие копыта могли вынести их в решающий час. Так и случается со всеми великими капитанами: так случилось и с Лордом Джуссом в тот час, когда беда набросилась на его армию. Две минуты он стоял и молчал; потом послал Бремери из Шо на запад к Лорду Брандох Даха и Роменарда на восток к Спитфайру, приказав им лететь со скоростью мысли. А сам Джусс выехал вперед, к своим солдатам, и крикнул им трубным голосом, что наступил решающий час и они должны быть готовы к самому тяжелому испытанию в своей жизни.

— Мой кузен сошел с ума? — спросил Лорд Брандох Даха, поняв то, что хочет от него Лорд Джусс. — Или он думает, что настолько приручил Корунда, что сумеет справиться с ним без меня и без половины своих сил и все-таки победить?

— Он отдает свою позицию, — ответил Бремери, — чтобы вырвать победу. Это отчаянный план, но иначе мы будем уничтожены. Наш правый фланг отступил, левый держится, но с трудом. Он приказывает вашей светлости прорвать центр, если вы сможете. Они очень рискованно наступают своим левым флангом, и окажутся в опасности, если мы будем действовать достаточно быстро. Но помните, что против нас сосредоточены их главные силы, и если нас разгромят прежде, чем вы обойдете их...

— Хватит слов, — сказал Лорд Брандох Даха. — Время несется галопом: поспешим ему вослед.

И вот в то время, как Голдри и Зигт шаг за шагом отступали перед превосходящими силами Кориниуса и Хеминга, и уже почти дошли до реки, а Корунд на левом фланге Демонов сдержал их удар, собрал свои силы и угрожал одним ударом уничтожить врага, Джусс, решившийся на отчаянную опе-

рацию, которая могла уничтожить их всех, остался на левом фланге, а Брандох Даха вместе с почти восемью сотнями всадников перешел в центр к Спитфайру, чтобы создать клин между Корсусом и Кориниусом.

Было уже далеко за полдень. Буря мечей, которая немного успокоилось из-за всеобщей усталости, вновь взревела во весь голос от одного крыла до другого, когда Брандох Даха со своими всадниками бросился на Корсуса и войска союзников Ведым, а вся остальная боевая линия Демонов резко подалась назад. На мгновение судьба битвы повисла в воздухе; но потом люди из Гилты и Неврии дрогнули и побежали, кавалерия Брандох Даха хлынула в щель, разделилась, развернулась налево и направо, и напала с фланга и тыла на Корсуса и Кориниуса.

В этой атаке пали Акстакус Лорд Пермио, короли Эллиена и Гилты, Гориус сын Корунда, граф Эскобрин из Чеуша и еще много других благородных и знаменитых людей. И многие Демоны были тяжело ранены или убиты, но никто из самых великих Лордов, за исключением Камерера из Стропардона, чью голову Кориниус снес с плеч ударом своего боевого топора, и Тренамара, которого Корунд ударил копьем в живот с такой силой, что он свалился с коня и тут же умер. Все левое крыло и центр войска Ведым пришли в замешательство, большинство союзников охватила паника и они с радостью сдались и попросили пощады.

Король, видя размер несчастья, немедленно послал всадника к Корунду, который немедленно отправил гонцов к Кориниусу и Корсусу, приказав им как можно быстрее отвести своих людей обратно в Карсё, пока еще есть время. А тем временем сам Корунд, который, как солнце, становился тем величественнее, чем ниже было его положение, расположил свою усталую армию на пути наступающего войска Лорда Джусса, солдаты которого сражались так, как будто набрались новых сил; тем самым он открыл остальным войскам Короля дорогу через мостовые ворота в Карсё. Кориниус, поняв замысел Корунда, пришел ему на помощь с небольшим отрядом, и так же поступили Хеминг, Декалайус и другие капитаны Ведым. Но сам Корсус, решив, что день потерян, а он сам старый человек, который и так сражался достаточно долго, отправился прямо в Карсё, так быстро, как только мог. И, действительно, кровь текла из его многочисленных ран.

Благодаря стойкости Корунда и его людей большая часть того, что осталось от армии, сумела достичь Карсё. И хотя Ведымы постоянно отступали под натиском Демонов, невообразимая храбрость Лорда Корунда и его благородное сердце ободрили людей, и они отходили к мостовым воротам очень медленно, фут за футом, не переставая сражаться и давая возможность спастись тем, кто был позади них.

— Это величайший воинский подвиг из всех, которые я видел за всю свою жизнь, — сказал Джусс, — и я настолько восхищен и удивлен Корундом, что почти готов заключить с ним мир. Но я поклялся, что никогда больше не заключу мир с Ведымландией.

В этой битве Лорд Гро сражался на стороне Демонов. Как раз в это мгновение он подскочил к Дидарусу и ударил того мечом в шею. Дидарус упал на землю и умер.

Корунд, увидев это, поднял свой топор, но, мгновенно изменил намерение и сказал: — О собрание всех зол, тебе нужно было убить моего придворного именно рядом с мной? Но моя дружба не сидит на флюгере. Живи и оставайся предателем.

Но Гро, тронутый до глубины души словами Корунда, посмотрел на него широко раскрытыми глазами, как очнувшийся от сна человек, и ответил: — Неужели я ошибся? Это легко исправить. — И с этими словами он повернулся и убил одного из Демонов. Но Спитфайр, увидев это, пришел в великий гнев, закричал, назвал Гро самым грязным предателем, и ударил его мечом. Маленький круглый щит Гро разлетелся на куски и меч пронзил мозг.

Вот так, от скорого отмщения, Лорда Гро постиг самый жалкий конец. Ибо он, будучи философом и мирным человеком, не обращал особого внимания на дела земные, но всю свою жизнь глядел только на небо и следовал тому, что говорили ему звезды. Однако в кровавой битве перед Карсё он погиб клятвопреступником и многократным предателем, и, как посчитали все, получил воздаяние за свое коварство.

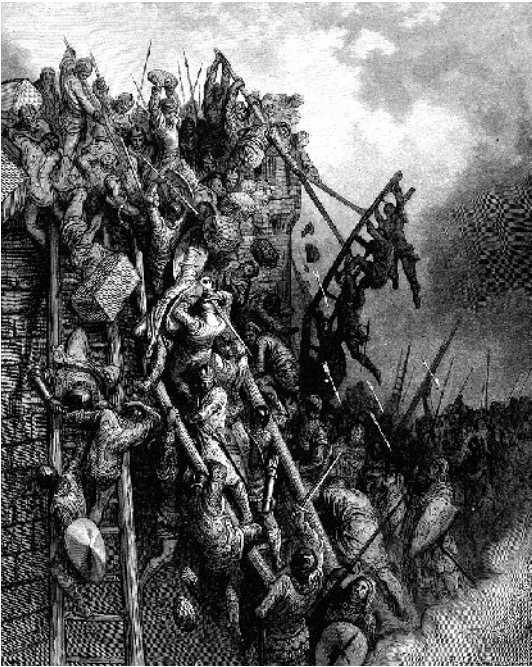
В это мгновение прискакал туда со своими людьми Лорд Джусс, с меча которого капала кровь, и напал он на Ведьм, и еще яростнее и шумнее стало сражение, и напали друг на друга великие лорды, и множество благородных Ведьмландцев пали в этой схватке и почти захватили Демоны мостовые ворота. Но Лорд Корунд собрал своих людей и, несмотря на неравенство в силах, ход сражения вновь изменился. Но сам Корунд искал в этой кровавой неразберихе только Джусса, который, увидев его, не стал отступать, но яростно обрушился на него, и стали они обмениваться могучими ударами, пока Корунд не разрубил щит Джусса и не сбил его с коня. Но Джусс, мгновенно вскочив на ноги, ударил Корунда мечом с такой силой, что меч, разбив кольца кольчуги, вошел тому в грудь. И Корунд со страшным шумом упал на землю, ударившись о нее головой, и остался лежать без движения.

Битва бушевала прямо у мостовых ворот, и великие раны получали воины обеих армий. И увидели сыновья Корунда, что их отец потерял много крови и слабеет с каждым мгновением, и все остальные Ведьмы тоже увидели это, и поняли, что их мало, а врагов много, и начали отступать. И сыновья Корунда подъехали к нему, окружили его отрядом, заставили повернуть назад и войти вместе с ними в ворота Карсё, в которые он вошел как человек не понимающий того, что делает. И, действительно, было великим чудом видеть, что этот великий Лорд, смертельно раненый, может сидеть на лошади.

В большом дворе его сняли с коня, и Леди Презмира, видя его пропитанную кровью броню и страшную рану, не упала в обморок, как могли бы сделать другие, но положила его руку себе на плечо и, при помощи приемных сыновей, поддержала это огромное тело, которое больше не могло поддерживать само себя, хотя до этого часа могло сражаться хоть против всего мира.

Она приказала привести лекарей и принести носилки, и они перенесли Корунда в пиршественный зал. Но вскоре эти ученые люди признали, что его рана смертельна и все их искусство не способно ему помочь. Тогда, считая ниже своего достоинства умирать в кровати, а не на поле боя, Лорд Корунд приказал посадить себя в кресло и не снимать с него запятнанных кровью доспехов. И стал ждать смерти.

Когда все это было сделано, Хеминг отправился с донесением к Королю в комнату на самом верху башни, возвышавшейся над водяными воротами, из которой Король Горис наблюдал конец сражения. Демоны овладели мостовым замком. Битва закончилась. Король сидел на стуле, глядя на поле боя. Он наклонился вперед, опираясь подбородком на руку. Его телохранители, девять или десять сильных воинов, собрались вместе в нескольких ярдах от него, боясь подходить ближе. Хеминг робко приблизился. Король медленно повернул голову и посмотрел на него. Низкое солнце, кроваво-красный шар, повисший над Тенемосом, светил прямо в лицо Короля. И когда Хеминг увидел лицо Короля, на него напал такой страх, что он не сумел сказать ни слова, только глубоко поклонился и вышел, трепеща как тот, кто увидел зрелище по ту сторону занавеса.

XXXII. ГИБЕЛЬ ВСЕХ ЛОРДОВ ВЕДЬМЛАНДИИ

О ВОЕННОМ СОВЕТЕ; И О ТОМ, КАК ЛОРД КОРСУС, ОТВЕРГНУТЫЙ КОРОЛЕМ, ОБРАТИЛ СВОИ МЫСЛИ В ДРУГУЮ СТОРОНУ; О ПОСЛЕДНЕМ ЗАКЛИНАНИИ, ПРОИЗНЕСЕННОМ В КАРСЁ, И О ПОСЛЕДНЕМ ПИРЕ; И О ТОМ, КАК ЛЕДИ ПРЕЗМИРА ОПЯТЬ ПОГОВОРИЛА С ЛОРДАМИ ДЕМОНЛАНДИИ В КАРСЁ

НА следующий день после битвы при Карсё Король Горис собрал в своих покоях военный совет. Утреннее небо было затянуто утрюмыми облаками, и, несмотря на широко распахнутые окна, в комнате висел затхлый тяжелый воздух, наполненный холодным темным гумором. Он окутал лордов Ведымландии, и они двигались как люди, одурманенные сонным зельем, или как те, кому звезды сулили страшные беды. С бледными и вытянутыми лицами сидели они перед Королем, и, хотя стремились выглядеть храбро и беззаботно, вся сила и воинская доблесть, переполнявшие их вчера, исчезли. Только Кориниус сохранил свою старую храбрость и достойную внешность, и сидел подбоченясь против Короля, выставив вперед тяжелую нижнюю челюсть и раздув ноздри. Он либо плохо спал, либо поздно встал, его глаза были налиты кровью и от него пахло вином.

— Где же Корсус? — раздраженно спросил Король. — Разве ему не передали мое слово?

— Повелитель, — ответил Декалайус, — я опять позову его. Эти несчастья плохо повлияли на него, и, с разрешения вашего величества, это совсем не тот человек, каким он был вчера.

— Сделай это, и побыстрее, — сказал Король. — Кориниус, дай мне вон те бумаги. С того времени, как Корунд умер, ты — мой главный капитан. Я хочу знать, чего стоил нам вчерашний день, и сколько людей осталось у нас для того, чтобы раздавить этих змей.

— Вот числа, о Король, — ответил Кориниус. — У нас осталось еще около трех тысяч пятисот воинов, но больше половины из них тяжело ранены и не могут выйти из-за стен. И Демоны одержат над нами легкую победу, ибо они могут выставить четыре тысячи здоровых бойцов.

Король презрительно засопел. — Откуда ты знаешь об их силах? — спросил он.

— Было бы опасно думать о меньших, — ответил Кориниус, а Хакмон добавил: — Милорд Король, ставлю голову в заклад, их еще больше. И ваше величество не должно забывать, что после вчерашнего сражения они преисполнены рвения и гордости, а наши люди...

— Разве вы, сыновья Корунда, — резко сказал Король, глядя на него опасным взглядом, — не сучки на дереве вашего отца? Теперь, когда он срублен, в вас не осталось ни мужества, ни живого сока, но только идиотское слабоумие. Я не хочу слышать эти бабские слова в Карсё; нет, только не в Карсё.

— О Король, от лазутчиков мы знаем, что с кораблей высадилось около шести тысяч бойцов, — сказал Кориниус, — и еще прошлой ночью я говорил с нашими офицерами, и они рассказали мне то, что узнали от захваченных в плен Демонов прежде, чем убить их. Так что когда я сказал вам, что Джусс может выставить четыре тысячи воинов, я не преувеличил. Вчерашние потери Джусса — блошинные укусы по сравнению с нашими.

Король резко кивнул, соглашаясь.

— Вот если бы мы смогли получить помощь из-за пределов Карсё и отвлечь его ударом по меньшей мере пятисот копий, — продолжал Кориниус, — то лишь прямой запрет вашего величества удержал бы меня от атаки. Но даже и так это было бы опасно, хотя розу не сорвешь, если боишься пораниться о шипы. Но до того только прямой приказ может заставить меня сделать вылазку. Ибо уверен я, о Король, что закончится она моей смертью, и потеряем мы всю армию вместе с Ведымландией.

Король выслушал его с непроницаемым лицом, по его бритой губе бродила презрительная насмешка, а наполовину закрытые глаза походили на глаза кота, с загадочным видом развалившегося на солнце. Но солнечный свет никак не мог проникнуть в комнату совета. Вместо него в комнате висел свинцовый сумрак, хотя полдень почти сменил утро.

— Милорд Король, — сказал Хеминг, — пошлите меня. Ночью я проскользну мимо их стражников, это совсем несложно. А потом я соберу небольшой отряд, даже если придется перерыть семь королевств, чтобы найти подходящих людей.

Пока Хеминг говорил, дверь открылась и в комнату зашел герцог Корсус. И выглядел он намного хуже, чем обычно: отвисшие щеки, понурый взгляд, в лице ни кровинки, сгорбленные, как вчера, плечи. Его большое брюхо, казалось, съежилось. Неуверенной походкой прошел он к своему стулу, и руки его тряслись, когда он отодвигал его от стола и сел на него. Король какое-то время молча разглядывал его, и под этим взглядом на лбу Корсуса появились капли пота, а нижняя губа задергалась.

— Нам нужен твой совет, о Корсус, — сказал Король. — И вот в чем: поскольку звезды повернулись к нам злым лицом и даровали победу мятежникам-демонам, Джусс и его братья могут выставить против нас четыре тысячи человек, а у меня в Карсё не больше двух тысяч, способных держать оружие. Кориниус считает нас слишком слабыми, и готов отправиться на вылазку только в том случае, если снаружи кто-нибудь нанесет отвлекающий удар. А об этом (после вчерашнего) можно и не думать. Добавим к этому Меликафказ. Мы исчерпали все наши силы, а союзники шли вслед за нашим штандартом не из-за любви к нам, а из-за страха и корысти. Сейчас эти гусеницы нас бросили. И, тем не менее, если мы не будем сражаться, то сила уйдет из наших рук, и врагам останется только сидеть перед Карсё и ждать, когда мы умрем от голода. Вот трудное положение и узел, который надо развязать.

— Действительно трудное, о Милорд Король, — ответил Корсус. Не желая видеть глаза, глядевшие на него из-под нахмуренных ресниц Короля, он посмотрел вокруг и, наконец, остановил взгляд на украшенной драгоценными камнями короне Ведымландии на голове Короля. — О Повелитель, — сказал он, — вы просите моего совета, и я не могу не дать вам хорошего совета, насколько может быть хорошим совет в этом положении, которое грозит нам всем гибелью. Ибо ныне наше величие сменилось скорбью, печалью и тоской. А человек задним умом крепок.

Он остановился, и его нижняя челюсть дрогнула. — Продолжай, — сказал Король. — Пока ты запинаешься и говоришь урывками, как будто споришь с гусем. Дай мне твой совет.

— Я знаю, о Король, что вы не возьмете его, — ответил Корсус. — Ибо мы, Ведымландцы, привыкли к тому, что нами правит камень, а не руль. Лучше уж я помолчу. То, что не сказано — не записано.

— Хочешь или не хочешь, но ты будешь говорить! — сказал Король. — Откуда ты достал эту полотняную харю с кровавыми плевками на ней? Говори, иначе разозлишь меня.

— Не порищайте меня, о Король, — сказал Корсус. — Мне кажется, что настал час, когда мы, Ведымландцы, должны посмотреть беде в глаза и признаться, что мы все поставили на кон и все проиграли. Демоны, как мы сами убедились, непобедимы на войне. Демоны переполнены всякими глупыми фантазиями вроде чести и благородства, и это может сохранить те несчастные капли из нашего кубка фортуны, которые еще остались на дне. Для этого надо только отбросить в сторону неуместную гордость и посмотреть, где лежит наша выгода.

— Слова, слова и слова! — воскликнул Король. — Да пусть меня осудят на вечное проклятие, если я понимаю смысл твоих слов. Что ты предлагаешь сделать?

Наконец Корсус встретился глазами с Королем. И согнулся, как если бы получил сильный удар. — Не бросайте плащ в огонь только потому, что ваш дом сгорел, о Король. Давайте сдадимся на милость Джусса. И, поверьте мне, эти глухие мягкосердечные Демоны оставят нам свободу и возможность жить так, как нам захочется.

Пока Корсус с сухим горлом, но собрав все свое мужество, предлагал сдаться, Король слушал, наклонившись слегка вперед. Никто из членов совета не глядел на Корсуса, но только на Короля, и какое-то время в комнате не было слышно ничего, кроме их дыхания. Потом подул горячий ветер, хлопнуло окно, и Король, не поворачивая головы, медленно обвел своим ужасным взглядом всех членов совета, по очереди разглядывая каждого. И сказал: — Кому из вас кажется, что этот совет стоит принять? Скажите нам об этом.

Все сидели молча, как животные. И опять Король заговорил и сказал: — Хорошо. Если бы в моем совете нашелся бы еще один такой же отупевший от пьянства паразит с вшивым сердцем, то я бы убедился, что Ведымландия превратилась в гнилую луковицу. И если бы так случилось, я бы немедленно

отдал приказ о вылазке, и, чтобы наказать тебя, Корсус, за отсутствие чести, приказал бы тебе возглавить ее. И закончим на этом, иначе гнойник нашего позора испачкает землю и небо.

— Мне не нравится, Повелитель, что вы так грубо обрушились на меня, — сказал Корсус. — Тем не менее я прошу вас подумать, сколько королей в Карсё обвиняли своих советников в недостойных оскорблениях только за то, что те храбро решились дать им полезный совет перед падением. Хотя ваше величество почти полубог, или фурия, вырвавшаяся из ада, вы не сможете вырвать нас из сети, в которую поймали нас Демоны. Вы не можете дальше пасти гусей, о Король. И хотите разорвать меня на куски только потому, что я предложил вам пасти гусей?

Кориниус ударил о стол кулаком. — О чудовищный паразит! — крикнул он. — Неужели из-за того, что ты обварился, мы все должны бояться холодной воды?

Но Король величественно поднялся, и Корсус съезжился под пламенем королевского гнева. И Король заговорил и сказал: — Совет закончен, милорды. А тебя, Корсус, я исключаю из совета. И благодари мою снисходительность, что я не велю отрубить тебе голову. И для твоей собственной безопасности, которую, как я хорошо знаю, ты ценишь выше, чем мою честь, тебе лучше не попадаться у меня на пути до тех пор, пока не пройдут эти опасные дни. — А Кориниусу он сказал: — Позаботься о том, чтобы Демоны не взяли крепость, ибо гордость может толкнуть их на штурм. И не жди меня к ужину. Сегодня ночью я лягу в Железной Башне, и пусть под страхом смерти никто не смеет тревожить меня. Ты и мой совет должны ожидать меня здесь за четыре часа до завтрашнего полдня. И, Кориниус, не предпринимай ничего против Демонов, пока не получишь мои дальнейшие приказы, за исключением, конечно, защиты Карсё от любой их атаки. И за это ты отвечаешь головой. А Демонам еще рано похваляться победой. Пускай враг занес меч над моим жилищем, но у меня еще есть достаточно силы, чтобы в то мгновение, когда он бросится на меня и сокрушит мой дом, взять над ним верх и стереть его в порошок.

Сказав так, Король решительными шагами направился к двери. Но там, взявшись за серебряную щеколду, задержался и, свирепо глядя на Корсуса, сказал: — Я тебя предупредил. Не пересекай мой путь и не посылай ко мне свою дочь, как ты это сделал год назад. Да, она хороший кусочек, и тогда со служила мне добрую службу. Но Король Вельмландии не ест дважды из одной тарелки, и, если надо, к его услугам всегда множество свежих шлюх.

Все засмеялись, но лицо Корсуса стало красным, как кровь.

Вот так закончился совет. Кориниус с сыновьями Корунда и Корсуса отправился на стены, чтобы выполнить приказ Короля Гориса. А старый герцог Корсус отправился в свою комнату в северной галерее. Но никак не мог даже на мгновение обрести покой, и то садился в свое кресло, то на подоконник, то на широкую кровать, а то бродил из угла в угол, кусая губы и заламывая руки. И не было бы чудом, если бы он повредился умом, ведь очутился он

между соколом и грифом, ибо гнев Короля угрожал ему внутри Карсё, а армия Демонов — снаружи.

Так и тянулся этот день до вечера. Но за ужином Корсус, ко всеобщему удивлению, сидел на своем месте, и рядом с ним сидели леди Зенамбрия и Срива. Он хорошо выпил, и когда ужин закончился, наполнил свой кубок и сказал: — Милорд Король Демонландии, и вы, остальные Ведьмы. Все мы стоим одной ногой в пропасти, и, поэтому, должны поддерживать друг друга. Никто не должен скрывать свои мысли от других, но высказывать их и открыто предлагать свой совет, именно так, как я сделал сегодня утром перед нашим Лордом Королем. Без всякого стыда я признаюсь, что был опрометчив и неблагоразумен, когда потребовал от Короля заключить мир с Демонландией. Я уже стар, а старики часто дают осторожные советы, от которых, если мудрость и доблесть еще осталась в них, позднее с печалью отказываются, когда спадает напряжение и них есть время еще раз подумать. И ясно как день, что Король был прав, как покарал меня за нехватку мужества, так и приказав тебе, Кориниус, стоять на страже и не делать ничего, пока не кончится эта ночь. Ибо разве не для важных дел отправился он в Железную Башню? И для чего собирается он провести всю ночь в этой ужасной комнате, как не для того, чтобы магическим искусством или волшеббой сокрушить этих Демонов в высшей точке их успеха? Наступило мгновение, когда Ведьмландии больше, чем когда-либо, нужны наши пожелания в успехе, и я предлагаю вам, милорды, встретиться незадолго до полуночи здесь, в этом зале, объединиться сердцем и душой, и вышить за успех волшебства Короля.

Вот такими похвальными намерениями и приятными словами, сказанными в тот момент, когда вино ненадолго изгнало из сердец Лордов Ведьмландии горечь от унижительного поражения и перипетий ужасной войны, и подарило им немного радости, Корсус опять завоевал их дружбу и уважение.

И вот, когда стража закончилась и все успокоилось в преддверии ночи, они опять собрались в пиршественном зале, где больше трех лет назад пировал и сражался против Ведьмландии князь Ла Фириз. Но сейчас он спал вечным сном, утонув в водах Проливов Меликафказа. И Лорд Корунд, так храбро сражавшийся той ночью, тоже был в этом зале, закованный в броню с головы до ног, великий мертвый солдат; он лежал в открытом гробу, коронованный аметистовой короной Чертландии. Просторные боковые скамьи стояли пустыми, как и высокие кресла Лордов, а поперечные скамейки убрали, чтобы дать место гробу Корунда. Лорды Ведьмландии сидели за маленьким столом перед возвышением: на почетном месте, ближе всего к двери, располагался Кориниус, напротив него Корсус, по левую руку от Кориниуса сидела Зенамбрия, по правую — Декалайус, сын Корунда; слева от Корсуса его дочь Срива, а справа — оба оставшихся сына Корунда. Здесь были все высокие лорды и леди за исключением Презмиры, которая никого не хотела видеть после смерти супруга и заперлась в своей комнате.

Как и раньше на серебряных подставках стояли светильники, освещавшие почти пустой зал, и четыре длинных свечи горели вокруг гроба, в котором спал Корунд. На столе стояли прекрасные кубки, до краев наполненные сладким и темным вином из Траммиана, по одному для каждого пирующего, холодный пирог с беконом, икра кефали и лангусты в винном соусе дополняли легкую полуночную трапезу.

Не успели они усесться, как светильники вспыхнули странным бледным светом, отвечая на то, что происходило снаружи: злое колдовское пламя, которое видел Гро в ту ночь, когда Король Горис XII впервые колдовал в Карсё.

Кориниус помедлил, прежде чем сесть. Красивым и сильным выглядел он в синем шелковом плаще и посеребренной броне. Корона Демонландии, которой Корсус короновал его в ту великую ночь в Оулсвике, сияла на его светло-коричневых выющихся волосах. Юность и сила сквозили из каждой черточки его громадного тела, на его обнаженных руках, гладких и загорелых, сверкали золотые браслеты; но что-то призрачное было в трупной бледности его выбритого подбородка, и в колдовском свете его толстые насмешливые губы казались черными, как у отравленного.

— Разве мы не видели этот свет прежде? — крикнул он, — эту тень перед солнцем нашего всесия. Молот судьбы поднят и сейчас ударит. Выпьем со мной за нашего Лорда Короля, который сражается с судьбой.

Все сделали большой глоток и Кориниус сказал: — Передадим свои кубки по кругу, чтобы каждый мог осушить кубок соседа. Это старая счастливая примета, которой Корунд научил меня в Чертландии. И побыстрее, ибо судьба Ведьмландии висит на волоске. — И с этими словами он передал свой кубок Зенамбрии, которая осушила его до дна. И все они передали свои кубки и выпили, за исключением одного Корсуса. И глаза Корсуса расширились от ужаса, когда он смотрел на кубок, переданный ему сыном Корунда.

— Выпей, о Корсус, — сказал Кориниус, но тот по-прежнему колебался. — Что тебя тревожит, ты старый дряхлый болван? — крикнул он и усталился на доброе вино таким же испуганным взглядом, каким сумасшедшая собака глядит на воду.

В это мгновение неземное свечение исчезло, как будто порыв ветра задул лампу, светильники и погребальные свечи замигали, зал погрузился в полумрак. — Пей! — жестко сказал Кориниус.

Но Корсус, замотав головой, поставил кубок на стол. Кориниус открыл рот и хотел что-то сказать, но тут его челюсть отвисла, как если бы в нем зародилось ужасное подозрение. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, ослепляющая вспышка ударила из земли в небо, твердый пол пиришественного зала закачался и затрясся, как при землетрясении. Все, за исключением Кориниуса, упали в свои кресла, онемевшие и потрясенные. Грохот следовал за грохотом, рев едва не разрывал уши, ужас прорвал недра ночи и набросился на Карсё. Безумный смех пронзил истязаемый воздух, как будто расступилась

земля и из ада донесся хохот проклятых душ. Дикий огонь разорвал на части темноту, наполовину ослепив всех, кто сидел в зале, и Кориниус схватился рукой за стол, когда последний оглушающий треск потряс стены и пламя выплеснулось в ночь, осветив все небо мертвенно-бледным сиянием. И, в свете этого пламени, Кориниус через юго-западное окно увидел, как Железная Башня взорвалась, раскололась на несколько кусков, и на землю обрушилась лавина из раскаленных до красна обломков.

— Крепость пала! — крикнул он. И, как смертельно уставший человек, рухнул в кресло. Катаклизм прошел, как ветер в ночи, но теперь все услышали звук, как будто враги пошли на приступ. Кориниус попытался встать, но ноги не слушались его. Его глаза остановились на нетронutom Корсусом кубке, который тот получил от Виглуса, сына Коринда, и он крикнул: — Что ты сделал, дьявол тебя подери? Я весь задеревенел. Клянусь небесами, ты выпьешь кубок или подохнешь.

Виглус, с глазами навыкат, схватился руками за грудь, попытался встать и не смог.

Хеминг, неуверенно привстав, потянулся к мечу, но захрипел и упал на стол.

И только Корсус, дрожа от возбуждения, вскочил на ноги. Торжествующая злоба горела в его обычно мутных глазах. — Как я и предвидел, — крикнул он. — Король бросил кости и проиграл. И теперь дети ночи забрали его себе. И ты, проклятый Кориниус, и вы, сыновья Корунда, подохните как свиньи раньше меня. Вы все выпили яд, и уже мертвы. А я приведу Демонов в Карсё. Это, да еще ваши тела с гнилым электуарием¹⁶ в жилах, купит мне мир с Демонами.

— Злодей! Тогда и я отравлена! — крикнула Леди Зенамбрия и потеряла сознание.

— Очень жаль, — сказал Корсус, — но кори не меня, а кубок, который тебе передали. Я должен был молчать, пока яд не сковал члены этих проклятых дьяволов и не лишил их сил.

Кориниус сжал челюсти, став похож на бульдога. Болезненно скрежеща зубами он поднялся, в его руке сверкнул обнаженный меч. Корсус, который шел мимо него к двери, слишком поздно заметил, что рассчитал без хозяина: хотя смертельный холод уже набросил саван на ноги Кориниуса, тот все равно оставался слишком быстрым для Корсуса. Герцог помчался к двери, но только успел схватиться за тяжелую портьеру, как меч ударил его в спину. Он упал и неуклюже заворочался на полу, как жаба, насаженная на вертел. И стеатитовый пол стал скользким от крови.

— Отлично, прямо в кишки, — сказал Кориниус. Сил выгащить меч у него уже не было, он закачался как пьяный и упал на пол, рядом с высоким дверным проемом.

16 Электуарий — лекарственная кашка; напр. слабительная, глистогонная, грудная и др.

И пока он лежал там, снаружи слышались звуки сражения, ибо Железная Башня упала поперек внешней стены, проделав бреши во всех оборонительных линиях. И хлынули Демоны через эти бреши в крепость Карсё. Много столетий гордо возносила она над миром свою главу, ибо была построена при Горисе I, и никогда еще не ступала на нее вражеская нога.

И с болью в душе лежал Кориниус, неспособный пошевелить ни рукой ни ногой, и слушал звуки неравного боя, а все те, кто должен был возглавить оборону, уже умерли или умирали перед его глазами. И тем не менее ему дышалось легче и боль слегка отступала, когда его глаза останавливались на жирном теле Корсуса, в смертельной агонии извивавшегося на мече.

Так прошел почти час. Могучее тело Кориниуса и его железное сердце сражались против яда еще долго после того, как все остальные перестали дышать. Но вот битва закончилась, Демоны одержали победу и лорды Джусс, Голдри Блазко и Брандох Даха с некоторыми из своих людей вошли в пиршественный зал. Вымазаны они были кровью и грязью сражения, ибо не без могучих ударов и смерти многих сильных воинов удалось им одержать победу. И застыли они на пороге, и сказал Голдри Блазко: — В этом зале пировала смерть. Как это случилось?

Лоб Кориниуса помрачнел при виде лордов Демонландии, и он потянулся, пытаясь встать, но со стоном упал обратно: — Холод в костях, — сказал он. — Вон тот адский предатель отравил нас всех; иначе кое-кто из вас умер бы от моих рук прежде, чем вы бы захватили Карсё.

— Принесите ему воды, — сказал Джусс. Он и Брандох Даха осторожно подняли Кориниуса и посадили его в кресло, стараясь облегчить его муки.

— Здесь есть живая дама, — сказал Голдри. Ибо Срива, сидевшая по левую руку от отца, избежала яда при обмене кубками. Сейчас она встала из-за стола, где сидела в боязливом молчании, и, с потоками слез и молений, рухнула к ногам Голдри, который приказал увести ее в лагерь и поместить в надежное, хорошо охраняемое место.

Кориниус был уже при смерти, но, собрав последние силы, сказал: — Я рад, что мы пали не от ваших мечей, но только благодаря злой шалости Фортуны, чьим орудием стали дурак Корсус и чрезмерно гордый Король, который захотел запрячь Небеса и Ад в одну повозку. Да, эта шлюха Фортуна сначала целовала меня в губы, а потом подло ударила в живот.

— Нет, не Фортуна, милорд Кориниус, — сказал Голдри, — но боги мщения, ступающие бесшумно, незаметно и неотвратимо.

Принесли воду, и Брандох Даха попытался напоить Кориниуса, но тот отказался, откинул голову назад и, бешеным взглядом глядя на Брандох Даха, сказал: — Подлая тварь! Ты пришел сюда, чтобы оскорбить могилу Ведьмландии? Ты не заколол меня прямо сейчас, значит ты не солдат, а танцующая баба.

— Что? — сказал Брандох Даха. — Пускай собака кусает меня за ляжку: я не собираюсь кусаться в ответ.

Глаза Кориниуса закрылись и он очень тихо сказал: — Ну, как выглядели твои бабские побрякушки в Крозеринге после того, как я побаловался с ними? — Но тут яд достиг его сердца и он умер.

Какое-то время в пиршественном зале царило молчание, но потом слышались легкие шаги и лорды Демонландии повернулись к высоким дверям, которые казались арочным зевом, ведущим в крошечную тьму, ибо Корсус, умирая, сорвал гобелены, и они лежали поперек порога рядом с его мертвым телом, из которого торчала рукоятка меча Кориниуса; сам клинок на фут выходил из груди. И вот, в переменчивом свете светильников, на пороге появилась Леди Презмира, одетая в свои самые богатые одежды, с короной на голове. Ее лицо было бледным, как зимняя луна, высоко плывущая среди легких облаков ветреной дождливой полночью, и лорды, пораженные ее печальной холодной красотой, застыли на месте.

Наконец Джусс глубоко поклонился ей и, как если бы ему приходилось заставлять себя говорить, сказал: — О Королева, мы дарим тебе мир. Приказывай, мы к твоим услугам. И, прежде чем мы отплывем домой, в первую очередь мы утвердим твои законные права на трон Пиксиландии. Но этот час и так слишком наполнен ужасными и мрачными делами, и мы соберем совет завтра утром. Ночь зовет нас на покой. Я молю тебя дать нам уйти.

Презмира глядела на Джусса колючим взглядом, и ее глаза, в которых сверкали зеленые металлические искры, походили на глаза приготовившейся к прыжку львицы.

— Не предлагай мне Пиксиландию, милорд Джусс, — сказала она, — ибо я королева Чертландии. А эта ночь, действительно, принесла мне покой. Все, что мне дорого, успокоилось в земле: мой возлюбленный супруг Корунд; князь, мой брат; Гро, мой друг. Смертью закончилась их встреча с тобой, были ли они тебе друзьями или враги.

— О королева Презмира, — сказал Джусс, — гнездо упало вместе с деревом. Так назначила Судьба, и она крутит нами как юлой. Мы не можем воевать против нее, но — клянусь! — я сделаю все возможное и невозможное, чтобы помочь тебе.

— О, твои клятвы! — сказала Презмира. — Но чем ты можешь мне помочь? У меня есть и молодость и несчастная красота. Или ты умеешь колдовать и поднимешь тех мертвых, которых убил? Ты повсюду хвалишься своим искусством, но это слишком сложно, даже для тебя.

Никто не сказал ни слова, глядя как она осторожно идет к столу. Она посмотрела далеким и, судя по ее виду, непонимающим взглядом на мертвых сотрапезников и их пустые кубки. Пустые, за исключением того, который Виглус передал Корсусу; этот был наполовину полон. Прекрасно сделанный, из бледного зеленого стекла, его ножкой служили три переплетшиеся змеи, одна из золота, вторая из серебра, третья из железа. Беззаботно коснувшись его пальцами, она опять подняла сверкающие глаза на Демонов и сказала: — Вы, люди из Демонландии, привыкли сами съедать яйцо, а скорлупу подавать ни-

щим, как милостью. — И, указывая на мертвых лордов Ведьмландии, спросила: — Это тоже жертвы вашей сегодняшней охоты, милорды?

— Ты неправильно судишь о нас, мадам, — крикнул Голдри. — Демонландия никогда не использовала такие способы против своих врагов.

Лорд Брандох Даха быстро взглянул на нее, выступил вперед и сказал: — Я не знаю, из чего сделан этот кубок, но он странно похож на тот, который я видел в Чертландии. Тем не менее этот еще прекраснее и изящнее. — Но Презмира опередила его вытянутую руку и быстро схватила кубок. Как меч сталкивается с мечом, так взгляд ее зеленых глаз столкнулся с его взглядом, и она сказала: — Не думай, что у тебя остался на земле худший враг, чем я. Это я послала Корсуса и Кориниуса, которые должны были превратить Демонландию в кровавое болото. Если бы у меня были искры мужских талантов, то, прежде чем уйти, я бы отправила души некоторых из вас в тени, где бы они пронзительно визжали, ожидая душ моих дорогих. Ну и меня их нет. Убейте меня и дайте мне уйти.

Джусс, который уже выхватил меч, медленно убрал его в ножны и подошел к ней. Но их разделял стол, и она отступила на возвышение, где в гробу лежал Корунд. Там, как торжествующая богиня, стояла она, глядя на них сверху вниз, с кубком яда в руке. — Не заходите за стол, милорды, — сказала она, или я осушу этот кубок на ваше вечное проклятие.

— Кости брошены, о Джусс, — сказал Лорд Брандох Даха. — И королева выиграла.

— Мадам, — сказал Джусс, — клянусь, что никто тебя и пальцем не тронет и ты будешь вольна делать все, что захочешь. Тебя будут уважать и почитать, и, если захочешь, ты сможешь завести себе друзей. И, ради твоего брата, мы сделаем для тебя все, только попроси. — Но она по-прежнему глядела на него сверкающим взглядом, и он добавил: — Но я прошу тебя, не накладывай на себя руки. Ради тех, кто даже сейчас, в эту роковую ночь, смотрят на нас из неведомых пустынных земель за мрачным озером, не делай этого.

Стоя лицом к нему, с высоко поднятым кубком в правой руке, Презмира положила левую на медные пластины кольчуги Корунда, закрывавшей могучие мускулы его груди. Потом ее рука коснулась его бороды, и, внезапно, отдернулась; и, через мгновение, опять успокоилась на груди. Изменившийся свет отчасти смягчил ее строгую восточную красоту, и она сказала: — Юной отдали меня Корунду. Этой ночью я опять буду спать с ним, или царствовать вместе с ним среди могучих народов мертвецов.

Джусс шевельнулся, хотел что-то сказать, но она остановила его взглядом, тело ее опять стало привычно жестким, и лъвица выглянула из ее бесподобных глаз. — Неужели победа так затуманила твой ум, — сказала она, — что ты решил, будто я — Княгиня Пиксиландии, Королева далеко протянувшейся Чертландии, жена величайшего воина Карсё, ужаса всей земли — я буду жить у тебя на содержании? О милорды Демонландии, добрые ограниченные дураки, я не хочу больше слышать ваши глупости. Лучше снимайте ваши шляпы перед глупой ланью, бегающей по горам, и, убив ее самца, моли-

те ее жить среди ваших баранов. Если жестокий мороз, уничтожив и заморив голодом все остальные нежные цветы в саду, скажет розе «Живи со мной», неужели она послушается своего волка-поклонника?

С этими словами она выпила кубок и, отвернувшись от Лордов Демонландии с видом королевы, отворачивающейся от не стоящей внимания толпы, встала на колени перед гробом Корунда, белыми руками обвила его голову и уткнулась лицом в его грудь.

Задушенным слезами голосом Джусс приказал Бремери унести тела Корсуса и Зенамбрии, а также сыновей Корунда и Корсуса, лежавших на полу, и завтра почтительно предать их земле. — Что касается Лорда Кориниуса, приготовьте ему достойное ложе, на котором он пролежит эту ночь здесь, в зале, а завтра мы похороним его в аллее перед Карсё, как и подобает столь знаменитому капитану. Но великого Корунда и его жену нельзя отрывать один от другого, и, ради их любви, они должны успокоиться в одной могиле, рядом друг с другом. И, прежде чем мы вернемся домой, я воздвигну в их память монумент, каковой положен великим умершим королям и принцам. Ибо царственен и благороден был Корунд, могучий воин и умелый боец, хотя и наш злейший враг. И настоящим чудом были узы любви, связавшие его и эту бесподобную королеву. Кто из женщин мог бы сравниться с ней в верности и величии сердца? И, конечно, в беспримерных горестях.

Потом вышли они во внешний двор Карсё. Ночь несла на себе следы великого потрясения, уже прошедшего, и разорванный облачный покров еще висел на лике небес. В разрывах облаков сияли звезды, и луна, видимая больше чем наполовину, спускалась к Тенемосу. Чувствовалось дыхание осени, и Демоны слегка замерзли, вдохнув прохлады после тяжелого воздуха пиршественного зала. Еще дымилась руины Железной Башни, повсюду валялись огромные закопченные обломки кладки, и вся земля казалась каким-то куском перевозданного хаоса; из нее и из болотистой местности за Карсё вверх поднимались столбы дыма, как если бы горела сера. Вокруг этих адских столбов кружили грязные ночные птицы и летучие мыши на кожистых крыльях; они летали рывками, иногда пролетая через столбы, и в стужившейся мгле их можно было увидеть только тогда, когда они оказывались на фоне луны. Из мрачных болот доносились далекие плачущие голоса: дикие рыдания, всхлипывания и долгие стоны то возносились к небу, то опять замирали.

Джусс положил руку на плечо Голдри и сказал: — Это не жалобы земных созданий и не тех летучих мышей и сов, которые кружат над серным дымом. Это плачут лишившиеся хозяина фамилиары. Много их, служивших Королю, простых духов земли, воздуха и воды; своим магическим искусством он полонил их, заставляя приходить, уходить и исполнять его волю.

— Ни они, — ответил Голдри, — ни мечи Ведыландии не помогли ему против наших мечей и нашей силы: мы разбили на куски его мощь и убили всех его лучших людей.

— Да, истинно это, — сказал Джусс, — и все-таки на земле не жил никто более великий, чем Король Горис XII. Когда после этой долгой войны мы заперли его в Карсё, как оленя в загородке, он не побоялся во второй раз испытать судьбу, на этот раз один, без чьей-либо помощи, а ведь любой другой умер бы после первой же попытки. И он хорошо знал, что тот, кого он вызвал из бездны, должен разорвать его куски, если он ошибется хотя бы на йоту, как и было в первый раз, но тогда его спас верный сторонник. И посмотри, как торжественно обставил он свой уход: удар грома невообразимой силы; черное дымящее Карсё, ставшее его надгробием; мертвые лорды Ведьмландии; сотни наших и их солдат; духи, плачущие в ночи над мертвым повелителем — все это стало его погребальным пирогом.

И вернулись они в лагерь. В положенное время луна села, облака разошлись и спокойные звезды снова пошли по своему вечному пути под покровом ночи, как если бы эта ночь ничем не отличалась от всех других. Но все-таки именно тогда по Ведьмландии ударил молот судьбы и разбил ее на куски.

XXXIII. КОРОЛЕВА СОФОНИСБА В ГЕЛИНГЕ

О ВЕЛИКОЛЕПНОМ ПИРЕ, ДАННОМ ЛОРДОМ ДЖУССОМ КОРОЛЕВЕ СОФОНИСБЕ, ПИТОМИЦЕ БОГОВ, И О ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ, КОТОРОЕ УДИВИЛО ЕЕ БОЛЬШЕ ВСЕХ ЧУДЕС И ДИКОВИНОК, УВИДЕННЫХ ЕЮ В ДЕМОНЛАНДИИ; А ТАКЖЕ РЕДКИЙ ПРИМЕР ТОГО, КАК, ПРОТИВ ВСЕХ ОЖИДАНИЙ, ТОЙ ВЕСНОЙ МИР РОДИЛСЯ ЗАНОВО.

ПРОШЛИ месяцы, и настало время года, когда Королева Софонисба, согласно своему обещания, приплыла в Гелинг в гости к Лорду Джуссу. Одним апрельским утром, в безветренную тихую погоду, каравелла из Зимамвии с Софонисбой на борту вошла в гавань Сторожевого Мыса.

Весь восток превратился в жилище золотого рассвета. Картадзе, резко очерченный, как будто вырезанный из меди, все еще прятался от солнца; тень от гор накрыла гавань, низкие холмы, рощи каменных дубов и земляничных деревьев, спавших в сине-фиолетовой темноте, в то время как аллеи розового цветущего миндаля и белые мраморные набережные, воплощавшие бледную проснувшуюся красоту, отражались как в стекле в спокойной поверхности моря. Начинающийся день уже осветил западный берег гавани и местность за ним. На самых высоких вершинах гор еще лежал снег. Гордо стояли они, омытые солнечным светом, на фоне синего неба: Дина, Трезубец Нантреганона, Копье Шарда, и все пики Невердейла и Торнбэкского кряжа. Утро радостно смеялось на их высоких кряжах и целовало леса, которые цеплялись к их более низким предгорьям: волнующиеся леса, где богатые оттенки коричневого и фиолетового рассказывали о почках, усеявших каждую маленькую веточку на мириадах толстых и длинных ветвей. Белые туманы покрывалом лежали на заливных лугах там, где Тиварандардейл спускался к морю. На берегах островов Ботри и Скарамси, на материке, рядом со Скалой Тремнира, и южнее Оулсвика, поляны среди березовых лесов окрасились в желто-золотой свет: расцвели нарциссы.

Каравелла бросила якорь у самого северного причала. Сладкий запах миндаля говорил о весне, и весна была на лице Королевы, которая спустилась с корабля со своими спутниками и скорыми шагами пошла к Демонам; маленькие ласточки кружились над ней или сидели у нее на плечах: ей, единственной на свете, старые боги даровали вечную юность и вечный мир в Коштра Белорн.

Лорд Джусс и его братья ждали на набережной, там же стоял Брандох Даха. Они глубоко поклонились ей, по очереди поцеловали ее руку и сердечно поздравили с прибытием в Демонландию. Но она сказала им: — Не в одну Демонландию, милорды, но во весь мир. И разве я могла отправиться в какую-нибудь другую страну, а не вашу, которая своей победой принесла радость и покой всему миру? И, конечно, с того времени, когда Моруна почивала в покое, а имена Гориса и Ведымландии еще никто не слышал, мир никогда еще не спал так сладко, как ныне, когда их имена утонули в водоворотах забвения и темноты.

— О Королева Софонисба, — сказал Джусс, — я бы не хотел, чтобы имена великих людей умирали вместе с ними. Теперь, когда войны последних лет завершились и мы стали повелителями земли, настало время простить тех, кто сражался против нас. Но слава тех подвигов всегда будет на устах всех поколений и будет длиться, пока живет мир.

Они сели на лошадей и поскакали из порта к верхней дороге, а потом дальше, к Гелингу, через щедрые пастбища Хавершоу Тонг. На росистых лугах рядом с дорогой резвились ягнята, дрозды перелетали с куста на куст, жаворонки выводили трели в бездонном небе, и пока они через лес ехали к Бекфуту, лесные голуби ворковали на деревьях и белки глядели на них бусинками глаз. Мало говорила Королева, ибо робкие полевые и лесные создания заворожили ее, взяли в плен, и только изредка она вскрикивала от радости. Лорд Джусс, который и сам любил природу, наслаждался ее восторгом.

От Бекфута они резко взяли вверх и через Львиные Ворота въехали в Гелинг. Вдоль аллеи ирландских тисов стоял почетный караул из телохранителей Джусса, Голдри, Спитфайра и Брандох Даха. И все они высоко подняли копья, приветствуя великих лордов и Королеву, а трубачи заиграли приветственный марш на серебряных трубах. Потом, в сопровождении лютен, теорб, лир и приглушенного боя барабанов запел хор девушек, и дорогу перед лордами Демонландии и Королевой усыпали лепестки белых гиацинтов и нарциссов. Леди Мевриан и Армеллин, самые прекрасные из земных королей, ждали их на верху золотой лестницы над внутренним двором Гелинга, приветствуя Королеву Софонисбу.

Трудно даже перечислить все удовольствия и развлечения, которые приготовили лорды Демонландии для Королевы Софонисбы. Первый день она провела среди парков и садов Гелинга, и Лорд Джусс показал ей большие липовые аллеи, тисовые рощи, фруктовые сады и нижние сады, свои любимые дорожки и беседки; они шли по ползущему тимьяну, запах которого освежает тех, кто наступает на него, гуляли в старинных водных садах за Бранкдейлским Ручьем, где летом отдыхают водяные нимфы, и в лунные ночи поют и расчесывают золотыми гребнями свои длинные волосы.

На второй день он показал Королеве свой огород и открыл ей тайные свойства растений, которые глубоко изучил. Здесь рос Замалентиссон, который, будучи взбит вместе с жиром, но без соли, вылечивал любые раны. И белый Ясинец, который надо есть после того, как в тебя попала стрела: стрела выйдет, рана излечится. И еще с его помощью можно обнаружить затаившихся змей, ибо вдыхая его они начинают смердеть так, как будто умерли. И Мандрагора, которую стоит только положить на середину дома как из него все уйдет зло; кроме того она освобождает от головной боли и дарует сон. И Синеголовник, рождающийся в тайных, наполненных влагой местах, корень которого выглядит как голова чудовища, называемого Горгоной, ибо на каждом отростке находились по два глаза и нос, и были они цвета змеи. Он рассказал ей, что, выдергивая этот корень, необходимо следить, чтобы на него

не упал свет солнца, и еще тот, кто хочет разрезать его, должен отвернуть голову, ибо не разрешено человеку видеть этот корень неповрежденным.

На третий день Джусс показал Королеве свои конюшни с боевыми конями, лошадьми для охоты и повозками для скачек, украшенными серебром. Королева с изумлением поглядела на семь белых кобыл, сестер, настолько похожих друг на друга, что никто не мог отличить одну от другой. Джусс получил их давным-давно от жрецов храма Артемиды в землях, лежащих за закатом. И были они бессмертны, ибо не кровь текла в их венах, но ихор, и глаза их горели огнем, как горящие светильники.

Четвертую и пятую ночь провела Королева в Дрепаби, в гостях у Лорда Голдри Блазко и принцессы Армеллин, которые в июле поженились в Зайё Закуло; а шестую и седьмую — в Оулсвике, где Спитфайр устроил замечательный праздник. Но Лорд Брандох Даха не пригласил Королеву в Крозеринг, ибо после злого правления Кориниуса он еще не успел полностью восстановить сады и парки, а также наполнить дом достойными сокровищами. И он не хотел, чтобы она видела замок Крозеринг до тех пор, пока он не восстановит его древнюю красоту.

На восьмой день она вернулась в Гелинг, и Лорд Джусс показал ей свой кабинет с орихалковыми астрояблями, украшенными всеми знаками зодиака и домов луны, и высотой в рост человека; подзорные трубы, перчатки, кристаллы и вогнутые зеркала; и еще огромные стеклянные глобусы, в которых находились гомункулусы, которых он создал, овладев тайнами природы: мужчины и женщины, ростом меньше спана и, насколько можно видеть под их маленькими одеждами, прекрасно сложенные; они ели, пили и ходили внутри глобусов, ибо он своим колдовским искусством вдохнул в них жизнь.

И каждую ночь, в Гелинге, Оулсвике или Дрепаби, они пировали в ее честь. Каждую ночь играла музыка и, веселые и счастливые, они кружились в танцах, слушали бардов и менестрелей, смотрели на состязания борцов и всадников; а еще были маскарады и представления, и никто на земле не видел таких веселых и роскошных праздников.

Уже девять дней Королева гостила в Демонландии, и вот наступил канун дня рождения Лорда Джусса, и, как четыре года назад, все великие лорды страны собрались вместе, чтобы на следующий день поздравить его и его братьев, как то было принято исстари. Стояла прекрасная мягкая погода, и лишь изредка падала изморось, которая придавала новую сладость воздуху, цвет и свежесть земле, и радость свету солнца. Утром Джусс вместе с Королевой отправился в леса Лунной Заводы, одевшиеся в новую зеленую одежду, а после полуденной трапезы показал ей сокровища, хранившиеся в живом камне под замком Гелинг; она увидела слитки золота и серебра, сваленные грудой как поленья; неотделанные кристаллы рубина, хризопраза и гиацинта, такие тяжелые, что самый сильный человек не мог поднять их; холм из слоновых бивней, достигавший потолка; шкатулки и кувшины, наполненные духами, дорогами благовониями, серой амброй, ладаном, сладко пахнувшим сандаловым деревом, мирром и нардом; кубки, чаши, кувшины для вина и шкатулки из

чистого золота, сделанные в виде мужчин, женщин, птиц, зверей и ползающих тварей, и украшенные бесценными драгоценными камнями: жемчугом, розовыми и желтыми сапфирами, хризобериллами, смарагдами и желтыми бриллиантами.

Когда Королева насладились увиденным, он отвел ее в просторную библиотеку, где стояли статуи девяти муз, окружавших Аполлона, и все стены были невидимы из-за покрывавших их книг: исторических и содержащих песни минувших лет, книг по философии, алхимии, астрономии и магии, записей романсов и музыки, книг с биографиями великих умерших воинов, большие трактаты о войне и мире — все с картинками и раскрашенными буквами. Большие окна библиотеки выходили на юг, в великолепный сад, где росли кусты роз, жимолости и вечнозеленой магнолии. Стулья и мягкие диваны стояли около каминов, где зимой горели кедровые поленья. Освещавший зал лучезарные лампы из ярко сверкающих лунных камней, обрамленных мутным зеленым турмалином, стояли на серебряных подставках на столах и рядом с каждым стулом и диваном; воздух наполнял сладкий запах высушенных лепестков роз, плававших в старинных чашах и разрисованных фаянсовых вазах.

— Милорд, — сказала Королева Софонисба, — мне в высшей степени понравились все те чудеса, которые ты показал мне в замке Гелинг: здесь все неприятности кажутся забытым эхом злого мира, оставшегося позади. О мой друг, мое сердце радуется день и ночь, что ты и другие лорды Демонландии будут наслаждаться этими замечательными сокровищами и спокойной жизнью на вашей дорогой родине всю оставшуюся жизнь.

Лорд Джусс стоял у окна, которое выходило на восток, на огромную стену Скарфа, возвышавшуюся за озером. Тень благородной меланхолии витала над его омрачившимся лицом, пока он глядел на завесу дождя, накрывшую лик горы и наполовину спрятавшую ее громадные вершины. — Тем не менее подумай, мадам, — сказал он, — что мы еще совсем молоды годами. А энергичные умы беспокойны в излишнем спокойствии.

Потом он провел ее в оружейный зал, где хранилось его оружие, доспехи и оружие всех его людей. Он показал ей мечи и копья, булавы, топоры, и блестящие кинжалы, украшенные насечкой из золота или серебра и драгоценными камнями: их клинки могли рассечь надвое волос; кольчуги, перевязи и щиты; и еще зачарованные шлемы, которых не мог пробить ни один обыкновенным меч. И сказал Джусс, обратившись к Королеве: — Мадам, что ты думаешь об этих мечах и копьях? Ибо ты хорошо знаешь, что мы высоко поднялись по лестнице власти и ныне правим всеми четырьмя уголками мира.

— О милорд, — ответила она. — Я считаю, что вы заслужили это. И было бы неправильно, празднуя урожай, с презрением относиться к тем орудиям, которые помогли собрать его.

Пока она говорила, Джусс снял с крюка большой меч, в эфес которого были вделаны золотые и серебряные нити, латунную поперечину украшали аметисты, а оба ее конца представляли из себя голову дракона с красными

глазами из альмандина; яблоком эфеса был огромный опал, цвета темного янтаря, в глубине которого мерцали красные и зеленые искры.

— Четыре года назад, — сказал он, — именно с этим мечом в руках я забирался к воротам Карсё вместе с Газларком, и мое сознание еще было омрачено адским посланником Короля Гориса. И этим мечом я целый час сражался против Корунда, Кориниуса и их храбрых людей, стоя спиной к спине с Брандох Даха: самая величайшая битва из всех, в которых я сражался, с таким чудовищным неравенством в силах. Сама Ведьмландия глядела на нас со стен Карсё, через туман и дымку, и поражалась тому, как два человека, рожденные женщиной, могут совершать такие подвиги.

Он развязал завязки на мече, вынул его из ножен и с любовью взглянул на клинок. — Этим мечом я победил сотни моих врагов: Ведьм и Вурдалаков, варваров Чертландии и южных морей, пиратов Эсамосии и князей восточного океана. Этот меч принес мне победу во множестве сражений, в том числе в самом славном из всех, битве перед Карсё в прошлом сентябре. Там, сражаясь против великого Корунда в суматохе битвы, этим мечом я нанес ему рану, от которой он умер.

Он вложил меч обратно в ножны и подержал его минуту в руках, как если бы раздумывал, не повесить ли его на пояс; потом медленно повернулся к стене и повесил меч на стену. Потом они вышли из огромной оружейной, и хотя он высоко, как боевой жеребец, нес голову, отвернувшись от Королевы, она сумела заметить слезу, застрявшую в его реснице.

Вечером они ужинали в личных покоях Лорда Джусса: легкий, хотя и роскошный пир. За круглым столом сидели они: три брата, Брандох Даха, Зигт и Волле, а также Леди Мевриан, леди Армеллин и Королева. Вино из Крозеринга и Норваспа текло рекой, и, казалось, они, все девять, были веселы и беспечны. Но время от времени серая пелена молчания покрывала стол, пока Зигт, Брандох Даха или его сестра Мевриан не отпускали очередную шутку. Королева чувствовала холодок, змеившийся по пиру. И чем дальше шел пир, тем чаще наступало молчание, как если вино стало вызывать у них не радость, а черное настроение и грустные мысли.

Лорд Голдри Блазко, который до этого момента говорил мало, теперь замолчал совсем, его гордое темное лицо застыло в задумчивости. Спитфайр тоже замолчал и с хмурым видом оперся подбородком на руку; иногда он пил, а иногда барабанил пальцами по столу. Лорд Брандох Даха, откинувшись на спинку стула, цедил вино. Очень серьезный, с наполовину закрытыми глазами, как дремлющая в полдень пантера, он молча разглядывал своих товарищей. Но как в ветреную погоду лучи солнца рассеивают тени облаков на склоне горы, так и на его лице иногда играл свет веселых мыслей.

— О милорды, — сказала Королева, — вы обещали, что я услышу подробный рассказ о ваших войнах в Чертландии и Чертландских морях, о том, как вы приплыли в Карсё и о великой битве, произошедшей там, и о гибели всех Лордов Ведьмландии и Гориса XII, да будет проклята его память. Я прошу вас рассказать мне все это сейчас, дабы наши сердца возрадовались расска-

зом о великих подвигах, память о которых будет жить вечно, и мы опять могли бы порадоваться смерти лордов Ведыландии, ибо многие годы вся земля стонала под их тиранией.

Лорд Джусс, на чьем лице она видела следы той же меланхолии, которую заметила сегодня в библиотеке, налил себе еще немного вина и сказал: — О Королева Софонисба, ты услышишь все. — И он рассказал ей все что случилось с тех пор, как они распрощались в Коштра Белорн: о походе в залив Муэльва; о Лаксусе и его огромном флоте, уничтоженном и затонувшем в водах Меликафказа; о битве перед Карсё и ее переменчивом ходе; о нечестивых огнях и горящих знаках в небесах, по которым он узнал, что Король опять колдует в Карсё; и о том, как они ждали в ночи, вооруженные с ног до голову амулетами и заклинаниями, которые должны были помочь отразить атаку адской твари, призванной Королем; и о взлетевшей на воздух Железной Башне; о ночной атаке на Карсё и о Лордах Демонландии, умерших во время пира; и, наконец, о том, что ничего не осталось от силы и ужаса Ведыландии, кроме умирающих огоньков погребальных огней и голосов фамилиаров, жалующихся ветру перед рассветом.

Он закончил, и Королева промолвила, как во сне: — Вот слова, которые как будто сказаны о королях и мертвых Лордах Ведыландии...

*О люди, что велики, но несчастны,
Оставили не больше славы вы, чем тот,
Чей след остался на снегу замерзшем.
Лишь выйдет солнце из-за туч, растает
И снег и след.*

И после этих слов за столом опять воцарилось молчание, еще более печальное и безрадостное, чем раньше.

Внезапно Брандох Даха встал и снял с плеча золотую перевязь, усыпанную оранжевыми сапфирами, брильянтами и созданными молнией огненными опалами, и вместе с мечом бросил на стол перед собой так сильно, что только чашки задребезжали. — О Королева Софонисба, — сказал он, — ты сказала подходящую поминальную песню как для нашей славы, так и для Ведыландии. Этот меч дал мне Зелдорниус. Я сражался им на Крозеринг Сайд против Кориниуса, на проливах Меликафказа против Лаксуса. Он был со мной в последней битве в Ведыландии. Ты сказала, что он принесет мне счастье и победу в битве. Но, в отличии от Зелдорниуса, он не принес мне самого лучшего и последнего счастья: эта земля должна была поглотить меня, когда мои подвиги закончились.

Королева изумленно посмотрела на него, ибо привыкла видеть его беззаботным и лениво насмешливым, а не взволнованным до глубины души.

Но тут встали другие лорды Демонландии и тоже швырнули свои бесценные мечи на стол рядом с мечом Брандох Даха. Лорд Джусс заговорил и сказал: — Было бы лучше, если бы мы принесли наши мечи в жертву на могиле Ведыландии. А сейчас они ржавеют, ибо морские битвы и высокое искусство войны остались в прошлом. Наши великие враги мертвы и мы, повелите-

ли земли, должны превратиться в скотоводов и охотников, если не хотим стать шутами и хлыщами, подходящими товарищами для распутных Бештриан или Красного Фолиота. О Королева Софонисба, и вы, мои братья и друзья, приехавшие в Гелинг на мой день рождения, что вы будете делать в этих праздничных одеждах? Не лучше ли вам заплакать горьким слезами и одеться в все черное, думая о том, что наши великие подвиги и взошедшая в зенит сверкающая звезда нашего великолепия завели нас в болото вечного мира. Подумайте о том, что мы, которые всегда сражались ради сражения, в конце концов сразились настолько хорошо, что никогда больше не будем сражаться опять, если, конечно, не обрушимся в братоубийственном гневе друг на друга. И пускай, прежде чем это случится, земля сомкнется над нами и сама память о нас умрет навеки.

Потрачена до глубины души была Королева, увидев такую неистовую печаль, хотя и не понимала она ее корней и причин. И заговорила она слегка дрогнувшим голосом: — Милорд Джусс, милорд Брандох Даха и вы, остальные лорды Демонландии, я совершенно не ожидала найти в вас такую печаль и недовольство. Ибо я приехала веселиться и радоваться вместе с вами. И очень странно слышать мне причитания и плач по вашим злейшим врагам — страшной угрозе вашим жизням и всему, что вам дорого! — которых вы, наконец, сокрушили. Я только девушка и молода годами, хотя в моей памяти хранятся события двух сотен весен, и не пристойно мне давать советы великим лордам и могучим воинам. Вы молоды и благородны, повелеваете всей землей, богаты любовью сокровищами и дарами науки, и, наконец, живете в самой прекрасной стране на свете, вашей дорогой родине. И мне очень странно видеть и слышать, что вас не привлекают мирные наслаждения и благородные заботы о мире во всем мире. А если вы хотите, чтобы ваши мечи не заржавели, используйте их против диких народов Чертландии или еще более отдаленных стран.

Но Лорд Голдри Блазко только горько рассмеялся. — О Королева, — крикнул он, — разве несчастные дикие туземцы могут утолить голод этих мечей, которые сражались против дома Гориса и его лучших капитанов, которые обрушили стены и славу Карсё?

— И что за радость нам в мягких ложах, деликатесах и всех наслаждениях многогорной Демонландии, — добавил Спитфайр, — если нам, как нам лишеным жала трутням, нечем заслужить свои удовольствия.

Какое-то время они молчали. Потом Джусс заговорил и сказал: — О Королева Софонисба, видела ли ты в дождливый весенний день радугу, пересекающую небо и землю, и замечала ли, как все, что есть на земле за ней — деревья, горы, леса, поля, реки и жилища людей — преобразается цветами ее дуги?

— Да, — сказала она, — и часто желала попасть туда.

— Мы, — сказал Джусс, — улетели за радугу. И мы нашли там не сказочную страну, в которой исполняются все желания, а дождь, ветер и холодные горы. Вот поэтому наши сердца стали холодны, как лед.

— Сколько же тебе лет, о милорд Джусс, — спросила Королева, — если ты говоришь, как глубокий старик?

— Завтра исполнится мне ровно тридцать три года, — ответил Джусс, — и я еще молод по меркам людей. Никто из нас еще не стар, и мои братья и Брандох Даха еще моложе меня. И тем не менее мы, как старики, глядим только назад с тех пор, как нас покинуло счастье. О Королева, тебе трудно понять нашу печаль, ибо благословенные Боги исполнили твои заветные желания и даровали тебе вечную юность и мир. Как бы я хотел, чтобы и они исполнили наши: вечная юность и война, неубывающая сила и боевое искусство. И было бы для нас лучше опять оказаться на грани полного уничтожения, чем жить как бараны, которых откармливают для убоя, или как глупые садовые цветы.

Глаза Королевы расширились от удивления. — Неужели ты действительно хочешь этого? — спросила она.

Джусс ответил и сказал: — Правильно говорят: «На могиле ничего не выстроится: гнилое основание». Вот если бы ты объявила мне, что в это самое мгновение великий Король жив и сидит в Карсё, замышляя ужасную войну против нас, ты бы быстро убедилась, что я сказал правду.

Пока Джусс говорил, Королева оглядела всех, сидящих за столом. И в глазах каждого из них при слове Карсё сверкнула искра радости, как если бы предвкушение битвы на миг вернуло этих мужчин к жизни, выведя из леденящего душу транса. Но когда он закончил, все глаза потухли. Люди, сидевшие вокруг стола, казались Богами, юными и гордыми, но Богами высланными с Небес, печальными и несчастными.

Все замолчали, и Королева, опустив глаза вниз, о чем-то напряженно думала. Потом Лорд Джусс встал на ноги и сказал: — О Королева Софонисба, прости нам, если из-за нашей печали мы забыли о долге гостеприимства и о том, что ты, наша гостья, устала на безрадостном пиру. Все это только потому, что мы знаем: ты наш дорогой друг и с тобой можно говорить без церемоний. Завтра мы будем веселиться с тобой, что бы не произошло потом.

И они пожелали друг другу доброй ночи. Потом все вышли в сад, под звезды, и Королева отвела Джусса в сторонку и сказала ему так, чтобы не слышали остальные: — Милорд, ты и милорд Брандох Даха первыми из смертных вошли в Коштра Белорн и исполнили волю судьбы, у меня только одно желание: помогать вам, сделать вашу жизнь лучше и добыть для вас все, что вы только захотите, насколько это в моих силах. И хотя я только слабая девушка, тем не менее благословенные Боги добры ко мне. И молитва, обращенная к ним, способна сделать чудеса, о которых мы не помышляем. Не хочешь ли ты, чтобы я помолилась этой ночью?

— Увы, дорогая Королева, — сказал он, — разве способны обожженные останки соединиться и стать человеком? Разве возможно повернуть обратно поток неотвратимой необходимости?

Но она сказала: — У тебя есть кристаллы и подзорные трубы, которые могут показывать предметы, находящиеся далеко. Прошу тебя — возьми их с собой, мы поплывем в твоей лодке по Лунной Заводи и сойдем на берег около

полуночи. И пускай с нами поедут милорд Брандох Даха и твои братья. Но пусть никто другой не знает об этом. Ибо мы можем насмешить их лживым рассветом, если все будет согласно твоим мудрым мыслям, о милорд, а не моим молитвам.

И Лорд Джусс сделал все так, как просила его прекрасная Королева, и лунной ночью они поплыли по озеру. Никто ничего не говорил, и Королева сидела одна на носу лодки, мысленно обращаясь с молитвой к благословенным богам. Подплыв к изголовью озера они сошли на берег и очутились на маленькой косе из серебристого песка. Над ними простиралась апрельская ночь, луна мягко светила с неба. Тени гор, чернильно-черные и невообразимо огромные, тянулись к небу. Королева молча встала на колени на холодный песок, и лорды Демонландии, стоя рядом, так же молча смотрели на нее.

Через несколько мгновений она подняла глаза к небу, и увидела, как между двумя главными пиками Скарфа появился метеор; он медленно выполз из темноты, пролетел по ночному небу, оставляя за собой огненный след, и опять исчез во тьме. Теперь уже все смотрели туда и увидели, как появился еще один, и еще, и еще, пока не вспыхнуло огнем все восточное небо над горами. Они появлялись из двух точек на небе: одна между передними лапами Льва, вторая — в темной громаде Рака. И те, которые летели из Льва, сверкали белыми огнями, как Ригель или Алтаир; те же, которые летели из Рака, горели красным, как Антарес. Лорды Демонландии, опираясь на мечи, долго в молчании смотрели на эти чудеса. Потом поток метеоров прекратился, и неподвижные звезды опять спокойно засветили с неба. Легкий ветерок шевелил листья деревьев. Волны с тихим рокотом накатывались на сверкающий под луной берег. Соловей так страстно пел в маленькой рощице на вершине холма, что, казалось, поет дух земли. Не в силах пошевелиться они стояли и слушали, пока песнь не закончилась и на воду, лес и луг не опустилась тишина. И тут весь восток на мгновение взорвался зарницей и оттуда загремел гром.

Постепенно гром стал грохотать более упорядоченно, музыка наполнила небо и землю, сверху понеслись раскаты труб, зовущие на бой, сначала громкие, потом все более тихие, и, наконец, опять воцарилась тишина. Джусс и Брандох Даха мгновенно узнали боевой зов, ибо это была прелюдия к той самой музыке, которую они уже слышали темной ночью во дворце Королевы в Коштра Белорн, когда в первый раз стояли перед ее божественным порталом. Громкий зов опять пронесся через воздух и землю, в нем прозвучал открытый вызов; к нему зазвучали новые голоса, он поднялся к страстной жалобе задрожал в вышине и стал умирать, уносимый ветром, пока от него не остался только рокот приглушенного грома: долгий, низкий, спокойный и тающий страшную угрозу.

Королева повернулась к Лорду Джуссу, ее глаза казались двумя звездами, сияющими во тьме. — Твоя подзорная труба, милорд, — сказала она приглушенным голосом.

Лорд Джусс разжег костер и бросил в него некоторые травы и специи; от костра повеял острый и сладкий запах, в небо поднялся толстый столб

дыма, в котором мелькали огненные искры. — Не мы, о миледи, — сказал он, — иначе наши желания обманут наши чувства. Посмотри в подзорную трубу через дым и скажи, что ты видишь на востоке за неплодным морем.

Королева взглянула и сказала: — Я вижу портовый город и медленную реку, спускающуюся в гавань через озеро, лежащее посреди грязной равнины, и длинную вереницу болот, протянувшуюся от моря внутрь материка. Я вижу высокий берег реки, поднимающийся над болотами, а на нем стены огромной крепости. И сам берег реки, и обнесенная стенами крепость черны как древняя ночь. Крепость кажется мне самым черным злом, восседающем в сосредоточии своей силы посреди одиноких пустынных болот.

— Разве стены крепости еще стоят? А огромная круглая башня на юго-западе не лежит, разбитая вдребезги, на руинах стен?

— Милорд, — ответила она, — все абсолютно цело, как стены твоего собственного замка.

— Поверни кристалл, о Королева, — сказал Джусс, — и, если есть кто-нибудь внутри стен, ты сможешь увидеть их и описать их наружность.

Королева какое-то время молчала, сосредоточенно глядя в кристалл. Потом сказала: — Я вижу пиршественный зал со стенами из темно-зеленой яшмы, испещренными красными пятнами, и массивный карниз, который поддерживают статуи трехголовых гигантов, вырезанные из черного серпентин; каждый гигант склонился под тяжестью гигантского краба. В зале семь сторон. Стоят там два длинных стола и еще одна поперечная скамья. В середине зала стоят железные жаровни и горячие светильники на серебряных подставках. И вижу я гуляк, пьющих за длинными столами. Темноволосый молодой человек с черными бровями и тяжелой челюстью, и рядом с ним другие, похожие на солдат, быть может братья. С ними еще один, краснолицый и более приятный на вид, с длинными рыжими усами. Есть там еще один старик, в медной кольчуге и зеленом, как море, камзоле, жирный и неуклюжий; его редкие серые бакенбарды окружают дряблые щеки. Не самый приятный на вид человек.

Она замолчала и Лорд Джусс спросил: — Кого еще ты видишь в пиршественном зале, о Королева?

— Пламя светильников скрывает тех, кто сидит на поперечной скамье, — ответила она. — Сейчас я опять поворачиваю кристалл. Вот. Теперь я вижу еще двоих, забавляющихся игрой в кости перед поперечной скамьей. Один неплох собой, хорошо сложен, с благородной осанкой, вьющимися коричневыми волосами и бородой, и острыми глазами, как у моряка. Другой кажется самым молодым из всех них, даже моложе тебя, милорд. Он гладко выбрит, крепок телом, у него прекрасные вьющиеся волосы, и он украсил себя праздничным венком. Чрезвычайно сильный и симпатичный молодой человек. И, тем не менее, видится мне в нем что-то злое: несмотря на приятную внешность и королевские одежды он мне не нравится.

— В зале находится еще одна дама, она смотрит на игроков. Одета она в роскошное платье, и очень красива. Тем не менее едва ли я могу похвалить ее... — и с внезапным недовольством Королева отбросила кристалл.

Глаза Лорда Брандох Даха сверкнули, но он ничего не сказал.

— Умоляю тебя, о Королева, еще, — сказал Лорд Джусс, — пока дым не улетучится и видение не исчезнет. Что ты видишь за стенами пиршественного зала?

Королева Софонисба опять поглядела в подзорную трубу и через некоторое время сказала: — Под внутренней стеной этого оплота древней ночи находится терраса, выходящая на восток. По ней идет человек, освещенный светом факелов, на нем королевская корона. Он очень высок: узкое тело и длинные ноги. На нем черный дублет, усыпанный бриллиантами, его корона сделана в виде краба, и камни на ней могут затмить великолепие солнца. Но я даже не вижу его наряд, ибо гляжу ему в лицо, и оно более ужасно, чем лицо любого другого человека, которого я видела в своей жизни. Весь он наполнен темнотой, ужасом, силой и властностью, и даже адские духи должны трепетать перед ним и исполнять все его повеления.

— Сохрани нас небеса, — сказал Джусс, — но, похоже, исполнились наши самые сладостные надежды. Завтра утром мы посмотрим, не растаяли они, как дым.

— Рядом с ним идет, — продолжала Королева, — человек, который говорит с ним так, как слуга разговаривает с хозяином, у него длинная черная борода, курчавая, как овечья шерсть, и блестящая, как крыло ворона. Бледен он, как луна в дневные часы, и слаб телом, у него тонкие черты лица, большие темные глаза и крючковатый нос; и выглядит он слабым и печальным, хотя и благородным.

— А не видишь ли что-нибудь, о Королева, — спросил Брандох Даха, — в восточной галерее над внутренним двором дворца?

— Вижу я высокую спальню, увешанную гобеленами, — ответила Королева. — Темно в ней, ибо освещают ее только свечи, горящие в двух ветвистых подсвечниках, стоящих перед большим зеркалом. Я вижу даму, стоящую перед зеркалом, на ее густых огненно-рыжих волосах королевская корона, украшенная фиолетовыми аметистами. Через дверь за ней входит человек, раздвигающий тяжелые занавески направо и налево. Это очень большой мужчина, выглядящий как король, на нем плащ из волчьей шкуры и красно-коричневый бархатный камзол, отделанный золотом. Серые волосы вокруг лысой макушки и кустистая борода, соль с перцем, говорят о том, что его первая весна давно прошла. Но в глазах горит молодой задор и его походка упруга, как у юноши. Она поворачивается и приветствует его. Она высока ростом, молода и прекрасна, у ней гордое и нежное лицо, и, если ее взгляд не обманывает меня, у нее веселое и нежное сердце.

Королева Софинисба закрыла глаза и сказала: — Милорды, больше я ничего не вижу. Кристалл затуманился, его как будто наполнила белая пена водоворота. Моим глазам тяжело глядеть на это зрелище. Давайте поплывем назад, ибо ночь на исходе и я устала.

Но Джусс остановил ее и сказал: — Дай мне еще немного помечтать. Неужели из руин опять поднялась двойная колонна того самого мира, в кото-

ром живем мы, слепые инструменты непостижимых Небес? Неужели начиная с этого времени я и он, он и я, вечные и бессмертные, всегда будут спорить, кто из нас будет править землей? Если это только призрак, о Королева, ты ввергла нас в самое сердце жестокости. Если бы мы ничего не знали и ничего не видели, то пережили бы это, но не сейчас. Но неужели боги ждали нас над нами и время повернуло вспять?

И заговорила Королева, и как пробуждающийся свет звезд оживает вслед за тающей синевою, так и ее голос походил на падающие тени вечера, за которыми скрывается пульсирующий блеск. — Король, наполненный злобой и нечестивой гордостью, носит на своем большом пальце подобие змея Уробороса, как если бы хочет сказать, что у его королевства нет конца. И, тем не менее, когда пришел назначенный судьбой час, он был свергнут в глубины Ада. И если сейчас он вновь явился оттуда и дни его жизни продолжились, то не из-за его добродетелей, но только ради вас, милорды, вас, которых любят Всемогущие Боги. Поэтому я прошу вас наполнить свои сердца смирением, принять волю самых великих богов, и не говорить неподобающие речи. Давайте вернемся назад.

Рассвет уже вытянул свои золотые пальцы к земле, но лорды Демонландии все еще лежали на своих ложах, отдыхая после волнующих ночных событий. Только за три часа до полудня великие лорды появились в величественном приемном зале, и, как и четыре года назад, три брата сели на свои троны между золотыми гиппогрифами. Но ныне рядом с ними стояли троны для Королевы Софонисбы и Лорда Брандох Даха. С удивлением смотрела Королева на роскошь приемного зала, ибо до сих пор не была она здесь и все вызывало в ней восхищение: беспримерная красота и редкости, орнамент и резьба на стенах, прекрасные картины, самосветящиеся лучезарные лампы из лунного камня и карбункулов, чудовища на двадцати четырех колоннах, драгоценные камни, такие большие, что два человека с трудом могли обхватить их руками, и горящие созвездья из лазури под золотым балдахинном.

Выпили они кубок во славу Лорда Джусса и пожелали ему долгих лет, радости и еще большего величия. Потом взяла Королева маленькую цитру и сказала: — О милорд, я спою сонет для тебя, и для вас, милорды, и для всей окруженной морями Демонландии. — Ударил он по струнам, и запела своим хрустальным голосом, таким нежным, что все в зале восхитились его красотой:

Сравню ли я тебя с весенним днем?

Спокойней ты, нежнее и милее.

Но ветром майский цвет на смерть влеком,

И лето наше мига не длиннее.

Небесный глаз то блещет без стыда.

То скромно укрывается за тучей;

Прекрасное уходит навсегда,

Как рассудил ему природы случай.

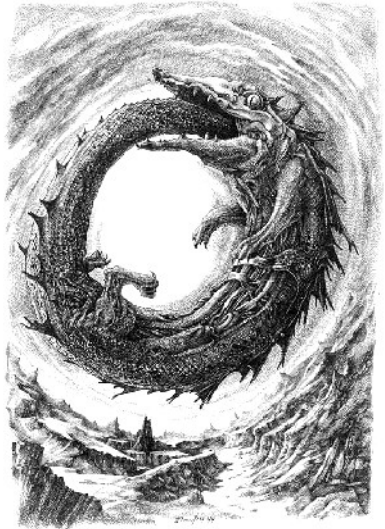
*Но твой не завершится ясный день,
Ему не страшны никакие сроки;
Ты в смертную не удалишься тень,
В бессмертные мои отлитый строки.*

*Пока дышать и видеть нам дано,
Живет мой стих — и ты с ним заодно.*

Когда она допела, Лорд Джусс встал, изящно поцеловал ей руку и сказал: — О Королева Софонисба, питомица богов, не стыди нас похвалами, которые слишком высоки для смертных. Ибо хорошо ты знаешь, что может сделать нас счастливыми. И думаем мы, что прошлой ночью на изголовье Лунной Заводы видели не правдивую картину, но скорее мечту, ночной сон.

Но Королева Софонисба ответила и сказала: — О милорд Джусс, не богохульствуй и не ставь под сомнение щедрый дар благословленных богов, иначе они рассердятся и отнимут его у тебя. Ибо даровали они тебе вечную юность, неубывающая сила, боевое искусство и... Слышишь? — прервала она себя, услышав как трубы трижды взвыли у ворот: три резких ноты.

Услышав звук труб, лорды Голдри и Спитфайр вскочили со своих мест и схватились за мечи, а Лорд Джусс застыл, как насторожившийся олень. Только Лорд Брандох Даха остался сидеть на золотом сидении, не изменив небрежной грациозной позы. Но все его тело осветилось в ожидании будущих событий, как в небе перед рассветом появляются и растут вспышки света. Он взглянул на Королеву, в его глазах мелькнула дикая догадка. Слуга, подчиняясь кивку Лорда Джусса, поторопился выйти из зала.

Ни звука не слышалось в высоком приемном зале Гелинга, пока через минуту слуга не вернулся с потрясенным лицом и, поклонившись Лорду Джуссу, объявил: — Повелитель, это посол из Ведымландии и его свита. Он испрашивает аудиенцию.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: С ДАТАМИ

[Даты от Года Основания Карсё — Г.О.К. Вся история покрывает ровно четыре года: от 22 апреля 399 г. до 22 апреля 403 г. Г.О.К.]

ГОД	СОБЫТИЕ
171	Королева Софонисба родилась в Морна Моруна.
187	Горис III съеден мантикорой за Бхавинаном.
188	Морна Моруна разграблена Горисом IV. Боги перенесют Королеву Софонисбу к Коштра Белорн.
337	Горис VII убит злыми духами во время колдовства в Карсё.
341	Рождение Зелдорниуса.
344	Корсус родился в Тенемосе.
353	Корунд родился в Карсё.
354	Родилась Зенамбрия, герцогиня Корсус.
357	Рождение Хелтераниуса.
360	В Дарклерстед в Демонландии родился Волле.
361	Родился Джалканаиус Фостус.
363	В Дарклерстед в Демонландии родился Визз.
364	В Гоблинладии при дворе короля в Зайё Закуло родился Гро, молочный брат короля Газларка. Газларк родился в Зайё Закуло.
366	Лаксус, главный адмирал Ведыландии и, впоследствии, Король Пиксиландии, родился в Эстремерине.
367	Галландус родился в Бутении.
369	Зитт родился в Больших Кустах в Амараддейле.
370	Джусс родился в Гелинге.
371	Голдри Блазко родился в Гелинге. Декалайус, страшный сын Корсуса, родился в Демонандии.
372	Спитфайр родился в Гелинге. Брандох Даха родился в Крозеринге.
374	Ла Фириз родился в Норваспе. Гориус, второй сын Корсуса, родился в Ведыландии.
375	Кориниус родился в Карсё.
376	Презмира, сестра князя Ла Фириза и вторая жена Корунда, впоследствии королева Чертландии, родилась в Норваспе.

- 379 Родился Хакмон, старший из сыновей Корунда. Мевриан, сестра Лорда Брандох Даха, родилась в Крозеринге.
- 380 Родился Хеминг, второй сын Корунда.
- 381 Родился Дорманес, третий сын Корунда.
- 382 В Карсё родился Виглус, четвертый сын Корунда. Реседор, Король Гоблинландии, втайне отравлен Корсусом: Газларк наследует ему и становится королем в Зайё Закуло. Срива, дочь Корсуса и Зенамбрии, родилась в Карсё.
- 383 Армеллин, кузина Газларка, впоследствии жена Голдри Блазко, родилась в Карсё.
- 384 Карго, младший сын Корунда, родился в Карсё.
- 388 Гоблинландия завоевана Вурдалаками; бегство из Зайё Закуло; сожжение Тенемоса; армия Вурдалаков сокрушена Корсусом.
- 389 Зелдорниус, Хелтераниус и Джалканаиус Фостус посланы Газларком в Чертландию с большими армиями и там заколдованы.
- 390 Ведьмы вторгаются в Пиксиландию. Войска Демонландии спешат на помощь Пикси. Ведьмы терпят поражение в сражении на поле Лормерон. Брандох Даха убивает в бою Короля Гориса X. Корсус взят в плен и опозорен Демонами. Гро, вызвавший вторжение Ведьм, бежит ко двору Ведьмландии.
- 393 Ла Фириз, осажденный в Факс Фей Фазом в Лида Нангуна в Верхней Чертландии, спасен Демонами. Голдри Блазко отражен Корсусом перед Харквемом.
- 395 Корунд женится в Норваспе на Княгине Презмире.
- 398 Вурдалаки отправились в набег. С невообразимой жестокостью они разорили всю Демонландию и сожгли дом Голдри в Дрепаби.
- 399 Священная война Ведьмландии, Демонландии, Гоблинландии и других цивилизованных стран против Вурдалаков. Лаксус, с согласия своего повелителя, Гориса XI, и по совету Гро отводит свои корабли из бою при Картадзе (восточное побережье Демонландии). Тем не менее Вурдалаки разгромлены Демонами в проливе Картадзе и вся их раса истреблена. Горис XI требует, чтобы Демонландия подчинилась ему, борется с Голдри Блазко и погибает. Горис XII колдует в в Карсе, более удачно, чем Горис VII. Голдри схвачен магическим посланником. Джусс и Голдри Блазко, в расстроенных чувствах, дают Газларку увлечь себя в Карсе, где попадают в плен. Ла Фириз спасает их и возвращает в Демонландию. Сон Джусса. Совет в Крозеринге. Первая экспедиция в Чертландию. Король поручает Кориниусу отомстить Пиксиландии. Ла Фириз смещен с трона и бежит. Корунд пересекает Акра Скабрант, внезапно вторгается в Верхнюю Чертландию и завоевывает

эту страну. Флот Демонов терпит кораблекрушение. Кровавая бойня на Салапанте. Демоны идут в Верхнюю Чертландию. Любовное приключение Брандох Даха с Леди Иншайн Нематра, которая проклинает его. Корунд осаждает и захватывает Эшграр Ого. Джусс и Брандох Даха бегут через Моруну к Бхавинану.

400 Новости из Эшграр Ого доходят до Карсё. Король делает Корунда королем Чертландии. Джусс и Брандох Даха пересекают Долину Зиа. Сражение с мантикорой. Подъем на Коштру Пирварха и спуск в Коштра Белорн. Встреча с Королевой Софонисбой. Джусс во сне видит Голдри, плененного на Зора. Королева помогает им. На берегу озера Равари вылупляется гиппогриф. Фатальная глупость Миварша. Джусс не слушает предостережений Королевы, пытается достичь Зара Рах пешком и едва не теряет жизнь. Презмира, королева Чертландии и Лаксус, король Пиксиландии, коронованы в Карсё. Король посылает огромное войско в Демонландию с Корсусом во главе. Лаксус наносит поражение Волле в морском сражении недалеко от Сторожевого Мыса. Корсус разбивает армию Визза около Кроссби, Визз убит на поле боя. Жестокая и безжалостная политика Корсуса. Вражда между ним и Галландусом. Следствия вражды: все меняется, армия Корсуса разбита Спитфайром на Брима Рейпс, выжившие осаждены в Оулсвике. Недовольство армии. Корсус своими руками убивает Галландуса. Гро приносит новости в Карсё. Король смещает Корсуса и назначает Кориниуса королем Демонландии. Битва при Скале Тремнира. Поражение Ситфайра. Кориниус коронуется в Оулсвике. Арест Корсуса и его сыновей и высылка их домой, в Ведьмландию.

401 Завоевание Кориниусом всей восточной Демонландии за исключение Гелинга, в котором держится Бремери с семьёю десятками воинов. Кориниус проходит через Ушко. Он бесстыдно домогается Мевриан. Неудача экспедиции Газларка. Разгром в Аурвоче. Кориниус, уходя от Крозеринга, проходит незамеченным перед более многочисленной армией Спитфайра. Засада и разгром армии Спитфайра на берегах Свичуотрера. Падение Крозеринга. Леди Мевриан в плену. Ее бегство в Невердейл благодаря совету Гро, помощи сыновей Корунда и молчаливому согласию Лаксуса. Гро изменяет Ведьмландии и переходит на сторону Демонландии. Лорд Гро и Мевриан встречаются с Джуссом и Брандох Даха, вернувшимся домой спустя два года. Восстание на востоке и освобождение Гелинга. Приготовления Кориниуса и Демонов к решающему сражению. Битва при Крозеринг Сайд и изгнание Ведьм из Демонландии.

402 Вторая экспедиция в Чертландию, во время которой Газларк и Ла Фириз присоединяются к Демонам. Муэльва и Дидорнианское море. Джусс, Спитфайр, Брандох Даха, Гро, Зигт и Астар пересекают Моруну. Полет Джусса на гиппогрифе на Зору Рах и освобождение Голдри. Король посылает Лаксуса с огромными силами перекрыть Проливы Меликафказа, чтобы не дать Демонам вернуться домой. Битва при

Меликафказе. Уничтожение всего флота Вельдм. Лаксус и Ла Фириз убиты. Единственное уцелевшее судно приносит новости в Карсё. Корунд назначен главным капитаном Карсё. Армия Вельдмландии и их союзников собирается в Карсё. Высадка Демонов на юге. Переговоры перед Карсё. Король предостерегает Джусса. Непримируемая вражда между ними. Знаки и предсказания небес. Отчаянное решение Короля. Битва перед Карсё. Смерть Гро и Корунда. Поражение армии Короля. Военный совет в Карсё. Кориниус опять становится главным капитаном. Корсус советует сдаться. Король высмеивает и унижает его. В отчаянии он отравляет Кориниуса и сыновей Корунда, но убивает также своего сына и жену, и погибает сам от руки Кориниуса. Железная башня взрывается из-за неудачи последнего заклинания Короля. Демоны входят в Карсё и встречаются с королевой Презмирой. Ее трагический конец. Все завершается падением империи и королевского дома Горисов в Карсё.

403

Королева Софонисба в Демонландии. Чудо из чудес, которое восстанавливает мир в день рождения Лорда Джусса, на тридцать третий год его жизни в Гелинге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СТИХАХ

ГЛАВА	НАЗВАНИЕ	ИСТОЧНИК
Эпиграф		Шотландская баллада «Томас Рифмач». Перевод С. Маршака.
III	Погребальная песня Королю Горису XI	Баллада шотландского поэта Уильяма Данбара. «Timor mortis conturbat me» — латынь, значение «Страх смерти беспокоит меня»
	Памфлет на Гро	Эпиграмма на смерть Уильяма Перри, врача из Уэллса, казненного 2 марта 1585 по обвинению в заговоре против Елизаветы I. Современные историки считают, что он был невиновен, но на следствии полностью сознался и был «повешен, растянут и четвертован». Крайне неприятная процедура, присуждавшаяся только за государственную измену. Эпиграмма взята из известной книги Рафаэля Холлишеда, известной как «Хроники Холлишеда», из которой, кстати, Шекспир почерпнул несколько своих сюжетов, например Макбета и Короля Лира. Перевод мой.

	<p>Слова Лорда Гро</p>	<p>Двустихие взято пьесы английского драматурга Джона Уэбстера(1580-1634) «Герцогиня Мальфи» (1614 г.), пятый акт, слова Боссолы. Перевод мой.</p> <p>Вообще Джон Уэбстер любимый драматург ЭРЭ (после Шекспира). Особенно «Герцогиня Мальфи», которая цитируется постоянно. На русский переведены и «Белый Дьявол» (в составе ЛП «Виттория Аккоромбона»), и «Герцогиня Мальфи» (даже два перевода), и «Процесс Дьявола» (который есть в сети под интересным названием «Всем тяжбам тяжба, или когда судится женщина, сам черт ей не брат»).</p> <p>Другие переводы:</p> <p><i>Лишь те, в ком бьются честные сердца, Сражаются за правду до конца.</i></p> <p>П. Мелкова</p> <p><i>Кто честен — тот добро обязан защищать, За правду должен тот без страха умирать.</i></p> <p>Д. К. Петров</p>
<p>IV</p>	<p>Пророчество о трех последних Королях дома Горисов в Карсё</p>	<p>Перевод мой.</p>
<p>VII</p>	<p>Песня в похвалу Презмире</p> <p>Слова Гро</p> <p>Песня Корунда о свином окороке</p> <p>Песенка Корсуса</p> <p>Еще одна песенка Корсуса</p>	<p>Песня Томаса Кэрю, (1594 или 1595 — 1640) — английского поэта, придворного и дипломата. Перевод М. Я. Бородицкой.</p> <p>Эпиграмма Роберта Херрика (1591-1674), английского поэта. Перевод Валерий Савин.</p> <p>Баллада «Лекарство от Тоски» (Antidote Against Melancholy), 1661 г., перевод мой.</p> <p>Анакреон, ода XXV, перевод Н. А. Львова</p> <p>Из Роксбургских баллад. 1774 г. Перевод мой.</p> <p>Баллады, большинство из которых датируется 17-м веком, представляют собой рифмованные рассказы на различные темы, включая сенсационные новости, и удовлетворяли жажду сенсаций и новостей — примерно так же, как сегодня это делают газеты и листки жёлтой прессы.</p>

IX	Строфы Миварша перед Салапантой	Из роксбургских баллад (*Теспериды, 593, 1774 г.). Перевод мой
XV	Любовная песня Презмиры	Джон Донн, английский поэт и священник. Стихотворение «Идеальный Предмет», перевод Г. Кружков. ЛП Джон Донн. Стихотворения и поэмы.
	Любовная песенка Кориниуса	Счастливый пьяница, 1681г., сборник кабацких песен. Перевод мой.
	Песня Кориниуса своей любовнице	То же самое. Перевод мой.
XVI	Серенада Лаксуса	<p>Анакреонт, Ода II О женщинах. Перевод мой. Перевод Л. А. Мея:</p> <p><i>Одарила природа Твердым рогом быков, Коней — звонким копытом, Зайцев — ног быстротою, Страшной пастью — львов,</i></p> <p><i>Рыб — способностью плавать. Птиц — полетом воздушным, Силой духа — мужчин, А для жен не остался Из даров ни один.</i></p> <p><i>Что ж дала им природа? Вместо брони и копий — Красоту даровала, Чтобы женщина ею И огонь, и железо Всеобедно сражала!</i></p>
XVII	Марш ветеранов Корсуца	Перевод мой
XXII	Баллада Мевриан о воронах	Знаменитая шотландская баллада о воронах, вариант которой переводил Пушкин: «Ворон к ворону летит...». Перевод: Р.Митин
XXIV	Мевриан о камне асбест	Роберт Грин, (1560 — 1592) английский писатель и драматург. Стихи из пьесы: «Альфонс, Король Арагона». Перевод мой.

XXX	Серенада Гро Презмире	Сэр Генри Уотгон. (1568-1539). Стихи к Елизавете, королеве Богемии. Перевод Александр Лукьянов.
XXXI	Пророчество о колдовстве	Перевод мой. Подстрочник: <i>Так твой дом будет стоять и быть Вплоть до вечности Пока идешь осторожно И с полной убежденностью. Но если нечестиво Во второй раз один и тот же Использует черную магию Один из вашего потомства, он будет схвачен Демонами хитроумными, Потеряет жизнь И оборвет эту линию, И будет навечно проклят И никогда больше не увидит землю. Даже боги не смогут спасти его Из Ада, где он должен был остаться Вплоть до вечности. Все это рассказали мне звезды.</i>
XXXIII	Слова Королевы Софonisбы о падении Демонландии	Джон Уэбстер «Герцогиня Мальфи». Перевод мой
	Слова Лорда Джусса	Джон Уэбстер «Процесс Дьявола» Перевод С. Э. Таска
	Сонет Королевы Софonisбы	18-ый сонет Шекспира. Перевод С. Степанова

Справка

Томас Рифмач

У подножия холмов Эйлдон, между ними и участком Тримонтиума, установлен камень Томасу Рифмачу – Камень Эйлдонского Дерева. Надпись, выбитая на камне, сообщает:

Этот камень отмечает место дерева Эйлдон, где, как гласит легенда, Томас Рифмач встретил королеву фей, и где его вдохновило на первые звуки шотландской музыки.

Не ищите в словаре название дерева Eildon Tree, это – мифическое Древо жизни древних кельтов The Celtic Tree of Life Однако оно действительно существует, маленькое деревце из семейства розоцветных, с очень прочной корой и чудесными ягодами, называемое среди прочих своих имён иногда очень по-майски May, Mayblossom, Mayflower.

А официальное научное название ему – *Crataegus monogyna* – или, по-английски, Hawthorn – боярышник – дерево, как известно всем менестрелям, посвящённое феям.

Именно у него и встретились Томас и королева страны Elphame или Elfland (англицированное древнее северное название мистической страны Álfheim. Помните саги? Как там у асов? Как там у альвов?)

Следы неведомой страны Elphame пролегают по страницам исландских саг, по кельтским сказам, по эпосу Толкина.. Много общих корней, много общих путей, ведущих куда-то в земли на далёком западе, где живут невыразимо прекрасные существа – эльфы. Границы их царства отмечены реками. Элемент *elvr* – обычное слово для «река» в скандинавском регионе и встречается в разных речных названиях. Он родственного происхождения со средним нижнегерманским *elve* «река» и названием реки Elbe Эльба.

О встрече смертного с миром эльфов повествуется в балладе *Erlkönig*. Другой пример встречи двух миров – баллада *Herr Oluf*, где рыцарь наезжает на пляшущих в ночном лесу эльфов, и сама королева приглашает его к танцу.

Однако может произойти не только встреча, но и путешествие в волшебную страну, пример этому – баллада *Thomas the Rhymer* (*Tom der Reimer*).

Сказывают, что *Thomas the Rhymer* (также *Thomas Rhymer* или *Thomas Rymer*) – Томас Рифмач или Томас Стихотворец – популярнейшее имя Томаса Лирмонта из Ирсилдуна (Эрсильдауна), что на реке Лидер (*Thomas Learmonth of Erceldoune*), реального шотландского поэта 13 века. Как сообщают: Его произведения, написанные на шотландском диалекте, поэтически совершенны, примером этого может служить одна из ранних версий истории о Тристане и Изольде. Поэт и историк Роберт де Брюнн (1288-1338) описал манеру стихотворца следующими строками: ...он написан таким цветистым языком и таким сложным размером, что теряет все свои достоинства в устах обыкновенных менестрелей, которые чуть ли не в каждой строфе что-то пропускают в ущерб и смыслу, и ритму отрывка.

Итак, с одной стороны, Томас Лирмонт – видный стихотворец. Кому это имя ничего не напоминает, стоит напомнить о русском поэте Михаиле Лермонтове, который, как теперь повсеместно утверждают, действительно приходился лорду Лирмонту родственником.

У далёкого шотландского поэтического предка Лермонтова есть и другая прославившая его сторона – Томас-пророк. Его репутация обладателя сверхчеловеческих сил соперничала с Мерлином. По словам Вальтера Скотта, мало кто так прославлен в преданиях, как Томас из Эрсильдауна. Томас стал известен как *True Thomas*, потому что не мог говорить неправду. Это своё необычное качество он приобрёл в неведомой стране, куда отправился после встречи с королевой эльфов, он пробыл там семь лет, и когда, как сказывают, настал час возвращения в мир людей, ему было предложено право выбора – стать арфистом или пророком. Он выбрал последнее. После этого он пророчествовал среди людей (это он предсказал неожиданную смерть Александра Третьего, битву Беннокбёрна, вступление на престол Джеймса Четвёртого, объединение тронов Англии и Шотландии), а потом снова возвратился в Сказочную страну, откуда больше не вернулся..

Баллада о Томасе Рифмаче существует в различных версиях. Музыковеды усматривают её следы в далёком 13 веке. Эта история родственна с другой шотландской историей – легендой о Там Лине, которая также повествует о встрече смертного с миром эльфов.

Томас-рифмач

Над быстрой речкой верный Том
Прилёг с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь.

Зелёный шёлк – её наряд,
А сверху – плащ красной огня.
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Её чудесной красотой,
Как солнцем Том был ослеплён.
– Хвала Марии Пресвятой! –
Склоняясь ниц, воскликнул он.

– Твои хвалы мне не нужны,
Меня Марией не зовут.
Я – королева той страны,
Где эльфы вольные живут.

Побудь часок со мной вдвоём,
Да не робей, вставай с колен,
Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадёшь надолго в плен.

– Ну, будь что будет! – он сказал. –
Я не боюсь твоих угроз! –
И верный Том поцеловал
Её в уста краснее роз.

– Тебя, мой рыцарь, на семь лет
К себе на службу я беру!
Тебя, мой рыцарь, на семь лет
К себе на службу я беру!

На снежно-белого коня
Она взошла. За нею – Том.
И вот, уздечкою звеня,
Пустились в путь они вдвоём.

Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Перд ними был пустой простор,
А за плечами – край жилой.

– На миг, мой Том, с коня сойди
И головой ко мне склонись.
Есть три дороги впереди.
Ты их запомнить покаянись.

Вот этот путь, что вверх идёт,
Тернист и тесен, прям и крут.
К добру и правде он ведёт,
По нём немногие идут.

Другая – торная – тропа
Полна соблазнов и усад.
По ней всегда идёт толпа,
Но этот путь – дорога в ад.

Бежит, петляя меж болот,
Дорожка третья, как змея,
Она в Эльфландию ведёт,
Где скоро будем ты и я.

Что б ни увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой,
А проболтаешься, мой друг,
Так не воротишься домой!

Через потоки в темноте
Несётся конь то вплавь, то вброд.
Ни звёзд, ни солнца в высоте,
И только слышен рокот вод.

Несётся конь в кромешной мгле,
Густая кровь коню по груди.
Вся кровь, что льётся на земле,
В тот мрачный край находит путь.

Но вот перед ними сад встаёт.
И фея, ветку наклонив,
Сказала: – Съешь румяный плод –
И будешь ты всегда правдив!

– Благодарю, – ответил Том, –
Мне ни к чему подарок ваш.
С таким правдивым языком
У нас не купишь – не продашь.

*Не скажешь правды напрямик
Ни женщине, ни королю...
– Попридержи, мой Том, язык
И делай то, что я велю!*

*

*В зелёный шёлк обут был Том,
В зелёный бархат был одет.
И про него в краю родном
Никто не знал семь долгих лет.*

/Перевод С. Маршака/

Существенным мне представляется именно не упустить это священное дерево, не пропустить его в своём переводе и упомянуть столько раз, сколько оно в оригинале – ведь здесь оно – Eildon Tree – названо по имени целых два раза: в самом начале мы видим вместе с Томом, как к дереву Эйлдон скачет неизвестная красивая леди – вот это и есть то главное, что надо донести в переводе – красивая леди скачет к дереву ЭЙЛДОН. И второй раз названо дерево – когда Томас поцеловал её в розовые губы, и всё это случилось под сенью Эйлдона. И это важно.

Вместо этого, перевод знаменитого переводчика Маршака меня просто разочаровал. Ведь не будь у меня знакомства с оригиналом, так бы и не узнать мне о существовании этой сказки, священного дерева, открывающего свои двери в потусторонний мир. Ну как это упустить? Ведь в этом вся сказка – дерево Эйлдон, невидимые корни которого ведут в неведомое, дерево – двери в другой мир – вот это и есть самое главное. А вместо этого в переводе – полное умолчание об этом главном и вообще весь перевод выдержан в каком-то принижено-бытовом духе, лишённом волшебности. Не то, не то.

Что же до описания трёх путей, показанных Томасу королевой, то мне так и останется милей всего перевод этого места баллады, выполненный в переводе труда Толкина «О волшебных сказках» С. Кошелевым, в том месте, где профессор Толкин размышляет о пути в Волшебную страну.

*Вглядись: тропинка чуть видна,
Пророс терновник меж камней...
О, это Праведных тропа,
Немногие идут по ней.*

*А вот широкий, торный путь,
Где на лугах блестит роса...
Но этот путь – стезя Греха,
А не дорога в Небеса.*

*И вот чудесная тропа
В холмах зелёной стороны.
То путь в Волшебную страну.
Мы по нему идти должны.*

© eldr.livejournal.com

Уильям Данбар

Уильям Данбар (англ. William Dunbar, ок. 1460—ок. 1520) — крупнейший шотландский поэт XVI века.

Уильям Данбар обучался в шотландском университете Сент-Эндрюса и вступил во францисканский орден. Около 1500 г. Данбар прибыл ко двору шотландского короля Якова IV, который отличался любовью к искусству и меценатством. Данбару удалось получить достаточно крупный пенсион у короля. Уильям неоднократно также выполнял различные дипломатические поручения (например, сопровождал в Шотландию невесту Якова IV английскую принцессу Маргариту Тюдор.

Уильяма Данбара по праву считают одним из крупнейших шотландских поэтов. Находясь под влиянием Чосера, Данбар, тем не менее, ушел далеко в перед во владении языком. Его творчество отличается богатством поэтических приемов и виртуозным владением словом. Для Данбара свойственно повышенное внимание к человеку как индивидууму, в противоположность общечеловеческим проблемам, психологизм и некоторый эгоцентризм. Данбару также блестяще владел сатирой («Танец семи смертных грехов», «Две женщины и вдова»). Будучи приближенный короля Данбар зачастую высмеивал не только горожан и крестьян, но и придворные порядки. Наиболее известными произведениями поэта являются поэма «Чертополох и роза» (англ. *The Thrissil and the Rose*), написанная в честь свадьбы Якова IV, «Золотой щит» (англ. *The Goldyn Targe*), а также «Борьба Данбара и Кеннеди» (англ. *Flyting of Dunbar and Kennedy*), в которой поэт показал противостояние гэльских и англо-шотландских литературных традиций.

© Википедия

Джон Уэбстер

Джон Уэбстер (Джон У́эбстер, англ. John Webster; 1578, Лондон—1634, Лондон) — английский драматург, современник Шекспира и Бен Джонсона, мастер т. н. «кровавой трагедии».

Творчество Уэбстера охватывает 1602—1624 гг.

До 1612 года в сотрудничестве с драматургами Деккером, Марстоном, Хейвудом и другими Уэбстер пишет ряд пасторальных и бытовых комедий и мещанских фарсов. Все они, по мнению некоторых исследователей, отличаются ещё художественной незрелостью: юмор не был стихией «мрачного Уэбстера».

Слава драматурга покоится на двух шедеврах:

«*The White Devil*», 1612, переведена на русский язык Аксёновым под заглавием «Белый дьявол». Сюжетом послужили исторические события Италии эпохи Медичи, в центре которых фигурирует знаменитая куртизанка Виттория Коромбона. В показе распущенности двора, аристократической олигархии и всемогущего католического духовенства, Уэбстер всецело стоит на позициях гуманизма.

«*The Duchess of Malfi*» («Герцогиня Мальфи», 1614). Фабула «Герцогини» заимствована из новеллы Банделло, переведённой Пэйнтером в сборнике «Дворец наслаждения».

В жанровом отношении трагедии Уэбстера принадлежат к «трагедиям крови», восходящим к «Испанской трагедии» Кида. В них мы находим весь реквизит этого жанра: мрачную фантастику (сцена на кладбище, замогильный голос герцогини), эффекты ужаса (пляска умалишённых и сцена с могильщиком), нагромождение преступлений (умерщвление детей и мужа), гиперболизацию человеческих страстей и сублимированную патетику. Особенной яркостью отличается образ Виттории Коромбоны, проникнутой жестокостью и лицемерием.

Композиция Уэбстера грешит отсутствием логической связи между отдельными сценами и недостаточной чёткостью сюжетного построения (напр. отдельные акты «Белого дьявола» и бледный V акт в «Герцогине»), но сжатость и художественная выразительность языка (представляющего собой чередование прозы и стихов), лирическая насыщенность, мрачный пафос его метафор обеспечивают Уэбстеру место не только гениального драматурга, но и выдающегося поэта.

Перу Уэбстера принадлежит также трагикомедия «*The Devil's Law Case*» («Процесс дьявола», 1620).

© Википедия

Томас Кэрью

Томас Кэрью (англ. Thomas Carew; 1594 или 1595–1640) — английский поэт, придворный и дипломат...

Стихотворения Кэрью — чувственная поэзия. Они открывают нам, как он сам сказал, «скровищницу богатой и полной смысла мечты». На его метрический стиль повлиял Джонсон, а на воображение Донн, которым он неимоверно восхищался. У Кэрью была ясность и непосредственность в лирике, не знакомая Донну. Томас Кэрью был одним из первых авторов песен кавалеров (cavalier songs), Джон Уилмот (John Wilmot) был его последователем. Поэты показывали постыдные случаи праздной жизни двора в стихах, которым зачастую была присуща редкая утонченность и чистейшая мелодия и цвет. Самое длинное стихотворение Кэрью «Блаженство» («A rapture») было бы выше оценено, если бы богатая фантазия была обуздана сдержанностью вкуса. Наградой его потомкам стало то, что поэзия Кэрью была исследована такими критиками XIX века, как Чарльз Нивз (Charles Neaves), который даже спустя два столетия считал, что поэзия Кэрью находится на «чувственной» грани приличия.

«Стихотворения» («Poems») Томаса Кэрью — это сборник стихотворений, песен, пасторалей, поэтических диалогов, элегий и стихотворений, написанных по особому случаю. Большинство стихотворений небольшие, самое длинное из них «Блаженство» («A Rapture») содержит 166 строк, больше половины других содержат меньше 50 строк. Основное место в наследии Кэрью занимает любовная лирика. Самим пониманием любви Кэрью больше обязан Джону Донну, автору элегий и других стихотворений в стиле Овидия, чем Джонсону, хотя и тут он по-своему переосмысляет традицию Донна. Несколько стихотворений, включая «An Elegy upon the death of the Deane of Pauls, Dr. John Donne», — дань памяти. Другие, в частности «To Saxham» прославляют загородную жизнь, и несколько отмечают такие события, как успешная постановка пьесы («To my worthy Friend, M. D'Avenant, upon his Excellent Play, The Iust Italian») или свадьба друзей («On the Marriage of T. K. and C. C. the Morning Stormie»). Многие песни и стихи адресованы женщине, о которой до сих пор нет никаких сведений — Селии. Селия, очевидно, была возлюбленной Кэрью многие годы. Стихотворения к Селии говорят о настоящих ухаживаниях, о том, что нужно «ловить мгновение».

Физические удовольствия любви также отмечают: «Блаженство» («A Rapture») графически описывает сексуальный контакт через аналогию, эвфемизм, парадокс, в то время как «Любовные ухаживания» («Loves Courtship») говорит о раннем лишении невинности. Ряд стихотворений Кэрью сосредоточены на теме поэзии как таковой. Его элегия к Джону Донну была оценена как шедевр критики, а также как выдающийся проницательный анализ метафизических характеристик литературной деятельности Донна. Томас Кэрью в своей элегии на смерть Джона Донна назвал его «королем, правившим по своему произволению всемирной монархией ума». Английский поэт и сценарист Бэн Джонсон — это тема другого критического стиха «To Ben Johnson, Upon Occasion of His Ode of Defiance Annexed to His Play of The New Inne». Это стихотворение, как и элегия к Донну, затрагивает тему стиля смысла литературной деятельности автора, а также личные его качества. Среди стихотворений Кэрью «по случаю» известны его обращения к любительницам моды, похвала великодушия, похоронные песни по поводу смерти друзей или известных людей, таких как король Швеции Густавус Адольфус.

© Википедия

Джон Донн

Джон Донн (англ. John Donne, произносится Дан, 21 января 1572, Лондон — 31 марта 1631) — английский поэт и проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла, крупнейший представитель литературы английского барокко («метафизическая

школа»). Автор ряда любовных стихов, элегий, сонетов, эпиграмм, а также религиозных проповедей.

Для лирики Донна характерны изощрённость, усложнённый синтаксис, образность, игра на контрастах, многозначность. Его стихи адресованы подготовленному читателю, способному совершить определённое интеллектуальное усилие для их понимания. Он не первый в поэзии использовал кончетто, но сделал его важным приёмом своей лирики, — неожиданная ассоциация приходила на помощь автору в выражении движения мысли.

Первыми произведениями Донна стали сатирические стихи на современное английское общество. Сатира I датируется 1593 годом. Пять сатир имели хождение в рукописных списках под наименованием «Книга сатир Донна». Донн отверг елизаветинскую традицию высокого поэтического слога, намеренно снижая стиль он сближает свои произведения с сатирой Ренессанса. Стихотворные произведения созданы в новаторской для поэзии того периода форме драматического монолога.

С точки зрения изучения эволюции убеждений Донна интересна Сатира III (1593 или 94), посвящённая вопросам религии. Лирический герой сатиры не находит истины ни в одной из земных церквей. По мнению биографов, уже в 90-е годы Донн сомневался в положениях католической доктрины.

Любовные элегии Донна во многом полемизируют с произведениями современных ему поэтов-петраркистов, находившихся в плену отработанных шаблонов. Пародирруя, Донн в то же время переосмысливает традиции Петрарки, создавая свой собственный вариант петраркизма.

По обычаю того времени Донн много писал на заказ для своих друзей и покровителей. Таковы две поэмы «Первая годовщина» или «Анатомия мира» (*An Anatomy of the World*, 1611) и «Вторая годовщина» (1612), посвящённые памяти Элизабет, дочери Роберта Друри. Произведения «на случай» стали серьёзным размышлением о распаде мира, разрушенной гармонии, потери связи между человеком (микрокосмос) и вселенной (макркосмос), противопоставлении земного и небесного, воплощённого в идеализированном образе умершей девушки.

Одной из вершин творчества Донна считаются циклы сонетов *La Corona* (ок. 1607—1609) и «Благочестивые размышления» (иначе «Благочестивые сонеты»). Итальянское название первого цикла указывает на связь с распространённым в эпоху Ренессанса «венком сонетов». Наименование цикла, возможно, также библейская реминисценция: тленный «венок гордости» противопоставляется «венцу праведных». Каждый из семи сонетов *La Corona* посвящён одному из событий евангельской истории.

«Благочестивые сонеты» — 19 сонетов, 16 из которых написаны в 1609—1611 гг., последние 3 — после 1617 г. Тема этого цикла — осознание человеком неизбежности смерти, преодоление страха смерти и обретение им бессмертия.

Страстный драматизм поэтических произведений Донна в более поздние годы уступил спокойной уравновешенности. В последние годы жизни, поглощённый проповеднической деятельностью, Донн почти оставляет поэзию.

Несмотря на то, что Донн известен прежде всего как поэт, большую часть его литературного наследия составляют проповеди. Обыкновенно Донн не писал к выступлению полный текст проповеди, а пользовался лишь конспектом. Окончательный письменный вариант появлялся позднее. Во время последней болезни, за три дня до смерти, Донн передал своему другу Генри Кингу тексты проповедей, завершённые по настоянию последнего. Впервые они были опубликованы сыном Донна Джоном Донном-младшим.

Его произведения не издавались при жизни и распространялись только в рукописях, сам Донн не хотел их публиковать. Первая книга вышла лишь в 1633 году.

Генри Уоттон

Сэр Генри Уоттон (Sir Henry Wotton) приобрёл литературную известность своими прелестными стихотворениями и своей дружбой с Джоном Донном. Уоттон родился в графстве Кент в 1568 году, получил образование в Оксфорде и после смерти отца отправился путешествовать по Европе, как и полагается джентльмену. Его карьера поражает пестротой: Уоттон был прекрасным дипломатом, ловким придворным и хорошим администратором. Будучи секретарём графа Эссекса попал под подозрение в связи с заговором последнего; бежал во Флоренцию ко двору эрцгерцога Фердинанда, где узнал о готовящемся убийстве Якова VI, короля Шотландии. Переодевшись итальянцем, Уоттон приезжает в Шотландию и предупреждает короля. Когда Яков стал королём Англии Яковом I, Уоттон получил его покровительство, стал рыцарем и послом в Венецию, а потом был назначен ректором Итона — этот пост он сохранил до своей смерти в 1639 году. Уоттон писал пьесы, прозу, хотя из поэзии до нас дошли буквально два стихотворения. Однако и этого скудного наследия достаточно, чтобы считать его одним из замечательных поэтов Возрождения. Стихотворение «Elizabeth of Bohemia» Уоттон посвятил своей любовнице, королеве Богемии Елизавете, дочери Якова I.

Елизавета Богемская

*О, скромная краса ночей,
Числом пленяет хоровод
Ваш — не сиянием лучей.
Что вы, небес простой народ,
Забрезжит солнца лишь восход?*

*Певуньи леса, обратив
К Природе мелодичность нот,
Признанья ждёте за мотив
Простой. Но что хвала тех од
Лишь Филомела* запоёт?*

*Фиалки, первенцы полей,
Как девы гордо лета ждут
В лиловой мантии своей,
Как бы весной владея тут.
Что вы, лишь розы зацветут?*

*Когда же госпожа моя
Красой ума всех озарит,
Чиста, супруга короля,
Она сама свой дивный вид
Сиять заставит иль затмит?*

/Перевод Александра Лукьянова/

© page.divo.ru/lukas/perevod/F_Wotton.html

* Соловей

Об авторе

Э. Р. Эддисон (Эрик Рюкер Эддисон / Eric Rücker Eddison) — английский писатель. Родился в богатом пригороде Лидса. Начальное образование получил у частных преподавателей. Те же преподаватели были у юного Артура Рэнсома, позже известного журналиста и детского писателя, который в своей «Автобиографии» (1976) вспоминает об эддисоновских отчаянно макиавеллистских методах избавления от нелюбимых учителей.

Затем Эддисон закончил Итонскую школу и Тринити-колледж в Кембридже и в 1906 поступил на службу в Комитет по торговле при Тайном совете. Там он проработал до 1938, выйдя на пенсию, чтобы полностью посвятить себя писательскому ремеслу. За время своей карьеры госслужащего он был награжден Орденом Святого Михаила и Святого Георгия 3-го класса (1924) и Орденом Бани 3-го класса (1929).

Он известен прежде всего своим ранним романом «Змей Уроборос» (The Worm Ouroboros, 1922) и трехтомником, известным как «Зимиамвийская трилогия» (Zimiamvian Trilogy), где действие происходит в воображаемом мире Зимиамвия: «Повелительница повелительниц» (Mistress of Mistresses), «Рыбный обед в Мемисоне» (A Fish Dinner in Memison) и «Врата Мезентия» (The Mezentian Gate; эта часть, опубликованная посмертно, завершена лишь частично, многие центральные главы являются лишь схематическими набросками). Таков порядок написания и выхода книг, но хронологический порядок действия обратный. При этом «Врата Мезентия» и «Рыбный обед в Мемисоне» почти синхронны по изображаемому времени, но действие «Врат» начинается чуть раньше. Действие «Повелительницы повелительниц» разворачивается после смерти короля Мезентия, главного героя первых двух книг.

Эти ранние произведения высокой фэнтези заслужили похвалу Дж. Р. Р. Толкиена (Письмо 199 в книге «Письма»), К. С. Льюиса (в статье «Памяти Э. Р. Эддисона») и Урсулы Ле Гуин (в эссе «Из страны эльфов в Поукипси»). Толкиен, правда, находил базовую философию книг отталкивающей и даже поругался с Эддисоном при их единственной встрече, а последний, напротив, счёл взгляды Толкиена «слишком мягкими». Книги написаны тщательно воспроизведенным стилем яковитской прозы середины 17 века (английское рококо), кишат чужими фразами, часто с указанием источника, но не реже честно украденными, из его любимых писателей и жанров: Гомера и Сафо, Шекспира и Джона Уэбстера, скандинавских саг и французской средневековой лирики.

Они демонстрируют чисто аристократическую чувствительность; как герои, так и негодяи сохраняют олимпийское безразличие к условностям. Майкл Муркок писал, что его персонажи, особенно отрицательные, гораздо более живые, чем у Толкиена. Де Камп заметил, что хотя описания сильных мира сего, попирающих низшие классы, соответствуют исторической правде, его персонажи часто с высокомерием и презрением третируют своих подданных, и такое поведение описано как составляющая их величия. Действительно, в конце «Змея Уробороса» герои, которым наскучил мир, воскрешают

своих врагов, чтобы снова биться с ними, невзирая на жертвы, что неизбежно вызовет такая война.

«Зимиамвия» задумывалась не как трилогия, а как часть более обширного цикла, оставшегося незавершенным. Эддисон дописал резюме недостающих глав «Врат Мезентия» совсем незадолго до смерти. Некоторые дополнительные материалы к этой книге впервые опубликованы в издании 1992 года.

Перу Эддисона принадлежат еще три книги: «Стихи и письма Филипа Сиднея Нэйрна, а также воспоминания о нем» (*Poems, Letters, and Memories of Philip Sidney Nairn*, 1916), «Стирбьорн Сильный» (*Styrbiorn the Strong*) и «Сага об Эгиле» (*Egil's Saga*). Первая посвящена памяти умершего в молодости друга по колледжу. Другие две имеют отношение к древнескандинавской литературе; первая из них является пересказом «Сказания о Стирбьорне» (*Styrbjarnar þáttir Svíakappa*, короткий прозаический рассказ, сохранившийся в рукописи XIV века), а вторая — перевод исландской «Саги об Эгиле» (о великом скальде Эгиле Скаллагримссоне, сочиненной в XIII веке) с объемистым комментарием.

© fantlab.ru

Библиографи

Романы:

1922 — *The Worm Ouroboros* (Змей Уроборос)

1926 — *Styrbiorn the Strong*

1935 — *Mistress of Mistresses* (Повелительница повелительниц)

1941 — *A Fish Dinner in Memison*

1958 — *The Mezentian Gate*

Статьи:

1916 — *Afterword to Poems, Letters, and Memories of Philip Sidney Nairn*

1930 — *Introduction to Egil's Saga*

Эссе:

1930 — *Essay on Some Principles of Translation*

Иллюстрации

- «Ouroboros», Lucas Jennis «De Lapide Philisophico».
- **Крылатый конь**
- «Голландский торговый корабль», Питер Брейгель, 1564.
- **Поединок**
- **Грифон**
- «Unius compendium, alterius stipendium», Claude Paradin Chanoine de Beaujeu «Devises Heroïques», 1557.
- «Two Galleys Sailing Behind an Armed Three-Master with Phaethon and Jupiter in the Sky», Питер Брейгель, 1565.
- «The Battle of Dorylaeum», Gustave Dore «Crusades».
- «Шут», Franz Isaac Brun, 1555-1610.
- **Замок на горе**
- **Путник**
- **Атака**
- «Mantichora», Edward Topsell «The History of Four-footed Beasts and Serpents», 1607.
- «Лада»¹, автор оригинального изображения не известен.
- «Gryphus Greiff», Johannes Ionstonus «Historiae Naturalis de Avibus», 1755.
- «Ara, o Mensa di Vacco», Francesco Piranesi, 1800.
- «La maja desnuda»¹, Francisco de Goya, 1797-1800.
- «River Landscape With Daedalus and Icarus», Petrus Breugel, 1553.
- «King John of England», From Cassell's History of England, 1902.
- Скала «Башня Дьявола» в США, фото¹
- **Сражение ...**
- «Capture and destruction of Godesburg in 1583», Frans Hogenberg.
- «Destruction at Damascus of the Army of Conrad III of Germany», Gustave Dore «Crusades».
- «The Taking of the St-Joseph, a Spanish caracca ship», Peter Monamy, 1739.
- «Dreadful was the din/Of hissing through the hall...», Gustave Dore «Milton's Paradise Lost».
- «Unicorn and reptiles», гравюра XVII в.
- «And God said / Let the waters generate/Reptile with spawn abundant...», Gustave Dore «Milton's Paradise Lost».
- «The Army of Priest Volkmar and Count Emicio Attack Merseburg», Gustave Dore «Crusades».
- «Demonwarrior»¹, автор оригинального изображения неизвестен.
- «Уроборос», автор гравюры неизвестен.

¹ Гравюры созданы в фоторедакторе

William Thompson. *Mistress of Mistresses*

Review

This book is the 21st reissue in Gollancz «Fantasy Masterworks» series. While one might question the precedence in acknowledging it only after 20 others, in certain respects this is not surprising, as the author and his influence upon the genre has remained well outside the mainstream, almost an anomaly. Originally published in 1935, more than 10 years after Eddison's more well-known and popular work, *The Worm Ouroboros*, *Mistress of Mistresses* is the first part of the larger *Zimiamvia* sequence, though, while published first, chronologically last in the events unfolding within the trilogy. However, it possesses a narrative unity that allows it to be read on its own, even though it is an extension of events established in *A Fish Dinner in Memison* and, at Eddison's death, the only partially completed *Menzientian Gate*, the other two novels completing the cycle. This is accomplished in part because time, locale and characters within Eddison's novels blur in identity, separated yet coexisting, almost, though in a very different fashion, as a pre-echo to Moorcock's multiverse.

Mistress of Mistresses opens with the strangely beautiful and evocative «Overture»: observations held at a wake that looking back upon the life of the deceased, are yet oddly free of time's constraints, reflecting the natural setting of the chapter, an Arctic summer where the landscape and light are suspended seasonally «betwixt sunset and sunrise». This foreshadows metaphors of setting and theme and atmosphere that are to run throughout the novel, acting and announcing a veil through which will be perceived shiftings that take place between the «real» world and alternate and coeval realities, much in the way that in earlier folklore a curtain of mist or shimmering twilight divides our world from that of the Other. Drawing upon the cinematographer's knowledge of the «magic hour», Eddison's worlds shift and almost imperceptibly alter within the evanescent transience of light, tricks of illumination that transform and remind both his characters and the reader that what is seen or read is but a matter or moment of perception and experience, changing and yet ineluctably changeless. The coexisting mutability of the author's worlds is announced immediately following the wake, where we rejoin the deceased, Lessingham, in a Renaissance-like world gripped in the throes and intrigue of a contested succession, where the death and life that preceded has not taken place, and yet odd glimmerings of its memory can be momentarily glimpsed; indeed, later within the novel existing simultaneously. Nor, if one is familiar with Eddison's work, is this the only time one encounters this character: as here, he can be found elsewhere introducing the secondary world in *Ouroboros*, and is himself an incarnation or double for both the earlier *Menzientianus* and his son, *Barganax*, all of whom exists as avatars of divine principles, both male and female, at once master and mistress.

If some of this smacks of mysticism, there is a certain mystical quality to Eddison's work, an embracing of deity within a sphinx-like riddling of themes, experienced as if in a waking dream, and disguised by a blurring of boundaries, both thematic and narrative, the divine remaining occult and ineffable, though notably lacking the religious overtones and morality of his contemporaries, Tolkien and Lewis, both of whom Eddison knew. Here there is no guiding principle of Good and Evil, but instead, as in *Ouroboros*, a feeding upon itself, an almost ritual re-

enactment in which the experience of existence in all its varied manifestations and guises supersedes any justification or informing philosophic or religious framework for the actions of its characters. There is a sense of the primary characters living their lives to the fullest, free of conditions, allowing themselves – no, insisting as by natural right – to fully participate in the world in which they find themselves, and a recognition that if some guiding principle exists, it is beyond mortal scope or comprehension, unable to be apprehended in mortal terms. Where deity exists, it draws from the classical, and remains just as seemingly capricious and inscrutable.

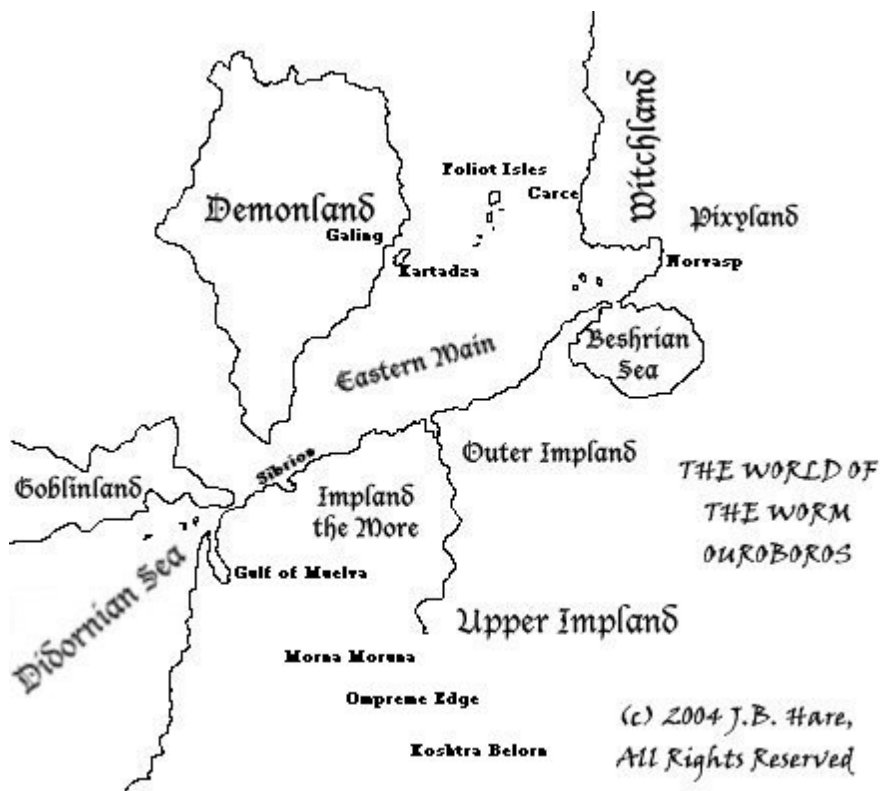
If there are any attributes exalted within Eddison's work, it is that of beauty and nobility, though the latter is defined by notions more analogous to having «stepped up to the plate» than chivalry or benevolence of purpose. Heroism here is characterized by a self-interested defiance yet acceptance of the possibility of fate, having a hand in one's destiny, so to speak, even while acknowledging the existence of forces and circumstances beyond one's control, a suspension of chessmen moved across the board. Even the main villain of the narrative, the Vicar Horius Parry, possesses a brutish dignity that Martin's Gregor Clegane would understand. This absence of traditional «virtues» led some of Eddison's contemporaries to criticize him for espousing an amoral hedonism. And there is little question that the author revels in the pageantry and pleasures of his characters, depicting fetes and palaces with a detailed splendour rarely, if ever, equaled. Further, his descriptions of feminine beauty border upon obsession, an almost fetishistic fascination when it comes to the line of a throat, the tilt of a chin. But the true richness of his writing is reserved for his imagery of the natural world, which he lavishes with a vivid detail and a keenness of observation that misses not a nuance of movement, form, colour or light. And he writes with an unfeigned romanticism that makes the efforts of some contemporary authors, such as Marillier or Haydon, appear crude and flaccid by comparison, spiced and garnished with a dash of eroticism.

Nonetheless, as in his own day, this novel will hardly whet the appetites of everyone. Eddison writes with a cadenced flow of language lost to the spare prose and business letter epigrams that have followed Hemingway: rare today the compound complex sentence, or layered constructions of thought or image. Scarcely is anything said simply, both speech and description labyrinthine, though one might argue this reflects the riddling nature of the whole. And his style of writing would have been considered dense and floral even by the standards of the late 19th century, at times evincing great beauty of imagery and expression, only to turn in rout into convolutions of language guaranteed to frustrate. Therefore, those who venture into this work will need to be prepared to read closely, at times going over the occasional passage, as well as willing to accept the abundant use of archaisms and erudite references and allusions with which the author delights. The rewards of this, for those who are willing, is a work that in many ways is idiosyncratic and singular compared to the mass of genre fantasy that's followed, and, in part due to the language, as well as the author's more obvious and complicated literary intentions, will offer up new discoveries each time one chooses to reread it.

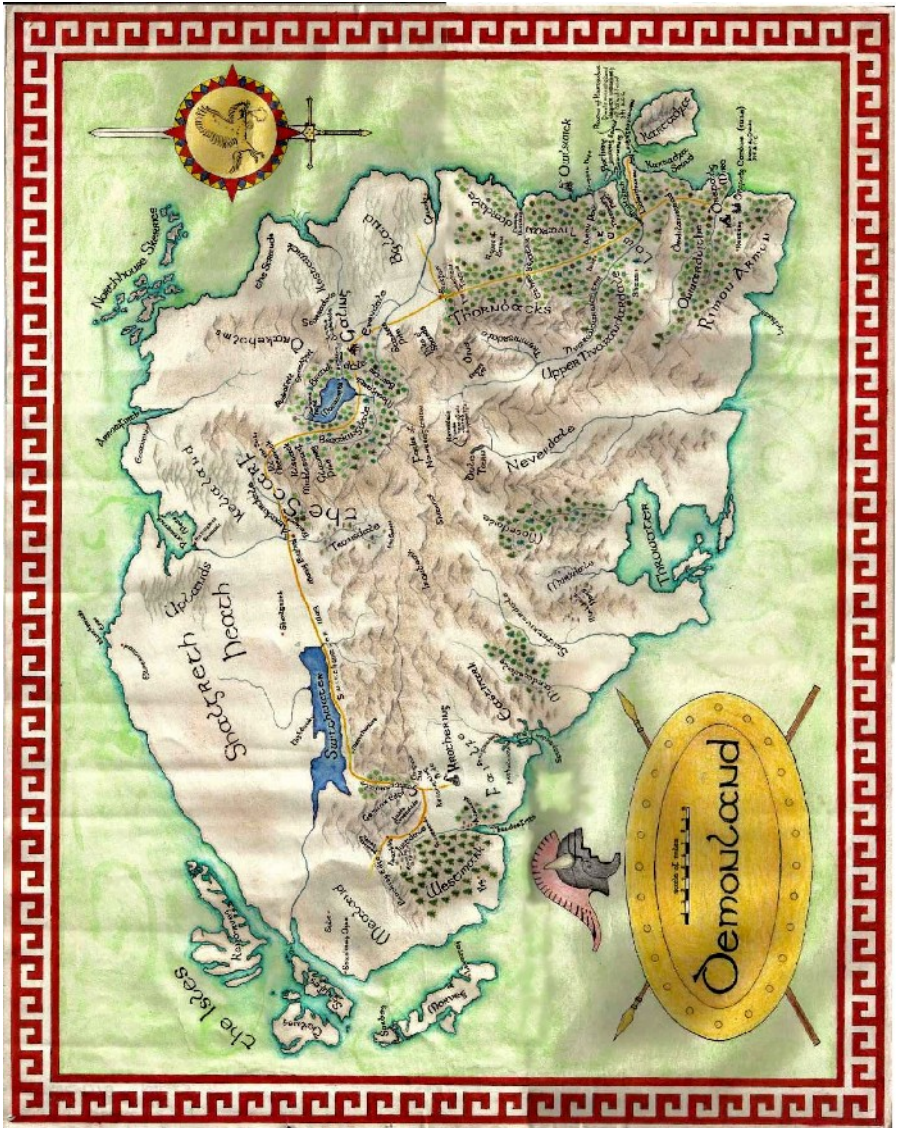
Иллюстрации

Карты

Карта Меркурия, Дж. Б. Хейр (J. B. Hare), 2004

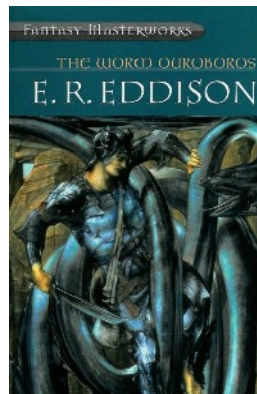
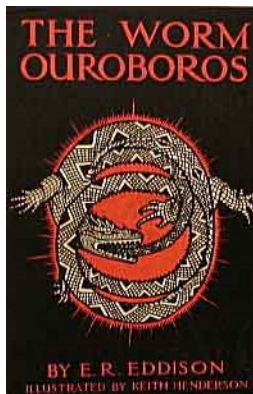
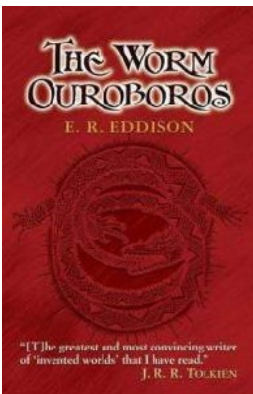
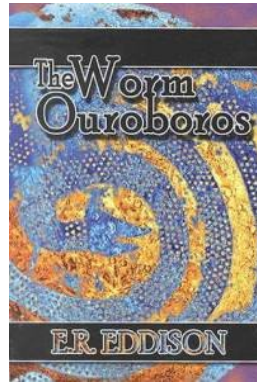
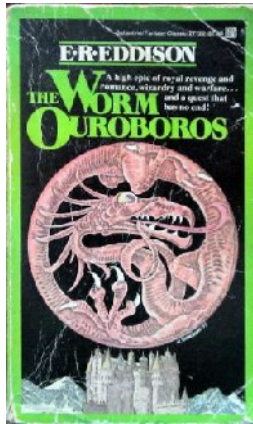
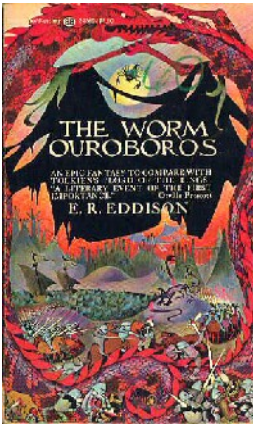
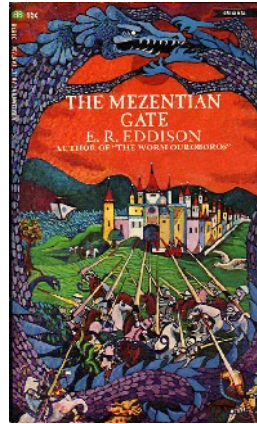
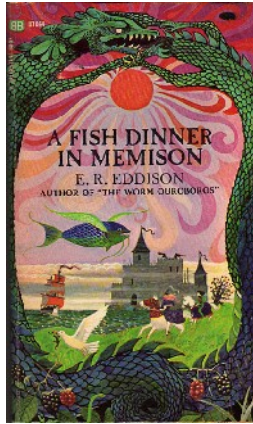
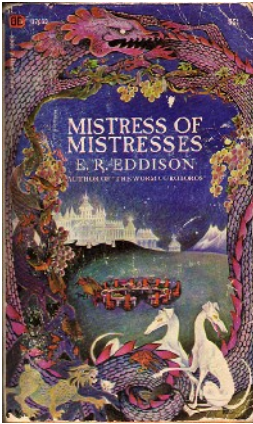

Карта Демонландии, Дэвид Беделл (David Bedell), 1978

Обложки оригинальных изданий

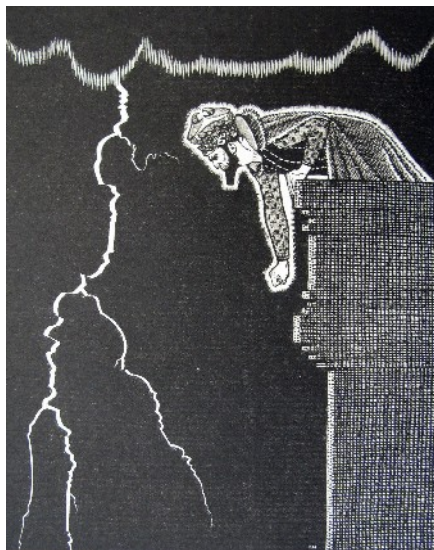

Оригинальные иллюстрации

© Keith Henderson, 1922

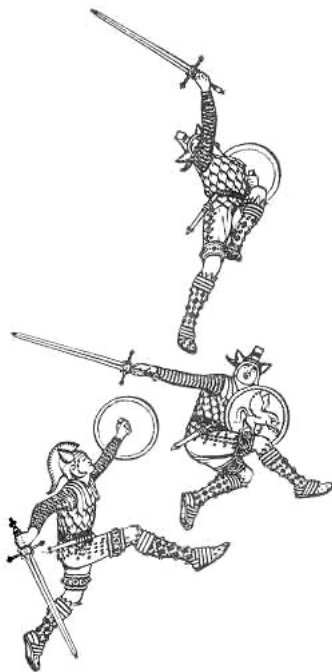
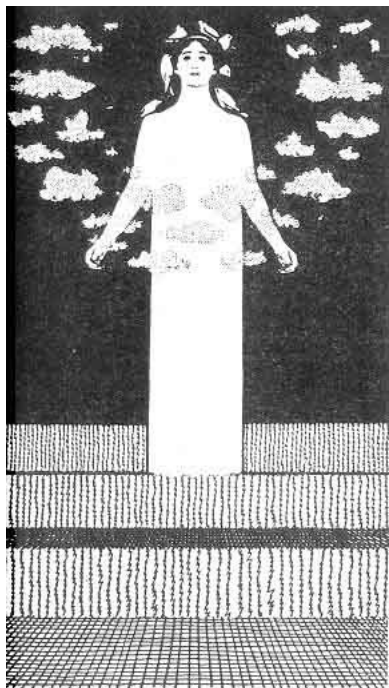

Уроборос

Лорды Демоны

Эрик Рюкер Эддисон
Змей Уроборос

Роман
Приложения

Пер. с английского и примечания
Александр Вироховский

Редактор
Алексей Бойков

Тираж: САМИЗДАТ

Иваново, 2011

Эрик Рюкер Эддисон

Змей Уроборос
Роман

Проект: САМИЗДАТ
Выпуск №1
Иваново, 2011

В следующем выпуске:

Барри Хьюарт

«История камня»

«Восемь умелых мужчин»

второй и третий романы
«Хроник Мастера Ли и Десятого Быка»

Иваново, 2011